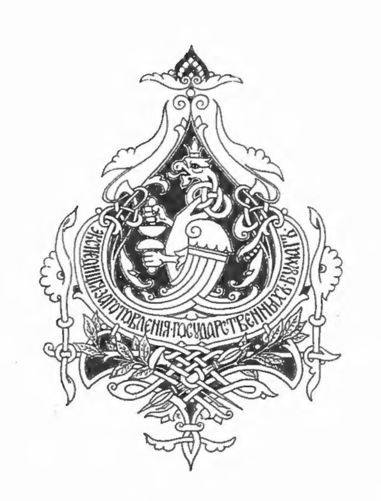
ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.


ЭКСПЕДИЦІЯ·ЗАГОТОВЛЕНІЯ·ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ·БУМАГЪ

А. М. Заіончковскій

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.

въ связи съ современной ей политической обстановкой

ТОМЪ II

Часть вторая

Изданъ на средства Военнаго Министерства

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1913

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава XII. Дѣйствія на Дунаѣ въ январѣ и въ февралѣ 1854 года до переправы черезъ Дунай 643
„ XIII. Переправа черезъ Дунай 695
„ XIV. Снабженіе войскъ съ 21 ноября 1853 года по 11 марта 1854 года 751
„ XV. Роль Австріи, Пруссіи и Германіи въ первой половинѣ 1854 года 799
„ XVI. Организація союзныхъ армій, ихъ планы и дѣйствія на Черномъ морѣ до августа 1854 года 841
„ XVII. Дѣйствія на Дунаѣ отъ пріѣзда князя Варшавскаго до начала осадныхъ работъ подъ Силистріей 897
„ XVIII. Осада Силистріи 947
„ XIX. Дѣйствія на Дунаѣ въ іюнѣ—августѣ 1854 года и административная часть по сентябрь 1854 года 1011
„ XX. Дѣйствія на Кавказѣ въ 1854 году 1119
„ XXI. Дѣйствія въ 1854 году въ Балтійскомъ и въ Бѣломъ моряхъ и въ Тихомъ океанѣ 1189

Глава XII.

I.

Въ то время, когда все вниманіе князя Горчакова было отвлечено неудачными дѣйствіями графа Анрепа въ Малой Валахіи и Четатинскимъ боемъ на его крайній правый флангъ, войска наши къ началу января 1854 года въ Большой Валахіи занимали слѣдующее расположеніе [1]).

Непосредственное наблюденіе Дуная на пространствѣ отъ устья рѣки Ольты до Браилова и первоначальное отраженіе попытокъ турокъ противъ нашего берега возлагались на отряды генераловъ Попова, Соймонова, Павлова и Богушевскаго.

Отрядъ ген.-м. Попова, силою въ 4 батал., 5 сот. и 4 ор. [2]), занималъ участокъ отъ р. Ольты до р. Веде, наблюдая Дунай казаками и имѣя пѣхоту и артиллерію въ видѣ резерва въ Руссо-де-Веде.

Правый авангардъ ген.-л. Соймонова, 8 батал., 8 эск., 6 сот. и 32 ор. [3]) былъ расположенъ въ Слободзеѣ, Журжѣ и Фратешти, наблюдая казаками Дунай отъ устья р. Веде до с. Кирнаджи на р. Аржисѣ.

Лѣвый авангардъ ген.-л. Павлова, 7 батал., 8 эск., 4 сот. и 28 ор. [4]), находился въ Ольтеницѣ и Будешти, наблюдая казаками теченіе Дуная отъ Кирнаджи до монастыря Корницели и, наконецъ,

---

[1]) См. схему № 27 (въ папкѣ).

[2]) Алексопольскій егер. п., донск. каз. № 37 п. и конно-легк. № 9 батарея.

[3]) 2-я бр. 10-й пѣх. див., гусарск. Наслѣдника Цесаревича и донск. каз. № 40 полки, батарейная № 2 и легкая № 2 батареи 10-й арт. бр. и конно-легк. № 8 батарея.

[4]) 2-й бр. 11-й пѣх. див., уланск. Герц. Нассауск. п., 3 сотни донск. каз. № 34 п. и сотня полк. Зарубина полка, батарейная № 3 и легкая № 4 батареи 11-й арт. бриг. и дивизіонъ конно-легк. № 9 батареи.

Отрядъ ген.-м. Богушевскаго, 3 батал., 2 эск., 6 сот. и 18 ор. [1]), стоялъ въ Каларашѣ и наблюдалъ Дунай отъ монастыря Корницели до с. Тиколешти, что нѣсколько выше Браилова.

Въ резервѣ за этими передовыми отрядами было сосредоточено 26 батал., 14 эск. и 74 ор. [2]), которые располагались въ Добрени, Херешти, Крецешти, Бухарестѣ, Буфти-де-Суссъ, Фундени-Вакарескулуй, Слободзеѣ, Чульницѣ, Цендереѣ, Обилешти-Ноу и Лехліи, группируясь главной своей массою къ югу отъ Бухареста [3]).

Всего, такимъ образомъ, въ Большой Валахіи было сосредоточено 48 батал., 32 эск., 22 сот. и 156 ор.

Наступательныя попытки турокъ со стороны Калафата и неудачныя распоряженія графа Анрепа заставили князя Горчакова 3 января выѣхать изъ Бухареста къ Мало-Валахскому отряду, вручивъ начальствованіе войсками, въ Большой Валахіи расположенными, генералу Данненбергу, командиру 4 пѣхотнаго корпуса.

На этотъ разъ инструкція, данная командующимъ войсками своему замѣстителю, была коротка. Въ случаѣ какого-либо предпріятія турокъ на лѣвый берегъ Дуная, онъ долженъ былъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и по обстоятельствамъ, сосредоточивая резервъ въ тѣ пункты, изъ которыхъ будетъ удобнѣе противодѣйствовать намѣреніямъ непріятеля и остановить его наступленіе.

Одновременно княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ были объявлены по войскамъ дополнительныя правила для боя съ турками, принадлежащія его перу. Многія погрѣшности, допущенныя частными начальниками въ бывшихъ бояхъ, дѣйствительно, дѣлали необходимымъ преподать имъ нѣсколько полезныхъ тактическихъ указаній. Въ своей запискѣ [4]) командующій войсками напоминалъ,

---

[1]) Люблинск. егер. п., Возн. уланск. п., по три сотни донск. каз. № 9 и № 34 пп., легк. № 7 батарея 15 арт. бриг. и 6 ор. конно-легк. № 7 батареи.

[2]) Въ Добрени и Херешти — 1-я бр. 11 п. див. и легк. № 5 бат. 11 арт. бр. Между Брагадиромъ и Крецешти — 1-я бр. 8 пѣх. див., батар. № 3 и легк. № 3 батареи 8 арт. бр. Въ Бухарестѣ — Кременч. егер. п., батал. Охотск. п. и 5 легк. бат. 8 арт. бр. Въ Буфти-де-Суссъ — легк. № 4 батар. 8 арт. бр. Въ Фундени-Вакарескулуй — 6 эск. Ольвіопольск. уланск. п. Въ Слободзеѣ и Чульницѣ — 6 эск. Вознесенск. ул. п. Въ Цендереѣ — батал. Люблинск. егер. п., дивизіонъ Ольвіопольск. ул. полка и 2 ор. конно-легк. № 7 батар. Въ Обилешти-Ноу, Лехліи и Каларашѣ — 2-я бр. 9 пѣх. див. съ легк. №№ 7 и 8 батар. 9 арт. бр. Въ Каларашѣ одинъ изъ полковъ этой бригады долженъ былъ смѣнить Люблинск. полкъ и легк. № 7 батар. 15 арт. бр.

[3]) Кн. Горчаковъ — командиру 4 корп. 3 января 1854 г., № 39. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3413.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3416.

что турки преимущественно дерутся за укрѣпленіями или за мѣстными закрытіями, стараясь болѣе всего намъ вредить сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Этому мы должны противодѣйствовать могущественнымъ и преимущественно продольнымъ артиллерійскимъ огнемъ; атаку же вести лишь на открытой мѣстности, стараясь всѣми силами обходить укрѣпленные пункты. Въ случаѣ необходимости штурмовать какую-либо часть занятыхъ непріятелемъ насыпей [1]) рекомендовалось предварительно обстрѣлять ихъ сосредоточеннымъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ и огнемъ штуцерныхъ, которые должны были преимущественно дѣйствовать по

Генералъ-лейтенантъ Липранди.

начальникамъ и по артиллерійской прислугѣ. Огонь долженъ продолжаться не менѣе часа, пока не поколеблетъ обороняющагося, послѣ чего лишь можетъ начаться атака пѣхотою. Предварительно впередъ на картечный выстрѣлъ выдвигается артиллерія, а пѣхота слѣдуетъ въ ротныхъ колоннахъ, прикрытыхъ цѣпью застрѣльщиковъ; шагахъ въ 200 позади первой линіи идутъ баталіоны въ колоннахъ къ атакѣ. Ротныя колонны отнюдь не стрѣляютъ, но, приблизясь на 200 шаговъ къ пункту атаки, бросаются въ штыки; сзади идущіе баталіоны ихъ поддерживаютъ или повторяютъ атаку. Вообще при штурмѣ предлагалось баталіоны вести колоннами, построенными въ двѣ линіи на дистанціи не ближе 200 шаговъ, чтобы обѣ линіи не попадали одновременно въ черту непріятельскаго ружейнаго или картечнаго огня. Взаимное расположеніе баталіоновъ обѣихъ линій предпочиталось въ шахматномъ порядкѣ.

Командующему войсками не удалось, однако, отбыть въ Краіово со спокойнымъ сердцемъ. Съ новаго года турки проявили

---

[1]) Объ атакѣ укрѣпленій кн. Горчаковъ въ своемъ наставленіи не говоритъ, а говоритъ лишь объ атакѣ тѣхъ насыпей, которыми окружены валахскія деревни.

на низовьяхъ Дуная и на среднемъ его теченіи признаки жизни, дѣлая въ разныхъ пунктахъ попытки переправы незначительными частями на нашъ берегъ. Хотя къ этой постоянной тактикѣ Омера-паши и можно было привыкнуть, но „князь Гор„чаковъ сильно волновался“ [1]). И, дѣйствительно, нервы престарѣлаго военно-начальника, если судить по отзыву его ближайшаго сотрудника, къ этому времени очень пошатнулись. „Мнѣ дышится „такъ тяжело, какъ будто бы на меня напалъ кошмаръ“, занесъ генералъ Коцебу въ свой дневникъ отъ 2 января [2]). „Такому „настроенію много содѣйствуетъ отсутствіе мужества у Горчакова, „такъ какъ онъ убиваетъ всякое довѣріе, всякую энергію своимъ „малодушіемъ, съ которымъ все время мнѣ приходится бороться“.

1 января произошли частныя наступленія турокъ противъ Браиловскаго отряда и у Калараша.

Наша экспедиція на правый берегъ Дуная, произведенная 31 декабря, по приказанію генерала Лидерса, изъ Браилова для уничтоженія камышей, подъ прикрытіемъ которыхъ турки предполагали строить батареи, и высадка на островъ Бындой, что противъ Мачина [3]), двухъ ротъ Замосцскаго полка для занятія сооруженнаго тамъ редута, вызвали со стороны непріятеля желаніе помѣшать этому. 1 января турки переправили изъ Мачина на островъ Бындой около 1000 человѣкъ пѣхоты и атаковали замосцевъ, на помощь которымъ изъ Браилова было выслано еще семь ротъ того же полка. Неудавшаяся атака и подходъ подкрѣпленій заставили противника поторопиться обратной переправой въ Мачинъ [4]).

Въ тотъ же день, около 5 часовъ утра, партія турокъ, силою въ 2000 человѣкъ, переправилась изъ Силистріи на лѣвый берегъ Дуная и, оттѣснивъ казачью цѣпь, начала тремя колоннами наступать къ Каларашу. На помощь казакамъ былъ высланъ баталіонъ Люблинскаго полка, замѣтивъ который, турки поторопились переправиться обратно, не доведя дѣла до столкновенія [5]).

Одинаково безуспѣшны были попытки непріятеля и со стороны Рущука [6]). 3 января онъ два раза пробовалъ переправить

---

[1]) Дневникъ ген.-ад. Коцебу 1 января 1854 г. Музей Севастопольской обороны.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. схему № 28 (папка).

[4]) Воен.-ист. журн. 3, 4 и 5 корп. за 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3588. Исторія Замосцск. пѣх. полка.

[5]) Воен.-истор. журн. и прик. кн. Горчакова отъ 3 января 1854 г., № 7.

[6]) См. схему № 27 (папка).

черезъ Дунай около баталіона пѣхоты, подъ прикрытіемъ огня канонерскихъ лодокъ, и наступать на Слободзею, но оба раза турки спѣшно отступали и переправлялись обратно черезъ рѣку при видѣ вышедшаго имъ навстрѣчу высланнаго изъ Слободзеи баталіона Колыванскаго полка. 7-го числа они сдѣлали такую же слабую попытку выше Рущука, у с. Малу-де-Жосъ, а 14-го ниже этой крѣпости, у с. Фламунды, и оба раза были отбиты ближайшими поддержками казачьихъ постовъ съ ничтожными потерями съ нашей стороны.

Тотъ же характеръ носили дѣйствія турокъ и со стороны Туртукая. 12 января они переправились на островъ, лежащій противъ этого пункта, и, оттѣснивъ нашу цѣпь, начали рубить лѣсъ. 13-го числа огонь нашихъ двухъ орудій, поставленныхъ на правомъ берегу р. Аржиса, заставилъ ихъ уйти назадъ.

На среднемъ Дунаѣ турки продолжали безпокоить насъ со стороны Никополя. 6 января они переправили изъ этой крѣпости 2000 человѣкъ, оттѣснили казачью цѣпь, заняли и ограбили городъ Турно и ушли назадъ. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ нападеній генералъ Данненбергъ направилъ въ Турно Алексопольскій егерскій полкъ, слѣдовавшій въ Руссо-де-Веде.

10, 14, 17 и 25 января турки повторяли свои попытки противъ Турно, переправляясь у с. Излазлы, но всегда были легко отбиваемы передовыми частями и быстро переправлялись на правый берегъ рѣки, подъ прикрытіемъ огня своихъ канонерскихъ лодокъ.

Въ первыхъ числахъ января турки со стороны Видина оставались спокойными, ограничиваясь лишь принятіемъ мѣръ къ оборонѣ. Относительно укрѣпленія Калафата къ этому времени были получены слѣдующія свѣдѣнія [1]):

Между крутымъ берегомъ Дуная и дорогой на Kраіово находилась одна батарея, далѣе до дороги на с. Пояны—три батареи и, наконецъ, между этой послѣдней и дорогой на с. Чепурчени—двѣнадцать батарей, хотя это послѣднее число слѣдуетъ считать сильно преувеличеннымъ. Каждая батарея была разсчитана на четыре орудія, при чемъ всѣ батареи соединялись между собою линіей укрѣпленій для стрѣлковъ. Между Чепурченской дорогой и Дунаемъ на курганѣ было устроено предмостное укрѣпленіе. Вообще Калафатскій укрѣпленный лагерь имѣлъ характеръ временныхъ

---

[1]) Журн. воен. дѣйств. и отн. гр. Анрепа ген. Коцебу 2 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

укрѣпленій съ деревянными капонирами и блокгаузами [1]). Общее протяженіе линіи Калафатской позиціи между берегами Дуная простиралось до трехъ верстъ, а удаленіе ея отъ городскихъ строеній — около версты.

Къ 5 января въ Калафатѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, насчитывалось до 20 тысячъ человѣкъ при 50—60 орудіяхъ; 5-го же числа въ Видинъ прибыло 4 тысячи арабовъ, которыми немедленно былъ усиленъ калафатскій гарнизонъ. Значительные отряды турокъ изъ трехъ родовъ оружія стояли также въ Мадловитѣ и въ Голенцахъ-Команы, а отрядъ кавалеріи и въ с. Пояны [2]).

Войска калафатскаго лагеря были расположены частью въ палаткахъ на покатости, обращенной къ Калафату, частью же въ землянкахъ и въ предмѣстьѣ города. Они получили строгое приказаніе Омера-паши держаться въ Калафатѣ до послѣдней крайности, ни въ какомъ случаѣ не сдаваться и не помышлять о возвращеніи въ Видинъ.

Между тѣмъ 3 января князь Горчаковъ, какъ сказано выше, рѣшилъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ у Калафата. „Я отправляюсь сегодня въ Малую Валахію“, доносилъ онъ Государю [3]); „но полагаю пробыть тамъ недолго, ибо предвижу, „что въ настоящее время предпринять что-либо рѣшительное не„возможно. У насъ настала совершенная оттепель, и поля такъ „распустились, что почти вовсе нѣтъ прохода. Противъ самаго „Калафата держать теперь войскъ нельзя—голая, безлѣсная, гряз„ная степь; будетъ даже трудно доставлять продовольствіе вой„скамъ въ Быйлештѣ. Главная моя забота будетъ въ томъ, чтобы „расположить ихъ тамъ съ нѣкоторыми удобствами, держа турокъ „взаперти, и ближе сообразить, что предпринять, когда наста„нетъ хорошая погода“.

Но наврядъ ли, дѣйствительно, таково было опредѣленно сложившееся рѣшеніе командовавшаго войсками на Дунаѣ. Присущая ему нерѣшительность не оставляла его и здѣсь. По крайней мѣрѣ въ главной квартирѣ усиленно говорили, что цѣль поѣздки Горчакова въ Мало-Валахскій отрядъ заключалась въ изгнаніи турокъ

---

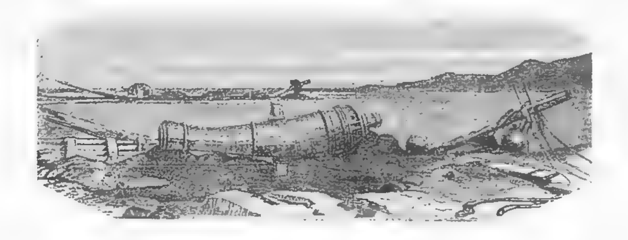
[1]) Арх. П. К. Менькова. Музей Севастопольской обороны.—Мы помѣщаемъ планъ Калафатскаго укрѣпленнаго лагеря, сохранившійся у Менькова, ведшаго журналъ военныхъ дѣйствій. См. схему № 19, стр. 397.

[2]) См. схему № 18, стр. 395.

[3]) Всеподданнѣйшее письмо 3 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

съ нашего берега Дуная [1]), а генералъ Коцебу, совершавшій эту поѣздку въ одномъ экипажѣ съ княземъ Михаилъ Дмитріевичемъ, жалуется въ своемъ дневникѣ, что Горчаковъ довелъ его „до отчаянія постоянными разговорами о Калафатѣ и мало-„душіемъ“ [2]).

9 января главная квартира прибыла въ Быйлешти, а 10-го числа князь Горчаковъ писалъ военному министру [3]), что онъ окончательно рѣшилъ не штурмовать Калафата, а вызвать, можетъ быть, непріятеля на бой въ окрестностяхъ Мадловиты, которую, такъ же какъ и Пояны, онъ предполагалъ занять нашими войсками и укрѣпить. Впрочемъ, прибавлялъ онъ тотчасъ же, „я ни на „чемъ еще не остановился опредѣленно.... и предпочиталъ бы „остаться въ Быйлештѣ, чтобы избѣжать боя, который не дастъ



Синопскій рейдъ послѣ боя
(съ англійск. иллюстраціи).

„серьезныхъ результатовъ, если турки не будутъ разбиты на́-го-„лову, но это нужно для того, чтобы стѣснить расположеніе „противника“.

И, дѣйствительно, чтобы рѣшиться на что-нибудь, князь Горчаковъ собралъ 11 января въ Быйлештѣ военный совѣтъ изъ наличныхъ генераловъ, но и эта мѣра не успокоила престарѣлаго князя. „Горчаковъ былъ совершенно поглощенъ“, занесъ генералъ Коцебу въ свой дневникъ [4]), „и вечеромъ послѣ военнаго совѣта „онъ былъ такъ взволнованъ, что по крайней мѣрѣ десять разъ „приходилъ ко мнѣ, и даже тогда, когда я уже легъ въ постель, „онъ не давалъ мнѣ спать“. Атаковать Калафатъ рѣшимости всетаки не хватило, и свою поѣздку въ Мало-Валахскій отрядъ командующій войсками положилъ ознаменовать хотя бы только

---

[1]) Алабинъ: „Восточная война“, ч. II, стр. 172—174.
[2]) Дневникъ за 3 и 4 января 1854 г. Музей Севастопольской обороны.
[3]) Арх. Канц. Воен. Мин. по снар. в., 1853 г., д. № 57.
[4]) Подъ 11 января.

наступленіемъ къ Мадловитѣ и Поянамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, оставаться въ Быйлештѣ было невыгодно въ отношеніи недостатка селеній для размѣщенія по квартирамъ вновь прибывшихъ войскъ [1]).

Такимъ образомъ ясно было, что изъ задуманнаго наступленія ничего не выйдетъ, и надѣлавшая такъ много шуму поѣздка командующаго войсками подъ Калафатъ, куда одновременно съ этимъ сосредоточивалась и вся 12-я дивизія, должна была обратиться въ безцѣльную прогулку, результаты которой не могли произвести благопріятнаго впечатлѣнія ни на Петербургъ, ни на армію, ни на нашихъ враговъ.

Съ 12 по 15 января командующій арміей со своимъ штабомъ продолжалъ бездѣйствовать въ Быйлештѣ, ожидая подхода бугскихъ уланъ и резервной артиллеріи. Онъ „пребывалъ въ ожиданіи“ [2]) этихъ подкрѣпленій, хотя по всѣмъ даннымъ нельзя было предполагать сопротивленія турокъ ни въ Мадловитѣ, ни въ Поянахъ [3]).

16-го числа, съ разсвѣтомъ, всѣ собранныя подъ Калафатомъ войска, силою въ $24\frac{1}{2}$ батал., 31 эск. и с., 84 пѣш. и 16 к. ор. [4]), подъ начальствомъ самого князя Горчакова, двинулись впередъ изъ пунктовъ ихъ сосредоточенія, селеній Моцацей, Галича-Маре и Быйлешти [5]), имѣя конечной цѣлью сдѣлать десяти-верстный маршъ, подойти къ сел. Скрипетулъ и Гуніи и построить тамъ боевой порядокъ безъ объясненія цѣли — противъ кого и для чего. Впрочемъ, никакой боевой цѣли въ этомъ движеніи и быть не могло, такъ какъ, если вѣрить позднѣйшему донесенію князя Горчакова, оно предназначалось для того, чтобы, оставаясь на мѣстѣ, не придать этимъ смѣлости туркамъ и не оживить надеждъ злонамѣренныхъ жителей края [6]). Короче, такой оригинальной формой маневреннаго воздѣйствія предполагалось отплатить за Четатинскій набѣгъ турокъ и поддержать наше вліяніе среди окрестныхъ жителей.

---

[1]) Записка кн. Горчакова отъ 21 января 1854 г. о дѣйствіяхъ въ Малой Валахіи. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Дневникъ П. Е. Коцебу за 13 января.

[3]) Тамъ же.

[4]) Пѣхотные полки: Азовскій, Днѣпровскій, Украинскій, Одесскій, Екатеринбургскій, Тобольскій, 4 сап. бат. (2 р.) съ соотв. артилл., Бугск. ул., гусарск. кн. Варшавск. и Принца Фридриха Карла Прусск. п., донск. каз. № 32 п., легк. № 10 кон. батар. и донск. № 9 батар.

[5]) См. схему № 20, стр. 402.

[6]) Записка кн. Горчакова о дѣйствіи въ Малой Валахіи отъ 21 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Войска слѣдовали въ четырехъ колоннахъ [1]) съ боковымъ авангардомъ къ сторонѣ Рахова, откуда князь Горчаковъ попрежнему опасался нападенія ему въ тылъ и во флангъ, и къ девяти

Схема № 30.

часамъ благополучно достигли Гуніи и Скрипетула, гдѣ стали строить боевой порядокъ [2]).

Непріятельскія партіи, численностью въ 1000 человѣкъ конницы, безъ боя отступили къ Калафату. При преслѣдованіи ихъ

---

[1]) Диспозиціи для движенія каждой колонны были составлены въ штабѣ арміи и заключали въ себѣ лишь указанія порядка слѣдованія въ походной колоннѣ частей войскъ. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Схемы №№ 20 и 30, стр. 402 и 651.

казаками, поддержанными гусарскимъ князя Варшавскаго полкомъ съ 4 конными орудіями, непріятель потерялъ 10 человѣкъ убитыми и 8 плѣнными. Войска наши въ тотъ же день заняли Мадловиту и Гунію, имѣя сильный авангардъ въ Голенцы-Команы [1]).

На слѣдующій день, 17-го числа, князь Горчаковъ, во главѣ 6-ти батал. и 8 эск., съ соотвѣтствующимъ числомъ орудій, произвелъ рекогносцировку Калафатскихъ укрѣпленій, вызвавъ безвредный для насъ артиллерійскій огонь турокъ [2]). Одновременно съ этимъ, для большаго стѣсненія противника и отчасти для обезпеченія своего лѣваго фланга, онъ выслалъ въ с. Пояны отрядъ генерала Бельгарда, силою въ $8^{1}/_{4}$ батал., 8 эск., 2 сот., 24 пѣш. и 4 кон. ор. [3]), которому приказалъ укрѣпиться, дѣйствовать въ связи съ войсками, расположенными у с. Голенцы-Команы, и не допускать непріятельскихъ партій распространяться въ краѣ [4]).

Движеніемъ Мало-Валахскаго отряда къ сс. Пояны и Мадловита, кромѣ той цѣли, которой оправдывалъ это движеніе командующій арміей, была достигнута и другая, болѣе серьезная, задача. Турецкія войска, собранныя въ Калафатѣ, безъ боя лишились всѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ они пользовались продовольствіемъ, одновременно поддерживая среди населенія Малой Валахіи вредную для насъ агитацію разнаго рода выходцевъ.

Въ этотъ же день, 17-го числа, графъ Анрепъ былъ замѣненъ въ начальствованіи Мало-Валахскимъ отрядомъ начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи генераломъ Липранди. Перемѣна эта, вызванная непредпріимчивостью графа Анрепа въ дѣлѣ подъ Четати, произошла такъ поздно по слѣдующимъ соображеніямъ князя Горчакова: „Я счелъ за лучшее“, доносилъ онъ въ Петербургъ [5]), „не отрѣшать графа Анрепа; это произвело бы дурное впечат-„лѣніе какъ на войска, такъ и на край. Подобное отрѣшеніе „дало бы видъ неудачи бою, который, хотя и не имѣлъ долж-„ныхъ послѣдствій, но все-таки увѣнчанъ успѣхомъ, потому „что непріятель былъ отбитъ съ большимъ урономъ и потерялъ „орудія“.

---

[1]) Дневникъ П. Е. Коцебу.

[2]) Тамъ же и записки П. К. Менькова.

[3]) 1-я бр. 10 п. див., рота 4 сап. бат., 10-й арт. бр. батарейн. и легк. № 1 батареи, гус. кн. Варшавск. полкъ, 4 ор. кон. легк. № 4 батареи и 2 сот. донск. каз. № 38 полка.

[4]) Командующій войсками—г-ну Бельгарду 17 января 1854 г., № 143. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[5]) Записка кн. Горчакова о дѣйствіи въ Малой Валахіи 21 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Оставляя въ Малой Валахіи новаго самостоятельнаго начальника, командующій арміей подробнымъ приказаніемъ лично указалъ мѣсто расположенія каждой части войскъ, предоставивъ, впрочемъ, въ будущемъ генералу Липранди дѣлать тѣ измѣненія, которыя онъ признаетъ нужнымъ [1]).

Всѣ войска этого отряда были раздѣлены на двѣ отдѣльныя группы: главная, при которой находился и генералъ Липранди, силою въ $16^1/_4$ батал., 21 эск. и с. и 70 ор., была сосредоточена на пути изъ Калафата на Быйлешти и далѣе къ Краіову, имѣя на своемъ правомъ флангѣ у сс. Добридора и Моцацей конный отрядъ ген. Фишбаха [2]), и южная, ген. Бельгарда, силою въ $8^1/_4$ батал., 10 эск. и сот. и 28 ор., которая сосредоточилась у с. Пояны, въ 12-ти верстахъ отъ первой. Такое раздѣленіе вызывалось необходимостью размѣстить войска въ зимнее время по квартирамъ, но къ тому же князь Горчаковъ и не находилъ его неудобнымъ, такъ какъ каждая изъ группъ была настолько сильна, что могла отразить непріятеля, вышедшаго на нее хотя бы со всѣми силами. Кромѣ того, 12-ти верстное разстояніе давало возможность обоюдной помощи обѣихъ группъ [3]).

Обрекогносцировавъ лично позиціи на случай боя и указавъ, какъ укрѣпить передовыя селенія—Пояны, Модловиту и Голенцы-Команы, командующій арміей собрался уѣзжать обратно въ Бухарестъ, снабдивъ генерала Липранди необходимой инструкціей [4]). Въ ней цѣлью для отряда было поставлено прикрытіе праваго фланга арміи и, по возможности, охраненіе Малой Валахіи отъ вторженія турокъ. Въ случаѣ же, если непріятель очень усилится въ Калафатѣ, или будетъ серьезно угрожать нашему тылу или флангу со стороны Рахова, то отряду предписывалось, не теряя времени, отойти къ Быйлешти или къ другому центральному пункту [5]).

Надѣлавшая въ арміи такъ много шуму поѣздка князя Горчакова въ Мало-Валахскій отрядъ съ цѣлью, какъ предполагали всѣ, стать во главѣ этого отряда и прогнать турокъ съ праваго

---

[1]) Пр-ніе по в. Мал. Вал. отряда 17 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, № 3416.

[2]) См. схему № 17, стр. 379.

[3]) Записка кн. Горчакова о дѣйствіи въ Малой Валахіи, 21 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[4]) Дневникъ П. Е. Коцебу. Музей Севастопольской обороны.

[5]) Командующій войсками — ген. Липранди 17 января 1854 г., № 122. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

берега Дуная кончилась, такимъ образомъ, лишь болѣе тѣснымъ обложеніемъ противника и смѣною главнаго начальника.

Если прослѣдить работу мысли и характера командующаго арміей за нѣсколько послѣднихъ недѣль передъ поѣздкой его въ отрядъ графа Анрепа, то смѣло можно было предвидѣть, что дѣло до атаки Калафата не дойдетъ. У князя Горчакова не сложилось опредѣленнаго взгляда на то, слѣдуетъ ли по существовавшей обстановкѣ брать Калафатъ, или же необходимо ограничиться лишь наблюденіемъ за этимъ, надоѣвшимъ намъ, пунктомъ, съ цѣлью обезпечить свой правый флангъ отъ противника, а, въ зависимости отъ этого, и не было рѣшимости довести дѣло до конца. Такое сомнѣніе командующаго арміей было вѣрнымъ ручательствомъ, что его поѣздка ограничится принятіемъ полумѣръ, какъ это въ дѣйствительности и случилось.

Самъ престарѣлый князь, по возвращеніи въ Бухарестъ, доносилъ, что Калафатская позиція турокъ, хотя и растянутая, такъ укрѣплена, что не можетъ быть взята безъ огромной потери съ нашей стороны [1]). Своему пріятелю, князю Меншикову, онъ писалъ по этому поводу еще болѣе рѣшительно: „J'ai vu Kalafat; „tenter de forcer ce camp retranché, qui a plus de 100 canons, des „ouvrages solidement construits et une garnison de 25.000 hommes, „eût été un acte de démence“ [2]).

Но дѣйствительно ли Калафатъ представлялъ изъ себя такой трудно одолимый предметъ, судить въ настоящее время невозможно. Можемъ отмѣтить лишь, что въ запискахъ очевидцевъ далеко не проглядываетъ той безнадежности относительно возможности атаковать турокъ, какъ ее рисуетъ князь Горчаковъ [3]). Самъ его осторожный начальникъ штаба П. Е. Коцебу и тотъ въ своемъ дневникѣ иногда относится какъ бы иронически къ нашей нерѣшимости смѣло покончить съ турками на нашемъ правомъ флангѣ. „Произвести атаку на Калафатъ князь Горчаковъ не „хотѣлъ“, записалъ онъ въ дневникъ въ день отъѣзда командующаго арміей въ Бухарестъ [4]). „Онъ такъ палъ духомъ послѣ „письма отъ Государя и вообще отъ положенія дѣлъ, которыя

---

[1]) Записка кн. Горчакова 21 января 1854 г. о дѣйствіи въ Малой Валахіи. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 24 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

[3]) Записки Алабина и П. К. Менькова.

[4]) Дневникъ за 19 января. Музей Севастопольской обороны.

„ему кажутся столь безнадежными, что вовсе не разсчитываетъ „на лучшій оборотъ. Это очень печально и, естественно, „должно повлiять на наши предстоящія операціи. Между прочимъ „онъ сказалъ:—sans doute je suis un homme de beaucoup d'esprit; „j'ai beaucoup étudié les arts militaires, mais je n'ai jamais commandé „et c'est un grand défaut".

Эти слова честнаго князя, не являются ли они признакомъ того, что онъ уѣхалъ изъ-подъ Калафата безъ увѣренности въ правильности своего осторожнаго рѣшенія?

Но если мы не отваживались атаковать Калафатъ открытой силой и выжидали выхода турокъ въ поле, чтобы тамъ разбить ихъ, то, и наоборотъ, нашъ противникъ придерживался той же тактики, ожидая нашей атаки укрѣпленнаго лагеря. По словамъ французскаго посла въ Константинополѣ [1]), Омеръ-паша въ это время считалъ наиболѣе важнымъ пунктомъ театра войны Видинъ, ежедневно ожидая, что у Калафата загорится большое дѣло. Онъ предполагалъ въ такомъ случаѣ выставить на полѣ сраженія огромную артиллерію, встрѣтить наши войска страшнымъ огнемъ и, какъ только замѣтитъ первое колебаніе въ нашихъ рядахъ, атаковать въ штыки. Турецкій главнокомандующій былъ увѣренъ, что, въ случаѣ своего неуспѣха, онъ, отступивши за укрѣпленія, легко противостоитъ всѣмъ усиліямъ 40 тысячъ русскихъ.

Такими рѣшеніями обѣихъ сторонъ опредѣлялся характеръ дальнѣйшихъ дѣйствій подъ Калафатомъ въ январѣ и февралѣ. Турки дѣлали попытки выхода изъ своего укрѣпленнаго лагеря незначительными частями, съ цѣлью завладѣть ближайшими деревнями и расширить свой раіонъ; мы же удачно противодѣйствовали этому, поддерживая тѣсное обложеніе Калафата, и произвели рядъ рекогносцировокъ турецкихъ позицій, вызывая непріятельскій огонь, но не входя въ сферу его дѣйствительнаго пораженія [2]).

Въ концѣ января генералъ Липранди сдѣлалъ нѣкоторое измѣненіе въ расположеніи своего отряда. Свѣдѣнія объ усиленіи турокъ въ Раховѣ и сборъ тамъ многочисленныхъ судовъ заставили его выдѣлить на нижній Жіо, въ окрестности Битекула, особый отрядъ [3]), подъ начальствомъ ген. Баумгартена, силою въ

---

[1]) L'ambassadeur à Constantinople au ministre de la guerre le 5 février 1854. Парижск. Воен. Арх.

[2]) Рапорты ген. Липранди кн. Горчакову 22, 24, 29 января, 8 и 15 февраля 1854 г., №№ 64, 86, 96, 115 и 122. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416 и записки Генрици. Русск. Стар. Октябрь, 1877 г.

[3]) Тамъ же.

5 батал., 12 ор. и 2½ эск. и сот. [1]), имѣющій цѣлью препятствовать переправѣ непріятеля какъ въ этомъ пунктѣ, такъ и въ его окрестностяхъ.

II.

На остальномъ протяженіи Дуная тѣмъ временемъ продолжали происходить стычки съ турками, вызываемыя или мѣрами, принимаемыми нами на низовьяхъ рѣки съ цѣлью подготовить себѣ и обезпечить переправу на правый берегъ, или турками, на среднемъ его теченіи, для развлеченія нашего вниманія, а отчасти и для того, чтобы помѣшать энергичнымъ дѣйствіямъ Горчакова противъ Калафата.

Въ началѣ января низовья Дуная затянуло льдомъ, и наши 4 канонерскія лодки, стоявшія у острова Чатала, принуждены были укрыться въ Измаилъ [2]). Турки воспользовались этимъ и начали устраивать батарею на правомъ берегу Дуная противъ отдѣленія Килійскаго рукава, имѣя цѣлью запереть нашимъ судамъ выходъ изъ этого рукава къ Тульчѣ и Исакчѣ.

Ледъ мѣшалъ намъ принять немедленныя мѣры для противодѣйствія работамъ турокъ, и потому мы ограничились устройствомъ по обоимъ берегамъ Килійскаго рукава двухъ батарей, на два полевыхъ орудія каждая.

Но какъ только рѣка нѣсколько очистилась отъ льда, контръ-адмиралъ Мессеръ въ ночь съ 10 на 11 января вышелъ изъ Измаила на пароходѣ „Метеоръ“ съ 10-ю канонерскими лодками для дѣйствія противъ этой новой турецкой батареи.

Произведя ночью развѣдку 6-ю лодками, адмиралъ утромъ 11-го числа выстроилъ свою флотилію поперекъ Килійскаго рукава, примыкая фланги къ нашимъ батареямъ на островѣ Чаталъ и у кордона 130 [3]), и открылъ огонь по турецкому укрѣпленію. Турки отвѣчали огнемъ четырехъ орудій, но черезъ полтора часа замолчали, а произведенный въ сумерки нашимъ огнемъ пожаръ заставилъ ихъ свести орудія и очистить укрѣпленіе. Отсутствіе десантныхъ войскъ не дало возможности Мессеру сдѣлать высадку на правый берегъ рѣки, чтобы окончательно уничтожить батарею.

---

[1]) Тобол. пѣх. п., 1 бат. Украинск. егер. п., 10 ор. 11 арт. бр., 2 ор. 12 арт. бр., дивизіонъ гус. Принца Фридриха Карла Прусскаго п. и ½ сотни донск. каз. № 38 п.

[2]) См. схему № 28 (папка).

[3]) См. схему № 29, стр. 657.

На разсвѣтѣ 12-го числа онъ вновь открылъ огонь, на который турки отвѣчали уже огнемъ семи орудій, подвезенныхъ за ночь изъ Тульчи.

Къ девяти часамъ утра непріятельскій огонь прекратился, что дало возможность Мессеру пододвинуть свою флотилію на болѣе близкое разстояніе. Турки вновь открыли огонь, совершенно замолкшій къ 11 часамъ утра. Дальнѣйшія дѣйствія, за неимѣніемъ возможности произвести высадку, адмиралъ призналъ безполезными и отвелъ свою флотилію на прежнюю позицію, а 14-го числа увелъ ее ближе къ Измаилу, оставивъ для наблюденія за непріятелемъ 4 лодки [1]).

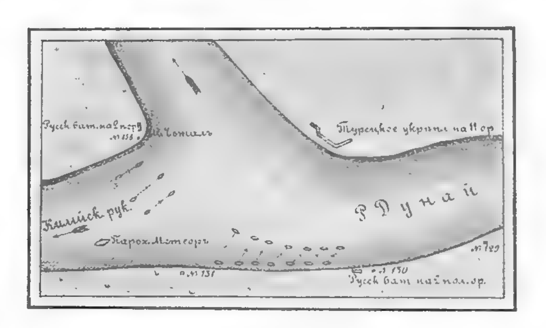


Схема № 29.

Нѣсколько недоконченное впечатлѣніе производитъ это офиціальное изложеніе похода канонерскихъ лодокъ противъ сухопутной батареи. Казалось бы, успѣхъ артиллерійскаго огня и замѣченное очищеніе непріятелемъ укрѣпленія давали полную возможность Мессеру развить свой успѣхъ высадкою десанта, чтобы, если не уничтожить совершенно турецкой батареи, то во всякомъ случаѣ попортить ее и произвести надлежащую развѣдку намѣренія противника. Этого, однако, не случилось. Частное письмо князя Горчакова къ князю Меншикову [2]), написанное изъ Измаила, выясняетъ обстановку дѣла 11-12 января и многихъ ему подобныхъ, а потому приведемъ въ подлинникѣ сѣтованія командующаго арміей.

„Je suis bien aise d'avoir été ici", писалъ Горчаковъ изъ Измаила. „J'ai trouvé un décousu, une apathie qui dépassent ce qu'on „peut imaginer. Je me suis enquis de l'expédition contre la batterie „vis-à-vis du Tchetal. Elle a été sur l'ordre de Liders и по распо-„ряженію Измаильскаго коменданта. Comment ne pas se féliciter „qu'elle n'est pas plus mal tournée depuis une disposition de ce genre. „A-t-on jamais vu de charger un commandant de place de diriger

---

[1]) Рапортъ к.-адм. Мессера ген.-ад. Лидерсу 15 января 1854 г., № 173. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. 3423. Вахт. журн. участ. судовъ. Черном. ц. в. м. арх., кн. оп. 51, оп. 3359, №№ 2549, 2576, 2577, св. 141.

[2]) Отъ ? февраля 1854 г. изъ Измаила (авторъ, по разсѣянности, часто забывалъ ставить числа). Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

„des expéditions qui demandent vigueur et concours de deux armes „différentes. La flottille a eu l'ordre de canonner la batterie, elle l'a „fait. L'infanterie n'a pas eu l'ordre de faire de descente, elle n'en „a point faite. Quand j'ai demandé pourquoi l'on n'avait pas fait de „descente, on m'a dit entre autres que Messer avait déclaré que les „embarcations destinées à cet effet n'y étaient pas propres parce „qu'elles n'avaient pas de *gouvernails!* Toute l'armée en 1828 a „passé sur de petites nacelles à rames... Vous me demandez pour-„quoi de notre côté on ne tente pas de débarquement, quand les „turcs en font souvent. Pardon, mais l'exemple n'est pas péremptoire. „Toutes les fois que les turcs ont débarqué sur notre rive, ils ont „été obligés de la quitter avec perte et honte. Pourquoi donc les „imiter en cela.—Le fait est que la seule tentation qui aurait pu „avoir du succès, c'est celle vis-à-vis de Tchetal. Mais elle a été „si bêtement menée que c'est un bonheur que nous nous en soyons „tirés sans encombre“ [1])...

Дѣло Мессера вызвало со стороны командующаго арміей только одно распоряженіе, а именно предписаніе генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену возвести на мысѣ Четалъ, вмѣсто батареи, устроенной для 4 полевыхъ орудій, редутъ на 6 крѣпостныхъ орудій [2]).

Въ концѣ января войска 5-го пѣхотнаго корпуса были смѣнены на нижнемъ Дунаѣ 7-ю пѣхотной дивизіей (3-го корпуса), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ушакова. Вмѣстѣ съ передвиженіемъ войскъ 5-го корпуса въ восточную Валахію князь Горчаковъ возложилъ на генерала Лидерса охраненіе пространства вверхъ по Дунаю, до Бордушанъ включительно, и по р. Яломницѣ, до Сарацени. Сообразно этому, генералъ Лидерсъ расположилъ свои войска у Галаца, Браилова, Визири-де-Жосъ, Слободзеѣ и въ окрестностяхъ этихъ пунктовъ по Дунаю и Яломницѣ съ резервами у Дубеско и Чочиле [3]).

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, силы турокъ на низовьяхъ Дуная въ январѣ мѣсяцѣ представлялись въ слѣдующемъ видѣ [4]):

---

[1]) Кн. Меншиковъ въ частномъ письмѣ военному министру (24 января 1854 г.) также глубоко возмущался походомъ канонерскихъ лодокъ противъ земляной береговой батареи и безцѣльной тратой массы снарядовъ для срытія насыпи этой батареи. „Il est en vérité désolant“, кончилъ онъ, „de voir employer cette flottille avec aussi peu d'intelligence“.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

[3]) 2-я бригада 14 пѣх. див. занимала участокъ Галацъ—Рени; 1-я бригада 15 пѣх. див.—Модлинскій полкъ—въ резервѣ у Дубеско и Чочиле; Прагскій полкъ—по р. Яломницѣ съ центромъ въ Слободзеѣ, 2-я бригада—между Браиловымъ и Визири-де-Жосъ (Журн. воен. дѣйств.).

[4]) См. схему № 28 (папка).

въ Тульчѣ — 3 тысячи съ 12 орудіями, въ Исакчѣ — 6 тысячъ съ 29 орудіями, и кордонная линія между этими двумя пунктами была очень усилена; въ Мачинѣ предполагалось 9 тысячъ и въ окрестностяхъ этого города — болѣе 5 тысячъ. Доходили слухи, что турки предполагаютъ сдѣлать покушеніе противъ Браилова.

И, дѣйствительно, въ ночь съ 25 на 26 января турки начали строить противъ этого пункта на правомъ берегу Дуная батарею. 28 января, съ цѣлью сохранить наше господство надъ непріятельскимъ берегомъ противъ города и воспрепятствовать туркамъ продолжать работы, къ Браиловскому редуту были подведены пароходъ „Прутъ" и три канонерскія лодки, которыя періодично обстрѣливали турецкій берегъ [1]).

Тѣмъ временемъ турки произвели сильную демонстрацію со стороны Рущука противъ Журжи. Сосредоточеніе значительнаго отряда въ Малой Валахіи и неоднократныя наступательныя угрозы генерала Липранди Калафату заставили Омера-пашу постараться отвлечь наше вниманіе съ этой стороны набѣгомъ на лѣвый берегъ Дуная отъ Рущука [2]). По упорству боя и количеству введенныхъ турками въ дѣло войскъ можно было полагать, что конечная цѣль противника состояла въ занятіи Журжи и Слободзеи и въ обезпеченіи ихъ за собою, чтобы имѣть на лѣвомъ берегу Дуная опорный пунктъ для дальнѣйшихъ своихъ набѣговъ.

Напомнимъ, что авангардъ генерала Соймонова, защищавшій угрожаемый участокъ рѣки, состоялъ всего изъ 8 батал., 8 эск., 6 с., 24 пѣш. и 8 к. ор., и большая часть этихъ войскъ группировалась въ Журжѣ и по дорогѣ отъ нея къ Бухаресту.

3 батал., 6 п. ор., 1 эск. и 2 сотни [3]) стояли въ Журжѣ, выставивъ казачьи заставы внизъ по Дунаю, у парома, противъ сел. Госпину, и близъ сел. Броништалй [4]).

резервѣ за ними были расположены въ Ойнаку 1 батал. [5]), Фратешти — 3 батал., 16 п. ор., 3 эск. и 4 к. ор. [6]), въ

Журналъ воен. дѣйств. и вахт. журналъ пар. „Прутъ". Черн. центр. в.-м. арх., оп. 335, д. № 2544, св. 140.

ambassadeur à Constantinople au ministre de la guerre le 25 février 1854. Парижъ. Мин.

бат. Томск. егер. п., 6 ор. батар. № 2 батар. 10 арт. бр., 1 эск. гусарск. Насл. 2 сот. донск. № 40 п.

См. схему № 31, стр. 345 и общую карту.

[5]) Колыв. егерск. п.

[6]) Колыв. ег. п., 6 ор. батар. № 2 бат. и 10 ор. легк. № 2 батар. 10 арт. бр., 3 эск. гусарск. Насл. Цес. п. и 4 ор. конно-легк. № 8 батар.

с. Турбату — 2 сот. [1]) и въ сс. Банясахъ и Даицѣ—по 1 эск. гусаръ [2]).

Въ Слободзеѣ стоялъ 1 батал. и 2 ор. [3]), имѣя въ резервѣ въ сс. Станешти и Гиздару дивизіонъ гусаръ съ 4 к. ор. [4]), которые служили также резервомъ и отряду, въ Журжѣ расположенному.

Остальныя двѣ сотни казаковъ располагались въ с. Парепу, съ заставами въ Слободзеѣ, Гаожаны и Петрашенахъ, и въ с. Пуэни, съ заставами въ Гряку, Фламындѣ и Гостину.

Такимъ образомъ, почти всѣ силы отряда генерала Соймонова эшелонировались отъ Журжи на сѣверъ, имѣя какъ бы на вѣсу свой правый флангъ у Слободзеи.

22 января, въ исходѣ седьмого часа утра, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, турки вышли отъ пристани Рущука на 8 большихъ двухмачтовыхъ судахъ и нѣсколькихъ лодкахъ, причалили къ лѣвому берегу рѣки противъ Слободзеи и высадили на островъ Радоманъ не менѣе 2½ тысячъ человѣкъ со знаменами и значками [5]).

Сбивъ нашъ пикетъ № 130, непріятель разсыпалъ густыя цѣпи стрѣлковъ влѣво отъ кордона и началъ быстро наступать по направленію на Слободзею.

Одновременно съ этимъ было высажено съ трехъ большихъ лодокъ версты три выше, у пикета № 128, около 500 человѣкъ, которые разсыпались вверхъ по берегу до пикета № 125, противъ сел. Малу-де-Жосъ, и до 2 тысячъ человѣкъ при 6 орудіяхъ причалили на четырехъ большихъ мачтовыхъ судахъ у пикета № 131, противъ карантина. Кромѣ того, турки скатили на правый берегъ рѣки противъ Слободзеи 6 полевыхъ орудій, и всѣ канонерскія лодки ихъ заняли позицію вдоль праваго берега Дуная. Изъ Рущука вышли и построились у подножья крѣпости значительныя массы непріятельской пѣхоты.

Казаки и граничары, составлявшіе нашу передовую цѣпь, были опрокинуты по всей линіи, и турецкая пѣхота, высадившаяся на Радоманъ противъ Журжи, начала быстро наступать густыми цѣпями съ большими резервами и скоро выравнилась съ частями, наступавшими противъ Слободзеи. Движеніе это поддерживалось силь-

---

[1]) Донск. каз. № 40 п.
[2]) Насл. Цес. п.
[3]) Томск. егерск. п. и легк. № 1 батар. 10 арт. бр.
[4]) Насл. Цес. п. и л. кон. № 8 батар.
[5]) См. схему № 32, стр. 661.

нымъ огнемъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій передняго фаса Рущука, огнемъ канонерокъ и выдвинутыхъ полевыхъ орудій.

Такимъ образомъ, можно полагать, что турки рѣшили вести одновременно атаки на Журжу и Слободзею, демонстрируя выше этой послѣдней. Постоянный подходъ подкрѣпленій къ отряду, направлявшемуся на Журжу, заставлялъ предполагать, что главный ударъ будетъ ими нанесенъ въ эту сторону.

Наступающаго на Журжу непріятеля встрѣтили сильнымъ огнемъ штуцерные Колыванскаго и части Томскаго егерскихъ полковъ, на поддержку которыхъ генералъ Соймоновъ направилъ

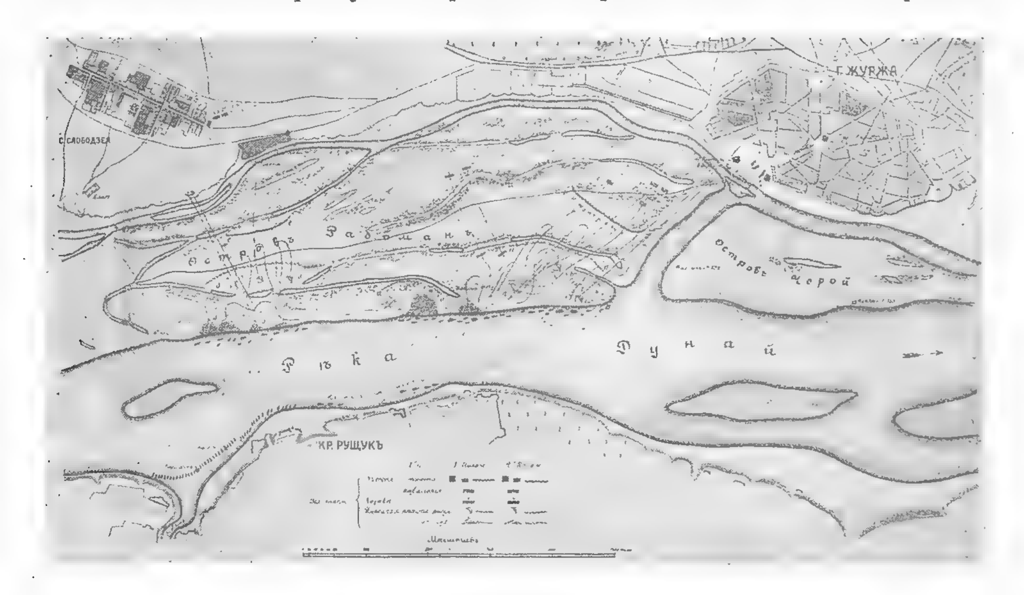


Схема № 32.

4-й баталіонъ томскихъ егерей, подъ командой подполковника Верещаки. Быстро переправивъ свой баталіонъ на Радоманъ по двумъ устроеннымъ на маломъ острову мостамъ, Верещака двинулъ въ первой линіи 10 и 12 егерскія роты, перестроенныя въ ротныя колонны и прикрытыя цѣпью застрѣльщиковъ изъ третьихъ взводовъ. 11-я егерская и 4-я карабинерная роты составляли вторую линію. Правый флангъ томцевъ обезпечивался двумя сотнями казаковъ, которыя служили также связью съ отрядомъ, дѣйствовавшимъ изъ Слободзеи.

Видя энергичное наступленіе русскихъ войскъ, турки пріостановились и направили противъ баталіона храбраго Верещаки огонь всѣхъ орудій Рущука. Непріятельская цѣпь, прикрытая съ фронта

и фланговъ водными протоками и поддержанная сзади сильными резервами, спокойно выдержала атаку егерей, подпустивъ ихъ безъ выстрѣла на 80 шаговъ и осыпавъ съ этого разстоянія убійственнымъ свинцовымъ дождемъ.

Подполковникъ Верещака, не смущаясь этимъ, лично бросился на турокъ въ штыки, смялъ ихъ и отбросилъ къ берегу, заплативъ за свое геройство смертью храбреца. Но упоенныя успѣхомъ и растроенныя боемъ, наши передовыя роты попали подъ фланговую атаку только-что высадившихся новыхъ резервовъ турокъ и были откинуты назадъ. Однако, капитанъ Халкіоновъ, командовавшій ротами второй линіи, возобновилъ атаку и, поддержанный двумя сотнями казаковъ, вновь опрокинулъ турокъ къ лодкамъ, и егеря бросились къ ближайшимъ орудіямъ, которыя, однако, непріятель успѣлъ втащить на свои лодки.

Лихія дѣйствія отрядовъ подполковника Верещаки и капитана Халкіонова дали время генералу Соймонову принять необходимыя мѣры къ отраженію удара, и кризисъ, такимъ образомъ, для насъ миновалъ.

Онъ направилъ на Радоманъ 3-й баталіонъ Томскаго полка съ 2-мя легкими орудіями и эскадронъ гусаръ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Пересвѣтова, а 1-й баталіонъ Томскаго полка пододвинулъ на маленькій островъ, лежащій между Журжей и Радоманомъ, оставивъ въ общемъ резервѣ на городской площади 1-й баталіонъ Колыванскаго полка, прибывшій по тревогѣ изъ Ойнаку. Въ то же время пѣхота, находившаяся во Фратешти, была передвинута со своей артиллеріей, 5-ю эскадронами гусаръ и 4-мя конными орудіями къ Турбату.

Два легкихъ орудія, посадивъ прислугу, рысью двинулись къ берегу и открыли по непріятельскимъ колоннамъ огонь сперва ядрами, а потомъ и шрапнелью; имъ помогали два батарейныя орудія батареи, построенной у карантина. Попытка нѣсколькихъ турецкихъ лодокъ войти въ проливъ между Радоманомъ и малымъ островомъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ нашимъ войскамъ, была отбита огнемъ этихъ орудій.

Между тѣмъ подполковникъ Пересвѣтовъ, разведя свой баталіонъ на островѣ въ двѣ линіи и собравъ 4-й баталіонъ въ резервъ, вновь повелъ энергичное наступленіе на турокъ. Эскадронъ гусаръ, совмѣстно съ двумя сотнями казаковъ, содѣйствовалъ этой атакѣ съ праваго фланга. Турки сопротивляться болѣе не могли и начали быстро отступать къ своимъ лодкамъ.

Славныя дѣйствія томцевъ у Журжи, на которыхъ всею тяжестью легло дѣло 22 января, оказали вліяніе и на наступленіе турокъ на Слободзею. Здѣсь они были первоначально задержаны мѣткимъ огнемъ двухъ орудій батареи, сооруженной на берегу Кошары, которая брала наступающаго противника отчасти во флангъ и нанесла ему серьезныя потери при переходѣ овражковъ, наполненныхъ водою. Когда же турки увидали подошедшій изъ Стоянешти и спускавшійся съ Слободзейскихъ высотъ дивизіонъ гусаръ съ 4-мя конными орудіями и узнали о серьезномъ положеніи ихъ праваго фланга, дѣйствовавшаго противъ Журжи, то начали быстро отступать, стараясь примкнуть къ лѣвому флангу своихъ войскъ, направленныхъ противъ этой послѣдней.

Генералъ Соймоновъ для довершенія пораженія приказалъ атаковать отъ Слободзеи турокъ 4 и 6 ротамъ Томскаго полка, что заставило непріятеля свое поспѣшное отступленіе по всей линіи обратить въ бѣгство и въ безпорядочную посадку на суда подъ картечнымъ огнемъ нашей артиллеріи.

Наступленіе непріятеля на Малу-де-Жосъ легко было отбито двумя сотнями казаковъ, и къ $12\frac{1}{2}$ часамъ дня ни одного противника не осталось на островѣ Радоманѣ.

Турки оставили на мѣстѣ 60 тѣлъ, зарядный, 4 патронныхъ ящика и отрубленныя головы нашихъ убитыхъ. Наша потеря заключалась въ 3 убитыхъ и 2 раненыхъ офицерахъ, въ 39 убитыхъ и 148 раненыхъ нижнихъ чинахъ [1]).

По собраннымъ отъ плѣнныхъ свѣдѣніямъ, конечная цѣль Омера-паши заключалась въ овладѣніи Слободзеей, при чемъ противъ Журжи успѣли переправиться три регулярныхъ баталіона (8-ми ротнаго состава), 1000 европейцевъ и 600 башибузуковъ. Рущукъ же къ этому времени, по словамъ тѣхъ же плѣнныхъ, имѣлъ гарнизонъ, силою въ 7 регулярныхъ баталіоновъ,

---

[1]) Рапортъ г.-л. Соймонова г.-ад. кн. Горчакову 22 января 1854 г., № 81. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.

Ген.-кварт. арм.— г.-л. Липранди 29 января 1854 г., № 261. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

Мат. ист. Томск. полка кап. Дмитревскаго. Дневн. П. Е. Коцебу. Письмо ген. шт. подп. Батезатула. Рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны.

Всеподд. письмо кн. Горчакова 27 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Ambassadeur à Constantinople au ministre de la guerre. Péra, le 25 févr. 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин. Этотъ послѣдній документъ придаетъ совершенно иную и крайне неправильную окраску всему дѣлу. Онъ интересенъ лишь въ смыслѣ лживости донесеній, отправляемыхъ въ Парижъ. Да это, впрочемъ, и понятно, такъ какъ посолъ доносилъ по турецкимъ источникамъ.

1000 европейцевъ, 1000 артиллеристовъ, 2000 башибузуковъ и татарскій кавалерійскій полкъ въ 700 коней.

Удачное дѣло подъ Журжей произвело очень отрадное впечатлѣніе какъ въ арміи, такъ и въ Петербургѣ.

Дѣйствительно, цѣль, поставленная турками, оттянуть наши силы отъ Малой Валахіи, не была достигнута; имъ также не только не удалось завладѣть Слободзеей, но и никакимъ пунктомъ на нашемъ берегу Дуная, а пришлось въ безпорядкѣ и съ большими потерями уходить обратно въ Рущукъ и убѣдиться, что мы твердой ногой стали на всемъ протяженіи Дуная отъ Видина до устья.

Что касается до насъ, то неудача турокъ надолго обезпечивала центръ расположенія князя Горчакова отъ новыхъ попытокъ съ праваго берега рѣки, а, главное, въ дѣйствіяхъ подъ Журжей мы не видимъ той суеты и растерянности, которую обычно проявляли до того времени частные начальники въ большинствѣ случаевъ ихъ встрѣчъ съ врагомъ. Утѣшительное впечатлѣніе производитъ и техника самаго боя: подвижность артиллеріи, поддержка, оказанная ею пѣхотѣ, высылка всѣхъ штуцерныхъ впередъ, умѣстное примѣненіе строя по-ротно, прикрытаго стрѣлковыми цѣпями, своевременное содѣйствіе атакѣ пѣхоты кавалеріей и иниціатива, проявленная частными начальниками. Короче—уроки войны сказались съ большой пользой для дѣла.

Журжинскій бой былъ первой точкой просвѣтлѣнія на темномъ фонѣ дунайской кампаніи, и, дѣйствительно, вслѣдъ за нимъ возсіялъ, но, къ сожалѣнію, мимолетный, лучъ солнца надъ многострадальной головой князя Михаила Дмитріевича!

Донося Государю о „славномъ“ дѣлѣ у Журжи, онъ какъ бы извинялся за значительныя потери, понесенныя нашими войсками. „Но здѣсь винить никого нельзя“, писалъ князь Горчаковъ [1]). „Допустить турокъ оставаться хоть одну лишнюю минуту на нашемъ берегу было бы въ высшей степени опасно. „Они окопались бы, и тогда выбить ихъ стоило бы, можетъ быть, „въ пять разъ дороже“. Извиненіе излишнее, такъ какъ Николай Павловичъ самъ по достоинству оцѣнилъ происшедшій бой. „Дѣло „подъ Журжей“, писалъ Государь Горчакову [2]), „было точно прекрасное и, надѣюсь, на время отняло способы къ переправѣ „турокъ и дастъ намъ болѣе покоя въ центрѣ“.

---

[1]) Всеподд. письмо отъ 27 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.
[2]) Отъ 18 февраля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

Однако, чтобы, дѣйствительно, лишить турокъ возможности переправляться въ значительныхъ силахъ отъ Рущука на лѣвый берегъ Дуная, необходимо было истребить находившуюся подъ защитой этой крѣпости сильную турецкую флотилію. Исполненіе этого было возложено на вновь прибывшаго къ арміи начальника инженеровъ генералъ-адъютанта Шильдера.

III.

Карлъ Андреевичъ Шильдеръ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся инженеровъ Николаевской эпохи. Его творческая изобрѣтательность, соединенная съ обширною военною опытностью, много содѣйствовала военно-научному направленію сапернаго дѣла, которое онъ поддерживалъ съ неугасаемой энергіей во все время царствованія Императора Николая.

Французская иллюстрація сраженія подъ Калафатомъ.

Отъ природы одаренный выдающимися способностями и той искрой Божіей, которая дается только избраннымъ натурамъ, и безъ которой нельзя творить дѣлъ великихъ, а тѣмъ болѣе въ военномъ искусствѣ, генералъ Шильдеръ до самой старости отличался необыкновенной энергіей, вѣрой въ свое дѣло, въ самого себя и той кипучей дѣятельностью, которая способна была увлечь все и всѣхъ вокругъ себя. Это былъ фанатикъ своей идеи, непоколебимо ей вѣрившій и упорно ее защищавшій. Поэту въ душѣ и мистику, ему сродно было излишнее увлеченіе и ошибки, но не чуждо было и сознаніе въ нихъ. Горячій и невоздержанный, Шильдеръ бывалъ непріятенъ, но обладалъ рѣдкимъ даромъ позволять себѣ противорѣчить, что давало ему возможность познавать людей въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Благодаря этому, онъ могъ выбирать себѣ помощниковъ талантливыхъ, открыто высказывающихъ свое мнѣніе на пользу дѣла, выдвигалъ ихъ впередъ и этимъ далъ новому поколѣнію много выдающихся работниковъ на поприщѣ родного ему военно-инженернаго исскуства.

Россія во многомъ обязана Карлу Андреевичу практической, жизненной постановкой сапернаго дѣла, и ежели черноморскіе моряки въ дни севастопольской страды озарялись свѣтомъ почившаго ихъ воспитателя—Лазарева, то и севастопольскіе саперы, во главѣ съ Тотлебеномъ, во многомъ отражали свѣтъ ихъ стараго, увлекавшагося, немного неуравновѣшеннаго учителя—Шильдера, котораго судьба не сохранила для того, чтобы ему самому принять участіе и гордиться славой своихъ питомцевъ во время 349-дневной доблестной обороны Севастопольской.

Шильдеръ проявлялъ необыкновенную предпріимчивость въ разныхъ случаяхъ войны, пылкость, геройскую храбрость, искусство въ постройкѣ полевыхъ укрѣпленій въ виду непріятеля и рѣдкую находчивость въ разныхъ случаяхъ войны, особенно по своей части. Его открытая наружность, восторженная рѣчь, поэтическій взглядъ на дѣло заставляли забывать его года и видѣть въ немъ юношу-героя, энтузіаста. Такими въ общемъ чертами рисуютъ современники портретъ Карла Андреевича [1]).

Для погруженной въ апатію и нерѣшительность Дунайской арміи именно такой человѣкъ и былъ нуженъ. Князь Горчаковъ сознавалъ это и просилъ прислать Шильдера, хотя, по всей вѣроятности, предчувствовалъ тѣ непріятности, которыя должно было принести близкое сосѣдство такого неспокойнаго помощника.

Вопросъ о назначеніи Карла Андреевича въ Дунайскую армію былъ поднятъ еще въ концѣ 1853 года, когда князь Горчаковъ просилъ военнаго министра выхлопотать ему назначеніе этого выдающагося инженера въ слѣдующихъ лестныхъ для него выраженіяхъ: „En grâce obtenez-moi le général Schilder. Je donnerais une „division pour l'avoir“ [2]). Нѣсколько позднѣе [3]) онъ возобновилъ свою просьбу въ болѣе настойчивой формѣ: „Schilder m'est bien „indispensable. C'est l'homme de la chose“. 20 декабря это назначеніе состоялось.

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдя изъ Варшавы за ходомъ открывшихся военныхъ дѣйствій, генералъ-адъютантъ Шильдеръ сильно порицалъ распоряженія князя Горчакова на Дунаѣ, которыя онъ признавалъ совершенно не соотвѣтствующими обстановкѣ. Фанатически увѣренный въ томъ, что войну надлежало вести

---

[1]) П. К. Меньковъ, Н. Ушаковъ, П. Алабинъ.

[2]) Кн. Горчаковъ — военному министру 29 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Въ письмѣ отъ 14 декабря 1853 г.

быстро и рѣшительно, Шильдеръ говорилъ, что князь Горчаковъ растянулъ свои войска въ Княжествахъ на подобіе паутины, которую турки вездѣ безнаказанно могутъ прорвать, и находилъ, что чрезмѣрно осторожное веденіе операцій на Дунаѣ есть стыдъ и вѣчное пятно для русскаго оружія.

Обдумывая предстоящія дѣйствія въ Княжествахъ, генералъ Шильдеръ признавалъ необходимымъ уничтожить для турокъ возможность хотя бы временно занимать въ значительныхъ силахъ какой-либо пунктъ на нашемъ берегу рѣки, для чего признавалъ безотлагательнымъ повсемѣстное уничтоженіе на Дунаѣ турецкой флотиліи [1]).

Съ такими мыслями, въ которыя онъ вѣрилъ всѣмъ пыломъ своей молодой души, Шильдеръ 25 января прибылъ въ Бухарестъ. Фанатически убѣжденный въ томъ, что на немъ лежитъ великая миссія спасать „Царя Россіи и православіе", Карлъ Андреевичъ сразу же приступилъ съ присущей ему энергіей къ настойчивому приведенію въ исполненіе задуманнаго имъ плана. Но здѣсь ему пришлось столкнуться съ извѣстнымъ уже читателю характеромъ командующаго войсками, и между княземъ Горчаковымъ и генераломъ Шильдеромъ начались столкновенія, которыя постепенно приняли самыя рѣзкія формы [2]). Сварливый инженеръ признавалъ, что на мѣстѣ Горчакова онъ просилъ бы Государя „избавить главнокомандующаго отъ такого безпокойнаго „человѣка, который, хоть временно, но бѣснуется, какъ бы самъ „сатана". Но князь Михаилъ Дмитріевичъ въ общемъ благодушно относился къ невоздержанности Шильдера, высоко цѣня его способности и желаніе принести пользу общему дѣлу. „Дорогой ге„нералъ", писалъ ему князь въ февралѣ [3]), „я васъ люблю, ува„жаю, боготворю, но заклинаю васъ именемъ всѣхъ святыхъ, пре„доставьте мнѣ командовать войсками по моему усмотрѣнію. Не„возможно каждому дѣйствовать по-своему".

На другой день по пріѣздѣ въ главную квартиру генералъ Шильдеръ отправился уже въ Журжу, гдѣ, какъ извѣстно, только-что была отбита попытка турокъ переправиться и укрѣпиться на нашемъ берегу Дуная. Отсюда начался громъ Шильдеровскихъ

---

[1]) Н. Шильдеръ. Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность. СПБ. 1885 г.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Н. Шильдеръ въ своемъ трудѣ: Гр. Э. И. Тотлебенъ.– Записки П. К. Менькова. Дневникъ П. Е. Коцебу. Переписка г.-ад. Шильдера со своимъ семействомъ, помѣщенная въ Русск. Стар. за 1875—76 гг.

[3]) Русск. Стар. 1875 г., декабрь, стр. 728.

батарей, которымъ вскорѣ огласилось все теченіе рѣки, и встрепенувшіеся наши отряды стали безпрерывно тревожить турокъ.

Появленіе попеременно въ разныхъ мѣстахъ предпріимчиваго и восторженнаго старца, умѣвшаго возбуждать во всѣхъ окружавшихъ его лицахъ одушевлявшую его неустрашимость и увѣренность въ успѣхѣ, производило чарующее впечатлѣніе; все просыпалось и проникалось его энергіей, рѣшимостью и нераздѣльной съ ней вѣрой въ побѣду.

Для того, чтобы обезпечить лѣвый берегъ Дуная отъ постоянныхъ угрозъ турокъ переправой на него значительныхъ своихъ силъ, необходимо было лишить ихъ перевозочныхъ средствъ, въ видѣ многочисленной парусной и паровой рѣчной флотиліи, ютившейся въ устьяхъ впадающихъ въ Дунай рѣкъ подъ прикрытіемъ турецкихъ крѣпостей. Выполненіе этой задачи генералъ Шильдеръ прежде всего и поставилъ себѣ цѣлью, выбравъ, какъ средство, уничтоженіе флотиліи огнемъ нашей полевой артиллеріи, выполняющей эту задачу нерѣдко въ сферѣ ближайшаго дѣйствія непріятельской крѣпости. Увѣренность въ успѣхѣ, рѣшимость и даже лихость, совмѣстно съ умѣлымъ примѣненіемъ военно-инженернаго искусства, увѣнчали дѣйствія Шильдера полнымъ успѣхомъ.

Произведенной 26 января рекогносцировкой выяснилось, что рущукская флотилія, въ составѣ одного парохода, 34-хъ двухмачтовыхъ, 22-хъ одномачтовыхъ транспортныхъ судовъ, 5-ти канонерскихъ лодокъ и до 70-ти малыхъ лодокъ, была тѣсно расположена въ двухъ линіяхъ въ устьѣ р. Лома и, повидимому, готовилась къ какой-то новой экспедиціи. Генералъ Шильдеръ рѣшилъ уничтожить эту флотилію на якорѣ, не давъ ей возможности ускользнуть, и предупредить, такимъ образомъ, наступательныя съ ея стороны дѣйствія.

Съ этой цѣлью въ ночь съ 26 на 27 января и въ слѣдующую были построены батареи, на четыре орудія каждая, противъ лѣвой оконечности острова Макана [1]) для воспрепятствованія движенію непріятельскихъ судовъ внизъ по Дунаю, и въ полуверстѣ правѣе пикета № 128, дабы воспрепятствовать движенію ихъ вверхъ по рѣкѣ. Кромѣ того, были выбраны мѣста для постройки двухъ батарей противъ устья р. Лома, чтобы ихъ огнемъ уничтожить суда, стоявшія на якорѣ.

---

[1]) См. схему № 31, стр. 345.

Однако, эти батареи могли быть готовы только 28-го числа утромъ, а между тѣмъ генералъ Шильдеръ опасался, что турки насъ предупредятъ и сами перейдутъ раньше насъ въ наступленіе. Поэтому, по совѣщаніи съ генераломъ Соймоновымъ, онъ рѣшился на рискованный шагъ, поставить на островѣ Радоманъ—въ сферѣ огня изъ крѣпости, полевую батарею совершенно открыто и обстрѣлять турецкую флотилію.

Для выполненія этой задачи были назначены 10 орудій батарейной № 2 батареи 10 артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ

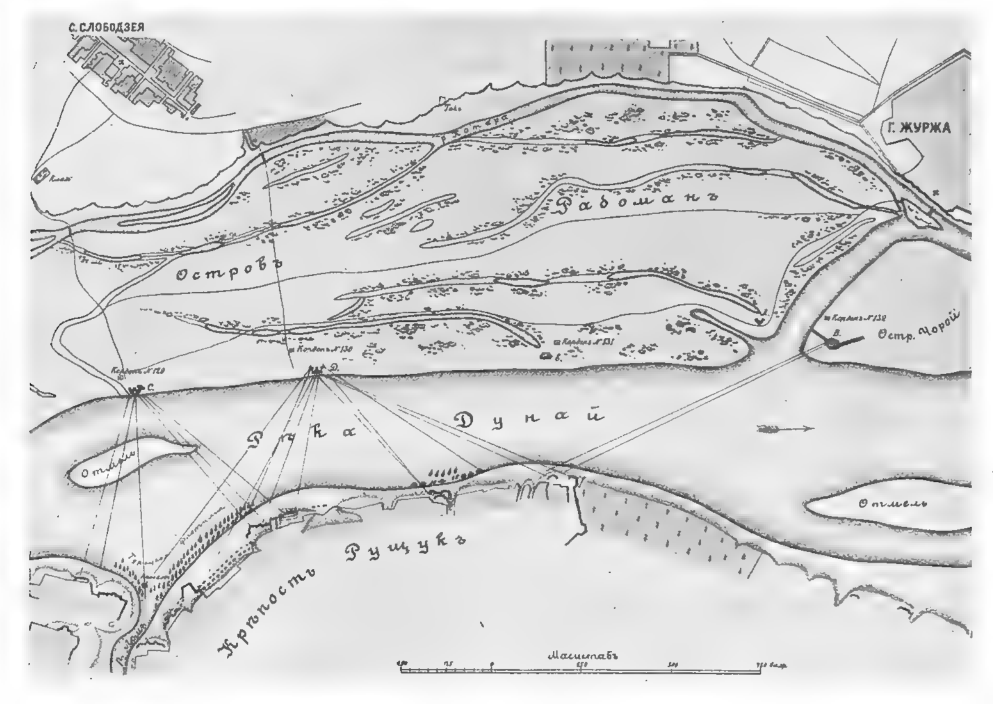


Схема № 33.

баталіона Колыванскаго егерскаго полка, которые, съ сохраненіемъ полной тишины, ночью на 28 января двинулись на островъ Радоманъ и часу во второмъ заняли тамъ позицію между пикетами №№ 129 и 130, предварительно указанную генераломъ Шильдеромъ [1]). Орудія расположились въ 500 саженяхъ отъ крѣпости и на дистанціи въ 25 саженяхъ другъ отъ друга. Каждое орудіе должно было сдѣлать по семи выстрѣловъ, послѣ чего батарею

[1]) См. схему № 33, стр. 669.

предполагалось увезти назадъ. Лунная ночь благопріятствовала успѣху стрѣльбы.

Ровно въ три часа ночи батарея открыла настильно рикошетный огонь по пароходу и судамъ. Въ крѣпости поднялась тревога, и послѣ третьей очереди, данной нашей батареей, на островъ посыпались снаряды болѣе чѣмъ изъ 80-ти орудій. Выпустивъ опредѣленное количество снарядовъ, русская батарея снялась съ позиціи и начала отходить къ Журжѣ не прямымъ путемъ, а вверхъ по теченію рѣки, чтобы ввести турокъ въ заблужденіе и избѣжать ихъ крѣпостного огня. И, дѣйствительно, крѣпостная артиллерія долго еще безцѣльно обстрѣливала островъ по направленію къ Журжѣ, думая настигнуть отходившихъ смѣльчаковъ.

Потеря наша въ эту ночь состояла всего изъ трехъ раненыхъ; у турокъ же утромъ было обнаружено сильное поврежденіе парохода, шести большихъ и многихъ мелкихъ судовъ. „Совершилось „настоящее чудо“, писалъ по этому поводу Шильдеръ своей семьѣ[1]). „Дѣйствуя съ четырьмя пушками противъ сотни орудій изъ крѣ„пости, флотиліи и парохода, мнѣ удалось все это потопить или „разбить въ дребезги, не потерявъ ни одного человѣка и съ „тремя ранеными. Такой случай еще не встрѣчался въ военныхъ „лѣтописяхъ“.

Взявши, такимъ образомъ, иниціативу въ свои руки, удививъ или, вѣрнѣе, ошеломивъ турокъ непривычной для нихъ нашей энергіей, Карлъ Андреевичъ на слѣдующій день началъ уже принимать болѣе солидныя мѣры для довершенія уничтоженія рущукской флотиліи.

Мѣры эти заключались въ постройкѣ на островахъ нѣсколькихъ батарей и въ соединеніи острововъ съ берегомъ мостами и паромами. Такъ, въ ночь съ 28-го на 29-ое были построены и вооружены двѣ батареи на островѣ Чорой (на 4 орудія) и на лѣвой оконечности острова Радоманъ (на 2 орудія), имѣвшія назначеніемъ привлечь на себя все вниманіе турокъ. На слѣдующую ночь на Радоманѣ также были построены двѣ батареи для дѣйствія противъ флотиліи въ устьѣ Лома — у пикета № 130 на 4 орудія и у пикета № 129 на 2 орудія. Для прикрытія ихъ отъ огня крѣпости Шильдеръ примѣнилъ особые эполементы, которые значительно возвышались надъ батареей и защищали ея фланги на подобіе траверсовъ.

---

[1]) 2 февраля 1854 г. Русск. Стар. 1875 г., декабрь, стр. 718 и 719.

Съ 30-го числа полевыя орудія посмѣнно занимали возведенныя укрѣпленія и обстрѣливали турецкую флотилію. Противникъ отвѣчалъ весьма оживленнымъ огнемъ всей крѣпости. Хотя съ нашей стороны дѣйствовало разомъ не болѣе 2—7 орудій, а со стороны турокъ— 92 крѣпостныхъ орудія, конная батарея, временно выѣзжавшая на правый берегъ Дуная, и три канонерскія лодки, но, благодаря Шильдеровскимъ эполементамъ, потери наши были такъ незначительны, что мы съ успѣхомъ выполняли свою задачу разрушать непріятельскія суда. Сильно страдали только насыпи батарей, которыя ночью быстро исправлялись.

3 февраля генералъ Соймоновъ, который остался за Шильдера, вызваннаго княземъ Горчаковымъ къ себѣ, рѣшилъ нанести непріятельской флотиліи окончательный ударъ. Для этого еще до разсвѣта на Радоманъ было отправлено семь батарейныхъ орудій, которыя и размѣстились въ построенныхъ батареяхъ. Въ прикрытіе къ нимъ были назначены двѣ роты Томскаго егерскаго полка, а по берегу острова были разсыпаны штуцерные всей бригады.

Съ разсвѣтомъ началась канонада, не умолкавшая до вечера. Наши орудія выпустили по 70 зарядовъ каждое; турки сдѣлали до 3000 выстрѣловъ, которые сильно повредили наши насыпи и нанесли очень мало вреда орудіямъ и прислугѣ. Вообще весь нашъ уронъ въ продолженіе этого неравнаго восьмисуточнаго состязанія былъ поразительно малъ: 2 убитыхъ и 15 раненыхъ и контуженныхъ. Что же касается до турецкой флотиліи, то она надолго перестала существовать, какъ боевая величина. Пароходъ и 7 судовъ были затоплены, 6 большихъ судовъ сѣли на мель, до 22 меньшихъ судовъ получили значительныя поврежденія и нѣсколько лодокъ пошли ко дну [1]).

Но въ то время, какъ подъ Рущукомъ шла молодецкая работа Шильдера, князь Горчаковъ, получивъ первое о ней донесеніе, заволновался, испугался послѣдствій рѣшительныхъ дѣйствій и отдавалъ распоряженія, которыя равнялись уничтоженію замысловъ стараго инженера.

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

Рапортъ г.-ад. Шильдера кн. Горчакову 4 февраля 1854 г., № 6. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. № 82.

Кн. Горчаковъ — военному министру 6 февраля 1854 г. Тамъ же.

Тоже 3 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Ген. кв.—ген. Липранди 29 января 1854 г., № 261. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3416 и пр.

„Дорогой генералъ“, писалъ ему Горчаковъ уже 30 января [1]). „Вижу, что вы строите множество батарей на берегу. Это пре„красно, но невозможно, чтобы непріятель, оправившись отъ „первоначальнаго страха, не покушался овладѣть ими, предпринявъ „десанты ночью или даже днемъ“. Далѣе командующій арміей, отзывая экстренно Шильдера изъ Журжи къ себѣ, запрещалъ впредь до приказанія ставить орудія на сооруженныя батареи, „такъ какъ они неизбѣжно будутъ взяты непріятелемъ“.

Можно представить себѣ, какъ подобное распоряженіе подѣйствовало на пылкаго Карла Андреевича. „Шильдеръ во время „разговора съ Горчаковымъ“, занесъ въ свой дневникъ генералъ Коцебу [2]), „наговорилъ ему чуть не дерзостей... Онъ начинаетъ „относиться къ намъ враждебно [3])... Странности Шильдера мо„гутъ имѣть дурныя послѣдствія“ [4])... Самъ же виновникъ уничтоженія рущукской флотиліи посвящаетъ распоряженію Горчакова слѣдующія строки своего письма къ роднымъ [5]): „Послѣ этого „безпримѣрнаго дѣйствія Горчаковъ приказалъ снять орудія, ко„торыя я поставилъ, и срыть мою батарею!!! Это меня взбѣсило, „и я крупно побранился съ нимъ. Каждому понятно, что тамъ, „гдѣ 4 пушки истребили цѣлую флотилію, нельзя опасаться, „чтобы непріятель овладѣлъ ими, такъ какъ онъ не можетъ „переплыть широкую рѣку, развѣ свалится съ небесъ. Туркамъ „нельзя не сдѣлаться заносчивыми передъ такими людьми и не „предпринимать невѣроятныхъ вещей, какъ подъ Ольтеницей и „Калафатомъ“.

Генералъ Соймоновъ, къ счастью для дѣла, довершилъ послѣ отъѣзда Шильдера начатую операцію, но князь Горчаковъ всетаки настоялъ, чтобы послѣ бомбардировки 3 февраля батареи были срыты.

Впрочемъ, онъ въ своемъ донесеніи Государю отдалъ должное генералу Шильдеру, отнеся весь успѣхъ къ его искусству и смѣлости, къ изобрѣтеннымъ имъ эполементамъ и къ умѣнію воспользоваться малыми неровностями острова Радомана для скрытія движенія нашей артиллеріи [6]); впрочемъ, въ концѣ письма

---

[1]) Русск. Стар., 1875 г., декабрь, стр. 727 и 728.
[2]) Подъ 1 февраля.
[3]) Подъ 4 февраля.
[4]) Подъ 7 февраля.
[5]) 6 февраля 1854 г. Русск. Стар., 1875 г., декабрь, стр. 719.
[6]) Кн. Горчаковъ — военному министру 6 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. № 82.

военному министру князь Горчаковъ прибавлялъ, что „Schilder „est malade pour s'être trop démené“ [1]).

Переходъ нашъ къ активнымъ дѣйствіямъ, естественно, долженъ былъ отразиться на поведеніи нашего энергичнаго противника—Омера-паши. И турки зашевелились по всему Дунаю. Нельзя предположить, чтобы въ ихъ намѣренія входило развить серьезныя операціи на лѣвомъ берегу рѣки, но, вѣрнѣе, они хотѣли отвлечь наше вниманіе отъ наступательныхъ дѣйствій, дѣлая весьма несерьезныя попытки къ переходу черезъ Дунай, и лучше обезпечить себя отъ поползновеній Горчакова противъ ихъ берега.

Генералъ-адъютантъ Шильдеръ.

Наибольшую энергію непріятель проявилъ на низовьяхъ Дуная, у Браилова, гдѣ ему удалось построить новую батарею и вызвать этимъ распоряженіе князя Горчакова о снаряженіи экспедиціи для завладѣнія ею [2]), а также у Туртукая, противъ Ольтеницы.

Въ этомъ пунктѣ, который, вѣроятно, по воспоминаніямъ о первой неудачѣ особенно дѣйствовалъ на нервы командовавшаго арміей и вызывалъ его безпокойство [3]), турки, видимо, демонстрировали, желая отвлечь наше вниманіе отъ Рущука и Силистріи; они въ половинѣ февраля даже сдѣлали высадку на лѣвый берегъ Дуная, но легко были отброшены отрядомъ генерала Павлова почти безъ потерь съ нашей стороны.

Однако, эти дѣйствія противника не помѣшали намъ продолжать предпринятый впредь до перехода черезъ Дунай планъ стѣсненія непріятелю подвоза припасовъ по рѣкѣ уничтоженіемъ его флотиліи при помощи Шильдеровскихъ батарей и прегражденія входа непріятельскихъ судовъ въ устья Дуная.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 3 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Тамъ же.

[3]) Дневникъ П. Е. Коцебу.

Во исполненіе этого въ февралѣ произошли наиболѣе видныя дѣла у Систова, противъ Никополя, у Браилова и у Калараша, противъ Силистріи.

Дѣйствующимъ лицомъ здѣсь впервые выступаетъ сдѣлавшійся во время Севастопольской обороны народнымъ героемъ генералъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Хрулевъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ самородкамъ военнаго дѣла, которые обладаютъ великимъ талантомъ увлекать сердца массы и имѣютъ всѣ данныя быть великимъ полководцемъ; стихія которыхъ война, но все богатство натуры которыхъ злая судьба иногда въ теченіе всей жизни растрачиваетъ по пустякамъ, заставляя ихъ безслѣдно исчезать съ общественной арены. Въ тяжелыя или блестящія годины боевыхъ столкновеній народовъ они засвѣтятся иногда, какъ яркій свѣточъ, оправдывая народное выраженіе, что война родитъ героевъ, удивятъ свѣтъ подвигами высокаго мужества, надолго сохранятъ о себѣ память среди благодарныхъ потомковъ, но рѣдко выходятъ изъ нихъ талантливые полководцы. Для этого, кромѣ всемогущаго случая, не хватаетъ имъ ни усидчиваго подготовительнаго труда, ни достаточныхъ военныхъ познаній, которыя трудно безъ предварительной подготовки получить въ короткіе періоды войнъ; короче имъ не хватаетъ изученія, по мѣткому выраженію Наполеона, тридцати кампаній, необходимаго для того, чтобы сдѣлаться талантливымъ полководцемъ. Хрулевъ былъ типичнымъ представителемъ высоко одареннаго отъ природы воина, которому не удалось использовать въ полной мѣрѣ на славу своей родины обширные, Богомъ данные ему, таланты. Офицеръ гвардейской конной артиллеріи, онъ почти до чина полковника занималъ должность казначея, совсѣмъ не интересуясь изученіемъ военнаго дѣла въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для того, чтобы этой богатырской натурѣ развернуться во всю ширь, нужна была война, и впервые о немъ заговорили во время венгерской кампаніи. Здѣсь Хрулевъ, лихой начальникъ авангарда, выказалъ столько лихости, энергіи, неутомимости и смышлености, что сталъ извѣстенъ въ арміи и вернулся съ похода генералъ-маіоромъ. Въ 1852 году онъ отправился съ Перовскимъ въ хивинскій походъ и прибылъ оттуда на Дунай героемъ Акъ-Мечети и генералъ-лейтенантомъ.

П. К. Меньковъ въ своихъ мѣткихъ, но злыхъ характеристикахъ дѣятелей той эпохи посвящаетъ Степану Александровичу слѣдующій монологъ: „Никто на свѣтѣ не принесъ бы столько

„пользы“, говорилъ онъ Хрулеву [1]), „какъ ты, оставаясь вѣчно „генералъ-маіоромъ. Съ забубенными молодцами, не зная устали „и страха, ты сдѣлалъ бы войну страшную для врага, истомилъ бы, „измучилъ его и открылъ бы арміи легкій путь къ побѣдѣ. А генералъ-лейтенантъ Хрулевъ — не хорошо: администраціи не знаешь, „не накормишь, не напоишь войскъ, измучишь пѣхоту и артиллерію „и карты не знаешь. Отряда большого Хрулеву давать не должно“.

Незабвенную службу, какъ увидимъ ниже, сослужилъ Степанъ Александровичъ Россіи въ Севастополѣ; память его и донынѣ чтится народомъ, но не вышелъ онъ все-таки изъ колеи частныхъ начальниковъ; замирилась Россія, и погасъ для общественной дѣятельности свѣточъ Хрулева!

Прибывъ на Дунай въ распоряженіе князя Горчакова, Степанъ Александровичъ былъ назначенъ имъ въ помощь генералу Шильдеру и первоначально отправился для уничтоженія турецкой флотиліи, сосредоточенной у Никополя и Систова.

Противъ перваго изъ этихъ пунктовъ Хрулевымъ возведены были три батареи, на 2 орудія каждая, для дѣйствія противъ канонерскихъ лодокъ и транспортныхъ судовъ и, кромѣ того, нѣсколько фальшивыхъ батарей для демонстраціи. Ежедневно съ 13 по 17 февраля, начиная съ разсвѣта и до сумерекъ, наши батареи рѣдкимъ огнемъ обстрѣливали турецкія суда. Противникъ отвѣчалъ огнемъ крѣпостныхъ орудій, но и въ этомъ случаѣ не нанося намъ почти никакихъ потерь. Успѣхъ же нашей стрѣльбы былъ весьма значителенъ. 15-го и 16-го числа у турокъ было сожжено 9 большихъ судовъ, много малыхъ и 10 катеровъ; остальныя же были частью подняты вверхъ по р. Осмѣ, частью же разведены вдоль праваго берега Дуная на большомъ разстояніи одно отъ другого и повернуты кормами къ нашему берегу.

Съ 17-го числа, за недостаткомъ снарядовъ, стрѣльба противъ Никопольской флотиліи была нами прекращена.

Что касается до дѣйствія противъ флотиліи, собранной у Систовской пристани, то, кромѣ устроенныхъ у мѣстечка Зимнича батарей, дѣлались попытки расположить орудія и на островѣ Богуреску-луй, но турки, своевременно выдвинувъ на этотъ разъ на берегъ Дуная полевыя орудія, заставили насъ состязаться съ ними, не нанеся вреда флотиліи [2]).

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. 1.

[2]) Рапортъ г.-м. Попова г.-ад. Коцебу 18 февраля 1854 г., № 439. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.

Для обезпеченія успѣха предстоящей намъ переправы черезъ Дунай нельзя было ограничиться только уничтоженіемъ турецкихъ судовъ, находившихся въ этой рѣкѣ, а надо было обезпечить себя и со стороны Чернаго моря, которое находилось въ рукахъ покровительствовавшихъ туркамъ западныхъ державъ. Благодаря этому, нашъ противникъ всегда могъ ввести въ устья рѣки свою новую флотилію и даже нѣсколько пароходовъ.

Такая необезпеченность со стороны моря очень безпокоила князя Горчакова, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ не могъ разсчитывать на помощь Черноморскаго флота. Продолжительная переписка шла по этому поводу между командовавшимъ войсками на Дунаѣ и княземъ Меншиковымъ въ Севастополѣ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ находилъ необходимымъ вынести оборону устья Дуная къ берегу моря, укрѣпивъ Сулинъ и преградивъ потопленными судами входъ въ устья Сулинскаго и Георгіевскаго рукавовъ рѣки, и обращался за помощью въ этомъ дѣлѣ къ своему другу. Однако, князь Меншиковъ и генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ считали выполненіе такой задачи неудобоисполнимымъ и находили, что прегражденіе входа въ Дунай непріятельскимъ судамъ можно было болѣе удобно достигнуть укрѣпленіемъ мыса Четалъ, который служилъ ключемъ всей Дунайской дельты, а также и канонерской флотиліей, сосредоточенной у этого мыса [1]).

Споры доходили до военнаго министра, который просилъ князя Меншикова найти тотъ или другой способъ преградить входъ непріятельскимъ судамъ въ Дунай, чего такъ боялся князь Горчаковъ. Въ концѣ концовъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ, по существовавшему въ Дунайской арміи обычаю, полумѣрами: мысъ Четалъ былъ укрѣпленъ недостаточно сильно, Сулинъ тоже укрѣпленъ, а устья Сулинскаго и Георгіевскаго рукавовъ были преграждены затопленными купеческими судами.

Это послѣднее распоряженіе вызвало слѣдующія ироническія слова въ письмѣ князя Меншикова къ Горчакову: „Le barrage „du Danube de St-George me paraît être une blague. Un fleuve „de cette capacité ne peut être obstrué par 3 ou 4 bateaux de „pêcheurs que le courant ne manquera pas d'enlever à la première

---

[1]) См. схему № 28 (папка).

„crue, mais il sera toujours utile de faire croire à l'efficacité de ce „barrage“ [1]).

Тѣмъ временемъ наша Дунайская флотилія бездѣйствовала на низовьяхъ Дуная. Ее не умѣли использовать въ активныхъ цѣляхъ и держали здѣсь для противодѣйствія возможности входа непріятельскихъ судовъ въ рѣку со стороны Чернаго моря.

Въ половинѣ января суда нашей флотиліи были расположены слѣдующимъ образомъ: на р. Прутъ у Рени стояло 9 канонерскихъ лодокъ и пароходъ „Ординарецъ“; при Галацѣ — 3 лодки и пароходъ „Прутъ“; у Четала—6 лодокъ; на рейдѣ у Измаила— 9 лодокъ и пароходы „Метеоръ“ и „Сулинъ“. Сверхъ того, по одному судну стояло въ Сулинѣ, у Очаковскаго гирла и у пос. Вилькова [2]).

Вопросъ о способѣ употребленія Дунайской флотиліи служилъ предметомъ обширной переписки и даже споровъ между княземъ Горчаковымъ и Меншиковымъ.

Въ Дунайской арміи не было лица, сумѣвшаго дать надлежащее примѣненіе этой рѣчной силѣ, которая могла бы способствовать нашимъ набѣгамъ на турецкій берегъ Дуная или, по крайней мѣрѣ, обезпечить насъ отъ постояннаго безпокойства непріятелемъ. Съ другой стороны, желая все-таки использовать флотилію, ей иногда ставили задачи, не соотвѣтствовавшія ея средствамъ, какъ, напримѣръ, борьбу съ береговыми батареями, безцѣльно разрушая матеріальную часть, которая могла оказать большую помощь при предстоящей переправѣ черезъ Дунай. Можно смѣло сказать, что ни со стороны сухопутныхъ генераловъ, ни со стороны моряковъ не нашлось лицъ, способныхъ руководить операціями столь важнаго фактора, какъ рѣчная флотилія, при борьбѣ на берегахъ рѣки протяженіемъ почти 300 верстъ.

„Si vous voulez que cette flottille vous soit utile pour la grande „opération du passage sur l'autre rive“, писалъ Меншиковъ князю Горчакову [3]), „empêchez Liders de l'employer avec aussi peu d'in„telligence qu'il le fait“.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 8 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., секр. д. № 57.
Кн. Долгорукій—кн. Меншикову 25 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.
Кн. Меншиковъ — военному министру 24 января 1854 г. Тамъ же.
Ген.-ад. Сакенъ — кн. Горчакову 27 февраля 1854 г., № 57. Тамъ же, д. № 3354.
Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову, февраль 1854 г. Тамъ же, д. № 4253.
Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 24 марта 1854 г. Тамъ же.
[2]) Воен. ист. журн. войскъ 3, 4 и 5 корп. за 1854 г.
[3]) 7 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

Но, кромѣ платоническихъ совѣтовъ и сожалѣній, что Горчаковъ не имѣетъ талантливыхъ помощниковъ, князь Александръ Сергѣевичъ ничѣмъ не помогъ своему другу, хотя въ его распоряженіи находился весь личный составъ Черноморскаго флота.

На несоотвѣтственное употребленіе Дунайской флотиліи обратилъ вниманіе и Императоръ Николай. „Про турецкіе пароходы „на Дунаѣ ничего не знаю“, писалъ Государь князю Горчакову [1]). „Нашей флотиліи ихъ пропускать не должно; вотъ ея цѣль, а „не пустыя и убыточныя канонады съ батареями, кончающіяся „*ничѣмъ*“.

Въ половинѣ февраля князь Горчаковъ рѣшилъ, въ виду предполагавшагося загражденія устья Дуная затопленными судами, часть нашей флотиліи поднять отъ Галаца вверхъ по рѣкѣ и сосредоточить у Браилова. Такъ какъ намъ не удалось воспрепятствовать туркамъ возвести на ихъ берегу рѣки, противъ Браилова, рядъ укрѣпленій, предназначенныхъ по преимуществу для охраненія входа въ Мачинскій рукавъ, то операція провода нашей флотиліи подъ огнемъ этихъ батарей представлялась дѣломъ не легкимъ. Ее рѣшено было произвести ночью, а для отвлеченія вниманія турокъ сдѣлать, передъ проходомъ судовъ, высадку на правый берегъ и атаковать наиболѣе опасную батарею, построенную турками въ трехъ верстахъ ниже Браилова.

Эта задача въ ночь съ 17 на 18 февраля была возложена на 300 егерей Замосцскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Ковальковскаго, который, узнавъ о приближеніи флотиліи, переправился на правый берегъ и атаковалъ въ штыки батарею. Потерявъ въ этой атакѣ 16 человѣкъ убитыми и 23 ранеными, замосцы дали возможность благополучно провести изъ Галаца въ Браиловъ 2 парохода и 8 канонерскихъ лодокъ, послѣ чего вернулись на свой берегъ [2]).

Между тѣмъ, еще вскорѣ послѣ окончанія дѣла у Журжи генералъ Шильдеръ рѣшилъ отправиться въ Каларашскій отрядъ, чтобы произвести съ силистрійской флотиліей такую же опе-

---

[1]) Государь Императоръ — кн. Горчакову 5 (17) февраля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 20 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88. Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 18 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3423.

Вахт. журн. кан. лодки № 27. Черн. цент. в. мор. арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2566, св. 141.

рацію, какая была произведена съ рущукской. „Je n'ose pas „trop compter sur un grand succès de ce côté", писалъ по этому поводу князь Горчаковъ военному министру [1]), „la plage étant „moins favorable et l'ennemi ayant les moyens d'abriter ses embar- „cations des îles; mais il fera le possible et je l'ai fortement „engagé de ne pas tenter l'impossible"... Однако, исполненіе этого намѣренія было на нѣкоторое время отложено, и лишь 16 февраля въ Каларашъ прибылъ, по порученію Шильдера,

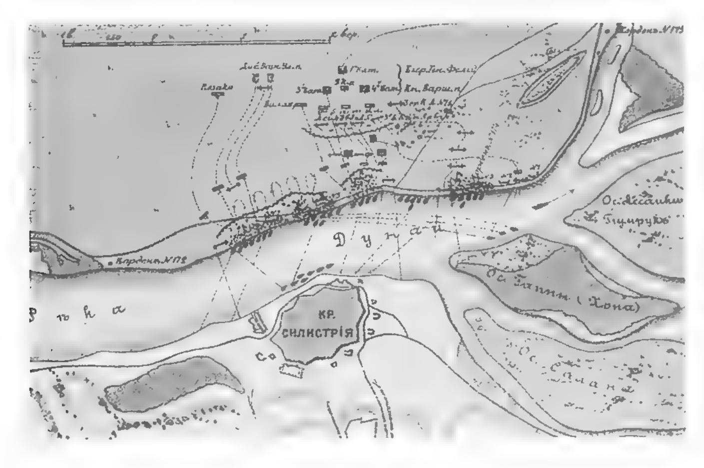


Схема № 34.

генералъ Хрулевъ съ инженерными офицерами для постройки противъ Силистріи батарей.

Произведя рекогносцировку рѣки, онъ приступилъ къ сооруженію на нашемъ берегу семи батарей — трехъ противъ острова Гопа [2]) и четырехъ противъ Силистріи. Турки противодѣйствовали нашимъ работамъ рѣдкимъ и безвреднымъ огнемъ и къ 19-му числу вечеромъ батареи были окончены, но не вооружены.

Непріятель рѣшилъ воспользоваться удаленіемъ нашего отряда отъ берега и 20 февраля на разсвѣтѣ снарядилъ сильную экспедицію на лѣвый берегъ Дуная, которая должна была сбить охранявшую батареи цѣпь казаковъ и срыть наши постройки. Съ этой цѣлью около 6000 человѣкъ переправились на 30 судахъ, въ два пріема, съ острова Гопа и отъ Силистріи черезъ Дунай и, сбивъ казаковъ, двинулись противъ батарей.

---

[1]) Отъ 6 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., секр. д. № 57.
[2]) См. схему № 34, стр. 679.

Въ Калараш्ѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Богушевскаго, силою въ $4\frac{1}{4}$ батал., 2 эск., 2 сот., 12 пѣш. и 6 конн. орудій [1]), который, при первомъ извѣстіи о высадкѣ непріятеля, быстро направился по теченію р. Борчи къ угрожаемому пункту, отстоявшему верстъ на восемь отъ Калараша. Здѣсь послѣ небольшого отдыха отрядъ выстроилъ параллельно теченію Дуная и въ верстѣ отъ берега боевой порядокъ подъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости. Впереди, подъ прикрытіемъ густой цѣпи застрѣльщиковъ, была поставлена вся пѣшая артиллерія, имѣя за собой пѣхоту въ трехъ линіяхъ. Въ первой линіи въ ротныхъ колоннахъ три роты 2-го баталіона егерскаго кн. Варшавскаго полка и роту Валахскаго полка; вторую линію составляли 3 и 4 баталіоны егерей въ колоннахъ къ атакѣ, имѣя между собой оставшуюся роту 2-го баталіона въ ротной колоннѣ, и, наконецъ, въ резервѣ за второй линіей сталъ 1-й баталіонъ егерей въ полувзводной колоннѣ изъ середины.

На флангахъ ротъ первой линіи расположилось по три конныхъ орудія, а на правомъ флангѣ второй линіи стали уланы и казаки.

Генералъ Хрулевъ принялъ подъ свое начальство правый флангъ, а генералъ Богушевскій центръ и лѣвый флангъ.

Степанъ Александровичъ, не давши туркамъ опомниться, приказалъ штабсъ-капитану Ахбауру, адъютанту генерала Шильдера, хорошо знакомому съ мѣстностью, вести на лѣвый флангъ непріятеля, въ направленіи на нашу крайнюю батарею, три конныхъ орудія, уланъ и казаковъ.

Турки, переставъ срывать укрѣпленія, двинули противъ кавалеріи полкъ египтянъ съ густой цѣпью застрѣльщиковъ.

Но конныя орудія лихо вынеслись впередъ и картечью осыпали непріятельскую пѣхоту, заставивъ ее отступить къ Дунаю подъ преслѣдованіемъ нашихъ уланъ и казаковъ. Ахбауръ пододвинулъ тогда орудія къ самому берегу Дуная и открылъ огонь по отплывающимъ судамъ.

Около 500 турокъ не успѣли сѣсть въ лодки и толпились на узкой полосѣ, заслоненной крутымъ берегомъ рѣки. Не имѣя возможности атаковать ихъ въ конномъ строю, Хрулевъ спѣшилъ уланъ, казаковъ, артиллерійскую прислугу и ѣздовыхъ и во главѣ

---

[1]) Егерскаго кн. Варшавскаго п., Вознес. ул. п., донск. каз. № 34 п., кон. легк. № 7 батар. и 9 арт. бр. батар. № 3 и легк. № 8 батар. и роты Валахскаго п.

этой кучи бросился въ пики и шашки на противника, окончательно уничтоживъ его.

Тѣмъ временемъ первая линія нашей пѣхоты, пройдя въ интервалы между орудіями, двинулась, прикрываясь камышами, къ срываемому турками редуту № 4. Сильный огонь, которымъ были встрѣчены егеря, не помѣшалъ ихъ штыковой атакѣ, и непріятель и здѣсь бѣжалъ къ судамъ подъ прикрытіемъ огня изъ крѣпости. Тогда наши 4 батарейныхъ орудія выдвинулись къ самому берегу Дуная, снялись между укрѣпленіями №№ 3 и 4 и окончательно добили здѣсь турокъ.

Одновременно съ этимъ конныя орудія лѣваго фланга генерала Богушевскаго выдвинулись противъ батареи № 3, гдѣ непріятель, стоя на бруствёрѣ, разбрасывалъ землю. Обстрѣлявъ, послѣдовательно съ двухъ позицій, турокъ прицѣльнымъ огнемъ, командовавшій орудіями полковникъ Зыбинъ подскакалъ къ батареѣ на 100 саженей и, приказавъ для скорости дослать картечныя жестянки на ядра и гранаты, которыми орудія были уже заряжены, открылъ убійственный огонь по туркамъ, бѣжавшимъ къ своимъ лодкамъ. Полковникъ Зыбинъ перенесъ огонь на лодки, изъ которыхъ двѣ потопилъ вмѣстѣ съ находившимися на нихъ людьми.

Во время общаго бѣгства турокъ генералъ Богушевскій получилъ донесеніе, что три турецкія лодки потеряли руль и неслись по теченію къ острову Гопу. Тогда онъ быстро направилъ къ батареѣ № 1, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, тѣ четыре батарейныхъ орудія, которыя уже раньше переѣхали на берегъ Дуная. Мѣткимъ огнемъ лодки эти также были потоплены.

Потеря наша въ этотъ день заключалась въ 9-ти раненыхъ, что можно объяснить отсутствіемъ на турецкихъ лодкахъ орудій и умѣлымъ примѣненіемъ нашихъ войскъ въ густыхъ камышахъ, покрывавшихъ берегъ Дуная. Потеря непріятеля состояла изъ 38 плѣнныхъ, 248 убитыхъ, 4 погибшихъ и 2 сильно попорченныхъ лодкахъ, кромѣ значительнаго числа людей, утонувшихъ и раненыхъ.

Въ блестящемъ дѣлѣ Хрулева поистинѣ все радуетъ сердце. Отсутствіе растерянности, быстрота сбора и подхода къ угрожаемому пункту всего отряда, взаимодѣйствіе разныхъ родовъ оружія, примѣненіе ихъ сообразно съ присущими имъ свойствами, подвижность артиллеріи, соотвѣтственное значеніе стрѣлковыхъ цѣпей и та рѣшимость старшаго начальника, которая электрической

искрой проходитъ до послѣдняго рядового. Результатомъ всего этого явился сильный подъемъ духа Каларашскаго отряда, переставшаго бояться силистрійскихъ турокъ.

Наши поврежденныя батареи были вновь исправлены и 21 февраля вооружены 9-ю орудіями. На слѣдующій день Хрулевъ началъ обстрѣливать изъ нихъ крѣпость, произведя въ ней нѣсколько пожаровъ и заставивъ на время прекратить огонь съ ея верковъ. Къ вечеру артиллерія наша благополучно вернулась въ крѣпость [1]).

IV.

Изложенными событіями въ общемъ исчерпываются дѣйствія наши на Дунаѣ въ періодъ, предшествовавшій совершенію операціи переправы черезъ эту рѣку. Энергія, проявленная генераломъ Шильдеромъ, пробудила нашу армію, подняла ея духъ нѣсколькими успѣшными дѣлами, показавъ, что мы не только можемъ отбивать попытки непріятеля противъ нашего берега, но и въ свою очередь безпокоить его и наносить ему существенный вредъ. Съ своей стороны турки должны были перестать смотрѣть на армію князя Горчакова, какъ на обозначеннаго противника, и начать считаться съ ея хоть и мелкими, но все-таки наступательными порывами. Шильдеръ и Хрулевъ, тревожа турокъ послѣдовательно на разныхъ пунктахъ длинной оборонительной линіи Дуная, невольно должны были развлечь вниманіе непріятеля и ввести его въ заблужденіе относительно предполагаемаго пункта нашей переправы черезъ рѣку, такъ какъ наступающая весна заставляла его ожидать совершенія этой операціи. Таково, по нашему мнѣнію, было значеніе шума Шильдеровскихъ батарей, который въ общемъ не произвелъ существеннаго измѣненія въ нашей обстановкѣ на Дунаѣ. Онъ былъ лишь прелюдіей къ блестящему переходу черезъ эту рѣку князя Горчакова, предписанному ему Императоромъ Николаемъ, и на скорѣйшемъ исполненіи котораго

---

[1]) Описаніе дѣла при Каларашѣ. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 82.
Рапортъ ген. Хрулева кн. Горчакову 21 февраля 1854 г., № 19. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.
Рапортъ ген. Богушевскаго ген. Коцебу 20 февраля 1854 г., № 304. Тамъ же.
П. К. Меньковъ: Дѣло подъ Каларашемъ. Музей Севастопольской обороны.
Хрулевъ — Шильдеру 22 февраля 1854 г. Русск. Стар., 1875 г., декабрь.
Письмо Батезатула къ роднымъ. Музей Севастопольской обороны.
Алабинъ: Вост. война, ч. II, стр. 185 — 187.

такъ настаивалъ Государь. Но, прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію этой свѣтлой страницы кампаніи 1854 года на европейскомъ театрѣ, упомянемъ вкратцѣ о тѣхъ стычкахъ, которыя въ концѣ февраля и въ началѣ марта происходили въ разныхъ пунктахъ нашего расположенія.

Наступательныя попытки турокъ въ половинѣ февраля отъ Туртукая и овладѣніе ими большимъ островомъ, лежащимъ противъ этого пункта, заставили командировать въ Ольтеницкій отрядъ

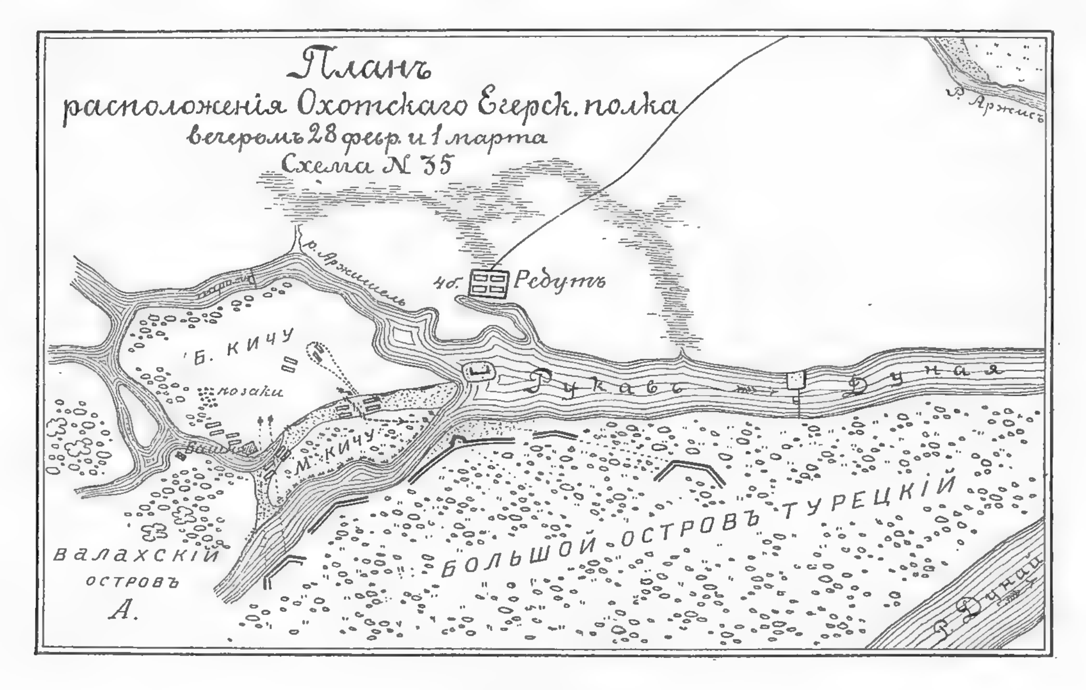


Схема № 35.

генерала Хрулева, которому было приказано очистить занятый противникомъ островъ.

Съ этой цѣлью въ ночь съ 27 на 28 февраля имъ были построены и вооружены на лѣвомъ флангѣ пять батарей, каждая на одно орудіе, для стрѣльбы вдоль острова съ разстоянія 60-ти саженей и на правомъ флангѣ, на островѣ Малый Кичу, четыре батареи, тоже на одно орудіе каждая, для пораженія турецкаго острова косыми выстрѣлами съ разстоянія 50-ти саженей. Такимъ образомъ островъ долженъ былъ обстрѣливаться перекрестнымъ огнемъ нашихъ батарей. Въ означенныхъ работахъ впервые въ эту кампанію принималъ участіе подполковникъ Тотлебенъ, стя-

жавшій себѣ впослѣдствіи неувядаемую славу на бастіонахъ Севастопольскихъ.

Генералъ Хрулевъ предполагалъ, обстрѣлявъ занимаемый турками и покрытый густымъ лѣсомъ островъ, атаковать его. Съ этой цѣлью 28 числа, около часа дня, съ вновь устроенныхъ батарей былъ открытъ перекрестный огонь и въ то же время на паромѣ изъ 18-ти лодокъ были перевезены на островъ Б. Кичу два баталіона Охотскаго полка, а третій оставленъ на лѣвомъ берегу у переправы [1]). Камчатскій же егерскій полкъ былъ переведенъ на правый берегъ р. Аржиса, кромѣ трехъ ротъ, оставленныхъ въ карантинѣ и въ Ольтеницѣ.

Въ пять часовъ дня, полагая островъ достаточно обстрѣленнымъ, генералъ Хрулевъ направилъ на Валахскій островъ пять орудій подъ прикрытіемъ баталіона охотцевъ, съ цѣлью построить тамъ батарею для дѣйствія въ тылъ туркамъ. Орудія своимъ картечнымъ огнемъ заставили непріятеля очистить первую линію ложементовъ, но его сильный огонь со второй линіи и отсутствіе ожидаемаго брода заставили Хрулева отказаться отъ предполагаемой попытки и рѣшиться устроить переправу ниже по теченію рукава для атаки съ этой стороны. Однако, и здѣсь турками были приняты мѣры къ самой упорной оборонѣ, что заставило Хрулева приказать войскамъ вернуться на мѣста ихъ прежней стоянки.

Уронъ нашъ въ этомъ дѣлѣ простирался до 100 убитыхъ и раненыхъ [2]).

Дальнѣйшія дѣйствія здѣсь ограничились закрѣпленіемъ занятаго обѣими сторонами положенія.

Противъ никопольской флотиліи въ февралѣ мѣсяцѣ нами производилась ежедневная рѣдкая стрѣльба изъ батарей, устроенныхъ около Турно. Это совершенно прекратило движеніе непріятельскихъ судовъ по Дунаю, которыя, направляясь изъ Видина или Рахова, останавливались, не доходя Никополя, у сел. Излазлы. Наша стрѣльба вызвала принятіе непріятелемъ нѣкоторыхъ мѣръ, въ видѣ занятія и укрѣпленія ближайшихъ острововъ, чѣмъ дѣйствія здѣсь и ограничились вплоть до перехода нами черезъ Дунай.

Тѣмъ временемъ сильный по численности Мало-Валахскій отрядъ генерала Липранди продолжалъ исполнять строго пассивную задачу стѣсненія калафатскихъ турокъ и ограничивался лишь

---

[1]) См. схему № 35, стр. 683.

[2]) Ген. Хрулевъ — кн. Горчакову 2 марта 1854 г., № 45. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426. Алабинъ: Четыре войны, II, стр. 193 и 194.

производствомъ ряда рекогносцировокъ съ цѣлью держать непріятеля въ страхѣ всегда ожидаемаго нашего наступленія.

Такъ, 2 февраля [1]), узнавъ, что турки снова заняли сел. Чепурчени значительнымъ отрядомъ, около $2\frac{1}{2}$ тысячъ при 2-хъ орудіяхъ, генералъ Липранди двинулъ ночью свой отрядъ къ этому селенію съ цѣлью, по возможности, отрѣзать непріятеля отъ Калафата.

Собственно наступленіе на Чепурчени должно было быть произведено колонной Бельгарда изъ Пояны [2]). Отрядамъ, расположеннымъ въ Гуніи и Мадловитѣ, было приказано пододвинуться на полторы версты къ Калафатскимъ укрѣпленіямъ съ цѣлью поддержать Бельгарда, если бы турки вышли изъ Калафата на помощь своимъ. Наконецъ, войска, расположенныя въ Голенцы-Команы, также должны были приблизиться къ Калафату, составляя резервъ остальныхъ колоннъ.

Подходъ Бельгарда къ Чепурченямъ заставилъ турокъ, заблаговременно освѣдомленныхъ объ этомъ своими передовыми постами, поспѣшно отступить, обмѣнявшись съ нами лишь нѣсколькими орудійными выстрѣлами, которые произвели сильную тревогу въ Калафатѣ.

Бельгардъ, исполнивъ свою задачу занять Чепурчени, не зналъ, что ему дѣлать дальше. Офицеръ, посланный за приказаніемъ къ генералу Липранди, заблудился, и Поянскій отрядъ остался на мѣстѣ, не считая нужнымъ развить свой успѣхъ.

Подошелъ къ Калафатскимъ укрѣпленіямъ и генералъ Липранди, который, не зная, что дѣлается у Бельгарда, также остановился на мѣстѣ.

А между тѣмъ у турокъ, по словамъ бѣжавшихъ оттуда мѣстныхъ крестьянъ, паника приняла грандіозные размѣры. „Казалось бы“, пишетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ [3]), „какого болѣе благопріятнаго момента было ждать для „атаки Калафата! Тутъ бы и ударить на турокъ! Такъ нѣтъ — „наши не могутъ ни на что рѣшиться и не атакуютъ“ . . .

И, дѣйствительно, на разсвѣтѣ войска Мало-Валахскаго отряда вернулись на свои мѣста, ограничась истребленіемъ запасовъ у Чепурчени и подморозивъ значительное число нижнихъ

---

[1]) Рапортъ ген. Липранди кн. Горчакову 15 февраля 1854 г., № 115. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) См. схемы №№ 18 и 20, стр. 395 и 402.

[3]) Алабинъ: Четыре войны, т. II, стр. 173.

чиновъ, такъ какъ въ теченіе ночи морозъ окрѣпъ съ 5 до 15 градусовъ.

7-го февраля Мало-Валахскій отрядъ вновь произвелъ безцѣльное наступленіе къ Калафату, исполняя приказаніе князя Горчакова возможно чаще тревожить тамъ турокъ [1]).

Войска изъ Мадловиты и Поянъ слѣдовали къ Калафату кратчайшими путями, отдѣливъ къ сторонѣ Чепурчени 4 эскадрона гусаръ съ 4 конными орудіями и сотней казаковъ [2]), съ цѣлью удостовѣриться, не занято ли вновь это селеніе непріятелемъ.

Оттѣснивъ передовыя части противника, отрядъ остановился въ 2 верстахъ отъ Калафатскихъ укрѣпленій и выставилъ на особо устроенныхъ станкахъ 4 единорога для дѣйствія навѣсными выстрѣлами съ дальняго разстоянія. Огонь этотъ привелъ турецкія войска въ движеніе и заставилъ отвѣчать ихъ двѣ лѣво-фланговыя батареи, которыя никакого вреда намъ не наносили. Замѣтивъ предѣлъ, до котораго достигали непріятельскіе снаряды, генералъ Липранди выставилъ внѣ этого предѣла 8 батарейныхъ орудій, открывшихъ огонь по лѣво-фланговому редуту, который находился на берегу Дуная. Дѣйствіе этихъ орудій заставило непріятеля открыть огонь еще съ двухъ батарей и обнаружило намъ, что Калафатскія укрѣпленія, или, по крайней мѣрѣ, лѣвая половина ихъ, были вооружены только полевыми орудіями.

Въ то же время отрядъ, высланный къ Чепурчени, засталъ тамъ 250 турецкихъ кавалеристовъ, которыхъ атаковалъ и разсѣялъ.

Къ серединѣ февраля было выяснено, что въ Рахово прибыло съ разныхъ сторонъ до 2000 человѣкъ турецкой пѣхоты; конница же, находившаяся въ этомъ городѣ, отправлена внизъ по Дунаю къ Рущуку. Въ Ломъ-Паланкѣ находилось до 3000 турецкихъ войскъ, а между Видиномъ и р. Тимокъ производилось по Дунаю большое движеніе лодокъ.

Вслѣдствіе этого генералъ Липранди снарядилъ, подъ начальствомъ полковника Веймарна, особую подвижную колонну изъ 2 эск., 2 к. ор., одной роты и команды штуцерныхъ [3]), которая двинулась вверхъ по Дунаю до сел. Груи, мѣшая своимъ огнемъ свободному плаванію турецкихъ судовъ.

---

[1]) Рапортъ ген. Липранди кн. Горчакову 8 февраля 1854 г., № 122. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Гусарск. кн. Варшавскаго полка и кон. легк. № 10 батареи.

[3]) Гусарск. Принца Фридриха Карла Прусскаго полка, кон. легк. № 10 батареи и Азовск. пѣх. полка.

Тѣмъ временемъ, когда Липранди производилъ безплодныя рекогносцировки Калафата, долженствовавшія устрашить турокъ, но по мѣрѣ ихъ однообразнаго повторенія терявшія и это свойство, старикъ Шильдеръ волновался въ Калараш и Браиловѣ, изнывая желаніемъ лично поѣхать въ Мало-Валахскій отрядъ, гдѣ онъ разсчитывалъ однимъ ударомъ покончить съ безпокойными калафатскими турками. „L'affaire de Kalafat est celle qui m'intéresse le „plus après toutes les besognes à Braïlof et Galatz qui pèsent encore

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

„sur moi", писалъ онъ князю Горчакову [1]). „Vous n'avez, mon „prince, qu'à vouloir et la garnison de Kalafat sera faite prisonniée"... Но командовавшій войсками на Дунаѣ, видимо, боялся, что Шильдеръ придастъ очень рѣшительный характеръ дѣйствіямъ противъ этого столь деликатнаго въ глазахъ князя Горчакова пункта, такъ какъ старику-инженеру не удалось туда попасть, несмотря на рѣшительныя требованія Карла Андреевича. Въ своихъ послѣдующихъ запискахъ какъ на имя Горчакова, такъ и на

[1]) 18 февраля 1854 г., изъ Калараша. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. II, д. № 3357.

имя военнаго министра, онъ настоятельно требовалъ разрѣшенія отправиться къ Калафату, обѣщая заставить плѣненный турецкій отрядъ положить свои знамена къ ногамъ Царя [1]).

Кто знаетъ, можетъ быть, генералу Шильдеру удалось бы влить въ Мало-Валахскій отрядъ тотъ духъ рѣшимости и отсутствія страха отвѣтственности, которые, вѣроятно, одни были причиной существованія турокъ на нашемъ берегу Дуная. По крайней мѣрѣ, французскій полковникъ Діё, который посѣтилъ въ это время Калафатъ, рисуетъ положеніе турокъ тамъ далеко не въ блестящемъ видѣ. Укрѣпленный лагерь, по его словамъ [2]), былъ очень растянутъ, могъ вмѣщать въ себѣ до 60 тысячъ, не имѣлъ редюита и требовалъ оставлять въ немъ въ случаѣ вылазки много войскъ. А между тѣмъ турецкія силы были тамъ незначительны, очень утомлены постоянной бдительностью, и Омеръ-паша долженъ былъ отказаться отъ всякихъ наступательныхъ попытокъ. Вообще авторъ письма не оправдывалъ желанія турокъ удерживать Калафатъ въ своихъ рукахъ; они не могли дѣйствовать противъ нашего фланга и были совершенно заперты въ своемъ лагерѣ послѣ укрѣпленія нами Пояны, Мадловиты и другихъ селеній.

Французскій корреспондентъ не догадывался какое нравственное вліяніе на князя Горчакова имѣла эта горсть турокъ, смѣло уцѣпившаяся за нашъ берегъ Дуная и надолго парализовавшая волю многочисленной русской арміи.

На низовьяхъ Дуная также продолжались мелкія стычки съ непріятелемъ, происходившія большею частью изъ-за постройки турками батарей на своемъ берегу, мѣста для которыхъ мы имъ указывали нашими не всегда сноровистыми активными попытками, о которыхъ говорилось выше.

Такъ, демонстративная переправа русскихъ войскъ у Браилова 17 февраля указала туркамъ на необходимость устройства противъ кордона № 260 (въ 3-хъ верстахъ ниже Браилова) укрѣпленія съ двумя орудіями и увеличенія тамъ числа войскъ [3]). Мы на это отвѣтили постройкой на нашемъ берегу двухъ батарей, на 2 орудія каждая, и поддерживали противъ турокъ рѣдкій огонь. Непріятель дѣлалъ также нѣсколько попытокъ переправы небольшихъ частей на лѣвый берегъ рѣки съ цѣлью очистки

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1854 г., секр. д. № 34.
[2]) Полк. Діё — ген. Барагэ-д'Илье 13/25 марта 1854 г. Парижскій воен. архивъ.
[3]) См. схему № 28 (папка).

этого берега отъ камыш..., но легко былъ отбиваемъ нашими войсками.

Въ такихъ въ общемъ незначительныхъ стычкахъ въ концѣ февраля и въ началѣ марта заключались дѣйствія враждующихъ сторонъ на европейскомъ театрѣ войны.

Но этотъ періодъ обоюднаго спокойствія пришелъ къ концу. Россія вступила въ новый фазисъ борьбы, борьбы съ сильной коалиціей Англіи, Франціи и Турціи, которая хоть отчасти развязала связанныя дипломатическими путами руки нашей родины и дала возможность намъ попытаться взять иниціативу въ свои руки и перебросить театръ войны на тотъ берегъ Дуная.

Время, однако, было упущено, и гнетъ пассивности лицъ, стоявшихъ во главѣ арміи, этого вѣчнаго предвѣстника неудачной войны, совмѣстно съ ихъ боязнью риска и отвѣтственности, въ скоромъ времени вновь и на этотъ разъ навсегда сковалъ орлиный полетъ мысли и воли Императора Николая!

Грозовыя тучи, нависшія надъ всѣмъ пространствомъ Россіи въ видѣ состоявшагося разрыва съ западными державами и возможности нападенія врага на всѣ обширныя границы нашего отечества заставили все русское общество особенно чутко относиться къ тому, что дѣлалось на берегахъ Дуная. „L'inquiétude où nous „sommes est si grande que tout nous semble présage", занесъ по этому поводу въ свой дневникъ князь П. П. Гагаринъ [1]). Намъ такъ хотѣлось какого-нибудь блестящаго дѣла у Горчакова и хотѣлось не только во славу русскаго оружія, но какъ необходимаго удара грома, который долженъ былъ уменьшить дерзость враговъ Россіи, искусно завязавшихъ изъ злобы, ненависти и злословія мертвую петлю вокругъ шеи русскаго колосса.

Однако, одной арміи, во главѣ съ нерѣшительнымъ главнокомандующимъ, не по силамъ было сдѣлать на берегахъ международнаго Дуная то, что позднѣе съ успѣхомъ выполнилъ, подъ руководствомъ того же лица, многострадальный Севастополь соединенными усиліями арміи и нравственной поддержки всего русскаго народа, ставшаго на защиту своего великодержавнаго бытія.

---

[1]) Подъ 8 марта. Собственная Его Величества библіотека.

„Que veut-on“, писалъ князь Гагаринъ 9 марта [1]). „Pourquoi „se bat-on? Nul ne le sait que cette odieuse Angleterre qui compte „comme prospérité personnelle tout le mal qui arrive aux autres. „Odieux pays, qui, si les peuples étaient comme les hommes, devrait „être compté comme un grand criminel et comme tel condamné par „le globe. Ce n'est pas contre la Russie qu'il faudrait une coalition, „mais bien contre elle“.

Сѣтованія на руководителей нашими операціями на Дунаѣ раздавались и въ арміи, и въ средѣ русской интеллигенціи, и въ придворныхъ сферахъ.

„Да, и вообще говоря, какъ у насъ организована оборона „Дунайскаго берега“, пишетъ одинъ изъ участниковъ этой войны [2]). „Войска растянуты на значительномъ пространствѣ, при чемъ они „ни въ какомъ случаѣ не будутъ имѣть возможности во время „стянуться къ дѣйствительно угрожаемому пункту. Высшее на„чальство находится слишкомъ далеко, чтобы его распоряженія „могли поспѣть своевременно къ ближайшему начальству войскъ, „охраняющихъ Дунай, которому не дано почти никакой само„стоятельности“.

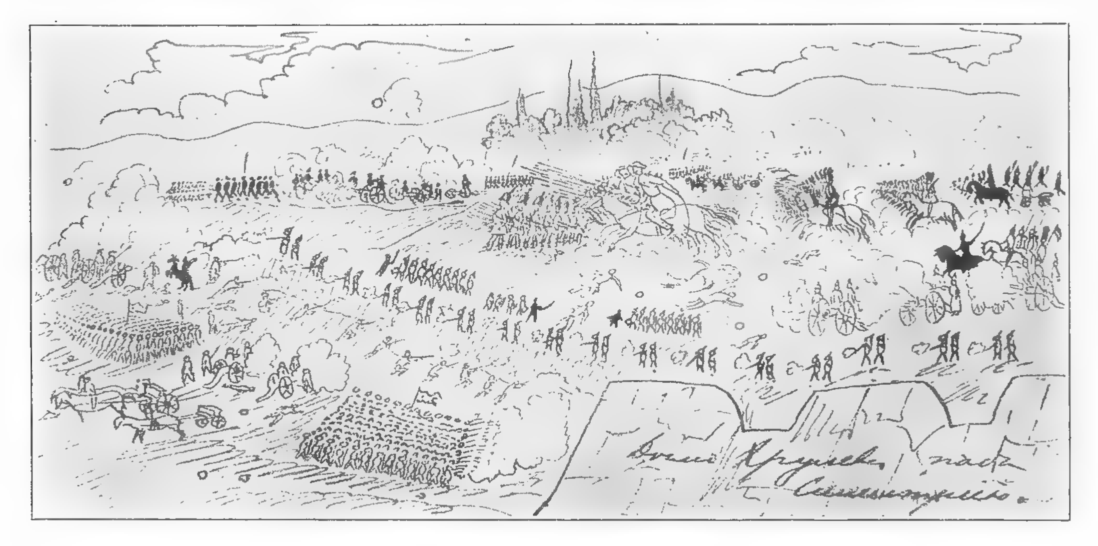
Въ свою очередь извѣстный славянофилъ С. Т. Аксаковъ 5 февраля 1854 года писалъ Погодину [3]): „Наше политическое „положеніе меня съ ума сводитъ. Я боюсь не Европы, на насъ „возстающей, а боюсь сомнѣній и нерѣшительности съ нашей „стороны и боюсь также за выборъ главнокомандующихъ, кото„рыхъ понадобится нѣсколько. Говорятъ, что на Дунаѣ распо„ряженія очень плохи, а въ Главномъ Штабѣ все почти не чисто „русскіе люди и даже много измѣны. Этакъ, пожалуй, и съ „чуднымъ войскомъ будетъ плохо“.

Князь П. П. Гагаринъ въ своемъ дневникѣ, который можетъ служить отголоскомъ разговоровъ въ высшихъ сферахъ Петербурга, также посвящаетъ арміи нѣсколько строкъ [4]): „Le maré„chal [5]) est ici depuis dimanche. Il ira prendre le commandement de „l'armée du Danube et tout le monde s'en réjouit: il est vieux, peut„être l'âge a-t-il amoindri ses forces et par conséquent l'homme, „mais il y aura toujours le prestige de ses anciens succès et la

[1]) Собственная Его Величества библіотека.
[2]) Алабинъ: Четыре войны, ч. II, стр. 190—192.
[3]) Н. Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIII, стр. 35 и 36.
[4]) Подъ 9, 10 и 11 ноября. Собственная Его Величества библіотека.
[5]) Паскевичъ.

„confiance de l'armée et de l'Empereur... On a fait une caricature „de son prédécesseur le prince Gortchakoff. Il a les deux bras étendus, „les revers des mains sont visibles, sur l'un d'eux est écrit *ordre,* „sur l'autre *contre-ordre,* sur le front *désordre.* Je ne sais à quel „point cela est mérité, mais cela n'est pas agréable, surtout à la „suite d'une campagne dont il n'est peut-être pas responsable, mais „où il n'y a rien eu de remarquable et que l'Europe a marquée en „disant qu'Omer pacha l'avait tenu en échec avec une armée peu „formidable".

Военный министръ князь В. А. Долгоруковъ также открыто печаловался на ходъ нашихъ военныхъ операцій на Дунаѣ.



Дѣло Хрулева подъ Силистріей
(набросокъ съ натуры Рутковскаго).

Желая успѣха въ загражденіи русла Дуная, онъ писалъ князю Меншикову [1]): „Dieu veuille qu'elles réussissent mieux que nos „premiers essais sur le Danube. Ceux-ci me navrent le cœur „et si nous continuons du même train, nous perdrons notre armée „avant qu'elle ne puisse être employée efficacement. C'est surtout „à cette heure que nos troupes vont nous devenir nécessaires. „La politique est plus embrouillée que jamais et sans plus penser „aux récriminations il faut, selon moi, coûte que coûte vaincre „ou mourir".

[1]) 25 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

На подобные упреки, неоднократно повторяемые, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, виноватый не болѣе другихъ въ невзгодахъ, постигшихъ Россію, отвѣчалъ военному министру слѣдующими словами оправданія уже въ концѣ 1854 года [1]): „Les reproches que vous nous faites, mon cher prince, sur le peu „de succès du résultat des campagnes de 1853 et 1854, me paraissent injustes. Ce n'est pas à cause du décousu des opérations que „nous n'avons pas eu de succès, mais par suite de la nature des „choses. Que pouvais-je faire en 1853 plus que de couvrir les „Principautés? Je l'ai fait d'abord avec un seul corps d'armée et à „l'arrivée du 3-me corps j'ai refoulé l'ennemi jusqu'à Kalafat. Il est „vrai que je n'ai pas forcé ce dernier point, mais c'eût été de la „démence de le tenter. Kalafat était certes plus fort que ne l'était „Sévastopol au commencement de septembre et d'une importance „aussi parfaitement minime que Sévastopol est d'une importance „majeure, et pourtant les anglo-français, qui disposent de bien d'autres „moyens que ceux que j'aurais pu employer contre Kalafat, n'en „sont pas venus à bout jusqu'à présent".

Трудно согласиться съ подобнымъ взглядомъ автора письма.

Самъ Государь былъ, по обыкновенію, далекъ отъ упрековъ кому бы то ни было и смиренно переносилъ тяжелый, выпавшій на его долю крестъ. „Положеніе наше не легкое", писалъ онъ князю Горчакову 18 февраля 1854 года [2]), „но, возложивъ всю „надежду на милость Божію, на общій славный духъ Россіи и „на храбрость и вѣрность нашихъ героевъ, я спокойно ожидаю, „что Богъ намъ даруетъ, и не унываю".

Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ свершилось событіе, которому суждено было сыграть весьма важную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Грозное положеніе, въ которомъ оказалась Россія послѣ разрыва съ западными державами, сопряженное съ не двусмысленной враждебностью Австріи и колебаніемъ Пруссіи, заставило Императора Николая обратиться къ своему испытанному другу, въ преданность и особыя военныя дарованія котораго онъ несокрушимо вѣрилъ, и вручить оборону Государства на всемъ протяженіи отъ Балтійскаго до Чернаго морей въ руки князя Варшавскаго.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 27 ноября 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 52.

[2]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

Двумя рескриптами [1]), данными на его имя 21 февраля, Паскевичу подчинялись, кромѣ дѣйствующей арміи, войска, находившіяся на Дунаѣ, а также резервныя и запасныя части, которыя будутъ находиться въ подвѣдомственныхъ Паскевичу раіонахъ, но, однако, при условіи, чтобы резервныя части были по преимуществу употребляемы для той цѣли, для которой онѣ предназначались. Этими же рескриптами опредѣлялись права и обязанности князя Горчакова и назначеннаго командовать войсками въ Царствѣ Польскомъ графа Ридигера, какъ въ присутствіи князя Варшавскаго, такъ и въ случаѣ его отсутствія.

6 марта въ главной квартирѣ было получено извѣстіе о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ и о скоромъ прибытіи его на театръ военныхъ дѣйствій. Одновременно князь Михаилъ Дмитріевичъ получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ съ изъявленіемъ искренней признательности Государя за его полезныя заслуги по командованію Дунайской арміей [2]).

Смѣна Горчакова пришла почти наканунѣ исполненія его блестящей переправы черезъ Дунай и была объявлена войскамъ уже послѣ совершенія этой операціи.

„Съ твердостью стоика“, пишетъ одинъ изъ современниковъ [3]), „перенесъ князь Горчаковъ это назначеніе и, поздравляя „съ нимъ войска, говорилъ—успѣхъ переправы за Дунай, совер„шившійся современно назначенію фельдмаршала, предвѣстникъ „побѣдъ и славы, къ которымъ поведетъ насъ испытанный въ „побѣдахъ герой“.

Иное впечатлѣніе произвело это назначеніе на генерала Коцебу, который въ своемъ дневникѣ за 6 марта занесъ слѣдующее [4]): „Получены соображенія новаго главнокомандующаго о нашемъ по„ложеніи. Эти соображенія должны затормозить всѣ наши даль„нѣйшія операціи, потому что онъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, „что Австрія объявитъ намъ войну, что французы и англичане сдѣ„лаютъ высадку у Одессы, вслѣдствіе чего намъ придется перейти „за Серетъ и оставить Малую Валахію. Досадно, досадно!“ [5]).

---

[1]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 7.

[2]) Отъ 21 февраля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[3]) П. К. Меньковъ: Записки, т. I.

[4]) Музей Севастопольской обороны.

[5]) Впрочемъ, Горчаковъ не смогъ совершенно спокойно перенести удара назначенія кн. Варшавскаго главнокомандующимъ, при чемъ ему, Горчакову, выпадала во время нахожденія фельдмаршала при арміи роль его начальника штаба.

Судя по письму отъ военнаго министра Горчакову отъ 2 апрѣля 1854 г. (Русск. Стар., 1876 г., февраль, стр. 334), кн. Михаилъ Дмитріевичъ жаловался ему на постигшую его

И, дѣйствительно, всѣ распоряженія Паскевича должны были, какъ изложено въ своемъ мѣстѣ, погубить операцію переправы черезъ Дунай, если бы въ данномъ случаѣ князя Горчакова не покинула его всегдашняя нерѣшительность.

невзгоду. Письмо Горчакова было доложено Государю и удостоилось отмѣтки: „Жаль, но я „не удивляюсь".

Военный министръ успокаивалъ кн. Михаила Дмитріевича, что имъ никогда такъ не дорожили, какъ въ настоящее время, и что онъ окажетъ большую услугу Государю и отечеству, если войдетъ въ соглашеніе съ фельдмаршаломъ на своей новой должности.

Кн. Долгоруковъ утѣшалъ своего корреспондента, что назначеніе его на должность начальника штаба къ фельдмаршалу было основано единственно на соотвѣтствующей статьѣ положенія о дѣйствующей арміи, согласно которой самъ фельдмаршалъ принимаетъ на себя эту должность въ присутствіи Государя въ арміи.

Глава XIII.

I.

Въ то время, какъ между Петербургомъ, Варшавою и Бухарестомъ шла дѣятельная переписка о планѣ кампаніи на 1854 годъ и въ частности о переходѣ черезъ Дунай, князь Горчаковъ еще съ декабря мѣсяца принялъ на мѣстѣ рядъ мѣръ для подготовки во всѣхъ мелочахъ производства этой операціи. Наибольшее вниманіе въ этомъ отношеніи престарѣлаго командовавшаго арміей привлекалъ на себя нижній Дунай, такъ какъ во всѣхъ фазисахъ рѣшенія вопроса о переправѣ черезъ рѣку онъ долженъ былъ играть извѣстную роль или какъ мѣсто главной переправы, или же какъ раіонъ для производства демонстраціи.

Сюда же почти постоянно обращались и взоры Императора Николая, который вообще торопился перенести дѣйствія своей арміи въ Болгарію, вполнѣ основательно желая встрѣтить ожидаемый со дня на день разрывъ съ западными державами, будучи уже хозяиномъ обоихъ береговъ рѣки. „Гораздо важнѣе для насъ „ускорить переправу на нижнемъ Дунаѣ“, писалъ Государь князю Горчакову, выражая надежду, что онъ не будетъ „брать лбомъ“ Калафатскія укрѣпленія, въ которыхъ къ тому же нельзя удержаться [1]). „Самое счастливое“, продолжалъ онъ, „было бы, кажется, „воспользоваться случаемъ, ежели Дунай замерзнетъ, и сейчасъ „овладѣть Исакчей, Тульчей, Мачинымъ, а потомъ и Гирсовымъ, „не идя далѣе до вскрытія рѣки“. Послѣ же вскрытія рѣки Государь предполагалъ подвести къ Гирсову всю флотилію и подвижной магазинъ на судахъ, при содѣйствіи которыхъ двинуть перешедшія Дунай войска къ Силистріи, гдѣ устроить вторую

---

[1]) Письмо отъ 7 января 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14. Приложеніе № 71.

переправу у Калараша. Однако, отъ такой мысли скоро пришлось отказаться, такъ какъ князь Горчаковъ призналъ рискованнымъ штурмовать открытою силою турецкія крѣпостцы, около которыхъ, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, были сооружены хорошія укрѣпленія, вооруженныя сильной артиллеріей [1]); пришлось остановиться на форсированіи рѣки послѣ того, когда она вскроется, что ожидалось въ началѣ марта.

Но, отдавая генералу Лидерсу распоряженіе о подготовкѣ къ переправѣ на низовьяхъ Дуная, князь Михаилъ Дмитріевичъ попрежнему оставался загипнотизированнымъ наступательными попытками Омера-паши и выражалъ Государю увѣренность, что „коль скоро мы начнемъ переправу на нижнемъ Дунаѣ, Омеръ, „предприметъ сильное наступленіе въ Малой и Большой Валахіи“ [2]). Это соображеніе, совмѣстно съ ожиданіемъ появленія на Балканскомъ полуостровѣ французскаго экспедиціоннаго корпуса, заставило Горчакова ходатайствовать объ усиленіи его арміи. „Участіе „Франціи въ дѣйствіяхъ за Дунаемъ“, такъ кончалъ свое письмо князь Михаилъ Дмитріевичъ, „есть дѣло для насъ крайне невы-„годное, но, сражаясь за Бога и Царя, я остаюсь въ полной „надеждѣ, что святое дѣло Вашего Императорскаго Величества „восторжествуетъ. Можетъ быть, будутъ трудныя минуты, но „славный конецъ увѣнчаетъ дѣло!“ [3]).

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ представилъ очень подробныя свѣдѣнія о возможныхъ для переправы пунктахъ на нижнемъ Дунаѣ и о турецкихъ здѣсь укрѣпленіяхъ [4]).

Согласно его донесенію, въ Тульчѣ [5]) находилось четыре открытыхъ батареи на 16 орудій для обстрѣливанія какъ подступовъ къ городу, такъ и рѣки вверхъ и внизъ по ея теченію. Редюитомъ всѣхъ укрѣпленій служилъ старый редутъ, построенный на горѣ, командующей восточной частью города. Переправу черезъ Дунай здѣсь удобнѣе всего было произвести отъ западной части острова Четала къ устью Сомова гирла, что давало возможность достаточно скрытно выйти на нагорный берегъ рѣки, на дорогу изъ Исакчи въ Тульчу, въ разстояніи полутора версты отъ этой

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Горчакова отъ 21 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 27 января 1854 г. Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ген.-ад. Лидерсъ — военному министру 16 декабря 1853 г., № 3686. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[5]) См. схему № 28 (папка).

послѣдней, и въ тылъ непріятельской батареѣ, которая становилась для отряда безопасной, такъ какъ всѣ амбразуры ея были направлены къ Дунаю. При наступленіи въ этомъ направленіи приходилось, кромѣ переправы собственно черезъ рѣку, строить мостъ, шириною въ 15 саженей, и черезъ гирло Сомово.

Генералъ-лейтенантъ Ушаковъ.

Наиболѣе удобнымъ пунктомъ форсированія рѣки со стороны Галаца служило сел. Писелка (Писика), на половинѣ пути между Галацомъ и Рени. Но здѣсь послѣ переправы приходилось итти верстъ 20 по низменной, хотя и удобной для слѣдованія войскъ, мѣстности и выходить на нагорный берегъ между деревнями Лунковицы и Вакоренъ, въ разстояніи отъ Исакчи 20 и отъ Мачина 16 верстъ. Единственнымъ препятствіемъ по дорогѣ отъ сел. Писелка служилъ ручей Чолонецъ, шириною въ 15 и глубиною въ 2 сажени, протекавшій у самой подошвы высотъ. Для переправы черезъ этотъ ручей также необходимо было устроить мостъ. На указанномъ направленіи турками укрѣпленій возведено не было.

Объектомъ дѣйствій при переправѣ со стороны Браилова долженъ былъ служить городъ Мачинъ, лежащій на правомъ берегу рукава того же имени, который отдѣляется отъ главнаго русла Дуная нѣсколько ниже Гирсова и вновь соединяется съ нимъ немного ниже Браилова. По правому берегу Мачинскаго рукава турками былъ устроенъ включительно до самаго города рядъ батарей, вооруженныхъ 4-мя крѣпостными и 9-ю полевыми орудіями и соединенныхъ между собою ложементами для пѣхоты. Пути отъ Браилова на Мачинъ идутъ по правому берегу рукава, по твердому грунту и не представляютъ препятствія для движенія.

Наиболѣе существенныя мѣры турками были приняты для воспрепятствованія нашей переправѣ у Гирсова. Близъ самаго города были возведены редутъ на высокой и неприступной горѣ, обширное открытое съ горжи укрѣпленіе между городомъ и

д. Варошъ и такое же укрѣпленіе, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, на лѣвомъ флангѣ, на возвышенномъ берегу у западной оконечности города. Кромѣ этой главной позиціи, была укрѣплена и передовая, у подножья горъ, между городомъ и д. Варошъ, гдѣ были построены батарея и реданъ съ флангами, а также батарея подъ горой, на которой находились развалины старой крѣпости.

Ниже Гирсова, близъ того мѣста, гдѣ въ 1828 году нашими войсками была совершена переправа черезъ рѣку, были построены три открытыя батареи на семь орудій и два редана безъ амбразуръ. Всѣ эти батареи сильно обстрѣливали мѣстность лѣваго берега Дуная, а отчасти могли дѣйствовать и по судамъ, подходившимъ съ Браиловскаго рукава. Кромѣ того, въ случаѣ переправы въ этомъ послѣднемъ пунктѣ и овладѣнія первой линіей укрѣпленій, наши войска при дальнѣйшемъ наступленіи наталкивались на другую укрѣпленную позицію на берегу непроходимой въ бродъ рѣчки Боры.

Что касается до перевозочныхъ средствъ, то при переправѣ у Тульчи или Исакчи таковыхъ можно было собрать для поднятія около 5 тысячъ пѣхоты при 10 орудіяхъ и, кромѣ того, въ Измаилѣ имѣлся запасный мостъ. Въ Браиловѣ находилось перевозочныхъ средствъ на 7 тысячъ пѣхоты и 10 орудій, въ Галацѣ лишь на 1000 человѣкъ, а близъ Гирсова ихъ совсѣмъ не имѣлось.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ, представляя всѣ эти свѣдѣнія, съ своей стороны болѣе удобнымъ считалъ совершить переправу отъ Браилова на правый берегъ Мачинскаго рукава. Здѣсь переправа не была укрѣплена и могла быть подготовлена огнемъ канонерскихъ лодокъ и укрѣпленій съ острова Бындоя; при дальнѣйшемъ наступленіи на правомъ берегу не представлялось столькихъ препятствій, какъ въ Тульчѣ, Исакчѣ и въ особенности Гирсовѣ, гдѣ послѣ переправы надо было еще овладѣть сильно укрѣпленной позиціей. Наконецъ, существованіе двухъ дорогъ отъ главнаго русла Дуная къ Мачину давало возможность направить обходную колонну въ тылъ Мачинскихъ укрѣпленій. Кромѣ того, наше движеніе отсюда къ Бабадагу должно было заставить турокъ немедленно очистить Тульчу и Исакчу.

Послѣ Браилова наиболѣе удобнымъ пунктомъ для переправы Лидерсъ признавалъ Тульчу, такъ какъ островъ Четалъ облегчалъ тамъ подвозъ канонерскихъ лодокъ и перевозочныхъ судовъ, а также спускъ и наводку моста.

Для совершенія всей операціи переправы и овладѣнія Бабадагской областью до Троянова вала Лидерсъ полагалъ достаточнымъ 40 баталіоновъ пѣхоты съ соотвѣтственнымъ числомъ кавалеріи, артиллеріи и казаковъ.

Князь Горчаковъ вполнѣ согласился съ доводами командира 5-го корпуса [1]); одобрилъ ихъ и Государь, начертавъ на запискѣ Лидерса: „Кажется, г. Лидерсъ правъ; у Мачина отъ Браилова „будетъ удобнѣе, а 40 бат. именно то число войскъ, которое „кн. Горчаковъ назначаетъ, т.-е. 8, 15 и бригада 14-й, всего „40 бат., кромѣ саперъ и стрѣлковыхъ батал.; 7-я дивизія для „диверсіи можетъ быть отъ Тульчи".

Однако, мѣсяцъ спустя, командующій войсками вновь заколебался относительно того, гдѣ совершить главную переправу — у Галаца, Браилова или Гирсова, и рѣшеніе этого вопроса отложилъ до личнаго прибытія на низовья Дуная; пунктомъ для демонстративной переправы попрежнему былъ оставленъ Измаилъ. Операцію форсированія рѣки Горчаковъ рѣшилъ произвести въ началѣ марта, къ какому времени долженъ былъ быть приготовленнымъ мостъ, а сосредоточеніе войскъ къ исходнымъ пунктамъ начать въ половинѣ февраля [2]). Однако, князь Михаилъ Дмитріевичъ ставилъ возможность переправы въ зависимость отъ усиленія его арміи, считая необходимымъ попрежнему держать въ Малой Валахіи полторы дивизіи, а въ Большой Валахіи три дивизіи пѣхоты [3]).

Но прибытіе просимыхъ подкрѣпленій могло состояться не ранѣе половины мая и подчинять этому прибытію переходъ черезъ Дунай значило, по словамъ Государя, отказаться отъ самой переправы [4]). Дѣлая дальше подсчетъ имѣющихся у Горчакова силъ, Государь устанавливалъ, что для переправы на низовьяхъ рѣки командующій арміей свободно могъ выдѣлить 48 баталіоновъ, которые при подходѣ къ Силистріи увеличивались до 64 баталіоновъ. „Этого за глаза *должно* быть достаточно, чтобы перейти „Дунай и, овладѣвъ Тульчей, Исакчей, Мачинымъ и Гирсовымъ, „пройти правымъ берегомъ до Силистріи", продолжалъ Императоръ Николай, подчеркнувъ три раза слово должно. „Неужели

---

[1]) Кн. Горчаковъ — военному министру 26 декабря 1853 г., № 2806. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Кн. Горчаковъ — военному министру 3 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 27 января 1854 г.

[4]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 5 (17) февраля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

„этого мало? Могутъ ли и турки быть вездѣ равно сильны? Не „повѣрю. Главное — скорость, рѣшимость и приводъ на рѣшитель-„ный пунктъ достаточныхъ силъ... Хотѣть же вездѣ быть съ „силой, лучшій способъ быть вездѣ слабу и отказаться даромъ „отъ рѣшительнаго успѣха“...

Такія настойчивыя и справедливыя требованія Государя обезпечивали производство переправы нашей арміи въ возможно скоромъ времени, и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ работа по подготовкѣ операціи пошла полнымъ ходомъ.

16 февраля князь Горчаковъ изложилъ въ собственноручной запискѣ всѣ предварительныя распоряженія по предстоящей переправѣ [1]).

По запискѣ можно судить, что князь Горчаковъ къ этому времени окончательно остановился на производствѣ главной переправы у Браилова и демонстративной у Тульчи. Въ первомъ пунктѣ должно было дѣйствовать, подъ начальствомъ Лидерса, 48 баталіоновъ съ соотвѣтствующей артиллеріей и кавалеріей, и во второмъ пунктѣ, подъ начальствомъ генерала Ушакова,—8 баталіоновъ [2]). Послѣ переправы оба отряда сосредоточивались подъ начальствомъ генерала Лидерса. Время совершенія операціи предполагалось около 7 марта, и дальнѣйшей цѣлью дѣйствій ставилось овладѣніе Мачиномъ, Исакчею, Тульчею и Гирсовымъ и устройство самыхъ прочныхъ мостовыхъ укрѣпленій на правомъ берегу, противъ Сатунова (у Исакчи) и Гирсова для прикрытія имѣющихъ быть наведенными тамъ мостовъ, принадлежности для которыхъ заготовлялись у Измаила и Галаца. Для перевозки войскъ у обоихъ пунктовъ переправъ были собраны суда, и находились отдѣленія рѣчной флотиліи, съ двумя пароходами въ каждомъ.

Для довольствія войскъ на томъ берегу Дуная фуражемъ заготовлялись запасы въ Измаилѣ, Сатуновѣ, Галацѣ, Браиловѣ и Цендереѣ, а также заготовлялись въ увеличенномъ размѣрѣ и перевозочныя средства.

Вслѣдъ за этимъ князь Горчаковъ указывалъ генералу Лидерсу принять самыя рѣшительныя мѣры къ подготовленію переправы

---

[1]) Собственноручная записка кн. Горчакова 16 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.

[2]) Въ дѣйствительности число войскъ, предназначенныхъ для переправы, было меньше, такъ какъ 14-я див. не могла прибыть до переправы на театръ войны, а потому 9-я див. была задержана у Калараша.

съ такимъ расчетомъ, чтобы она совершилась во что бы то ни стало между 8 и 9 марта [1]).

Между тѣмъ генералъ-адъютанты Шильдеръ и Лидерсъ съ своей стороны также входили къ командующему войсками съ разными предложеніями о лучшемъ способѣ переправы. Генералъ Шильдеръ, кромѣ возведенія на нашемъ берегу рѣки еще новыхъ батарей и прикрытія ихъ эполементами, въ чемъ князь Горчаковъ приказалъ оказывать ему полное содѣйствіе, вошелъ съ предложеніемъ перебросить на ту сторону рѣки предварительно общей переправы небольшую часть отряда, которая должна была возвести на правомъ берегу предмостное укрѣпленіе, а потомъ уже переводить главныя силы. Это предложеніе командующій войсками резонно отклонилъ, находя безцѣльнымъ переводить сперва за рѣку незначительный отрядъ и подвергать его тѣмъ опасности быть отброшеннымъ [2]).

Видъ Евпаторіи.

Что касается до генерала Лидерса [3]), то его мысль заключалась въ томъ, чтобы не ограничиваться лишь переправой отъ Браилова и Измаила, но также совершить ее и со стороны Галаца. Отсутствіе турецкихъ укрѣпленій у этого пункта и сравнительное здѣсь обиліе удобныхъ путей по плавнямъ къ нагорному берегу рѣки должны были, по его мнѣнію, дать возможность совершить въ этомъ пунктѣ операцію безъ большихъ потерь и облегчить какъ переправу Браиловскаго отряда, такъ и овладѣніе имъ Мачинымъ. Поэтому генералъ Лидерсъ предлагалъ совершить главную переправу у Галаца, близъ д. Азакмуй [4]) и двинуться оттуда на с. Горванъ по средней дорогѣ, пролегающей между озерами и рѣчкой Чолонцемъ, а у Браилова произвести демонстративную переправу.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 19 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3332.

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 22 февраля 1854 г. Тамъ же.

[3]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 23 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. №№ 49—51.

[4]) См. схему № 28 (папка).

Князь Горчаковъ, не имѣвшій ничего противъ переправы отряда генерала Лидерса въ двухъ пунктахъ, у Браилова и Галаца, полагалъ, однако, главную массу переправить у Браилова [1]). Кромѣ того, онъ опасался движенія отъ Галаца къ Горвану, такъ какъ при большомъ удаленіи обоихъ отрядовъ другъ отъ друга между ними будетъ трудно поддерживать связь и достигнуть необходимаго единства дѣйствій.

Поэтому командовавшій войсками полагалъ со своей стороны сдѣлать переправу у Браилова и у устья р. Серета, чтобы колонна, переправившаяся у этого послѣдняго пункта, двинулась берегомъ къ Мачину и взяла во флангъ непріятеля, оборонявшагося со стороны Браилова [2]).

Однако, прибывъ лично въ Браиловъ, князь Горчаковъ получилъ свѣдѣніе, что турки сосредоточили противъ этого города 15-20 тысячъ человѣкъ, и мѣсто, удобное для переправы, обстрѣливалось сильными батареями, возведенными на правомъ берегу Дуная. Видя, что переправа у Браилова была сопряжена съ большими трудностями, а дальнѣйшее наступленіе для овладѣнія Мачинымъ по одному направленію не могло обойтись безъ значительныхъ потерь, князь Горчаковъ согласился съ планомъ генерала Лидерса [3]).

Такимъ образомъ, переправу рѣшено было одновременно произвести въ трехъ пунктахъ—въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ, продолжая демонстраціи по всему занимаемому нами протяженію Дуная [4]).

Хотя такое разобщеніе нашихъ силъ представляло временное неудобство и требовало для переправы главныхъ отрядовъ приготовленія двухъ мостовъ, а мы имѣли заготовленнымъ лишь одинъ—въ Галацѣ, но зато оно развлекало вниманіе турокъ и давало возможность зайти отъ Галаца черезъ Горвань въ тылъ войскамъ, защищавшимъ Мачинъ и атакованнымъ нами отъ Браилова. Къ тому же недостатокъ второго моста былъ устраненъ генераломъ

---

[1]) Ген. Коцебу записалъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ подъ 25 февраля слѣдующее: „Князь Горчаковъ не рѣшается ни на что. Проектъ перехода черезъ Дунай Лидерса „мнѣ нравится, но Горчаковъ боится".

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 26 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.

[3]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 7 (19) марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[4]) Кн. Горчаковъ — военному министру 3 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., д. № 57.

Шильдеромъ, который нашелъ возможнымъ устроить его при помощи мѣстныхъ плавучихъ матеріаловъ.

Тѣмъ временемъ Государь не переставалъ волноваться о предстоявшей операціи и придавать особое значеніе скорѣйшему ея совершенію. „Ожидаю съ нетерпѣніемъ, что̀ ты рѣшилъ у „Браилова, и гдѣ окончательно будетъ переправа“, писалъ Государь Горчакову 18 февраля [1]). „Ежели Богъ насъ благословитъ успѣ-„хомъ, она будетъ очень важна, давъ намъ стать твердой ногой „на правомъ берегу Дуная до прихода англичанъ и французовъ“.

Черезъ нѣсколько дней Императоръ Николай вновь затрогивалъ этотъ вопросъ въ письмѣ къ Горчакову [2]). „Вполнѣ полагаюсь „на тебя“, писалъ онъ, „что все будетъ сдѣлано тобою, чтобы „переправу исполнить наилучшимъ образомъ. При теперешнихъ „весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, ежели Богъ благосло-„витъ успѣхомъ наше предпріятіе, это будетъ уже весьма важный „шагъ. И князь Иванъ Ѳедоровичъ [3]) и я, мы совершенно согласны, „что тебѣ покуда подъ Силистрію не должно итти. Напередъ „надо, чтобы двуличность Австріи прояснилась, равномѣрно чтобъ „открылось, куда будутъ направлены дѣйствія англичанъ и фран-„цузовъ“.

Но въ данномъ случаѣ Государь могъ не безпокоиться. Работы по подготовкѣ къ переправѣ шли полнымъ ходомъ, и княземъ Горчаковымъ, при дѣятельномъ содѣйствіи генераловъ Лидерса и Шильдера, были приняты всѣ мѣры, чтобы операцію эту произвести съ успѣхомъ и съ наименьшими потерями. Наибольшее вниманіе въ этомъ отношеніи было обращено на Браиловъ, близъ котораго переправа, несомнѣнно, должна была совершиться съ боемъ. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Дуная и на островѣ Бындоѣ было сооружено нѣсколько новыхъ батарей [4]), которыя вооружили орудіями съ канонерскихъ лодокъ, такъ какъ выяснилось, что провести эти лодки отъ Браилова вверхъ по Мачинскому рукаву для обстрѣливанія изъ нихъ Мачинскихъ укрѣпленій являлось дѣломъ очень рискованнымъ [5]). Кромѣ того, отъ спуска съ горы у Браилова была устроена къ Дунаю плотина въ 346 саженей

---

[1]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.
[2]) Отъ 24 февраля. Тамъ же.
[3]) Паскевичъ.
[4]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 28 февраля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.
[5]) Изъ воспом. кол. сов. Юноши. Рукоп. Музей Севастопольской обороны.

длины и, какъ въ Браиловѣ, такъ и въ Галацѣ, было собрано большое количество судовъ для перевозки войскъ.

Но въ послѣднюю минуту, когда все было условлено между главными дѣйствующими лицами на Дунаѣ, были получены тамъ первыя повелѣнія новаго главнокомандующаго князя Варшавскаго. Фельдмаршалъ предписывалъ овладѣть Мачинымъ, Исакчею, Тульчею, а если возможно, то и Гирсовымъ и, утвердившись на нижнемъ Дунаѣ, имѣть цѣлью: во-первыхъ, не позволять, въ случаѣ десанта союзниковъ въ устьяхъ Дуная, воспользоваться имъ рукавами рѣки для ввода туда своихъ судовъ и пароходовъ, и во-вторыхъ, сохранять возможность при помощи моста маневрировать на обоихъ берегахъ Дуная въ ожиданіи, что предприметъ непріятель въ центрѣ, между Силистріей и Рущукомъ.

Во исполненіе этого князь Горчаковъ предлагалъ генералу Лидерсу, послѣ переправы черезъ рѣку, навести мосты у Гирсова, а если имъ не удастся овладѣть, то у Браилова и Исакчи, построивъ у этихъ пунктовъ предмостныя укрѣпленія, величиною, по крайней мѣрѣ, на 4 баталіона и 18 орудій каждое [1]).

3 марта князь Горчаковъ съ большей частью своей главной квартиры выѣхалъ изъ Бухареста въ Браиловъ для ближайшаго руководства предстоящей операціей переправы.

Командованіе войсками въ Большой Валахіи и охраненіе центра нашей оборонительной линіи отъ устья р. Ольты до д. Піопетри онъ возложилъ на генерала Данненберга, котораго снабдилъ особой инструкціей [2]).

Къ этому времени войска наши въ Большой Валахіи занимали слѣдующее положеніе [3]):

Между рр. Ольтою и Веде находился *отрядъ генерала Попова,* силою въ 4 батал., 8 эск., $2\frac{1}{2}$ с. и 8 к. ор. [4]), какъ для связи съ Мало-Валахскимъ отрядомъ, такъ и для наблюденія за Дунаемъ между означенными рѣками. Пѣхота этого отряда была расположена по 2 баталіона въ Турно и Зимничѣ, уланы и конная артиллерія въ Пятрѣ и Турно, а казаки держали посты по Дунаю.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу (безъ числа, по всей вѣроятности, въ началѣ марта). Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Данненбергу 3 марта 1854 г., № 685. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3413.

[3]) См. схему № 37 (папка).

[4]) Кременч. егер. п., уланск. Герц. Нассауск. п., донск. № 37 п. и кон. легк. № 9 батар.

Правый авангардъ генерала Соймонова, силою 8 бат., 8 эск., 5 сот. и 32 ор. [1]), занималъ Журжу, Слободзею и Фратешти, наблюдая казаками теченіе Дуная отъ устья р. Веде до с. Гряку.

Лѣвый авангардъ генерала Павлова, силою въ 13 бат., 8 эск., 4½ с. и 36 ор. [2]), занималъ Ольтеницу, Добрени и Будешти, наблюдая казаками теченіе Дуная отъ с. Гряка до монастыря Корницели.

Каларашскій отрядъ генерала Богушевскаго, силою въ 4 бат., 1 эск., 4 с. и 22 ор. [3]), охранялъ пространство по Дунаю отъ Корницели до Піопетри, что на берегу р. Яломницы, близъ впаденія ея въ Дунай.

Видъ Перекопа.

Въ *резервѣ* за этими войсками находилось 16 бат., 15 эск., 4½ с. и 66 ор. [4]), расположенные въ Дорештѣ, Бригадирѣ, Бухарестѣ, Фундени-Вакарсекулуй, Крецулешти-де-Сусъ, Чоканешти, Чокино и Цендереѣ, считая въ этомъ числѣ и части, которыя были еще въ слѣдованіи къ назначеннымъ имъ пунктамъ.

Въ дополненіе къ этимъ войскамъ въ распоряженіе генерала Данненберга переходили: 3 роты 4 сап. батал., 4-й стрѣлк. батал. и понтон. № 4 паркъ съ понтонной ротой.

Въ общемъ въ Большой Валахіи находилось 46¾ батал., 40 эск., 20½ сот. и 164 ор.

Князь Горчаковъ, будучи убѣжденъ, что какъ только мы начнемъ переправу на нижнемъ Дунаѣ, то Омеръ-паша пред-

---

[1]) 2-я бриг. 10 пѣх. див., гусарск. Насл. Цес. п., 3½ сот. донск. № 37 и 1½ сот. донск. № 40 п., батар. и легк. № 2 батар. 10 арт. бриг. и кон. легк. № 8 батар.

[2]) 11 пѣх. див., гусарск. Принца Прусскаго п., 3½ сот. донск. № 40 и 1 сот. донск. № 25 п., батар. № 3 и легк. №№ 4 и 5 батар. 11 арт. бриг.

[3]) Егерск. кн. Варш. п., Возн. ул. п., 1 сот. донск. № 40 и 3 сот. донск. № 34 п., 4 ор. батар. № 3 батар. 8 арт. бриг., легк. № 8 батар. 9 арт. бриг. и 6 ор. кон. легк. № 7 батар.

[4]) Въ Дорештѣ и Бригадирѣ — 1-я бриг. 8 пѣх. див., 8 ор. батар. № 3 и легк. № 3 батар. 8 арт. бриг.

Въ Бухарестѣ — 2 бат. Якут. пѣх. п., 1 бат. Охот. егерск. п., легк. № 4 батар. 8 арт. бриг. и 4½ сот. донск. № 25 п.

Въ Фундени-Вакар. — 6 эск. Ольвіоп. ул. п.

Въ Крецулешти — легк. № 3 батар. 11 арт. бриг.

Въ Чоканешти — донск. № 9 батар.

Въ Чокино — 7 эск. Вознес. ул. п.

Въ Цендереѣ — див. Ольвіоп. ул. п. и 2 ор. кон. легк. № 7 батар. и 1 бат. Прагск. пѣх. п., подъ нач. ген. Зурова.

приметъ наступленіе въ Малой или Большой Валахіи [1]), предоставилъ генералу Данненбергу дѣйствовать въ подчиненномъ ему раіонѣ по своему усмотрѣнію, сосредоточивая резервы и направляя ихъ на тѣ пункты, откуда онъ признаетъ болѣе удобнымъ противодѣйствовать намѣреніямъ непріятеля и остановить его наступленіе.

Такъ какъ въ Малой Валахіи находился самостоятельный отрядъ генерала Липранди, который „имѣлъ свой особый кругъ „дѣйствій", то князь Горчаковъ въ своей инструкціи опредѣлялъ лишь взаимныя отношенія этихъ двухъ отрядовъ.

Такимъ образомъ, если бы непріятель переправился въ большихъ силахъ на лѣвый берегъ Дуная между Раховымъ и Зимничемъ и угрожалъ тылу Мало-Валахскаго отряда, то это не должно было отвлекать вниманія генерала Данненберга отъ Большой Валахіи. Ему предлагалось только наблюдать за непріятельскими силами посредствомъ отряда генерала Попова, которому издали слѣдить за турками до р. Жіо. Но, если бы непріятель, вмѣсто движенія противъ Липранди, направился на Данненберга, то этотъ послѣдній долженъ былъ собрать всѣ свои войска, итти навстрѣчу противника и дать сраженіе тамъ, „гдѣ сіе окажется выгоднѣй-„шимъ, не допуская его до Бухареста".

II.

4-го марта вечеромъ князь Горчаковъ съ большей частью своей главной квартиры прибылъ въ Браиловъ. Для нерѣшительнаго командующаго арміей эти дни вплоть до совершенія переправы были поистинѣ самыми мучительными. Чтобы хоть немного обрисовать ту трудную обстановку, въ которой находился князь Михаилъ Дмитріевичъ, приведемъ выдержки изъ дневника его ближайшаго сотрудника и начальника штаба генералъ-адъютанта Коцебу [2]): „4 марта. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ мы были въ Браиловѣ. Вечеромъ „были у насъ Лидерсъ и Шильдеръ. Странно ведется разговоръ „между послѣднимъ и Горчаковымъ. Они никогда не могутъ „сговориться, всегда они другъ друга перебиваютъ, и все кончается „ничѣмъ.

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 27 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Музей Севастопольской обороны.

„5 марта. Мы обозрѣли противоположный берегъ съ башни „карантина. Обрисовывается возможность перехода. Много мы „совѣщались. Было рѣшено главную массу войскъ переправить „у Галаца, а здѣсь, какъ и у Гирсова, произвести диверсію.

„6 марта. Я заснулъ полонъ отваги и надеждъ на будущее. „Меня разбудили по случаю прибытія фельдъегеря съ увѣдомле-„ніемъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ назначенъ главнокоман-„дующимъ всѣми войсками отъ Курляндіи до Одессы. Вмѣстѣ съ „тѣмъ получены соображенія главнокомандующаго о нашемъ по-„ложеніи. Эти соображенія должны затормозить всѣ наши даль-„нѣйшія операціи, потому что они исходятъ изъ той точки зрѣнія, „что Австрія объявитъ намъ войну, что французы и англичане „сдѣлаютъ высадку у Одессы, вслѣдствіе чего намъ придется „отойти за Серетъ и на правомъ берегу только занять Мачинъ, „Исакчу и Тульчинъ. Малую Валахію намъ придется оставить. „Досадно, досадно. 9-го мы здѣсь начнемъ дѣйствовать.

„7 марта. Вечеромъ держали военный совѣтъ. На немъ мало „порядка. Едва я легъ въ 11 часовъ въ хорошемъ расположеніи „духа, какъ князь Горчаковъ прислалъ за мною, потому что „фельдъегерь привезъ бумаги отъ фельдмаршала, который запре-„щаетъ намъ взять Гирсово и повелѣваетъ постепенно очищать „Бухарестъ. Онъ опасается десанта французовъ у Аккермана и „движенія ихъ на Леово. Вотъ вздоръ! Одну дивизію онъ хочетъ „взять отъ насъ въ Бендеры и Кишиневъ! Для чего же мы теперь „переходимъ черезъ Дунай?

„8 марта. Приготовленія продолжаются. Къ сожалѣнію, намъ „мѣшаютъ вѣтеръ и мятель. Заговорили объ откладываніи. Между „тѣмъ мы получили важныя свѣдѣнія объ укрѣпленіи Мачина; „не легко будетъ взять эту крѣпость, такъ же, какъ и Исакчу!“

Зная характеръ князя Горчакова, зная тѣ чувства, которыя ему внушалъ фельдмаршалъ, можно еще больше оттѣнить рѣшимость, съ которой онъ довелъ до конца предпринятую имъ операцію почти наканунѣ пріѣзда явно ей несочувствовавшаго новаго главнокомандующаго.

Диспозиція перехода черезъ Дунай была составлена генераломъ Лидерсомъ еще 2 марта [1]) и нѣсколько видоизмѣнена позднѣйшими распоряженіями князя Горчакова.

---

[1]) Приложеніе къ рапорту ген. Лидерса отъ 2 марта, за № 671. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

Согласно этой диспозиціи переправа должна была совершиться съ 9 на 10 марта главными силами со стороны Галаца и демонстративными отрядами со стороны Браилова и Измаила. Кромѣ того, противъ Гирсова также рѣшено было демонстрировать, но безъ перехода на противоположный берегъ рѣки.

Войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Противъ Гирсова, со стороны с. Гура-Яломница долженъ былъ дѣйствовать полковникъ Зуровъ съ отрядомъ въ 2 бат., 2 эск., 8 пѣш. и 2 к. ор. [1]). Назначеніе его—привлечь къ Гирсову вниманіе турокъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, маневрированіемъ и распространеніемъ слуховъ о прибытіи сюда значительныхъ массъ русскихъ войскъ. Начало демонстраціи—канунъ переправы на остальныхъ пунктахъ.

Усиленіе турецкихъ войскъ у Гирсова [2]) заставляло предполагать, что турки придаютъ этому пункту особое значеніе или въ ожиданіи нашей тамъ переправы или же разсчитывая оттуда сдѣлать попытку на нашъ берегъ. Такимъ образомъ демонстрація у Гирсова должна была оказать большое вліяніе на успѣхъ переправы.

Въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ переправа должна начаться въ одинъ и тотъ же день, но Браиловскій отрядъ, который ожидалъ передъ собой наибольшее сопротивленіе, начиналъ переправу позднѣе двухъ остальныхъ, имѣя задачею „усиленную диверсію „съ переходомъ войскъ на правую сторону Дуная и движеніемъ „оныхъ впередъ по обстоятельствамъ“.

Браиловскій отрядъ находился подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова и былъ силою въ 12¼ батал., 7 эск., 5 сот., 52 ор. и 1 понт. паркъ [3]).

Главная переправа отъ Галаца была возложена на генералъ-адъютанта Лидерса съ отрядомъ, силою въ 24¼ батал., 8 эск., 6 сот. и 64 ор. [4]). Перейдя на правый берегъ рѣки, Лидерсъ долженъ былъ двигаться обходною дорогою черезъ с. Горванъ на Мачинъ для облегченія дѣйствій Браиловскаго отряда.

---

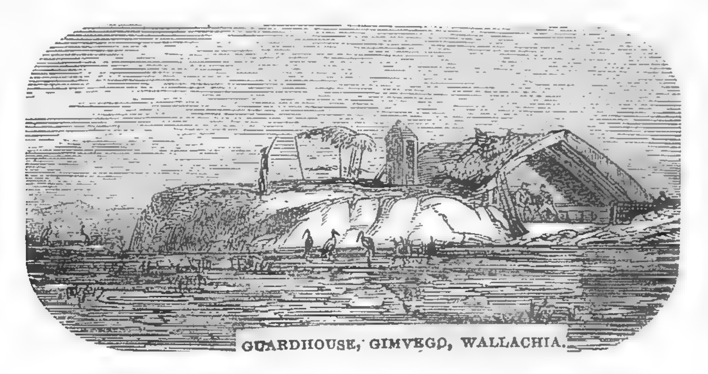
[1]) Люблинск. и Прагск. пѣх. пп. и Ольвіоп. ул. п.

[2]) Воен. Истор. журналъ войскъ 3, 4 и 5 корп. въ 1854 г.

[3]) Любл., Замосц. егер. п., 2 бат. Модлинск., 1 бат. Прагск. пѣх. п., 2 р. 3-го стр. бат. и 3 р. 3-го сап. бат., уланск. эрц.-г. Альберта Австрійскаго и донск. каз. № 9 пп., батар. № 4, легк. №№ 6, 7 и 8 и 4 ор. батар. № 3 батар. 15 арт. бриг.

[4]) Елецк., Сѣвск., Брянск., Подольск., Житом. и 2 бат. Прагск. пп., 5 стр. бат., 2 р. 3 стр. бат. и 3 р. 5 сап. бат., уланск. Вел. Кн. Константина Николаевича и донск. № 22 пп., батар. № 4 и легк. №№ 6 и 7 батар. 9 арт. бриг., бат. № 3 и легк. № 5 батар. 14 арт. бриг. и кон. легк. № 5 батар.

И, наконецъ, Измаильскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ушакова, силою въ 14 бат., 16 эск., 6 сот. и 44 ор. [1]), долженъ былъ форсировать переправу черезъ Дунай нѣсколько ниже мыса Четала, овладѣть турецкой батареей, сооруженной противъ этого мыса, а потомъ Тульчей или Исакчей, въ зависимости отъ того, который изъ этихъ пунктовъ будетъ легче взять. Въ случаѣ же невозможности овладѣть одной изъ этихъ крѣпостей, онъ долженъ былъ удержать за собой упомянутую батарею и пространство между гирлами Сомово и Иванова; если же, по причинѣ тоней, и этого нельзя будетъ сдѣлать, то удержать, во



Пикетъ на низовьяхъ Дуная
(современная англійская иллюстрація).

что бы то ни стало, батарею и мѣстность впереди ея, обративъ ее въ укрѣпленіе, фланкируемое нашими батареями лѣваго берега рѣки.

Вообще же для переправы черезъ Дунай было назначено около 45 тысячъ при 160 орудіяхъ. При этихъ войскахъ состояли два парохода „Прутъ“ и „Ординарецъ“ и нѣсколько канонерскихъ лодокъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Мессера.

Но, подъ вліяніемъ назначенія Паскевича главнокомандующимъ и высказанныхъ имъ отступательныхъ намѣреній, князь Горчаковъ заколебался и въ послѣднюю минуту отмѣнилъ активный характеръ дѣйствій Ушакова. Онъ поставилъ Измаильскому отряду новую задачу — отвлекать на себя вниманіе непріятеля, находящагося въ Тульчѣ и Исакчѣ, отнюдь не вдаваясь въ такія дѣйствія, которыя могли бы повлечь за собою большой уронъ.

[1]) 7-й пѣх. див. Смоленск., Витебск., Полоцк. и 2 бат. Могил. п., 2-я бриг. 3-й легк. кав. див., батар. №№ 1 и 2 и легк. № 2 7-й арт. бриг. и кон. легк. № 6 батар.

Князь Горчаковъ считалъ Тульчу и въ особенности Исакчу слишкомъ сильно укрѣпленными и снабженными большимъ гарнизономъ для того, чтобы Ушакову можно было ихъ взять безъ значительнаго урона. Ему предписывалось дѣлать въ направленіи къ этимъ пунктамъ только демонстраціи, и главною цѣлью ставилось возможно скорое обезпеченіе сообщенія съ лѣвымъ берегомъ на случай атаки со стороны Тульчи и Исакчи.

Свое предписаніе князь Горчаковъ кончалъ характерной фразой, уничтожавшей весь смыслъ демонстраціи, а именно: „Если, „по овладѣніи правымъ берегомъ, вы найдете пребываніе ваше „тамъ слишкомъ опаснымъ, то разрѣшаю возвратить отрядъ вашъ „на лѣвый берегъ и снять мостъ черезъ Сулинскій рукавъ“ [1]).

Но генералъ Ушаковъ проявилъ завидный въ то время примѣръ самостоятельности и возражалъ на послѣднее предписаніе командующаго войсками. Онъ докладывалъ, что послѣ переправы нельзя оставаться въ плавняхъ, а необходимо взять Тульчу и выйти на нагорный берегъ, гдѣ и отражать всякія покушенія непріятеля; нельзя было также строить на низменномъ болотистомъ берегу предмостнаго укрѣпленія на значительное число войскъ, поэтому генералъ Ушаковъ предполагалъ обезпечить голову моста укрѣпленіемъ лишь на небольшое прикрытіе, силою примѣрно на баталіонъ и 4 орудія, а подступы къ мосту защищать преимущественно главными силами отряда, которыя разсчитывалъ сосредоточить на горѣ, впереди Тульчи [2]).

Однако, всю операцію переправы черезъ Дунай не удалось совершить, какъ предполагалось сначала, съ 9 на 10 марта, а въ виду неполной готовности отряда Лидерса и бурной погоды пришлось отложить ее на 11 число, начавъ демонстрацію 10-го [3]).

Рѣка Дунай въ своихъ низовьяхъ, примѣрно, отъ середины разстоянія между Туртукаемъ и Силистріей, течетъ, раздѣляясь большею частью на нѣсколько рукавовъ и протоковъ, которые образуютъ между собою лѣсисто-болотистые острова. По мѣрѣ приближенія къ устью количество рукавовъ увеличивается, обращаясь, примѣрно, отъ Тульчи въ широкую дельту съ судоходными рукавами—Килійскимъ, Сулинскимъ и Георгіевскимъ.

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Ушакову 9 марта 1854 г., № 732. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324.

[2]) Ген. Ушаковъ — кн. Горчакову 10 марта 1854 г., № 176. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324.

[3]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 9 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

Соединяясь въ одно русло у Гирсова, Дунай оттуда и до Браилова вновь течетъ двумя судоходными рукавами—лѣвымъ Браиловскимъ и правымъ Мачинскимъ.

У Браилова на лѣвомъ берегу теченіемъ рѣки и Мачинскимъ рукавомъ образуется входящій уголъ, способствующій сосредоточенному обстрѣливанію праваго берега.

Отъ этого пункта и почти до Тульчи Дунай течетъ однимъ русломъ, шириною отъ 250 до 600 саженей. До Галаца и даже до Рени лѣвый берегъ командуетъ правымъ, представляющимъ болотистую широкую низину. Отъ Рени до Измаила лѣвый берегъ теряетъ свой выгодный характеръ, такъ какъ перерѣзывается цѣлой массой большихъ озеръ и на подобіе праваго образуетъ широкую низменную долину.

Такимъ образомъ, для переправы ниже Браилова наиболѣе удобнымъ былъ участокъ до Галаца, а именно близъ этого пункта, гдѣ устья р. Серета давали возможность скрытно подготовиться къ переправѣ, а возвышенный берегъ и входящая хотя и широкая дуга представляли атакующему нѣкоторое преимущество въ смыслѣ поддержки операціи сосредоточеннымъ огнемъ. Къ недостаткамъ переправы у Галаца слѣдуетъ отнести ширину рѣки, не имѣющей здѣсь островов, необходимость вплоть до селенія Горвань наступать по низменному берегу и атаковать у этого пункта сильную по природнымъ свойствамъ позицію, если бы турки рѣшили ее оборонять.

Ниже Галаца можно было переправиться у Исакчи, гдѣ рѣка была широка, и у Тульчи отъ мыса Четала, гдѣ приходилось форсировать лишь относительно узкій Сулинскій рукавъ, будучи скрытымъ зарослями острова Четала. Зато въ этомъ мѣстѣ войска тотчасъ послѣ переправы выходили на возвышенный правый берегъ. Для демонстративной переправы Тульча была особенно выгодна, такъ какъ отстояла отъ Галаца дальше, чѣмъ Исакча, и находилась на флангѣ турецкаго расположенія.

Въ отношеніи перевозочныхъ средствъ были приняты слѣдующія мѣры:

Въ Измаилѣ было собрано 163 лодки, общей подъемной силы на $2\frac{1}{2}$ баталіона, а для перевозки орудій приспособлены два городскихъ парома и одна шаланда, на которыхъ могли помѣститься 6 орудій. Гребцы были набраны изъ спѣшенныхъ казаковъ и пограничной стражи.

Для постояннаго же сообщенія съ правымъ берегомъ были приготовлены два моста на плотахъ и одинъ небольшой мостъ

на козлахъ, который предназначался на тотъ случай, если бы на правой сторонѣ рѣки встрѣтилось затрудненіе въ переходѣ черезъ глубокіе рукава.

Въ Галацѣ и Браиловѣ для первоначальной переправы войскъ было собрано по 12-ти большихъ судовъ, вмѣстимостью на роту каждое, малыя суда и чамы (суда съ палубами) для артиллеріи и казаковъ, а также баркасы и рыбачьи лодки. Гребцами на нихъ служили пѣхотные солдаты, рыбаки и вольные матросы. Для наводки мостовъ были приготовлены въ Галацѣ 54 парома и 6 малыхъ судовъ, а въ Браиловѣ 6 паромовъ, 6 малыхъ судовъ, добавочные плоты и паромы.

8-го вечеромъ и 9-го утромъ войска во всѣхъ трехъ отрядахъ скрытно заняли свои исходные пункты, а отрядъ полковника Зурова приступилъ къ производству демонстраціи противъ Гирсова.

Подойдя къ Дунаю одновременно въ нѣсколькихъ удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, Зуровъ 8 марта, съ наступленіемъ темноты, развелъ большіе огни на пространствѣ 30 верстъ отъ с. Бордушанъ до Гура-Гирлица, которые поддерживалъ всю ночь. Во многихъ мѣстахъ играли зорю, пѣли пѣсенники, и въ виду непріятельскихъ батарей было подвезено до 350 лодокъ, по которымъ турки не замедлили открыть огонь. 9-го на разсвѣтѣ Зуровъ открылъ сильную канонаду по непріятельскимъ батареямъ, которыя отвѣчали довольно частымъ огнемъ. Но вскорѣ дѣйствіемъ нашей артиллеріи часть турецкихъ укрѣпленій была разрушена, три орудія подбиты, остальныя же отвезены отъ берега. Съ нашей стороны потерь не было.

На другой день, 10 марта, въ 4 часа дня, князь Горчаковъ приказалъ для еще большаго развлеченія вниманія непріятеля открыть усиленную канонаду съ батарей нашихъ у Браилова, возведенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и на островѣ Бындоѣ, вдоль Мачинскаго рукава. Цѣлая сѣть этихъ хорошо прикрытыхъ эполементами батарей была заблаговременно построена генераломъ Шильдеромъ для обстрѣливанія перекрестнымъ огнемъ угла между Дунаемъ и правымъ берегомъ Мачинскаго рукава, т.-е. мѣстности, ближайшей къ пункту нашей предполагаемой переправы, а также и для фронтальнаго обстрѣливанія путей, идущихъ отъ Мачина къ Браилову. Такимъ образомъ [1]), на лѣвомъ берегу Дуная, ниже соединенія Мачинскаго и Браиловскаго рукавовъ были сооружены

---

[1]) См. схему № 38, стр. 713.

Схема № 38.

батареи №№ 1, 2, 3 и 4, вооруженныя каждая однимъ батарейнымъ орудіемъ, и редутъ противъ пристани Гичету, у предполагаемаго моста, вооруженный 2-мя полевыми и 2-мя легкими орудіями. На островѣ Бындоѣ, начиная отъ устья Мачинскаго рукава, вверхъ по лѣвому его берегу были расположены: батарея № 5, вооруженная 4-мя полевыми орудіями; № 6—2-мя 24-хъ фунт. пушко-каронадами, взятыми съ канонерскихъ лодокъ, и 2-мя полевыми орудіями; Бындойская батарея на двѣ 24-хъ фунт. пушко-каронады, на 2 осадныхъ пудовыхъ единорога и на 2 полевыхъ орудія; промежуточная батарея на 4 полевыхъ орудія; № 7 на 2 пудовыхъ мортиры и на 2 полевыхъ орудія, и, наконецъ, Рушавскій редутъ на 2 полевыхъ орудія. Всего, слѣдовательно, дѣйствовало съ лѣваго берега Дуная 8 полевыхъ орудій и съ острова Бындоя 16 полевыхъ орудій, 4 пушко-каронады, 2 осадныхъ единорога и 2 мортиры. Кромѣ того, къ мысу острова Бындоя была выдвинута канонерская лодка для обстрѣливанія праваго берега Дуная, ниже Мачинскаго рукава.

Сильная канонада, открытая изъ всѣхъ этихъ орудій, нанесла существенныя поврежденія турецкимъ укрѣпленіямъ, группировавшимся у устья Мачинскаго рукава, но, несмотря на это, непріятельскій огонь, хотя и ослабленный, продолжался до самой ночи.

Считая, что демонстраціей Зурова и канонадой у Браилова въ достаточной степени было отвлечено вниманіе турокъ къ наиболѣе опаснымъ для нихъ пунктамъ предполагаемой нашей переправы, а именно къ Мачину и въ особенности къ Гирсову, на разсвѣтѣ 11 марта должны были начать переправу Галацкій и Измаильскій отряды, которые въ свою очередь, перейдя на правый берегъ Дуная, должны были этимъ покровительствовать переправѣ Браиловскаго отряда, долженствовавшей начаться въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни.

Согласно диспозиціи, отданной генералъ-адъютантомъ Лидерсомъ 10 марта [1]), войска, сосредоточенныя у Галаца, должны были начать переправу черезъ Дунай на разсвѣтѣ 11-го числа и подраздѣлялись на:

Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта, котораго, впрочемъ, по болѣзни замѣнилъ генералъ-лейтенантъ Гротенгельмъ, силою въ $8\frac{3}{4}$ бат., 2 эск., 2 с.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

и 20 ор. [1]). Авангарду приказано было собраться къ карантину къ часу пополуночи и тотчасъ же посадить на суда первый десантъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ Житомирскаго полка, 2 легкихъ орудій и 2 сотенъ, которому въ 3 часа утра, съ восходомъ луны, отчалить отъ берега. Вслѣдъ за первымъ транспортомъ перевозятся остальныя части авангарда.

Къ 5-ти часамъ утра къ карантину долженъ былъ собраться отрядъ полковника Крузенштерна, силою въ 1 батал., 2 ор. и $\frac{1}{4}$ с. [2]), которому надлежало переправиться за авангардомъ и приступить къ постройкѣ предмостнаго укрѣпленія, а также занять д. Азакмуй, прикрывавшую голову наводимаго моста и пунктъ высадки [3]).

Главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Самарина, силою въ $9\frac{1}{4}$ бат., 4 эск., 2 с. и 32 ор. [4]), которымъ приказано было собраться къ 5 часамъ утра 11 марта сѣвернѣе Галаца и ожидать тамъ приказаній.

Резервъ, подъ начальствомъ полковника Гана, силою въ 4 бат., 1 эск., $\frac{1}{2}$ с. и 8 ор. [5]), который къ 7 часамъ утра долженъ былъ собраться за главными силами и также ожидать приказаній.

При движеніи къ переправѣ войска не должны были брать съ собою рѣшительно никакихъ обозовъ, а артиллерія—имѣть при себѣ только по одному зарядному ящику на орудіе. Затѣмъ, всѣ остальные обозы строились между Галацомъ и сел. Ваду-Унгурлуй въ три вагенбурга, соотвѣтствовавшіе нынѣшнему дѣленію обозовъ на три разряда.

При переправѣ войскамъ надлежало имѣть при себѣ штурмовыя лѣстницы и въ ранцахъ сухарей на 4 дня.

Въ виду того, что противъ Галаца не было замѣчено турецкихъ войскъ, генералъ Лидерсъ приказалъ начать наводку моста раньше переправы авангарда, а именно съ 10 часовъ вечера, но, благодаря темнотѣ и сильному вѣтру, за ночь было наведено только 6 паромовъ.

---

[1]) 2-я бриг. 14 пѣх. див., рота 5 сап. бат., 2 р. 3 стр. бат., дивизіонъ уланск. Вел. Кн. Константина Николаевича п., 2 сот. донск. № 22 п., 8 ор. батар. № 3 и 12 легк. № 5 батар. 14 арт. бриг.

[2]) Прагск. пѣх. п. и легк. № 7 бат. 9 арт. бриг.

[3]) См. схему № 28 (папка).

[4]) 1-я бриг. 9 пѣх. див., 1 р. 5 сап. бат., 5 стр. бат., 2 див. уланск. Вел. Кн. Константина Николаевича п., 2 сот. донск. каз. № 22 п., батар. № 4, легк. № 6 и кон. легк. № 5 батар. 9 арт. бриг.

[5]) Брянск. егерск. п., эск. уланск. Вел. Кн. Константина Николаевича п., $\frac{1}{2}$ сот. донск. каз. № 22 п., 8 ор. легк. № 7 бат. 9 арт. бриг.

Между тѣмъ въ часъ ночи войска, долженствовавшія переправиться первымъ рейсомъ, начали посадку, напутствуемыя приказомъ генерала Лидерса, въ которомъ онъ ихъ поздравлялъ съ выпавшей на ихъ долю честью первыми доказать непріятелю, что Дунай не способенъ защитить его отъ силы русскаго оружія, а также предупреждалъ о безобидномъ отношеніи къ жителямъ, не взирая на вѣроисповѣданіе этихъ послѣднихъ [1]).

Въ 3 часа ночи отъ лѣваго берега Дуная отвалилъ первый транспортъ, имѣя въ головѣ пароходъ „Ординарецъ", съ поставленными на немъ 6-ю единорогами, и за нимъ на кирлашахъ охотниковъ и казаковъ.

При приближеніи къ непріятельскому берегу „Ординарецъ" открылъ огонь для очищенія мѣста, предназначеннаго для высадки; но непріятеля, отвлеченнаго демонстраціей у Мачина и Гирсова, здѣсь не было, и лишь сильный разъѣздъ около 50 всадниковъ удалился въ глубь страны.

Дальнѣйшая переправа на судахъ шла безпрепятственно; задержка была въ наводкѣ моста, благодаря сильному верховому вѣтру, который препятствовалъ заводить якоря и тянуть бечевою паромы. Поэтому за всѣ сутки 11-го числа удалось навести лишь 80 саженей моста, а оставалось еще 145 саженей. Такимъ образомъ, хотя къ вечеру этого дня и удалось перевезти на правый берегъ рѣки 16¾ бат., 2 сот. и 15 орудій, но безъ патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ, и потому генералъ Лидерсъ не нашелъ возможнымъ двинуть впередъ отрядъ, который не имѣлъ при себѣ всего необходимаго. Онъ приказалъ лишь занять с. Азакмуй, чтобы показать этимъ свое намѣреніе итти къ Мачину вдоль Дуная, хотя, впрочемъ, выражалъ готовность продвинуть авангардъ и до Горвана, если бы это вызывалось положеніемъ Браиловскаго отряда [2]).

Ночь мало принесла утѣшительнаго генералу Лидерсу. Бурная погода вынудила даже временно прекратить переправу артиллеріи, а мостъ къ утру едва былъ наведенъ на половину. Это вновь вызвало необходимость обратиться къ князю Горчакову съ просьбой отсрочить еще на одинъ день выдвиженіе авангарда къ с. Горвану, но, чтобы развлечь вниманіе непріятеля, Лидерсъ

---

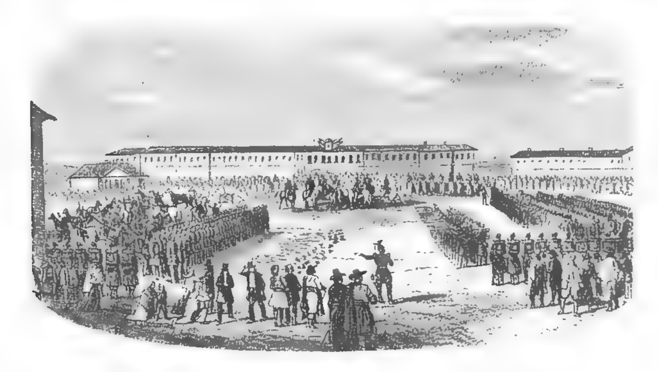
[1]) Русск. Стар. 1876 г., декабрь, стр. 826.

[2]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 11 марта 1854 г., въ 2 ч. попол. и въ 10 ч. веч. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

рѣшилъ продвинуться передовыми частями до с. Писелки [1]), которое и было безпрепятственно занято. Высланный же къ Горвану разъѣздъ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ, что заставляло предполагать, что самое селеніе и его окрестности заняты непріятелемъ.

Наконецъ, къ вечеру 12 марта погода перемѣнилась, вѣтеръ стихъ, и наводка моста при помощи парохода „Ординарецъ" пошла успѣшнѣе. Къ утру 13-го мостъ былъ готовъ, и, такимъ образомъ, генералу Лидерсу были развязаны руки для дальнѣйшаго наступленія [2]).

Съ разсвѣтомъ 13-го авангардъ двинулся къ Горвану, а въ 6 часовъ утра за нимъ выступили и главныя силы. Для при-



Обезоруживаніе молдавскихъ войскъ (съ французской иллюстраціи).

крытія моста были оставлены 3 баталіона Прагскаго полка съ 6-ю орудіями.

Дорога на Горванъ оказалась повсюду сухой и удобопроходимой; турки боя нигдѣ не приняли, и Лидерсъ безпрепятственно завладѣлъ нагорнымъ берегомъ Дуная, радостно встрѣчаемый христіанскимъ населеніемъ.

Главныя силы его отряда расположились бивакомъ впереди сел. Горванъ, занявъ авангардомъ по дорогѣ къ Мачину позицію у с. Жижулы, откуда генералъ Лидерсъ вошелъ въ связь съ войсками Браиловскаго отряда; боковымъ же отрядомъ, силою въ 1 бат. и 2 эск., онъ занялъ сел. Вокарени и Лунковицы,

---

[1]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 12 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[2]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 12 марта 1854 г. Тамъ же.

войдя черезъ оставленную турками Исакчу въ связь съ генераломъ Ушаковымъ [1]).

Одновременно съ переправой у Галаца должна была начаться и переправа Измаильскаго отряда.

Пунктомъ совершенія этой операціи былъ избранъ Сулинскій рукавъ, саженяхъ въ 600 ниже мыса Четалъ, тамъ, гдѣ берега рѣки сближаются до 120 саженей [2]). Избранное мѣсто было выгодно въ томъ отношеніи, что давало возможность скрытно сосредоточить отрядъ передъ переправой въ густыхъ заросляхъ острова Четалъ и подготовить операцію огнемъ артиллеріи, которую можно было поставить укрыто почти на самомъ берегу Сулинскаго рукава. Кромѣ того, этотъ пунктъ находился внѣ дѣйствія турецкихъ береговыхъ батарей; переправившіяся здѣсь войска выходили имъ во флангъ и становились между ними и Тульчей. Но зато вслѣдъ за переправой войскамъ Ушакова приходилось атаковать сильно укрѣпленную позицію у Тульчи, имѣя въ виду и возможную помощь туркамъ со стороны Исакчи.

9 числа генералъ Ушаковъ перевелъ всю пѣхоту, артиллерію и казаковъ своего отряда на островъ Четалъ, расположивъ ихъ у Краснаго моста [3]), а кавалерію и обозы оставилъ въ Измаилѣ. Послѣдовавшее вслѣдъ за этимъ перенесеніе начала переправы на 11 число заставило войска лишній день находиться на островѣ, что не могло остаться неизвѣстнымъ непріятелю.

10 марта, наканунѣ переправы, наша гребная флотилія, въ составѣ 15 канонерскихъ лодокъ, была продвинута вверхъ по Килійскому рукаву и сосредоточена внѣ выстрѣловъ турецкихъ батарей близъ отдѣленія Сулинскаго рукава; за ней собрались предназначенные для перевозки десанта 147 лодокъ и 4 парома, гребцами на которыхъ были казаки и нижніе чины пограничной стражи. Назначеніе флотиліи состояло въ борьбѣ съ непріятельскими береговыми батареями и въ прикрытіи прохода десантныхъ судовъ въ Сулинскій рукавъ [4]).

Одновременно съ этимъ наши береговыя батареи — одна на лѣвомъ берегу рѣки, у раздѣленія Килійскаго и Сулинскаго

---

[1]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 17 марта 1854 г., № 726. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[2]) См. схему № 28 (папка).

[3]) См. схему № 28 (папка).

[4]) См. схему № 28 (папка).

рукавовъ, и другая на мысѣ Четалъ, вооруженныя 4 мортирами и 6 крѣпостными орудіями, были усилены еще 8 батарейными орудіями.

Въ полночь на 11 число наша флотилія, имѣя попрежнему за собой десантныя суда, заняла позицію передъ турецкими батареями на дистанціи прицѣльнаго выстрѣла, а пѣхота и артиллерія отряда двинулись къ мѣсту переправы. Здѣсь вся пѣшая артиллерія, прикрытая кустарниками, деревьями и камышемъ, расположилась, имѣя между орудіями штуцерныхъ всѣхъ полковъ, у пункта переправы для сосредоточеннаго обстрѣливанія непріятельскаго берега на случай появленія на немъ турецкихъ войскъ; конная же батарея стала на берегу противъ Сомова гирла, съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю уничтожить мосты на этомъ гирлѣ и поражать турецкія войска, въ случаѣ движенія ихъ отъ Тульчи къ берегу Дуная.

11 марта, въ $5^1/_2$ часовъ утра, наша флотилія и береговыя батареи открыли огонь противъ турецкихъ батарей. Въ то же время для отвлеченія вниманія турокъ вышли изъ Сулинскаго рукава, въ мѣстѣ раздѣленія его съ Георгіевскимъ рукавомъ, десантныя суда съ посаженными на нихъ двумя спѣшенными сотнями Дунайскихъ казаковъ, которыя по Георгіевскому рукаву спустились къ сел. Прислава (Гриславъ) [1]), гдѣ и высадились на непріятельскій берегъ. Зажегши нѣсколько турецкихъ кордоновъ, казаки заняли ивовый лѣсъ; турки, обманутые большимъ количествомъ судовъ, направили сюда отрядъ, силою около 700 человѣкъ съ 2 орудіями. Хотя казакамъ и пришлось отойти на Георгіевскій островъ, но во всякомъ случаѣ демонстрація ихъ облегчила переправу отряда Ушакова, отвлекши на себя часть турецкихъ силъ [2]).

Тѣмъ временемъ мѣткій огонь нашихъ береговыхъ батарей и флотиліи такъ ослабилъ огонь турокъ, что въ 10 часовъ утра генералъ Ушаковъ призналъ своевременнымъ начать движеніе десантныхъ судовъ изъ Килійскаго въ Сулинскій рукавъ. Дойдя до мыса Четалъ, суда эти должны были по причинѣ отмели огибать его на веслахъ; но, какъ только они показались изъ-за флотиліи, то замолчавшіе было турки открыли самый убійственный огонь по этимъ судамъ. Случай благопріятствовалъ намъ провести безъ всякаго поврежденія всѣ суда къ мѣсту назначенія.

---

[1]) См. схему № 28 (папка).
[2]) Воен. истор. журн. воен. дѣйств. 3, 4 и 5 корп. въ 1854 г.

Въ половинѣ двѣнадцатаго были посажены на суда вторые баталіоны Могилевскаго и Полоцкаго полковъ съ 4-мя орудіями легкой № 2 батареи, которые заняли безъ выстрѣла часть непріятельскаго берега. За ними были постепенно перевезены вся остальная пѣхота и легкая артиллерія; батарейныя же орудія пришлось, въ виду сильнаго вѣтра и непрочности паромовъ, до наводки моста оставить на томъ берегу.

Генералъ Ушаковъ, по мѣрѣ выхода войскъ на берегъ, направилъ два баталіона Могилевскаго полка съ 2-мя орудіями направо для наблюденія за турецкими береговыми батареями, а Полоцкій полкъ съ 4-мя орудіями налѣво, къ Сомовскому гирлу для завладѣнія мостомъ черезъ него [1]).

Тѣмъ временемъ на высотахъ старой Тульчи и въ камышахъ Сомова гирла стала собираться турецкая пѣхота, а на скаты горы выѣхала непріятельская 8-ми орудійная батарея.

Полоцкій полкъ быстро наступалъ впередъ, прикрываясь цѣпью застрѣльщиковъ, и своимъ рѣшительнымъ наступленіемъ прогналъ непріятеля, захвативъ мостъ черезъ Сомово гирло, который турки не успѣли даже испортить. Рѣшительному успѣху этого отряда много способствовали конная батарея, поставленная, какъ было сказано выше, противъ гирла, на островѣ Четалъ, и присоединенная къ ней впослѣдствіи батарейная батарея.

Было уже около 4 часовъ вечера. Непріятель все болѣе и болѣе усиливался на высотахъ старой Тульчи, и къ тому же было получено извѣстіе о движеніи войскъ со стороны Исакчи. Между тѣмъ, благодаря вѣтреной погодѣ, наводка моста замедлялась, и войскамъ генерала Ушакова предстояло провести ночь на непріятельскомъ берегу, стѣсненнымъ превосходными силами противника и не имѣя солиднаго сообщенія съ нашимъ берегомъ.

Начальникъ отряда рѣшилъ поэтому штурмовать береговыя батареи турокъ, казавшіяся уже совершенно ослабленными нашимъ огнемъ, и этимъ обезпечить какъ свой правый флангъ, такъ и самую переправу.

Два баталіона Могилевскаго полка пошли на приступъ ближайшаго турецкаго редута, обороняемаго одною пѣхотой [2]). Редутъ былъ взятъ 2-мъ баталіономъ могилевцевъ, но какъ только головы нашихъ колоннъ выдвинулись изъ редута для штурма слѣдующей

---

[1]) См. схему № 28 (папка).
[2]) См. схему № 39, стр. 721.

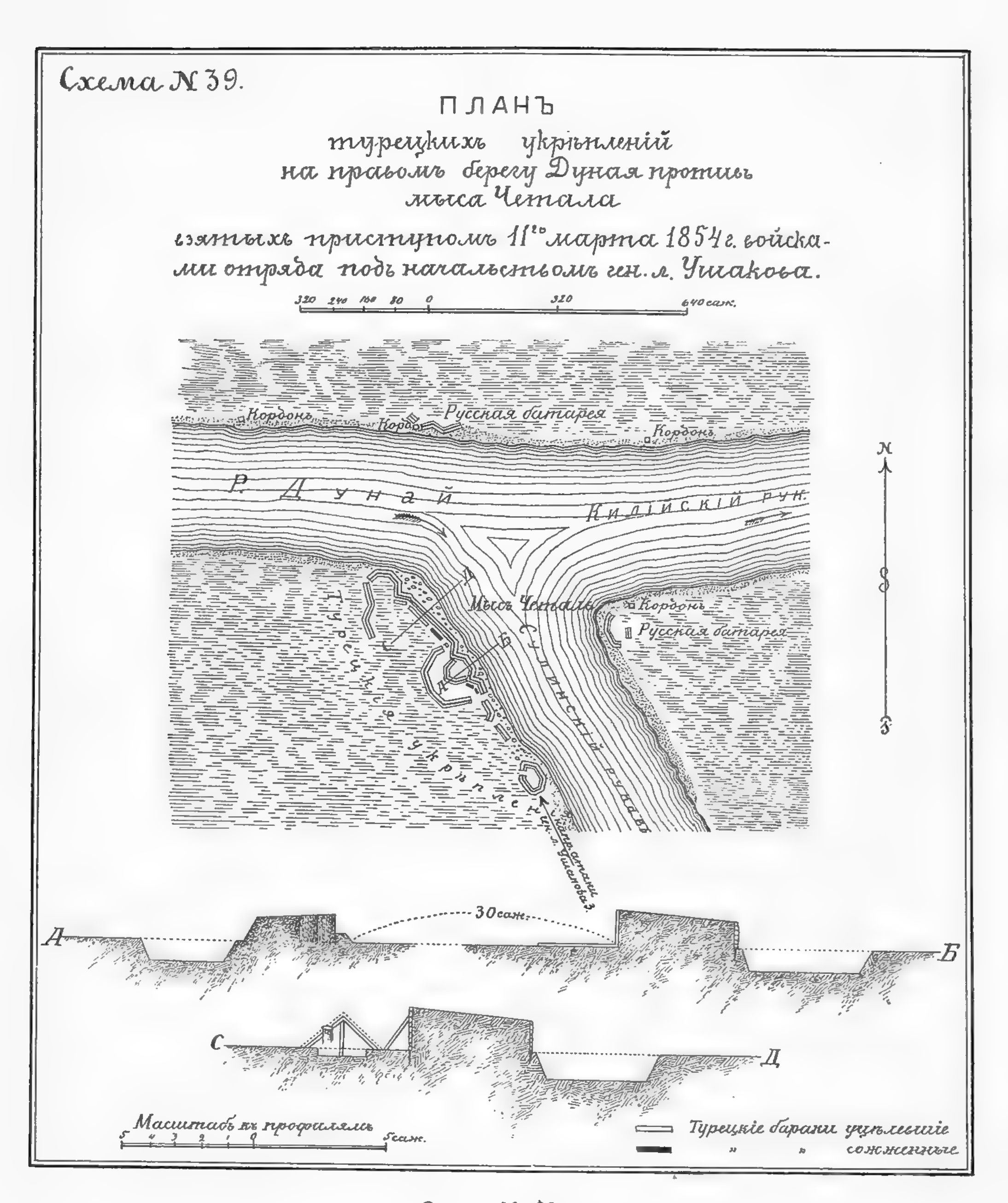


Схема № 39.
ПЛАНЪ
турецкихъ укрѣпленій
на правомъ берегу Дуная противъ
мыса Четала
взятыхъ приступомъ 11го марта 1854 г. войсками отряда подъ начальствомъ ген. л. Ушакова.
320 240 160 80 0 320 640 саж.
Кордонъ
Кордонъ
Русская батарея
Кордонъ
Р. Дунай
Килійскій рук.
Мысъ Четалъ
Кордонъ
Русская батарея
Сулинскій рукавъ
Турецкія укрѣпленія
N
S
30 саж.
А
Б
С
Д
Масштабъ къ профилямъ
5 4 3 2 1 0 5 саж.
Турецкіе бараки уцѣлѣвшіе
" " сожженные

Схема № 39.

батареи, то были встрѣчены съ дистанціи ста саженей сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ 6-ти орудій и ружейными выстрѣлами изъ-за обширнаго временного сомкнутаго укрѣпленія, которое до этого времени казалось открытою сзади батареей.

Потерявъ своихъ начальниковъ ранеными, люди смѣшались, но порядокъ былъ скоро возстановленъ, и 1-й баталіонъ пошелъ въ ротныхъ колоннахъ на приступъ со стороны рѣки. Люди влѣзли на валъ, но вновь были отбиты. Одновременно 2-й баталіонъ атаковалъ главный входъ въ укрѣпленіе, но также былъ отбитъ. Войска, однако, не отступили, но залегли во рвахъ и за группами деревьевъ, поддерживая сильный ружейный огонь. Находившіяся при полку орудія подошли на 100 саженей къ укрѣпленію и обстрѣливали входъ въ него картечью.

Генералъ Ушаковъ, видя безплодныя усилія могилевцевъ, двинулъ имъ на помощь 3 и 4 баталіоны Смоленскаго полка, которые, подбѣжавъ на выручку товарищей, ворвались съ криками „ура!“ вмѣстѣ съ ободренными могилевцами въ укрѣпленіе, овладѣли въ совершенной темнотѣ главнымъ валомъ, но были встрѣчены почти въ упоръ убійственнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ изъ редюита.

Казалось, удержаться здѣсь не было физической возможности, но въ это время прибѣжалъ только-что переправившійся 2-й баталіонъ Смоленскаго полка, который, имѣя во главѣ своего командира баталіона подполковника Вознесенскаго со знаменемъ въ рукахъ, ворвался въ укрѣпленіе съ другой стороны и завладѣлъ редюитомъ. Гарнизонъ былъ большею частью переколотъ, и бой прекратился въ половинѣ десятаго вечера.

Трофеями побѣдителей были 9 орудій, изъ которыхъ одно осадное и одно 36-ти фунтовое, комендантъ, 3 офицера и 90 н. чин. плѣнными и почти весь уничтоженный гарнизонъ, силою около 1000 человѣкъ.

Не легко и намъ досталась эта побѣда. 5 офицеровъ и 196 нижн. чин. было убито, 19 офицеровъ и 491 нижн. чин. ранено и 48 нижн. чин. пропало безъ вѣсти.

Но велики были и послѣдствія этого кровопролитнаго штурма. Турки въ паническомъ страхѣ очистили Тульчу и Исакчу, оставивъ въ наше распоряженіе сильно укрѣпленныя позиціи со всѣми запасами и снарядами.

12 марта утромъ генералъ Ушаковъ занялъ безъ боя Тульчу, выдвинувъ кавалерію по дорогѣ къ Бабадагу, куда отошли турки, а переправившіеся у Сатунова казаки заняли и Исакчу.

13 марта, къ 9 часамъ утра, мостъ черезъ Дунай былъ оконченъ, и переправа у Тульчи вполнѣ обезпечена [1]).

Что касается до Браиловскаго отряда, при которомъ находился князь Горчаковъ, то въ немъ для совершенія переправы была еще на 10 число отдана обширная диспозиція, подробно излагавшая весь порядокъ перехода на тотъ берегъ рѣки [2]).

Согласно этой диспозиціи, Браиловскій отрядъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ:

Два баталіона и 10 орудій [3]) назначались для занятія острова Бындоя; войска эти принимали участіе въ описанной выше бомбардировкѣ праваго берега 10-го числа.

3½ батал., 8 ор. и 50 каз. [4]) назначались для первоначальнаго занятія праваго берега Дуная. Они къ полудню 10-го должны были собраться на площади, противъ пристани, и расположиться тамъ вдоль берега возможно удобнѣе для посадки на суда [5]).

Остальная часть Браиловскаго отряда оставалась въ резервѣ на лѣвомъ берегу рѣки, за исключеніемъ 8 орудій, размѣщенныхъ по батареямъ этого берега.

Пароходъ „Прутъ“ и 6 канонерскихъ лодокъ должны были дѣйствовать по указанію генерала Шильдера.

Далѣе диспозиція подробно останавливалась на способѣ совершенія самой переправы. Для этого назначались, кромѣ малыхъ гребныхъ судовъ, 12 большихъ и 6 малыхъ кирлашей и 3 чама. На гребныя суда, которыя должны были итти впереди всей десантной флотиліи и прикрывать высадку остальныхъ, предназначались 1-й баталіонъ Замосцскаго егерскаго полка и 1-2 роты саперъ. Направленіе было дано къ углу праваго берега Дуная, при впаденіи въ него Мачинскаго рукава, съ тѣмъ, чтобы приставать ниже строеній кофейни.

Людямъ было приказано, когда суда причалятъ къ берегу, быстро выскакивать и строиться вдоль самаго берега, прикрываясь строеніями и мѣстностью. Послѣ этого баталіонъ замосцевъ

---

[1]) Опис. пер. и зан. Тульчи и Исакчи. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1854 г., д. № 38. Ген. Ушаковъ — кн. Горчакову 12 марта 1854 г., № 183. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3341. Ген. Ушаковъ — Лидерсу 12 марта 1854 г., № 181. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407. Вып. изъ вахт. журн. пар. „Метеоръ“. Черном. арх., и пр.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[3]) По одному баталіону Замосцск. и Прагск. пп. и 15 арт. бриг.

[4]) Замосцск. п., 3 сап. бат., легк. № 8 батар. 15 арт. бриг. и донск. № 25 п.

[5]) См. схему № 38, стр. 713.

и саперы назначались для возведенія предмостнаго укрѣпленія, а два баталіона выдвигались впередъ для прикрытія работъ.

Въ виду послѣдовавшей отмѣны переправы на 11 число, диспозиція въ общемъ осталась та же самая, только время посадки отложено на 4 часа пополудни, и, кромѣ того, указывалось въ день переправы, т.-е. 11 марта, вновь открыть канонаду съ острова Бындоя и съ лѣваго берега рѣки [1]).

Какъ уже извѣстно, еще 10 числа артиллерія Браиловскаго отряда открыла огонь по непріятельскому берегу, съ цѣлью привлечь вниманіе турокъ и тѣмъ облегчить переправу отрядовъ генераловъ Лидерса и Ушакова. На слѣдующій день, съ утра канонада была возобновлена, но такъ какъ турки не отвѣчали, то и мы постепенно прекратили стрѣльбу. Но въ два часа дня со всѣхъ нашихъ батарей вновь былъ открытъ огонь, подъ покровительствомъ котораго десантный отрядъ садился на суда. Непріятельскія батареи молчали.

Въ четыре часа дня, по данному сигналу, все пространство широкаго Дуная, сливавшагося въ этомъ мѣстѣ съ Мачинскимъ рукавомъ, покрылось судами. Громкое „ура!“ и заповѣдная пѣснь „за Царя, за Русь святую“ огласили пространство и, сливаясь съ гуломъ артиллеріи, потрясли окрестность. Передовыя части благополучно достигли пристани Гичету, около турецкой кофейни, и командовавшій десантомъ генералъ-адъютантъ Коцебу одинъ изъ первыхъ вышелъ на непріятельскій берегъ. Турки во время переправы нашихъ войскъ огня не открывали ни со своихъ батарей, ни съ ложементовъ, такъ что можно было думать, что они совершенно очистили берегъ.

Генералъ Коцебу образовалъ изъ первыхъ высадившихся войскъ цѣпь застрѣльщиковъ, которую продвинулъ впередъ для прикрытія построенія остальныхъ переправлявшихся частей. Въ то же время непріятель открылъ огонь со своихъ дальнихъ батарей по нашей флотиліи, имѣя цѣлью помѣшать начавшейся наводкѣ моста и дальнѣйшей перевозкѣ войскъ [2]).

Когда весь десантный отрядъ сосредоточился на правомъ берегу, то генералъ Коцебу лично повелъ его по дорогѣ къ Мачину, выславъ влѣво отъ дороги рекогносцировочный отрядъ гре-

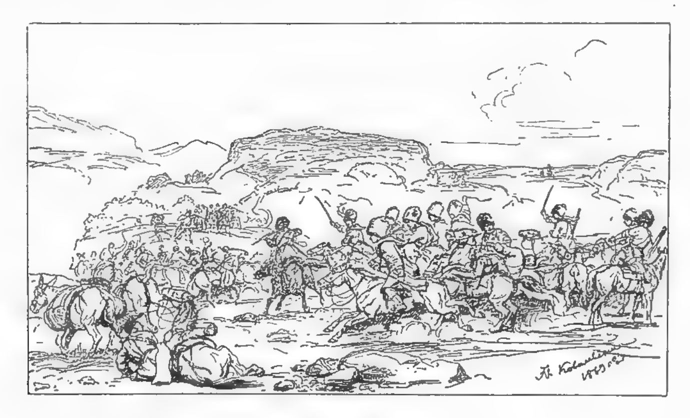
---

[1]) Дисп. для войскъ Браиловск. отряда на 11 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[2]) Вахт. журналы за 1854 г., пар. „Прутъ“ и канон. лод. № 26. Черн. Центр. арх., въ г. Ник., кн. оп. 51, оп. 335, д. №№ 2544 и 2578.

ческихъ волонтеровъ для осмотра мѣстности, покрытой камышемъ. Охотники спокойно подошли къ оставленной непріятелемъ батареѣ, но какъ только они взошли на ея валъ, то были встрѣчены сильнымъ штуцернымъ огнемъ турокъ, скрытыхъ въ ложбинѣ за батареей и въ траншеяхъ, которыя соединяли ее съ прочими батареями.

Генералъ Коцебу остановилъ свою цѣпь и завязалъ съ противникомъ перестрѣлку, а переправившаяся наша артиллерія, совмѣстно съ батареями острова Бындоя, открыла картечный огонь по ближайшимъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, за которыми дер-



Преслѣдованіе линейными казаками турецкихъ фуражировъ.

жалась турецкая пѣхота. Одновременно съ этимъ нами было приступлено къ трасировкѣ и постройкѣ предмостнаго укрѣпленія.

Противникъ до ночи продолжалъ дѣйствовать своими двумя орудіями картечью по войскамъ и ядрами по работамъ и мосту. Сверхъ того, турки два раза выстраивались вдоль своихъ ложементовъ и открывали батальный огонь, не нанося намъ, однако, никакого вреда, какъ вслѣдствіе своего большого удаленія, такъ и въ виду отличнаго примѣненія нашей пѣхоты къ мѣстности.

Тѣмъ временемъ наводка моста [1]) очень задерживалась, благодаря непріятельскому огню и сильному верховому вѣтру, который рвалъ якоря и сносилъ суда. Это обстоятельство дѣлало крайне опаснымъ положеніе на правомъ берегу рѣки отряда

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 11 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324 (А).

генерала Коцебу, который могъ ожидать ночного нападенія турокъ, все еще державшихся въ ближайшихъ укрѣпленіяхъ. Пришлось отрядъ этотъ подкрѣпить двумя баталіонами Люблинскаго полка и двумя орудіями, которые около 6 часовъ вечера переправили на судахъ. Въ теченіе ночи генералъ Коцебу былъ подкрѣпленъ остальными двумя баталіонами люблинцевъ и еще двумя орудіями.

Но утро 12 марта принесло мало утѣшенія князю Горчакову. „Предмостное укрѣпленіе", писалъ онъ генералу Лидерсу [1]), „слабо, мостъ не клеится, перевозочныя средства дурныя. По „всему этому положеніе Браиловскаго отряда можетъ сдѣлаться „весьма затруднительнымъ, если ваши войска не двинутся впередъ". Поэтому князь Горчаковъ просилъ генерала Лидерса продвинуться съ его отрядомъ до Горвана или, по крайней мѣрѣ, выдвинуть впередъ авангардъ.

Въ дѣйствительности же турки въ ночь съ 11 на 12 марта окончательно очистили свои батареи и отступили по направленію къ Мачину [2]). Въ ночь же на 13 марта князь Урусовъ, начальствовавшій войсками на островѣ Бындоѣ, донесъ, что непріятель, оставивъ Мачинъ, потянулся на Гирсово. 13-го утромъ мостъ былъ готовъ, и князь Горчаковъ, привѣтствуемый жителями, торжественно вступилъ въ Мачинъ.

Уронъ Браиловскаго отряда при совершеніи этой операціи былъ весьма незначителенъ. Оторвало ногу одному изъ помощниковъ Шильдера, генералу Дубенскому, и изъ нижнихъ чиновъ было 6 убитыхъ и 30 раненыхъ [3]).

III.

Такимъ образомъ, 13 марта на правомъ берегу Дуная находилось уже свыше 50 баталіоновъ и 160 орудій русскихъ войскъ, владѣвшихъ крѣпостцами Тульчей, Исакчей и Мачинымъ и имѣвшихъ три обезпеченныхъ переправы на лѣвый берегъ.

Все это было достигнуто сравнительно ничтожными потерями въ 25 офицеровъ и около 750 нижнихъ чиновъ убитыми и

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 12 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, № д. 3324 (А).

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 12 марта 1854 г. Тамъ же.

[3]) Воен. истор. журн. войскъ 3, 4 и 5 пѣх. корп. за 1854 г.

Всепод. дон. кн. Горчакова 16 марта 1854 г., № 832. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407. Дневникъ П. Е. Коцебу. Записки П. К. Менькова и пр.

ранеными и ставитъ переправу князя Горчакова на ряду блестящихъ подобнаго рода операцій по искусству соображенія ея и по превосходному исполненію.

На театрѣ военныхъ дѣйствій, заключающемъ все пространство по Дунаю отъ Калафата до Измаила, князь Горчаковъ, не ослабивъ ни одного изъ пунктовъ, занятіе которыхъ имѣло значеніе, сумѣлъ сосредоточить на нижнемъ Дунаѣ столько войскъ, что одновременно могъ предпринять переправу на правый берегъ въ трехъ пунктахъ—отъ Браилова, Измаила и Галаца, произведя демонстрацію противъ Гирсова. Форсированная переправа въ трехъ весьма мало удаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, съ самостоятельными силами и флотиліей на каждомъ, должна была парализовать оборону. Ни на одномъ изъ защищаемыхъ пунктовъ переправы непріятель не могъ быть спокоенъ за свой тылъ и фланги, а одновременность форсированія и внушительныя силы всѣхъ отрядовъ затрудняли противнику возможность опредѣлить, откуда собственно наносится главный ударъ, и своевременно направить туда резервъ, если бы таковой у турокъ и существовалъ на низовьяхъ Дуная.

Оригинальность и искусство плана Горчакова заключались еще и въ томъ, что сила переправляющихся отрядовъ и пункты переправъ были такъ скомбинированы, что неудача на одномъ изъ этихъ пунктовъ, даже тамъ, гдѣ переправлялись главныя силы, не влекла за собою неудачи всей операціи, такъ какъ внушительность силъ, переправляемыхъ въ остальныхъ пунктахъ, и угрожающее положеніе каждаго изъ этихъ пунктовъ по отношенію къ другимъ не давали возможности туркамъ развить свой успѣхъ и продолжать удерживать берега Дуная.

Если прибавить къ этому необыкновенно подробную и точную подготовку операціи, полное уваженіе къ надлежащему обезпеченію техническими средствами, къ уменьшенію опасности сильнаго пораженія въ случаѣ неудачи, отличную оріентировку всѣхъ частныхъ начальниковъ, данную имъ необходимую долю самостоятельности и тѣсную связь между всѣми отдѣльно дѣйствующими отрядами, то нашу переправу черезъ Дунай слѣдуетъ признать не только „единственнымъ счастливымъ дѣломъ войны 1853 года“ [1]), но и операціей во всѣхъ отношеніяхъ блестящей, способной, по мнѣнію нашихъ противниковъ, измѣнить, какъ увидимъ ниже,

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. I, стр. 132.

весь ходъ кампаніи, если бы мы не испугались перваго нашего рѣшительнаго шага.

Странная судьба князя Михаила Дмитріевича! Послѣ безцвѣтной многомѣсячной кампаніи, въ теченіе которой на его голову не безъ справедливости сыпались со всѣхъ сторонъ нареканія, онъ проявляетъ качества талантливаго генерала именно въ ту минуту, когда, истомленные его нерѣшительностью, посылаютъ на Дунай князя Варшавскаго.

Невольно еще больше убѣждаешься, что князь Горчаковъ не былъ обойденъ военными талантами, но въ излишней степени былъ одержимъ нерѣшительностью, отсутствіемъ гражданскаго мужества дѣйствовать самостоятельно, страхомъ Петербурга и Паскевича и недостаткомъ практики въ командованіи войсками.

Какъ только категорическое повелѣніе Императора Николая совершить переправу черезъ Дунай покрыло собою отмѣченные выше недочеты характера князя Михаила Дмитріевича, и ему удалось по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не спуститься съ роли главнокомандующаго въ роль частнаго начальника, то и результатъ дѣла вполнѣ соотвѣтствовалъ военнымъ дарованіямъ командовавшаго арміей. „Князь Горчаковъ пишетъ мнѣ", всеподданнѣйше доносилъ князь Варшавскій [1]), „что онъ живъ не остался бы, „если бы переправа не удалась".

Нельзя по поводу этихъ строкъ не отмѣтить лишній разъ связи между рѣшимостью главнокомандующаго добиться, во что бы то ни стало, поставленной цѣли и успѣхомъ задуманнаго предпріятія.

Надо, впрочемъ, сознаться, что планъ, которымъ руководствовался турецкій главнокомандующій, во многомъ облегчалъ дѣйствія князя Горчакова.

Оттоманская армія, доведенная въ февралѣ мѣсяцѣ до 120.000 человѣкъ [2]), была сосредоточена главными своими силами между Рущукомъ, Туртукаемъ и Силистріей, протягивая свой лѣвый флангъ до Видина и Калафата и имѣя для прикрытія нижняго Дуная и Добруджи отдѣльный корпусъ Мустафа-паши. Главное назначеніе этого корпуса, дѣйствительную силу котораго трудно опредѣлить [3]), состояло въ оборонѣ одной изъ двухъ линій

---

[1]) Отъ 21 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.
[2]) Таковой ее считаетъ L. Guérin въ „Histoire de la dernière guerre de la Russie", t. I, p. 72.
[3]) Правильнѣе всего его считать тысячъ около 20-ти.

Троянова вала, замыкавшаго Добруджу между Рассово и Кюстенджи; но Мустафа-паша, не безъ вѣдома, какъ можно полагать, главнокомандующаго, продвинулъ его впередъ къ берегу Дуная, между Гирсовымъ и Тульчей.

„Лучшій планъ Омера-паши", говоритъ по этому поводу генералъ Клапка [1]), „заключался въ сосредоточеніи большей части „его арміи на наиболѣе важномъ участкѣ театра войны, между „Шумлой, Варной и Рущукомъ. Корпусъ въ 20 тысячъ, опирающійся на Калафатъ и Видинъ, и другой въ 10 тысячъ, поставленный между Никополемъ и Систовымъ, были бы достаточны для того, чтобы помѣшать диверсіи русскихъ „по Софійской дорогѣ. Правый флангъ было бы выгоднѣе откинуть къ Троянову валу, съ авангардомъ „у Бабадага, не занимая линіи „нижняго Дуная, а только „наблюдая по ней за непріятелемъ. Но, вмѣсто „этого, Омеръ-паша разбросалъ свои войска между „Калафатомъ и устьями Дуная, „сдѣлавъ невозможнымъ ихъ „быстрое сосредоточеніе для движенія противъ непріятеля и позволивъ русскимъ обойти его правый флангъ и побѣдоносно открыть „кампанію".

Переправа черезъ Дунай (современная народная картина).

Такимъ образомъ, князь Горчаковъ при своей переправѣ имѣлъ дѣло лишь съ корпусомъ Мустафы-паши, и разброска оттоманской арміи почти равномѣрно на всемъ протяженіи Дуная не давала возможности ея главнокомандующему ни поддержать Бабадагскій отрядъ, ни отвлечь своими серьезными активными дѣйствіями вниманіе и силы Горчакова на другой пунктъ Дуная.

Мустафа-паша, насколько можно судить [2]), раздѣлилъ свои войска на нѣсколько отрядовъ, которыми занялъ Тульчу, Исакчу, Мачинъ и Гирсово, не имѣя резерва [3]). Наибольшее вниманіе

---

[1]) L. Guérin, t. I, p. 73.

[2]) Traduction d'un rapport d'Omer-Pacha daté du 2 avril 1854. Парижск. воен. арх. L. Guérin, t. I, pp. 73—75.

[3]) Extrait d'une lettre d'Omer-Pacha en date du 29 mars 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

имъ было обращено на Тульчу, замыкавшую дельту Дуная, и на Мачинъ, обезпечивающій лѣвый флангъ его раіона. Что касается до участка рѣки противъ Галаца, то онъ наблюдался лишь кавалеріей, и только на нагорномъ берегу у с. Горвана была занята укрѣпленная позиція отрядомъ, силу котораго не представляется возможнымъ опредѣлить. Укрѣпленные Мачинъ, Горванъ и Исакча представляли центръ оборонительной линіи Мустафы-паши, съ откинутыми флангами у Тульчи и Гирсова. Такимъ образомъ, переправа Горчакова всѣми силами у Галаца выводила бы его на фронтъ этой позиціи и стоила бы большихъ жертвъ. Лишь угроза Гирсову, Мачину и Тульчѣ могла обезвредить силу непріятельскаго сопротивленія, что и случилось въ дѣйствительности.

Крайне неясный и пристрастный рапортъ Омера-паши не даетъ никакой возможности составить полное представленіе о противодѣйствіи корпуса Мустафа-паши переправѣ князя Горчакова. На турокъ, насколько можно судить, очень подѣйствовала переправа отряда генерала Лидерса у Галаца, которой они совершенно не ожидали, и которая ослабила силу ихъ обороны у Мачина и Тульчи. Они преувеличенно считали наши силы, перебрасываемыя черезъ Дунай, въ 80 тысячъ человѣкъ при 150 орудіяхъ, что, „при большомъ“, по словамъ Омера-паши [1]), „утомленіи войскъ „послѣ непрерывныхъ двухдневныхъ боевъ и въ виду чрезмѣрнаго „удаленія отрядовъ другъ отъ друга заставило Мустафу-пашу „отступить къ Карасу, исполняя этимъ раньше данныя ему ин„струкціи“.

Чтобы облегчить впечатлѣніе, которое должно было произвести на турецкія войска поспѣшное ихъ отступленіе внутрь страны, Мустафа-паша объявилъ имъ, что султанъ запретилъ принимать бой до прибытія на театръ войны французскихъ и англійскихъ армій [2]).

О понесенныхъ потеряхъ турецкій главнокомандующій ко времени составленія рапорта не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, но, по первоначальнымъ донесеніямъ, уже было зарегистровано около 500 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Основываясь вообще на крайне пристрастномъ характерѣ официальнаго турецкаго донесенія, цифру эту смѣло можно увеличить въ нѣсколько разъ.

---

[1]) Rapport d'Omer-Pacha daté du 2 avril 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.
[2]) Extrait d'une lettre d'Omer-Pacha en date du 29 mars 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

Омеръ-паша считалъ позицію у Карасу очень удобной, чтобы принять на ней бой, но необходимость держать въ Шумлѣ достаточное для защиты этого пункта количество войскъ не давала возможности усилить отрядъ Мустафы-паши 10-12 баталіонами, необходимыми для упорной обороны Карасу въ зависимости отъ предполагаемаго преувеличеннаго числа русскихъ войскъ. Поэтому, считая опаснымъ оставлять корпусъ Мустафы-паши выдвинутымъ на значительное разстояніе впередъ безъ возможности его своевременно поддержать, Омеръ-паша приказалъ ему отойти къ Шумлѣ, оставивъ 3 тысячи конницы для развѣдокъ въ направленіи на Базарджикъ, Карасу и Бабадагъ.

Такимъ образомъ, князю Горчакову удалось своей переправой очистить всю Бабадагскую область и откинуть турокъ къ Шумлѣ. Успѣхъ былъ полный, и въ Дунайской арміи заслуженно царили необыкновенное оживленіе и радость. Общій подъемъ духа вылился въ пѣснѣ, сочиненной виновникомъ торжества княземъ Горчаковымъ и положенной впослѣдствіи на ноты извѣстнымъ композиторомъ Львовымъ: „Жизни тотъ одинъ достоенъ“, и т. д. [1]).

„Имѣю счастье доложить Вашему Императорскому Величеству“, всеподданнѣйше доносилъ князь Горчаковъ [2]), „что походъ 1854 года открытъ съ честью для Вашего оружія. „11 марта войска Ваши овладѣли правымъ берегомъ Дуная на „трехъ пунктахъ... Мачинъ и Тульча были окружены весьма сильными полевыми укрѣпленіями; взять ихъ съ бою нельзя было бы, „не потерявши нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ... Войска отъ генерала до рядового достойны всякой похвалы; они дышатъ мужествомъ и готовностью умереть за Вашу славу“.

Нечего и говорить, какой радостью отозвалось это извѣстіе въ сердцѣ Государя и всей Россіи. „Слава Богу“, тотчасъ же отвѣчалъ Императоръ Николай Горчакову [3]), „за его щедрую „милость, слава тебѣ за отлично обдуманныя и столь же славно „исполненныя соображенія, слава сподвижникамъ твоимъ и неоцѣненнымъ храбрымъ войскамъ за отличный, безпримѣрный подвигъ. „Надѣюсь, что сей первый важный шагъ будетъ началомъ столь же „славныхъ въ теченіе похода 1854 года. Отголосокъ его раздастся „вдаль друзьямъ нашимъ, но и разозлитъ еще болѣе враговъ „нашихъ“.

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. I, стр. 132.
[2]) Изъ Мачина 13 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.
[3]) Отъ 20 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

Наградивъ широкой рукой участниковъ переправы, Государь пожаловалъ князю Горчакову свой портретъ для ношенія въ петлицѣ, сопровождаемый слѣдующими милостивыми словами собственноручнаго письма: „Въ знакъ моей особой благодарности „за твою вѣрную и отличную службу и того искренняго уваженія „и дружбы, которыя къ тебѣ имѣю, желаю, чтобы изображеніе „того, которому ты оказываешь столько услугъ, было бы съ „тобою неразлучно, какъ знакъ его признательности“.

Князь Горчаковъ торопился подѣлиться своей радостью и съ другомъ молодости княземъ Меншиковымъ. Упоминая, что Дунай, гдѣ около тридцати лѣтъ тому назадъ онъ впервые испыталъ волненіе боя, какъ бы созданъ для того, чтобы доставлять ему удовольствія, князь Михаилъ Дмитріевичъ приписываетъ неожиданный успѣхъ своей переправы съ небольшими потерями отличному употребленію артиллеріи и кончаетъ свое письмо сообщеніемъ о подаркѣ имъ колокола православной церкви въ Мачинѣ, выражая надежду, что, „можетъ быть, этотъ колоколъ прозвонитъ „послѣдній часъ Турціи“ [1]).

Впрочемъ, этотъ даръ имѣлъ въ глазахъ князя Горчакова болѣе глубокое значеніе, чѣмъ это можно было предполагать. Не имѣя разрѣшенія обратиться къ болгарамъ послѣ переправы черезъ Дунай съ какимъ-либо воззваніемъ, которое опредѣляло бы намѣреніе русскаго правительства относительно будущей судьбы этого народа, князь Горчаковъ разсчитывалъ этимъ символическимъ подаркомъ дать болгарамъ нѣкоторыя надежды, чѣмъ и вызвалъ отмѣтку Государя „parfaitement bien fait“ [2]).

Генералъ Шильдеръ въ письмѣ къ своему семейству также дѣлится впечатлѣніями объ успѣшной переправѣ [3]). „Чудное дѣло „совершилось“, пишетъ онъ, „тремя убитыми солдатами и 17-ю ранеными искуплена побѣда надъ врагами Христа, которые два „мѣсяца строили батареи и окопы, на двѣ версты вдоль своего „берега, въ три ряда съ обратнымъ огнемъ, чтобы свой тылъ „защищать. Въ прахъ мы все избили изъ моихъ батарей и въ „мигъ подъ ядрами переправились на его сторону; онъ, объятый „паническимъ страхомъ, бѣжалъ и бѣжитъ“...

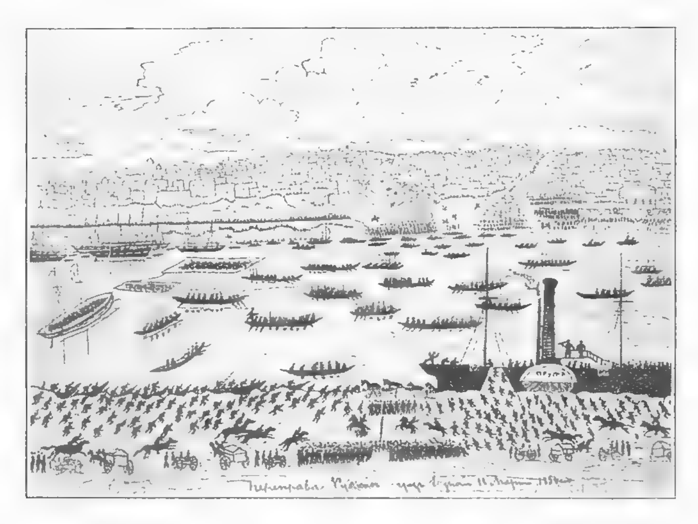
---

[1]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 15 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

[2]) Кн. Горчаковъ — военному министру 16 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Отъ 12 марта 1854 г. Русск. Стар. 1875 г., декабрь, стр. 722.

Нѣсколько позднѣе послѣдствія форсированія переправы представились еще въ болѣе грандіозномъ размѣрѣ. „Не только турки, „занимавшіе Бабадагскую область“, всеподданнѣйше доносилъ князь Горчаковъ [1]), „оставили поспѣшно Карасу, не уничтоживъ даже „тамъ моста, и стягиваются, вѣроятно, къ Базарджику и Шумлѣ, „но и на верхнемъ Дунаѣ распространился между ними страхъ“. Активныя дѣйствія ихъ всюду прекратились, часть войскъ и орудій со всѣхъ пунктовъ средняго и верхняго Дуная, не исключая и Калафата, были сняты со своихъ позицій и направлены внизъ по рѣкѣ, повидимому, къ Шумлѣ, въ которой, какъ полагалъ князь



Переправа черезъ Дунай
(набросокъ съ натуры Рутковскаго).

Горчаковъ, они намѣрены были запереться до прихода союзниковъ. „Прекрасно“, начерталъ на этомъ докладѣ Императоръ Николай.

Что касается собственно русской интеллигенціи, то нашъ первый большой успѣхъ на Дунаѣ не произвелъ на нее того радостнаго впечатлѣнія, котораго можно было бы ожидать. Умы были заняты другимъ болѣе важнымъ событіемъ, а именно разрывомъ съ западными державами и открытой враждебностью нашихъ нѣмецкихъ союзниковъ. Сердце русское разрывалось отъ той роли, въ которую ставила насъ Европа, и народное чувство требовало отпора наносимымъ оскорбленіямъ, ждало призыва правительства къ рѣшительной наступательной войнѣ и готово было соединиться въ

---

[1]) Отъ 28 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

непоколебимой волѣ пожертвовать всѣмъ для отплаты посягавшимъ на русскую народную гордость. Но вялость нашихъ дѣйствій на Дунаѣ совмѣстно съ упорными слухами о томъ, что правительство склоняется къ оборонительной войнѣ, отказываясь отъ нанесенія нашему исконному врагу, туркамъ, смертельнаго удара, вызвало въ сердцахъ наиболѣе горячихъ патріотовъ чувство неудовлетворенія и какой-то растерянности, которое еще болѣе возросло при извѣстіи о назначеніи главнокомандующимъ князя Варшавскаго съ его дошедшими до слуха общества тенденціями къ оборонѣ и страхомъ передъ Австріей.

„Что это, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ!“ писалъ Аксаковъ Погодину 14 февраля 1854 года [1]). „Политическія дѣла „меня съ ума сводятъ! Никакое благоразуміе не помогаетъ: оскор„бляется народная гордость и возмущаетъ душу!.. Я думалъ, что „Закревской [2]) русскій человѣкъ, а слышу и онъ за оборони„тельную войну! Вѣдь на немъ лежитъ обязанность: онъ долженъ „довести до свѣдѣнія Государя оскорбленіе, негодованіе всей „Москвы, слѣдовательно, всей России“.

И, благодаря такому настроенію, радостное извѣстіе съ Дуная не порадовало Москвы; оно для нея не было залогомъ дальнѣйшаго рѣшительнаго наступленія.

„Есть вѣсть, что мы перешли черезъ Дунай“, писалъ митрополитъ Филаретъ Антонію [3]). „Не безъ труда взяли крѣпость; „потомъ отъ насъ бѣгутъ. — Но къ чему сіе ведетъ? Господу „помолимся!“ Да Шевыревъ въ день Благовѣщенія извѣщалъ Погодина [4]): „Переходъ черезъ Дунай, говорятъ, былъ блистателенъ... „Къ Пасхѣ должно быть что-нибудь великое“. Этимъ и кончались всѣ отзывы современниковъ.

Впрочемъ, по словамъ В. Давыдова [5]), широкіе слои русскаго общества въ то время весьма мало интересовались внѣшними дѣлами. Житейскія дрязги, охота и служебныя занятія одни поглощали всеобщее вниманіе. „Общество“, пишетъ онъ, „было „еще такъ грубо, такъ равнодушно, какъ будто находилось въ „какомъ-то летаргическомъ снѣ, изъ котораго пробудилось только „послѣ Крымской кампаніи“.

---

[1]) Н. Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 36.
[2]) Московскій генералъ-губернаторъ.
[3]) Н. Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 74.
[4]) Тамъ же.
[5]) В. Давыдовъ: „Самаринъ-ополченецъ“. Русск. Арх. 1877 г., кн. 5, стр. 45.

Несомнѣнно болѣе сильное впечатлѣніе переправа князя Горчакова произвела на нашихъ враговъ. „Полагали, безъ сомнѣнія“, пишетъ новѣйшій историкъ Второй Имперіи [1]), „что русскіе не „остановятся въ Добруджѣ, двинутся въ Болгарію, форсируютъ „Балканскіе проходы и постараются нанести ударъ Адріанополю, „а можетъ быть, и самой столицѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ „дней царило большое безпокойство среди турокъ; оно не было „меньше и въ Галиполли, гдѣ высаживались первые француз„скіе полки“.

Маршалъ С.-Арно узналъ о совершившейся переправѣ въ Марсели, по пути въ Константинополь. „Говорятъ о быстромъ „наступленіи русскихъ“, писалъ онъ своему брату 19 апрѣля [2]). „Омеръ-паша принужденъ сосредоточиться передъ Шумлой. „Если русскіе сдѣлаютъ рѣшительный шагъ, они могутъ поста„вить насъ въ затрудненіе, быстро прибывъ къ Адріанополю и „найдя столицу открытой... У меня кровь стынетъ въ жи„лахъ. Сколько потеряннаго времени, и какъ еще все медленно „идетъ!“

Въ то же время онъ писалъ военному министру о необходимости удвоить усилія къ быстрой отправкѣ войскъ, такъ какъ не признавалъ возможнымъ подвергнуть опасности Адріанополь. „Какъ будетъ странно, если мы прибудемъ слишкомъ поздно!“ кончалъ онъ свое письмо маршалу Вальяну.

Канроберу, который со своей дивизіей былъ уже на турецкой территоріи, С.-Арно послалъ категорическое приказаніе немедленно выдвинуться къ Адріанополю или, по крайней мѣрѣ, послать туда бригаду, „чтобы знали, что тамъ авангардъ фран„цузской арміи“.

Вообще французскіе руководители турецкихъ операцій были очень недовольны свершившимися событіями. „J'espère“, писалъ генералъ Барагэ-д'Илье генералу Канроберу, „qu'Omer-Pacha a „bien compris la situation et qu'il sera prudent“ [3]).

Да не послужитъ ли это яркой иллюстраціей правильности инстинкта Императора Николая и преувеличенныхъ опасеній его фельдмаршала!

---

[1]) P. de la Gorce: „Histoire du Second Empire“, t. I, p. 225.
[2]) C. Rousset: „Histoire de la guerre de Crimée“, t. I, p. 81.
[3]) Барагэ-д'Илье — ген. Канроберу 13 апрѣля 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

IV.

О состояніи Турціи и о предположеніяхъ нашихъ враговъ послѣ переправы князя Горчакова черезъ Дунай можно судить по перепискѣ французскаго посла въ Константинополѣ съ военнымъ министромъ маршаломъ Вальяномъ. Генералъ Барагэ-д'Илье [1]) рисовалъ тяжелую картину состоянія Турціи, раздираемой внутренними смутами и завоевываемой русской арміей. Нашъ переходъ черезъ Дунай произвелъ, по словамъ автора письма, громадное впечатлѣніе на турецкую армію, главнокомандующій которой и не думалъ болѣе итти противъ врага, взявшаго въ свои руки инициативу. „Я предложилъ турецкому генералиссимусу", пишетъ генералъ Барагэ-д'Илье, „который теперь, кажется, болѣе чѣмъ когда-либо „расположенъ меня слушать, оставить въ крѣпостяхъ лишь строго „необходимое для обороны ихъ количество войскъ и сосредоточить „свою армію между Рущукомъ и Силистріей, чтобы, сохраняя „постоянно свои сообщенія съ Шумлой, серьезно противодѣйство-„вать переходу русскаго центра черезъ Дунай или же броситься „на правый флангъ непріятеля, если онъ будетъ наступать черезъ „Добруджу. Я рекомендовалъ также Омеру-пашѣ не вступать въ „рѣшительный бой, помня, что со своей центральной позиціи у „Шумлы онъ всегда можетъ помѣшать переходу русскихъ черезъ „Балканы, а также имѣя въ виду и необходимость обождать при-„бытія французскихъ и англійскихъ войскъ, передовые отряды „которыхъ уже появились въ Галиполи. Я ему рекомендовалъ „также оттянуть большую часть войскъ отъ Видина и Калафата „къ Тырнову, и я надѣюсь, что мои совѣты будутъ исполнены".

И, дѣйствительно, Омеръ-паша почти во всемъ послушалъ совѣта французскаго посла, за исключеніемъ желанія атаковать насъ гдѣ бы то ни было [2]).

Послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай онъ перенесъ свою главную квартиру изъ Рущука въ Шумлу, около которой сосредоточилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ отборныхъ войскъ 50 батал. и 42 эск. при 140 полевыхъ орудіяхъ [3]). Отсюда онъ обезпечивалъ восточные проходы черезъ Балканы, организовалъ ихъ

---

[1]) L'ambassadeur à Constantinople au mar. Vaillant le 5 avril 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[2]) Барагэ-д'Илье—ген. Канроберу 13 апрѣля 1854 г. Парижск. воен. арх.

[3]) Тамъ же.

оборону и прикрывалъ прямой путь на Адріанополь; эта же позиція давала ему возможность быстро перекинуться впередъ на помощь гарнизонамъ Рущука и Силистріи, которые, по увѣренію французовъ турками, къ этому времени были сильно укрѣплены. Лѣвый флангъ турецкаго расположенія, отодвинутый къ Тырнову, прикрывалъ западные проходы черезъ Балканы, могъ содѣйствовать оборонѣ наиболѣе кружной дороги на Адріанополь черезъ Софію и попрежнему оказывать поддержку Видину и Калафату [1]). Правый же флангъ Омера-паши опирался черезъ Праводы на Варну и Черное море, откуда онъ могъ ждать помощи со стороны союзниковъ. Общее число турецкой арміи, по свѣдѣніямъ французскихъ агентовъ, доходило въ это время до 200 тысячъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ [2]).

Что касается до очищенія Добруджи, то турки злорадствовали, по словамъ французскихъ историковъ, предоставляя ее въ наше пользованіе. Они полагали, что въ этой пустынной, болотистой области нашъ отрядъ погибнетъ отъ голода и болѣзней и, кромѣ того, будетъ подверженъ удару съ фланга союзныхъ десантовъ.

Однако, князь Горчаковъ и не помышлялъ предпринять энергичное наступленіе въ глубь страны. Этому препятствовали и обстоятельства и категорическое запрещеніе князя Варшавскаго, который въ скоромъ времени долженъ былъ лично прибыть на театръ войны. „Турки терроризованы въ невозможной степени“, писалъ Горчаковъ князю Меншикову [3]). „Но увы, нѣтъ ни лепестка „травы на поляхъ, ни клочка сѣна въ стогахъ. Лидерсъ прину-„жденъ будетъ итти шагъ за шагомъ. Омеръ не будетъ такъ глупъ, „чтобы броситься на него, а онъ не сможетъ итти его искать. „Онъ раньше умретъ двадцать разъ отъ голода, чѣмъ его найдетъ. „Тѣмъ не менѣе я приказываю продвинуться далѣе, *чѣмъ то „позволяетъ* [4]) фельдмаршалъ. Кажется, очень боятся, чтобы Австрія „не объявила себя противъ насъ, но я еще смѣю въ этомъ „сомнѣваться“.

Результатомъ такого положенія была двойственная и нерѣшительнаго характера инструкція, данная княземъ Горчаковымъ генералу Лидерсу [5]). Ему предписывалось упорно оборонять войсками

---

[1]) L. Guérin, t. I, p. 76.
[2]) Renseignements militaires, 12 avril 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.
[3]) 15 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.
[4]) Курсивъ подлинника.
[5]) Отъ 14 марта 1854 г., за № 49. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

Ушакова оба берега Дуная отъ Рени до устья отъ наступательныхъ попытокъ съ юга и со стороны Чернаго моря, поднявъ мостъ до Исакчи, а войсками, находившимися въ его личномъ распоряженіи, прогнать непріятеля изъ Бабадага и овладѣть Гирсовымъ, если это удастся до 2 апрѣля.

Далѣе Гирсова къ югу и западу предписывалось не ходить, а, напротивъ, въ случаѣ наступленія непріятеля въ силахъ, не дававшихъ Лидерсу возможности атаковать ихъ съ полной надеждой на успѣхъ, немедленно итти къ сѣверу на отрядъ генерала Ушакова. Это распоряженіе было вызвано опасеніемъ фельдмаршала высадки близъ Одессы и приказаніемъ въ такомъ случаѣ направить къ Кишиневу съ нижняго Дуная дивизію пѣхоты.

У Гирсова долженъ былъ быть наведенъ мостъ съ сильнымъ предмостнымъ укрѣпленіемъ, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ здѣсь, какъ и у Исакчи, удержать оба берега въ своихъ рукахъ.

Но въ то время, когда князь Горчаковъ отдавалъ эти распоряженія въ Браиловѣ, князь Варшавскій усердно писалъ ему изъ Варшавы.

Благопріятныя депеши барона Мейендорфа изъ Вѣны о томъ, что Австрія все болѣе и болѣе сближается съ Пруссіей, заставили престарѣлаго фельдмаршала прійти къ заключенію, что едва ли она объявитъ намъ войну. Поэтому онъ указывалъ князю Горчакову, что всѣ дальнѣйшія его распоряженія должны быть основаны на ближайшемъ усмотрѣніи всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ [1]). Однако, эта завидная самостоятельность совершенно парализовалась частнымъ письмомъ, приложеннымъ къ предписанію [2]). Въ немъ князь Варшавскій сообщалъ, что, по слухамъ, Австрія все-таки продолжаетъ сборъ войскъ, и поэтому намъ нельзя отмѣнять военныхъ предосторожностей, принятыхъ противъ этой державы.

Стратегическое положеніе князя Горчакова онъ оцѣнивалъ такимъ образомъ, что тотъ долженъ былъ обращаться туда, откуда больше угрожаетъ опасность.

Прежде опасность угрожала со стороны Австріи, надо было обернуться лицомъ противъ нея; теперь же, не ослабляя осторожности съ этой стороны, мы можемъ обратиться къ защитѣ противъ ожидаемыхъ десантовъ и противъ предпріятій турокъ. „Я бы „полагалъ, любезнѣйшій князь“, такъ кончаетъ свое письмо

[1]) Паскевичъ — кн. Горчакову 15 марта 1854 г., № 119. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

[2]) От 14 марта 1854 г. Русск. Стар. 1876 г., февраль, стр. 397.

фельдмаршалъ, „расположить войска такимъ образомъ, чтобы „они могли быть обращены, гдѣ потребуетъ необходимость, и „могли принять отступающій отрядъ Липранди или дѣйствовать „въ подкрѣпленіе тѣхъ частей, кои находятся противъ Силистріи „и, наконецъ, противъ десантовъ".

Инструкція знаменательная, которая могла бы сковать и болѣе сильнаго духомъ, чѣмъ князь Горчаковъ, военно-начальника. Ни одного слова о нанесеніи удара врагу, о томъ, чтобы воспользоваться благопріятной минутой до прихода на театръ войны союзниковъ и бить неготоваго врага по частямъ, чтобы наступательными дѣйствіями притянуть ожидаемаго новаго врага на себя, заставить союзниковъ втянуться въ борьбу съ нами на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ избѣгнуть ужасовъ и срама войны на нашей территоріи. Вмѣсто того, чтобы достигнутымъ успѣхомъ и выказанной рѣшимостью заставить колеблющуюся Австрію, традиціонная политика которой слагалась у насъ передъ глазами не одну сотню лѣтъ, стать на сторону храбраго и сильнаго, князь Варшавскій обрекалъ на параличное состояніе громадную армію обширнаго Государства.

Въѣздъ князя Горчакова въ Мачинъ.

Интересно прослѣдить вліяніе писемъ фельдмаршала на князя Горчакова. Драгоцѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ ежедневный дневникъ его начальника штаба, генералъ-адъютанта Коцебу, краткія выдержки изъ котораго приведемъ здѣсь [1]).

„16 марта (въ это время Горчаковъ находился еще въ повышенномъ настроеніи послѣ успѣшной переправы). Опять получены устрашающія бумаги отъ фельдмаршала. По его указаніямъ, „мы должны готовиться къ отступленію. Къ счастью, Горчаковъ „настолько разуменъ, что этого не дѣлаетъ.

„20 марта. Князь Горчаковъ видитъ призракъ десанта англо-„французовъ въ Бессарабіи и мучилъ меня этимъ до полуночи.

[1]) Рукописн. отд. Музея Севастопольской обороны.

„Я энергично отстоялъ оставленіе у Лидерса всѣхъ войскъ, „которыя Горчаковъ хотѣлъ ослабить посылкой части въ Бесса-„рабію.

„21 марта. Утромъ рано, въ 6½ часовъ Горчаковъ, совер-„шенно разстроенный, пришелъ ко мнѣ. Онъ провелъ безсонную „ночь въ страхѣ десанта. Я бригады уже спасти не могу... Я „сказалъ Горчакову мой взглядъ, что мы теперь должны непре-„мѣнно дѣйствовать наступательно, пока не прибыли французы.

„28 марта. Я опять не могъ пойти въ церковь изъ-за опа-„сеній Горчакова о десантѣ или, вѣрнѣе, изъ-за боязни передъ „фельдмаршаломъ" и т. д.

Но въ то время, когда до князя Горчакова не дошло еще послѣднее письмо фельдмаршала, и когда онъ, близко видящій обстановку, рѣшилъ выдвинуть отрядъ генерала Лидерса впередъ, а также занять, если представится къ этому возможность, Гирсово, онъ 16 марта послалъ Паскевичу подробное донесеніе, въ которомъ старался оправдать свой маленькій наступательный порывъ.

Читая этотъ интересный документъ [1]), невольно приходится пожалѣть, что сила характера князя Михаила Дмитріевича такъ уступала его безспорно недюжиннымъ военнымъ дарованіямъ.

Князь Горчаковъ, излагая уже извѣстныя намъ распоряженія, отданныя имъ генералу Лидерсу о наступленіи къ Гирсову, приводилъ мотивы, которые заставили его поступить противно волѣ фельдмаршала и дѣлали выдвиженіе Лидерса безопаснымъ, а занятіе Гирсова крайне необходимымъ.

Представляя копію этого донесенія Государю, князь Горчаковъ высказывалъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ [2]) свое убѣжденіе, что „лучшій способъ побудить непріятеля не предпринимать „къ намъ высадки есть сохраненіе дѣйствіямъ генерала Лидерса „сколь можно долѣе вида чисто наступательнаго".

Обращаясь далѣе къ возможности для австрійцевъ быстрымъ движеніемъ изъ сѣверной Трансильваніи и Буковины отрѣзать тылъ Дунайской арміи, Горчаковъ писалъ Государю, что „это „одинъ изъ тѣхъ шансовъ, изъ опасенія коихъ заранѣе портить „дѣло не должно. Преждевременное очищеніе Валахіи имѣло бы „ужасное вліяніе на возстаніе христіанъ, которое, кажется, начи-„наетъ разгораться. Сбудься движеніе австрійцевъ въ мой тылъ

---

[1]) См. Приложеніе № 142.

[2]) Отъ 16 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

„на Яссы, мы ихъ разобьемъ или умремъ съ честью, а у Васъ „Россія велика и будетъ кѣмъ насъ замѣнить!“

Пришлось отвѣтственному руководителю нашихъ операцій на Дунаѣ извиняться за проявленную имъ маленькую самостоятельность и передъ военнымъ министромъ. „Я буду остороженъ“, писалъ ему князь Горчаковъ [1]), „но я не попорчу дѣла чрез„мѣрной осторожностью, за которую Его Величество могъ бы „меня упрекать“ [2]). — „Браво“, начерталъ противъ этого мѣста Императоръ Николай.

Развивая далѣе свою мысль, Горчаковъ писалъ военному министру: „Наступательный характеръ нашихъ операцій надо со„хранить возможно долѣе. Это единственное средство воздѣй„ствовать на нашихъ многочисленныхъ враговъ и помѣшать хри„стіанскому населенію прійти въ полное отчаяніе“.

Лестныя помѣтки, сдѣланныя Государемъ на донесеніи Горчакова фельдмаршалу, ясно показываютъ, что не Императоръ Николай былъ причиной необходимости оправданій командовавшаго войсками на Дунаѣ, а желѣзная воля и превратный взглядъ фельдмаршала, дарованіямъ котораго, къ сожалѣнію, Государь вѣрилъ болѣе, чѣмъ своей широко одаренной натурѣ.

И, дѣйствительно, Государь сдѣлался самымъ горячимъ заступникомъ за рѣшенія князя Горчакова передъ Паскевичемъ. „Мысли „Горчакова“, писалъ Государь фельдмаршалу [3]), „столь согласны „съ тѣмъ, что я самъ тебѣ писалъ касательно моего желанія, „чтобъ мы извлекли возможную пользу отъ удачнаго перехода „черезъ Дунай, что не могу не желать, чтобъ ты согласился на „его предложенія, которыя, кажется, соединяютъ всѣ условія „*осторожности* [4]), съ извлеченіемъ возможной пользы теперешнихъ нашихъ успѣховъ. Онъ дѣйствовалъ и видитъ дѣло, по„моему, славно и достоинъ всякой похвалы... Какъ бы хорошо „подступить теперь къ Силистріи и тѣмъ предупредить затѣи „союзниковъ! Во всякомъ случаѣ полагаю, что нашъ переходъ „черезъ Дунай измѣняетъ нѣсколько ихъ затѣи десантовъ къ „намъ, а мы до того успѣемъ быть вездѣ готовыми къ отпору. — „Не такъ ли?“

---

[1]) 16 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Императоръ Николай — Паскевичу 24 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[4]) Курсивъ подлинника.

Государь сообщалъ мысли свои о необходимости использовать выгодныя для насъ обстоятельства, преслѣдовать по пятамъ турокъ и какъ можно скорѣе дойти до Силистріи и Горчакову. Дѣйствительно, укрѣпленія этого пункта къ тому времени не были еще, по показаніямъ плѣнныхъ и лазутчиковъ, окончены, а Абдулъ-Меджисъ, считавшійся ключемъ всей силистрійской обороны, былъ едва начатъ. Гарнизонъ же крѣпости, по всѣмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ, не превосходилъ 12 тысячъ человѣкъ.

„Кажется мнѣ“, писалъ Государь [1]), „что Силистрія должна „быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій, лишь только успокоены „будемъ на счетъ Австріи. Чѣмъ скорѣе приступимъ къ осадѣ „ея, чѣмъ удастся предупредить подходъ къ ней союзниковъ, „тѣмъ вѣрнѣе разсчитать можемъ на успѣхъ... Послѣднія извѣстія „изъ Вѣны подаютъ нѣкоторую надежду на благоразумный образъ „дѣйствій и на полный нейтралитетъ, по примѣру Пруссіи, но „*увѣренности* [2]) въ томъ еще не имѣю и потому неувѣренность „эта крайне меня связываетъ въ разрѣшеніи дальнѣйшихъ дѣй„ствій. Это же положеніе Австріи лишаетъ меня всякой надежды „на содѣйствіе сербовъ, развѣ успѣхъ греческаго возстанія вос„пламенитъ славянъ до того, что они пренебрегутъ угрозами „Австріи и подымутся безъ насъ. Все это быть можетъ, но нельзя „на это разсчитывать и еще менѣе основывать наши дѣйствія“.

Черезъ нѣсколько дней Государь осчастливилъ Горчакова еще болѣе лестными строками [3]): „Я обрадованъ былъ твоимъ „правильнымъ взглядомъ на положеніе дѣлъ, на пользу, которую „отъ сей неожиданной удачи извлечь должно и можно. И вообще „меня польстило, что, не сговорясь съ тобой, мы оказались од„нѣхъ съ тобой мыслей“.

Но турки сами облегчали исполненіе воли Государя, и Гирсово было ими поспѣшно очищено безъ боя. 16 марта этотъ пунктъ былъ занятъ казаками изъ отряда полковника Зурова, а 20 числа— всѣмъ отрядомъ генерала Лидерса. По показанію липованъ, гарнизонъ, оставивъ 4 орудія и много запасовъ, бѣжалъ по направленію на Карасу [4]). Наши войска заняли главными силами Гирсово

---

[1]) Кн. Горчакову 20 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 26 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[4]) Кн. Горчаковъ — военному министру 20 марта 1854 г., № 798. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., д. № 38.

и с. Гропа-Чабанъ, выславъ авангардъ по дорогѣ въ Черноводы, къ с. Топала [1]), и пять сотенъ казаковъ для наблюденія за путями отъ Черноводы, Карасу и Бабадага [2]). Въ то же время мы приступили къ наводкѣ мостовъ у Гирсова и Исакчи. Казаки же отряда Ушакова заняли Бабадагъ.

Между тѣмъ у Кюстенджи и на Сулинскомъ рейдѣ 17 и 18 марта появились французскіе и англійскіе пароходы, которые

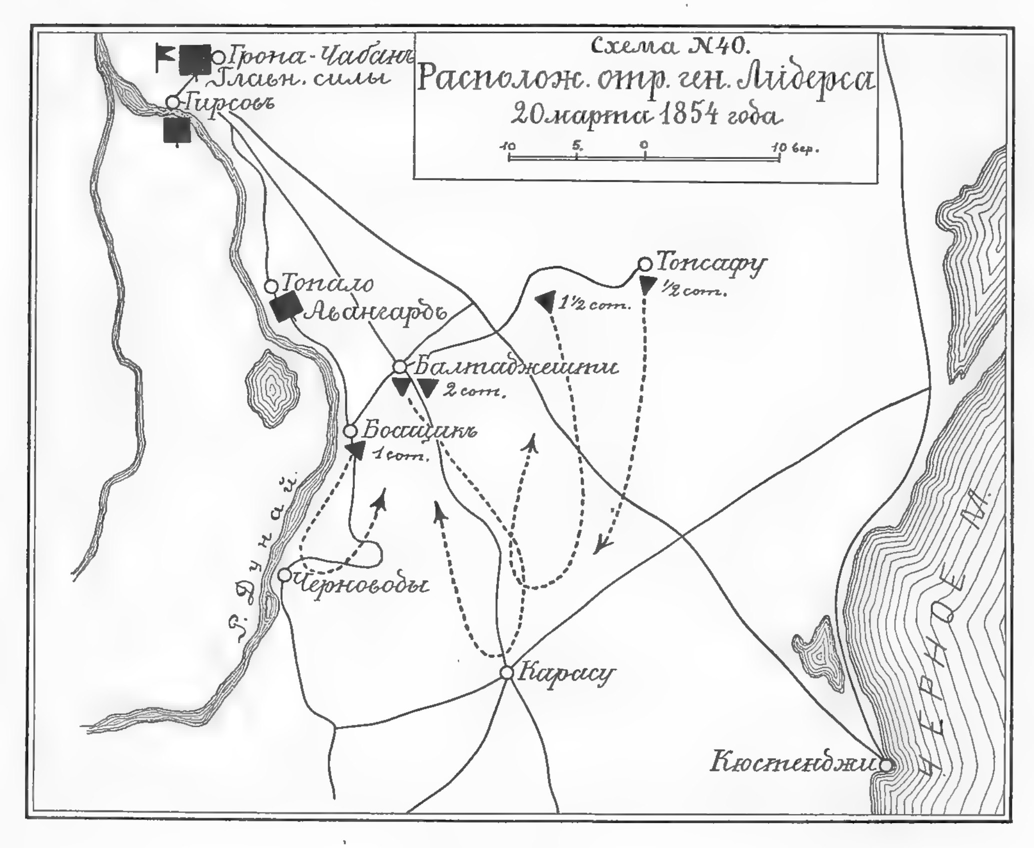


Схема № 40.

спускали шлюпки, дѣлали промѣры и подходили къ стоявшимъ на рейдѣ коммерческимъ судамъ. 18-го къ вечеру пароходы ушли съ горизонта.

---

[1]) См. схему № 40, стр. 743.

[2]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 22 марта 1854 г., № 737. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

Это пустое событіе еще болѣе увеличило нерѣшительность князя Горчакова, боявшагося отвѣтственности передъ фельдмаршаломъ, и онъ сталъ удерживать наступленіе генерала Лидерса, который въ 10-12 дней могъ бы перейти отъ Гирсова къ Силистріи.

Какъ уже сказано выше, наша переправа черезъ Дунай не оказалась безъ вліянія на поведеніе турокъ въ другихъ пунктахъ этой длинной оборонительной линіи.

Рѣшеніе Омера-паши оттянуть главныя свои силы къ Шумлѣ заставило его ослабить войска по Дунаю. 19 и 21 марта они очистили сильно укрѣпленные близъ Никополя острова Богуреску-луй, Бѣлина и Ренія и прекратили на среднемъ Дунаѣ всякія попытки противъ нашего берега. Нѣсколько иное положеніе было у Калафата, гдѣ турки производили рядъ демонстрацій, съ цѣлью скрыть уменьшеніе своихъ войскъ и въ этомъ пунктѣ.

14 марта, передъ разсвѣтомъ они выслали всю свою кавалерію изъ Калафата для нечаяннаго нападенія на нашъ летучій отрядъ въ Поянахъ, но, атакованные нашей кавалеріей, какъ отсюда, такъ и со стороны Голенцы-Команы, во флангъ и въ тылъ, бѣжали обратно въ Калафатъ, съ потерею свыше 100 человѣкъ[1]).

19 марта генералъ Липранди произвелъ общее наступленіе своего отряда; турки выслали свою кавалерію, но послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны поспѣшно отступили къ укрѣпленіямъ.

По собраннымъ во время этихъ почти ежедневныхъ стычекъ свѣдѣніямъ, турки отправили часть калафатскаго гарнизона внизъ по Дунаю, что не успокоило князя Горчакова. „Главная моя „забота“, всеподданнѣйше доносилъ онъ [2]), „съ Калафатомъ“. Командовавшій войсками считалъ полезнымъ сократить нашъ фронтъ, но признавалъ, что очищеніе Малой Валахіи должно было имѣть самыя вредныя послѣдствія. Оно дало бы возможность туркамъ вступить „въ этотъ негодный край“ и взбунтовать его. Горчаковъ не соглашался съ предположеніемъ князя Варшавскаго о необходимости отвести Липранди къ Краіову, находя, что „каждый лишній день сохраненія наступательнаго вида съ нашей „стороны можетъ принести много пользы, особенно возстанію „Греціи“.

---

[1]) Ген. Липранди — кн. Горчакову 15 марта 1854 г., № 255. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Письмо отъ 22 марта. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Съ своей стороны Императоръ Николай продолжалъ оставаться глубокимъ сторонникомъ энергичныхъ дѣйствій, съ цѣлью использовать успѣхъ нашего перехода черезъ Дунай и неготовности союзниковъ. Но и его взоры въ этомъ отношеніи обращались на возможное поведеніе австрійцевъ. „Все несомнѣнно „зависитъ“, писалъ онъ князю Варшавскому [1]), „отъ расположенія „австрійцевъ; кажется, есть надежда, что они насъ не атакуютъ. „Ежели будемъ въ томъ увѣрены, то не надо, кажется, терять „времени и немедля готовиться приступить къ осадѣ Силистріи, „главной цѣли всей кампаніи 1854 года“. Государь считалъ это особенно важнымъ еще и потому, что осада Силистріи должна была оттянуть часть союзныхъ силъ отъ нашихъ береговъ. „Прошу, отецъ-командиръ“, продолжалъ Государь дальше, „вникнуть въ эту мысль и дать твои приказанія Горчакову въ этомъ „смыслѣ, ежели ты не противенъ сему. Упусти мы воспользоваться „теперешнимъ успѣхомъ и его впечатлѣніемъ на турокъ, подобнаго удобства не встрѣтимъ впередъ надолго“. Не довольствуясь, однако, высказанной такъ настоятельно просьбой или, вѣрнѣе, приказаніемъ, Государь, зная характеръ фельдмаршала, заканчиваетъ свое письмо вновь фразой: „Теперь только, ради „Бога, не будемъ терять времени; надо воспользоваться теперешнимъ положеніемъ, и время дорого!“

Но мысли того, кто долженъ былъ быть душою и мозгомъ предстоящихъ военныхъ операцій, сильно отличались отъ мыслей, царившихъ на берегахъ Невы и Дуная. Мы не думаемъ сдѣлать исторической ошибки, высказавъ предположеніе, что князь Варшавскій даже несочувственно относился къ нашей удачной переправѣ черезъ Дунай и смотрѣлъ на нее, какъ на досадную помѣху къ исполненію задуманнаго имъ плана. Трудно сказать утвердительно, какіе собственно мотивы руководили фельдмаршаломъ и руками его связывали широкій розмахъ полета русскаго орла. Было ли это убѣжденіе, унаслѣдованное имъ послѣ Венгерскаго похода 1849 года, что самый опасный врагъ Россіи это Австрія, убѣжденіе, вылившееся впослѣдствіи въ приписываемую Паскевичу ходячую фразу: „дорога въ Константинополь лежитъ черезъ „Вѣну“, и онъ старался удержать нашу армію въ положеніи, способномъ въ случаѣ разрыва нанести Австріи рѣшительный ударъ. Была ли это затаенная мысль вплесть послѣднюю вѣтку въ свой

[1]) 22 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

вѣнокъ славы нанесеніемъ рѣшительнаго пораженія этой двуличной державѣ, или же просто старческая осторожность и нежеланіе рисковать своей славой, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что князь Варшавскій былъ тормозомъ для нашихъ активныхъ дѣйствій и далъ нашимъ военнымъ операціямъ направленіе, приведшее насъ къ Крымской войнѣ.

Паскевичъ откровенно высказывалъ свои мысли Государю, и если бы не чрезмѣрная вѣра въ него Императора Николая, то, казалось бы, никакихъ иллюзій въ его вялыхъ и не во всемъ соотвѣтствующихъ волѣ Государя дѣйствіяхъ на Дунаѣ быть не могло. Короче, ему не должно было имѣть мѣста во главѣ Дунайской арміи.

Поздравляя Государя съ переходомъ черезъ рѣку, онъ лишь признавалъ, что занятіе Гирсова намъ теперь не помѣшаетъ, такъ какъ „успѣемъ еще отвести войска, когда будетъ нужно" [1]). Сообщая о благопріятномъ пріемѣ австрійскимъ Императоромъ извѣстія о нашихъ успѣхахъ, фельдмаршалъ тотчасъ же прибавлялъ, что австрійское правительство намъ не довѣряетъ, что Австрія вооружается изъ опасенія, чтобы мы не привели въ исполненіе нашего плана на счетъ возстанія христіанъ, котораго австрійцы такъ боятся. Не возражая окончательно противъ настойчивой просьбы Государя поторопиться подходомъ къ Силистріи, Паскевичъ, однако, рисовалъ картину опасности такого движенія впередъ, продолжая указывать на серьезную угрозу со стороны Австріи и на возможность десантовъ союзниковъ въ тылъ нашей Дунайской арміи [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что все это должно было значительно парализовать и волю Государя и дѣйствія Горчакова.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ переписки съ фельдмаршаломъ и въ ожиданіи его пріѣзда князь Горчаковъ окончательно отказался отъ наступленія своей арміи и принялъ выжидательное положеніе, подробно разобравъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ обстановку, какъ она ему представлялась [3]).

Поведеніе Австріи для князя Горчакова, какъ и для всѣхъ остальныхъ, продолжало оставаться не яснымъ, но онъ полагалъ,

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 21 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 27 марта 1854 г. Тамъ же.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Горчакова о положеніи дѣлъ 22 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., д. № 38.

что. если бы эта держава рѣшилась на войну съ нами, то мы во всякомъ случаѣ узнали бы объ этомъ недѣли за три до начала военныхъ дѣйствій. О прибытіи въ Турцію десантныхъ войскъ морскихъ державъ, кромѣ 10-15 тысячнаго корпуса, также ничего не было слышно. Такъ что въ нашемъ распоряженіи имѣлось нѣсколько свободныхъ недѣль, въ теченіе которыхъ мы могли бы еще взять инициативу въ свои руки.

Главную надежду Горчаковъ возлагалъ на возстаніе единовѣрныхъ намъ племенъ, которому долженъ былъ содѣйствовать переходъ нашъ черезъ Дунай. Ему представлялось необходимымъ использовать въ этомъ направленіи нашъ успѣхъ, между тѣмъ, какъ переходъ къ оборонительной войнѣ долженъ былъ парализовать дѣйствія христіанскихъ подданныхъ султана, въ особенности при извѣстномъ заигрываніи съ ними западныхъ державъ.

Командовавшій войсками, принимая въ соображеніе эти данныя, полагалъ дѣйствіямъ за Дунаемъ придать такой характеръ, чтобы „съ одной стороны не терять изъ вида угрожающую опасность „отъ Австріи и отъ десантовъ съ моря, а съ другой сохранить „операціямъ нашимъ сколь можно долѣе видъ чисто наступа„тельный, дабы не охлаждать порыва христіанъ“.

Для обезпеченія Бессарабіи отъ десанта и вообще для противодѣйствія предпріятіямъ непріятеля къ западу отъ Днѣстра Горчаковъ направилъ въ Рени и Болградъ 2-ю бригаду 14-й дивизіи, что вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Ушакова должно было составить силу въ 23 баталіона для охраненія низовьевъ Дуная и для дѣйствія во флангъ и въ тылъ непріятелю, если бы онъ высадился у Аккермана.

Генералу Лидерсу съ 30-ю баталіонами было приказано оставаться у Гирсова, дѣлая поиски къ Черноводамъ, и, опираясь на Гирсовскій мостъ съ предмостнымъ укрѣпленіемъ, „служить на„дежною передовою точкою опоры для дальнѣйшихъ наступатель„ныхъ дѣйствій“.

Генерала Липранди до разъясненія обстоятельствъ князь Горчаковъ полагалъ временно оставить у Калафата, а съ остальными силами держаться въ центрѣ, въ наблюдательномъ положеніи, имѣя бригаду у Систова и Никополя, по бригадѣ противъ Рущука и Туртукая, полкъ противъ Силистріи и 15 баталіоновъ въ резервѣ между Бухарестомъ и Будешти.

Въ случаѣ угрозы со стороны Австріи генералъ Липранди долженъ былъ отступать за Ольту, а большая часть нашихъ войскъ—

сосредоточиться у Бухареста, куда можно было притянуть также отрядъ генерала Лидерса. Если начнутся наступательныя дѣйствія французовъ и турокъ, то противъ нихъ направляется часть Бухарестскаго резерва, часть прибрежныхъ войскъ и отряда генерала Лидерса. Наконецъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, при такой группировкѣ войскъ легко было бы приступить „къ насту-„пательнымъ дѣйствіямъ, по данному начертанію“.

Такое положеніе съ 23-мя баталіонами на нижнемъ Дунаѣ, съ тремя мостами и предмостными укрѣпленіями князь Горчаковъ признавалъ самымъ выгоднымъ при бывшихъ обстоятельствахъ.

Придавая въ дальнѣйшихъ нашихъ операціяхъ большое значеніе участію въ борьбѣ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, командовавшій войсками еще до полученія указанія изъ Петербурга отправилъ къ генералу Лидерсу сформированный изъ болгаръ и сербовъ отрядъ въ 500 человѣкъ, а къ генералу Липранди—въ 1500 человѣкъ.

Изложенная записка князя Горчакова удостоилась слѣдующей помѣтки Императора Николая: „Очень хорошо, но Липранди „долго я не оставилъ бы у Калафата, а оттянулъ бы къ Краіову; „пусть бы турки пошли за нимъ, тутъ бы имъ и тумака задали“.

Дальнѣйшая переписка между главными дѣйствующими лицами, до прибытія князя Варшавскаго на театръ войны, кружилась все около тѣхъ же вопросовъ возстанія христіанъ и вмѣшательства Австріи.

Фельдмаршалъ, который еще въ началѣ 1853 года представилъ Государю обширную записку [1]) о вооруженіи христіанскихъ народностей Турціи и видѣлъ въ этомъ средство „начала распа-„денія Турецкой Имперіи“, впослѣдствіи какъ-то охладѣлъ къ своей мысли, по всей вѣроятности, все подъ тѣмъ же вліяніемъ страха Австріи. Признавая совершенно несвоевременнымъ распространять непріятное для австрійцевъ возстаніе въ Сербіи, онъ отложилъ до своего пріѣзда и образованіе болгарскихъ дружинъ, предложивъ князю Горчакову очень оригинальную и практически безполезную мѣру—послать къ туркамъ тайныхъ шпіоновъ, которые, дѣйствуя на мусульманскій фанатизмъ, взбунтовали бы правовѣрныхъ подданныхъ султана противъ его христіанскихъ союзниковъ [2]).

---

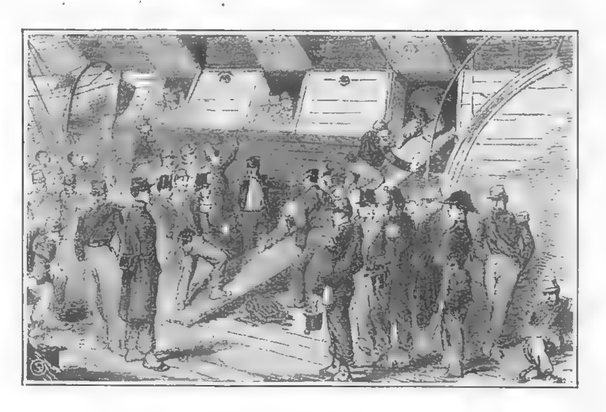
[1]) Мысли кн. Варшавскаго о пользѣ учрежденія христіанскихъ ополченій, прилож. ко всеподд. запискѣ отъ 24 марта 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Кн. Варшавскій—кн. Горчакову 22 марта 1854 г. Русск. Стар. 1876 г., февраль, стр. 399.

Впрочемъ, эта мысль фельдмаршала осталась безъ осуществленія.

Государь съ своей стороны признавалъ возможнымъ „пустить „волонтеровъ подымать болгаръ, но не трогать сербовъ, чтобы „не тревожить Австріи“ [1]).

Событія тѣмъ временемъ шли своимъ чередомъ, и пребываніе наше на правомъ берегу Дуная дѣлало необходимымъ установить какія-либо отношенія къ мѣстнымъ болгарамъ, на умы и надежды которыхъ должно было вліять присутствіе среди нихъ русскихъ войскъ. Князь Горчаковъ рѣшилъ до окончательнаго выясненія этого вопроса принять выжидательное положеніе и предписалъ генералу Лидерсу стараться поддерживать среди болгаръ расположеніе къ намъ ожиданіемъ важныхъ для нихъ перемѣнъ, но не дѣлать имъ никакихъ, въ особенности письменныхъ, обѣщаній [2]). „Теперь время настало выдать прокламаціи, „чѣмъ я займусь“, помѣтилъ Императоръ Николай на донесеніи князя Горчакова о принятой имъ мѣрѣ [3]).



Посадка французскихъ войскъ на суда (съ современной иллюстраціи).

И, дѣйствительно, изъ-подъ пера Государя вскорѣ вышло воззваніе къ „единовѣрнымъ братіямъ нашимъ въ областяхъ „Турціи“ [4]). Въ немъ говорилось, что войска россійскія вступили въ край не какъ враги, но съ крестомъ въ рукахъ для защиты Христовой Церкви и православныхъ ея сыновъ, поруганныхъ неистовыми врагами. Упоминалось далѣе, что уже не разъ кровь русская лилась и не безъ результата съ этой цѣлью, и что настало время и прочимъ христіанамъ стяжать себѣ тѣ же права, которыя уже даны нѣкоторымъ, подвластнымъ Турціи, христіан-

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 26 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 26 марта 1854 г. Русск. Стар. 1876 г., декабрь, стр. 829.

[3]) Помѣтка Государя на письмѣ кн. Горчакова военному министру отъ 28 марта 1854 г. Русск. Стар. 1876 г., декабрь, стр. 830.

[4]) Приложеніе № 143.

скимъ народамъ. Воззваніе заканчивалось призывомъ соединиться въ общемъ подвигѣ за вѣру и за права угнетенныхъ.

Государь остался доволенъ своей работой, приказавъ отправить ее къ князю Варшавскому и сообщить „къ свѣдѣнію“ графу Нессельроде.

Приближалось время прибытія на театръ войны фельдмаршала. Князь Горчаковъ все болѣе и болѣе волновался [1]). Онъ зналъ нерасположеніе Паскевича къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но воля Государя и сложившаяся обстановка стояли именно за такой характеръ дальнѣйшихъ операцій. И, дѣйствительно, положеніе князя Михаила Дмитріевича было незавидное. Не будучи уже хозяиномъ на театрѣ войны, онъ долженъ былъ не итти въ разрѣзъ съ планами фельдмаршала, но и не упускать благопріятно сложившихся обстоятельствъ. Князь Горчаковъ выбралъ среднее рѣшеніе. Онъ оставался на мѣстѣ, дѣлая предварительныя распоряженія къ переходу въ наступленіе на обоихъ флангахъ своего широкаго фронта, и продолжалъ писать въ Петербургъ о пользѣ наступленія [2]).

Постоянно получаемыя свѣдѣнія объ ослабленіи лѣваго фланга турецкаго расположенія и объ оттягиваніи части войскъ отъ Видина и Калафата дѣлали желательнымъ производство Мало-Валахскимъ отрядомъ демонстрацій на правый берегъ Дуная, около устья р. Тимока. По мнѣнію князя Горчакова, демонстрація эта, угрожая Калафату съ тыла, могла бы, совмѣстно съ соотвѣтствующими дѣйствіями съ фронта, дать весьма большіе результаты. „Но какъ сдѣлать, чтобы не раздражить Австріи“, безпомощно спрашивалъ князь Горчаковъ.

И, дѣйствительно, нашъ посолъ въ Вѣнѣ не совѣтовалъ производить подобную демонстрацію, такъ какъ ревнивая въ отношеніи вовлеченія Сербіи въ борьбу съ Турціей Австрія не могла бы устоять противъ открытаго съ нами разрыва [3]).

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Дунаѣ, когда туда прибылъ фельдмаршалъ князь Варшавскій.

---

[1]) Дневникъ П. Е. Коцебу за конецъ марта и начало апрѣля 1854 г.

[2]) Всеподд. письмо и записка кн. Горчакова 28 марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) Шифр. деп. бар. Мейендорфа кн. Горчакову 31 марта 1854 г., № 90, изъ Вѣны. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г., карт. Vienne.

Глава XIV.

I.

Въ августѣ 1853 года войска 4 и 5 корпусовъ, находившіяся въ Княжествахъ, были обезпечены провіантомъ по 1 мая 1854 года.

Въ октябрѣ 1853 года состоялось Высочайшее повелѣніе двинуть въ Княжества и 3-й корпусъ, а потому на Дунаѣ было рѣшено обезпечить этотъ корпусъ провіантомъ по тотъ же срокъ, на какой были обезпечены и корпуса, прежде туда прибывшіе, т.-е. также по 1 мая 1854 года. Для этого надо было дополнительно заготовить 63 тысячи чтв. муки, съ пропорціей крупъ.

На поставку такого количества провіанта были объявлены торги въ департаментахъ внутреннихъ дѣлъ Молдавіи и Валахіи въ серединѣ ноября. Однако, торги не состоялись, такъ какъ желающихъ взять на себя эту поставку не явилось.

Между тѣмъ, какъ уже извѣстно, всякія реквизиціи въ занятомъ нами краѣ признавались княземъ Горчаковымъ нежелательными, почему онъ старался избѣгать также и принудительной поставки страною провіанта за наличныя деньги, что являлось своего рода реквизиціей. Поэтому, по представленіи генералъ-интенданта Затлера, командующій войсками рѣшилъ потребовать поставку муки распоряженіемъ внутренняго управленія Княжествъ по обоюдно установленнымъ цѣнамъ, разсчитывая, что мѣстная администрація, зная край лучше, можетъ поставить припасы дешевле; крупу же поручилъ заготовить подрядчику, такъ какъ у мѣстныхъ жителей ея совсѣмъ не было.

Но департаментъ внутреннихъ дѣлъ Валахіи также назначилъ цѣны чрезмѣрно высокія, согласиться на которыя не представлялось возможнымъ.

Между тѣмъ въ концѣ декабря части 3-го корпуса уже подходили къ Скулянамъ. Во время слѣдованія по Россіи, довольствіе ихъ производилось распоряженіемъ интендантства дѣйствующей арміи (мирнаго времени); съ переходомъ же границы оно переходило на попеченіе полевого интендантства арміи князя Горчакова.

Съ обезпеченіемъ нуждъ вновь прибывающихъ войскъ приходилось торопиться, а потому 24 декабря командовавшій войсками на Дунаѣ предписалъ произвести заготовленіе всего требуемаго количества провіанта черезъ подрядчиковъ. Необходимыя для этого 63 тысячи чтв. муки, съ пропорціей крупъ, и были, дѣйствительно, поставлены 5-ю подрядчиками и комиссіонеромъ на коммерческомъ правѣ въ русскіе провіантскіе магазины, а частью прямо въ войска. Мясо же, прочіе продукты и фуражъ было предоставлено попрежнему покупать войскамъ самимъ [1]).

По ходу военныхъ операцій зимою 1853 года могло встрѣтиться затрудненіе въ обезпеченіи продовольствіемъ лишь въ отношеніи войскъ, занимавшихъ Малую Валахію, такъ какъ всѣ остальныя войска оставались въ общемъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Съ прибытіемъ въ Княжества 3-го корпуса, 12-я пѣхотная дивизія изъ его состава должна была усилить Мало-Валахскій отрядъ, при чемъ численность этого отряда утроивалась. Такъ какъ до тѣхъ поръ войска, въ Малой Валахіи расположенныя, были обезпечены только по 1 января 1854 года, то въ ноябрѣ и въ началѣ декабря князь Горчаковъ потребовалъ отъ интендантства заготовить провіантъ для отряда еще на 5 мѣсяцевъ.

Мѣсячная потребность отряда, въ новомъ увеличенномъ его составѣ, исчислялась приблизительно въ 7250 чтв. муки, такъ что на 5 мѣсяцевъ нужно было заготовить около 36.250 чтв. муки, съ пропорціей крупъ [2]).

Въ виду неожиданнаго передвиженія отряда изъ-подъ Руссо-де-Веде къ Краіову и Калафату и трудности заготовленія такого большого количества провіанта въ позднее время года, когда дороги испортились и сообщеніе мѣстами почти совершенно прекратилось,

---

[1]) Затлеръ, ч. 4, стр. 240; ч. 4, стр. 10.
[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856, № 71, ч. 3.

потребовались для приведенія въ исполненіе этого распоряженія самыя быстрыя и энергичныя мѣры.

Маршалъ С.-Арно.

Къ 6 декабря генераломъ Затлеромъ были уже сдѣланы послѣднія распоряженія, и провіантъ было поручено поставить подрядчику и интендантскому чиновнику на коммерческомъ правѣ.

Они должны были поставлять его, по мѣрѣ заготовленія, въ Краіово, Слатино и Радованъ. Первыя поставки ожидались къ 15 декабря [1]).

На случай неисправности поставки, войскамъ было предоставлено право покупать припасы за счетъ подрядчиковъ, а если это окажется невозможнымъ, то требовать, черезъ находящагося при отрядѣ комиссара, поставки отъ земли, съ уплатою квитанціями [2]).

Хотя полевымъ интендантомъ всѣ распоряженія были сдѣланы своевременно, и можно было ожидать поставокъ въ количествѣ даже болѣе, чѣмъ желательномъ, но уже всѣмъ было извѣстно, и практика тоже показала, что подрядчики поставляли запасы неисправно, и въ магазинахъ Краіовскаго раіона ихъ было немного. Поэтому еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время предположеннаго движенія отряда генерала Фишбаха къ Калафату, были потребованы для нуждъ его отряда заготовленія отъ земли впереди, по пути его слѣдованія, для того, чтобы въ теченіе всего времени войска генерала Фишбаха могли не расходовать свой 13-ти дневный запасъ [3]).

По тѣмъ же причинамъ вновь вступившій въ командованіе Мало-Валахскимъ отрядомъ генералъ-адъютантъ графъ Анрепъ приказалъ перевезти изъ Краіово, изъ ближайшихъ складочныхъ пунктовъ, въ Слатино и въ Команы 1402 чтв. муки. Это количество вмѣстѣ съ имѣвшимся при войскахъ сухарнымъ запасомъ

---

[1]) Затлеръ, ч. I, стр. 205; ч. II, стр. 25—27.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431.

обезпечивало отрядъ до начала новыхъ поставокъ подрядчиками [1]).

Въ ноябрѣ въ Краіовѣ для текущаго довольствія войскъ графа Анрепа было устроено печеніе сухарей для того, чтобы войска всегда имѣли при себѣ неприкосновеннымъ 13-ти дневный запасъ на случай движенія впередъ.

Однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры, 1 декабря графъ Анрепъ доносилъ уже князю Горчакову, что въ окрестныхъ съ его отрядомъ магазинахъ, въ Текучѣ, Каракулѣ, Команахъ, Слатинѣ [2]) и Краіовѣ запасовъ слишкомъ мало, а именно, что къ упомянутому числу во всѣхъ этихъ магазинахъ вмѣстѣ было лишь: 4172 пуда сухарей, 7992 чтв. муки, 457 чтв. крупы, да ожидалось въ Краіово отъ подрядчиковъ подвоза 1200 чтв., между тѣмъ какъ для довольствія войскъ въ Краіово необходимо было въ мѣсяцъ 2843 чтв. муки, 16.054 пуда сухарей и 266 чтв. крупъ [3]).

Въ виду изложеннаго, по пути въ Краіово отряду пришлось довольствоваться изъ своего сухарнаго запаса. По приходѣ же въ этотъ пунктъ, онъ пополнилъ свой сухарный запасъ изъ Краіовскаго магазина, куда 13-го числа былъ перевезенъ провіантъ изъ Слатина, а съ 15 декабря уже начались поставки туда провіанта, заказаннаго подрядчикамъ [4]).

Такимъ образомъ, между приходомъ отряда въ Краіово и 15 декабря были основанія опасаться за довольствіе отряда, такъ какъ запасъ въ Краіовѣ все-таки былъ незначителенъ, а подрядчики поставляли заказанное имъ количество не совсѣмъ исправно.

При дальнѣйшемъ движеніи къ Калафату предполагалось, подойдя къ этому пункту, не предпринимать съ Мало-Валахскимъ отрядомъ никакихъ активныхъ дѣйствій, пока туда не будетъ свезено достаточнаго на текущее довольствіе количества муки. Провіантъ подвозился изъ Радованъ, и, кромѣ того, князь Горчаковъ распорядился, чтобы изъ Чалонешти въ Краіово пододвинуть подвижный магазинъ съ 2500 чтв. сухарей, гдѣ этотъ магазинъ долженъ былъ остановиться, а сухари изъ него расходоваться лишь только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Разсылку провіанта въ

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. III. Затлеръ, ч. 4, стр. 26.

[2]) Когда турки 3 ноября начали переправу у Турно, то запасъ сухарей изъ Слатина былъ перевезенъ въ Текучъ. Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3431.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3422.

[4]) Затлеръ, ч. 4, стр. 10—38.

войска приказано было производить на обывательскихъ подводахъ и повозкахъ полкового обоза, а отнюдь не средствами подвижнаго магазина, который долженъ былъ стоять все время наготовѣ [1]).

Между тѣмъ, въ это тяжелое для Мало-Валахскаго отряда время, между 1 и 15 декабря, когда, дѣйствительно, войска, сосредоточенныя въ Краіово, обезпечивались наличными въ магазинахъ запасами всего лишь на нѣсколько дней впередъ, графъ Анрепъ не догадался прибѣгнуть къ необходимому въ такомъ крайнемъ случаѣ средству, какъ покупка продовольствія въ странѣ, а донесъ князю Горчакову, что онъ терпитъ нужду въ продовольствіи.

Нечего и говорить о томъ, какъ это обезпокоило главную квартиру, и для принятія энергичныхъ мѣръ по свозу провіанта князь Горчаковъ послалъ къ отряду генерала Затлера, пробывшаго тамъ съ 14 по 19 декабря. Но въ серединѣ декабря оба подрядчика начали свои поставки, и съ этого времени войска, имѣя при себѣ все время 11 и 13-ти дневный сухарный запасъ полнымъ, были обезпечены провіантомъ, свезеннымъ въ раіонъ ихъ расположенія. Съ конца декабря отрядъ этотъ имѣлъ продовольствія, считая въ томъ числѣ и сухарный запасъ, впередъ отъ 17-ти дней до 1-го мѣсяца, въ зависимости отъ того, сколько подвозилось подрядчиками провіанта въ разные сроки [2]).

Въ Краіово, Радованъ и Слатино хлѣбъ поставлялся въ зернѣ или мукою на обывательскихъ подводахъ. Зерно привозилось прямо на мельницы, которыхъ было много на рѣкѣ Жіо, и, кромѣ того, была паровая въ Краіово. Съ мельницъ мука доставлялась подрядчиками же въ магазины или прямо въ пекарни, устроенныя въ Краіовѣ, Радованахъ и другихъ пунктахъ. Печеный хлѣбъ и сухари доставлялись изъ пекаренъ въ мѣста расположенія войскъ на вольнонаемныхъ и обывательскихъ подводахъ. Главныя затрудненія встрѣчались въ перемолѣ зерна и въ сборѣ подводъ.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3422.

[2]) По даннымъ генерала Затлера (записки о продов. войскъ, ч. 4, стр. 10—38):

14 декабря отрядъ былъ обезпеченъ впередъ на 21 и 23 дня (первая поставка подрядчика и запасы, перевезенные изъ Слатина и Команъ).

18 декабря — на 17 и 19 дней.

19 декабря — на 26 и 28 дней (подвезено 1000 чтв.).

30 декабря — на 1 мѣсяцъ (подвезено между 15 и 30 декабря 4700 чтв., считая и муку на мельницахъ).

3 января — на 25 дней (до 28 января вмѣстѣ съ 12-й пѣх. дивизіей).

6 января ожидалась поставка на срокъ по 15 января 6000 чтв., которыми отрядъ обезпечивался на мѣсяцъ, т.-е. по 6 февраля.

Мельницъ, особенно водяныхъ, въ этомъ раіонѣ было достаточно, но въ декабрѣ наступили морозы, и мельницы перестали дѣйствовать.

Обнаружившіяся вслѣдствіе этого постоянныя затрудненія въ перемолѣ зерна обратили на себя вниманіе командующаго войсками, который, имѣя въ виду, что хлѣбъ въ зернѣ можно достать всюду, приказалъ, на случай задержки поставокъ муки интендантствомъ, завести въ войскахъ ручные жернова и возить ихъ съ собою. Войскамъ были отпущены деньги для того, чтобы завести по одному жернову на каждую роту, дивизіонъ и батарею. Для возки жернововъ были куплены крестьянскія телѣги, по одной на четыре жернова, въ которыя впрягались порціонные волы [1]).

Въ общемъ остановки въ доставленіи провіанта не случилось, хотя и бывали дни, когда отрядъ имѣлъ запаса впередъ всего на 2-3 дня, какъ, напримѣръ, 29-го декабря. Въ этотъ день графъ Анрепъ потребовалъ, наконецъ, поставки отъ земли 1000 чтв. муки, которая и была собрана отъ жителей. Но въ расходованіи ея войсками надобности не встрѣтилось, и она была сдана въ Краіовскій магазинъ. Къ такому сбору отъ земли до 3-го января пришлось прибѣгнуть единственный разъ [2]).

По отношенію перевозочныхъ средствъ положеніе Дунайской арміи зимою 1853—1854 гг. было особенно затруднительно.

Подрядчики доставляли припасы на обывательскихъ подводахъ. Ячмень, мясо, сѣно войска покупали все время сами и свозили также на обывательскихъ подводахъ, которыя требовались по открытымъ листамъ за установленную плату. Дрова поставлялись отъ земли на подводахъ, наряжаемыхъ по распоряженію земскаго начальства.

При такой громадной потребности въ подводахъ [3]) въ наймѣ ихъ встрѣчались постоянныя затрудненія. Со времени вступленія нашихъ войскъ въ Княжества, жители ихъ несли такую тяжелую подводную повинность, что неохотно шли по вольному найму даже за хорошую плату. Подрядчики постоянно жаловались на трудность найма подводъ, которыя требовались самими войсками

---

[1]) Приказъ по 4 и 5 корп. 10 декабря 1853 г., № 167.

[2]) Затлеръ, ч. 4, стр. 10—38.

[3]) По исчисленію ген. Затлера, для своза всей потребности войскъ за 1853 г. нужно было обывательскихъ подводъ: для провіанта — 33.000, для ячменя и сѣна — 168.000, для дровъ — 312.000.

въ громадномъ количествѣ и главнымъ образомъ для перевозки дровъ, подвозимыхъ издалека [1]).

Прежде всего населеніе должно было удовлетворять требованія войскъ, которыя, въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, принимали противъ жителей экзекуціонныя мѣры. Поэтому подрядчикамъ приходилось пользоваться только небольшимъ числомъ оставшихся подводъ [2]).

Фельдмаршалъ лордъ Рагланъ.

Генералъ Затлеръ, исходя изъ тѣхъ соображеній, что хуже оставлять войска безъ провіанта, чѣмъ безъ дровъ, отнесся 13 января къ нашему полномочному комиссару въ Княжествахъ, генералъ-адъютанту Будбергу, о выдачѣ открытыхъ листовъ на взиманіе подводъ и подрядчикамъ. Но генералъ-адъютантъ Будбергъ, имѣя несогласіе на это департаментовъ Княжествъ, отвѣчалъ генералу Затлеру также отказомъ, мотивируя его доводами, приведенными департаментами, т.-е. тѣмъ, что жители истощены подводною повинностью, особенно въ распутицу, и боятся злоупотребленій подрядчиковъ.

Поэтому, встрѣчая противодѣйствіе и со стороны графа Анрепа и Будберга, Затлеръ подалъ 17 января рапортъ князю Горчакову о необходимости выдавать открытые листы подрядчикамъ [3]).

Въ общемъ за этотъ періодъ рѣзко сказалось неудобство раздѣленія заготовленій продуктовъ между войсками и интендантствомъ и недостатокъ въ собственныхъ перевозочныхъ средствахъ,

---

[1]) Затлеръ, ч. 4, стр. 10—38.

[2]) Такъ, 9 января 1854 г. въ 11-й пѣхотной дивизіи пришлось расходовать сухарный запасъ, такъ какъ въ Ольтеницкомъ магазинѣ не оказалось муки, которая хотя и имѣлась у подрядчика въ складѣ въ Будештахъ, но онъ не могъ доставить ее по причинѣ неимѣнія подводъ (Затлеръ, ч. 4, стр. 20).

[3]) Затлеръ, ч. 4, стр. 10—38.

такъ какъ всѣ 4 полубригады подвижнаго магазина до конца октября перевозили провіантъ изъ Леово и Скулянъ въ русскіе магазины въ Княжествахъ.

Лѣтомъ во всѣхъ полубригадахъ, вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, изнуренія воловъ и недостатка воды, среди животныхъ открылась чума. Противъ распространенія ея, какъ въ подвижномъ магазинѣ, такъ и среди обывательскаго скота были приняты энергичныя мѣры. Въ полубригады были добавлены ветеринары, были предписаны разныя мѣры предосторожности, а въ Фокшанахъ, Бузео и Рымникѣ для заболѣвшаго скота были учреждены лазареты; тѣмъ не менѣе въ подвижномъ магазинѣ отъ чумы пало 1600 воловъ.

Съ наступленіемъ сильной распутицы движеніе транспортовъ очень затруднялось. Войска въ это время были обезпечены провіантомъ по 1 декабря 1853 года, который доставлялся подрядчиками въ мѣста расположенія войскъ, а значительныхъ передвиженій войскъ не предвидѣлось.

Поэтому, имѣя въ виду дороговизну содержанія подвижныхъ магазиновъ, двѣ полубригады были до весны распущены по домамъ, а остальныя двѣ размѣщены по селеніямъ въ окрестностяхъ Плоешти и Фокшанахъ [1]).

Въ декабрѣ 1853 года князь Горчаковъ, подготавливая средства для движенія за Дунай, приказалъ собрать обѣ распущенныя полубригады подвижнаго магазина, и онѣ обѣ, а также и другія двѣ, зимовавшія въ окрестностяхъ Плоешти и Фокшанахъ, къ 10 марта, въ составѣ 4400 подводъ, прибыли въ Браиловъ [2]).

Что касается до снабженія арміи боевыми припасами, то замѣна оружія, приходящаго въ негодность и поврежденнаго въ сраженіяхъ, производилась изъ оружія, оставшагося отъ убитыхъ и больныхъ, а также новый притокъ его прибывалъ съ людьми, поступавшими на укомплектованіе войскъ изъ резервовъ, такъ какъ эти послѣдніе отправлялись изъ Россіи на Дунай вооруженными.

Въ началѣ 1854 года должно было, по свѣдѣніямъ артиллерійскаго департамента, поступить въ армію вмѣстѣ съ людьми изъ резервовъ 9692 ружья, 796 тесаковъ, 1458 сабель и 640 пикъ. Оружіе это, по распоряженію князя Горчакова, должно было

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.
[2]) Затлеръ, ч. 1, стр. 210.

складываться въ Измаилѣ и частью въ Бухарестѣ; люди же, поступавшіе изъ резервовъ для укомплектованія дѣйствующихъ частей, получали въ войскахъ имѣвшееся тамъ лишнее оружіе. Но такъ какъ резервисты, отправляемые изъ Россіи, не были вооружены штуцерами, то было приказано доставить изъ Петербургскаго арсенала особо 190 штуцеровъ разнаго образца (литихскихъ, Гартунга и кавалерійскихъ) [1]).

Кромѣ того, по приказанію князя Горчакова, сдѣлано было распоряженіе доставить изъ Кіевскаго арсенала въ Фокшаны 13.379 кремневыхъ и 60 ударныхъ ружей и нѣкоторое число этихъ послѣднихъ также прямо въ Бухарестъ, а изъ Новогеоргіевска въ Бендеры до 20 тысячъ кремневыхъ ружей. Всѣ эти ружья везлись съ октября по конецъ марта на наемныхъ срочныхъ подводахъ. Къ 18 декабря изъ Новогеоргіевска было доставлено въ Бендеры уже 13.440 ружей. Перевозка ихъ изъ Бендеръ въ Фокшаны началась 9 февраля и тянулась до конца марта [2]).

Снаряды и патроны, израсходованные въ дѣлахъ, пополнялись въ войскахъ изъ подвижныхъ парковъ. Эти послѣдніе за время съ конца октября по январь снабжали: половина № 10 и № 11—Мало-Валахскій отрядъ; № 15—отрядъ Лидерса; № 12 и 14 и половина № 10—полки 11-й пѣхотной дивизіи и вообще всѣ войска, около Бухареста расположенныя.

Постояннымъ мѣстопребываніемъ парковъ за это время были: половины № 10-го, № 12-го и 14-го—Бухарестъ и его окрестности, № 15-го—при отрядѣ генерала Лидерса (въ ноябрѣ паркъ этотъ стоялъ въ Максимени Молдавскіе).

До ноября мѣсяца боевые припасы подвозились въ войска на повозкахъ подвижныхъ парковъ. Но при такомъ способѣ развозки въ каждый отдѣльный отрядъ парки дробились на небольшія команды и, дѣлая усиленные переходы, изнурялись и приходили въ разстройство. Поэтому съ ноября мѣсяца въ 4-мъ корпусѣ, расположенномъ ближе къ Бухаресту, было приказано артиллерійскимъ батареямъ, пѣхотѣ и кавалеріи присылать свои зарядные и патронные ящики для пополненія ихъ въ Бухарестѣ [3]).

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854 г., № 39. Докладъ Арт. Деп.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3616/16.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3315.

Подвижные парки пополнялись въ свою очередь изъ промежуточныхъ парковъ въ Фокшанахъ и Плоештахъ, посылая туда свои опорожненныя повозки [1]).

Парковое имущество Фокшанскаго промежуточнаго склада было разбросано въ четырехъ окрестныхъ деревняхъ въ разстояніи отъ 5 до 8 верстъ отъ города. Въ каждомъ селеніи патроны, порохъ и оружіе складывались въ 3—5 сараяхъ, каменныхъ и деревянныхъ, со стелажами и безъ нихъ, при чемъ нѣкоторые изъ сараевъ были уже совершенно полны запасами.

Такое расположеніе надо признать очень неудобнымъ, а, въ виду ожидаемаго усиленія парка, разбросанность его должна была увеличиться еще больше. Поэтому въ половинѣ февраля все имущество Фокшанскаго склада свезли на вольнонаемныхъ подводахъ въ одно мѣсто, занявъ подъ него очень удобныя постройки одного изъ заводовъ, расположенныхъ на краю города.

Въ своевременномъ пополненіи Фокшанскаго склада, отдававшаго свои запасы подвижнымъ паркамъ, встрѣчались большія затрудненія и, главнымъ образомъ, изъ-за недостатка перевозочныхъ средствъ. Въ этотъ складъ везлись, кромѣ парковыхъ запасовъ, также въ большомъ числѣ и ружья изъ Кіева и Новогеоргіевска черезъ Бендеры. Конныхъ подводъ въ окрестностяхъ Бендеръ было мало, а изъ-за дурныхъ дорогъ и гололедицы подводчики не рѣшались везти на некованныхъ волахъ. Всѣ транспорты сильно запаздывали. Подрядчики заламывали несообразныя цѣны, такъ что отъ Бендеръ до Фокшанъ самая низкая цѣна доходила до 1 р. 90 к. съ пуда, а въ Бухарестѣ совсѣмъ нельзя было найти желающихъ везти. Тогда князь Горчаковъ, находя эти условія перевозки слишкомъ невыгодными, приказалъ 18 декабря пріостановить перевозку въ Фокшаны 3-хъ мѣстныхъ, Хотинскихъ и Бендерскихъ, парковъ, а также и остальныхъ припасовъ, слѣдующихъ на пополненіе парка. Онъ приказалъ только немедленно доставить изъ Бендеръ ружья (13.379 кремневыхъ и 60 ударныхъ), высланныя изъ Кіева и которыя были нужны для подвижнаго № 14 парка, 4 сапернаго баталіона и другихъ частей.

Между тѣмъ, за пополненіемъ подвижныхъ парковъ, запасы въ Фокшанскомъ складѣ сильно убывали, а къ концу февраля свинцу тамъ не оставалось вовсе [2]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. №№ 3608, 3492, 3605.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.

Какъ было сказано выше, въ августѣ въ Плоешти было свезено имущество одного Бендерскаго мѣстнаго парка, безъ запасныхъ вещей. Такъ какъ по мѣрѣ удаленія войскъ отъ Фокшанъ росли и затрудненія съ доставкою оттуда припасовъ, то въ ноябрѣ было приказано учредить промежуточный паркъ въ Плоешти, въ размѣрѣ двухъ мѣстныхъ парковъ. Запасы были перевезены изъ Фокшанъ на повозкахъ подвижныхъ парковъ 11-го и 14-го.

Въ февралѣ всѣ подвижные парки, кромѣ 15-го, пополнялись уже изъ Плоештскаго промежуточнаго парка, который также сталъ опустошаться [1]).

Генералъ Канроберъ.

Для отправляемаго въ концѣ октября на Дунай 3-го корпуса въ военномъ министерствѣ были сначала назначены подвижные парки 7, 8 и 9-й, но 8-й былъ потомъ назначенъ на Кавказъ, а потому, вмѣсто него, было Высочайше повелѣно сформировать въ Тирасполѣ подвижный паркъ № 18, а, вмѣсто подвижнаго № 9, сформировать тамъ же летучій паркъ № 9. Формировать эти два парка начали въ ноябрѣ, при чемъ для летучаго № 9 были взяты люди № 9-го подвижнаго (изъ Одессы), лошади отъ подвижнаго парка № 13 (въ Тирасполѣ), а патроны, снаряды и матеріалы—изъ Бендерскихъ мѣстныхъ парковъ, которые, отдавъ ихъ для Фокшанскаго склада, ждали пополненія изъ Москвы. Эти оба парка предполагалось окончательно приготовить къ приходу къ 1 и 15 марта, а паркъ № 7 могъ быть приведенъ на военное положеніе въ 11 недѣль.

Но транспортъ съ зарядами для Бендерскихъ парковъ, слѣдуя изъ Москвы, застрялъ въ Кременчугѣ изъ-за неисправности подрядчика, не поставившаго лошадей, и пришелъ въ Тирасполь только 10 марта. Поэтому летучій паркъ № 9, для котораго главнымъ образомъ и везлись изъ Москвы припасы, былъ готовъ

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3608.

къ выступленію лишь въ концѣ марта, а подвижный паркъ № 18 также изъ-за разныхъ задержекъ былъ готовъ въ серединѣ марта [1]).

Съ октября 1853 года при Мало-Валахскомъ отрядѣ находилась половина подвижнаго парка № 10, которая выступила изъ Плоешти 9 октября и прибыла въ Слатино 18 октября [2]), откуда нѣсколько позднѣе была передвинута въ Краіово. Другая половина парка № 10-го и паркъ № 11 оставались въ Плоешти. 26 октября, по причинѣ удаленія войскъ отъ базы, половинѣ парка № 10-го было приказано перейти изъ Плоешти въ Бухарестъ [3]).

Когда турки въ началѣ ноября начали свою демонстративную переправу у Турно, то половина № 10 парка была выдвинута по дорогѣ въ Слатино, въ с. Балашъ, въ виду сдѣланныхъ распоряженій для отступленія Мало-Валахскаго отряда изъ Краіово, а потомъ снова поставлена въ Слатино.

Въ концѣ ноября войска генерала Фишбаха имѣли полный комплектъ зарядовъ и патроновъ.

Въ концѣ декабря изъ Бухареста въ Слатино прибыла и вторая половина парка № 10 и, такимъ образомъ, съ прибытіемъ въ составъ Мало-Валахскаго отряда 12-й пѣхотной дивизіи для питанія всего отряда имѣлся уже цѣлый подвижный паркъ. Этого запаса боевыхъ припасовъ было, однако, мало, почему, по просьбѣ начальника артиллеріи арміи генерала Сержпутовскаго, князь Горчаковъ, въ ожиданіи перехода Мало-Валахскаго отряда въ наступленіе, приказалъ въ концѣ декабря отправить изъ Плоешти въ Краіово паркъ № 11, который и прибылъ туда 11 января 1854 года [4]).

Въ январѣ оба парка снабжали боевыми припасами отрядъ, пополняясь сами изъ Плоешти, куда поочередно отправлялись для этой цѣли.

18 января, ко времени начала Мало-Валахскимъ отрядомъ усиленныхъ рекогносцировокъ, оба парка пришли въ Галича-Маре и № 11-й снова ушелъ въ Плоешти, а къ концу февраля снова находился въ Галича-Маре [5]).

Кромѣ подвижныхъ запасовъ этихъ двухъ парковъ, въ Краіовѣ былъ образованъ особый резервный складъ боевыхъ припасовъ въ размѣрѣ $^3/_4$ одного подвижнаго парка [6]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/22.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3431.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3422.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3416.
[6]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3315.

Госпитальная часть за все время до 11 марта 1854 года находилась въ прекрасномъ состоянiи.

На Дунаѣ было сосредоточено всего 35 [1]) госпитальныхъ кадровъ, т.-е. болѣе чѣмъ достаточное число для расположенныхъ тамъ войскъ. Помѣщенiй для размѣщенiя въ госпиталяхъ раненыхъ и больныхъ всегда хватало. Для открытiя въ случаѣ надобности новыхъ госпиталей въ Измаилѣ, Галацѣ, Браиловѣ и Слободзеѣ тамъ было сосредоточено на 13 тысячъ человѣкъ запасовъ госпитальныхъ вещей [2]).

Болѣзненность и смертность въ войскахъ за зимнiй перiодъ 1853—1854 годовъ въ общемъ не превышали нормы мирнаго времени. Заболѣваемость выражалась 1 на 19—33 человѣкъ, смертность же изъ числа заболѣвшихъ, считая въ томъ числѣ и раненыхъ, — 1 на 20 — 42 человѣкъ. Общее же число больныхъ не превышало ни разу цифры 12 тысячъ [3]) на всю армiю.

Подвижные госпитали №№ 4 и 5 и кадръ № 4 Кiевскаго госпиталя до 1 января 1854 года находились все время въ Бухарестѣ, а подвижный госпиталь № 6 при Мало-Валахскомъ отрядѣ [4]).

Во время самаго кровопролитнаго изъ всѣхъ бывшихъ за этотъ перiодъ сраженiй, а именно сраженiя при Ольтеницѣ (23 октября), перевязочный пунктъ былъ устроенъ въ Новой Ольтеницѣ, въ свѣтломъ, просторномъ помѣщенiи, откуда за ранеными были высланы 6 лазаретныхъ фургоновъ. На другой день для эвакуированiя этого перевязочнаго пункта въ с. Будешти прибылъ подвижный № 50 госпиталь съ 5-ю врачами и 5-ю фельдшерами, и 24-го и 25-го числа всѣ раненые были перевезены въ Бухарестъ [5]).

Въ началѣ ноября подвижный госпиталь, состоявшiй при Мало-Валахскомъ отрядѣ (№ 6-й), находился въ Слатино. Когда турки начали переправу у Турно (3 ноября), то въ Слатино были заготовлены подводы для перевозки госпиталя черезъ Питешти въ Плоешти [6]), но къ этой мѣрѣ не пришлось прибѣгать, такъ какъ попытка турокъ не имѣла серьезнаго характера. Въ февралѣ 1854 года для войскъ Дунайской армiи было приказано сформи-

---

[1]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 165.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3594 (Приказъ 28 января 1854 г., № 29).
[3]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 169.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3429.
[5]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 168.
[6]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3431.

ровать 38 военно-временныхъ госпиталей, согласно расчета и въ пунктахъ, указанныхъ въ нижеслѣдующей таблицѣ [1]).

	въ Бухарестѣ	въ Фокшанахъ	въ Кіевѣ
4-го класса . .	1 № 22	1 № 35	—
3-го „ . .	1 № 23	2 №№ 36 и 37	2 №№ 48 и 49
2-го „ . .	5 №№ 24—28	2 №№ 38 и 39	5 №№ 50—54
1-го „ . .	6 №№ 29—34	8 №№ 40—47	5 №№ 55—59

Къ 11 марта 1854 года изъ кадровъ были открыты слѣдующіе военно-временные госпитали:

Въ Яссахъ № 16, Фокшанахъ № 10, Бузео № 3, Бухарестѣ №№ 1 и 17, Браиловѣ № 9, Галацѣ №№ 4, 14 и 18, Плоешти № 8, Краіовѣ №№ 2, 5 и 12, Слатинѣ № 6 и Рени № 21 [2]), Бырлатѣ № 11, Баксу № 19, Леово и Скуляны [3]).

II.

Самая главная забота князя Горчакова въ зимній періодъ 1853—1854 годовъ заключалась не въ обезпеченіи текущаго довольствія его арміи, расположенной въ богатой странѣ, а въ подготовкѣ довольствія къ веснѣ, когда предполагалось перенести театръ военныхъ дѣйствій за Дунай и, можетъ быть, вести наступательную войну въ странѣ бѣдной и заблаговременно опустошенной турецкой арміей. Къ тому же, по складывавшейся политической обстановкѣ, намъ не представлялось возможнымъ, какъ это было въ кампанію 1828—1829 годовъ, пользоваться Чернымъ моремъ для подвоза къ арміи всего необходимаго.

Какъ уже извѣстно, всѣми предшествующими распоряженіями, сдѣланными въ августѣ мѣсяцѣ и позже, войска 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ были обезпечены продовольствіемъ въ Княжествахъ по 1 мая 1854 года.

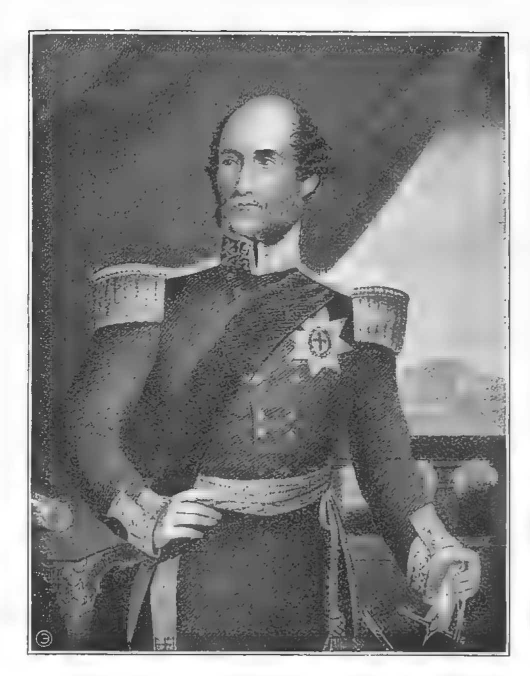
Въ концѣ декабря 1853 года былъ объявленъ Высочайше утвержденный планъ военныхъ дѣйствій, по которому предполагалось перейти Дунай въ началѣ марта.

---

1) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3594. Приказъ по 3, 4 и 5 корп., 25 февраля 1854 г., № 54.

2) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, прил. № 23 и Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3594. Приказъ 28 января 1854 г., № 29.

3) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3594. Приказъ № 91.



Герцогъ Кембриджскій.

Съ перенесеніемъ дѣйствій въ Болгарію продовольствіе войскъ не могло уже основываться, какъ было до сихъ поръ, на мѣстныхъ средствахъ.

Изъ опытовъ всѣхъ прошедшихъ войнъ съ Турціей выяснилось, что за Дунаемъ такой способъ довольствія совершенно не могъ быть примѣнимъ. Болгарія была страна бѣдная, и въ ней не имѣлось никакихъ запасовъ ни провіанта, ни фуража; послѣ же продолжительной стоянки тамъ турецкой арміи нельзя было разсчитывать найти въ ней также ни мяса, ни вина, ни прочихъ продуктовъ. Поэтому, со вступленіемъ войскъ въ Болгарію, интендантству предстояло снабжать армію не только провіантомъ, какъ во время оккупаціи Княжествъ, но также и мясомъ, фуражемъ, виномъ и вообще всѣми видами довольствія, которые до сихъ поръ войска покупали сами. Мало того, интендантство не могло ограничиться заготовленіемъ провіанта, но должно было заняться также изготовленіемъ сухарнаго запаса. Дѣйствительно, сами войска во время наступательныхъ военныхъ операцій не могли этимъ заниматься, а жители Болгаріи вовсе не были знакомы съ приготовленіемъ сухарей, да, кромѣ того, во многихъ мѣстахъ не нашлось бы для этого и достаточнаго количества дровъ.

Такимъ образомъ все довольствіе войскъ предстояло основать на подвозѣ съ базиса припасовъ, заготовленныхъ тамъ интендантствомъ.

Князь Горчаковъ, предвидя эти обстоятельства еще осенью 1853 года, когда провіантъ заготовлялся на текущую потребность оккупаціонныхъ войскъ, приказалъ заготовить 100 тысячъ четв. муки съ пропорціей крупъ и перепечь ихъ въ сухари, въ запасъ, на случай наступленія за Дунай.

Такое количество составляло 4-хъ мѣсячную пропорцію на 100 тысячъ человѣкъ и было заготовлено половина въ Княжествахъ, а половина въ Измаилѣ и Кагулѣ.

Въ Молдавіи и Валахіи неприкосновенный запасъ на случай перехода черезъ Дунай былъ сложенъ на коммуникаціонной линіи въ Бырлатѣ, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео, Слободзеѣ и Бухарестѣ, гдѣ мука перепекалась въ сухари въ особо устроенныхъ большихъ хлѣбопекарняхъ командами отъ войскъ [1]).

Остальная часть неприкосновеннаго запаса, заготовленная въ Измаилѣ и Кагулѣ, была перепечена въ сухари попеченіемъ чиновника-комиссіонера при помощи мѣстныхъ войскъ (40 тысячъ четв. муки) и жителяли города Кагула (10 тысячъ четв. муки) [2]).

Такимъ образомъ, на первое время наступательныхъ операцій за Дунаемъ стотысячная армія была обезпечена только сухарями и крупою. Такой запасъ нельзя не признать слишкомъ недостаточнымъ какъ потому, что можно было предвидѣть необходимость двинуть за Дунай гораздо большее число войскъ, такъ и потому, что необходимо было обезпечить ихъ на болѣе продолжительный срокъ.

Положеніе князя Горчакова осложнялось еще тѣмъ, что враждебное отношеніе къ намъ Франціи и Англіи не давало возможности разсчитывать на подвозъ припасовъ моремъ, а потому необходимо было закончить подвозъ ихъ сухимъ путемъ до наступленія весенней распутицы. Между тѣмъ лишь одно приготовленіе такого огромнаго количества сухарей требовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ времени, а съ другой стороны неготовность интендантской части не позволяла начать дѣйствій за Дунаемъ раннею весною.

Въ концѣ декабря князь Горчаковъ приказалъ генералъ-интенданту Затлеру распорядиться заготовленіемъ провіанта, ячменя, воловъ, спирта, уксуса, соли и перца для войскъ, назначенныхъ къ переходу черезъ Дунай, по 1 сентября 1854 года, т.-е. еще на 4 мѣсяца, такъ какъ войска эти были уже обезпечены довольствіемъ по 1 мая. Такимъ образомъ, на это заготовленіе оставалось всего около двухъ мѣсяцевъ.

Въ началѣ января въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ Княжествъ были объявлены торги на поставку указанныхъ выше припасовъ, но цѣны, заявленныя на торгахъ, оказались слишкомъ высокими, за исключеніемъ только цѣнъ на перецъ и соль.

Тогда пришлось исчисленное количество припасовъ уменьшить и заготовлять муку, крупу и порціонный скотъ хотя бы только

---

[1]) Затлеръ, ч. 4, стр. 184. Въ Бузео въ началѣ января 1854 г. сухари выпекались тремя ротами 3-го полка Валахской милиціи. Въ концѣ января была добавлена рота Елецкаго полка. Тамъ была 71 печь. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3407.

[2]) Аратовскій, стр. 320. Затлеръ, ч. 1, стр. 203.

на $2^1/_2$ мѣсяца, ячмень—на $3^1/_2$ и лишь прочіе продукты почти—на 4 мѣсяца [1]).

Заготовку провіанта возложили на чиновника-комиссіонера на коммерческомъ правѣ, перецъ и уксусъ сдали съ торговъ, а прочіе продукты передали русскимъ подрядчикамъ, пріисканнымъ генераломъ Затлеромъ [2]).

Переправа войскъ ожидалась въ Тульчѣ, Галацѣ и Браиловѣ. Сообразно съ числомъ войскъ, которое предполагалось сосредоточить въ этихъ пунктахъ, а также сообразно съ временемъ, на которое они могли быть тамъ задержаны, и съ планомъ дальнѣйшихъ дѣйствій, припасы были заготовлены въ пунктахъ ближайшихъ къ мѣстамъ переправы [3]).

Мука доставлялась въ тѣ пункты, гдѣ были устроены хлѣбопекарни, а именно сначала въ Бырлатъ, Текучъ и Фокшаны, гдѣ, по перепеченіи ее въ сухари, таковые свозились въ Галацъ и Браиловъ; позднѣе муку начали доставлять въ Бузео и Бухарестъ, откуда на обывательскихъ подводахъ сухари перевозились уже въ Слободзею. Прочіе продукты были заготовлены въ Галацѣ, Браиловѣ, Слободзеѣ и Ольтеницѣ. Слободзею избрали, какъ центральный пунктъ, откуда припасы могли доставляться съ одинаковымъ удобствомъ и къ Гирсову и къ Силистріи, въ случаѣ осады этой крѣпости. Припасы было назначено заготовить въ нижеуказанные пункты по слѣдующему расчету и въ указанные въ таблицѣ сроки:

ГОРОДА	воловъ головъ	спирту ведеръ	уксусу ведеръ	перцу пудовъ	соли пудовъ	ячменя четвертей
	къ 10 авг.	къ 10 августа				къ 1 марта
Въ Галацъ . . .	940	2646	—	49	1030	14.700
	къ 10 авг.	къ 10 августа				къ 1 марта
„ Браиловъ . .	1840	5400	—	98	2055	22.245

[1])

	Исчислено по 1 сентября 1854 г.	Заподряжено	На сколько мѣсяцевъ.
Мука	132.450 чтв.	86.885 чтв.	на $2^1/_2$ мѣсяца
Крупа	13.245 „	8.110 „	„ $2^1/_2$ „
Ячмень	218.000 „	198.225 „	„ $3^1/_2$ „
Волы	29.500 головъ	18.965 головъ	„ $2^1/_2$ „
Спиртъ.	56.000 ведеръ	54.030 ведеръ	почти на 4 мѣсяца.
Уксусъ	82.650 „	82.650 „	
Перецъ.	1.090 пудовъ	1.005 пудовъ	
Соль	23.060 „	21.215 „	

[2]) Затлеръ, ч. 4, стр. 38—56.

[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856, № 71, ч. III. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3411.

ГОРОДА	воловъ головъ	спирту (ведеръ)	уксусу (ведеръ)	перцу (пудовъ)	соли (пудовъ)	ячменя четвертей
	къ 10 мая	къ 1 марта				къ 1 мая
Въ Слободзею .	7385	21.014	37.740	392	8275	69.795
	къ 10 іюля	къ 15 іюня				къ 10 мая
„ Ольтеницу .	8800	24.970	44.910	466	9855	91.485
Всего	18.965	54.030	82.650	1005	21.215	198.225

Исчисленные припасы поставлялись не сразу, а частями; мясо поставлялось въ живомъ скотѣ.

Къ 11 марта назначено было поставить нижеслѣдующее количество, что и было исполнено [1]):

	воловъ	спирту	уксусу	перцу	соли	ячменя
	¹/₆ часть всей поставки					все
Въ Галацъ	157	441	—	8	172	14.700
	¹/₆ часть всей поставки					все
„ Браиловъ	307	900	—	36	343	22.245
	¹/₂ всей поставки					¹/₄ часть
„ Слободзею . . .	—	10.507	18.871	196	4138	17.448
„ Ольтеницу . . .	—	—	—	—	—	—

Свозились припасы на обывательскихъ подводахъ, частью по вольному найму отъ подрядчиковъ, частью, для облегченія подрядчиковъ, по наряду отъ земли за̀ установленную плату. Подрядчиковъ обязали пріобрѣтать воловъ не въ Княжествахъ, чтобы не истощать тамъ перевозочныхъ средствъ, а въ Бессарабіи и далѣе къ сѣверу [2]).

Въ то время, когда производились усиленныя заготовленія провіанта для нашихъ операцій за Дунаемъ, въ Княжествахъ появились скупщики хлѣба для вывоза его за границу. Такъ какъ это грозило сильнымъ поднятіемъ цѣнъ и недостаткомъ его для нашихъ заготовленій, то князь Горчаковъ принужденъ былъ воспретить вывозъ изъ Княжествъ хлѣба за границу. Эта мѣра не могла быть обременительною для Молдавіи и Валахіи, такъ какъ ежегодный вывозъ за границу не превышалъ того количества

---

¹) Затлеръ, ч. 4, стр. 39.
²) Затлеръ, ч. 4, стр. 38—56.

хлѣба, которое могло понадобиться для нашихъ войскъ, плативщихъ не дешевле того, что за него выручали мѣстные жители при вывозѣ за границу [1]).

Всѣ вышеописанныя распоряженія по обезпеченію войскъ провіантомъ были сдѣланы по личной иниціативѣ князя Горчакова.

Въ самый день назначенія князя Варшавскаго главнокомандующимъ войсками, дѣйствовавшими на Дунаѣ, 21-го февраля 1854 года, онъ послалъ князю Горчакову предписаніе произвести дополнительныя заготовленія для войскъ, находившихся въ Княжествахъ, сложивъ ихъ въ тылу—въ Леовѣ, Измаилѣ, Бендерахъ и другихъ пунктахъ, безопасныхъ отъ покушенія непріятеля, но имѣющихъ значеніе при развитии операцій въ томъ или въ другомъ направленіи.

Во всеподданнѣйшей запискѣ фельдмаршала отъ 18 февраля 1854 года изложены причины, вызвавшія, по его мнѣнію, необходимость этихъ дополнительныхъ заготовленій. Суть ихъ заключалась въ томъ, что войска въ Бессарабіи, въ Княжествахъ, а потомъ и за Дунаемъ хотя и будутъ обезпечены продовольствіемъ по 1 сентября 1854 года, но почти исключительно мѣстными средствами, и, что „невозможно также основывать все будущее „продовольствіе арміи на закупкахъ на самомъ театрѣ войны и „рисковать для того успѣхомъ цѣлой кампаніи“.

Какъ уже извѣстно, въ концѣ февраля князь Варшавскій дѣлился съ княземъ Горчаковымъ своими опасеніями десанта французовъ у Днѣстра или Одессы и угрозы, такимъ образомъ, тылу нашей арміи со стороны Леова и, кромѣ того, опасеніемъ войны съ Австріей, что могло заставить насъ стянуть въ началѣ мая войска изъ Валахіи къ Бухаресту и даже къ Бузео. Въ этомъ предположеніи фельдмаршалъ предписывалъ князю Горчакову сосредоточить главные боевые и продовольственные склады на Серетѣ и Прутѣ и обратить вниманіе на переправы, какъ черезъ эти рѣки, такъ и черезъ Днѣстръ, исправивъ мосты въ Скулянахъ, Леовѣ, Хотинѣ, Могилевѣ, Дубоссарахъ и Бендерахъ [2]).

На основаніи изложенныхъ предписаній, князь Горчаковъ приказалъ въ началѣ марта произвести заготовленіе 90 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ, 50 тысячъ чтв. ячменя и 50 тысячъ ведеръ спирта.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856, № 71, ч. 3.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358.

Изъ этого количества 40 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ и 50 тысячъ чтв. ячменя приказано было заготовить немедленно въ Княжествахъ, посредствомъ реквизиціи, т.-е. по нормальнымъ цѣнамъ, существовавшимъ до вступленія войскъ въ Княжества, и доставить ихъ въ Яссы, Бырлатъ, Текучъ, Фокшаны и Бузео, а 10 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ купить въ Кишиневѣ.

Реквизиція была назначена потому, что при заготовленіи продуктовъ въ Княжествахъ, особенно къ опредѣленнымъ срокамъ, постоянно встрѣчались затрудненія. Но и поставка по реквизиціи исполнялась не лучше и производилась крайне медленно. Къ 1 мая изъ назначеннаго количества было поставлено всего 15.234 чтв. муки, 963 чтв. крупъ и 1670 чтв. ячменя, и дальнѣйшая поставка отъ населенія была отмѣнена.

Недостающіе продукты, въ размѣрѣ 40 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ и 50 тысячъ ведеръ спирта, было приказано поставить подрядчикамъ, давъ имъ срокъ до 1 іюня. И, дѣйствительно, къ этому сроку указанное количество муки было доставлено въ Яссы и Васлуй, а крупы—въ Яссы и Бырлатъ. Эти послѣдніе запасы предназначались для довольствія войскъ, въ случаѣ наступленія австрійцевъ [1]).

Въ Болгаріи вообще трудно было разсчитывать на сборъ необходимаго количества сѣна; ко времени же предполагаемаго перехода нашими войсками Дуная подножнаго корма не могло еще и быть. Хотя въ будущемъ и предполагалось заготовлять сѣно самими войсками, для чего было куплено 12 тысячъ косъ, но для довольствія войскъ фуражемъ до появленія подножнаго корма было рѣшено сдѣлать запасы сѣна въ Измаилѣ, Сатуновѣ, Галацѣ, Браиловѣ, а также и въ Гурѣ-Яломницѣ [2]). Для этого приказано заготовить въ Измаилѣ—190.713 пудовъ, въ Галацѣ—27.500 пудовъ и въ Браиловѣ—42.900 пудовъ [3]).

Впослѣдствіи часть сѣна изъ магазина въ Измаилѣ была перевезена въ Сатуново, а изъ Галацкаго магазина—въ Вадени [4]).

Одновременно съ заготовленіемъ продовольствія для задунайской кампаніи приходилось позаботиться и объ увеличеніи перевозочныхъ средствъ. Четырехъ полубригадъ подвижнаго ма-

---

[1]) Аратовскій, стр. 326. Затлеръ, ч. 1, стр. 214.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3411, зап. кн. Горчакова отъ 16 февраля 1854 г.
[3]) Затлеръ, ч. 1, стр. 207.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.

газина, состоявшихъ при войскахъ въ Княжествахъ, было слишкомъ мало для дѣйствій за Дунаемъ, такъ какъ можно было разсчитывать на необходимость перекинуть черезъ Дунай не менѣе стотысячной арміи, при возможной длинѣ операціонной линіи до 600 верстъ. На перевозочныя средства Болгаріи разсчитывать было нечего, даже не принимая въ расчетъ примѣровъ прежнихъ войнъ, когда жители Болгаріи, съ приближеніемъ нашихъ войскъ уходили, угоняя скотъ, увозя жизненные припасы и скрывая все то, что взять съ собою не могли. На подножный кормъ можно было разсчитывать только съ конца апрѣля. Для подвоза лишь провіанта требовалось имѣть, по числу войскъ и сообразно съ разстояніями, по приблизительному подсчету, не менѣе 10.400 подводъ. Поэтому въ январѣ князь Горчаковъ ходатайствовалъ о сформированіи къ 10 марта, въ дополненіе къ имѣвшимся 4-мъ полубригадамъ изъ 4400 подводъ, еще 6000 подводъ.

Вице-адмиралъ Дундасъ.

Въ первой половинѣ января 1854 года было Высочайше повелѣно собрать для подвижнаго магазина въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Кіевской, Подольской и Полтавской, по наряду отъ жителей, 5 тысячъ пароволовыхъ и тысячу пароконныхъ подводъ и, сверхъ того, запасныхъ по одной парѣ воловъ и лошадей на каждыя 8 паръ и по одной подводѣ на каждыя 50 подводъ.

Сборъ подводъ производился мѣстными генералъ-губернаторами, а формированіе подвижнаго магазина было возложено на инспектора резервной кавалеріи, графа Никитина.

Подвижный магазинъ былъ организованъ къ началу марта на слѣдующихъ основаніяхъ [1]):

Всего сформировали 6 полубригадъ, по 1000 подводъ въ каждой, 5 пароволовыхъ и 1 пароконную. Полубригада состояла

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 4292.

изъ 4 ротъ, по 250 провіантскихъ телѣгъ въ каждой, кромѣ запасныхъ, которыхъ на полубригаду имѣлось 120 телѣгъ и 750 воловъ и лошадей. При магазинѣ состоялъ комиссаріатскій обозъ изъ 6 инструментальныхъ телѣгъ, 6 походныхъ кузницъ, 6 ящиковъ для письменныхъ дѣлъ и 90 лошадей.

Во всемъ магазинѣ было 10.400 подводъ, которыя могли поднять сразу нѣсколько болѣе полуторомѣсячнаго запаса продовольствія для стотысячной арміи [1]).

Офицеры были назначены, по выбору дворянства, изъ отставныхъ, нижніе чины присланы изъ округовъ военныхъ поселеній. Для конвоированія полубригадъ было взято изъ резервной дивизіи 3 пѣхотнаго корпуса 120 унтеръ-офицеровъ и 800 рядовыхъ. Подводы наряжались съ погонщиками, по 2 на 3 воловыя подводы и по одному на каждую конную. Погонщики приводились къ присягѣ. Имъ выдавалась обыкновенная солдатская дача провіанта и, сверхъ того, по 15 коп. въ сутки. За каждую подводу платилось по 60 коп. въ сутки; кромѣ того, уплачивалось за павшій скотъ и давался незначительный дополнительный отпускъ отъ казны на другіе мелкіе расходы. За всю эту плату погонщики должны были содержать себя и ремонтировать свои повозки.

Когда князь Горчаковъ ходатайствовалъ о формированіи новыхъ полубригадъ, то просилъ, чтобы онѣ прибыли въ Измаилъ, Браиловъ и Галацъ къ 10 марта, но впослѣдствіи онъ согласился на нѣкоторую отсрочку прибытія ихъ на Дунай.

Какъ сказано, полубригады были сформированы въ началѣ марта, и ихъ распредѣлили слѣдующимъ образомъ:

3 полубригады были заняты перевозкою хлѣба изъ Одессы, 2 полубригады перевозили хлѣбъ изъ военныхъ поселеній въ Жеребково и Шараево и одна находилась въ пути изъ Тирасполя въ Измаилъ со снарядами для тяжелой артиллеріи. Всѣ эти полубригады, по просьбѣ князя Горчакова, отправились съ припасами на Дунай лишь 8 апрѣля и прибыли туда уже въ то время, когда войска были подъ Силистріей.

Опасаясь, что и исчисленныхъ выше перевозочныхъ средствъ для дѣйствій за Дунаемъ не хватитъ, князь Горчаковъ приказалъ

[1]) Личный составъ каждой полубригады былъ слѣдующій: командиръ полубригады, штабъ-офиц.— 1, ротныхъ командировъ, оберъ-офиц.— 4, помощниковъ ихъ — 4, адъют.— 1, ветерин. чиновникъ — 1, унт.-офиц.— 12, писарь — 1, плотн., колесн. и кузн. — 3, коноваловъ — 4, фельдш.— 4. Всего 10 офиц., 1 чиновн., 24 нижн. чина.

Во всѣхъ 6 полубригадахъ — 60 офиц., 6 чиновн. и 144 нижн. чина.

въ январѣ [1]) сформировать во всѣхъ войсковыхъ частяхъ, которыя должны были перейти Дунай, особые полковые подвижные магазины, сверхъ полковыхъ повозокъ, для подвоза изъ складовъ въ войска провіанта, фуража и вообще всего необходимаго войскамъ. Эти обозы состояли изъ обыкновенныхъ крестьянскихъ пароволовыхъ подводъ, въ которыя впрягались порціонные волы. Согласно приказа, онѣ были заведены въ слѣдующемъ числѣ: въ каждомъ пѣхотномъ полку—80, въ стрѣлковыхъ и саперныхъ баталіонахъ—по 20, въ батареяхъ—по 6, въ эскадронахъ—по 5.

Кромѣ того, въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ сухари и другіе припасы свозились въ Галацъ, Браилово и Слободзею на обывательскихъ подводахъ, по наряду, за нормальную цѣну.

Для подвоза водою по Дунаю были наняты кирлаши и сосредоточены у Галаца и Браилова. Такъ, у Браилова 7 марта стояло 12 частныхъ кирлашей съ подъемною силою отъ 225 до 400 клгр. [2]).

Съ своей стороны и князь Варшавскій принималъ мѣры къ устройству интендантской части въ Дунайской арміи. Особеннаго его вниманія этотъ отдѣлъ управленія войсками удостоился съ февраля 1854 года, когда выяснилось подчиненіе фельдмаршалу арміи князя Горчакова.

За время пребыванія въ Петербургѣ князь Варшавскій сдѣлалъ цѣлый рядъ распоряженій, главнымъ образомъ касавшихся обезпеченія войскъ провіантомъ.

Соображенія свои о тѣхъ мѣрахъ по продовольствію армій, которыя онъ считалъ нужнымъ принять, были имъ изложены въ нѣсколькихъ всеподданнѣйшихъ запискахъ. Всѣ предположенія фельдмаршала были Высочайше одобрены къ исполненію.

Изъ всѣхъ этихъ записокъ видно, что князь Варшавскій считалъ едва ли не важнѣйшею задачею главнокомандующаго обезпеченіе арміи на театрѣ войны продовольствіемъ. Эта мысль читается почти во всѣхъ его докладныхъ запискахъ и письмахъ, а въ нѣкоторыхъ высказывается почти совсѣмъ прямо. Такъ, еще раньше, во всеподданнѣйшей запискѣ своей отъ 2 іюля 1853 года, говоря о составленіи запаса на случай наступательной войны съ Турціей, фельдмаршалъ писалъ: „По опыту предшествовавшихъ „войнъ нашихъ съ Турціей, я почитаю запасъ сей дѣломъ первой

---

[1]) Приказъ по 3, 4 и 5 корп. 1854 г., № 32.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.

„важности, ибо всѣ наши потери и убыль въ людяхъ происходили „не отъ непріятеля, но отъ недостатковъ всякаго рода въ голод-„номъ краѣ“. То же самое онъ много разъ писалъ въ 1853 году князю Горчакову [1]).

Заботы фельдмаршала объ арміи, дѣйствующей на Дунаѣ, изложены выше. Остальныя его распоряженія за этотъ періодъ времени относятся къ устройству базы на Днѣстрѣ и въ раіонѣ Днѣпра, т.-е. въ тылу нашей Дунайской арміи, въ раіонѣ Имперіи, ближайшемъ къ театру военныхъ дѣйствій.

Сосредоточеніе въ этомъ раіонѣ огромныхъ запасовъ вызывалось слѣдующими главными причинами:

1) опасеніемъ высадки непріятеля около Одессы и

2) опасеніемъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи [2]).

Изъ-за опасенія высадки непріятеля около Одессы послѣдовало распоряженіе фельдмаршала о воспрещеніи отправленія хлѣба изъ этого города за границу, а также о вывозѣ оттуда частныхъ запасовъ хлѣба и объ устройствѣ магазиновъ въ тылу Одессы. Что же касается до ожидаемой войны съ Австріей, то это вызвало устройство первой линіи запасовъ на Днѣстрѣ и устройство второй линіи запасовъ на Днѣпрѣ.

Такимъ образомъ, 20 февраля 1854 года былъ, по представленію князя Варшавскаго, воспрещенъ вывозъ хлѣба за границу изъ Одессы и всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, при чемъ запроданный хлѣбъ былъ взятъ въ казну, съ уплатою за него денегъ покупщикамъ. Во всеподданнѣйшей запискѣ фельдмаршала отъ 12 февраля 1854 года необходимость этой мѣры была объяснена тѣмъ, что иначе непріятель можетъ воспользоваться сосредоточенными въ нашихъ Черноморскихъ портахъ огромными запасами для дѣйствія противъ насъ же [3]).

Въ Одессѣ къ началу марта 1854 года было до 611 тысячъ чтв. разнаго хлѣба, принадлежавшаго частнымъ лицамъ [4]). Паскевичъ приказалъ возможно большую часть этихъ запасовъ и возможно скорѣе вывезти въ Бендеры на обывательскихъ подводахъ и, если таковыхъ не хватитъ, то употребить для этой цѣли повозки формировавшагося подвижнаго магазина [5]).

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1853, №№ 47 и 60.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3358. Письма фельдмаршала кн. Горчакову отъ 24, 25, 26 и 27 февраля и 8 марта 1854 г. Всеп. записки его отъ 12, 22 и 26 февраля 1854 г.

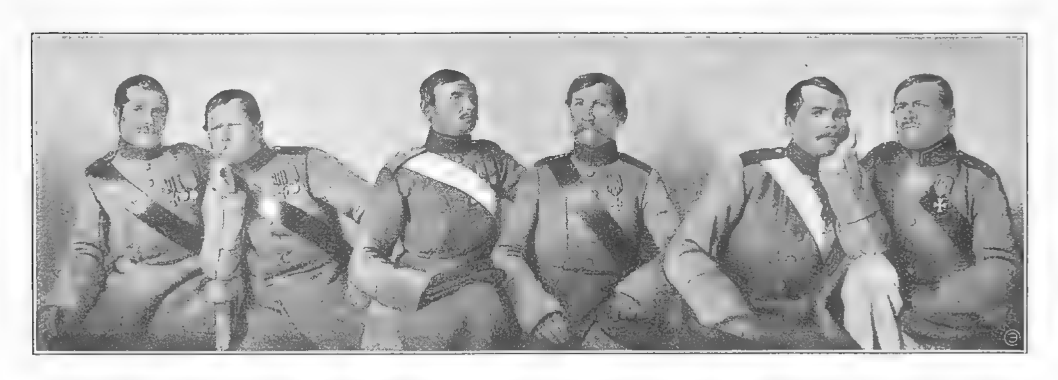
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3358.

[4]) Затлеръ, ч. 2, стр. 210.

[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3358.

Во исполненіе воли фельдмаршала всѣ распоряженія были сдѣланы въ началѣ марта генералъ-губернаторомъ Федоровымъ и командовавшимъ войсками въ Одессѣ барономъ Остенъ-Сакеномъ. Однако, приступить немедленно къ перевозкѣ не пришлось за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, и она была начата только въ концѣ марта мѣсяца [1]).

Магазины въ тылу Одессы Паскевичъ торопился организовать для войскъ, двигавшихся сюда на случай дѣйствій противъ десанта. Онъ не разсчитывалъ на успѣхъ своза въ эти магазины



Прислуга Щеголевской батареи въ Одессѣ.

запасовъ изъ Одессы и боялся, что высадка будетъ произведена раньше, чѣмъ тамъ образуется достаточный складъ одесскаго хлѣба.

Торопясь устроить обширный складъ провіанта въ магазинахъ и считая, что заготовленіе его черезъ комиссіонеровъ и подрядчиковъ будетъ производиться медленно, фельдмаршалъ 27 февраля предписалъ учредить магазины въ тылу Одессы, взявъ для этого 50 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ и 50 тысячъ чтв. овса изъ ближайшихъ округовъ военныхъ поселеній.

Исполненіе этого приказанія было возложено на инспектора резервной кавалеріи графа Никитина и командира 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена.

Для магазиновъ выбрали на дорогѣ между Одессою и Вознесенскомъ два села—Шараево и Жеребково, въ 70 верстахъ отъ Одессы, въ которыя предназначено было свезти: въ Шараево—33.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ и 33.000 чтв. овса; въ

---

[1]) Аратовскій, стр. 329—333.

Жеребково—17.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ и 17.000 чтв. овса. Перевозку предполагалось произвести на вольнонаемныхъ подводахъ и на подводахъ подвижнаго магазина [1]).

Всѣ распоряженія для этой перевозки были сдѣланы въ началѣ марта. Но хлѣбные запасы округовъ военныхъ поселеній хранились большею частью въ скирдахъ, и на перемолъ ихъ требовалось время, да къ тому же въ наличности не имѣлось перевозочныхъ средствъ. Несмотря на это, заготовка потребованнаго количества запасовъ была начата въ Новороссійскомъ, Кіевскомъ и Подольскомъ военныхъ поселеніяхъ въ началѣ марта и окончена черезъ мѣсяцъ. Перевозку же запасовъ въ магазинѣ удалось начать только въ первыхъ числахъ апрѣля.

Одновременно съ этимъ принимались мѣры къ устройству двухъ линій запасовъ на Днѣстрѣ и на Днѣпрѣ.

Сосредоточеніе большихъ запасовъ на линіи Днѣстра фельдмаршаломъ считалось необходимымъ, исходя изъ тѣхъ предположеній, что, по политическимъ соображеніямъ, намъ долго придется оставаться на одномъ мѣстѣ въ оборонительномъ положеніи.

Для прикрытія коммуникаціонной линіи и защиты устраиваемыхъ запасовъ князь Варшавскій рѣшилъ даже, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, образовать особый отрядъ, примѣрно близъ Каменца, который связывалъ бы между собою 2-й корпусъ, стоявшій противъ Кракова и Лемберга, съ арміей князя Горчакова [2]).

Въ концѣ февраля запасовъ на линіи Днѣстра оставалось уже немного: въ Каменецъ-Подольскѣ было 8.000 чтв., въ Проскуровѣ 3.000 чтв. Для дополненія ихъ до требуемой нормы фельдмаршалъ 27 февраля далъ предписаніе Кіевскому, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору князю Васильчикову о сборѣ съ жителей Подольской губерніи, съ зачетомъ въ подати, 150.000 чтв. муки съ пропорціей крупъ и 100.000 чтв. овса, и о сосредоточеніи этого количества къ 10 апрѣля въ слѣдующіе пункты [3]):

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3358. Всеп. зап. кн. Варшавскаго 26 февраля 1854 г. и предписаніе кн. Горчакову отъ 8 марта 1854 г.

[2]) Письмо кн. Варшавскаго кн. Горчакову 8 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3358.

[3]) Всеп. зап. отъ 26 февраля и письмо кн. Васильчикову отъ 27 февраля. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

ГОРОДА.	Муку.	Крупу.	Овесъ.
Въ Каменецъ-Подольскъ .	30.000 чтв.	3.000 чтв.	10.000 чтв.
„ Могилевъ на Днѣстрѣ.	50.000 „	5.000 „	40.000 „
„ Балту	70.000 „	7.000 „	50.000 „
Всего . . .	150.000 чтв.	15.000 чтв.	100.000 чтв.

Подвозъ долженъ былъ производиться средствами помѣщиковъ и крестьянъ. Хотя всѣ распоряженія по выполненію такого наряда дошли по назначенію въ началѣ марта, но, за неимѣніемъ готовыхъ помѣщеній для складовъ, поставка могла начаться и началась въ дѣйствительности только въ половинѣ марта [1]).

Для учрежденія провіантскихъ запасовъ второй линіи въ Кіевѣ, Бердичевѣ и Черкассахъ фельдмаршалъ 5 марта приказалъ князю Васильчикову собрать отъ жителей Кіевской губерніи, также съ зачетомъ въ подати, 100.000 чтв. муки, 10.000 чтв. крупы и 100.000 чтв. овса. Впослѣдствіи, а именно 27 марта, было приказано ограничиться для этой поставки только подготовительными распоряженіями, такъ какъ выяснилось, что въ случаѣ надобности пополненіе магазиновъ второй линіи могло быть выполнено скоро [2]).

Для использованія запасовъ, имѣвшихся въ уѣздахъ, ближайшихъ къ Австріи, приказано было (7 марта), чтобы войска, въ Бессарабіи расположенныя, а также ожидавшіеся туда одна пѣхотная дивизія, шесть драгунскихъ и два казачьихъ полка съ ихъ артиллеріею, довольствовались тамъ изъ бессарабскихъ сельскихъ магазиновъ. Въ этихъ магазинахъ къ марту 1854 года оказалось сложеннаго 200.000 чтв. разнаго хлѣба. Каждой войсковой части предназначалось получать провіантъ изъ ближайшаго сельскаго магазина [3]).

Въ началѣ марта фельдмаршалъ получилъ донесеніе отъ инспектора резервной кавалеріи, что предвидятся большія затрудненія въ пріобрѣтеніи въ Херсонской губерніи и Бессарабской области сѣна, такъ какъ съ наступленіемъ жаровъ тамъ уничтожается всякая растительнось, и если не будутъ приняты заблаговременно всѣ мѣры для сбора сѣна, то войска и транспорты не достанутъ его ни за какія деньги. Поэтому князь Варшавскій

---

[1]) Аратовскій, стр. 367.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3358.
[3]) Аратовскій, стр. 371.

8 марта приказалъ графу Никитину, чтобы въ частяхъ резервной кавалеріи, выступающихъ въ походъ, были бы взяты по одной косѣ на каждую повозку и по двѣ запасныхъ косы въ каждомъ взводѣ. Въ то же время на князя Горчакова возлагалось сдѣлать, по сношенію съ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, распоряженіе скосить до наступленія жаровъ всѣ луга въ Херсонской губерніи и Бессарабской области, въ особенности же вдоль путей движенія войскъ. Во исполненіе такого распоряженія былъ сдѣланъ за плату нарядъ 40.000 косарей въ Подольской, Кіевской и Полтавской губерніяхъ [1]).

Въ виду ожидавшагося приведенія весною 1854 года на военное положеніе войскъ дѣйствующей арміи мирнаго времени, а также въ виду прибытія въ раіонъ этой арміи гренадерскаго корпуса, резервныхъ, запасныхъ баталіоновъ и другихъ частей, фельдмаршалъ приступилъ къ обширнымъ заготовленіямъ провіанта и здѣсь.

Войска, входившія въ раіонъ дѣйствующей арміи мирнаго времени, были, согласно распоряженіямъ, сдѣланнымъ княземъ Варшавскимъ въ концѣ 1853 года, обезпечены довольствіемъ по октябрь 1854 года. Для снабженія же по тотъ же срокъ вновь ожидавшихся сюда войскъ фельдмаршалъ въ началѣ февраля приказалъ заготовить въ разные пункты отчасти съ подряда, отчасти комиссіонерскимъ способомъ 330 тысячъ чтв. муки и 28 тысячъ чтв. крупъ. Въ раіонѣ арміи въ 1853 году былъ неурожай, и цѣны на провіантъ и фуражъ возрастали все больше и больше. Князь Варшавскій считалъ необходимымъ всегда имѣть для сдерживанія цѣнъ отъ чрезмѣрнаго возвышенія достаточный запасъ провіанта въ Брестъ-Литовскѣ, откуда онъ легко могъ быть двинутъ во всякое время года по шоссе въ прочія крѣпости.

Въ Брестъ-Литовскъ, Пинскъ и нѣкоторые другіе пункты, прилегающіе къ днѣпровскому водному сообщенію, провіантъ обыкновенно доставлялся изъ Малороссіи сплавомъ съ приднѣпровскихъ пристаней. Первоначальные склады большею частью сосредоточивались въ Бобруйскѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Кобринѣ, Старо-Быховѣ, Рогачевѣ и Кіевѣ.

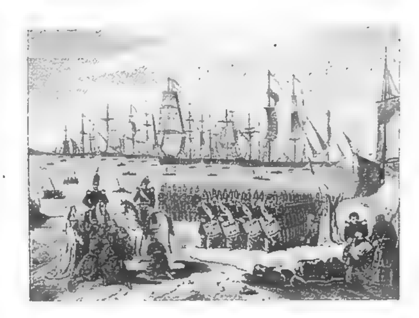
Фельдмаршалъ, имѣя въ виду устроить центральный неприкосновенный складъ провіанта въ Брестъ-Литовскѣ, далъ на этотъ предметъ 24 февраля предписаніе генералъ-интенданту арміи,

---

[1]) Аратовскій, стр. 372—374.

приказавъ немедленно произвести торги въ Минской губерніи и ускорить сплавъ хлѣба въ Брестъ изъ Малороссіи. Всего предполагалось собрать въ Брестъ 140 тысячъ чтв. муки, 14.200 чтв. крупъ и 20 тысячъ чтв. овса, что и было поручено комиссіонерамъ. Въ счетъ указаннаго количества часть провіанта должна была быть перевезена изъ Бобруйска и Гомеля, гдѣ находились лишніе запасы. Для размѣщенія въ Брестѣ всѣхъ сосредоточиваемыхъ тамъ запасовъ приказано было построить, въ дополненіе къ имѣвшемуся помѣщенію для склада 84 тысячъ чтв., 9 провіантскихъ балагановъ.

Кромѣ того, фельдмаршалъ, для ускоренія пополненія магазиновъ въ раіонѣ дѣйствующей арміи мирнаго времени, сдѣлалъ 27 февраля распоряженіе о немедленномъ, въ теченіе одного мѣсяца, сборѣ отъ земли въ губерніяхъ Царства Польскаго 150 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ, за плату по среднимъ справочнымъ цѣнамъ. Это количество провіанта предполагалось сосредоточить въ разныхъ пунктахъ и преимущественно въ крѣпостяхъ. Для содѣйствія уѣзднымъ начальникамъ въ ускореніи сбора, въ ихъ вѣдѣніе были отправлены, независимо состоявшихъ при нихъ казаковъ, еще по 15 человѣкъ казаковъ, при двухъ урядникахъ къ каждому.



Высадка союзниковъ въ Константинополѣ.

Всѣ распоряженія по указанному сбору провіанта были закончены къ срединѣ марта, и поставка началась съ 20 числа этого мѣсяца. Впослѣдствіи общая цифра всей поставки была сокращена до 141.400 чтв.

Собственно крѣпостныхъ запасовъ, а именно провіанта и соли, къ веснѣ 1854 года оставалось въ Новогеоргіевскѣ, Замостьѣ, Ивангородѣ и Варшавѣ по расчету на 6 мѣсяцевъ, принимая гарнизоны 1848 года [1]).

Эти въ концѣ концовъ принудительныя поставки отъ земли, исполнявшіяся по приказанію фельдмаршала, объяснялись имъ, какъ закупки провіанта, фуража и другихъ предметовъ непосредственно отъ самихъ производителей. Сборъ продуктовъ дѣлался по раскладкѣ на сельскихъ обывателей, но, по мнѣнію тогдашняго

[1]) Аратовскій, стр. 302, 355—358, 361 и 364.

министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева, высказаннаго во всеподданнѣйшей запискѣ въ 1855 году, раскладки эти дѣлались безъ всякаго соображенія съ состояніемъ обывателей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ уплатою по уменьшеннымъ цѣнамъ. Кромѣ того, ближайшія мѣстности къ театру войны несли большія тяготы и истощались больше другихъ.

Цѣны на продукты въ Царствѣ Польскомъ назначались самимъ фельдмаршаломъ, причемъ принимались за основу среднія справочныя цѣны и статистическія данныя о средствахъ края. Цѣны назначались нѣсколько ниже справочныхъ и одинаковыя по всѣмъ губерніямъ Царства Польскаго, что нельзя признать справедливымъ, такъ какъ для однѣхъ губерній эти цѣны были высоки, а для другихъ низки.

Въ русскихъ губерніяхъ раіона дѣйствующей арміи, а именно въ Подольской и Волынской, цѣны отдѣльно для каждаго уѣзда назначались особыми губернскими комитетами и утверждались мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ. Плата наличными деньгами произведена была лишь по нѣкоторымъ поставкамъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ остальныхъ случаяхъ—квитанціями, съ зачетомъ ихъ въ подати. Такимъ образомъ, поставки, которыя производились по цѣнамъ, утвержденнымъ не комитетами, а по цѣнамъ, одинаковымъ для нѣсколькихъ губерній, и притомъ при поставкѣ не за наличныя деньги, а по квитанціямъ, слѣдуетъ признать по тяжести, какою онѣ ложились на жителей, реквизиціями.

Но князь Варшавскій къ такого рода земскимъ поставкамъ вынужденъ былъ прибѣгать, дѣйствительно, въ видахъ крайней необходимости.

Надо принять во вниманіе, что полъ-вѣка тому назадъ желѣзныхъ дорогъ не было вовсе, а заготовлять припасы заблаговременно въ мирное время на всѣхъ пунктахъ, гдѣ въ нихъ могла встрѣтиться надобность, и притомъ въ большомъ количествѣ, не было никакой возможности; съ другой стороны экстренныя заготовки припасовъ тамъ, гдѣ вдругъ сосредоточивалась масса войскъ, легко могли не успѣвать, да къ тому же такое быстрое заготовленіе обходилось бы и слишкомъ дорого.

Поэтому мѣстныя поставки отъ земли являлись необходимостью, такъ какъ только при нихъ выгадывались и время и экономія [1]).

---

[1]) Аратовскій, стр. 481 — 493.

Сводя въ одно всѣ распоряженія фельдмаршала и князя Горчакова по обезпеченію войскъ продовольствіемъ за Дунаемъ, къ 11 марта, т.-е. ко времени перехода черезъ Дунай, группировка запасовъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Войска, находившіяся въ Княжествахъ, обезпечивались всѣми видами продовольствія, т.-е. провіантомъ, мясомъ, виномъ, уксусомъ и проч. по 1 сентября 1854 года, частью сложенными на второй придунайской базѣ, частью поставлявшимися въ разные сроки подрядчиками въ пункты на коммуникаціонныхъ линіяхъ и въ мѣста расположенія самыхъ войскъ.

Кромѣ того, для дѣйствій собственно за Дунаемъ запасы были сложены и заготовлялись:

1. **На 1-й базѣ** (Скуляны, Кишиневъ, Леово) и на коммуникаціонныхъ путяхъ въ Княжествахъ:

а) *Въ магазинахъ налицо:*

			Запасъ для 150.000 арміи.
50.000 чтв. сухарей.	Бырлатъ	Заготовлено кн. Горчаковымъ въ августѣ 1853 года, когда производились заготовки по обезпеч. текущ. довольств. по 1 мая 1854 года.	На 1 мѣсяцъ 10 дней.
	Текучъ.		
	Фокшаны.		
5.000 чтв. крупъ .	Бузео		
	Слободзея		
	Бухарестъ.		

б) *Заготовлялось:*

50.000 чтв. муки .	Кишиневъ.	Заготовлялось княземъ Горчаковымъ въ началѣ марта, по распоряженію фельдмаршала. 40.000 четв. муки съ пропорціей крупъ по реквизиціямъ въ Княжествахъ, 10.000 чтв. муки куплено въ мартѣ въ Кишиневѣ. Сборъ по реквизиціямъ начался съ 11 марта.	На 2 мѣсяца 12 дней.
	Яссы		
5.000 чтв. крупъ .	Бырлатъ		
	Текучъ.		
50.000 чтв. ячменя .	Фокшаны.		
	Бухарестъ.		

2. **На придунайской базѣ** (Измаилъ, Галацъ, Браиловъ):

а) *Въ магазинахъ налицо:*

50.000 чтв. сухарей.	Измаилъ	Заготовлено княземъ Горчаковымъ въ августѣ 1853 г. вмѣстѣ съ обезпеченіемъ по 1 мая 1854 г.	На 1 мѣс. 10 дней.
5.000 чтв. крупъ .	Кагулъ.		

б) *Заготовлялось:*

895.000 пуд. сѣна	Измаилъ Галацъ Браиловъ Сатуново Ведени	По распоряженію князя Горчакова.

3. **На приднѣстровской базѣ:**

а) *Въ магазинахъ налицо:*

11.000 чтв. муки 1.100 чтв. крупъ	Каменецъ-Подольскъ Проскуровъ	Оставалось отъ предыдущихъ заготовокъ.	На 1 годъ 4 мѣсяца.
611.000 чтв. разнаго хлѣба	Въ Одессѣ	Частные запасы.	

б) *Заготовлялось:*

50.000 чтв. муки 5.000 чтв. крупъ 50.000 чтв. овса	Жеребково Шараево	Изъ округовъ военн. пос. начата заготовка въ мартѣ, по распоряженію Паскевича.	На 10 мѣсяцевъ 20 дней.
150.000 чтв. муки 15.000 чтв. крупъ	Каменецъ-Подольскъ Могилевъ Балта	Сборъ отъ земли въ Подольской губ., по распоряженію Паскевича. Поставки начались съ половины марта.	
200.000 чтв. разнаго хлѣба	Бессарабія	Сельскіе запасы, обращенные на довольствіе войскъ.	

Такимъ образомъ, на всѣхъ трехъ базахъ имѣлось болѣе чѣмъ на $2\frac{1}{2}$ года запасовъ провіанта для 150 тысячной арміи. Кромѣ того, были сдѣланы всѣ подготовительныя распоряженія для сбора на линіи Днѣпра, въ Кіевъ, Бердичевъ и Черкассы, 100 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ и 100 тысячъ чтв. овса, что составляло пропорцію для арміи той же численности на 2 мѣсяца 20 дней, и былъ оконченъ формированіемъ обозъ подвижнаго магазина, который могъ поднять сразу для 150 тысячной арміи мѣсячный запасъ провіанта.

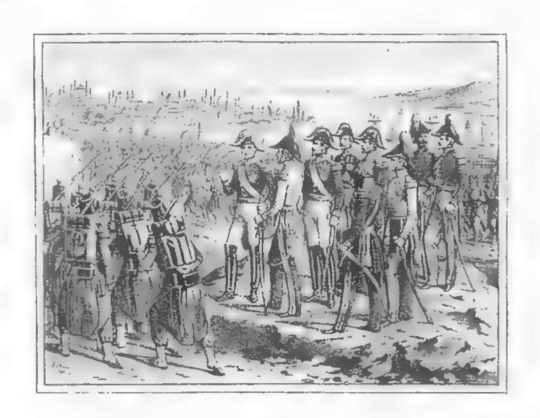
Войска, находившіяся въ раіонѣ дѣйствующей арміи мирнаго времени, обезпечивались текущимъ довольствіемъ въ мѣстахъ ихъ расположенія по 1 октября 1854 года, и, кромѣ того, по распоряженію фельдмаршала съ марта мѣсяца заготовлялось въ запасъ 620 тысячъ чтв. муки, 57.200 чтв. крупъ, 20 тысячъ чтв. овса,

что составляло для 150 тысячной арміи пропорцію на годъ и 4 мѣсяца.

Образованіе запасовъ на базѣ было необходимо и прежде всего вызывалось предыдущею продолжительною стоянкою нашихъ войскъ въ Княжествахъ, когда въ достаточной степени выяснилась затруднительность своевременнаго сбора тамъ припасовъ.

До 11 марта довольствіе войскъ основывалось главнымъ образомъ на мѣстныхъ средствахъ, способъ, къ которому приходилось прибѣгать вслѣдствіе неопредѣленности политическаго положенія съ одной стороны и вслѣдствіе неимѣнія благоустроеннаго интендантскаго управленія съ другой.

Довольствіе мѣстными средствами привело къ неудовольствію населеніе Княжествъ, а между тѣмъ обострять отношенія съ нимъ было нежелательно. Въ то же время, при выяснившейся, наконецъ, политической обстановкѣ, стало ясно, что подвозъ припасовъ моремъ будетъ невозможенъ.



Высадка союзниковъ въ Константинополѣ.

На довольствіе мѣстными средствами въ Болгаріи также нельзя было разсчитывать.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, на случай, если бы война затянулась, приходилось имѣть въ виду подвозъ изъ Россіи, и, при активныхъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ, базою должна была служить полоса мѣстности у низовьевъ этой рѣки и пограничныя области Россіи.

Не принимая въ расчетъ запасовъ, сдѣланныхъ въ раіонѣ дѣйствующей арміи мирнаго времени, которые въ случаѣ необходимости также могли быть двинуты за Дунай, начали заготовлять, совмѣстными распоряженіями фельдмаршала и князя Горчакова, на трехъ базахъ, не считая приднѣпровской, запасы, которыхъ хватило бы для 150 тысячной арміи почти на 2 года и 8 мѣсяцевъ. Даже если бы армія была удвоена, то этихъ запасовъ хватило бы на одинъ годъ и 4 мѣсяца.

На одной приднѣстровской базѣ заготовлялось, по распоряженію князя Варшавскаго, болѣе 1 мил. чтв. разнаго хлѣба, котораго хватило бы болѣе, чѣмъ на годъ для 300 тысячной

арміи. При этомъ часть указаннаго количества собиралась спѣшно отъ жителей Подольской губерніи, съ зачетомъ причитающейся платы въ подати.

Сборъ такого чудовищнаго запаса, не соотвѣтствовавшаго дѣйствительной, какъ оказалось, надобности, объясняется главнымъ образомъ предвзятою мыслью фельдмаршала о вооруженномъ вмѣшательствѣ Австріи и о предстоявшей въ виду этого необходимости вести войну на два фронта.

Если бы, дѣйствительно, такъ случилось, и военныя дѣйствія открылись бы въ Бессарабіи и Херсонской губерніи, то запасы, собранные въ тылу Одессы, конечно, оказались бы весьма полезными.

При разсмотрѣніи мѣстъ сосредоточенія запасовъ съ точки зрѣнія подготовки наступленія за Дунаемъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе спѣшное заготовленіе фельдмаршаломъ запасовъ въ февралѣ 1854 года. Такъ, въ концѣ этого мѣсяца князь Варшавскій приказалъ интендантству Дунайской арміи *немедленно* заготовить при помощи реквизиціи и закупокъ за линіею р. Серетъ (Яссы, Бырлатъ, Текучъ, Фокшаны, Бузео, Бухарестъ) такой запасъ провіанта, который обезпечивалъ бы 150 тысячную армію болѣе, чѣмъ на два мѣсяца „на случай „необходимости сосредоточить войска за линіей р. Серетъ“, какъ фельдмаршалъ самъ выразился въ своемъ предписаніи князю Горчакову [1]). Въ то же время на придунайской базѣ, болѣе соотвѣтствовавшей наступательнымъ дѣйствіямъ, фельдмаршалъ совсѣмъ не заготовлялъ запасовъ, считая, очевидно, что тамъ вполнѣ достаточно заготовленныхъ княземъ Горчаковымъ — всего на одинъ мѣсяцъ и 10 дней.

Еще болѣе на оборонительный характеръ плановъ Паскевича указываетъ сосредоточеніе главной массы запасовъ въ дальнемъ тылу войскъ, за линіей Днѣстра.

Что касается до способовъ заготовокъ, то изъ всего сказаннаго выше видно, что были испробованы всѣ способы, какіе только были возможны, и что мѣры, принимавшіяся въ этомъ отношеніи, вполнѣ соотвѣтствовали условіямъ обстановки и видоизмѣнялись сообразно съ послѣдней.

Слѣдуетъ, впрочемъ, признать излишними только нѣкоторые способы, которые были вызваны поспѣшнымъ желаніемъ фельд-

---

[1]) Предписаніе фельдмаршала кн. Горчакову отъ 8 и 9 марта 1854 г. и письма отъ 24, 25 и 26 февраля 1854 г.

маршала обезпечить себѣ отступленіе. Къ такимъ способамъ можно отнести сборъ по реквизиціи въ Княжествахъ и сборъ съ округовъ военныхъ поселеній въ Жеребково и Шараево.

Послѣднее мѣропріятіе представляется въ особенности страннымъ, такъ какъ одновременно была назначена перевозка огромныхъ запасовъ въ Жеребково и Шараево изъ Одессы и, такимъ образомъ, въ эти два села запасы должны были свозиться и съ юга и съ сѣвера.

Здѣсь должны были образоваться громадные склады, сосредоточенные въ одномъ пунктѣ и при томъ пунктѣ, гдѣ вѣроятность военныхъ дѣйствій была весьма мала.

Зерновой хлѣбъ въ бессарабскихъ магазинахъ принесъ мало пользы, такъ какъ сельскіе склады были тамъ разбросаны на большомъ пространствѣ, и для пользованія ими приходилось производить большія, дорого стоющія перевозки.

Поэтому перемолъ этого хлѣба былъ прекращенъ послѣ обращенія въ муку 100.000 четвертей.

Сборъ съ Подольской губерніи въ Каменецъ-Подольскъ, Могилевъ и Балту 150.000 чтв. муки и 100.000 чтв. овса по тѣмъ же причинамъ оказался напраснымъ. Въ окрестностяхъ этихъ пунктовъ не было необходимаго количества войскъ, и весь запасъ былъ обращенъ на довольствіе мѣстныхъ командъ [1]).

Вообще дальнѣйшія событія показали, что большая часть громадныхъ запасовъ, собранныхъ княземъ Варшавскимъ, оказалась совершенно ненужною; запасы только портились отъ долгаго лежанія, и впослѣдствіи не знали, что съ ними дѣлать.

III.

Въ отношеніи снабженія боевыми припасами дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ:

Какъ уже извѣстно, Фокшанскій складъ къ концу февраля 1854 года истощался, а князь Горчаковъ приказалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ пріостановить, по причинѣ затрудненія съ перевозками запасовъ, доставку туда хотинскихъ и бендерскихъ мѣстныхъ парковъ.

Но, въ виду увеличивавшагося количества войскъ въ Княжествахъ и ожидаемаго перехода черезъ Дунай, командующій войсками

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856, № 71, ч. 3.

в началѣ февраля вновь приказалъ немедленно возобновить отправку въ Фокшаны изъ Хотина и Бендеръ по 1½ мѣстныхъ парка.

Однако, въ хотинскихъ паркахъ налицо не имѣлось многихъ предметовъ по недоставленію ихъ изъ Кіева, въ особенности же зарядныхъ мѣшковъ, а въ бендерскихъ паркахъ почти вовсе не было запасовъ, за отпускомъ ихъ летучему № 9 и подвижному № 18 паркамъ и за первоначальной передъ этимъ отправкой 1½ парковъ въ Фокшаны. Поэтому приказано было Фокшанскій складъ пополнить запасами изъ измаильскихъ парковъ и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ оставшимися въ Фокшанахъ запасами и съ 1½ парками, прибывшими туда въ началѣ марта изъ Тирасполя, въ Фокшанахъ къ концу марта образовался складъ на 6 мѣстныхъ парковъ[1]).

Въ артиллерійскомъ департаментѣ предполагали для батарей, находящихся въ Княжествахъ, имѣть запасъ $1/_{10}$ части орудій и лафетовъ и $1/_{20}$ зарядныхъ ящиковъ всего количества, состоящаго въ войскахъ, т.-е. всего 46 орудій, 59 лафетовъ и 53 зарядныхъ ящика.

Запасы эти предполагалось сосредоточить въ Бендерахъ, а когда войска перейдутъ Дунай, то тогда ихъ передвинуть въ Измаилъ.

Но князь Горчаковъ, считая, что, по недостатку осадной артиллеріи, придется первое время при осадахъ употреблять полевую артиллерію, которая при этомъ будетъ портиться больше, чѣмъ въ полевыхъ сраженіяхъ, потребовалъ увеличить запасъ лафетовъ до 67-ми, зарядныхъ ящиковъ до 95-ти и, кромѣ того, заготовить запасныхъ колесъ 359.

Командующій войсками потребовалъ доставки всѣхъ этихъ предметовъ въ Фокшаны[2]).

Для пополненія убыли въ дѣйствующихъ батареяхъ лошадей было выслано въ Княжества изъ резервныхъ батарей 106 строевыхъ и 564 упряжныхъ лошади. Часть ихъ, за пополненіемъ батарей, осталась въ излишествѣ и была обращена на образованіе депо въ окрестностяхъ Фокшанъ, гдѣ князь Горчаковъ полагалъ употребить этихъ лошадей для парковъ.

Складъ въ Плоешти въ концѣ февраля повелѣно было пополнить перевозкою на вольнонаемныхъ подводахъ изъ Фокшанъ

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 1854, № 39. Докл. Арт. Деп.

до двухъ мѣстныхъ парковъ, что и было исполнено къ концу марта [1]).

Браиловскій складъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ для войскъ Измаильскаго отряда, долженствовавшихъ перейти черезъ Дунай, весь запасъ боевыхъ припасовъ заключался лишь въ одномъ подвижномъ паркѣ № 15-мъ, въ которомъ имѣлось патроновъ ружейныхъ 350.000 и штуцерныхъ — 21.000. Этого количества было слишкомъ мало, такъ какъ одному пѣхотному полку полагалось имѣть патроновъ ружейныхъ 368.400 и штуцерныхъ — 9600, а каждому стрѣлковому баталіону штуцерныхъ патроновъ — 52.640 [2]).

Военный совѣтъ въ Варнѣ.

Между тѣмъ въ началѣ марта въ отрядѣ у генерала Лидерса было: 28 пѣх. баталіоновъ, 2 сап. баталіона, 2 стрѣлк. баталіона, 2 ул. полка, 2 каз. полка и 8 батарей [3]).

Поэтому князь Горчаковъ, по просьбѣ командира 5 корпуса, приказалъ учредить въ Браиловѣ промежуточный складъ, перевезя туда изъ измаильскихъ мѣстныхъ парковъ на вольнонаемныхъ подводахъ не позже, какъ къ 10 марта, запасы на $1^1/_2$ подвижныхъ парка [4]).

Но въ измаильскихъ мѣстныхъ паркахъ къ 17 февраля готовыхъ зарядовъ уже вовсе не было, хотя и приготовлялся полный комплектъ ихъ для расположенныхъ тамъ 4-хъ батарей, что составляло по 448 выстрѣловъ на каждое орудіе Измаильскаго отряда [5]).

Поэтому князь Горчаковъ, отправивъ просьбу къ военному министру пополнить измаильскіе мѣстные парки, все-таки приказалъ, по изготовленіи въ Измаилѣ зарядовъ, доставить ихъ въ количествѣ на $1^1/_2$ подвижныхъ парка въ Браиловъ. Для ускоренія же образованія склада въ этомъ пунктѣ было приказано парку № 15 сложить

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. №№ 3315 и 3608.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. №№ 3615, 3614/26.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. №№ 3614/26 и 3411.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3315.

свое имущество въ Браиловѣ, отправиться въ Фокшаны, нагрузиться тамъ полнымъ паркомъ и вернуться въ Браиловъ.

Всѣ эти распоряженія были въ точности исполнены, и къ 10 марта въ Браиловѣ образовался запасъ на $3^1/_2$ подвижныхъ парка, а именно 2 комплекта подвижнаго парка № 15 и $1^1/_2$ комплекта прибывшихъ изъ Измаила. Все образовавшееся такимъ образомъ имущество дало возможность сформировать промежуточный складъ, размѣромъ $2^1/_2$ подвижныхъ парка, и, кромѣ того, оставить одинъ комплектъ подвижнаго парка на повозкахъ парка № 15 [1]).

Князь Горчаковъ, сверхъ изложенныхъ распоряженій, приказалъ двинуть 15 марта изъ Тирасполя въ Браиловъ подвижный № 3 арсеналъ, который перевезти туда на наемныхъ подводахъ. Къ 13 марта арсеналъ былъ совершенно готовъ къ выступленію. Въ случаѣ же невозможности нанять для перевозки арсенала подводы, указывалось употребить для этой цѣли повозки подвижнаго магазина, который къ 13 марта былъ уже весь собранъ въ Тирасполѣ [2]).

Ближайшее пополненіе войскъ боевыми припасами производилось слѣдующимъ образомъ:

Отъ Журжи до Турно въ концѣ февраля было расположено около 4-хъ батарей. Для нихъ недалеко отъ Журжи, въ с. Фратешти, былъ устроенъ складъ огнестрѣльныхъ припасовъ на 16 орудій. 27 февраля князь Горчаковъ приказалъ усилить этотъ складъ до комплекта одного подвижнаго парка, что предполагалось сдѣлать къ 21 марта. Къ тому же числу въ Фратешти должны были прибыть 80 повозокъ подвижнаго парка № 10 для развозки припасовъ въ мѣста, ближайшія къ батареямъ.

Въ Каларашѣ и въ Ольтеницѣ къ 27 февраля не было ни складовъ, ни подвижныхъ парковъ. Поэтому было приказано къ 13 марта прибыть въ с. Тарачени подвижному парку № 10. Это селеніе находилось въ 30-ти верстахъ отъ Ольтеницы и въ 45-ти отъ Калараша. Четыремъ батареямъ, стоявшимъ въ этихъ пунктахъ, было приказано отправлять свои опорожненные зарядные ящики для пополненія въ с. Тарачени, но на всякій случай и въ этомъ селеніи было оставлено при запасахъ 77 парковыхъ повозокъ, чтобы доставлять въ крайности запасы къ войскамъ.

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. №№ 3614/26 и 3411.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.

Въ Малой Валахіи, въ Галича-Маре, оставался весь подвижный паркъ № 11, а въ Краіово резервный складъ припасовъ, въ размѣрѣ ¾ одного подвижнаго парка.

Въ Бухарестѣ находился полный паркъ № 14, гдѣ его рѣшено было оставить и впредь.

Въ Плоешти къ 25 марта было приказано собрать весь паркъ № 12 [1]).

Подвижный паркъ № 7 шелъ въ мартѣ изъ Брестъ-Литовска въ Кишиневъ, а подвижный № 18 и летучій № 9 формировались въ Тираспол ѣ. Половина лабораторной роты № 2 была въ Бухарестѣ; другую половину, находившуюся въ Ригѣ, приказано было привести къ 14 марта въ Княжества [2]).

Союзники въ Галлиполи.

Какъ видно изъ всего предъидущаго, въ пополненіи промежуточныхъ складовъ изъ перволинейныхъ парковъ все время встрѣчались затрудненія и задержки, главнымъ образомъ по причинѣ недостатка запасовъ въ перволинейныхъ паркахъ и затѣмъ изъ-за недостатка перевозочныхъ средствъ.

Пополненіе же перволинейныхъ парковъ, въ свою очередь, производилось очень медленно изъ второстепенныхъ Кіевскихъ [3]).

Причинъ этому было много; основныя же нижеслѣдующія:

Въ февралѣ 1853 года, когда дѣлалось распредѣленіе мѣстныхъ парковъ на перволинейные и второлинейные, къ послѣднимъ были отнесены только кіевскіе парки, а брестъ-литовскіе и бобруйскіе рѣшено было не причислять къ второлинейнымъ, какъ это тогда предполагалось. Кіевскіе же парки рѣшено было пополнять изъ Калуги. Когда дѣлались эти распоряженія, то имѣлись въ виду только тѣ войска, которыя *тогда* предназначались для сбора на границѣ, т.-е. всего 68 баталіоновъ, 64 эскадрона, 54 сотни и 216 орудій. Но съ теченіемъ времени число войскъ, сосредоточенныхъ на Дунаѣ, послѣдовательно увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и количество требовавшихся для нихъ

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3315.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3605.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/28. Письмо кн. Горчакова ген. Безаку, мартъ 1854 г.

запасовъ. (Всего было добавлено 58 батал., 92 эскадр., 12 сот. и 232 орудія.) Кромѣ того, къ Княжествамъ подходили 16-я пѣхотная дивизія и 1-й резервный кавалерійскій корпусъ [1]).

Въ хотинскихъ, бендерскихъ и измаильскихъ паркахъ оставалось въ теченіе всего времени запасовъ, за высылкою таковыхъ на Дунай, меньше положеннаго количества и вообще слишкомъ мало. Не хватало даже штатнаго пороха для вооруженія крѣпостей. Пороху же во всѣхъ гарнизонахъ Дунайскаго округа къ концу февраля было всего 15.011 пудовъ, изъ которыхъ пушечнаго—2790. Получая требованія князя Горчакова, начальникъ Дунайскаго артиллерійскаго округа, генералъ Рербергъ, неоднократно просилъ артиллерійскій департаментъ о высылкѣ пороха [2]).

Но въ департаментѣ „не было сдѣлано своевременныхъ рас„поряженій о пополненіи мѣстныхъ парковъ и крѣпостей Дунай„скаго округа“ [3]), а потому военное министерство отвѣчало (17 января 1854 г.), что порохъ будетъ отправляться съ Шостенскаго завода, по мѣрѣ его выдѣлки, и прибудетъ, вѣроятно, въ маѣ и іюнѣ.

Между тѣмъ въ пополненіи порохомъ перволинейныхъ парковъ была настоятельная надобность для предстоящихъ инженерныхъ работъ при осадѣ Силистріи. На требованіе князя Горчакова генералъ Рербергъ отвѣчалъ (25 февраля), что во всемъ Дунайскомъ округѣ нѣтъ количества пороха, необходимаго хотя бы только для осады Силистріи.

Тогда 27 февраля князь Горчаковъ приказалъ безотлагательно отправить въ Измаилъ для необходимыхъ осадныхъ инженерныхъ работъ: 1560 пудовъ изъ Бендеръ и 1772 пуда изъ Хотина, всего 3332 пуда, и сообщилъ объ этомъ своемъ распоряженіи военному министру, прося пополнить склады Дунайскаго округа. Но отъ военнаго министра былъ полученъ отвѣтъ отъ 8 марта, что Государь Императоръ находитъ, что порохъ изъ Бендеръ ни подъ какимъ видомъ нельзя брать для другихъ надобностей, что осады Силистріи скоро не предвидится, а въ Измаилѣ можно имѣть запасовъ и меньше.

Князь Горчаковъ долженъ былъ тотчасъ же пріостановить перевозку этого пороха, о чемъ и отдалъ приказъ 8 марта [4]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/28.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/27.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/28. Подлинныя слова ген. Безака изъ его письма къ кн. Горчакову отъ 31 марта 1854 г.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/27.

Для пополненія измаильскихъ запасовъ принимались и другія мѣры. Когда (18 февраля) начальнику артиллерійскихъ гарнизоновъ Дунайскаго округа было предписано скорѣе изготовить въ Измаилѣ комплектъ боевыхъ припасовъ на одну артиллерійскую бригаду для отряда генерала Ушакова, то генералъ Кнорингъ донесъ, что измаильскій гарнизонъ занятъ большими работами по вооруженію крѣпости.

Поэтому было разрѣшено перевезти въ Измаилъ тѣ припасы изъ Одессы, которые тамъ были заготовлены для десантнаго отряда въ 1853 году.

Къ 10 апрѣля было перевезено въ Измаилъ $^{2}/_{3}$ патроновъ одесскаго запаса, а находившіеся тамъ артиллерійскіе заряды въ комплектѣ на одну артиллерійскую бригаду 8-ми орудійнаго состава были отправлены въ Измаилъ цѣликомъ [1]).

Горчаковъ требовалъ усилить промежуточные склады, по числу ввѣренныхъ ему войскъ, до двухъ комплектовъ зарядовъ и патроновъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ и до 4-хъ комплектовъ — штуцерныхъ. Этого количества не имѣлось въ промежуточныхъ складахъ вмѣстѣ съ перволинейными, какъ то видно изъ прилагаемой таблицы.

Патроновъ.	По требованію кн. Горчакова нужно:	По соображеніямъ Арт. Деп. въ мартѣ *будетъ* состоять: въ Фокшанахъ, Плоештахъ и Браиловѣ.	въ мѣстныхъ паркахъ Измаильскихъ, Бендерскихъ и Хотинскихъ.	Затѣмъ не хватаетъ.
Пѣхотныхъ и кавалерійскихъ	26.720.960	4.761.800	4.790.250	17.438.710
штуцерныхъ	2.041.440	100.350	252.000	1.689.000
зарядовъ полевой артиллеріи	148.660	1.044.759	87.354	—

По соображеніямъ Артиллерійскаго Департамента, въ войскахъ и подвижныхъ паркахъ въ это время должно было состоять:

	патроновъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ.	патроновъ штуцерныхъ.
въ войскахъ	13.495.380	510.360
въ подвижныхъ паркахъ	2.871.915	168.000

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3615.

Зачтя эти запасы въ комплекты, требовавшіеся княземъ Горчаковымъ, и прибавивъ къ тому количеству, которое должно составиться въ промежуточныхъ и перволинейныхъ паркахъ (таблица), выходило, что во всѣхъ этихъ запасахъ вмѣстѣ должно было состоять:

патроновъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ . .	25.919.345
„ штуцерныхъ.	1.030.710

Артиллерійскій Департаментъ, принимая въ соображеніе, что изъ трехъ пѣхотныхъ корпусовъ въ сраженіяхъ участвовать будутъ не болѣе двухъ, что въ войскахъ остаются патроны отъ убывающихъ изъ строя людей, что патроны поступаютъ еще съ людьми, прибывающими изъ резервовъ, и что, съ увеличеніемъ числа штуцеровъ, придется меньше стрѣлять изъ пѣхотныхъ ружей, разсчитывалъ, что изъ составившагося числа пѣхотныхъ и кавалерійскихъ патроновъ, всего 25.919.345 штукъ, на каждое ружье придется болѣе 200 патроновъ. Это число Артиллерійскій Департаментъ считалъ вполнѣ обезпечивающимъ войска, такъ какъ, „по „опыту прежнихъ войнъ, достаточно на одну кампанію: на каждое „ружье пѣхотное 150 и кавалерійское отъ 70 до 100 патроновъ".

Что же касается 1.010.730 штуцерныхъ патроновъ, недостающихъ до цифры, требуемой княземъ Горчаковымъ, то инспекторъ всей артиллеріи „полагалъ возможнымъ, въ случаѣ *скорой* надоб„ности, передѣлать пѣхотные въ штуцерные, а между тѣмъ до„ставить въ промежуточные парки свинецъ и бумагу для приго„товленія недостающихъ патроновъ въ паркахъ *или же самими „войсками*".

Въ письмѣ своемъ князю Горчакову отъ 31 марта 1854 года генералъ Безакъ пишетъ: „Что же касается до патроновъ, то, по „моему мнѣнію, запаса ихъ, свезеннаго въ промежуточные парки „и находящагося при войскахъ, достаточно на двѣ кампаніи" [1]).

Поэтому Артиллерійскій Департаментъ полагалъ не усиливать промежуточныхъ парковъ въ той мѣрѣ, какъ требовалъ князь Горчаковъ, а ограничиться лишь количествомъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ патроновъ, которое имѣется при войскахъ, въ подвижныхъ промежуточныхъ и перволинейныхъ паркахъ, пополнивъ послѣдніе, взамѣнъ отправленныхъ въ промежуточные склады, и

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/28.

пополняя ихъ потомъ, по мѣрѣ расхода. Относительно же 4 комплектовъ штуцерныхъ патроновъ, требуемыхъ княземъ Горчаковымъ, Артиллерійскій Департаментъ предоставилъ ему распорядиться приготовленіемъ недостающихъ патроновъ при паркахъ или войскахъ, по его усмотрѣнію, изъ матеріаловъ, отправленныхъ уже въ промежуточные склады.

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и князь Варшавскій [1]).

Въ февралѣ 1854 года кіевскіе мѣстные парки были въ полномъ комплектѣ, но послѣ отправки въ октябрѣ въ Бендеры и Хотинъ запасовъ на $8^1/_2$ мѣстныхъ парковъ, въ мартѣ 1854 года они не были еще укомплектованы. При томъ же въ Кіевѣ, изъ состоявшихъ тамъ 3-хъ гарнизонныхъ артиллерійскихъ ротъ, одна отправилась въ Бендеры, и рабочихъ рукъ было мало.

Галлиполи.

Въ то же время изъ Калуги ушелъ бывшій тамъ подвижный паркъ, высылавшій своихъ людей на работы въ парки, и изготовленіе запасовъ для пополненія кіевскихъ парковъ также замедлялось.

И въ Кіевѣ и въ Калугѣ часть людей изъ парковъ назначалась еще для сопровожденія транспортовъ, а число войскъ, отъ которыхъ высылались люди для работъ въ паркахъ, также уменьшилось.

Къ этому нужно еще добавить: 1) величину разстоянія, потребность огромныхъ перевозочныхъ средствъ, дурное состояніе дорогъ и распутицу, вслѣдствіе чего многіе транспорты останавливались на пути слѣдованія; 2) вообще недостатокъ въ Имперіи пороха: Шостенскій заводъ изготовлялъ всего 85 тысячъ пудовъ въ годъ. Для ускоренія производства были приняты мѣры, и въ будущемъ предполагалось установить производство 130 тысячъ пудовъ въ годъ, но пока же пороха не хватало.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854, № 39. Докл. Арт. Деп.

Такимъ образомъ, являлась фактическая невозможность снабжать изъ однихъ кіевскихъ парковъ — бендерскіе, хотинскіе, измаильскіе, и сверхъ того, и севастопольскіе, херсонскіе, георгіевскіе и новочеркасскіе.

Поэтому, по представленію генерала Безака, было рѣшено: 1) отправить изъ Брестъ-Литовска въ Хотинъ запасы, въ размѣрѣ 3-хъ мѣстныхъ парковъ, и 2) впредь комплектовать перволинейные парки Дунайскаго округа, въ дополненіе къ кіевскимъ, еще изъ брестъ-литовскихъ и бобруйскихъ мѣстныхъ парковъ.

Согласіе на это фельдмаршала послѣдовало 5 апрѣля [1]).

Войска князя Меншикова и барона Остенъ-Сакена обезпечивались запасомъ ручного оружія, находившимся въ Херсонѣ, въ которомъ состояло въ мартѣ 7000 пѣхотныхъ ударныхъ ружей и 4900 штукъ холоднаго оружія. Изъ Петербурга и изъ Тулы было приказано отправить въ Севастополь и въ Херсонъ еще 80 литтихскихъ штуцеровъ [2]).

Для батарей, состоящихъ въ вѣдѣніи тѣхъ начальниковъ, было рѣшено не учреждать особыхъ запасовъ матеріальной части артиллеріи, а сблизить къ югу резервныя и запасныя батареи 6-й артиллерійской дивизіи, расположивъ пѣшія батареи въ Екатеринославлѣ, а конныя—около Кривого Рога. Отсюда комплектовать дѣйствующія батареи 16-й и 17-й полевыхъ и 6-й конноартиллерійскихъ бригадъ. Резервныя же и запасныя батареи пополнять изъ Брянскаго и Кіевскаго арсеналовъ [3]).

Мѣстными перволинейными парками были для этихъ войскъ назначены: для отряда барона Остенъ-Сакена херсонскіе мѣстные; для войскъ князя Меншикова—севастопольскіе [4]).

Къ концу 1853 года въ севастопольскихъ мѣстныхъ паркахъ и для крѣпостныхъ орудій имѣлось всего 29.115 пудовъ пороха; не хватало до положеннаго количества—1846 пудовъ [5]).

Войска генерала Хомутова на Азовскомъ побережьѣ предполагалось комплектовать изъ Новогеоргіевска, куда подвезти для этого особый запасъ [6]).

Подвижныхъ парковъ для войскъ барона Остенъ-Сакена рѣшено было не назначать въ виду того, что эти войска, располо-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3614/28.
[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854, № 39.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3315.
[4]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854, № 39.
[5]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1852, № 15.
[6]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854, № 39.

женныя по берегу Чернаго моря, между мѣстными парками херсонскими, бендерскими и измаильскими, имѣютъ возможность посылать свои опорожненные патронные и зарядные ящики прямо въ эти мѣстные парки. При затрудненіи же въ этомъ, имъ было предложено подвозить припасы на наемныхъ подводахъ, хотя подвижной паркъ № 8 стоялъ въ это время въ Бѣлгородѣ, гдѣ уже чинился послѣ перехода [1]).

Для комплектованія боевыми припасами дѣйствующей арміи мирнаго времени, расположенной въ Царствѣ Польскомъ, имѣлись въ виду мѣстные парки, какъ перволинейные новогеоргіевскіе (9 м. п.) и замосцскіе (3 м. п.); къ второлинейнымъ же были отнесены брестъ-литовскіе (6 м. п.), бобруйскіе (3 м. п.), динабургскіе (3 м. п.). Кромѣ того, въ Новогеоргіевскѣ, сверхъ своихъ штатныхъ запасовъ девяти мѣстныхъ парковъ, имѣлись еще запасы возвращенныхъ туда послѣ Венгерской кампаніи снарядовъ болѣе чѣмъ на 6 парковъ и патроновъ на 3 парка. Въ Александровской цитадели въ Варшавѣ имѣлся неприкосновенный запасъ въ 2.100.000 патроновъ, а въ Динабургѣ сдавались запасы отъ гренадерскаго подвижнаго парка № 1-й [2]).

Коммуникаціонные пункты въ общемъ оставались тѣ же самые, которые были и передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ октябрѣ 1853 года.

Гдѣ были магазины, какъ и откуда они пополнялись, видно изъ предыдущаго: магазиновъ въ Молдавіи было 7, въ Валахіи—36 [3]).

Магазины въ Галацѣ, Браиловѣ, Водени и Слободзеѣ были совершенно полны запасами провіанта и фуража. Сухари въ Галацъ и Браилово доставлялись изъ хлѣбопекаренъ въ Бырлатѣ, Текучѣ и Фокшанахъ; въ Слободзею—изъ Бузео и Бухареста.

Для присмотра за гуртами скота, согнаннаго къ магазинамъ, были назначены въ Княжествахъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Будберга, команды добровольцевъ, а въ Измаилѣ, по распоряженію генерала Ушакова, команда отъ 7-й пѣхотной дивизіи. Для конвоированія гуртовъ за Дунаемъ къ каждому магазину были причислены команды казаковъ [4]).

На путяхъ отъ Скулянъ, Леово и Рени къ Браилову, Гирсову, Каларашу, Бухаресту, Журжѣ и Краіову было учреждено

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854, № 39 и Арх. Канц. Воен. Мин., д. 3313.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/28.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., 3594. Приказъ по 3, 4 и 5 корп. 1854, № 91.
[4]) Поливановъ, стр. 93.

24 этапныхъ пункта[1]). Гарнизоны этаповъ составляли команды отъ русскихъ войскъ и отъ частей молдавской и валахской милицій. Отъ русскихъ войскъ были казаки и нижніе чины отъ гарнизонныхъ баталіоновъ Кишиневскаго, Каменецъ-Подольскаго, Херсонскаго, Житомірскаго и Кіевскаго; всего на этапахъ отъ этихъ баталіоновъ было расположено 5 ротъ. Отъ Княжествъ, кромѣ милиціонеровъ, на каждомъ этапѣ было отъ 3-хъ до 10-ти доробанцевъ.

Въ числѣ русскихъ войскъ на этапахъ было: отъ гарнизонныхъ ротъ 15 офицеровъ и 848 нижн. чиновъ; отъ дѣйствующихъ войскъ 12 офицеровъ и 224 нижнихъ чина (въ томъ числѣ 152 казака). На каждомъ этапѣ былъ начальникъ—штабъ- или оберъ-офицеръ отъ русскихъ войскъ.

По мѣрѣ прибытія на этапы нижнихъ чиновъ отъ гаризонныхъ ротъ, нижніе чины отъ дѣйствующихъ войскъ при первой возможности высылались въ свои части.

Офицеры гарнизонныхъ ротъ и милицій назначались для сопровожденія командъ между этапами. Довольствіе на этапахъ производилось изъ котла. Партіоннымъ офицерамъ было поставлено въ обязанность довольствовать ежедневно горячею пищею препровождаемыя ими команды, для чего на этапы и на каждый ночлегъ было приказано выслать котлы [2]).

По этапнымъ дорогамъ везли провіантъ, боевые припасы, больныхъ, раненыхъ; отправлялись команды военно-плѣнныхъ, арестованныхъ, нижнихъ чиновъ выздоравливающихъ и по другимъ случаямъ. Мѣста этаповъ и составъ ихъ гарнизоновъ къ концу марта видны изъ таблицы, помѣщенной въ приложеніи [3]).

На всѣхъ путяхъ между этапами было учреждено 56 ночлежныхъ пунктовъ, означенныхъ въ расписаніи коммуникаціонныхъ путей [4]). На каждомъ изъ этихъ ночлежныхъ пунктовъ было по 10 нижнихъ чиновъ: по 1 унтеръ-офицеру и рядовыхъ по 2 отъ гарнизонныхъ ротъ, по 2 конныхъ доробанца и по 5 человѣкъ отъ молдавской или валахской милиціи. На всѣхъ

---

[1]) Кромѣ этапныхъ пунктовъ, означенныхъ ниже, въ расписаніи коммуникаціонныхъ путей, объявленныхъ въ приказѣ отъ 27 марта 1854 г., № 91, въ концѣ февраля были еще этапы, вѣроятно, въ мартѣ упраздненные: по дорогѣ изъ Чалонешти въ Бухарестъ—въ Толпа, Бачіу, Обедени и Присочени—до Мнешти; по дорогѣ изъ Чалонешти въ Слатино—въ Текучѣ, Шербанешти и Гречи. Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594.

Приказы 23 января и 22 февраля 1854 г.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594. Приказъ 27 марта 1854 г., № 91.

[3]) См. Приложеніе № 144.

[4]) См. Приложеніе № 145.

пунктахъ составъ одинаковый. Унтеръ-офицеры большей частью отъ милицій. Всего на ночлежныхъ пунктахъ было: унтеръ-офицеровъ — 56 (7 русскихъ и 49 милиціонеровъ), конныхъ доробанцевъ — 112, рядовыхъ отъ гарнизонныхъ ротъ — 105, рядовыхъ отъ ротъ милиціи — 287; итого — 560 человѣкъ.

Прислуга Щеголевской батареи.

Эти чины на ночлежныхъ пунктахъ довольствовались приваркомъ отъ жителей.

Всего на этапахъ и ночлежныхъ пунктахъ было 2437 человѣкъ: 62 офицера, 1159 нижн. чин. отъ русскихъ войскъ и 1216 милиціонеровъ и конныхъ доробанцевъ [1]).

Для успѣшности подвозовъ было обращено вниманіе на мосты, и, кромѣ построенныхъ раньше, были наведены мосты еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ, въ концѣ декабря былъ построенъ нашими саперами мостъ черезъ рѣку Филипой [2]).

На рѣкѣ Серетѣ, близъ Вадени, 20 ноября снесло напоромъ льда мостъ, наведенный тамъ саперами въ августѣ; въ январѣ начали тамъ постройку свайнаго моста [3]). У Браилова и Сатунова было предположено также построить мосты; матеріалы и всѣ принадлежности для нихъ были сложены близъ Измаила и Галаца и тамъ же къ 20 февраля были уже сооружены плоты для плавучаго моста [4]).

Полевыя интендантскія учрежденія Дунайской арміи не были сформированы согласно положеній устава 1846 года объ управленіи арміями.

Ко времени перехода черезъ Дунай все управленіе генералъ-интенданта Затлера состояло всего изъ 3 комиссіонеровъ, изъ которыхъ двое были смотрителями въ Фокшанахъ и Бухарестѣ, а третій заготовлялъ припасы; въ канцеляріи было всего 5 чинов-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594. Приказъ 27 марта 1854 г., № 91.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3418.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3427.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3411.

никовъ, а магазинами завѣдывали офицеры, командированные отъ полковъ [1]).

Комиссіонерству 3 корпуса было поручено продовольствіе всѣхъ войскъ, оставшихся въ Княжествахъ послѣ перехода Дуная, и ему было приказано находиться въ Бухарестѣ.

Комиссіонерству 4 корпуса было приказано оставаться при штабѣ главнокомандующаго для снабженія прочихъ комиссіонерствъ и другихъ органовъ деньгами и вообще для исполненія нѣкоторыхъ обязанностей канцеляріи генералъ-интенданта и главной полевой провіантской комиссіи.

На комиссіонерство 5 корпуса было возложено продовольствіе всѣхъ войскъ за Дунаемъ, наблюденіе за складами въ Измаилѣ, Киліи, Галацѣ, Браиловѣ и подвозъ запасовъ изъ этихъ пунктовъ къ войскамъ.

Продовольствіе войскъ, находившихся въ Херсонской и Бессарабской областяхъ или проходящихъ черезъ нихъ, было возложено на херсонскихъ и бессарабскихъ дистанціонныхъ смотрителей, которые находились въ зависимости отъ комиссіонерства 4 корпуса (при главнокомандующемъ).

Главная полевая комиссаріатская комиссія оставалась въ Бухарестѣ [2]).

Въ концѣ ноября 1853 года командиръ 3-го корпуса баронъ Остенъ-Сакенъ находился со штабомъ въ Одессѣ и, хотя на него была возложена самостоятельная задача охраны морского побережья между Бугомъ и Дунаемъ съ правами командира отдѣльнаго корпуса, но въ то же время Остенъ-Сакенъ былъ поставленъ въ зависимость отъ князя Горчакова по всѣмъ вопросамъ, касавшимся матеріальнаго обезпеченія его войскъ [3]).

Такимъ образомъ, ко времени перехода черезъ Дунай полевое интендантское управленіе было сформировано въ крайне ограниченномъ составѣ и въ гораздо меньшемъ, чѣмъ то полагалось по уставу управленія арміями, а нѣкоторыхъ органовъ даже вовсе не было сформировано.

---

[1]) Затлеръ, 4, стр. 8.
[2]) Приказы по 3, 4 и 5 корп. 1854, № 59.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3317.

Глава XV.

I.

Графъ Нессельроде совершенно правильно отмѣтилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1854 годъ [1]), что вѣнскій протоколъ 5 декабря 1853 года явился какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ поведеніи Австріи, которая перемѣнила роль благопріятнаго посредника на роль, если еще не соучастника дѣйствій, то соучастника замысловъ нашихъ противниковъ.

Сдѣланное ею намъ предложеніе очистить Княжества несомнѣнно согласовалось съ ультиматумомъ западныхъ державъ и, хотя оно было предложено въ корректной формѣ дружественнаго совѣта, но нашъ кабинетъ не могъ сомнѣваться въ настоятельности и рѣшительности предъявленнаго требованія. Хотя баронъ Мейендорфъ и сообщалъ князю Варшавскому [2]), что, вѣроятно, Австрія не рѣшится вступить на путь, ведущій къ войнѣ съ нами, безъ поддержки Пруссіи и германскаго союза, но тутъ же замѣчалъ, что такую поддержку можетъ устранить только добровольное очищеніе нами Княжествъ. Что же касается до австрійскихъ вооруженій, то, по словамъ барона Мейендорфа, они имѣли отчасти демонстративный, а отчасти, въ особенности въ Трансильваніи, серьезный характеръ.

Въ началѣ іюня 1854 года вѣнскій кабинетъ счелъ нужнымъ повторить свое предложеніе объ очищеніи нами Княжествъ въ рѣшительной формѣ. Новому австрійскому послу въ Петербургѣ графу Эстергази было предложено сообщить графу Нессельроде [3]), что

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[2]) Бар. Мейендорфъ — кн. Варшавскому 8 (20) мая 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

[3]) Гр. Буоль — гр. Эстергази 3 іюня н. ст. 1854 г. Тамъ же, карт. A, 1854.

Австрія придаетъ особое значеніе прекращенію нашихъ наступательныхъ дѣйствій за Дунаемъ и желаетъ „получить положительныя „указанія на точный и притомъ не очень продолжительный срокъ „окончанія оккупаціи Княжествъ“. Далѣе говорилось о невозможности обставлять съ нашей стороны эвакуацію Княжествъ независящими отъ воли Австріи условіями, такъ какъ это повлекло бы необходимость для нея самой „принять мѣры для охраны „интересовъ, которымъ настоящее положеніе столь серьезно угро-„жаетъ“. Депеша заканчивалась предложеніемъ послу потребовать отъ графа Нессельроде скорыхъ и точныхъ разъясненій.

Рѣшительность Австріи явилась слѣдствіемъ ряда событій, которыя съ момента обостренія кризиса вызвали въ ней опасенія за ея интересы на Балканскомъ полуостровѣ, за настроеніе ея славянскихъ народностей, въ случаѣ возстанія и освобожденія славянъ Турецкой Имперіи, а также за итальянскія владѣнія Габсбургской династіи, которымъ легко могла угрожать наполеоновская Франція. Все это не могло не склонить Австрію къ общности видовъ съ морскими державами, что выразилось въ цѣломъ рядѣ протоколовъ, начиная съ упомянутаго акта 5 декабря 1853 года, подписанныхъ въ Вѣнѣ ея представителями на ряду съ представителями Англіи, Франціи и Пруссіи.

Въ отношеніи установленія единства взглядовъ на событія и на условія мира особенно знаменательнымъ является протоколъ 9 апрѣля 1854 года [1]). Онъ подтверждалъ, во-первыхъ, что фактически не только Турція, но и Франція съ Великобританіей находятся въ войнѣ съ Россіей, и говорилъ далѣе:

„Нижеподписавшіеся заявляютъ въ эту торжественную минуту, „что ихъ правительства остаются согласными по двумъ вопро-„самъ — охраненія территоріальной неприкосновенности Оттоман-„ской Имперіи, существеннымъ условіемъ которой является эва-„куація Придунайскихъ княжествъ, и столь близкаго чувствамъ „султана уравненія гражданскихъ и религіозныхъ правъ христіан-„скихъ подданныхъ Порты, вполнѣ согласованнаго съ независи-„мостью и суверенитетомъ султана.

„Территоріальная неприкосновенность Оттоманской Имперіи „остается условіемъ *sine qua non* всякаго договора, имѣющаго „возстановить миръ между воюющими державами; правительства, „представляемыя нижеподписавшимися, обязуются совмѣстно отъ-

---

[1]) См. Приложеніе № 146.

„искать гарантіи, которыя связывали бы существованіе этой Импе-
„ріи съ общеевропейскимъ равновѣсіемъ, и выражаютъ готовность „договориться о наиболѣе соотвѣтствующихъ средствахъ для до-„стиженія цѣли своего соглашенія.

„Правительства, представляемыя нижеподписавшимися, вза-„имно обязуются не входить безъ предварительнаго общаго со-„вѣщанія ни въ какое окончательное соглашеніе, которое было „бы противно изложеннымъ выше началамъ, съ Императорскимъ „Россійскимъ Дворомъ и ни съ какой державой. Изложенное условіе „соблюдается независимо отъ событій, которыя могли бы возникнуть „вслѣдствіе этого соглаше-„нія, основаннаго исключи-„тельно на общихъ интере-„сахъ Европы, и цѣль кото-„раго можетъ быть достиг-„нута только возстановле-„ніемъ твердаго и постоян-„наго мира".

Братаніе союзныхъ армій.

Солидарность четырехъ державъ, подчеркнутая приведеннымъ протоколомъ, показалась вѣнскому кабинету недостаточной по отношенію къ Пруссіи. Въ Берлинъ былъ посланъ начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба генералъ баронъ Гессъ съ порученіемъ заключить между двумя главными германскими державами особый договоръ, который обезпечивалъ бы Австріи дѣятельное содѣйствіе Пруссіи на случай могущихъ возникнуть осложненій. Австрійскому генералу удалось, несмотря на господствовавшее въ Берлинѣ сомнѣніе, склонить прусскій кабинетъ къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго трактата 20 апрѣля 1854 года слѣдующаго содержанія [1]):

„Ст. I. Его Императорское и Королевское Величество и Его „Величество Король Прусскій взаимно себѣ гарантируютъ свои „германскія и негерманскія владѣнія такъ, что всякое нападеніе, „направленное съ чьей бы то ни было стороны на территорію „одной изъ двухъ державъ, будетъ почитаться другой, какъ не-„пріязненное покушеніе на ея собственную территорію.

[1]) См. Приложеніе № 147.

„Ст. II. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются „точно также охранять отъ всякаго покушенія права и интересы „Германіи; вслѣдствіе этого они считаютъ себя обязанными сообща „защищать противъ нападенія всякую часть территоріи германскихъ „государствъ, даже въ случаѣ, если бы одна изъ нихъ сочла не-„обходимымъ активно выступить, по соглашенію съ другой, въ „защиту германскихъ интересовъ. Соглашеніе относительно такого „случая, а также соглашеніе о размѣрахъ надлежащей помощи, „составитъ предметъ особой конвенціи, которая явится нераз-„дѣльной частью настоящаго трактата.

„Ст. III. Двѣ великія германскія державы обязуются съ цѣлью „придать условіямъ ихъ наступательнаго и оборонительнаго союза „надлежащую силу и гарантію, держать наготовѣ, на случай „надобности, часть ихъ вооруженныхъ силъ въ полной боевой „готовности. Время и мѣсто сосредоточенія, число и расположеніе „этихъ силъ будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ.

„Ст. IV. Высокія договаривающіяся стороны приглашаютъ „всѣ правительства Германскаго Союза присоединиться къ этому „трактату съ такимъ условіемъ, чтобы федеральныя обязанности, „указанныя въ ст. 47 заключительнаго акта Вѣнскаго конгресса, „приняли для присоединяющихся къ трактату государствъ размѣры, „требуемые положеніями этого конгресса.

„Ст. V. Ни одна изъ высокихъ договаривающихся сто-„ронъ не вступитъ съ другими державами, въ теченіе существо-„ванія этого союза, въ какой бы то ни было частный союзъ, „не находящійся въ полномъ соглашеніи съ основаніями этого „трактата.

„Ст. VI. Настоящая конвенція будетъ въ возможно скоромъ „времени представлена для ратификаціи ея обоими Государями".

Добавочная статья разъясняла смыслъ второго параграфа этой конвенціи, который допускалъ вооруженную поддержку стороны, „выступающей активно въ защиту германскихъ интересовъ". Эта статья [1]) опредѣленно указывала на оккупацію нами Княжествъ, выражаясь слѣдующими словами: „Ихъ Величества не могли от-„казаться отъ соображенія, что неопредѣленно продолжающееся „занятіе русскими войсками территоріи нижняго Дуная, которая „находится подъ владычествомъ Оттоманской Порты, можетъ по-„ставить въ опасность политическіе, нравственные и матеріальные

[1]) См. Приложеніе № 148.

„интересы всего Германскаго Союза, а, слѣдовательно, и собственныхъ ихъ государствъ.

„Послѣдствія отъ такого положенія будутъ тѣмъ значительнѣе, „чѣмъ на большее пространство распространятся русскія военныя „операціи. Австрійскій и прусскій дворы объединены желаніемъ, „насколько возможно, избѣжать вмѣшательства въ войну, вспых„нувшую между Россіей съ одной стороны и Турціей, Франціей „и Великобританіей съ другой, а также желаніемъ содѣйствовать „возстановленію мира. Они смотрятъ на сдѣланное петербург„скимъ дворомъ въ Берлинѣ заявленіе (согласно которому Россія „считаетъ причину занятія Княжествъ устраненной уступками хри„стіанскимъ подданнымъ Порты, имѣющими быть осуществлен„ными въ ближайшемъ будущемъ), какъ на важный элементъ при„миренія, и сожалѣли бы, если бы это заявленіе постигла неудача „на практикѣ. Они надѣются, что отвѣтъ русскаго кабинета на „сдѣланныя Пруссіей 8-го числа этого мѣсяца предложенія дастъ имъ „гарантію въ томъ, что русскія войска скоро будутъ отозваны".

Уполномоченные обѣихъ державъ составили на случай, если бы эта надежда не оправдалась, слѣдующую конвенцію:

„Императорское австрійское правительство обратится къ Импе„раторскому Россійскому Двору съ особымъ сообщеніемъ, цѣлью „котораго будетъ полученіе согласія отъ Императора Всероссійскаго „на пріостановку движенія его войскъ на турецкой территоріи и „достаточной гарантіи скорой эвакуаціи Придунайскихъ княжествъ. „Прусское правительство вновь самымъ рѣшительнымъ образомъ „поддержитъ это сообщеніе, ссылаясь на посланныя уже въ Пе„тербургъ предложенія. Если бы отвѣтъ русскаго двора на пред„ложенія вѣнскаго и берлинскаго кабинетовъ, вопреки ожиданіямъ, „не удовлетворилъ бы ихъ вполнѣ относительно двухъ вышеупо„мянутыхъ пунктовъ, то мѣры, которыя будутъ приняты одной „изъ договаривающихся сторонъ для достиженія цѣли, подойдутъ „подъ ст. 2 наступательнаго и оборонительнаго союзнаго трактата, „въ настоящее время подписаннаго, т.-е. всякое непріязненное „нападеніе на территорію одной изъ договаривающихся сторонъ „будетъ отражено всѣми боевыми силами, которыми можетъ рас„полагать другая. Однако, общее наступательное движеніе можетъ „быть послѣдствіемъ только или присоединенія Княжествъ, или „нападенія, или же перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы".

Послѣдняя фраза приведеннаго документа свидѣтельствуетъ о желаніи берлинскаго кабинета обставить точными условіями

свои союзныя обязанности вооруженнаго содѣйствія дѣятельному австрійскому вмѣшательству въ восточный конфликтъ. Какъ Король прусскій, такъ и его министры сознавали, что заключаемый съ Австріей союзъ можетъ повести къ рѣшительному столкновенію съ Россіей и безнадежно порвать узы династической и государственной дружбы, которая была столь драгоцѣнна для интересовъ Пруссіи.

Наша дипломатія, слѣдуя указаніямъ Императора Николая, не щадила усилій, чтобы открыть прусскому кабинету глаза на опасный путь солидарности съ западными державами, на который стали Австрія и Пруссія, участвуя въ подписаніи ряда вѣнскихъ протоколовъ.

Въ собственноручной запискѣ Государя, относившейся къ концу 1853 или къ началу 1854 года [1]), прежде всего указывается на то, что прусскій Король, присоединяясь къ политикѣ западныхъ державъ, станетъ противникомъ балканскихъ христіанъ и соучастникомъ всѣхъ ужасовъ, которые явятся послѣдствіемъ возвращенія возставшихъ подъ турецкое владычество. Государь еще разъ подтверждалъ, что его цѣлью являются не завоеванія, а гарантія свободы и правъ религіи балканскихъ христіанъ и ихъ обычаевъ.

Если Австрія будетъ противиться тому, что требуетъ для нихъ Россія, то война съ ней, какъ съ союзницей турокъ, станетъ неизбѣжна. Если прусскій Король будетъ поддерживать безумную и несправедливую политику Австріи, то это приведетъ его къ соучастію въ недостойномъ и отвратительномъ дѣлѣ (d'une indigne et odieuse démarche), непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго явится война съ Россіей.

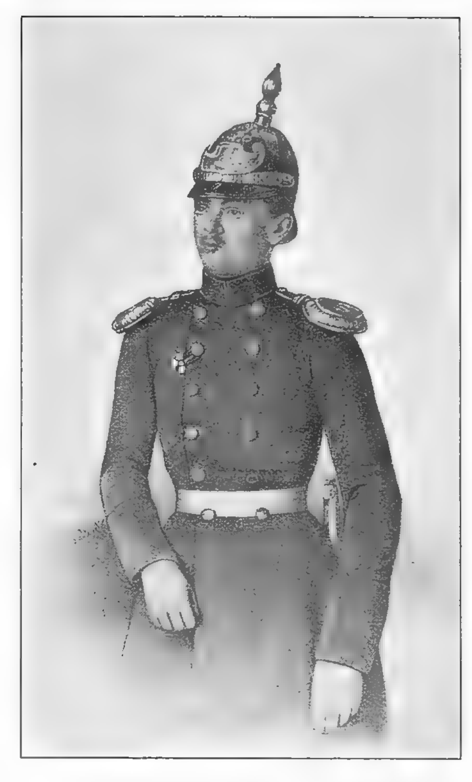
Прусскій кабинетъ принялъ на себя неблагодарную задачу съ одной стороны удерживать, насколько возможно, Австрію отъ рѣшительнаго перехода на сторону Оттоманской Порты и ея уже опредѣлившихся прямыхъ союзницъ, а съ другой—настаивать передъ нашимъ кабинетомъ на удовлетвореніи нѣкоторыхъ требованій западныхъ державъ и Австріи для избѣжанія всеобщей войны, въ которую могла быть втянута и Пруссія. Баронъ Мантейфель, первый министръ берлинскаго правительства, еще въ ноябрѣ 1853 года указывалъ [2]) нашему послу барону Будбергу на крайне

---

[1]) См. Приложеніе № 149.

[2]) Бар. Будбергъ — канцлеру 30 ноября (12 декабря) 1853 г., № 108. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1853.

затруднительное положеніе вѣнскаго кабинета. Онъ подчеркивалъ, ссылаясь на статьи французской прессы объ измѣненіяхъ карты Европы и пересмотрѣ трактатовъ, честолюбивые планы Императора Наполеона, первой жертвой которыхъ должна сдѣлаться Австрія.



Штабсъ-капитанъ Щеголевъ.

Нашъ посолъ прочиталъ, спустя два дня послѣ своей бесѣды съ барономъ Мантейфелемъ, въ „Moniteur'ѣ", рядомъ съ упоминаніемъ о протоколѣ, подписанномъ въ Вѣнѣ 5 декабря представителями четырехъ державъ, французское его толкованіе, которое сводилось къ тому, что Австрія и Пруссія примкнули къ англо-французскому соглашенію относительно вопросовъ, возбуждаемыхъ нашимъ столкновеніемъ съ Турціей. Баронъ Будбергъ предложилъ прусскому министру напечатать въ „Staats-Anzeiger'ѣ" по этому поводу соотвѣтствующее опроверженіе [1]). Однако, баронъ Мантейфель отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что общее политическое положеніе обязываетъ германскія державы къ особой осторожности, что, можетъ быть, полемика была бы на руку Людовику-Наполеону, и, наконецъ, что она обязывала бы къ опубликованію самаго протокола, который признано необходимымъ сохранять въ тайнѣ. Въ одной изъ послѣдующихъ депешъ канцлеру [2]) баронъ Будбергъ сообщалъ объ упрекахъ, которые дѣлались главою вѣнскаго кабинета графомъ Буолемъ прусскому министру по поводу сообщенія намъ документовъ, подписанныхъ въ Вѣнѣ.

Въ январѣ, какъ извѣстно, уже выяснилось, что наши предложенія относительно болѣе тѣснаго соглашенія съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами отклоняются ими обоими. Въ офиціальномъ

---

[1]) Бар. Будбергъ — канцлеру 2 (14) декабря 1853 г., № 110. Тамъ же.
[2]) Бар. Будбергъ — канцлеру 12 (24) декабря 1853 г., № 114. Тамъ же.

сообщеніи по этому поводу барона Мантейфеля прусскому послу въ Петербургѣ генералу Рохову, сдѣланномъ отъ имени берлинскаго кабинета, говорилось [1]): „Цѣна, которую мы придаемъ со„храненію общихъ намъ не только съ Австріей, но и съ Франціей „и Великобританіей основъ, является для насъ закономъ; мы не „должны уклоняться отъ этихъ основъ и избѣгать всего, что „могло бы вызвать подозрительность лондонскаго и парижскаго „дворовъ и толкнуть ихъ, слѣдуя нашему примѣру, къ изолиро„ваннымъ дѣйствіямъ въ смыслѣ безвозвратнаго поколебанія вѣ„роятности мирнаго исхода".

Прусскій кабинетъ, озабоченный содѣйствіемъ возстановленія мира, отклонилъ, по словамъ барона Будберга [2]), предложеніе морскихъ державъ заключить, въ виду возникшаго кризиса, соглашеніе съ прочими германскими государствами относительно общаго образа дѣйствій.

Король внимательно читалъ представленныя ему барономъ Будбергомъ записки петербургскаго кабинета, которыя разъясняли цѣли и основанія политики Императора Николая. Въ мартѣ 1854 г. въ Парижъ и въ Лондонъ отправился, по порученію Короля, принцъ Гогенцолернъ-Зигмарингенъ, миссія котораго состояла въ склоненіи Императора французовъ и Королевы Викторіи къ примирительному образу дѣйствій. Миссія эта не увѣнчалась успѣхомъ. Баронъ Будбергъ сообщалъ, со словъ ея участника, графа Гребена [3]), что въ Лондонѣ рѣшено, повидимому, энергично вести войну, а Императоръ французовъ явно стремится не только къ нашему отказу отъ предъявленныхъ Портѣ требованій, но къ рѣшительному ослабленію Россіи и разрушенію того вліянія, которое она оказываетъ на судьбы Европы. Заявленіе о прусскомъ нейтралитетѣ въ Лондонѣ было спокойно принято къ свѣдѣнію; Императоръ же Наполеонъ высказалъ, что онъ нейтралитетъ не считаетъ возможнымъ, и что Австрія и Пруссія будутъ увлечены въ общій съ Франціей станъ. Отвѣтное письмо Людовика-Наполеона къ Королю прусскому приглашало послѣдняго примкнуть для предупрежденія роста русскаго вліянія на западную Европу къ общему соглашенію „всѣхъ западныхъ державъ" [4]).

---

[1]) Бар. Мантейфель — ген. Рохову 31 января н. ст. 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Prusse, 1854.

[2]) Бар. Будбергъ — канцлеру 11 (23) февраля 1853 г., № 30. Тамъ же, карт. Berlin, 1854.

[3]) Бар. Будбергъ — канцлеру 13 (25) марта 1854 г., № 54. Тамъ же.

[4]) См. Приложеніе № 150.

Къ концу марта въ Берлинъ прибылъ австрійскій генералъ Гессъ. Ему было поручено склонить прусскій дворъ къ заключенію съ Австріей приведеннаго выше союзнаго трактата. Исполненіе порученія не оказалось труднымъ. Увѣренность Императора французовъ въ привлеченіи обѣихъ великихъ германскихъ державъ въ англо-французскій станъ имѣла нѣкоторое основаніе. Изъ донесеній графа Бенкендорфа о бесѣдахъ съ представителями прусской арміи [1]) можно было убѣдиться, что люди, наиболѣе преданные идеѣ прусско-русскаго братства по оружію, пессимистически смотрѣли въ будущее. „Никто“, говорилъ нашему военному агенту прусскій генералъ Врангель, „не преданъ Императору и союзу съ Россіей болѣе, чѣмъ нашъ Король, чѣмъ „мы—прусская армія. Я и мои товарищи готовы пролить кровь „за вашего Императора, какъ за нашего Короля... Тѣмъ не менѣе „не вѣрьте никакимъ завѣреніямъ и будьте убѣждены, что, несмотря на усилія Короля и наши, мы подчинимся фатальности и „кончимъ тѣмъ, что дадимъ вовлечь себя въ войну противъ васъ“...

Графъ Бенкендорфъ предполагалъ, однако, что генералъ Врангель ошибался. Нашъ военный представитель пользовался такой симпатіей среди прусскихъ офицеровъ, что ему казалось невозможнымъ, чтобы въ концѣ концовъ не взяли верхъ „старыя „преданія союза съ Россіей“, имѣющія столь глубокіе корни [2]).

Положеніе становилось столь серьезнымъ, что Императоръ Николай рѣшился принести еще одну жертву, сдѣлать еще одну попытку избѣжать необходимости войны съ западными державами. Онъ поручилъ герцогу Георгу Мекленбургскому отправиться въ мартѣ мѣсяцѣ въ Берлинъ для сообщенія Королю прусскому, что Государь согласенъ присоединиться къ заключенной между морскими державами и Портой конвенціи на нижеслѣдующихъ условіяхъ [3]):

1) Конвенція будетъ сообщена Государю отъ имени договорившихся сторонъ при посредничествѣ прусскаго Короля; 2) намъ будетъ сообщено, въ чемъ состоятъ гарантіи Порты въ вѣрномъ исполненіи договора; 3) этотъ актъ не отмѣнитъ ни религіозныхъ правъ, которыми пользуются православные христіане въ Оттоманской Имперіи, ни обязательствъ Порты въ ея прежнихъ заявленіяхъ

---

[1]) Гр. Бенкендорфъ — военному министру 17 (29) марта 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 3.

[2]) Гр. Бенкендорфъ — военному министру 16 (28) марта 1854 г., № 41. Тамъ же.

[3]) См. Приложеніе № 151.

о томъ, что эти христіане будутъ пользоваться преимуществами, признаваемыми за христіанами другихъ исповѣданій, какъ это изложено въ вѣнской нотѣ и въ ольмюцкихъ разъясненіяхъ; 4) что наши прежніе трактаты отъ Кучукъ-Кайнарджійскаго до Адріанопольскаго будутъ сохранены и подтверждены.

Инструкція уполномочивала герцога Мекленбургскаго заявить, что Императоръ Николай готовъ, принимая на вышеизложенныхъ условіяхъ участіе въ конференціи, которая должна собраться въ Берлинѣ, прекратить военныя дѣйствія и повелѣть своимъ войскамъ очистить Придунайскія княжества одновременно съ оставленіемъ англо-французскими сухопутными и морскими силами Чернаго моря и проливовъ.

Герцогъ Мекленбургскій, пріѣхавъ въ Берлинъ, встрѣтилъ самый дружественный пріемъ у Короля, который немедленно выразилъ согласіе сообщить западнымъ кабинетамъ и поддержать передъ ними наши предложенія. Онъ просилъ герцога остаться въ Берлинѣ до полученія отвѣтовъ и старался оправдать образъ дѣйствій Австріи ея опасеніями и отсутствіемъ рѣшительности. Король указывалъ на необходимость связать ее съ Пруссіей, такъ какъ въ противномъ случаѣ Австріи останется лишь броситься въ англо-французскія объятія, а Пруссія останется окончательно изолированной [1]). Бесѣды герцога Мекленбургскаго съ Королемъ и съ приближенными къ нему лицами вращались вокругъ прусско-австрійскаго союзнаго договора, о заключеніи котораго хлопоталъ пріѣхавшій въ то время въ Берлинъ генералъ Гессъ. Герцогъ пытался убѣдить своихъ собесѣдниковъ, что заключеніе договора, которымъ Австрія сохраняетъ за собой свободу дѣйствій, по необходимости вовлечетъ Пруссію въ сферу чуждыхъ ей интригъ, но попытки его имѣли лишь частичный успѣхъ. Король „оплакивалъ“ подписаніе вѣнскаго протокола 9 апрѣля, но рѣшительно заявилъ, что ему невозможно устраниться отъ вѣнскихъ конференцій. Удалось достигнуть лишь только того, что договоръ не принялъ характера прямо непріязненнаго по отношенію къ намъ акта, и что Пруссія уклонилась въ заключенной 20 апрѣля конвенціи отъ обязательства вооруженной поддержки Австріи внѣ случайностей, точно опредѣленныхъ въ добавочной статьѣ договора.

Отрицательные отвѣты лондонскаго и парижскаго кабинетовъ на примирительныя предложенія русскаго правительства не заставили

---

[1]) См. Приложенія №№ 152 и 153.

себя ждать. Нашъ кабинетъ былъ извѣщенъ о нихъ цѣлымъ рядомъ сообщеній черезъ прусскаго посла генерала Рохова. Графъ Нессельроде, представляя Государю эти документы, выразилъ мнѣніе, что всякая дальнѣйшая съ нашей стороны попытка къ примиренію не можетъ болѣе привести къ какому-либо результату. Императоръ Николай раздѣлилъ мнѣніе своего канцлера, написавъ на докладѣ: „Вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ. Все это смѣшно „и недопустимо, словомъ, лишено здраваго смысла. Я сдѣлалъ все, „что былъ долженъ и могъ сдѣ„лать. Я не могу сдѣлать ничего „болѣе. Богъ рѣшитъ дѣло, и я „подчинюсь Его волѣ“ [1]).

Прислуга Щеголевской батареи.

Когда же вслѣдъ затѣмъ Государю была представлена копія вѣнскаго протокола 9 апрѣля, сообщенная нашему кабинету прусскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, то онъ ограничился замѣчаніемъ: „Это до„стойно жалости (pitoyable), но ни „въ чемъ не измѣняетъ моихъ рѣ„шеній“ [2]).

Нѣсколько дней спустя, былъ заключенъ и австро-прусскій наступательный и оборонительный договоръ. Король довѣрилъ копію этого акта герцогу Мекленбургскому, а нашъ посолъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, прислалъ канцлеру [3]) прусскій проектъ договора съ измѣненіями, введенными въ его текстъ, по настоянію Австріи [4]). Баронъ Будбергъ отмѣчалъ, что сравненіе текстовъ указываетъ на различіе въ цѣляхъ, которыя преслѣдовались сторонами. Въ то время, какъ Австрія стремилась къ возобновленію конвенціи 1851 года и къ обезпеченію себѣ вооруженной помощи Пруссіи, эта послѣдняя имѣла въ виду лишь удержать Австрію отъ дальнѣйшаго сближенія съ западными державами. Баронъ Будбергъ въ своемъ толкованіи умиротворяющаго поведенія Пруссіи ссылался на ст. V договора, которая запрещала

---

[1]) Докладъ гр. Нессельроде отъ 3 апрѣля 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1854.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ гр. Нессельроде 6 апрѣля 1854 г. Тамъ же.

[3]) Бар. Будбергъ — канцлеру 6 (18) апрѣля 1854 г., № 78. Тамъ же, карт. Berlin, 1854.

[4]) См. Приложеніе № 154.

сторонамъ самостоятельно вступать въ соглашенія, противныя его началамъ. Это обстоятельство предупреждало, будто бы, возможное сближеніе Австріи съ Франціей и Англіей. Приведенное доказательство не показалось Императору Николаю убѣдительнымъ, и Государь, читая депешу барона Будберга, отмѣтилъ соотвѣтствующее мѣсто двумя восклицательными знаками.

Герцогъ Мекленбургскій дождался въ Берлинѣ подписанія австро-прусскаго союзнаго договора. Онъ донесъ Государю письмомъ отъ 11 (23) апрѣля [1]), что Король прусскій смотритъ на заключеніе этого договора, какъ на единственное средство отвести Австрію отъ союза съ нашими врагами. Прусскій кабинетъ, писалъ онъ, и генералъ Гессъ заключили не только договоръ, но и добавочную статью, а также и особое „толкованіе“, которое, впрочемъ, наши друзья находятъ недостаточнымъ, хотя все зависитъ отъ того, насколько Король будетъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ. Въ концѣ своего письма герцогъ Мекленбургскій прибавлялъ, что Король Фридрихъ-Вильгельмъ отправитъ въ Вѣну заявленіе, излагающее прусскую точку зрѣнія на значеніе заключеннаго договора. Несмотря на несогласіе Короля послѣдовать совѣту герцога и отказаться отъ подписанія добавочной статьи, этотъ послѣдній поздравлялъ герцога съ существованіемъ австро-прусскаго договора, такъ какъ „всѣ новыя извѣстія плохи“. Дѣйствительно, обстановка была, по словамъ герцога, такова, что второстепенныя германскія государства и въ особенности Баварія и Виртенбергъ, хотя и склонныя къ нейтралитету германскаго союза, отказались бы послѣдовать за одной Пруссіей. Къ тому же въ Вѣну къ этому времени прибыли австрійскій посолъ въ Парижѣ и личный другъ Людовика-Наполеона баронъ Гюбнеръ и изъ Лондона герцогъ Кембриджскій. Очевидно, что въ этомъ случайномъ центрѣ европейской политики что-то совершалось. Отказъ Пруссіи въ заключеніи договора съ Австріей привелъ бы ее или къ необходимости подписать этотъ договоръ подъ совмѣстнымъ давленіемъ Франціи и Австріи, или же оставилъ бы Пруссію изолированной, бросая Австрію въ направленныя противъ насъ объятія Франціи.

Баронъ Мантейфель опредѣленно заявилъ нашему послу, барону Будбергу, что договоръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ заключенъ, не связывалъ Пруссіи до такой степени, чтобы лишить

---

[1]) См. Приложеніе № 155.

ее возможности поддерживать съ нами дружественныя отношенія [1]). Прусскій министръ утверждалъ далѣе, что Австрія будетъ настаивать передъ нами на очищеніи Княжествъ, но должна будетъ, получивъ наше согласіе, предъявить аналогичное требованіе и западнымъ державамъ. Австрія могла добиваться отъ насъ обѣщанія пріостановить военныя дѣйствія, она могла даже въ крайнемъ случаѣ активно вмѣшаться въ войну, но, какъ баронъ Мантейфель, такъ и генералъ Герляхъ увѣряли барона Будберга, что Австрія категорически обязалась не предпринимать наступленія на русскую территорію и не занимать своими войсками Сербіи и Босніи.

Въ крайнемъ случаѣ она могла лишь оккупировать Валахію. Вообще же цѣлью этой державы былъ вызовъ въ нашемъ кабинетѣ неувѣренности, которая могла бы способствовать скорѣйшему заключенію мира.

Заслуживаетъ вниманіе донесеніе графа Бенкендорфа [2]), который во время свиданія съ генераломъ Врангелемъ услышалъ отъ послѣдняго въ высшей степени тревожныя извѣстія. Генералъ видѣлся съ возвратившимся изъ Вѣны владѣтельнымъ герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, который ему передалъ, что Австрія дольше ждать не можетъ. „Ей необходима“, говорилъ герцогъ, „эвакуа-„ція Княжествъ. Если Россія не склонится къ этому, то Австрія „рѣшила объявить ей войну. Къ 20 іюня у нея въ Венгріи, „Трансильваніи, Буковинѣ и Галиціи будетъ 275-ти тысячная „армія, готовая перейти границу. Самъ Императоръ станетъ во „главѣ ея, обратившись за содѣйствіемъ къ Пруссіи и къ Герман-„скому Союзу и приглашая ихъ привести армію на военное по-„ложеніе. Едва ли Пруссія послѣдуетъ этому приглашенію, но „часть Германіи сдѣлаетъ это, и тогда Пруссія волей-неволей при-„нуждена будетъ вступить въ борьбу съ Россіей“. Герцогъ добавлялъ, что приведенныя слова онъ слышалъ непосредственно отъ Императора Франца-Іосифа.

Несмотря на то, что сообщеніе о принятыхъ въ Вѣнѣ рѣшеніяхъ исходило отъ лица, извѣстнаго своей непріязнью по отношенію къ Императору Николаю (герцогъ Саксенъ-Кобургскій былъ авторомъ памфлета, направленнаго противъ Государя), оно

---

[1]) См. Приложеніе № 156.

[2]) Гр. Бенкендорфъ — военному министру 22 мая (3 іюня) 1854 г., № 105. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 3.

имѣло всѣ признаки достовѣрности. Австрія была рѣшительнымъ противникомъ освободительныхъ плановъ Императора Николая на Балканскомъ полуостровѣ и опасалась, какъ роста русскаго вліянія среди тамошнихъ славянъ, такъ и особенно возбужденія подвластныхъ ей самой славянскихъ народностей.

Императоръ Францъ-Іосифъ пригласилъ прусскаго Короля въ Тешенъ. Свиданіе монарховъ ни въ чемъ не измѣнило, какъ сообщалъ баронъ Будбергъ [1]), ни взглядовъ австрійскаго Императора, ни политики графа Буоля, „для котораго жалобы на насъ „являются лишь предлогомъ для сближенія съ Франціей".

Въ дѣйствительности дѣло обстояло нѣсколько иначе. Изъ сообщенной нашему кабинету депеши прусскаго посла въ Парижѣ графа Гацфельда барону Мантейфелю [2]) видно, что, хотя французское правительство и радовалось заключенію австро-прусскаго союзнаго трактата, надѣясь, что обѣ германскія державы будутъ вовлечены ходомъ событій далѣе, чѣмъ предполагаютъ, но сомнѣвалось, однако, въ этомъ. „Было бы величайшимъ несчастіемъ", говорилъ Друэнъ-де-Люисъ Гацфельду, „если бы петербургскій „кабинетъ удовлетворилъ Австрію ранѣе, чѣмъ русское могуще-„ство будетъ значительно ослаблено". Французскій министръ даже запугивалъ Австрію тѣмъ, что, если Россія не будетъ ослаблена, то ничто не помѣшаетъ ей, по заключеніи мира съ западными державами, отомстить германскимъ дворамъ. „Надо довести осла-„бленіе Россіи", повторялъ Друэнъ-де-Люисъ, „до того, чтобы „отомщеніе стало невозможнымъ".

Приведеннаго достаточно, чтобы заключить, что Австрія въ то время не преслѣдовала общихъ съ западными державами цѣлей, а исключительно заботилась о своихъ собственныхъ, правильно или неправильно понимаемыхъ, интересахъ. Прусское правительство, сообщая нашему кабинету депешу генерала Гацфельда, имѣло въ виду склонить насъ къ удовлетворенію австрійскихъ требованій объ эвакуаціи Княжествъ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ, возвратившись изъ Тешена, отправилъ въ Петербургъ облеченнаго своимъ особымъ довѣріемъ полковника Мантейфеля, который долженъ былъ изложить Государю взгляды прусскаго монарха. Императоръ Николай, выслушавъ

---

[1]) Бар. Будбергъ — канцлеру 26, 27 и 31 мая ст. ст., 1854 г., №№ 113, 115 и 117. Арх. Мин: Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1854.

[2]) Гр. Гацфельдъ — бар. Мантейфелю 6 іюня 1854 г. Тамъ же, карт. Prusse, 1854.

сообщеніе, послалъ 7 іюля графу Нессельроде собственноручную записку слѣдующаго содержанія [1]):

„Насколько я могъ понять смыслъ и значеніе намѣреній „прусскаго короля, которыя полковнику Мантейфелю было поручено мнѣ передать, то они таковы: 1) Король желаетъ, чтобы „нашъ отвѣтъ Австріи былъ составленъ въ примирительныхъ выраженіяхъ, оставляющихъ открытымъ путь къ дальнѣйшимъ „переговорамъ. 2) Далѣе, король „желалъ бы найти мотивъ считать „отвѣтъ удовлетворительнымъ, не „дающимъ повода, по крайней мѣрѣ „по мнѣнію короля, къ разрыву „между Россіей и Австріей. 3) Король „считалъ бы себя въ этомъ случаѣ „свободнымъ отъ обязательствъ заключенной съ Австріей конвенціи, „требующей отъ него содѣйствія „въ случаѣ русскаго нападенія на „австрійскую территорію. 4) Король, „признавая въ этомъ вопросѣ начало „взаимности, желаетъ, однако, чтобы „мы, считая это начало необходимымъ исходнымъ пунктомъ, не ставили точныхъ условій, а „предоставили бы ихъ будущимъ переговорамъ, которые должны „вытекать изъ первоначальнаго соглашенія.

Прислуга Щеголевской батареи.

„Вотъ все, что я могъ понять. Поэтому настоящую записку „надлежитъ показать г. Мантейфелю и спросить его, хорошо ли „я изложилъ то, что ему было поручено передать. Не находитъ ли „онъ нужнымъ что-либо измѣнить или добавить, но письменно, „чтобы избѣжать всякихъ недоразумѣній, и чтобы сохранить записку, какъ документъ.

„Раньше этого мнѣ остается разъяснить еще два существенныхъ пункта: 1) Прусскій король обязуется отвѣтить намъ: если „Австрія перейдетъ, подъ предлогомъ поздняго отвѣта, къ военнымъ дѣйствіямъ, или если это уже совершается, то будетъ ли „король считать себя связаннымъ обязательствомъ дѣйствовать „сообща съ Австріей въ томъ случаѣ, если военныя операціи, „по причинѣ несвоевременнаго нападенія, приведутъ наши войска

[1]) См. Приложеніе № 157.

„на австрійскую территорію? 2) Если король признаетъ нашъ отвѣтъ удовлетворительнымъ, а Австрія не признаетъ его таковымъ и будетъ насъ атаковать, или если это уже совершается, „то будетъ ли король считать себя обязаннымъ защищать ея „территорію, или нѣтъ? Казалось бы, если король не признаетъ „справедливости австрійскаго нападенія, то онъ не можетъ, не „противорѣча себѣ, оказывать ей помощь въ томъ, что считаетъ „несправедливымъ. Вотъ пункты, которые необходимо выяснить „вполнѣ... Безъ увѣренности въ нихъ ничего невозможно сдѣлать".

Въ то время, когда въ Петербургѣ писалась приведенная записка, Король Фридрихъ-Вильгельмъ отправлялъ Государю собственноручное письмо [1]). Въ немъ Король прусскій опредѣленно заявлялъ, что Австрія не займетъ никакихъ турецкихъ областей, за исключеніемъ Придунайскихъ княжествъ, отъ занятія которыхъ она можетъ отказаться лишь въ томъ случаѣ, если нашъ отвѣтъ на австрійскія предложенія не отниметъ у нея всякаго для этого предлога. Фридрихъ-Вильгельмъ просилъ Государя о добродушномъ отвѣтѣ (réponse bénigne) на требованіе вѣнскаго кабинета и гарантировалъ, что это поведетъ къ тому, что дѣла въ Вѣнѣ примутъ лучшій оборотъ. Онъ увѣрялъ далѣе, что Императоръ Францъ-Іосифъ сердечно преданъ Государю (Vous rend son cœur), и что онъ будетъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ защитникомъ его интересовъ, а, главное, ничего не предприметъ противъ Россіи.

„Непосредственная опасность отказа", пишетъ графъ Нессельроде въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1854 годъ, „стала ясной, и мы не могли скрывать ее передъ собой. Нашъ „отказъ не только обратилъ бы противъ насъ Австрію, но на ея „путь увлекъ бы Пруссію и Германію, которымъ мы отказали бы „въ уступкѣ, правильно или неправильно считаемой ими открывавшей дорогу къ миру. Удовлетворяя же желаніямъ германскихъ „государствъ, мы, наоборотъ, хотя и не останавливали Австріи, „но, по крайней мѣрѣ, могли надѣяться (какъ это было донынѣ) помѣшать Пруссіи и Германіи до конца слѣдовать непріязненнымъ намѣреніямъ вѣнскаго кабинета. Эти мотивы были „причиной тому, что Государь принялъ во вниманіе совѣты своего „августѣйшаго шурина, и въ Австрію былъ отправленъ отвѣтъ, „который оставлялъ открытымъ возможность дальнѣйшихъ соглашеній".

---

[1]) Изъ Гумбиндена отъ 18 іюня н. ст. 1854 г. Госуд. Арх.

Въ отвѣтѣ нашего кабинета указывалось [1]), что „мы были „бы расположены добровольно очистить Княжества, если бы по„лучили отъ вѣнскаго двора гарантіи безопасности“. Гарантіи эти заключались въ двухъ пунктахъ: во—1) Австрія должна была обезпечить намъ, на случай очищенія русскими войсками Княжествъ, наступленіе перемирія, и во—2) она должна объявить себя, вслѣдствіе послѣдовавшей эвакуаціи, свободной отъ обязательствъ, принятыхъ ею по отношенію къ другимъ державамъ, и нейтральной на случай возобновленія военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, нашъ кабинетъ требовалъ, чтобы эти гарантіи были даны въ письменной формѣ и были бы подтверждены Пруссіей и Германіей.

Канцлеръ одновременно съ этимъ офиціальнымъ отвѣтомъ отправилъ нашему новому послу въ Вѣнѣ, князю А. М. Горчакову, другую депешу [2]). Въ ней онъ объяснялъ, что Княжества стали для насъ, независимо отъ того, какова бы ни была первоначальная цѣль ихъ занятія, извѣстной стратегической позиціей съ тѣхъ поръ, какъ Турція объявила намъ войну. Такимъ образомъ, при сложившейся новой обстановкѣ очищеніе Княжествъ представляется для насъ въ военномъ отношеніи явной потерей, которая должна быть, во имя справедливости, соотвѣтствующимъ образомъ уравновѣшена. Графъ Нессельроде, упомянувъ далѣе о вѣнскомъ протоколѣ 9 апрѣля, добавилъ, что Государь не только не стремится ни къ завоеваніямъ, ни къ разрушенію Оттоманской Имперіи, но, напротивъ, готовъ признать три начала протокола: неприкосновенность Турціи, очищеніе Княжествъ и обезпеченіе правъ турецкихъ христіанъ. Канцлеръ не упомянулъ о четвертомъ пунктѣ протокола, о связи „существованія Оттоманской Имперіи съ обще„европейскимъ равновѣсіемъ“, т.-е. объ исключеніи изъ нормъ дѣйствовавшаго международнаго права преимуществъ, признанныхъ за нами Кучукъ-Кайнарджійскимъ и Адріанопольскимъ трактатами.

II.

Канцлеръ давалъ князю Горчакову свои указанія въ то время, когда Австрія вступила уже съ Оттоманской Портой въ формальный договоръ, который имѣлъ цѣлью не только достигнуть

---

[1]) См. Приложеніе № 158.

[2]) Канцлеръ — кн. А. М. Горчакову 17 іюня 1854 г. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1227.

очищенія нами Княжествъ, но и осуществить пропущенный графомъ Нессельроде въ вышеприведенной депешѣ пунктъ вѣнскаго договора 9 апрѣля.

14 іюля по новому стилю состоялось заключеніе австро-турецкой конвенціи слѣдующаго содержанія [1]):

„Ст. 1. Е. В. Императоръ австрійскій обязуется исчерпать „всѣ дипломатическія средства для достиженія эвакуаціи Придунайскихъ княжествъ занимающими ихъ иностранными войсками „и, въ случаѣ необходимости, даже ввести въ дѣло для достиженія этой цѣли надлежащее число войскъ.

„Ст. 2. Направленіе военныхъ дѣйствій въ этомъ случаѣ „будетъ исключительно зависѣть отъ командующаго императорскими войсками. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній въ надлежащее „время будетъ сообщать о ходѣ операцій главнокомандующему „оттоманской арміей.

„Ст. 3. Е. В. Императоръ австрійскій обязуется возстановить „въ согласіи съ оттоманскимъ правительствомъ въ Княжествахъ, „насколько возможно, правовое положеніе въ управленіе этими „странами въ соотвѣтствіи съ привилегіями, признанными Блистательной Портой. Возстановленныя, такимъ образомъ, мѣстныя „власти не будутъ распространять своихъ дѣйствій на контроль „за императорской арміей.

„Ст. 4. Кромѣ того, Императорскій австрійскій дворъ обязуется не входить съ Императорскимъ россійскимъ дворомъ ни „въ какое соглашеніе, которое не исходило бы изъ начала признанія „суверенныхъ правъ султана и неприкосновенности его имперіи“.

Послѣднія три статьи опредѣляли порядокъ очищенія Княжествъ австрійскими войсками послѣ заключенія мира между Россіей и Турціей, условія содѣйствія турецкими властями передвиженіямъ, расквартированію и снабженію австрійскихъ войскъ и, наконецъ, порядокъ ратификаціи заключенной конвенціи.

Послѣ этого является вполнѣ естественнымъ, что депеши графа Нессельроде не могли встрѣтить вожделѣннаго единомыслія въ Австріи, зашедшей слишкомъ далеко по пути соглашеній съ Портой и морскими державами. Тѣмъ не менѣе, Императоръ Францъ-Іосифъ, принимая отъ князя Горчакова въ частной аудіенціи его вѣрительныя грамоты [2]), высказалъ, что обязанности Государя

---

[1]) См. Приложеніе № 160.

[2]) Кн. Горчаковъ—канцлеру 27 іюня (9 іюля) 1854 г., № 3. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

никогда не казались ему столь тяжкими, как при обстоятельствахъ, столь противорѣчащихъ чувствамъ сердца. Хотя Францъ-Іосифъ и не подтвердилъ при этомъ надежды, которую высказалъ нашъ посолъ, что отвѣтъ петербургскаго кабинета долженъ удовлетворить австрійскаго монарха, но замѣтилъ, что въ этомъ отвѣтѣ заключается „зерно соглашенія“. Императоръ увѣрялъ дальше, что приказъ австрійскимъ войскамъ вступить въ Валахію не заключаетъ никакой враждебной по отношенію къ намъ мысли и обусловленъ только рѣшенной уже нами эвакуаціей этой области русскими войсками. Австрійская армія не вступитъ въ предѣлы Валахіи до тѣхъ поръ, пока они тамъ находятся.

Прислуга Щеголевской батареи.

Что касается до графа Буоля, то онъ заявилъ нашему послу, что вѣнскій кабинетъ сдѣлаетъ соотвѣтствующія представленія Франціи и Великобританіи и изслѣдуетъ, насколько онѣ расположены къ перемирію, ведущему къ полному умиротворенію. Онъ предвидитъ, что морскія державы потребуютъ гарантій въ томъ, что перемиріе не явится лишь средствомъ выиграть время. Вѣнскій кабинетъ сообщитъ послѣ разсмотрѣнія и соображенія требуемыхъ гарантій свое мнѣніе въ Петербургъ. Австрійское правительство будетъ ожидать нашего отвѣта, но во всякомъ случаѣ оно сохранитъ за собой свободу дѣйствій въ будущемъ, воздерживаясь, однако, до разъясненія вопроса отъ всякой демонстраціи. Графъ Буоль предупредилъ, что онъ считаетъ необходимымъ сообщить западнымъ державамъ точный текстъ нашего отвѣта, и добавилъ:

„Наше положеніе таково, что для насъ невозможно особое „соглашеніе съ вами. Мы не можемъ отдѣлиться отъ западныхъ „державъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута наша общая „съ ними цѣль. Она состоитъ въ неприкосновенности Оттоман„ской Имперіи и въ добромъ, твердомъ и надлежащемъ мирѣ.... „Мы не можемъ быть ни посредниками, ни судьями. Мы заинте„ресованная сторона“.

Князь Горчаковъ замѣтилъ на это австрійскому министру, что онъ напрасно отказывается отъ роли, которой никто ему и

не предлагаетъ и, если графъ Буоль видитъ русскаго посла, мирно и дружелюбно къ соглашенію расположеннаго, то это происходитъ отъ сознанія послѣднимъ нашихъ нетронутыхъ силъ. Князь Горчаковъ писалъ далѣе, что въ Вѣну прибылъ отъ имени Короля прусскаго графъ Альвенслебенъ съ порученіемъ содѣйствовать къ принятію Австріей на себя задачи сообщить западнымъ державамъ нашъ отвѣтъ, который признавался Пруссіей удовлетворительнымъ [1]).

Вообще нашему послу казалось, что дѣла принимаютъ лучшій оборотъ. Въ депешѣ отъ 30 іюня (12 іюля) [2]) онъ не только отмѣчалъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ „начинаетъ освоиваться „съ идеей возможности отойти отъ западныхъ державъ", но и высказывалъ убѣжденіе, что „графъ Буоль не такъ дуренъ, какъ „мы думали". („Не вѣрю", надписалъ Государь противъ этой фразы депеши.) Далѣе князь Горчаковъ распространялся о томъ, что Пруссія, признавъ нашъ отвѣтъ удовлетворительнымъ, можетъ разсчитывать на остальную Германію, и это обстоятельство крайне озабочиваетъ Австрію. Отъ его вниманія не ускользнула также перемѣна тона австрійской печати, умѣрившей свои нападенія на Россію. Оптимистическому содержанію депеши нѣсколько противорѣчило ея заключеніе, въ которомъ князь Горчаковъ упоминалъ о словахъ, сказанныхъ ему графомъ Альвенслебеномъ: „Несомнѣнно", сказалъ графъ, „что съ вашимъ пріѣздомъ наступитъ видимый поворотъ, но я ему не довѣряю".

Нѣсколько иначе событія освѣщалъ нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ, графъ Штакельбергъ. Онъ между прочимъ писалъ [3]), что пріостановка вступленія австрійскихъ войскъ въ Княжества съ одной стороны обусловлена извѣстіемъ, что русская армія еще не очистила ихъ, а помѣриться съ нашими войсками австрійцы были не въ состояніи; съ другой же стороны—сомнѣніями въ томъ, послѣдуетъ ли Пруссія въ могущихъ возникнуть осложненіяхъ за Австріей. Намъ не слѣдуетъ поэтому предаваться иллюзіямъ о возрожденіи прежнихъ чувствъ, о покаяніи и благодарности, а сказать, что любезный пріемъ, оказанный князю Горчакову, есть только послѣдствіе разсудительности. („Bravo", помѣ-

---

[1]) Все донесеніе кн. Горчакова было испещрено помѣтками и вопросительными знаками, сдѣланными рукою Государя.

[2]) Канцлеру № 6. Тамъ же.

[3]) Гр. Штакельбергъ — военному министру 30 іюня (12 іюля) 1854 г., № 137. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

тилъ Государь. „Bien jugé, bien dit. C'est tout à fait ce que je „pense et j'y reste“.) Впрочемъ, графъ Штакельбергъ замѣчалъ, что ни военная неподготовленность Австріи, ни ея тревожное внутреннее положеніе не остановятъ ее на избранномъ пути содѣйствія западнымъ державамъ, пока германскіе интересы будутъ затронуты нашей оккупаціей Княжествъ.

Однако, князь Горчаковъ очень скоро оріентировался въ окружающей обстановкѣ и сообщилъ [1]) въ частномъ письмѣ канцлеру, что „мы должны приготовиться ко всѣмъ, даже худ-„шимъ, случайностямъ“, что между графомъ Буолемъ и графомъ Альвенслебеномъ произошелъ разговоръ, въ которомъ первый распространялся о французской идеѣ протектората надъ Княжествами; въ случаѣ же отказа Пруссіи, вѣнская конференція соберется въ составѣ представителей трехъ державъ. Но Пруссія замѣтно шла отъ уступки къ уступкѣ, отъ жертвы къ жертвѣ въ пользу австрійскихъ домогательствъ. Князь Горчаковъ высказывалъ опасеніе, что графъ Буоль, получивъ отрицательные, какъ надо ожидать, отвѣты изъ Парижа и Лондона, соберетъ конференцію для того, чтобы принять къ свѣдѣнію совершившійся фактъ и заявить, что отъ Франціи и Англіи болѣе добиваться нечего.

Нашъ посолъ отмѣчалъ далѣе, что Австрія и Пруссія пришли къ соглашенію относительно текста предложеній, которыя они совмѣстно сдѣлаютъ германскому сейму во Франкфуртѣ въ связи съ заключеннымъ ими 20 апрѣля союзнымъ договоромъ. Хотя въ эти предложенія и были введены нѣкоторыя фразы Бамбергской декларацiи германскихъ государствъ, но суть предложеній отъ этого нисколько не измѣнилась.

Декларація, о которой упомянулъ князь Горчаковъ была провозглашена въ концѣ мая второстепенными германскими государствами, которыя, въ виду разногласія между Австріей и Пруссіей, рѣшили самостоятельно опредѣлить основанія политики Германскаго Союза. Вопросъ о положеніи, которое займетъ Союзъ въ виду конфликта, естественно возникъ еще въ 1853 году, послѣ объявленія намъ Турціей войны. Австрія и Пруссія не могли сговориться между собою относительно совмѣстнаго предложенія союзному сейму, хотя бы только въ томъ смыслѣ, что бы оно ограничивалось заявленіемъ объ общихъ усиліяхъ съ цѣлью

[1]) Кн. Горчаковъ — канцлеру 5 (17) іюля 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 140.

возстановленія мира. Въ особенности Австрія настаивала на упоминаніи о необходимости рѣшительной защиты ея двойныхъ интересовъ великой державы и члена союза; Пруссія же удовольствовалась заявленіемъ о своемъ намѣреніи способствовать умиротворенію. Это разногласіе, подчеркнутое видимымъ сближеніемъ Австріи съ западными державами, вызвало во второстепенныхъ германскихъ государствахъ опасеніе быть вовлеченными въ войну, при чемъ опасенія эти возросли съ того момента, когда сталъ извѣстенъ прусско-австрійскій союзный трактатъ 20 апрѣля 1854 года. Незадолго до этого договора графъ Нессельроде разослалъ нашимъ представителямъ при германскихъ дворахъ циркулярную депешу [1]), въ которой разъяснялъ, что цѣлью нашего кабинета является предотвращеніе всеобщей войны, а желаніемъ его предостеречь германскіе дворы отъ того, чтобы они не поддавались стремленіямъ Франціи и Англіи вовлечь ихъ въ общеевропейскій конфликтъ. Для чего государствамъ Германскаго Союза слѣдовало объявить себя строго нейтральными. Штутгартскій и мюнхенскій кабинеты, и въ особенности послѣдній, имѣя въ виду свои династическіе интересы въ Греціи, склонялись къ мнѣнію, что необходимо противостоять теченію, увлекающему Германію въ водоворотъ военныхъ потрясеній. Саксонія предполагала сама предложить сейму объявить союзъ нейтральнымъ, Ганноверъ же провозгласилъ себя самостоятельно нейтральнымъ. Всѣ эти государства, а также великія герцогства Баденское и Гессенское, выработали, въ согласіи съ болѣе мелкими владѣтельными дворами, на совѣщаніяхъ въ Бамбергѣ декларацію, состоявшую въ слѣдующемъ [2]).

1) Эвакуація русскими войсками Княжествъ не соотвѣтствовала бы германскимъ интересамъ безъ сопровожденія ея перемиріемъ и одновременнымъ отступленіемъ другихъ воюющихъ сторонъ; 2) каковъ бы ни былъ отвѣтъ Россіи на ультиматумъ, который имѣетъ быть ей предъявленъ, Германскій Союзъ долженъ быть допущенъ къ разсмотрѣнію этого отвѣта, а также участвовать въ качествѣ европейской державы въ будущихъ мирныхъ переговорахъ; 3) интересы Германіи состоятъ не только въ свободномъ судоходствѣ по Дунаю, но и вообще въ свободѣ торговли на всѣхъ водныхъ путяхъ къ Черному морю, и, нако-

---

[1]) См. Приложеніе 160.

[2]) Депеша Северина канцлеру изъ Мюнхена 4 (16) мая 1854 г., № 21. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Munich, 1854.

нецъ, 4) условіями присоединенія Германскаго Союза къ австро-прусскому договору являются дѣйствительное обезпеченіе правъ восточныхъ христіанъ и неприкосновенность Греціи.

Приведенныя нами выше депеши князя Горчакова и графа Штакельберга были предметомъ доклада канцлера Государю [1]). Графъ Нессельроде находилъ, что донесенія нашихъ агентовъ изъ Вѣны заключаютъ лишь изложеніе противорѣчивыхъ впечатлѣній и мнѣній, но что самыя противорѣчія свидѣтельствуютъ о колебаніи Австріи, которое даетъ намъ время для подготовки къ событіямъ. Канцлеръ замѣчалъ, что неопредѣленность можно будетъ

Султанъ на парадѣ дивизіи принца Наполеона въ Константинополѣ.

разсѣять только по возвращеніи въ Берлинъ посланнаго прусскимъ Королемъ къ Императору Францу-Іосифу подполковника графа Мантейфеля.

Извѣстія изъ Вѣны продолжали быть тревожными. Князь Горчаковъ сообщалъ [2]), что графъ Буоль заявилъ своимъ приближеннымъ: „Самое позднее, что мы начнемъ военныя дѣйствія „черезъ три недѣли. Отвѣтъ, который мы пошлемъ въ Петер-„бургъ, вслѣдствіе полученныхъ изъ Парижа и Лондона заклю-„ченій, совпадетъ съ отозваніемъ Эстергази“. Вмѣстѣ съ этимъ князь Горчаковъ писалъ объ отправленіи нашего отвѣта австрійскимъ посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ одновременно съ даваемыми имъ инструкціями, содержаніе которыхъ графъ Буоль не

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ гр. Нессельроде отъ 12 іюля 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1854.

[2]) Частное письмо кн. Горчакова канцлеру 10 (22) іюля 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 140.

намѣревался сообщать ни князю Горчакову, ни австрійскому представителю въ Петербургѣ графу Эстергази. Впрочемъ, инструкціи эти стали извѣстны нашему послу, благодаря графу Альвенслебену, и состояли въ томъ, что австрійское правительство, находя въ признаніи петербургскимъ кабинетомъ трехъ пунктовъ протокола 9 апрѣля зерно справедливаго соглашенія, приглашаетъ, несмотря на умолчаніе о четвертомъ пунктѣ, западныя державы принять русскій отвѣтъ въ самое серьезное вниманіе и надѣется, что ихъ рѣшенія не лишатъ Австрію надежды на горячо желаемый ею миръ. Вѣнскій кабинетъ, не предвосхищая ихъ рѣшеній, полагалъ, что требованіе эвакуаціи Княжествъ будетъ первымъ условіемъ морскихъ державъ. Въ инструкціи не было ни слова сказано о томъ, что Австрія не окажетъ союзникамъ содѣйствія, если требованія ихъ зайдутъ слишкомъ далеко, хотя графъ Буоль и увѣрялъ князя Горчакова, что въ этомъ именно и заключалось значеніе инструкцій, данныхъ имъ посламъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ [1]).

Свѣдѣнія, полученныя княземъ Горчаковымъ отъ подполковника графа Мантейфеля не были утѣшительны. Нашъ посолъ предупредилъ графа Ридигера [2]) о вѣроятности разрыва съ Австріей и рекомендовалъ, въ случаѣ вторженія австрійцевъ въ наши предѣлы, немедленно сообщить объ этомъ Государю и Королю прусскому, который не присоединится къ Австріи, если будетъ установлено, что нападеніе послѣдуетъ съ ея стороны. Впрочемъ, на слѣдующій день графъ Буоль увѣрилъ нашего посла, что вѣнскій дворъ не предприметъ по полученіи отвѣтовъ изъ Парижа и Лондона никакой рѣшительной мѣры безъ предварительнаго сношенія съ Петербургомъ [3]).

Днемъ позже состоялась новая бесѣда князя Горчакова съ австрійскимъ министромъ [4]). На вопросъ нашего посла, какое значеніе приписывается вѣнскимъ кабинетомъ четвертому пункту протокола 9 апрѣля о связи существованія Турціи съ общеевропейскимъ равновѣсіемъ, графъ Буоль не далъ опредѣленнаго отвѣта. Бесѣда перешла на тему оккупаціи австрійцами Княжествъ. Графъ

---

[1]) Кн. Горчаковъ — канцлеру 10 (22) іюля 1854 г., № 31. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

[2]) Кн. Горчаковъ — гр. Ридигеру 12 (24) іюля 1854 г., № 1556. Тамъ же.

[3]) Телеграмма кн. Горчакова изъ Вѣны въ Петербургъ 13 іюля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 83.

[4]) Кн. Горчаковъ — канцлеру 14 (26) іюля 1854 г., № 37. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

Буоль утверждалъ, что Австрія никогда не вызоветъ войны съ Россіей. Князь Горчаковъ замѣтилъ на это, что, если генералъ Гессъ, вступая въ Княжества, попроситъ нашего главнокомандующаго очистить страну, а послѣдній отвѣтитъ, что онъ остается на своихъ позиціяхъ, и австрійцамъ придется ихъ атаковать, то такое положеніе вещей приведетъ къ войнѣ. „Нѣтъ, войны не „будетъ“, отвѣтилъ на это австрійскій министръ. „Мы только „исполнимъ обязанность заставить васъ эвакуировать территорію, „занятую вами съ нарушеніемъ трактатовъ. Какъ только этотъ „результатъ будетъ достигнутъ, а это вопросъ чести для нашего „государя, то мы остановимся у вашихъ границъ, ни въ какомъ „случаѣ не переходя ихъ. Напротивъ, если вы въ видѣ репрессіи „вступите на нашу территорію, то вы и будете нападающей сто-„роной, а тогда противъ васъ возстанетъ весь Германскій Союзъ, „который, какъ я узналъ сегодня по телеграфу, присоединился къ „конвенціи 20 апрѣля [1]).

Князь Горчаковъ продолжалъ бесѣду. Онъ указывалъ, увлекаясь „теоріей и географіей“, на могущія быть въ будущемъ пагубныя для Австріи послѣдствія ея политики. Рано или поздно, говорилъ онъ, но миръ возстановится, и у Австріи навсегда останется въ лицѣ Россіи могущественный сосѣдъ, который будетъ помнить кровавую обиду. Это не угроза, добавилъ нашъ посолъ, а просто аргументъ.

Графъ Буоль былъ, видимо, поколебленъ. Онъ въ дружескомъ тонѣ замѣтилъ: „Бьетъ предпослѣдній часъ. Я вамъ бла-„годаренъ за откровенность друга. Оставимъ въ покоѣ войну и „займемся миромъ. Я надѣюсь, что мы его достигнемъ“. Далѣе онъ началъ разъяснять, что сдѣланное имъ указаніе западнымъ державамъ на требованіе очищенія Княжествъ не должно вызывать упрековъ въ неблагодарности Австріи, такъ какъ Россія уже выразила намѣреніе очистить эти области.

„Намъ нужно“, добавилъ графъ Буоль, „не обѣщаніе, но „самый фактъ эвакуаціи. Дѣло идетъ о чести Императора, и я „желалъ бы избѣжать необходимости потребовать очищенія въ „опредѣленный срокъ“.

Отношенія становились, видимо, обостренными. Когда князь Горчаковъ обратился съ просьбой о предоставленіи ему новой

---

[1]) Германскій сеймъ почти единогласно присоединился къ австро-прусскому союзному договору 24 іюля.

аудіенціи у Франца-Іосифа для врученія отвѣта Государя на извѣщеніе о бракѣ австрійскаго Императора, то онъ получилъ записку отъ графа Буоля, въ которой этотъ послѣдній сообщалъ, что отвѣтъ можетъ быть переданъ черезъ министра, такъ какъ Императоръ пребываетъ внѣ города и лишь изрѣдка пріѣзжаетъ въ столицу [1]).

Французскій кабинетъ, наконецъ, заговорилъ, хотя заявленія его, о которыхъ князь Горчаковъ узналъ въ Вѣнѣ, еще нельзя было считать окончательными [2]). Въ Парижѣ наши предложенія находили недостаточными для вступленія въ мирные переговоры и съ своей стороны ставили условіемъ такихъ переговоровъ предварительное принятіе нами слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) пересмотръ трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ Портой; 2) отреченіе отъ протектората надъ Княжествами; 3) обезпеченіе правъ христіанъ и 4) свобода судоходства по Дунаю. Тюйлерійскій кабинетъ добавлялъ къ этому, что онъ оставляетъ за собой свободу ставить въ теченіе дальнѣйшихъ переговоровъ еще новыя условія. Графъ Буоль рѣшилъ, по свѣдѣніямъ князя Горчакова, обмѣняться взглядами съ прусскимъ кабинетомъ и запросить французское правительство о болѣе точномъ изложеніи его предложеній. Въ другой депешѣ, отправленной въ тотъ же день [3]), князь Горчаковъ изложилъ четыре пункта слѣдующимъ образомъ:

1. Пересмотръ трактата 1841 года.

2. Замѣна русскаго протектората въ Княжествахъ европейской гарантіей.

3. Свобода судоходства по Дунаю, и

4. Отмѣна протектората, осуществляемаго державами въ пользу своихъ единовѣрцевъ разныхъ исповѣданій, и установленіе общей гарантіи правъ и преимуществъ христіанъ.

Князь Горчаковъ сообщалъ далѣе, что Англія присоединилась къ французскимъ заявленіямъ, и что графъ Буоль запросилъ морскія державы, согласны ли онѣ на перемиріе, если Россія приметъ изложенные выше пункты. Франція отвѣтила утвердительно; послѣ же нѣкотораго колебанія къ ней присоединилась и Англія. Графъ Альвенслебенъ передалъ князю Горчакову слышанное отъ графа Буоля заявленіе, что, если петербургскій кабинетъ приметъ

---

[1]) Письмо гр. Буоля кн. Горчакову 17 іюля 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 140.

[2]) Кн. Горчаковъ — канцлеру 22 іюля (3 августа) 1854 г., № 47. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Vienne, 1854.

[3]) Кн. Горчаковъ — канцлеру 22 іюля (3 августа) 1854 г., № 53. Тамъ же.

четыре пункта, а морскія державы откажутся отъ перемирія или отъ серьезныхъ мирныхъ переговоровъ, то Австрія отступится отъ нихъ и перейдетъ на нашу сторону. Нашъ посолъ, не придавая слишкомъ большого значенія словамъ австрійскаго министра, замѣтилъ лишь, что они являются показателемъ двойственности теченій въ вѣнскихъ рѣшающихъ кругахъ, при чемъ дѣло клонится всегда къ соглашенію, когда Императоръ Францъ-Іосифъ дѣйствуетъ по собственному побужденію.

Князь Горчаковъ представилъ канцлеру, по поводу предложенныхъ намъ четырехъ пунктовъ, обширную работу, состоявшую изъ его письма къ графу Нессельроде и двухъ приложеній, лит. А и В [1]). Въ письмѣ, которое являлось вступленіемъ къ двумъ упомянутымъ документамъ, нашъ посолъ отмѣтилъ, что вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій Австріи поставилъ бы въ затрудненіе не только его, но, быть можетъ, и самую Австрію. Далѣе князь Горчаковъ, коснувшись того, что великобританскій кабинетъ былъ бы радъ нашему отказу отъ принятія четырехъ пунктовъ, такъ какъ это дало бы ему возможность взять назадъ свое на нихъ согласіе, находилъ, что въ сущности пункты, выдвинутые западными державами, особой опасности для насъ не представляютъ. Трактатъ 1841 года, по его словамъ, не являлся предметомъ особой заботливости съ нашей стороны въ отношеніи сохраненія его неприкосновенности. Статья о свободѣ судоходства по Дунаю также уже принята нами. Остается только четвертый пунктъ, говорящій о гарантіи правъ христіанскихъ исповѣданій. Въ немъ собственно и заключалось все дѣло („c'est la clef de la voûte"), но „я увѣренъ", писалъ Горчаковъ, „что Государь никогда не „позволитъ, чтобы наши единовѣрцы были менѣе обезпечены „*послѣ* [2]) тѣхъ великихъ жертвъ, которыя мы принесли для ихъ „пользы, чѣмъ они были обезпечены *ранѣе* этихъ жертвъ". Важность четвертаго пункта зависѣла, по мнѣнію нашего посла, отъ той редакціи, которая будетъ ему придана, а значеніе его опредѣлится дальнѣйшей практикой. „Я думаю", продолжалъ дальше князь Горчаковъ, „что всякая овца найдетъ своего пастыря, и „никакія громкія фразы о коллективной гарантіи не помѣшаютъ „ни одному православному прежде всего обратиться къ представителю Россіи. Если эти представители хорошо будутъ исполнять

---

[1]) Отъ 22 іюля (3 августа) 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 140.
[2]) Курсивъ подлинника.

„свой долгъ, то число тѣхъ, которые нынѣ произносятъ „Боже „Царя храни“, не уменьшится ни на одного“.

Князь Горчаковъ, повергая къ стопамъ Монарха возможность судить объ его, князя Горчакова, прозорливости (perspicacité), подчеркивалъ лишь свое увѣреніе въ томъ, что Государь найдетъ во всемъ сказанномъ авторомъ записокъ „русское сердце и русское „чувство“ („le cœur et la veine russe“).

Приложеніе лит. А [1]) начиналось указаніемъ, что цѣль войны заключается въ укрѣпленіи на твердыхъ основаніяхъ правъ нашихъ балканскихъ соплеменниковъ православнаго исповѣданія. Если эта цѣль можетъ быть достигнута согласіемъ великихъ державъ, обусловленнымъ распространеніемъ такого укрѣпленія правъ и на другія христіанскія вѣроисповѣданія, то ничто не препятствуетъ заключенію мира. Требованіе Австріи объ очищеніи Княжествъ нами уже въ принципѣ принято, но только оно должно быть оформлено такъ, чтобы не вызвать ущерба нашему достоинству. Протекторатъ надъ Княжествами являлся для насъ въ матеріальномъ отношеніи предметомъ постоянныхъ заботъ и затрудненій и при этомъ создавалъ призракъ нашего участія въ злоупотребленіяхъ господарей. Въ нравственномъ отношеніи онъ оказывалъ, дѣйствительно, вліяніе на воображеніе христіанскихъ народностей Турціи, хотя въ сущности протекторатъ надъ испорченными и дикими (bâtardes) валахами и молдаванами менѣе важенъ, чѣмъ престижъ въ глазахъ балканскихъ народностей нашей расы. Поэтому отреченіе отъ формальнаго протектората надъ Княжествами, при условіи освобожденія ихъ отъ всякаго протектората, не представило бы особыхъ затрудненій. Если это отреченіе обусловить еще очищеніемъ Сербіи отъ турецкихъ гарнизоновъ, то нашъ престижъ среди балканскихъ славянъ не только не умалился бы, но, наоборотъ, возвысился бы въ крупныхъ размѣрахъ.

Вообще, результаты всякихъ соглашеній слѣдуетъ оцѣнивать, по мнѣнію князя Горчакова, съ практической точки зрѣнія. Исторія и географическое положеніе даютъ Россіи преимущества, которыя невозможно уменьшить никакими письменными соглашеніями. На предполагаемый миръ надлежитъ смотрѣть только, какъ на перемиріе. Будущій конфликтъ неизбѣженъ, но для него мы будемъ имѣть въ выигрышѣ время и запасъ политической мудрости, которые дадутъ намъ возможность подготовить другую почву.

---

[1]) См. Приложеніе № 161.

Государь, соглашаясь по существу со всѣми разсужденіями князя Горчакова, выразилъ, однако, въ собственноручныхъ отмѣткахъ, сдѣланныхъ на поляхъ письма, мнѣніе, что естественнымъ прекращеніемъ русскаго протектората въ Княжествахъ можетъ быть только ихъ полное освобожденіе отъ турецкаго владычества, т.-е. ихъ независимость.

Въ приложеніи лит. B [1]) князь Горчаковъ подчеркивалъ, что Австрія несомнѣнно вновь подниметъ вопросъ объ очищеніи нами Княжествъ. Она можетъ сдѣлать это въ формѣ, оставляющей открытой возможность дальнѣйшихъ переговоровъ, или въ формѣ рѣшительнаго требованія, несовмѣстимаго съ нашей военной честью. Князь Горчаковъ совѣтовалъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ не давать никакого отвѣта, но очистить Княжества, развернувъ армію у Прута. Такой образъ дѣйствій, не связывая насъ ничѣмъ въ будущемъ, поставилъ бы Австрію въ крайне затруднительное положеніе, которое заставило бы ее вскорѣ искать исхода въ мирныхъ переговорахъ уже по ея личному почину.

Парадъ союзниковъ.

Эти мысли князя Горчакова получили полное одобреніе Государя, который испещрилъ трудъ нашего посла въ Вѣнѣ собственноручными помѣтками: „fort bien“, „parfait“ и „juste“.

Эвакуація Княжествъ нашими войсками совершалась молчаливо, какъ необходимая стратегическая мѣра, безъ принятія какихъ-либо обязательствъ и безъ какого-либо дипломатическаго акта, который могъ бы свидѣтельствовать, что она происходитъ въ удовлетвореніе чьимъ-либо требованіямъ. Армія князя М. Д. Горчакова отходила на Прутъ, ни кѣмъ не преслѣдуемая и не разбитая, во всеоружіи и въ полномъ спокойствіи, имѣя цѣлью занятіе новой стратегической позиціи, которая была избрана верховнымъ ея вождемъ для отраженія возможнаго нападенія съ запада. Австрійскій кабинетъ былъ увѣдомленъ о начавшейся эвакуаціи лишь нѣсколькими словами князя Горчакова, подтверждавшими только самый фактъ очищенія нашими войсками Княжествъ.

---

[1]) См. Приложеніе № 162.

Графъ Нессельроде телеграфировалъ князю Горчакову въ Вѣну [1]), что „эвакуація должна быть разсматриваема, какъ стра-„тегическая необходимость, и ни въ какомъ случаѣ—какъ уступка „Австріи“. Нашему послу поручалось заявить вѣнскому кабинету, что выступленіе русскихъ войскъ изъ Княжествъ лишаетъ сосредоточеніе австрійскихъ силъ всякаго мотива, и если оно будетъ продолжаться, то наше правительство принуждено будетъ усматривать въ этомъ признакъ воинственныхъ стремленій и не замедлитъ съ своей стороны принять соотвѣтствующія мѣры. Князь Горчаковъ увѣдомилъ нашъ кабинетъ въ отвѣтъ на эту телеграмму [2]), что извѣстіе объ эвакуаціи Княжествъ произвело въ Вѣнѣ благопріятное впечатлѣніе, и отмѣтилъ, что рѣшеніе Государя „удесятерило силу нашего политическаго и военнаго положенія“. Но Императоръ Николай не такъ легко уже поддавался увѣреніямъ Австріи въ ея добрыхъ чувствахъ.

„Faites savoir à Gortchakoff“, помѣтилъ Государь на докладѣ графа Нессельроде, „que je n'ajoute aucune foi à la sincérité de „l'Autriche; qu'il se tient fortement en garde de surprise et suit en „tous points le programme de la note Lit. B, que j'adopte complè-„tement“ [3]).

Графъ Буоль, принявъ къ свѣдѣнію наше сообщеніе объ эвакуаціи Княжествъ и выразивъ свою радость по этому поводу, заявилъ, въ свою очередь, князю Горчакову, что Австрія намѣрена для охраненія въ нихъ порядка ввести въ Валахію двѣ бригады своихъ войскъ и желала бы освѣдомиться, насколько это соотвѣтствуетъ видамъ Императора Николая [4]). Государь повелѣлъ немедленно отвѣтить, что онъ не входитъ въ вопросъ о томъ, займутъ ли австрійскія войска Княжества послѣ нашего ухода, такъ какъ эвакуація ихъ происходитъ единственно потому, что Государь признаетъ ее своевременной, а не по какимъ-либо другимъ мотивамъ [5]). Князю Горчакову вновь рекомендовалось при этомъ неуклонно держаться началъ его записки лит. В и блюсти полную осторожность.

---

[1]) Отъ 24 іюля (5 августа) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 83.

[2]) Телеграмма кн. Горчакова канцлеру отъ 26 іюля (7 августа) 1854 г., № 58, изъ Вѣны. Тамъ же.

[3]) Всеподданнѣйшій докладъ гр. Нессельроде 27 іюля 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Доклады, 1854.

[4]) Телеграмма кн. Горчакова гр. Нессельроде 27 іюля (8 августа) 1854 г., № 59. Тамъ же, карт. Vienne, 1854.

[5]) Собственноручн. записка Императора Николая канцлеру 29 іюля 1854 г. Тамъ же.

Нашъ образъ дѣйствій вызвалъ въ вѣнскихъ политическихъ кругахъ ту тревогу, которую предвидѣлъ князь Горчаковъ и на которую указывалъ въ своей запискѣ. Генералъ Гессъ старался въ бесѣдѣ съ нашимъ военнымъ агентомъ графомъ Штакельбергомъ увѣрять, что эвакуація Княжествъ повлекла за собой пріостановку или даже отмѣну австрійскихъ вооруженій и сосредоточенія войскъ у нашихъ границъ, но въ то же время онъ предостерегалъ, что дальнѣйшія мѣропріятія въ этомъ направленіи послѣдуютъ лишь послѣ болѣе подробныхъ объясненій нашего кабинета въ письменной формѣ, а не путемъ сообщенія краткаго содержанія телеграфической депеши [1]). Графъ Штакельбергъ выражалъ съ своей стороны мнѣніе, что указанія генерала Гесса на принятыя австрійскими военными властями мѣры для пріостановки вооруженій несущественны, такъ какъ вооруженія въ дѣйствительности продолжаются. Онъ полагалъ, что намъ и впредь слѣдуетъ держаться выжидательнаго образа дѣйствій, чтобы заставить Австрію или разоряться на непосильное для нея содержаніе на военномъ положеніи крупныхъ силъ, или броситься въ войну, которая приведетъ ее къ банкротству и революціи [2]).

Несомнѣнно, что вѣнскій кабинетъ сознавалъ всю опасность двойственности своей политики, которая привела къ крайнему напряженію его отношеній къ намъ. Поведеніе, которому придерживался князь Горчаковъ въ вопросѣ объ эвакуаціи Княжествъ, ясно показывало австрійскимъ государственнымъ людямъ, что политика вѣнскаго кабинета не можетъ болѣе разсчитывать ни на какое довѣріе въ Петербургѣ.

Это сознаніе отчужденности въ связи съ заботой противодѣйствовать, во имя австрійскихъ интересовъ, росту нашего вліянія среди славянъ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ привело вѣнскій кабинетъ къ болѣе тѣсному единенію съ западными державами. Оно выразилось въ сдѣланномъ графомъ Буолемъ заявленіи французскому и англійскому правительствамъ, которое стало намъ извѣстнымъ черезъ берлинскій кабинетъ [3]). Въ этомъ заявленіи графъ Буоль излагалъ содержаніе четырехъ пунктовъ и потомъ добавлялъ: „Нижеподписавшійся уполномоченъ заявить,

---

[1]) Гр. Штакельбергъ — военному министру 28 іюля (9 августа) 1854 г., № 164. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

[2]) Гр. Штакельбергъ — военному министру 29 и 31 іюля (10 и 12 августа) 1854 г., №№ 168 и 171. Тамъ же.

[3]) Приложеніе къ депешѣ бар. Будберга канцлеру 28 іюля (9 августа) 1854 г., № 158. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1854.

„что его правительство принимаетъ къ свѣдѣнію рѣшеніе Франціи „и Англіи не входить съ Императорскимъ Россійскимъ дворомъ „ни въ какое соглашеніе, которое не заключало бы со стороны „этого двора полнаго и безусловнаго признанія вышеприведенныхъ „четырехъ пунктовъ. Вѣнскій кабинетъ обязуется также не вхо„дить въ переговоры иначе, какъ на сказанномъ основаніи, оста„вляя, впрочемъ, за собой право свободной оцѣнки условій воз„становленія мира въ томъ случаѣ, если бы Австріи самой при„шлось принять участіе въ войнѣ".

Князь Горчаковъ сообщалъ частнымъ образомъ канцлеру [1]), что, руководствуясь данными ему указаніями, онъ принужденъ призвать на помощь все свое хладнокровіе, чтобы сохранить съ австрійскими министрами корректныя отношенія. „Я рѣшилъ сдѣлаться", писалъ онъ, „только обстрактнымъ принципомъ долга. Если бы „я слушался лишь моей плоти и крови, если бы я не сдерживалъ „кипѣнія моего національнаго чувства, то мнѣ, какъ и Мейендорфу, „невозможно было бы не выражать возмущенія, которое вызы„вается каждой новой съ ними бесѣдой". На нашего посла успокоительно дѣйствовали только извѣстія о томъ, что самъ Императоръ Францъ-Іосифъ былъ убѣжденъ въ устраненіи опасности, благодаря свершившемуся очищенію нами Княжествъ. „Сердце „Императора Франца-Іосифа", писалъ князь Горчаковъ, „преиспол„нено радости".

Однако, изъ содержанія письма нашего посла было видно, что одного этого утѣшенія ему было мало. Онъ сравнивалъ свое положеніе съ положеніемъ графа Эстергази въ Петербургѣ, которому также приходилось прикрывать корректными внѣшними формами напряженность дѣйствительныхъ отношеній.

Въ началѣ августа графъ Эстергази сообщилъ графу Нессельроде депешу отъ своего правительства, въ которой графъ Буоль подчеркивалъ, что Франція и Англія только вслѣдствіе настояній вѣнскаго кабинета согласились формулировать въ четырехъ пунктахъ, о которыхъ говорилось выше, свои условія для вступленія въ мирные переговоры. Австрійское правительство горячо рекомендовало эти условія нашему зрѣлому и серьезному вниманію.

„Вы употребите всѣ усилія", писалъ графъ Буоль графу Эстергази, „чтобы подкрѣпить цѣнность доказательствъ въ пользу

---

[1]) Частное письмо отъ 30 іюля (11 августа) 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 140.

„безусловнаго принятія основаній, на которыхъ мы считаемъ еще „возможнымъ положить предѣлъ несчастіямъ войны, уже потребовавшей столько жертвъ и обѣщающей несомнѣнно принять „еще болѣе широкіе размѣры. Австрія усматриваетъ единственный „шансъ всеобщаго соглашенія въ прямомъ принятіи этихъ основаній, которыя она считаетъ условіями твердаго мира. Поэтому „петербургскій кабинетъ, принимая четыре пункта, о которыхъ „идетъ рѣчь, можетъ разсчитывать на нашу готовность обратиться „къ морскимъ державамъ съ „самыми серьезными представленіями, чтобы склонить „ихъ къ немедленному открытію переговоровъ и условиться объ одновременномъ „пріостановленіи военныхъ „дѣйствій. Еще разъ мы заклинаемъ (nous adjurons) „Императорскій Россійскій „дворъ углубиться въ неизмѣримое значеніе рѣшенія, „которое имъ будетъ принято, „а потому нѣтъ надобности рекомендовать вамъ, чтобы вы, графъ, „использовали всѣ средства для достиженія того, чтобы это рѣшеніе соотвѣтствовало интересамъ мира. Крайняя серьезность положенія можетъ дать вамъ указаніе на то нетерпѣніе, съ которымъ „мы ожидаемъ отвѣта русскаго кабинета, и я васъ приглашаю „сообщить этотъ отвѣтъ въ возможно скорѣйшемъ времени“ [1]).

Бомбардированіе Одессы.

Императоръ Николай, со вниманіемъ слѣдя за поведеніемъ австрійскаго правительства и хорошо знакомый со всѣми документами, разобранными нами выше, убѣдился во враждебномъ направленіи австрійской политики въ отношеніи русскихъ интересовъ. Государь, рѣшившись противодѣйствовать враждебному поведенію Австріи, не потерялъ, однако, окончательной надежды на возможность соглашенія трехъ монархическихъ дворовъ и противопоставленія его соглашенію западныхъ державъ. Въ этой возможности Государя убѣждала, какъ осторожная политика Пруссіи, такъ и вѣра въ личныя чувства Императора Франца-Іосифа, совмѣстно съ сообщеніями графа Штакельберга о безвыходномъ

---

[1]) Гр. Буоль — гр. Эстергази 10 августа 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Autriche, 1854.

положеніи, въ которомъ очутилась Австрія. Государь признавалъ письма Штакельберга „весьма замѣчательными“ и, видимо, руководствовался въ оцѣнкѣ политическаго положенія заключенными въ нихъ данными. О такомъ именно настроеніи Императора Николая и его убѣжденіяхъ свидѣтельствуетъ его собственноручная записка, относившаяся, какъ видно изъ ея содержанія, къ первымъ числамъ августа 1854 года [1]). Мы приводимъ ее полностью въ переводѣ на русскій языкъ.

„1) Мы объявили, что взялись за оружіе не для завоеваній, „а единственно для возстановленія установленныхъ нашими трактатами съ Турціей религіозныхъ правъ въ пользу ихъ христіанскихъ подданныхъ, которые исповѣдываютъ греческую вѣру.

„2) Австрія пожелала, ссылаясь на опасность для своихъ „пограничныхъ славянскихъ провинцій, населеніе которыхъ частью „исповѣдуетъ греческій обрядъ, видѣть въ нашихъ военныхъ опе„раціяхъ призывъ къ возстанію ея подданныхъ. Исходя изъ этого „заключенія, она противоставляла намъ сначала свои плохо зама„скированныя опасенія, а вскорѣ затѣмъ и свою враждебность, „вовсе не считаясь ни съ нашими торжественными заявленіями, „ни съ конфиденціальными увѣреніями, сдѣланными мною самому „Императору.

„3) Австрія не ограничилась этимъ. Она пожелала устано„вить, какъ условіе *sine qua non,* неприкосновенность Турціи; „она осуждала, такимъ образомъ, въ своихъ интересахъ и ви„дахъ всѣ подвластныя Турціи христіанскія народности на безко„нечное иго и присваивала себѣ право опредѣлять судьбу на„шихъ братьевъ.

„4) По мѣрѣ того, какъ мы изыскивали средства успокоить „несправедливыя опасенія Австріи, она, смѣлѣя все болѣе, всту„пила въ соглашеніе съ Франціей и Англіей съ цѣлью подтвер„дить общность ихъ намѣреній. И это случилось въ то время, „когда оба эти государства были уже въ войнѣ съ нами; сама же „Австрія считала себя въ мирѣ съ Россіей.

„5) Она, утверждая, что находится съ нами въ мирѣ, во„оружалась въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и двинула большинство „своихъ силъ не только въ тѣ свои области, откуда онѣ угро„жали флангу и тылу нашей арміи въ Княжествахъ, но и непо„средственно къ границѣ нашей Имперіи.

---

[1]) Французскій текстъ см. въ Приложеніи № 163.

„6) Не ограничиваясь сдѣланными намъ въ согласіи съ „Пруссіей предложеніями очистить Княжества, она заключила трактатъ съ Портой, находящейся въ войнѣ съ нами, и получила „отъ турокъ право занять провинціи, которыя она заставляла насъ „очистить.

„7) Когда мы сообщили Австріи объ оставленіи нами Княжествъ, то она избрала этотъ моментъ, чтобы обмѣняться съ „Франціей и Англіей нотами, устанавливающими условія, на которыхъ предполагается съ нами вести переговоры о мирѣ, хотя „она все еще утверждаетъ, что между ею и нами существуетъ „миръ.

„8) Наконецъ, когда наши войска вернулись въ свои предѣлы, то она вмѣстѣ съ турками занимаетъ Придунайскія княжества; а такъ какъ турки намѣрены двинуться на насъ, то въ „Вѣнѣ рѣшено не противиться этому, не объявляя при этомъ „намъ войны.

„Я спрашиваю, въ войнѣ или въ мирѣ мы съ Австріей, и „могутъ ли быть нами терпимы ея поступки безъ униженія въ „собственныхъ нашихъ глазахъ и въ глазахъ всего свѣта. Не „пора ли потребовать отъ Императора удовлетворенія за все, „что сдѣлано актами, не поддающимися квалификаціи?“

Далѣе Государь намѣтилъ программу возможнаго примиренія.

„Условія“, писалъ Императоръ Николай, „при которыхъ соглашеніе было бы возможно, должны заключаться въ слѣдующемъ:

„1) Немедленное отступленіе отъ нашихъ границъ всѣхъ „излишне сосредоточенныхъ тамъ войскъ, за исключеніемъ обыкновенныхъ гарнизоновъ Галиціи и Буковины.

„2) Немедленное выступленіе австрійскихъ войскъ изъ Придунайскихъ провинцій или же обязательство заставить турокъ „уйти оттуда въ кратчайшій срокъ.

„3) Возстановленіе въ этихъ областяхъ законнаго, опредѣленнаго нашими трактатами, порядка, подъ управленіемъ господарей.

„4) Признаніе всѣхъ нашихъ правъ, установленныхъ нашими „прежними договорами съ Турціей.

„5) Уничтоженіе нотъ, обмѣненныхъ съ Франціей и Англіей.

„6) Уничтоженіе договора съ Турціей.

„Полумѣсячный срокъ могъ бы удовлетворить нашимъ требованіямъ.

„Вмѣсто этого, мы обѣщаемъ допустить Австрію къ про-
„текторату надъ Княжествами на равныхъ правахъ съ нами, но
„и при возложеніи на нее равныхъ обязанностей.

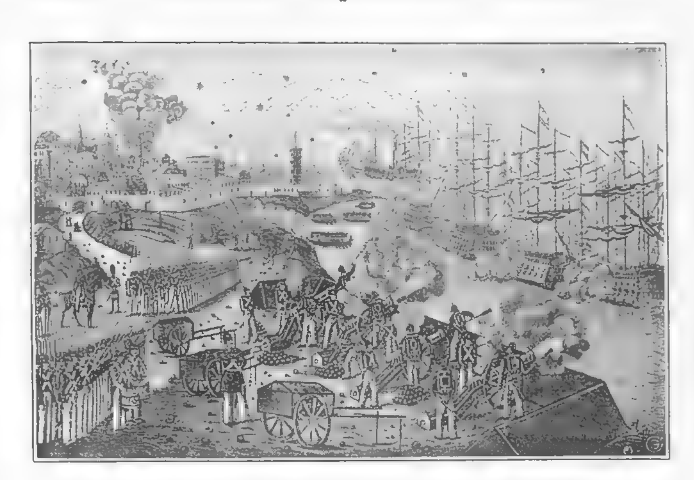
„Мы готовы вступить въ переговоры съ Пруссіей и Австріей „о будущихъ условіяхъ протектората, который надлежало бы „установить въ турецкихъ владѣніяхъ для живущихъ тамъ хри-„стіанъ, исповѣдующихъ греческій, католическій и протестантскій „обряды. Согласившись на этихъ началахъ, мы дѣйствовали бы „сообща, чтобы склонить къ ихъ признанію христіанскія державы „Европы и заставить Турцію ихъ принять... На такихъ усло-„віяхъ—забвеніе прошлаго".

Въ архивахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ по проведенію въ жизнь изложенныхъ мыслей Государя. Вѣроятно, записка осталась безъ движенія, и она можетъ лишь ярко свидѣтельствовать потомству о поведеніи Австріи въ отношеніи облагодѣтельствовавшаго ее своей продолжительной дружбой и жертвами Монарха.

Какъ замѣчено было выше, прусскій дворъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ разнообразныхъ мотивовъ и соображеній, не послѣдовалъ за Австріей по пути, ведущему къ тѣсному единенію съ западными державами. Хотя онъ заключилъ съ ней „наступа-„тельно-оборонительный" союзный договоръ, но обставилъ свое участіе въ активномъ его осуществленіи условіями, умѣряющими въ значительной степени австрійскій задоръ. Вообще прусская политика подвергалась страннымъ колебаніямъ и находилась подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій. Она находилась подъ впечатлѣніемъ традиціонной дружбы съ Россіей и христіанскихъ чувствъ Короля Фридриха-Вильгельма съ его крайне щепетильной и мучимой сомнѣніями совѣстью, подъ опасеніемъ наполеоновской Франціи, опредѣлялась стремленіемъ объединить вокругъ прусскаго центра второстепенныя германскія государства и соперничествомъ съ Австріей на федеральномъ сеймѣ. Въ Берлинѣ еще твердо не знали, какъ использовать въ интересахъ Пруссіи возникшій кризисъ, и потому держались въ предвидѣніи грядущихъ событій выжидательной политики.

Берлинскій кабинетъ признавалъ удовлетворительнымъ нашъ отвѣтъ Австріи отъ 17 іюня, въ которомъ мы присоединялись

къ тремъ положеніямъ вѣнской конференціи 9 апрѣля и заявляли о возможности очищенія нами Княжествъ. Баронъ Мантейфель сообщилъ барону Будбергу [1]), что прусскій кабинетъ опасается, какъ бы графъ Буоль не высказалъ въ своихъ депешахъ въ Парижъ и въ Лондонъ, что нашъ отвѣтъ, по мнѣнію австрійскаго кабинета, не вполнѣ удовлетворителенъ, а также, какъ бы онъ не предоставилъ самимъ западнымъ державамъ высказать о нашемъ отвѣтѣ обязательное для Австріи сужденіе. Съ своей стороны баронъ Мантейфель замѣтилъ, что Пруссія не раздѣляетъ мнѣнія графа Буоля о необходимости подвергать нашъ отвѣтъ отъ 17 іюня обсужденію на вѣнскихъ конференціяхъ. Онъ разсматривалъ его, какъ сообщеніе, имѣющее цѣлью разъяснить отношеніе между Россіей и германскими государствами, и потому совершенно чуждое въ то время для морскихъ державъ.



Подвигъ Щеголева.

Въ тотъ же день нашъ посолъ въ Берлинѣ сообщалъ [2]), что баронъ Мантейфель рѣшилъ не дѣлать болѣе никакихъ уступокъ Австріи и заявить въ Вѣнѣ о непріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ послѣдними австрійскими сообщеніями.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ въ Вѣну графа Мантейфеля съ цѣлью повліять на австрійскую политику въ смыслѣ удержанія ея въ границахъ благоразумія. Графъ Мантейфель имѣлъ порученіе непосредственно обратиться къ Императору Францу-Іосифу [3]). Баронъ Будбергъ узналъ о результатахъ миссіи отъ самого графа Мантейфеля, который убѣдился въ томъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ „смотритъ во всемъ, что „касается политическихъ дѣлъ, глазами графа Буоля“. Достигнуть

---

[1]) Бар. Будбергъ — канцлеру 3 (15) іюля 1854 г., № 135. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1854.

[2]) Шифр. депеша бар. Будберга канцлеру 3 (15) іюля 1854 г., № 136. Тамъ же.

[3]) Бар. Будбергъ — канцлеру 4 (16) іюля 1854 г., № 138. Тамъ же.

измѣненія австрійской политики, по мнѣнію графа Мантейфеля, возможно было со стороны Пруссіи лишь твердостью и непоколебимостью въ подтвержденіи своихъ заявленій, а со стороны Россіи „воздержаніемъ отъ агрессивныхъ дѣйствій, упорнымъ со„храненіемъ принятаго положенія и спокойнымъ ожиданіемъ на„паденія“ [1]. Баронъ Будбергъ сообщалъ далѣе, что министръ баронъ Мантейфель упомянулъ въ бесѣдѣ съ нимъ о присланной графомъ Буолемъ въ Берлинъ депешѣ, въ которой австрійскій министръ напоминалъ въ рѣшительныхъ словахъ объ обязательствахъ союзнаго договора 20 апрѣля. Въ отвѣтъ на это прусскій кабинетъ ограничился лишь краткимъ заявленіемъ, что, считая разъясненія Россіи удовлетворительными, онъ не находитъ причинъ для обращенія къ особой статьѣ союзнаго договора.

Пруссія старалась, слѣдуя самостоятельнымъ политическимъ путемъ, найти поддержку у второстепенныхъ германскихъ государствъ. Она преслѣдовала двойную цѣль. Съ одной стороны ей представлялся случай оттолкнуть всю Германію отъ Австріи и собрать ее вокругъ себя, съ другой же она надѣялась охладить австрійскую горячность несочувствіемъ германскихъ государствъ слишкомъ рѣшительнымъ проявленіямъ воинственности вѣнскаго кабинета.

Баронъ Будбергъ изложилъ въ депешѣ отъ 24 іюля [2]) содержаніе бесѣдъ Короля Фридриха-Вильгельма съ королями баварскимъ и виртембергскимъ, происходившихъ въ Мюнхенѣ. Оба южно-германскіе государя оказались противниками австрійской политики, такъ какъ она могла повести къ разрыву между Россіей и Австріей, тяжелыя послѣдствія котораго пришлось бы нести всему германскому союзу. Однако, оба короля были того мнѣнія, что, если бы всѣ усилія свернуть Австрію съ пути, ведущаго къ разрыву, были тщетны, то вся Германія должна стать на сторону Австріи.

Баварскій министръ фонъ-деръ-Пфордтенъ, рѣшительнымъ образомъ осуждая „постыдную политику Австріи“, тѣмъ не менѣе заявилъ представителю прусскаго правительства при обще германскомъ сеймѣ, что союзъ между германскими государствами и Россіей является „полной невозможностью“. Нѣсколько болѣе колебался въ этомъ отношеніи саксонскій первый министръ ба-

---

[1]) Бар. Будбергъ — канцлеру 14 (26) іюля 1854 г., № 147. Тамъ же.
[2]) 3 августа н. ст. 1854 г., № 155. Тамъ же.

ронъ Бейстъ, который даже пріѣзжалъ въ Берлинъ справляться, насколько Пруссія расположена стать во главѣ второстепенныхъ государствъ для противодѣйствія австрійской политикѣ [1]). Но во всякомъ случаѣ мы не могли разсчитывать на серьезную поддержку второстепенныхъ германскихъ государствъ, которыя, по мнѣнію барона Будберга, были, во-первыхъ, связаны съ Австріей традиціонными узами политической общности и, во-вторыхъ, въ высшей степени опасались, чтобы не поднялась, въ случаѣ пораженія Австріи, революціонная война, и не повторились событія 1848 года.

Взглядъ барона Будберга оказался совершенно правильнымъ. Баварское правительство очень разсчитывало на свиданіе королей въ Мюнхенѣ въ томъ отношеніи, что оно станетъ „отправной „точкой болѣе тѣснаго сближенія дворовъ, вступившихъ въ со„глашеніе въ Бамбергѣ, съ берлинскимъ кабинетомъ" [2]). Но произошло нѣчто совершенно обратное. Обмѣнъ мыслей съ южногерманскими государями такъ подѣйствовалъ на Короля Фридриха-Вильгельма, что баронъ Будбергъ считалъ его гораздо болѣе сильнымъ сторонникомъ Австріи, чѣмъ его совѣтниковъ. Нашимъ посломъ особенно подчеркивалась роль Бисмарка, „вліяніе кото„раго въ германскихъ дѣлахъ было, если не рѣшающее, то во „всякомъ случаѣ очень большое". Бисмаркъ боролся противъ мнѣнія о солидарности интересовъ Германіи съ австрійскими „со всей „энергіей, вдохновляемой его ультро-прусскими убѣжденіями, не „всегда лишенными хотя и безсознательнаго прусскаго често„любія".

Баронъ Будбергъ выражалъ надежду, что въ ближайшемъ будущемъ, когда нашъ отвѣтъ на австрійскій запросъ будетъ сообщенъ сейму, Пруссія, признавая его удовлетворительнымъ, укрѣпитъ при сочувствіи другихъ германскихъ государствъ свое положеніе и станетъ болѣе самостоятельна въ своей политикѣ.

Но надежда эта не оправдалась, и призывы нашего посла къ большей политической самостоятельности не находили отклика у прусскихъ государственныхъ людей. Его приглашеніе, обращенное къ барону Мантейфелю о томъ, чтобы Пруссія заявила письменно, что она считаетъ себя свободной отъ обязательства

---

[1]) Бар. Будбергъ — канцлеру 21 іюля (2 августа) 1854 г., № 142. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1854.

[2]) Северинъ — канцлеру 13 (25) іюля 1854 г., № 45. Тамъ же, карт. Munich, 1854.

защищать, согласно договора 20 апрѣля, австрійскую территорію, было отклонено прусскимъ министромъ [1]).

Императоръ Николай отправилъ для болѣе полнаго выясненія взглядовъ и намѣреній прусскаго Короля въ Потбусъ, гдѣ находился въ августѣ дворъ, графа Бенкендорфа. Это особенно было необходимо въ виду начавшейся мобилизаціи прусской арміи и вооруженія Балтійскаго побережья.

Письмо гр. Бенкендорфа военному министру отъ 23 августа (4 сентября) [2]) содержитъ рядъ цѣнныхъ указаній на вліянія и настроенія, которыя господствовали при берлинскомъ дворѣ.

Нашъ военный представитель былъ самымъ сердечнымъ образомъ встрѣченъ полковникомъ графомъ Мантейфелемъ, генераломъ Герляхомъ и Бисмаркомъ, послѣ свиданія съ которыми немедленно состоялся и пріемъ у Короля. „Король", писалъ графъ Бенкендорфъ, „принялъ меня, если осмѣлюсь такъ выразиться, съ нѣж„ностью, задержалъ болѣе часа въ своемъ кабинетѣ, спрашивалъ „о Петербургѣ и выслушалъ все, что я получилъ приказаніе пе„редать ему отъ имени нашего Августѣйшаго Повелителя. Король, „какъ бы отстранялся отъ всего, что я имѣлъ честь ему пред„ставлять, и все возвращался къ своимъ сердечнымъ и искрен„нимъ чувствамъ къ Императору. Онъ позже сказалъ мнѣ: — Со „времени вашего отъѣзда, мое положеніе становилось изо дня „въ день все болѣе труднымъ. Вы не повѣрите всей горечи, „которую я испытываю изъ-за Англіи. Еще на дняхъ лордъ Кла„рендонъ въ обидныхъ словахъ жаловался графу Бернсдорфу на „то, что сообщенія нашего кабинета вашему излагаются въ дру„жественномъ тонѣ.—Въ Австріи все ухудшилось: графъ Буоль и „Бахъ все держатъ въ рукахъ. Всѣ высшіе чины арміи и военная „свита Императора за васъ, но они не смѣютъ высказываться, „потому что Императоръ говоритъ о дѣлахъ лишь съ министрами. „Я долженъ, однако, отдать ему справедливость, такъ какъ онъ „увѣряетъ меня, что его штыки никогда не перейдутъ вашу „границу.... Графъ Альвенслебенъ сообщаетъ мнѣ въ послѣднихъ „донесеніяхъ, что, можетъ быть, приближается поворотъ во взгля„дахъ Императора, хотя на это не слѣдуетъ особенно разсчитывать".

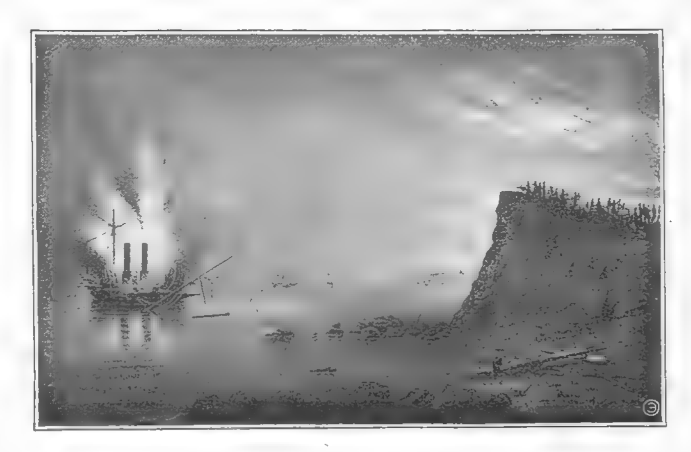
Король, ознакомившись съ привезенными графомъ Бенкендорфомъ документами, сообщилъ ему на слѣдующій день, что

---

[1]) Бар. Будбергъ—канцлеру 24 іюля (5 августа) 1854 г., № 154. Тамъ же, карт. Berlin, 1854.
[2]) См. Приложеніе № 164.

онъ намѣренъ переслать въ Вѣну письмо, написанное ему Государемъ. Оно несомнѣнно должно произвести смятеніе среди совѣтниковъ Императора Франца-Іосифа и окажетъ, быть можетъ, желаемое вліяніе. Далѣе Король замѣтилъ, что австрійскому Императору лишь 24 года, и дѣло старшихъ возрастомъ государей открыть ему глаза на то, какъ плохо его совѣтники служатъ интересамъ его страны.

Графъ Бенкендорфъ велъ въ Потбусѣ продолжительныя бесѣды съ генераломъ Герляхомъ и съ полковникомъ графомъ Мантейфелемъ. Они замѣтили, что прусская политика не можетъ держаться почвы, на которую стала политика нашего кабинета, такъ какъ разрывъ съ западными державами безъ крайней для этого необходимости очень опасенъ для Пруссіи. Франція не готова къ войнѣ на Рейнѣ, но Англія можетъ однимъ ударомъ уничтожить морскую торговлю Пруссіи. Разрывъ съ Австріей былъ бы еще опаснѣе, такъ какъ Король убѣдился изъ бесѣдъ съ южно-германскими государями, что они станутъ на сторонѣ Австріи. Онъ считаетъ себя единственнымъ во всей Германіи союзникомъ Россіи. Только поэтому Пруссія обратилась къ нашему кабинету съ нотой, въ которой приглашаетъ принять съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ четыре пункта, предложенные Франціей, и только потому она продолжаетъ держаться трактата 20 апрѣля, который является средствомъ удерживать Австрію отъ рискованныхъ шаговъ. Значеніе, придаваемое Пруссіей этому договору, видно изъ переписки между берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами, которая будетъ предъявлена барону Будбергу. Король считаетъ себя нравственно связаннымъ съ Россіей, и Пруссія своимъ поведеніемъ достигла фактическаго упраздненія вѣнской конференціи четырехъ державъ.



Пожаръ англійскаго парохода Тигръ.

Конечно, это обстоятельство имѣло серьезную цѣнность, но оно само по себѣ нисколько не предрѣшало вопроса о нашихъ

дальнѣйшихъ отношеніяхъ съ Австріей и о той роли, которую въ наступающихъ событіяхъ придется играть Германскому Союзу. Пруссія мало-по-малу должна была склоняться, если не къ внѣшнимъ формамъ австрійской политики, то къ ея сущности, такъ какъ въ противномъ случаѣ она рисковала потерять вліяніе въ Германіи. Франкфуртскій сеймъ долженъ былъ столкнуться съ вопросомъ о четырехъ пунктахъ и высказаться съ достаточной о нихъ опредѣленностью. Такъ оно и случилось, и общегерманскому сейму былъ предложенъ слѣдующій проектъ резолюціи [1]):

1) Германская федерація признаетъ четыре пункта, какъ воплощающіе въ себѣ основаніе для возстановленія твердаго мира и законнаго порядка въ Европѣ; для германскихъ интересовъ особенно важное значеніе имѣли первый и второй пункты, которыхъ федерація и будетъ придерживаться. 2) Поэтому усилія для примиренія воюющихъ сторонъ должны продолжаться, исходя изъ сказаннаго основанія. 3) Всякое нападеніе на Австрію, на ея территорію или на ея войска въ Придунайскихъ княжествахъ влечетъ для всей Германіи обязательство поддержать ее всѣми средствами.

Дальнѣйшими двумя пунктами резолюціи поручалось военной комиссіи и политическому комитету сейма выработать и принять надлежащія мѣры въ связи съ вышеприведенными его постановленіями.

Приходится, такимъ образомъ, признать справедливость словъ Друэнъ-де-Люиса въ отношеніи роли германскихъ государствъ въ политическихъ комбинаціяхъ, вызванныхъ обостреніемъ Восточнаго вопроса.

„Извѣстно“, писалъ французскій министръ [2]), „каково было „значеніе нейтральныхъ государствъ въ переговорахъ, относив-„шихся къ Восточной войнѣ; какъ одобреніе большей части этихъ „государствъ и присоединеніе къ намъ нѣкоторыхъ помогли „Франціи и Англіи утвердить преобладаніе, окончательно увѣн-„чавшееся успѣхомъ ихъ оружія. Въ особенности германскіе дворы „сильно повліяли своими рѣшеніями на ходъ событій“.

Четыре пункта объединили чуть ли не всю Европу.

---

[1]) Сообщеніе берлинскаго кабинета. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Prusse, 1854.
[2]) „Les neutres pendant la guerre d'Orient“ par Droyn de Lhuys. Paris, 1868, p. 11.

Глава XVI.

I.

Ко времени вступленія князя Варшавскаго въ командованіе Дунайской арміей въ число нашихъ враговъ открыто стали двѣ западныя державы—Англія и Франція, и авангарды ихъ войскъ вступили уже на территорію Балканскаго полуострова. Этотъ фактъ для насъ не былъ неожиданностью, и уже послѣ Синопскаго боя, а въ особенности послѣ входа эскадръ западныхъ державъ въ Черное море для защиты турецкаго флага, не могло быть сомнѣній въ приближающемся открытомъ разрывѣ съ англо-французами. Такая данная была, какъ извѣстно, введена и въ предположеніе Императора Николая о характерѣ веденія кампаніи 1854 года.

Объ истинныхъ намѣреніяхъ новыхъ союзниковъ султана и мечтахъ, которыя ими руководили въ то время, когда Парижъ и Лондонъ мастерской рукой подготовляли выгодную для себя политическую обстановку и сумѣли почти всю Европу сдѣлать враждебной Россіи, сказать чего-либо точно опредѣленнаго нельзя, такъ какъ солидные иностранные источники о нихъ умалчиваютъ, а тайники дипломатическихъ архивовъ этихъ государствъ остались для насъ закрытыми. Если холодные и разсудительные англичане и руководствовались, можетъ быть, болѣе практическими цѣлями сохранить неприкосновенность Турціи и ослабить наше могущество на Черномъ морѣ, то трудно предположить то же объ увлекавшемся и мечтательномъ руководителѣ политики парижскаго кабинета, который и по своему характеру и по всей обстановкѣ воцаренія долженъ былъ имѣть какіе-либо скрытые планы, вовлекая Европу въ большую и рискованную войну.

О предположеніяхъ Людовика-Наполеона можно хоть отчасти судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя стекались въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ отъ политическихъ агентовъ. Свѣдѣнія эти, представлявшія иногда личные взгляды, иногда же добытыя черезъ третьи руки, хотя и не могутъ считаться вполнѣ точными, но все-таки имъ нельзя отказать въ большой долѣ вѣроятности.

Первымъ затронулъ вопросъ о предположеніяхъ англо-французовъ нашъ посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, въ своей обширной запискѣ о современномъ состояніи дѣлъ на востокѣ въ январѣ 1854 года [1]).

Враждебность Англіи авторъ записки объясняетъ плохой работой ея агентовъ въ Турціи и въ Россіи. Въ то время, какъ первые преувеличивали военную мощь Оттоманской Имперіи, вторые рисовали военныя приготовленія на югѣ Россіи, какъ направленныя къ полному поглощенію Турціи. Вѣра въ военную мощь турокъ была такъ велика, что Ольтеницкое сраженіе вызвало въ лондонскомъ кабинетѣ ожиданіе, что черезъ двѣ недѣли князь Горчаковъ вынужденъ будетъ очистить Валахію и сосредоточиться за Серетомъ. Въ газетахъ сообщалось о входѣ турецкихъ войскъ въ Бухарестъ и въ Тифлисъ, но вскорѣ, вмѣсто этихъ ложныхъ слуховъ, лондонское общество было потрясено достовѣрнымъ извѣстіемъ о Синопскомъ погромѣ. Такой неожиданный оборотъ дѣлъ, какъ громомъ, поразилъ лондонскій кабинетъ, и реакція была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ожиданіе турецкихъ успѣховъ было больше. Уязвленное самолюбіе министровъ королевы Викторіи заставило ихъ согласиться на предложеніе Людодовика-Наполеона совмѣстно принять первыя открыто враждебныя противъ насъ мѣры ввода соединенныхъ эскадръ въ Черное море.

Свершившійся фактъ вызвалъ у барона Бруннова желаніе предсказать, что должно насъ ожидать въ будущемъ.

Со свойственнымъ ему пренебреженіемъ къ англійскимъ министрамъ баронъ увѣрялъ, что лондонскій кабинетъ не знаетъ ни того, чего онъ хочетъ, ни того, что онъ можетъ. („Certe“, помѣтилъ въ этомъ мѣстѣ Императоръ Николай.) Предполагая спасти существованіе Турціи, англичане согласились, по мнѣнію

---

[1]) Aperçu de la situation des affaires d'Orient au mois de janvier 1854. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1238. См. Приложеніе № 101.

Бруннова, на средство, которое должно было неминуемо повести къ паденію Оттоманской Имперіи. Они рѣшили поддерживать Турцію исключительно морскими силами, забывая, что съ суши она остается открытой для ударовъ Россіи; но болѣе широкій въ глазахъ Бруннова умъ Наполеона предвидѣлъ, что дѣла на востокѣ дойдутъ до такого кризиса, когда придется морскія силы поддержать сухопутной арміей.

Первыя попытки Императора французовъ внушить этотъ взглядъ въ Лондонѣ потерпѣли неудачу, и англичане выразили мало желанія видѣть французскую армію высадившейся въ Константинополѣ. Но дальнѣйшія событія постепенно убѣдили лондонскій кабинетъ въ необходимости подкрѣпить морскія силы сухопутной арміей, и предложеніе Людовика-Наполеона уже встрѣтило больше сочувствія. „Je regarde donc „comme certains“, восклицаетъ по этому поводу Брунновъ, „que sans l'avoir „deviné, sans l'avoir voulu le „gouvernement de Sa Majesté Britannique prépare à Louis-Napoléon „le triomphe de conduire une armée française à Constantinople“.

Портретъ князя Варшавскаго.

Первоначальная сила экспедиціоннаго корпуса опредѣлялась въ 20 тысячъ, но нашъ посолъ полагалъ, что столь незначительная величина была умышленно назначена Наполеономъ, чтобы не обезпокоить Лондонъ очень воинственными предположеніями. По мнѣнію англійскихъ генераловъ, потребуется, по крайней мѣрѣ, 70 тысячъ, чтобы предпринять экспедицію, имѣвшую цѣлью защитить Константинополь отъ атаки съ суши. Съ такими силами предполагалось возможнымъ ограничиться защитой линіи балканскихъ проходовъ отъ атаки превосходнаго противника и оставить

одинъ корпусъ въ резервѣ въ Румеліи для прикрытія столицы. Эскадра должна была находиться въ Бургасѣ и облегчать сообщеніе арміи съ Константинополемъ.

Далѣе Брунновъ продолжалъ отстаивать свой взглядъ на то, что Англія имѣла единственной цѣлью защитить неприкосновенность Турціи, такъ какъ она искренно вѣрила въ опасность, которая грозила этой державѣ. Что же касается до Наполеона, то онъ прикрывался лишь этой идеей, желая нарушить миръ Европы, перекроить ея карту и, какъ результатъ всего, возвеличить Францію.

Главную задачу союзныхъ эскадръ въ Черномъ морѣ нашъ посолъ полагалъ въ прекращеніи морского подвоза къ Дунайской и Кавказской арміямъ при наступленіи ихъ внутрь страны. Далѣе этихъ предположеній союзники, по мнѣнію Бруннова, пока не шли. Но въ томъ случаѣ, если война разрастется, надо было ожидать съ ихъ стороны прежде всего атаки на Анапу и Сухумъ-Кале, такъ какъ здѣсь они разсчитывали достигнуть наиболѣе легкаго успѣха и въ то же время предполагали получить наибольшія результаты въ надеждѣ уничтожить нашъ Кавказскій корпусъ, отрѣзавъ ему сообщеніе съ моремъ. Дальнѣйшая цѣль союзниковъ состояла въ уничтоженіи на Черномъ морѣ нашихъ морскихъ сооруженій и помощь кавказскимъ горцамъ.

Что касается до предполагаемыхъ союзниками дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ, то баронъ Брунновъ этого вопроса не касался, а только предупреждалъ, что для отправленія туда готовится большая соединенная эскадра преимущественно паровыхъ судовъ.

Почти одновременно Киселевъ сообщалъ изъ Парижа [1]), что пресса достаточно подготовила общественное мнѣніе страны къ неизбѣжности войны, и правительство приступило къ формированію экспедиціоннаго корпуса.

Послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній съ Россіей центръ тяжести переговоровъ о предстоящемъ планѣ кампаніи былъ перенесенъ въ Парижъ, гдѣ надъ разработкой его особенно трудились самъ Императоръ и маршалы С.-Арно и Вальянъ. Уже приготовленныя соображенія обсуждались на общемъ совѣтѣ съ прибывающими для этой цѣли въ Парижъ англійскими генералами во главѣ съ будущимъ главнокомандующимъ лордомъ Рагланомъ.

---

[1]) Шифр. депеша 29 декабря (10 января) 1853—54 г., № 166. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1854.

Среди французскихъ генераловъ замѣчалось два теченія въ смыслѣ направленія военныхъ операцій. Во главѣ одного теченія стоялъ маршалъ С.-Арно, а во главѣ другого маршалъ Вальянъ и скрытно за нимъ Императоръ Наполеонъ. Насколько можно судить, мысли С.-Арно заключались въ сосредоточеніи сильнаго, примѣрно, въ 80-100 тысячъ человѣкъ, экспедиціоннаго корпуса на Балканскомъ полуостровѣ, въ высадкѣ его въ Кюстенджи и въ наступленіи оттуда, совмѣстно съ арміей Омера-паши, на Дунай, въ переправѣ черезъ эту рѣку у Браилова и внесеніи войны въ наши южные предѣлы. Въ то же время союзныя эскадры должны были разрушать наши прибрежные на Черномъ морѣ города и крѣпости. Тѣмъ временемъ предполагалось сформировать особую армію для дѣйствія въ Финляндіи и, какъ цѣль всей кампаніи, ставилось возвращеніе всей Финляндіи Швеціи, а Кавказа Турціи, чтобы этимъ ослабить Россію и уменьшить ея вліяніе на Европу.

Однако, на военномъ совѣтѣ 16 (28) февраля, на которомъ присутствовали принцъ Наполеонъ, лордъ Рагланъ, маршалы С.-Арно, Маньянъ и Вальянъ, морской министръ, генералы Канроберъ, Форэ, Мартинпрэ, Марюлазъ, директора департаментовъ военнаго министерства и высшіе чины генеральнаго штаба, планъ С.-Арно былъ отвергнутъ и восторжествовалъ планъ маршала Вальяна, одобренный Императоромъ.

Согласно этому послѣднему, война должна была вестись одновременно на сѣверѣ и на югѣ Россіи. Первыя двѣ дивизіи экспедиціоннаго корпуса предполагалось высадить въ Перекопѣ, чтобы совершенно отрѣзать Крымскій полуостровъ; одновременно съ этимъ главная масса англо-французскаго флота должна была атаковать Севастополь. Пунктами дальнѣйшихъ высадокъ намѣчались Анапа и Поти на азіатскомъ берегу и Варна на европейскомъ. Въ Варнѣ оставался резервъ перваго экспедиціоннаго корпуса, а въ Адріанополѣ сосредоточивался для прикрытія столицы второй корпусъ.

Въ Балтійскомъ морѣ кампанію предполагалось начать операціями противъ Выборга, занявъ предварительно острова Эзель, Даго и Аландъ.

Несмотря на справедливыя возраженія С.-Арно, этотъ планъ былъ вполнѣ одобренъ лордомъ Рагланомъ, который заявилъ, что онъ готовъ его исполнить, „когда настанетъ время“.

Если бы въ Парижѣ успѣшно пошелъ наборъ легіона польскихъ выходцевъ, то предполагали высадить его на берегахъ

Курляндіи, чтобы поднять возстаніе въ Литвѣ и распространить его до Польши; другой такой же легіонъ долженъ былъ сопутствовать союзную армію на Дунаѣ и, въ случаѣ ея удачи тамъ, вступить въ Подолію и Волынь для распространенія возстанія съ этой стороны [1]).

Тѣмъ временемъ баронъ Брунновъ, переѣхавшій изъ Лондона въ Брюссель, продолжалъ дѣлиться съ канцлеромъ своими мыслями о возможныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Продолжительное пребываніе въ Лондонѣ, обширныя тамъ знакомства, знаніе характера англичанъ и, наконецъ, то условіе, что вопросы о веденіи войны выходили изъ сферы дѣятельности дипломата, дѣятельности, направленной подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, придаютъ мыслямъ барона Бруннова характеръ весьма интересный и поучительный.

Свою обширную записку отъ 19 (31) марта [2]) онъ почти исключительно посвящаетъ разбору предполагаемыхъ дѣйствій англичанъ.

Упомянувъ о томъ, что Пальмерстонъ непремѣнно постарается возмутить Польшу и Литву, Брунновъ напоминалъ значеніе Варшавы, приводя фразу, сказанную ему герцогомъ Велингтономъ въ 1848 году, когда революція въ 15 дней поколебала троны Вѣны и Берлина: „Mandez à votre gouvernement que Varsovie est „la clef du système monarchique en Europe. Si vous tenez bon sur „la Vistule, vous sauvez l'ordre social. Si cette position est ébranlée, „tout le reste croule“. Авторъ записки былъ увѣренъ, что англичане постараются использовать такое значеніе Варшавы, и въ снаряженіи балтійской эскадры онъ, между прочимъ, видѣлъ цѣль содѣйствовать возстанію Польши и Литвы.

Баронъ Брунновъ ожидалъ, что всѣ дѣйствія англичанъ будутъ разсчитаны на пріобрѣтеніе хоть маленькаго, но скораго и вѣрнаго успѣха, избѣгая всякихъ рискованныхъ шаговъ; поэтому онъ не вѣрилъ въ распространившійся слухъ о томъ, что кампанія начнется ударомъ на Кронштадтъ. Первымъ объектомъ дѣй-

---

[1]) Донесеніе нашего консула изъ Парижа. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1854 и Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60, и 1854 г., секр. д. № 14.

Депеша бар. Будберга канцлеру 8 (20) февраля 1854 г., № 27, изъ Берлина. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Berlin, 1854.

То же бар. Унгеръ-Штернберга изъ Копенгагена 6 (18) февраля 1854 г. Тамъ же, карт. Copenhague, 1854.

То же Шредера изъ Дрездена 8 (20) марта 1854 г., № 6. Тамъ же, карт. Dresde, 1854.

[2]) Меморандумъ, прилож. къ депешѣ Бруннова канцлеру изъ Брюсселя 19 (31) марта 1854 г., № 38. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Londres, 1854.

См. Приложеніе № 165.

ствій нашъ посолъ считалъ Аландъ, укрѣпленія котораго всегда такъ волновали англичанъ; да и вообще онъ высказывалъ то мнѣніе, что эта нація предпочитаетъ дѣйствовать противъ острововъ, которые легче атаковать, и удержать которые въ своихъ рукахъ не представляло никакого труда.

Обращаясь къ дѣйствіямъ въ Черномъ морѣ, Брунновъ останавливался на личности главнокомандующаго англійской арміей

Портретъ князя Варшавскаго.

лорда Раглана, съ которымъ его связывало давнишнее знакомство. Англійскій генералъ ему представлялся человѣкомъ, одареннымъ храбростью, но еще въ большей мѣрѣ осторожностью, которая въ его дѣятельности должна играть значительную роль еще и потому, что онъ впервые становился во главѣ арміи. Онъ, не способный разбрасывать свои войска, будетъ пользоваться ошибками противника, но только въ томъ случаѣ, когда въ состояніи будетъ дѣйствовать безъ риска.

Рагланъ начнетъ операціи съ прочнаго обезпеченія своихъ сообщеній съ эскадрой и будетъ разсчитывать лишь на средства, приходящія изъ Англіи. Потомъ онъ организуетъ и дисциплинируетъ турецкія войска и, ознакомившись съ мѣстностью, составитъ свой планъ дѣйствій, строго сообразованный съ имѣющимися въ его рукахъ силами. Сердечно заботливый о людяхъ и даже лошадяхъ, Рагланъ ничего не будетъ дѣлать случайно, а все методично, мало-по-малу, но съ полной увѣренностью въ успѣхѣ.

Англійскій главнокомандующій придавалъ большое значеніе артиллеріи, но главной силой арміи считалъ пѣхоту, въ вооруженіи которой признавалъ преимущество карабиновъ, усовершенствованныхъ по системѣ Минье, при чемъ онъ „сумѣетъ заставить войска, лишенныя этого оружія, признать его превосходство". Такимъ намекомъ кончалъ свое повѣствованіе баронъ Брунновъ.

Въ общемъ нашъ посолъ полагалъ, что характеръ инструкціи лорду Раглану выразится въ выполненіи имъ слѣдующихъ задачъ:

1) стать твердой ногой въ Турціи, чтобы не дать возможности французамъ однимъ оказаться хозяевами положенія;

2) рѣшить вопросъ о защитѣ Константинополя;

3) сдѣлать недоступнымъ линію Балканъ;

4) оспаривать у русской арміи мѣстность между правымъ берегомъ Дуная и Балканами;

5) постараться вытѣснить нашу армію изъ Валахіи, а, если можно, то и изъ Молдавіи, и

6) очистить Дунай, завладѣвъ устьемъ этой рѣки.

Баронъ Брунновъ считалъ также вполнѣ вѣроятнымъ, что въ инструкціи лорда Раглана входили дѣйствія на восточномъ берегу Чернаго моря и въ особенности противъ Севастополя, береговыя укрѣпленія котораго англичане считали настолько сильными, что допускали возможность атаки этой крѣпости лишь соединенными силами арміи и флота.

Возвращаясь вновь къ личности англійскаго главнокомандующаго, баронъ Брунновъ считалъ Раглана способнымъ поддержать добрыя отношенія между двумя союзными арміями, но былъ увѣренъ, что его взгляды возьмутъ верхъ въ направленіи дѣйствій союзниковъ, и онъ придастъ военнымъ операціямъ болѣе осмысленности, чѣмъ быстроты, и болѣе планомѣрности въ ущербъ случайности.

Такой характеръ лорда Раглана дѣлаетъ понятнымъ, почему онъ иносказательно согласился исполнить вышеприведенный планъ маршала Вальяна лишь тогда, „когда настанетъ для этого время".

Между тѣмъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ союзниковъ атаковать Севастополь доходили до насъ и изъ Парижа [1]). Дѣйствительно, уже въ мартѣ французскимъ правительствомъ собирались данныя о наиболѣе удобныхъ пунктахъ для высадки десанта въ окрестностяхъ Севастополя, и среди таковыхъ указывался именно берегъ между Евпаторіей и мысомъ Лукуллъ, у стараго укрѣпленія, гдѣ впослѣдствіи и былъ произведенъ десантъ союзниковъ [2]).

Однако, грандіознымъ планамъ правительствъ западныхъ державъ не пришлось осуществиться въ большей ихъ части. Разочарованія начались еще въ то время, когда планы эти хранились въ портфеляхъ дѣйствующихъ лицъ. Первый ударъ былъ нанесенъ неожиданной переправой нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Извѣстіе это въ Парижѣ было получено приблизительно въ то время, когда происходило свиданіе герцога Кэмбриджскаго и лорда Раглана съ Людовикомъ-Наполеономъ, и когда, къ огорченію многихъ англичанъ, ближайшій родственникъ королевы и лишившійся правой руки въ битвѣ подъ Ватерло лордъ Рагланъ находились въ свитѣ племянника Наполеона I на парадѣ его войскамъ [3]).

13 апрѣля новаго стиля въ Парижѣ былъ собранъ въ присутствіи англійскихъ гостей военный совѣтъ, чтобы измѣнить планъ дѣйствій въ зависимости отъ новой данной — перехода русской арміи черезъ Дунай.

На совѣтѣ выяснилось, что силы экспедиціоннаго корпуса на востокѣ могутъ лишь къ концу апрѣля достигнуть цифры 100 тысячъ, а между тѣмъ, по слухамъ, арміи Паскевича приказано было возможно энергично наступать впередъ и форсировать проходы черезъ Балканы. Въ Парижѣ и въ Константинополѣ считали возможнымъ, что мы, сбивъ 60 тысячную турецкую армію, будемъ въ первыхъ числахъ апрѣля въ Адріанополѣ [4]).

При такихъ условіяхъ С.-Арно и лордъ Рагланъ признали невозможнымъ итти навстрѣчу русскимъ войскамъ, не имѣя въ рукахъ по крайней мѣрѣ 50 тысячъ человѣкъ.

Планъ кампаніи на югѣ, благодаря этому, подвергся коренному измѣненію. Большую часть экспедиціоннаго корпуса рѣшено

---

[1]) Донесеніе нашего консула въ Парижѣ отъ 25 марта (6 апрѣля) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 14.

[2]) Донесеніе начальника Средиземн. эск. марш. С.-Арно 10 апрѣля 1854 г. Парижъ, Военный архивъ.

[3]) Kinglake, t. II, p. 157.

[4]) Lettres du maréchal Bosquet, 1830—1838, p. 310.

было высадить у Константинополя и оттуда уже сухимъ путемъ наступать къ Балканамъ; отправка сухопутныхъ войскъ на восточный берегъ Чернаго моря была отмѣнена, а Омеру-пашѣ указывалось сосредоточивать свою армію за Ломомъ и Праводами, удерживая во что бы то ни стало эту линію [1]).

Съ такими инструкціями, какъ можно полагать, союзные главнокомандующіе отбыли на театръ военныхъ дѣйствій. Но здѣсь ихъ ожидало новое разочарованіе въ полной неподготовленности, въ особенности Франціи, къ веденію большой войны.

Является непонятнымъ, какъ можно совмѣстить тѣ грандіозные планы о предстоявшей кампаніи, которыми, по нашему убѣжденію, безусловно была полна мечтательная голова Людовика-Наполеона, съ полной неготовностью къ веденію войны, а также тѣ факты, что, по донесеніямъ дипломатическихъ агентовъ и по газетнымъ статьямъ, во Франціи кипѣла работа по выставленію въ поле чуть ли не 600 тысячной арміи, а въ дѣйствительности оказалось, какъ увидимъ ниже, что маршалъ С.-Арно и лордъ Рагланъ должны были примириться съ ожидаемымъ паденіемъ Силистріи, не имѣя силъ помочь туркамъ противодѣйствовать прорыву центра ихъ расположенія?

Но, если мы сопоставимъ эту первую страницу царствованія третьяго императора французовъ съ послѣдней страницей—франко-прусской войной, то не удивимся такому противорѣчію, такъ какъ оно исходило изъ характера самого Людовика-Наполеона и его правленія.

Французскіе историки Крымской кампаніи выражаютъ въ одинъ голосъ удивленіе такой безпечности. „Война угрожала „уже въ теченіе цѣлаго года“, пишетъ по этому поводу позднѣйшій историкъ второй имперіи [2]); „послѣ Синопа она стала „почти неизбѣжной. Такое долгое ожиданіе, казалось, давало „возможность сообразить и подготовить во всѣхъ мелочахъ ожи„даемую экспедицію, и можно было предполагать, что военныя „дѣйствія начнутся тотчасъ же вслѣдъ за разрывомъ. Но въ дѣй„ствительности этого не случилось. Насколько дипломатическіе „переговоры были ясны, опредѣленны и соразмѣрны съ возраставшимъ значеніемъ конфликта, настолько военныя дѣйствія были „съ самаго начала нерѣшительны и неопредѣленны“.

---

[1]) Донесеніе нашего консула въ Парижѣ отъ 15 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 14.

[2]) De la Gorce, t. I, p. 220.

Свое удивленіе объ отсутствіи какой-либо подготовки къ войнѣ, столь желательной и столь необходимой для Наполеона III въ видахъ укрѣпленія на престолѣ своей династіи, выражалъ и генералъ Боске въ письмахъ къ товарищу [1]).

Во Франціи первыя распоряженія о сформированіи экспедиціоннаго корпуса были сдѣланы 11 марта н. ст., при чемъ главнокомандующимъ былъ назначенъ военный министръ маршалъ С.-Арно. Первоначальный составъ корпуса опредѣлялся въ 12 пѣхотныхъ полковъ двухъ баталіоннаго состава, каждый баталіонъ силою въ 1100 человѣкъ, 3 баталіона егерей, силою каждый въ 900 человѣкъ, 2 полка кавалеріи, 12 батарей, 1 понтонную и 4 саперныя роты. Части эти соединялись въ 2 пѣхотныя дивизіи,

Битва у Мадловиты.

1 кавалерійскую бригаду и резервный корпусъ, при чемъ общая численность ихъ доходила на бумагѣ до 30 тысячъ человѣкъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней послѣ приказа о сформированіи экспедиціоннаго корпуса признали необходимымъ его увеличить, а по полученіи извѣстія о переходѣ Горчаковымъ Дуная было рѣшено образовать Восточную армію, силою свыше 50 тысячъ человѣкъ въ составѣ 5 пѣхотныхъ и 1 кавалерійской дивизій [2]). Все это пока было сдѣлано только на бумагѣ, и сформированная армія могла сосредоточиться въ полномъ составѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія кампаніи.

Необходимость быстраго отправленія войскъ и желаніе произвести возможно сильное первое впечатлѣніе какъ на союзниковъ,

---

[1]) Lettres du maréchal Bosquet, 1830—1858, p. 298, 302.

[2]) Первоначально предполагалось отправить на востокъ армію изъ двухъ дивизій — Канробера и Боске и незначительнаго резерва принца Наполеона. Каждая дивизія должна была имѣть 12.000 штыковъ, а резервъ 6000 (Lettres du maréchal Bosquet, 1830—1838, p. 304).

такъ и на враговъ заставили французское военное министерство принять мѣру, крайне невыгодную для качества всей арміи. Для доведенія до военнаго состава полковъ первыхъ дивизій взяли до 20 тысячъ лучшихъ солдатъ изъ остальныхъ полковъ, такъ что иногда люди трехъ полковъ мирнаго состава шли на сформированіе одного полка военнаго состава, но за то этотъ полкъ состоялъ изъ отборныхъ людей.

Такимъ образомъ цвѣтомъ Восточной арміи были 1-я дивизія Канробера и 2-я Боске [1]). Остальныя состояли большей частью изъ спѣшно набранныхъ рекрутъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ [2]). Съ этой цѣлью были призваны подъ знамена находившіеся въ распоряженіи военнаго министерства молодые люди контингентовъ 1849, 50, 51 и 52 годовъ, и цифра призыва контингента 1853 года уже къ 1 мая была увеличена съ 80 на 220 тысячъ человѣкъ [3]). По свѣдѣніямъ прусскаго военнаго агента, лѣтомъ 1854 года французская армія въ своихъ рядахъ считала 390 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ рекрутъ было около 220 тысячъ человѣкъ [4]).

Что касается до тактической подготовки войскъ, то мы имѣемъ показанія прусскаго офицера, присутствовавшаго лѣтомъ 1854 года на большихъ маневрахъ подъ Парижемъ [5]).

По его словамъ, пѣхота почти всегда маневрировала въ длинныхъ развернутыхъ линіяхъ, иногда очень растянутыхъ и часто плохо поддержанныхъ резервами; баталіоны слѣдовали очень близко за стрѣлковыми цѣпями.

Всѣ виды полевой службы были въ полномъ пренебреженіи; взаимной поддержки и связи между тремя родами оружія было очень мало. Въ особенности этимъ отличалась кавалерія, которая упускала во время боя пѣхоты случаи частныхъ атакъ, а обыкновенно появлялась на полѣ сраженія въ послѣднюю минуту, чтобы произвести атаку всей массой на кавалерію противоположной стороны.

---

[1]) Способъ, отчасти примѣненный нами въ послѣднюю Японскую войну для укомплектованія Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

[2]) L. Guérin, t. I, p. 82. Geffeken, p. 103—104.

[3]) Отчетъ военнаго министра маршала Вальянъ Императору Наполеону III въ 1856 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[4]) Гр. Хребтовичъ — канцлеру изъ Брюсселя 7 (19) іюня 1854 г., № 66. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Bruxelles, 1854.

[5]) Гр. Бенкендорфъ — военному министру 12 (24) сентября 1854 г., № 148. Берлинъ. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 3.

Артиллерія, которая, по своему вооруженію, находилась въ переходномъ [1]) состояніи, отлично выбирала позиціи для стрѣльбы, но была очень мало подвижна.

По словамъ польскаго генерала Хржановскаго [2]), у французской арміи не было боевого опыта; существовали цѣлыя дивизіи, въ которыхъ никто, отъ генерала до барабанщика, не слыхалъ свиста пули. Онъ не раздѣлялъ мнѣнія Тьера, который укорялъ генераловъ Шангарнье, Ламорисьера и Бедо въ томъ, что они не приняли предложенія Наполеона о назначеніи ихъ на высокія должности. Изъ этихъ „demi-fous de l'Afrique", говоритъ Хржановскій, никто не слыхалъ свиста гранаты. Африка не дала Франціи генераловъ, а лишь хорошихъ партизановъ, не способныхъ сражаться противъ европейской арміи.

Однако, такія показанія нельзя считать совершенно безпристрастными. Въ лучшей части французской арміи, а таковая и была отправлена на востокъ, уже прививался правильный взглядъ на современную тактику, и она кореннымъ образомъ отшатнулась отъ обычныхъ въ то время дѣйствій густыми колоннами въ пользу подвижного эластичнаго разсыпного строя съ примѣненіемъ къ мѣстности, въ пользу широкаго маневрированія и въ пользу преимущества, даваемаго ружейному огню, по сравненію съ существовавшимъ пренебреженіемъ къ этой народившейся силѣ пѣхоты.

Указанія, преподанныя маршаломъ С.-Арно подчиненнымъ ему генераламъ передъ выступленіемъ въ походъ, представляютъ изъ себя замѣчательный по тому времени документъ, который, по сравненію съ наставленіями князя Горчакова, показываетъ какой широкій шагъ впередъ сдѣлала французская армія въ тактическихъ принципахъ въ отношеніи другихъ европейскихъ армій [3]).

Что касается до французскаго флота [4]), то къ маю 1854 года онъ состоялъ изъ двухъ дѣйствующихъ эскадръ—Балтійской и Средиземной и резервной эскадры въ Тулонѣ [5]), которая находилась еще въ состояніи вооруженія и, слѣдовательно, не могла принять участія въ кампаніи этого года.

---

[1]) Geffeken, p. 104.

[2]) Senior, t. I, p. 237, 260.

[3]) Это, не потерявшее интереса и въ настоящее время, наставленіе маршала С.-Арно своимъ генераламъ, касавшееся главнымъ образомъ тактики пѣхоты и взаимодѣйствія трехъ родовъ оружія, мы помѣщаемъ въ Приложеніи № 166.

[4]) См. т. I, стр. 687—689.

[5]) Flotte Française (mai 1854). Парижъ. Арх. Воен. Мин.

Балтійская эскадра состояла изъ 12 паровыхъ и 17 парусныхъ судовъ, носившихъ на себѣ артиллерію въ размѣрѣ 1196 орудій; въ число этихъ судовъ входилъ одинъ стопушечный винтовой корабль „Аустерлицъ“, 8 парусныхъ линейныхъ кораблей и столько же парусныхъ фрегатовъ.

Собственно цвѣтомъ французскаго флота была громаднѣйшая эскадра Средиземнаго моря, въ которой были сосредоточены лучшія суда. Она подраздѣлялась на три эскадры: адмирала Гамеленъ, состоявшей изъ винтового корабля „Шарлемань“, 8 парусныхъ кораблей, 1 паруснаго и 6 паровыхъ фрегатовъ и 3-хъ мелкихъ паровыхъ судовъ, съ общимъ числомъ 1074 орудій; адмирала Брюа—изъ 3-хъ винтовыхъ, 3-хъ парусныхъ кораблей и 3-хъ паровыхъ фрегатовъ, съ 582 орудіями, и, наконецъ, эскадру Барбіэ-де-Тинанъ, состоявшую изъ 23-хъ почти исключительно паровыхъ мелкихъ судовъ.

Англійскій историкъ Geffeken рисуетъ состояніе французскаго флота въ плачевномъ видѣ. Вмѣсто обѣщанныхъ для Балтійской эскадры 50 тысячъ матросовъ, французы едва могли набрать лишь 30 тысячъ и не имѣли въ этой эскадрѣ ни одного обученнаго экипажа. Среди кораблей было четыре, которые еще въ 1850 году были признаны негодными. Не хватало ни орудій, ни припасовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ повторить, что лучшія морскія силы Франціи были направлены въ Черное море.

Англійское правительство также въ военномъ отношеніи мало было подготовлено къ начинавшейся большой войнѣ. Первыя словесныя распоряженія о подготовкѣ къ экспедиціи были даны герцогомъ Ньюкэстель 6 февраля н. ст., при чемъ сила экспедиціоннаго корпуса опредѣлялась въ 9500 штыковъ, полкъ конницы и двѣ роты артиллеріи съ двумя ротами саперъ и минеръ [1]). Вслѣдъ за этимъ было испрошено увеличеніе контингента арміи и флота въ общемъ на 20 тысячъ человѣкъ и морской пѣхоты на 5 тысячъ. Такое увеличеніе доводило численность арміи до 112.977 человѣкъ, флота до 41 тысячи и морской пѣхоты до $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ [2]).

Для отправленія на востокъ изъ этого состава была выдѣлена армія, состоявшая изъ пяти пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій, подъ начальствомъ лорда Раглана. Каждая дивизія

---

[1]) Third Report, p. 14, №№ 13419 и 13422.
[2]) War with Russia, p. 123.

подраздѣлялась на двѣ бригады, которыя состояли изъ разнаго количества полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ. Всего въ ней было 24 пѣхотныхъ полка, 4 отдѣльныхъ баталіона, 9 кавалерійскихъ полковъ и 56 орудій [1]). Численность этой экспедиціонной арміи не превосходила 30 тысячъ человѣкъ.

По предварительнымъ соображеніямъ, для дѣйствія въ полѣ 25 тысячнаго корпуса требовался обозъ изъ 2000 арбъ и 5 тысячъ вьючныхъ муловъ, съ расчетомъ продовольствія при войскахъ на 11-13 дней. Участники кампаніи жаловались, что англійское военное министерство не сумѣло сносно устроить административную часть экспедиціоннаго корпуса. Запасовъ и складовъ на базѣ не было устроено; комиссаріатъ не имѣлъ понятія о способѣ снабженія войскъ предметами продовольствія и фуража и приступалъ къ заготовленію предметовъ снабженія лишь тогда, когда въ нихъ начинала чувствоваться потребность [2]).

Но къ началу кампаніи, въ половинѣ марта, изъ предназначенныхъ въ экспедиціонный корпусъ войскъ могли отправить на островъ Мальту лишь 10 тысячъ человѣкъ [3]). Въ то же время въ Англіи было собрано 18 паровыхъ судовъ разныхъ частныхъ кампаній, общей вмѣстимостью около 35 тысячъ тоннъ груза, которыя могли помѣстить до 17 тысячъ человѣкъ десанта. Суда эти, несмотря на огромные ихъ размѣры, могли употребляться лишь какъ транспорты по неудобству ношенія ими артиллеріи [4]).

Лѣтомъ 1854 года, послѣ отправки поименованныхъ войскъ на театръ войны, въ обоихъ соединенныхъ королевствахъ оставалось только 11 баталіоновъ пѣхоты, численностью около 6600 человѣкъ, изъ которыхъ около двухъ третей было рекрутъ [5]).

Что касается до англійскаго флота, то матеріальная часть его представляла громадную силу, и великобританское адмиралтейство проявило послѣ Синопскаго боя кипучую дѣятельность, чтобы успѣть къ веснѣ 1854 года мобилизовать весь свой флотъ.

Эскадра Средиземнаго моря состояла изъ 24 паровыхъ и 13 парусныхъ судовъ, съ 1329 орудіями. Въ числѣ паровыхъ судовъ были 2 винтовыхъ корабля, 2 винтовыхъ фрегата и

[1]) War with Russia, p. 127, Nolan's history of the war against Russia, p. 100.
[2]) Third Report, pp. 19, 41, 86, 88, 89, 96 etc.
[3]) То же отъ 23 марта 1854 г., № 28. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г., карт. Bruxelles.
[4]) Кап. Швабе — Вел. Кн. Константину Николаевичу 3 февраля 1854 г. Лондонъ. Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.
[5]) Гр. Хрептовичъ — гр. Нессельроде. Брюссель, 23 іюня 1854 г. Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 42.

20 пароходо-фрегатовъ и колесныхъ пароходовъ. Въ соединенныя эскадры Балтійскаго моря входили 33 паровыхъ и 11 парусныхъ судовъ, съ 2200 орудіями. Въ числѣ паровыхъ судовъ были 13 винтовыхъ кораблей, 8 винтовыхъ фрегатовъ и корветовъ и 12 пароходо-фрегатовъ и колесныхъ пароходовъ [1]).

Наибольшимъ недостаткомъ англійскаго флота былъ значительный некомплектъ команды на судахъ, что заставило правительство прибѣгнуть даже къ такой оригинальной мѣрѣ, какъ назначеніе во флотъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полевой артиллеріи. Они первоначально должны были обучать набираемыхъ матросовъ, а потомъ усилить собой составъ судовыхъ командъ [2]).

Во главѣ французской экспедиціонной арміи Наполеонъ поставилъ военнаго министра временъ переворота, маршала С.-Арно. Вся жизнь этого генерала была сплошнымъ рядомъ авантюръ и разнаго рода приключеній. Человѣкъ, въ высшей степени честолюбивый, онъ рѣшилъ составить себѣ во что бы то ни стало карьеру и въ достиженіи этой завѣтной цѣли не останавливался ни передъ какими средствами. Умный, энергичный, безумно храбрый, С.-Арно былъ замѣчательно удобенъ для выполненія порученій, не требующихъ особой нравственной чистоплотности, и въ благодарность за это быстро подвигался по лѣстницѣ служебной іерархіи. Не боявшійся опасности, онъ съ удовольствіемъ принималъ участіе въ рискованныхъ военныхъ предпріятіяхъ въ Африкѣ и этимъ развилъ свои и безъ того недюжинныя военныя дарованія. Людовикъ-Наполеонъ, подготовляя провозглашеніе имперіи, искалъ подходящаго для этого военнаго министра, и послѣ короткихъ переговоровъ выборъ его остановился на С.-Арно. Начавшаяся война съ Россіей выдвинула его на постъ командующаго восточной арміей. Руководствовался ли въ данномъ случаѣ Императоръ Наполеонъ исключительно военными дарованіями маршала С.-Арно и увѣренностью, что онъ поведетъ экспедицію съ той энергіей, которую желалъ придать ей новый повелитель французовъ, было ли въ этомъ назначеніи также намѣреніе уда-

---

[1]) Ср.: Всеподданнѣйшій отчетъ Вел. Кн. Константина Николаевича по Морск. вѣд. за 1855—1880 гг. Собственная Его Величества библіотека, рукоп. отд. Императора Александра II. № 200. Письмо кап. Швабе Вел. Кн. Константину Николаевичу 3 февраля 1854 г. Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 24. Донесеніе кап. Ajaccio—адм. Brua 25 апрѣля 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин. и др.

[2]) Тамъ же. Ср. съ запиской лейт. Швабе, представл. Вел. Кн. Константину Николаевичу въ началѣ 1854 г. Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.

лить подальше отъ Парижа одного изъ болѣе видныхъ и неспокойныхъ сотрудниковъ свершившагося переворота, сказать трудно. С.-Арно поѣхалъ на востокъ, одержимый уже своимъ смертельнымъ недугомъ и совершенно физически немощный; онъ жилъ и двигался лишь неисчерпаемымъ запасомъ силы воли и вплоть до своей кончины, послѣдовавшей вскорѣ послѣ Алминскаго сраженія, дѣйствительно старался придать экспедиціи тотъ характеръ живости и энергіи, которыя были свойственны его богато одаренной и оригинальной натурѣ [1]).

Совершенно противоположнымъ по характеру и военной подготовкѣ былъ лордъ Рагланъ, поставленный во главѣ англійской

Схватка подъ Силистріей.

арміи. Испытавшій войну лишь въ далекой молодости и проведя послѣдующія сорокъ лѣтъ въ мирной обстановкѣ и по преимуществу на бюрократическихъ должностяхъ, онъ не могъ считаться практикомъ военнаго дѣла и былъ скорѣе почетнымъ знаменемъ былой славы англійской арміи. Можно, однако, предполагать, что назначеніемъ лорда Раглана главнокомандующимъ экспедиціонной арміей имѣлось въ виду достиженіе и другой побочной цѣли — уравновѣсить пылкіе порывы С.-Арно, обезпечить операціи отъ возможныхъ авантюръ и придать имъ характеръ, выгодный для обоихъ союзниковъ, а не только для одной Франціи. И въ этомъ отношеніи спокойный, уравновѣшенный характеръ лорда Раглана,

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1852 г., секр. д. № 47. L. Guérin, C. Rousset, P. de la Gorce, Kinglake и др.

такъ же какъ и его богатая административная опытность являлись отличнымъ дополненіемъ главы французской арміи.

Баронъ Брунновъ, который считалъ англійскаго главнокомандующаго въ числѣ немногихъ своихъ интимныхъ друзей, посвящаетъ ему слѣдующія строки въ письмѣ къ графу Нессельроде [1]:

„Лордъ Рагланъ, какъ солдатъ, исполнитъ свой долгъ противъ „насъ, но, какъ человѣкъ, онъ останется искренно привязаннымъ „къ Россіи. Можно предполагать, что каждый изъ союзниковъ „будетъ экономить то, чего у него мало. Французы будутъ сберегать свои суда, а англичане будутъ скупы на счетъ солдатъ. „Это условіе, я думаю, не сдѣлаетъ легкимъ достиженіе постоянняго согласія въ совмѣстныхъ операціяхъ. Къ тому же лордъ „Рагланъ на ряду съ внѣшней мягкостью упрямъ, какъ всѣ англичане, и онъ будетъ поступать только по своему разумѣнію. „Вообще онъ не любитъ французовъ и не уважаетъ ихъ. Его „выборъ указываетъ, какъ мнѣ кажется, на желаніе англичанъ „сохранить полную свободу въ своихъ операціяхъ“ [2]).

II.

Первоначальнымъ пунктомъ сосредоточенія союзныхъ войскъ былъ избранъ островъ Мальта, гдѣ рѣшено было устроить промежуточную базу. Всѣ иностранные источники свидѣтельствуютъ о полной неподготовленности союзниковъ къ открытію большой кампаніи. Трудно сказать, кто изъ нихъ перещеголялъ одинъ другого въ тѣхъ безпорядкахъ, о которыхъ они сами повѣствуютъ.

Войска сосредоточивались, организовались и снабжались всѣмъ необходимымъ такъ медленно, что не было возможности ускорить отправленіе ихъ въ Турцію. Тѣмъ временемъ до союзниковъ дошла грозная вѣсть о переходѣ княземъ Горчаковымъ Дуная, и мы знаемъ уже, какое впечатлѣніе на нихъ произвела эта вѣсть. Надо было торопиться на театръ войны, чтобы не опоздать къ ожидаемой уже союзниками развязкѣ всей кампаніи подъ стѣнами Константинополя, а между тѣмъ царившій въ организаціи арміи хаосъ не давалъ возможности это сдѣлать. Приходилось прибѣгать къ полумѣрамъ и двинуть на турецкую территорію хоть то, что было подъ рукой.

---

[1]) Бар. Брунновъ — гр. Нессельроде 19 (31) марта 1854 г., изъ Брюсселя. Госуд. Арх., разр. III, д. № 108—2.

[2]) Переводъ съ французскаго.

И, дѣйствительно, сосредоточеніе французской и англійской армій у пункта высадки ихъ въ Галлиполи носило крайне безпорядочный характеръ.

Первоначальныя предположенія союзниковъ состояли въ высадкѣ экспедиціонныхъ корпусовъ прямо въ Варнѣ.

Здѣсь они непосредственно входили въ связь съ арміей Омера-паши и весеннюю кампанію могли открыть активными дѣйствіями къ Дунаю; большое преимущество союзнаго флота передъ нашимъ Черноморскимъ дѣлало къ тому же эту высадку почти безопасной. Но переправа князя Горчакова черезъ Дунай, ожиданіе его быстраго наступленія къ Балканскимъ проходамъ и неувѣренность въ способности турецкой арміи противодѣйствовать этому наступленію заставили союзниковъ отказаться отъ первоначальныхъ предположеній и избрать болѣе безопасный пунктъ высадки, который давалъ бы возможнось прикрыть отъ наступленія русскихъ хотя бы только столицу оттомановъ.

Такимъ условіямъ наиболѣе удовлетворялъ Галлиполи, расположенный на полуостровѣ того же наименованія и обезпечивающій обладаніе Дарданельскимъ проливомъ [1]). Удаленіе Галлиполи отъ Адріанополя на 125 верстъ позволяло быстро поспѣть на защиту этого города, а близость Константинополя ставила при всѣхъ случайностяхъ войны и эту столицу подъ прикрытіе союзныхъ десантовъ.

Избранный пунктъ высадки былъ выгоденъ также и въ томъ отношеніи, что давалъ возможность въ короткое время укрѣпить его и сдѣлать трудно доступнымъ для атаки съ суши даже превосходными силами, что позволяло, въ случаѣ неблагопріятнаго оборота войны, произвести безопасно обратную посадку на суда. Наконецъ, обладаніе Галлиполи обезпечивало также свободный выходъ союзнаго флота изъ Чернаго моря.

Такимъ образомъ, предпочтеніе, отданное для первоначальной высадки союзныхъ армій этому пункту передъ Варной, является слѣдствіемъ побѣды элемента осторожности надъ активностью, что, въ свою очередь, находилось въ зависимости, какъ отъ неготовности

---

[1]) Въ началѣ января 1854 г. была произведена рекогносцировка предполагаемаго театра войны группою англійскихъ офицеровъ, подъ руководствомъ ген. Бургойна. Онъ предложилъ возвести оборонительную линію впереди Булакира, близъ Галлиполи, а также впереди Константинополя, между Мраморнымъ и Чернымъ морями. Впослѣдствіи маіоръ Диксонъ, знакомый со страной и турецкимъ языкомъ, произвелъ развѣдку Дуная и большей части Болгаріи. Впрочемъ, англійская армія, такъ же какъ и русская, страдала отсутствіемъ картъ театра военныхъ дѣйствій (Third Report, pp. 112 & 174, №№ 14382 & 15054).

союзныхъ армій, такъ и отъ того впечатлѣнія, которое произвела на нашихъ враговъ переправа Горчакова черезъ Дунай.

Эти обстоятельства отдаляли по крайней мѣрѣ на два мѣсяца столкновеніе арміи князя Варшавскаго съ англо-французами и давали ему возможность нанести отдѣльно туркамъ рѣшительное пораженіе, а, можетъ быть, и совершенно измѣнить ходъ кампаніи, если бы только на берегахъ Дуная могли отрѣшиться отъ излишней осторожности и думать не только объ оборонѣ со всѣхъ сторонъ, но и о нанесеніи врагу рѣшительнаго удара.

Съ 18 (30) марта началась ежедневная отправка союзныхъ войскъ съ Мальты въ Галлиполи. Перевозка, какъ было уже сказано, шла въ полномъ безпорядкѣ. Людей большею частью сажали на паровыя суда, тогда какъ лошадей, орудія и всѣ запасы перевозили на парусномъ флотѣ. Въ результатѣ части прибывали въ разбродъ, ожидая по нѣскольку дней своихъ запасовъ, и пришлось употребить не мало времени для приведенія ихъ въ боевую готовность.

Въ серединѣ апрѣля стараго стиля въ Константинополь прибыли оба союзные главнокомандующіе, маршалъ С.-Арно и лордъ Рагланъ. Употребивши около двухъ недѣль на представленія, парады и на ознакомленіе съ обстановкой въ столицѣ, они въ началѣ мая отправились совмѣстно съ турецкимъ военнымъ министромъ въ Варну для свиданія съ Омеромъ-пашею и для выработки плана предстоящихъ дѣйствій.

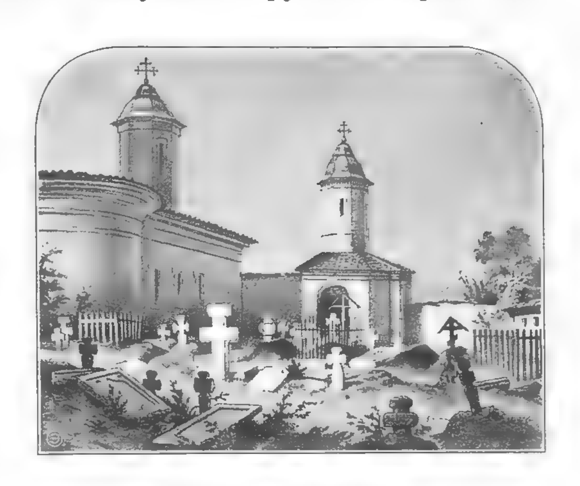
Въ то же время союзныя арміи продолжали свое безпорядочное сосредоточеніе въ Галлиполи, гдѣ скучали отъ бездѣйствія, занимаясь лишь укрѣпленіемъ этого полуострова и ознакомленіемъ другъ съ другомъ. Къ концу апрѣля на турецкую территорію успѣло собраться лишь 22 тысячи французовъ и около 14 тысячъ англичанъ, изъ которыхъ только незначительная часть могла быть двинута впередъ, благодаря царившей путаницѣ въ перевозкѣ войскъ и матеріальной части.

7 (19) мая въ Варнѣ состоялось пятичасовое совѣщаніе между союзными главнокомандующими, Омеромъ-пашею, сераскиромъ и капуданъ-пашею. Оно началось подробнымъ изложеніемъ Омеромъ-пашею положенія дѣлъ на театрѣ войны.

Общая численность турецкой арміи на Балканскомъ полуостровѣ къ этому времени достигала 104 тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ 45 тысячъ были сосредоточены въ Шумлѣ, 18 тысячъ въ Силистріи, 6 тысячъ въ Варнѣ, 20 тысячъ въ Видинѣ и Калафатѣ и остальныя

были разбросаны мелкими частями по разнымъ пунктамъ [1]). Омеръ-паша предполагалъ до соединенія съ союзными арміями не вступать съ русскими въ рѣшительное сраженіе, а задерживать наше наступленіе внутрь страны, оставаясь въ Шумлинскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, гдѣ онъ со своей сильной въ оборонѣ арміей разсчитывалъ не только остановить наступленіе князя Варшавскаго, но и разбить его.

Турецкій главнокомандующій полагалъ также, что Силистрія, хорошо обороняемая, задержитъ наступленіе русской арміи по крайней мѣрѣ на шесть недѣль. Обзоръ своего стратегическаго положенія Омеръ-паша закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ союзнымъ генераламъ:



Кладбище въ Каларашѣ.

„Силистрія должна неминуемо пасть; я надѣюсь, „что она продержится шесть „недѣль, но она можетъ быть „взята и въ двѣ недѣли, и „въ одно прекрасное утро „мы можемъ быть поражены „этой новостью, а также извѣстіемъ о движеніи русскихъ „на Шумлу. Я недостаточно силенъ, чтобы итти на помощь Си„листріи, и буду уничтоженъ безъ всякой пользы; необходимо, „слѣдовательно, чтобы мнѣ помогли, дали бы опору. Я буду „очень долго защищаться въ Шумлѣ. Скажу болѣе, я почти увѣ„ренъ въ томъ, что разобью русскихъ, если они будутъ меня „атаковать, но развѣ французы и англичане, которые находятся „въ Галлиполи, на турецкой территоріи, захотятъ лишить себя по„мощи моей отличной арміи и дадутъ русскимъ возможность „уничтожить меня отдѣльно, тогда какъ мы вмѣстѣ могли бы „отбросить ихъ на другой берегъ Дуная и спасти Турцію?“

Истина этихъ соображеній поразила лорда Раглана и меня, сообщалъ С.-Арно маршалу Вальяну.—Мы начали спокойно обсуждать положеніе Турціи и ея арміи, а также положеніе союзныхъ

---

[1]) Изъ писемъ маршала С.-Арно маршалу Вальяну изъ Варны отъ 7 (19) мая 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

армій, цѣлью которыхъ въ глазахъ всего свѣта была помощь туркамъ [1]).

Результатомъ этого спокойнаго обсужденія было рѣшеніе произвести возможно скорѣе демонстрацію въ пользу турокъ, направивъ въ Варну моремъ по одной дивизіи французской и англійской. Французы должны были занять укрѣпленную позицію верстахъ въ четырехъ впереди Варны, а англичане сильную позицію у Девно, отстоявшаго въ семи часахъ марша отъ Варны и прикрывавшаго Праводы. С.-Арно приводилъ слѣдующіе мотивы такого рѣшенія: поддержать нравственное состояніе турецкихъ войскъ, воздѣйствовать въ дурную въ этомъ отношеніи сторону на русскія войска и заставить князя Варшавскаго принять окончательное рѣшеніе — или уйти за Дунай, или же удвоить усилія для скорѣйшаго овладѣнія Силистріей, чтобы потомъ двинуться противъ армій морскихъ державъ.

Союзные главнокомандующіе предполагали своимъ выдвиженіемъ впередъ достигнуть и политической цѣли, заставивъ Австрію принять опредѣленное рѣшеніе и не отговариваться болѣе „очень „большимъ удаленіемъ французскихъ войскъ отъ Дуная и русскихъ“.

Но пылкій французскій военноначальникъ, мотивируя выше приведенными соображеніями выдвиженіе двухъ союзныхъ дивизій къ сѣверу отъ Варны, питалъ въ тайникахъ своей души болѣе смѣлыя надежды обратить предполагаемую демонстрацію противъ русскихъ войскъ въ рѣшительное столкновеніе на берегахъ Дуная, которое особенно соотвѣтствовало бы планамъ Императора французовъ. Дальнѣйшее наступленіе Паскевича волей-неволей заставляло союзниковъ быстро сосредоточить всѣ ихъ силы между Варной и Шумлой, и С.-Арно предполагалъ, что для нихъ трудно было найти болѣе выгодное положеніе для вступленія въ бой съ русскими войсками, которымъ пришлось бы драться, имѣя передъ собой свѣжую, сильную армію, а въ тылу большую рѣку. Но, однако, состояніе экспедиціонныхъ корпусовъ не соотвѣтствовало широкому полету мысли французскаго главнокомандующаго, и онъ взывалъ къ патріотизму военнаго министра. „Ваше превосходи- „тельство“, писалъ онъ [2]), „поймете всю важность настоящаго поло-

---

[1]) Всѣ эти данныя мы заимствуемъ изъ письма С.-Арно къ маршалу Вальяну, писанному тотчасъ же послѣ совѣщанія въ Варнѣ 19 мая (Парижъ. Арх. Воен. Мин.). Печатные источники, англійскіе и французскіе, описываютъ въ общемъ результатъ пребыванія союзныхъ главнокомандующихъ такъ же, какъ и цитируемое письмо, но не даютъ такихъ подробностей. Подлинное письмо маршала С.-Арно мы помѣщаемъ въ Приложеніи № 167.

[2]) Тамъ же.

„женія и не откажете мнѣ въ возможной помощи, не теряя ни „одной минуты. Здѣсь затронута честь французскаго знамени; надо, „чтобы оно торжествовало, и оно будетъ торжествовать, но необ-„ходимо, чтобы я былъ силенъ, очень силенъ, чтобы избѣжать „риска какой-либо неудачи“.

По предположенію С.-Арно, черезъ двѣ недѣли должно было сосредоточиться между Варной и Шумлой 10 тысячъ французовъ и 7 тысячъ англичанъ, и къ половинѣ іюня стараго стиля число это могло удвоиться. Остальныя части предполагалось эшелонировать въ Бургасѣ и впереди Адріанополя. Варна же должна была обратиться въ весьма важную для союзниковъ базу и даже болѣе важную, чѣмъ Галлиполи.

Черезъ два дня послѣ описаннаго совѣщанія союзные главнокомандующіе, находясь въ Шумлѣ, получили отъ смущенныхъ турецкихъ генераловъ печальныя вѣсти о положеніи Силистріи. Комендантъ сообщалъ отъ 8 (20) мая, что русскія войска, силою въ 70 тысячъ человѣкъ, энергично атакуютъ крѣпость, что сильная бомбардировка продолжается день и ночь, часть брустверовъ къ сторонѣ Дуная уже разрушена, полная блокада неминуема, и что крѣпость не можетъ держаться болѣе 10-15 дней. Турки при этомъ извѣстіи пришли въ полное уныніе, и сераскиръ предполагалъ черезъ два мѣсяца видѣть уже русскія войска подъ стѣнами Константинополя.

Это извѣстіе заставило С.-Арно и лорда Раглана измѣнить свое рѣшеніе о движеніи къ Варнѣ только двухъ дивизій и постараться возможно скорѣе сосредоточить туда всѣ войска обѣихъ армій, которыми они могли располагать и которыя были готовы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Омеру-пашѣ было предложено приказать коменданту защищать крѣпость до послѣдней крайности, послѣ чего спасти такую часть гарнизона, которую представится возможнымъ. Съ этой цѣлью надлежало, усиливъ въ послѣднюю минуту огонь, оставить въ крѣпости отъ 6 до 8 тысячъ человѣкъ, а съ остальными 10-12 тысячами прорваться въ наиболѣе слабомъ мѣстѣ черезъ русское расположеніе и быстро двинуться къ Шумлѣ. Такой маневръ силистрійскаго гарнизона долженъ былъ обезпечиваться съ тыла 12 тысячами баши-бузуковъ, поддержанныхъ 2 тысячами регулярной кавалеріи, и съ праваго фланга движеніемъ отъ Калафата къ Шумлѣ 10 тысячнаго корпуса, которому приказано было нарочно для этого приблизиться возможно ближе къ Силистріи. Одновременно съ этимъ комендантамъ Видина и Софіи

предписывалось оставить у себя лишь крайне необходимое число войскъ для обороны этихъ пунктовъ и удержанія въ своихъ рукахъ страны, а остальныя направить усиленными переходами къ Шумлѣ.

С.-Арно предполагалъ, что, благодаря такимъ мѣрамъ, армія Омера-паши увеличится въ теченіе трехъ недѣль до 70 тысячъ при 180 орудіяхъ; англичане къ тому же времени будутъ имѣть передъ Варной 20 тысячъ, а французы 35 тысячъ человѣкъ. Съ арміей въ 125 тысячъ при 316 орудіяхъ, сосредоточенной на отличной позиціи, С.-Арно считалъ возможнымъ спокойно ожидать наступленія князя Варшавскаго, котораго онъ предполагалъ, можетъ быть, допустить до самой Шумлы [1]).

Съ своей стороны и политическая обстановка заставляла маршала С.-Арно торопиться перекинуть часть союзныхъ войскъ въ Варну. Австрійскій представитель въ Константинополѣ сообщилъ французскому повѣренному, что Австрія рѣшила не колебаться болѣе въ принятіи активнаго участія въ войнѣ и двинетъ свои войска, чтобы заставить насъ очистить Княжества.

„Я удвою мою дѣятельность, чтобы имѣть возможность „открыть огонь на Дунаѣ ранѣе ихъ“, писалъ маршалъ, сообщая это извѣстіе военному министру [2]). „Но я не могу двинуться „впередъ, пока не буду достаточно силенъ, чтобы нанести рѣ„шительный ударъ и отбросить русскихъ въ Дунай“.

Съ такими радостными мечтами союзные главнокомандующіе отбыли въ Константинополь, гдѣ, однако, ихъ ожидало разочарованіе въ виду неготовности ихъ армій.

Настоящее положеніе союзниковъ лучше всего видно изъ откровеннаго письма маршала С.-Арно къ Императору Наполеону, написаннаго тотчасъ же по возвращеніи главнокомандующихъ изъ Варны. Предоставимъ говорить объ этомъ самому руководителю военными операціями французскаго экспедиціоннаго корпуса.

„Съ грустью долженъ доложить вашему величеству“, писалъ С.-Арно [3]), „что наша армія не сформирована, и мы не въ со„стояніи воевать въ томъ положеніи, въ какомъ находимся въ

---

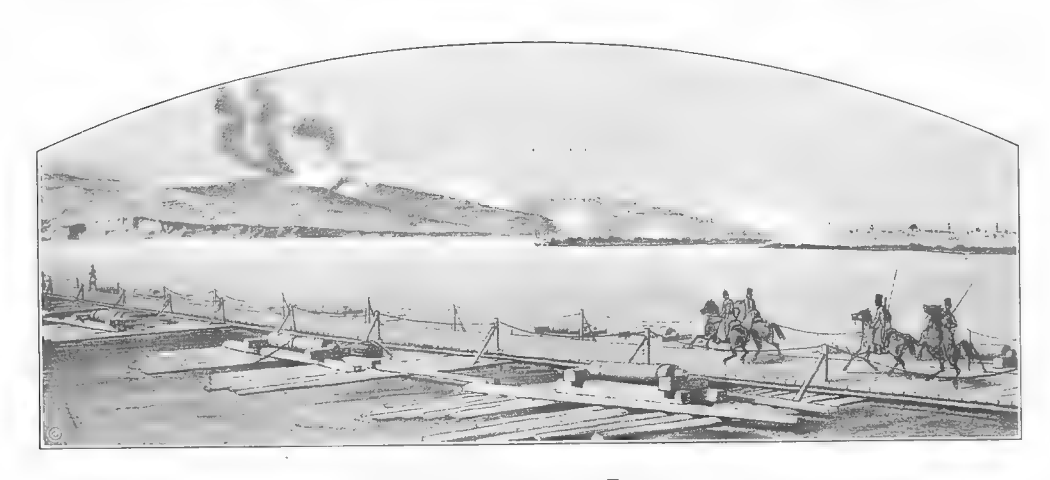
[1]) Это интересное письмо маршала С.-Арно къ маршалу Вальяну мы помѣщаемъ въ Приложеніи № 167.

[2]) Le maréchal de St-Arnaud au ministre de la guerre le 25 mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud à S. M. l'Empereur. Quartier général à Gallipoli, 26 (14) mai 1854, 6 h. du soir. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

„настоящее время. Мы имѣемъ только 24 запряженныхъ орудія „и 500 лошадей на два кавалерійскихъ полка. Все остальное, какъ „люди, такъ и матеріальная часть, задержано въ морѣ сѣверными „вѣтрами, и неизвѣстно, когда прибудетъ.

„Наше положеніе еще печальнѣе въ отношеніи продовольствія. „Я имѣю сухарей на 10 дней, а мнѣ ихъ нужно по крайней мѣрѣ „на три мѣсяца. Думали, что я шутилъ, когда просилъ три мил„ліона раціоновъ, что составляетъ лишь трехнедѣльную потреб„ность для пятидесятитысячной арміи, и мнѣ предложили одинъ „милліонъ. Невозможно вести войну безъ хлѣба, безъ сапогъ, „безъ походныхъ котелковъ и безъ манерокъ, а меня оставляютъ „съ 250 парами сапогъ, 40 котелками и съ 250 манерками...



Плавучій мостъ на Дунаѣ.

„Находясь въ такихъ условіяхъ, я принужденъ сильно измѣ„нить планъ, условленный между турецкимъ правительствомъ, „лордомъ Рагланомъ и мною. Это вещь болѣе чѣмъ щекотливая, „такъ какъ мы связаны обязательствами съ турецкимъ правитель„ствомъ, а лордъ Рагланъ—со своимъ, которому онъ написалъ „уже и далъ числовыя данныя. Вы, ваше величество, знаете ан„глійское правительство, а также логику оппозиціи. Я всегда сумѣю „убѣдить турокъ и удовлетворить ихъ осторожнымъ началомъ „исполненія обѣщаннаго, но положеніе лорда Раглана гораздо „затруднительнѣе, такъ какъ всѣ его генералы и штабъ уго„вариваютъ его что-нибудь предпринять. Чтобы обѣлить лорда „Раглана въ глазахъ его правительства, я вмѣстѣ съ новой „письменной инструкціей привожу ему основательные и осто-

„рожные мотивы, которые заставляютъ меня измѣнить перво-„начальный планъ.

„Ни лордъ Рагланъ, ни я, мы не можемъ уклониться отъ „производства демонстраціи въ Варнѣ. Это значило бы потерять „всякое вліяніе на оттоманское правительство и произвести сильную „деморализацію въ арміи Омера-паши. Но, вмѣсто того, чтобы „выдвигать передъ Варну всѣ наши силы, каждый изъ насъ „пошлетъ туда по одной хорошо снабженной бригадѣ, которыя „останутся на высотахъ, окружающихъ Варну, въ разстояніи „одного часа хода отъ крѣпости, и обезпечатъ себя полевыми „укрѣпленіями. Эти войска будутъ находиться подъ начальствомъ „наиболѣе способныхъ генераловъ Канробера и Броуна, и въ „томъ случаѣ, когда Силистрія падетъ, что неминуемо должно „случиться, а русскіе двинутся впередъ, то мы не будемъ на-„ходиться въ необходимости принять бой въ невыгодныхъ усло-„віяхъ, а будемъ въ состояніи принять рѣшеніе, соотвѣтствующее „обстоятельствамъ....

„Выигрывая время, мы выигрываемъ все. Прибытіе войскъ „и обозовъ будетъ продолжаться, армія будетъ устраиваться, и мы „сохранимъ преимущество почти сдержавшихъ свое слово отно-„сительно турецкаго правительства, которое будетъ удовлетворено, „увидавши наши войска въ Варнѣ, дивизію въ Константинополѣ „и нашу кавалерію направленною къ Адріанополю, гдѣ она въ „обиліи найдетъ подножный кормъ и будетъ заготовлять сѣно. „Въ то же время мы покажемъ русскимъ и австрійцамъ головы „нашихъ колоннъ въ Варнѣ; мы ихъ усилимъ, если этого по-„требуютъ обстоятельства, а если понадобится, то мы легко отве-„демъ ихъ на Бургасъ, чтобы сосредоточить за Балканами армію „сильную и хорошо устроенную.

„Въ этомъ послѣднемъ, я думаю, заключается мысль вашего „величества, но въ томъ положеніи, въ которомъ находится Турція, „не легко заставить ее понять причину бездѣйствія двухъ вели-„кихъ державъ, прибывшихъ къ ней на помощь и дозволяющихъ „брать ея крѣпости и убивать ея солдатъ.

„Въ настоящее время мы находимся въ положеніи вынужден-„номъ: мы не готовы, а англичане не готовы еще болѣе насъ“ [1]).

Таково было откровенное посланіе маршала С.-Арно, которое подтверждаетъ, какъ нужны были энергичныя дѣйствія князя Вар-

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

шавскаго на Дунаѣ не только для одержанія рѣшительнаго успѣха на театрѣ войны, но и для обезвреживанія Австріи, мечтавшей только объ одномъ—итти рука объ руку съ побѣдителемъ.

19 (31) мая маршалъ С.-Арно началъ приводить свой планъ въ исполненіе. Въ этотъ день дивизія Канробера сѣла на суда и отплыла въ Варну; 3-я дивизія начала свое движеніе на сѣверъ сухимъ путемъ и должна была пройти черезъ Константинополь, имѣя цѣлью этимъ движеніемъ успокоить турокъ, убѣдивъ ихъ, что активная помощь со стороны союзниковъ началась. Наконецъ, дивизія генерала Боске и кавалерія двинулись прямой дорогой на Адріанополь [1]).

Однако, лордъ Рагланъ не такъ охотно присоединялся къ осторожному оборонительному плану С.-Арно, какъ этотъ послѣдній сообщалъ своему Императору. Напротивъ, со стороны англичанъ послѣдовалъ твердый протестъ и желаніе во что бы то ни стало исполнить принятое относительно Омера-паши обязательство, въ особенности въ такую минуту, когда судьба Силистріи внушала серьезныя опасенія. Англійскій главнокомандующій рѣшилъ даже, въ случаѣ несогласія французовъ на движеніе къ Варнѣ, перекинуть туда всю свою армію [2]). Не встрѣтила эта мысль сочувствія и въ Парижѣ, откуда маршалъ С.-Арно получилъ въ письмѣ отъ 28 мая (9 іюня) указаніе на полное неодобреніе этого плана ни со стороны Наполеона, ни со стороны его военнаго министра [3]).

Но еще до полученія этого письма маршалъ С.-Арно рѣшилъ, подъ давленіемъ твердаго протеста лорда Раглана, отказаться отъ своего плана и присоединить свои войска въ движеніи къ Варнѣ къ войскамъ союзниковъ. 30 мая (11 іюня) имъ былъ отданъ приказъ о перенесеніи базы изъ Галлиполи въ Варну.

„Въ настоящихъ обстоятельствахъ“, писалъ онъ маршалу Вальяну 8 (20) іюня, „Варна есть наша настоящая база для насту-„пательной кампаніи. Съ полной неохотой я одно время предпо-„лагалъ эшелонироваться за линіей Балканъ, съ авангардомъ въ „Варнѣ. Это былъ бы плохой маневръ. Нельзя съ арміей въ 60 ты-„сячъ оперировать такъ, какъ оперируютъ съ 20-ю тысячами. „Самыми обстоятельствами намъ намѣчено мѣсто въ Варнѣ, и

[1]) C. Rousset, t. I, p. 102.
[2]) Kinglake, t. II, pp. 166—173.
[3]) C. Rousset, t. I, p. 103.

„оттуда мы свободны, когда захотимъ, двинуться впередъ или „назадъ“.

15 (27) іюня туда была переведена главная квартира; 18 (30) іюня тамъ сосредоточились не въ полномъ, однако, составѣ первая, третья и четвертая дивизіи, а вторая дивизія съ кавалеріей и частью артиллеріи были эшелонированы по дорогѣ въ Адріанополь. Общее число французскихъ войскъ въ Варнѣ достигало до 30 тысячъ и англійскихъ почти до 20 тысячъ.

III.

На Черномъ морѣ еще раньше, чѣмъ западныя державы объявили открыто намъ войну, создалось весьма оригинальное положеніе, заставлявшее смотрѣть насъ на флоты англичанъ и французовъ, какъ на вражескіе, и ежеминутно ожидать столкновенія съ ними.

Синопскій бой былъ понятъ Англіей, какъ дѣло, которое оскорбляло достоинство великой морской державы, принявшей опредѣленныя обязательства по отношенію къ Имперіи Оттомановъ. Парижскій и лондонскій кабинеты рѣшили для возстановленія своего престижа ввести въ Черное море соединенныя эскадры для защиты турецкаго флота и турецкихъ береговъ отъ новаго пораженія.

Съ этой минуты уже трудно было ожидать мирнаго исхода спора Россіи съ Англіей и Франціей, а присутствіе въ Черномъ морѣ морскихъ силъ этихъ державъ, съ очень двусмысленной инструкціей защищать турецкій флагъ, и нахожденіе ихъ въ распоряженіи такого ненавистника Россіи, какимъ былъ лордъ Редклифъ, заставляло ежеминутно ожидать возможности боевого столкновенія въ Черномъ морѣ и нападенія союзныхъ флотовъ на наши берега.

Во время Крымской кампаніи общественное мнѣніе Россіи ожидало отъ нашего флота въ Черномъ морѣ побѣдоносныхъ и активныхъ дѣйствій не только противъ флота турецкаго, но и противъ западныхъ громадъ.

Южное море, дававшее возможность судамъ практиковаться въ теченіе круглаго года, боевая практика въ крейсерованіи у береговъ Кавказа, вѣковая слава этого флота и, наконецъ, имя его создателя и воспитателя, адмирала Лазарева, дѣлали вполнѣ

понятнымъ, что Россія, въ особенности послѣ славнаго Синопскаго боя, ожидала отъ своего Черноморскаго флота успѣховъ, даже невѣроятныхъ.

Но дѣло въ томъ, что флотъ на Черномъ морѣ содержался нами съ опредѣленной цѣлью борьбы съ Турціей, и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ на должной высотѣ, владѣя своимъ моремъ, господствуя надъ флотомъ турецкимъ и имѣя возможность перекинуть въ самое короткое время сильный десантъ на берега Босфора. Однако, единоборство съ могущественными флотами морскихъ державъ въ наши задачи не входило, и къ этому Черноморскій флотъ не готовился.

Турки въ траншеяхъ подъ Силистріей.

Характеръ его дѣйствій въ борьбѣ съ коалиціей опредѣлился еще задолго до Крымской войны мнѣніемъ, единогласно высказаннымъ и адмираломъ Лазаревымъ и княземъ Меншиковымъ. Въ 1836 году, когда вопросъ о возобновленіи Ункіаръ-Искелесскаго договора могъ вызвать вооруженное столкновеніе Россіи съ Англіей и Франціей, Императоръ Николай пожелалъ знать мнѣніе упомянутыхъ лицъ о роли Черноморскаго флота, въ случаѣ входа въ это море союзныхъ державъ. „Во всѣхъ сихъ случаяхъ“, отвѣчалъ князь Меншиковъ, по сношеніи съ адмираломъ Лазаревымъ [1]), „ежели непріятель „появится въ Черномъ морѣ въ силахъ, насъ не превосходящихъ, „то намъ атаковать его должно... Въ случаѣ же превосходства „непріятеля, флоту нашему слѣдуетъ оставаться въ Севастополѣ, „гдѣ, при покушеніи непріятельскаго флота на сей портъ, должно „имѣть главною цѣлью нанести ему наибольшій вредъ, съ наилучшимъ сохраненіемъ флота нашего, чтобы симъ флотомъ стараться уже довершить разстроеннаго непріятеля“.

Въ Крымскую кампанію соотношеніе сторонъ не измѣнилось для насъ въ лучшую сторону, а скорѣе въ худшую, такъ какъ у западныхъ державъ появился большой перевѣсъ въ числѣ паровыхъ судовъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка кн. Меншикова 13 января 1836 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 4, д. № 120.

Первыя свѣдѣнія о входѣ союзниковъ въ Черное море не имѣли особенно угрожающаго вида. Адмиралы, какъ сообщалъ канцлеръ князю Меншикову [1]), получили приказаніе ввести туда большія суда только въ томъ случаѣ, когда они будутъ положительно освѣдомлены, что нашъ Севастопольскій флотъ везетъ десантъ въ Варну или въ Константинополь. Для развѣдокъ же адмираламъ рекомендовалось посылать преимущественно турецкіе и египетскіе пароходы, подкрѣпляя ихъ лишь въ крайнемъ случаѣ самыми легкими судами союзниковъ.

Баронъ Брунновъ рисовалъ съ своей стороны нашему правительству эту мѣру, какъ результатъ растерянности англійскихъ министровъ послѣ Синопскаго погрома и необходимости дать съ ихъ стороны удовлетвореніе общественному мнѣнію. „Dans ce „but", сообщалъ онъ канцлеру [2]), „ils ont résolu de faire entrer „l'escadre dans la mer Noire, mais cela même sans courage, sans „hardiesse, sans but déterminé. Elle ne doit pas aller loin. Elle ne „doit pas rester longtemps. Tout cela est d'une pauvreté extrême. „Ce n'est pas même une démonstration, c'est une escapade na„vale". Однако, Императоръ Николай не поддавался уже радужнымъ взглядамъ своего представителя и приведенную выдержку снабдилъ нѣсколькими вопросительными знаками.

Въ Европѣ чувствовалось, что входъ эскадръ западныхъ державъ въ Черное море есть тотъ Рубиконъ, за которымъ начиналась общая война. Въ Парижѣ, по словамъ Киселева [3]), объ этомъ только и говорили, стараясь узнать, какъ отнесется русское правительство къ такому враждебному акту, и съ нетерпѣніемъ считали дни и часы, когда можетъ получиться нашъ отвѣтъ.

Искреннее желаніе избѣжать европейской войны заставило, какъ извѣстно, петербургскій кабинетъ отвѣтить очень сдержанно на брошенный ему вызовъ. Графъ Нессельроде готовъ былъ помириться съ свершившимся фактомъ въ томъ случаѣ, если союзныя державы установятъ на Черномъ морѣ нѣчто въ родѣ перемирія, поставивъ одинаковыя условія для обѣихъ враждующихъ сторонъ. Въ этомъ духѣ предложено было нашимъ представителямъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ сдѣлать запросы соотвѣтствующимъ правительствамъ. Графъ Кларендонъ сообщилъ по этому

---

[1]) Отъ 1 декабря 1853 г., №№ 495 и 496. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.
[2]) 1 (13) января 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 108, ч. 2.
[3]) Киселевъ—канцлеру 29 декабря (10 января) 1853/4 г., № 166. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854, карт. Paris.

поводу барону Бруннову, что британскій флотъ посланъ въ Константинополь не для атаки русскихъ, а съ твердымъ намѣреніемъ защитить Турцію, и что правительство Королевы будетъ очень радо, если къ этому не представится случая. Для указанной цѣли французскія и англійскія суда войдутъ въ Черное море и будутъ требовать отъ каждаго русскаго военнаго судна возвращенія въ свой портъ, а, въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе, будутъ прибѣгать къ силѣ. Но въ то же время правительство Королевы, желая попрежнему мирнаго окончанія возникшихъ недоразумѣній, приметъ мѣры помѣшать нападенію турецкаго флота на русскую территорію [1]).

Въ томъ же миролюбивомъ тонѣ нашъ канцлеръ писалъ и князю Меншикову [2]). Предупреждая, что на Черномъ морѣ можетъ установиться своего рода перемиріе, онъ выражалъ сожалѣніе, что мы не имѣемъ тамъ силъ, достаточныхъ для того, чтобы сразиться съ успѣхомъ съ соединенными эскадрами Англіи, Франціи и Турціи.

Но графъ Нессельроде утѣшалъ князя Меншикова, что послѣ блестящаго Синопскаго дѣла нашъ славный флотъ можетъ почить на своихъ лаврахъ, не рискуя ввязываться въ очень неравный бой [3]). Князь Александръ Сергѣевичъ съ своей стороны и не предполагалъ рисковать флотомъ, находя, что численный перевѣсъ союзниковъ на Черномъ морѣ слишкомъ великъ, чтобы рѣшиться дать имъ генеральное сраженіе въ открытомъ морѣ, и лишь готовился съ успѣхомъ отразить атаку ихъ на Севастопольскій рейдъ [4]).

Мѣры для встрѣчи союзныхъ эскадръ въ Севастополѣ начали принимать почти тотчасъ же послѣ возвращенія флота отъ Синопа.

Къ половинѣ декабря на рейдѣ стояли въ полной готовности къ выходу въ море 6 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета и 4 па-

---

[1]) Канцлеръ — бар. Бруннову и Киселеву 4 января 1854 г. Нота бар. Бруннова Кларендону 13 (25) января 1854 г. Нота Кларендона Бруннову того же числа. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1227.

[2]) Канцлеръ — кн. Меншикову 24 декабря 1853 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.

[3]) Это осторожное письмо гр. Нессельроде даетъ право предполагать, что въ Петербургѣ боялись энергичныхъ дѣйствій нашего флота, которыя могли уничтожить послѣднюю надежду на миръ. Съ этой точки зрѣнія очень интересно указаніе г. Парфенова въ № 97 газеты „Котлинъ" за 1902 г., что въ Центр. Черн. Воен. Морск. Арх. въ г. Николаевѣ имѣется предписаніе изъ Петербурга въ декабрѣ 1853 г. о томъ, чтобы прекратить всякія крейсерства судовъ по Черному морю, „дабы не дать повода нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ „объявить намъ войну". Къ сожалѣнію, намъ не удалось отыскать этого документа.

[4]) Кн. Меншиковъ — кн. Варшавскому 31 декабря 1854 г. Воен. Сборн. 1903 г., № 3.

рохода. 8 кораблей, 1 фрегатъ и 1 пароходъ требовали капитальнаго исправленія, и севастопольское адмиралтейство, сознавая необходимость скорѣйшей постановки этихъ судовъ въ строй, превратилось въ огромный муравейникъ, въ которомъ необычайная дѣятельность не прекращалась нѣсколько мѣсяцевъ сряду [1]). Четыре фрегата и нѣсколько мелкихъ судовъ плавали, подъ флагомъ контръ-адмирала Вукотича 1-го, у Кавказскихъ береговъ [2]).

Первыя распоряженія князя Меншикова по оборонѣ Севастопольскаго рейда были сдѣланы 5 декабря [3]). Корабли, способные выйти въ море, стали по диспозиціи на большомъ рейдѣ въ двѣ линіи между восточнымъ мысомъ балки Голландія и хуторомъ 42 флотскаго экипажа, расположенномъ между Георгіевской и Киленъ балками, имѣя фрегаты за линіей кораблей. Три корабля, не способные выйти въ море, преградили доступъ въ южную бухту, имѣя за собою всѣ пароходы. Для защиты Карантинной бухты и для фланговаго дѣйствія по рейду, въ случаѣ прорыва непріятельской эскадры, были употреблены два корвета. Кромѣ того, входъ въ южную бухту былъ затрудненъ устройствомъ бона, а для наблюденія за приближающимися непріятельскими судами были установлены по берегу отъ мыса Сарыча до мыса Лукулъ казачьи пикеты и рядъ телеграфовъ [4]).

Такое расположеніе въ глубинѣ бухты кораблей, способныхъ выйти въ море, въ достаточной мѣрѣ обезпечивало ихъ, такъ какъ непріятельскимъ судамъ предварительно атаки ихъ приходилось преодолѣть сильный перекрестный огонь двухъ рядовъ береговыхъ батарей. Но, чтобы еще болѣе обезпечить ихъ отъ всякихъ случайностей, адмиралъ Корниловъ приказалъ экипажамъ кораблей „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Парижъ“ и „Святославъ“ построить три земляныхъ батареи, изъ которыхъ двѣ на восточномъ и западномъ мысѣ Голландія и одну на мысѣ западнѣе Киленъ-балочной бухты. Батареи эти, составлявшія третью линію обороны рейда, получили названіе своихъ кораблей.

---

[1]) На рейдѣ стояли: корабли — *Парижъ, Чесма, Святославъ, Гавріилъ, Двѣнадцать Апостоловъ* и *Храбрый;* фрегаты — *Коварна* и *Кулевчи;* корветы — *Калипсо* и *Орестъ,* и пароходы — *Громоносецъ, Одесса, Крымъ* и *Херсонесъ.*

Чинились: корабли — *Императрица Марія, Вел. Кн. Константинъ, Три Святителя, Ростиславъ, Уріилъ, Варна, Селафаилъ* и *Ягудіилъ;* фрегатъ — *Кагулъ,* и пароходъ — *Владиміръ.*

[2]) Фрегаты — *Месемврія, Сизополь, Флора* и *Мидія.*

[3]) Приказъ командира Севастопольскаго порта № 1286. Черн. Центр. Воен. Мор. Арх. въ г. Николаевѣ, кн. 17, оп. 97, д. № 43, св. 3.

[4]) См. схему № 41.

21 декабря (2 января) англійскій и французскій послы заявили султану, что на слѣдующій день союзный флотъ войдетъ въ Черное море съ приказаніемъ сопровождать и защищать турецкіе корабли при условіи, что послѣдніе не отойдутъ далѣе 4-хъ миль отъ турецкаго берега. Если же русскіе атакуютъ турокъ, то союзные адмиралы отвѣтятъ тѣмъ же [1]).

Англійскій флотъ къ этому времени въ Босфорѣ состоялъ изъ 8-ми кораблей, въ томъ числѣ одинъ винтовой, 3 фрегатовъ, изъ нихъ одинъ винтовой, и 10 пароходо-фрегатовъ и пароходовъ; французскій флотъ состоялъ также изъ 8 кораблей, изъ которыхъ одинъ винтовой, 2 фрегатовъ и 6 пароходовъ.

Схватка подъ Силистріей (съ итальянской литографіи).

22 декабря (3 января) союзный флотъ, оставивъ для защиты Босфора 2 корабля и 1 фрегатъ, вошелъ въ Черное море въ сопровожденіи турецкихъ судовъ, везшихъ подкрѣпленія на азіатскій театръ войны. Англійскій пароходъ „Retribution“ немедленно былъ направленъ въ Севастополь для объявленія русскимъ властямъ о свершившемся фактѣ. На борту этого судна находились союзные офицеры, предназначенные для производства рекогносцировки нашего военнаго порта. Пользуясь туманомъ, англійскій пароходъ 25 декабря, рано утромъ, незамѣтно подошелъ близко къ Николаевской батареѣ, гдѣ былъ остановленъ холостыми выстрѣлами съ этой батареи. Сдавъ депеши и обмѣнявшись салютами „Retribution“ ушелъ въ море „послѣ того, какъ офицеры успѣли снять „главнѣйшіе форты и набросать кроки всѣхъ укрѣпленій“ [2]). Случай этотъ заставилъ князя Меншикова принять болѣе бдительныя мѣры охраненія Севастополя съ моря, рейдъ котораго былъ раздѣленъ бономъ на внѣшній и внутренній, а иностранныя военныя суда приказано было впредь останавливать внѣ батарей [3]).

---

[1]) War with Russia, p. 118.
[2]) War with Russia, p. 120.
[3]) А. Жандръ, стр. 117.

Тѣмъ временемъ часть союзнаго флота прибыла въ Синопъ, а остальная конвоировала турецкіе транспорты въ Батумъ. Первоначально. предполагалось Синопъ сдѣлать центромъ для морскихъ операцій, чему этотъ пунктъ вполнѣ удовлетворялъ, какъ по своему стратегическому положенію, такъ и по качествамъ гавани.

Въ Синопѣ была образована смѣшанная комиссія для спѣшнаго оборудованія и укрѣпленія этого порта, но совершенно неожиданно адмиралы союзнаго флота, выждавъ прибытія въ Синопъ той части эскадры, которая была отправлена въ Батумъ, покинули 3 (15) января Синопскій рейдъ и направились къ бухтѣ Бейкосъ.

Такое отступленіе къ Константинополю произвело тяжелое впечатлѣніе на столицу оттомановъ и на представителей морскихъ державъ. Посланники писали адмираламъ, что они удивлены ихъ неожиданному рѣшенію въ особенности въ тотъ моментъ, когда турецкая флотилія собиралась выйти въ море съ припасами для Анатолійской арміи. Они считали, что приказанія ихъ правительствъ были формулированы весьма опредѣленно, и саркастически спрашивали, не полагаютъ ли адмиралы исполнить данное имъ порученіе одинаково хорошо въ Бейкосѣ, какъ и оставаясь въ Синопѣ. Но адмиралы не измѣнили своего рѣшенія и вернулись въ Бейкосъ.

Англійскіе источники считаютъ причину такого поступка не выясненной, вполнѣ основательно признавая ссылку на дурную погоду не уважительной, такъ какъ коммерческія суда продолжали плавать по Черному морю въ теченіе всего времени. Мы полагаемъ, что разгадку такого рѣшенія адмираловъ правильнѣе искать въ опасеніи активныхъ дѣйствій со стороны нашего флота, который, при нахожденіи союзнаго флота въ Синопѣ, могъ бы отрѣзать ему путь отступленія къ Константинополю. Является страннымъ, что свое рѣшеніе уйти въ Бейкосъ адмиралы постановили тотчасъ послѣ полученія приказанія своихъ правительствъ сообщить русскимъ командирамъ, что русскому флоту не разрѣшено крейсеровать по Черному морю [1]). Они сознавали, что такое объявленіе равносильно офиціальному разрыву, и, зная Черноморскій флотъ по недавнему прошлому, могли вполнѣ основательно опасаться повторенія Синопскаго погрома.

Съ тѣхъ поръ союзный флотъ стоялъ въ бухтѣ Бейкосъ, изрѣдка высылая лишь отдѣльные отряды для прогулки по Черному морю. Только впослѣдствіи, когда выяснилось, что нашъ

---

[1]) War with Russia, p. 121. Letters from the Corresp. of the Morning Chronicle.

флотъ примирился съ своей пассивной ролью, союзники начали смѣлѣе выходить въ море, и 18 (30) января соединенная эскадра изъ 8-ми паровыхъ судовъ проконвоировала турецкую эскадру съ войсками и припасами до Трапезунда, послѣ чего подходила на полчаса на горизонтъ Ѳеодосіи [1]).

Такимъ образомъ и союзники и русскій флотъ, опасаясь другъ друга, не отваживались сдѣлаться хозяевами Чернаго моря. Мы вынесли изъ этого положенія лишь одну выгоду, успѣвши въ концѣ февраля безнаказанно снять гарнизоны съ укрѣпленій восточнаго берега Чернаго моря и уничтожить эти укрѣпленія, которыя, не имѣя сухопутнаго сообщенія съ Кавказской арміей, должны были оказаться трофеями союзнаго флота.

Тѣмъ временемъ фактъ появленія непрошенныхъ гостей въ Черномъ морѣ продолжалъ быть предметомъ оживленнаго обмѣна мыслей между главными дѣйствующими лицами.

Баронъ Брунновъ высказывалъ мнѣніе, что союзники имѣютъ цѣлью до окончательнаго разрыва съ нами основать морскія станціи въ Сизополѣ, Трапезундѣ, Синопѣ, Батумѣ, а, можетъ быть, и въ Варнѣ, откуда весною они могли бы направить свои операціи, смотря по обстоятельствамъ, и кончалъ свои предсказанія фразой, что „l'idée de porter un coup à nos établissements „entre dans les vues ultérieures de l'Angleterre et de la France" [2]). Князь Меншиковъ сообщалъ канцлеру [3]) о молчаливо заключенномъ морскомъ перемиріи, такъ какъ ни союзники, ни мы не выходимъ въ открытое море. Онъ признавалъ такое положеніе очень выгоднымъ для насъ въ матеріальномъ отношеніи, но считалъ унизительнымъ въ нравственномъ отношеніи подчиняться приказу болѣе сильнаго и указывалъ на необходимость уничтожить часть нашихъ береговыхъ укрѣпленій на Кавказѣ. Послѣдовавшій же вскорѣ послѣ этого осмотръ четырьмя непріятельскими пароходами Ѳеодосійскаго рейда убѣдилъ князя, что союзники Турціи „положительно имѣютъ въ виду какое-то враждебное „предпріятіе на Крымъ" [4]).

Но наиболѣе сильное и тяжелое впечатлѣніе входъ эскадръ западныхъ державъ въ Черное море произвелъ на престарѣлаго

---

[1]) Кн. Меншиковъ — кн. Долгорукову 21 января 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

[2]) Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1227.

[3]) 7 января 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.

[4]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова 27 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1854 г., секр. д. 10.

князя Воронцова. Въ обширномъ всеподданнѣйшемъ письмѣ [1]), на которомъ Государь поставилъ помѣтку: „весьма неутѣшительно“, намѣстникъ Кавказа въ яркихъ краскахъ описывалъ то почти критическое положеніе, въ которомъ окажется Кавказская армія, если союзники будутъ хозяевами Чернаго моря. „Первое „дѣйствіе таковой войны“, писалъ онъ, „будетъ немедленная по„теря почти всѣхъ нашихъ укрѣпленій на восточномъ берегу, и „я уже не вижу возможности спасенія гарнизоновъ оныхъ, ибо „нашъ флотъ не будетъ въ состояніи даже показаться въ морѣ, „а всѣ гарнизоны этихъ укрѣпленій отъ Новороссійска или, мо„жетъ быть, отъ Геленджика до границы Абхазіи не имѣютъ „никакого отступленія... Въ Черномъ морѣ противъ сильныхъ „непріятельскихъ флотовъ у насъ защиты нѣтъ, и паденіе всего, „чѣмъ мы владѣемъ на этомъ берегу, будетъ имѣть самое пагуб„ное слѣдствіе для могущества Россіи на Кавказѣ и для вліянія „ея въ Европѣ“. Въ заключеніе Воронцовъ молилъ Государя не допустить до окончательнаго разрыва, хотя бы съ нѣкоторыми маловажными уступками.

По той массѣ подчеркиваній и вопросительныхъ знаковъ, которыми Императоръ Николай испестрилъ это письмо, можно судить, какое мучительное впечатлѣніе оно на него произвело. Государь не могъ не сознавать правдивости словъ своего стараго слуги, но онъ также хорошо понималъ, что дѣло идетъ не о маловажныхъ уступкахъ, такъ какъ западныя державы стремились къ открытому разрыву.

Одновременно намѣстникъ писалъ и канцлеру, также указывая на ужасное положеніе нашей береговой линіи, гарнизоны которой должны неминуемо погибнуть, и вновь упоминалъ о необходимости скорѣйшаго заключенія мира, чего, по его глубокому убѣжденію, легко было достигнуть, сдѣлавъ западнымъ державамъ маловажныя уступки. Это письмо уже вызвало со стороны Императора Николая рѣзкую помѣтку: „Je crois que le comte Woronzoff „est tombé dans l'enfance“ [2]).

Въ своемъ опасеніи за судьбу береговыхъ укрѣпленій главнокомандующій на Кавказѣ обращался также и къ князю Меншикову, въ рукахъ котораго, по его мнѣнію, была возможность усилить морскую оборону этихъ укрѣпленій. Въ данномъ случаѣ

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Воронцова 18 (30) января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

[2]) Кн. Воронцовъ — Нессельроде 18 января 1854 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 135.

отвѣтъ князя Александра Сергѣевича для насъ интересенъ, какъ взглядъ на задачи нашего флота послѣ входа въ Черное море соединенныхъ европейскихъ эскадръ.

„Англо-французскіе флоты“, писалъ князь Меншиковъ [1]), „взявъ на себя защиту турецкаго флага и портовъ, конвоируютъ „ихъ транспортныя суда не иначе, какъ тремя винтовыми кора- „блями и 6-7 пароходами, присоединяя такое же число турецкихъ „пароходовъ, и, независимо отъ „того, высылаютъ для крейсерства „въ Черномъ морѣ свои пароходо- „фрегаты, никогда не менѣе че- „тырехъ. Чтобы противопоставить „имъ соотвѣтственную на морѣ „силу, я долженъ отдѣлять значи- „тельную часть нашего флота, рискуя „при подобныхъ встрѣчахъ подвер- „гать суда наши, если не совершен- „ной гибели, то, по крайней мѣрѣ, „поврежденіямъ, которыя на долгое „время могутъ лишить насъ возмож- „ности употреблять ихъ въ дѣло, тогда какъ Черноморскій флотъ въ „настоящее время необходимо беречь для болѣе важнаго момента“.

Схватка подъ Силистріей (турецкая народная картина).

Оставляя пока въ сторонѣ снятіе береговыхъ укрѣпленій, гарнизоны которыхъ благополучно были спасены судами Черноморскаго флота, отмѣтимъ лишь, что изложенныя выше мнѣнія вполнѣ опредѣляли способъ дѣйствія нашего флота въ борьбѣ съ западными державами. Отъ какого-либо активнаго выступленія нашей севастопольской эскадры противъ соединенныхъ эскадръ морскихъ державъ мы заблаговременно воздержались, рѣшивъ перейти къ оборонѣ, и лишь послѣ того, когда непріятельскій флотъ дерзнетъ атаковать севастопольскія твердыни и понесетъ значительный уронъ, окончательно добить его своимъ переходомъ въ наступленіе. Союзники съ своей стороны очень хорошо знали силу Севастополя съ моря, а потому и не предполагали атаковать его съ этой стороны. Такимъ образомъ, снятіемъ гарнизоновъ береговыхъ укрѣпленій кончается активная дѣятельность Черноморскаго флота на морѣ.

---

[1]) Кн. Меншиковъ — кн. Воронцову 10 февраля 1854 г., № 658. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., секр. д. № 72.

Вся дѣятельность этого флота вплоть до высадки союзниковъ въ Крыму была направлена соотвѣтственно съ задачами и взглядами, которыми, какъ сказано выше, руководствовался главнокомандующій сухопутными и морскими силами въ Крыму князь А. С. Меншиковъ. Это, однако, не мѣшало отдѣльнымъ смѣлымъ крейсерствамъ нашихъ пароходо-фрегатовъ.

Такимъ образомъ работа нашего флота въ разсматриваемый періодъ кампаніи сводилась къ принятію самыхъ энергичныхъ мѣръ по оборонѣ Севастопольскаго рейда на случай морской атаки противника, въ практическомъ плаваніи нашихъ судовъ въ окрестностяхъ Севастополя, въ погоняхъ за непріятельскими крейсерами, подходившими къ порту, и въ рѣдкомъ крейсерствѣ нашихъ пароходо-фрегатовъ [1]).

Наиболѣе полныя распоряженія по оборонѣ рейда были сдѣланы адмираломъ Корниловымъ въ обширной инструкціи, отданной имъ командирамъ судовъ 18 марта [2]). Эта инструкція собственно представляетъ изъ себя весьма интересный трактатъ о возможныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ противъ Севастополя и флота, трактатъ, особо поучительный еще и потому, что онъ принадлежитъ перу Владиміра Алексѣевича Корнилова.

Предпріимчивый и сильный на морѣ непріятель могъ, по мнѣнію автора, предпринять противъ Севастопольскаго порта слѣдующія дѣйствія: правильную атаку десантомъ и флотомъ самаго порта и флота, въ немъ стоявшаго, внезапную атаку внѣшнихъ укрѣпленій, истребленіе стоявшихъ въ немъ судовъ брандерами и бомбардированіе съ внѣшнихъ рейдовъ.

Атаку однимъ флотомъ Корниловъ признавалъ невозможной, такъ какъ непріятелю при этомъ пришлось бы преодолѣть плаваніе длинною, узкою бухтой, окаймленной каменными рифами, огонь болѣе 700 береговыхъ орудій большого калибра, 13 сильныхъ кораблей, занимавшихъ позицію, не доступную атакѣ иначе, какъ равными силами, не считая въ томъ числѣ 5 большихъ фрегатовъ, пароходовъ и прочихъ мелкихъ судовъ, и, наконецъ, сопротивленіе 40 тысячнаго русскаго населенія.

Для правильной атаки десантомъ совмѣстно съ флотомъ ближайшими пунктами высадки могли служить на сѣверной сторонѣ

---

[1]) Приказы и распор. по оборонѣ Севастопольскаго порта и вахтен. журн. Центр. Черн. Воен. Мор. Арх. въ г. Николаевѣ. А. Жандръ: „Матеріалы“.

[2]) Черн. Центр. Воен. Мор. Арх. г. Николаева, кн. оп. 15, оп. 66, д. № 6, св. 1.

Бельбекская долина, а на южной—Стрѣлецкая или какая-либо другая бухта Херсонесскаго полуострова [1]).

Корниловъ полагалъ, что непріятель предпочтетъ для высадки сѣверную сторону, въ виду болѣе удобнаго для этой цѣли берега и возможности развернуть значительныя силы. Овладѣвъ Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и береговыми батареями Константиновскою, Михайловскою и № 4, онъ въ состояніи будетъ направить ихъ огонь противъ южныхъ батарей, города и флота и тѣмъ облегчить входъ своей эскадрѣ для атаки кораблей, стоявшихъ въ глубинѣ бухты. Однако, для выполненія этой задачи непріятелю необходимо имѣть осадную артиллерію, а безъ нея, „если гарнизоны, въ крайности, не забудутъ заклепать орудій, то завоеваніе это далеко „еще не рѣшитъ дѣла, и побѣдитель очутится подъ выстрѣлами „противнаго берега и нашего флота".

Въ данномъ случаѣ задача нашего флота заключалась въ подвозѣ подкрѣпленій съ южной стороны, въ отдѣленіи съ судовъ вооруженныхъ партій и въ дѣйствіи артиллеріей съ фрегатовъ и другихъ мелкихъ судовъ. Линейные же корабли не должны были ни въ какомъ случаѣ оставлять своихъ позицій, всегда имѣя въ виду возможность атаки непріятельскимъ флотомъ.

Высадку союзниковъ на южной сторонѣ Корниловъ считалъ менѣе вѣроятной. Она давала имъ преимущество прямого нападенія на городъ, гавань и всѣ портовыя заведенія, но была невыгодна въ техническомъ отношеніи и въ отношеніи подступовъ, дававшихъ обороняющемуся рядъ позицій, способныхъ къ защитѣ малымъ числомъ войскъ. Въ этомъ случаѣ роль флота сводилась къ выполненію тѣхъ же задачъ, какъ и при атакѣ съ сѣверной стороны.

Наконецъ, адмиралъ признавалъ возможнымъ и тотъ случай, что непріятель рѣшится, при огромныхъ его морскихъ силахъ, произвести высадку одновременно на южной и сѣверной сторонахъ. Роль флота попрежнему оставалась вспомогательной, „развѣ „какія-нибудь дерзкія покушенія отдѣльныхъ непріятельскихъ кораблей на наружныя укрѣпленія предоставятъ намъ выгодный „случай атаки съ нашей стороны, къ чему корабли должны быть „заранѣе приготовлены".

Вообще же Корниловъ признавалъ, что овладѣніе Севастополемъ посредствомъ десанта и флота можетъ быть предпринято

---

[1]) См. схему № 41.

не иначе, какъ съ большими средствами, съ большими приготовленіями и съ большой обдуманностью.

Переходя къ возможности внезапной атаки внѣшнихъ укрѣпленій, авторъ записки признавалъ такой способъ дѣйствій совершенно соотвѣтствующимъ духу бывалыхъ подвиговъ англійскаго флота. Такое покушеніе могло быть сдѣлано или для обезсиленія обороны входа въ портъ или же просто для того, чтобы что-нибудь сдѣлать надъ батареями Севастополя.

Лучшимъ средствомъ противъ подобнаго рода покушеній Корниловъ признавалъ заблаговременно условленныя мѣры отраженія, бдительность телеграфовъ и наружныхъ постовъ, а также полную готовность самыхъ укрѣпленій и сторожевыхъ судовъ къ безотлагательному и быстрому открытію огня и отраженію самаго приступа. Въ своей инструкціи адмиралъ давалъ подробныя указанія на этотъ случай.

Успѣшное истребленіе стоящихъ въ портѣ судовъ брандерами Корниловъ признавалъ фактомъ очень рѣдкимъ и болѣе всего зависившимъ отъ паники среди атакуемыхъ судовъ. Въ зависимости отъ этого имъ и были даны въ инструкціи особыя указанія.

Наконецъ, послѣдній случай возможнаго дѣйствія противника, т.-е. бомбардированіе съ внѣшнихъ рейдовъ, требовалъ удаленія кораблей на болѣе безопасныя позиціи, готовность пароходовъ отбуксировать суда и готовность противопожарныхъ средствъ [1]).

Такимъ образомъ, всѣ распоряженія по флоту сводились къ оборонѣ, какъ это и должно было быть, исходя изъ вышеприведеннаго обмѣна мнѣній о положеніи нашего флота въ Черномъ морѣ послѣ входа туда эскадръ западныхъ державъ. Рѣшено было ждать для наступательныхъ дѣйствій нашего флота удобной минуты, когда онъ окажется сильнѣе своего противника. Но этой минуты найти намъ не удалось.

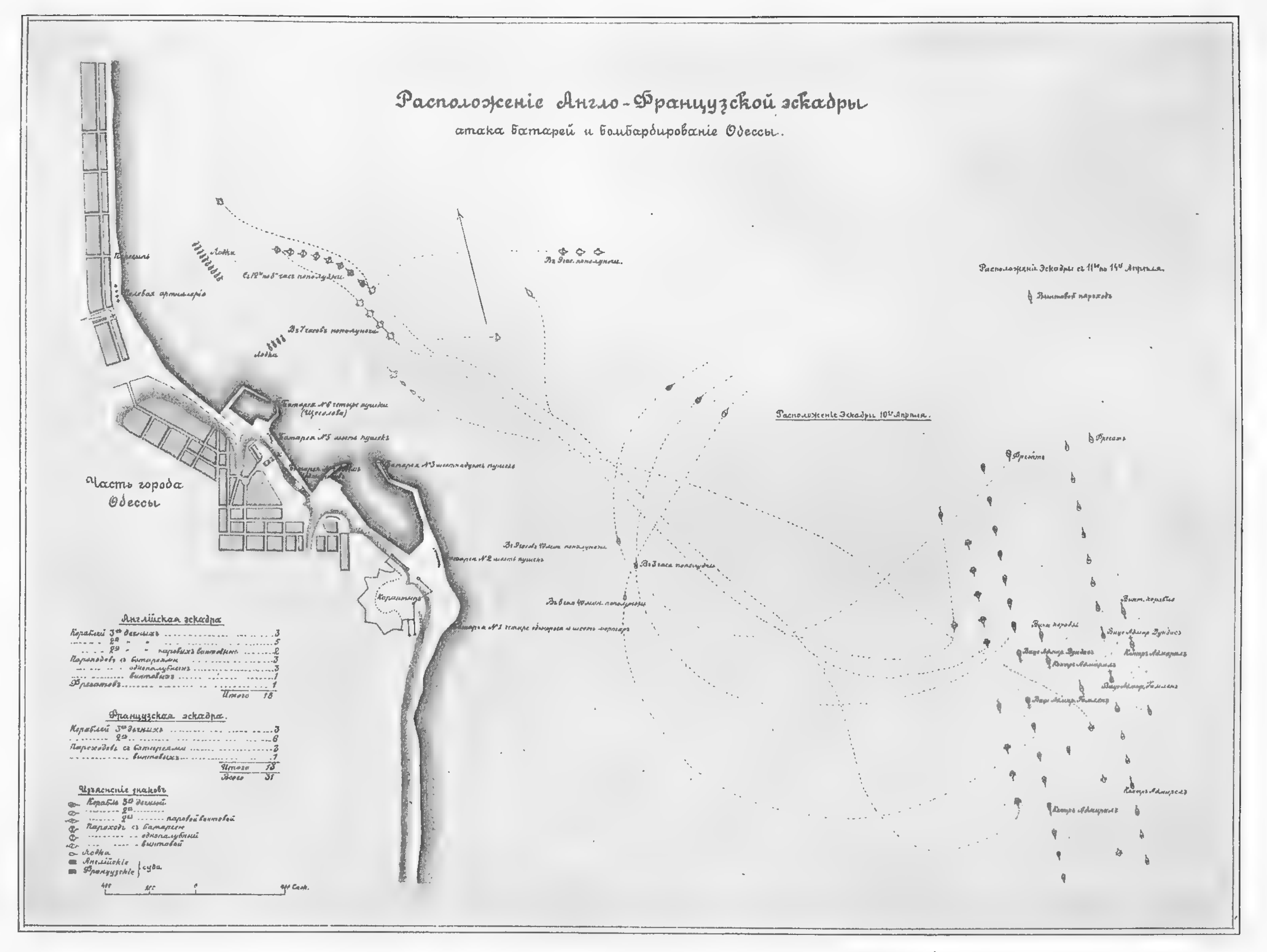
IV.

28 марта (9 апрѣля) адмиралы союзныхъ эскадръ, находившихся въ Черномъ морѣ, получили извѣстіе объ объявленіи войны и, по свидѣтельству англійскихъ источниковъ [2]), одновременно настала чудная погода. Къ тому же, прибавимъ отъ себя, союз-

---

[1]) Эту инструкцію адм. Корнилова мы не помѣщаемъ въ Приложеніяхъ, такъ какъ она напечатана въ „Матеріалахъ“ А. Жандра, стр. 136—143.

[2]) War against Russia, p. 164.



Расположеніе Англо-Французской эскадры
атака батарей и бомбардированіе Одессы.
Часть города Одессы
Лодки
Съ 12ти до 5ти час. пополудни.
Въ 9 час. пополуночи.
Въ 7 часовъ пополуночи
Лодка
Полевая артиллерія
Батарея № 6 четыре пушки (Щеголева)
Батарея № 5 шесть пушекъ
Батарея № 3 шестнадцать пушекъ
Въ 9 часовъ 40 мин. пополуночи
Батарея № 2 шесть пушекъ
Въ 3 часа пополудни
Въ 6 час. 40 мин. пополудни
Батарея № 1 четыре единорога и шесть мортиръ
Карантинъ
Расположеніе Эскадры 10го Апреля.
Расположеніе Эскадры съ 11го по 14е Апреля.
Винтовой пароходъ
Фрегатъ
Винт. корабль
Вице Адмир. Дундасъ
Контръ Адмиралъ
Вице Адмир. Гамеленъ
Контръ Адмиралъ
Английская эскадра
Кораблей 3хъ дечныхъ ... 3
2х ... 5
2х паровыхъ винтовыхъ ... 2
Пароходовъ съ батареями ... 3
однопалубныхъ ... 3
винтовыхъ ... 1
Фрегатовъ ... 1
Итого 18
Французская эскадра.
Кораблей 3хъ дечныхъ ... 3
2х ... 6
Пароходовъ съ батареями ... 3
винтовыхъ ... 1
Итого 13
Всего 31
Изъясненіе знаковъ
Корабль 3х дечный
2х
2х паровой винтовой
Пароходъ съ батареею
однопалубный
винтовой
Лодка
Английскіе суда
Французскіе суда
Саж.

Схема № 42.

ники увидали, что нашъ флотъ заперся въ Севастополѣ и не ищетъ встрѣчи съ ними въ открытомъ морѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, оживило дѣятельность союзнаго флота и заставило его искать пищи для журнальныхъ статей.

На разсвѣтѣ 31 марта на горизонтѣ Севастополя появился пароходъ, подъ австрійскимъ флагомъ, маневрировавшій внѣ огня нашихъ батарей. Въ половинѣ седьмого было приказано пароходамъ „Херсонесу“ и „Громоносцу“ развести пары, а фрегатамъ „Кулевча“ и „Коварна“ быть готовымъ сняться съ якоря. Черезъ нѣсколько минутъ пароходамъ было приказано прекратить пары, но, когда около 8-ми часовъ утра непріятельскій пароходъ, спустивъ австрійскій флагъ, поднялъ англійскій и захватилъ на буксиръ русское каботажное судно, то фрегатамъ, пароходамъ и бригамъ „Эней“ и „Язонъ“ приказано было немедленно выйти въ море. Это было исполнено черезъ нѣсколько минутъ. Непріятельское судно съ призомъ повернуло на юго-западъ, но, видя, что фрегаты начинаютъ, благодаря попутному вѣтру, съ нимъ сближаться, бросило призъ и прибавило ходу, не допуская нашихъ фрегатовъ къ себѣ ближе трехъ миль. Въ виду стихнувшаго вѣтра непріятель началъ выигрывать дистанцію, и наши суда принуждены были вернуться назадъ, обмѣнявшись съ противникомъ нѣсколькими безвредными выстрѣлами [1]).

Союзные пароходы начали чаще появляться также и передъ нашими коммерческими портами: 1 апрѣля 2 англійскихъ и 2 французскихъ парохода подошли на 5 миль къ Одесскому рейду и въ теченіе двухъ дней занимались промѣрами, не упуская случая ловить русскія каботажныя суда, направлявшіяся къ Одессѣ [2]). Забравъ свои безкровные трофеи, пароходы ушли въ море, но 6 апрѣля два изъ нихъ подошли безъ флаговъ къ Евпаторіи, захватили въ плѣнъ обманнымъ образомъ смотрителя таможни, сожгли купеческое судно и удалились въ море [3]).

Промѣры около Одессы давали основаніе предполагать, что союзники имѣютъ намѣреніе напасть на нашъ главный коммерческій портъ на Черномъ морѣ и лишь ждутъ только случая, чтобы чѣмъ-либо оправдать въ глазахъ свѣта такой несвойственный

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова 31 марта 1854 г., № 295. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4251. Вахт. журн. бр. „Эней“, кор. „Селафаилъ“, „Три Святителя“, рапортъ командира „Кулевчи“ и др. Черн. Центр. Воен. Морск. Арх. въ гор. Николаевѣ.

[2]) Вахт. журн. парох. „Андія“. Черн. Центр. Воен. Морск. Арх., г. Николаевъ.

[3]) Воспоминаніе о Крымской войнѣ В. Н. Смирнова. Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

передовымъ націямъ поступокъ. Подходящій случай скоро былъ ими устроенъ, и нападеніе на Одессу состоялось 10 апрѣля.

Въ наши предположенія о возможныхъ планахъ дѣйствій союзниковъ входилъ и случай высадки ихъ десантовъ между Одессой и устьемъ Днѣстра для дѣйствія въ тылъ Дунайской арміи князя Горчакова, а также возможность бомбардированія самаго города, занятіе котораго не представляло никакихъ стратегическихъ выгодъ союзникамъ, а лишь могло содѣйствовать разрушенію и разоренію этого богатаго центра юга Россіи.

На оборону собственно порта, въ виду такого значенія Одессы и ея раіона, не было обращено серьезнаго вниманія, но въ окрестностяхъ этого города былъ собранъ значительной силы отрядъ, который могъ бы противодѣйствовать высадкѣ союзниковъ и обезпечить тылъ арміи князя Горчакова.

Для прикрытія Одессы съ моря имѣлось шесть приморскихъ батарей, расположенныхъ на оконечностяхъ карантиннаго и практическаго моловъ [1]), вооруженныхъ всего 48 орудіями калибровъ не свыше 24-хъ фунтовыхъ пушекъ и 2-хъ пудовыхъ мортиръ. Батареи эти были устроены весьма слабо. Въ каменныхъ парапетахъ карантиннаго мола было прорѣзано 48 амбразуръ и практическаго 33, изъ которыхъ 10 были обращены къ Пересыпи и не могли принести никакой пользы въ борьбѣ съ флотомъ. Парапеты были устроены изъ мягкаго, не имѣющаго никакой связи камня и могли представлять какое-нибудь закрытіе для прислуги лишь при защитѣ земляными мѣшками. Орудія были старыя, нѣкоторые лафеты были сдѣланы за 30 лѣтъ, принадлежностей не хватало, комплектъ снарядовъ на орудіе равнялся 190. Прислуга состояла изъ 1 оберъ-офицера, 2 фейерверкеровъ и 23 рядовыхъ гарнизонной артиллеріи; пришлось ее дополнить офицерами и нижними чинами резервной бригады 5 артиллерійской дивизіи [2]).

Количество войскъ, сосредоточенныхъ въ Одессѣ, равнялось 15 батал., 16 эск., 4 с. и 36 пол. ор., изъ которыхъ по одному баталіону было расположено въ прикрытіи къ батареямъ карантинной и практической гаваней, а остальные стояли въ резервѣ на Михайловской, Соборной площадяхъ и близъ тюремнаго замка.

---

[1]) См. схему № 42, стр. 881.

[2]) Записка о сост. укр. и гарн. арт. г. Одессы въ мартѣ 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3316.

Полк. Гротенфельдъ — г.-м. Бутурлину 5 ноября 1854 г., № 1936. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3586.

Главнымъ начальникомъ войскъ былъ командиръ 3 пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютантъ баронъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ, впослѣдствіи начальникъ севастопольскаго гарнизона.

Поводомъ для нападенія на Одессу послужило нанесенное будто бы оскорбленіе парламентерскому флагу. 1 (13) апрѣля англійскій пароходъ „Furious" подошелъ къ карантинной гавани и, остановленный холостыми выстрѣлами, спустилъ шлюпку подъ парламентерскимъ флагомъ, пришедшую будто бы за англійскимъ консуломъ. Когда шлюпка, принятая на карантинной гавани съ полнымъ уваженіемъ къ парламентерскому флагу, отошла отъ берега свыше мили, то на батареяхъ замѣтили, что „Furious" началъ приближаться къ берегу. Англичане объясняютъ это приближеніе невольнымъ движеніемъ парохода, благодаря дувшему вѣтру. Командиръ одной изъ нашихъ батарей остановилъ пароходъ нѣсколькими боевыми выстрѣлами [1]), видя вполнѣ основательно въ этомъ движеніи желаніе разсмотрѣть прибрежныя укрѣпленія, какъ то сдѣлалъ фрегатъ „Retribution" подъ Севастополемъ.

Союзные адмиралы рѣшили потребовать объясненія у барона Остенъ-Сакена, которое ихъ, какъ это и должно было случиться, не удовлетворило, и они рѣшили силою возстановить попранное право парламентерскаго флага. 8 (20) апрѣля на горизонтѣ Одессы показалась соединенная эскадра въ 32 вымпела [2]), которая на слѣдующій день приблизилась къ порту, не подходя, однако, на дальность орудійнаго выстрѣла. Барону Остенъ-Сакену было отправлено дерзкое предложеніе выдать всѣ русскія и иностранныя суда, сосредоточенныя въ Одесскомъ порту, подъ угрозой, въ случаѣ невыполненія требованія, бомбардировать на слѣдующій день городъ.

Какъ адмиралы союзнаго флота, такъ и ихъ правительства старались всѣми силами впослѣдствіи оправдать нападеніе на Одессу, объясняя его лишь горькой необходимостью возстановить честь своего флага и желаніемъ дѣйствовать не противъ Одессы, мирныхъ жителей и коммерческихъ судовъ, а лишь противъ Императорской военной гавани. Но самое обиліе оправданій и многорѣчіе ихъ заставляютъ предполагать отсутствіе чистосердечности, которую подтверждаетъ и одинъ изъ англійскихъ историковъ, говоря, что баронъ Остенъ-Сакенъ вполнѣ основательно

---

[1]) Captain Lorinp. Letter to admiral Dundas.

[2]) Журн. перегов. линіи между Одесскимъ маякомъ и гор. Одессой. Черн. Центр. Воен. Морск. Арх. г. Николаева, кн. оп. 16, оп. 66, д. № 16.

не отвѣтилъ на дерзкій ультиматумъ адмираловъ между прочимъ и потому, что не могъ предполагать, чтобы Одесса, имѣвшая значеніе базы для нашихъ Дунайской и Крымской армій, была бы оставлена союзниками въ покоѣ, даже если бы не случился инцидентъ съ парламентерскимъ флагомъ [1]).

Союзная эскадра, имѣвшая въ своемъ составѣ 19 кораблей, 10 пароходо-фрегатовъ и нѣсколько канонерскихъ лодокъ, выстроилась, въ ожиданіи отвѣта, передъ Одессой въ боевомъ порядкѣ, въ одну линію, на разстояніи 3-хъ верстъ, начиная отъ нашей правофланговой батареи № 1, у чумнаго квартала.

Не получивъ до вечера отвѣта отъ барона Остенъ-Сакена, союзники 11 апрѣля, въ субботу на Страстной недѣлѣ, начали бомбардировку города. Въ $6^1/_2$ часовъ утра восемь непріятельскихъ пароходо-фрегатовъ вошли на Одесскій рейдъ и, пройдя внѣ выстрѣловъ правофланговой батареи, атаковали послѣдовательно остальныя пять батарей, стрѣляя по временамъ и въ городъ. Дойдя до лѣвофланговой или № 6 батареи, устроенной на оконечности практическаго мола и вооруженной четырьмя 24-хъ фунтовыми орудіями, непріятель обратилъ огонь всѣхъ своихъ пароходо-фрегатовъ и подошедшаго винтового корабля на эту батарею, находившуюся подъ начальствомъ прапорщика резервной батареи 14 артиллерійской бригады Щеголева, только-что выпущеннаго изъ кадетскаго корпуса.

Непріятель, пользуясь большимъ калибромъ своихъ орудій, въ особенности 68-ми и 96-ти фунтовыми бомбическими пушками, не подходилъ на близкое разстояніе, почему сосѣднія со Щеголевской болѣе удаленныя батареи почти не могли принять участія въ бою, и состязаться съ 350 орудіями союзниковъ выпало исключительно на долю четырехъ орудій батареи № 6. Щеголевъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ выдерживалъ неравный бой подъ перекрестнымъ огнемъ превосходнаго противника, дѣйствуя сначала изъ 4-хъ орудій, а потомъ, когда союзные пароходы уклонились влѣво и начали бить его во флангъ и почти что въ тылъ, то только изъ двухъ и, наконецъ, изъ одного орудія.

Шесть часовъ продолжался этотъ неравный бой, въ теченіе котораго Щеголеву удалось подбить три непріятельскіе парохода, уведенные впослѣдствіи на буксирѣ; но зато и батарея № 6 была въ полномъ смыслѣ уничтожена. Всѣ орудія подбиты, складъ

[1]) Nolan: History of the war against Russia, p. 167.

снарядовъ взорванъ, мерлоны батареи и окрестныя суда горѣли. Лишь только тогда, когда стрѣлять было не изъ чего и не чѣмъ, Щеголевъ хладнокровно вывелъ остатки своей прислуги изъ этого ада.

Пользуясь уничтоженіемъ лѣво-фланговой батареи, непріятельскія канонерки подошли близко къ Пересыпи и пытались высадить десантъ, но попытка эта, встрѣченная картечью здѣсь находившихся 4-хъ полевыхъ орудій, потерпѣла полную неудачу. Послѣ этого противникъ началъ зажигать конгревовыми ракетами суда на практической гавани и строенія въ предмѣстьѣ Пересыпь, чѣмъ заставилъ насъ затопить стоявшій здѣсь пароходъ „Андія".

Около восьми часовъ вечера пароходо-фрегаты отошли къ своей эскадрѣ, и дѣло подъ Одессой было собственно окончено съ потерей для насъ 4-хъ нижнихъ чиновъ убитыми, 45 ранеными и 12 контуженными. Обывателей было убито 3 и ранено 8 человѣкъ. На Пересыпи сожжено 14 небольшихъ частныхъ строеній и въ самомъ городѣ повреждено 52 каменныхъ дома. Причину такихъ относительно небольшихъ разрушеній слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что въ городѣ послѣ бомбардированія было найдено свыше 632 неразорвавшихся непріятельскихъ снарядовъ [1]).

Что касается до потерь союзниковъ, то иностранные источники объ этомъ почти не говорятъ; наиболѣе сильно пострадалъ выведенный изъ строя французскій пароходо-фрегатъ „Vauban" и менѣе сильно три англійскихъ парохода.

Во время пребыванія союзнаго флота передъ Одессой и во время самаго бомбардированія обширное населеніе этого города выказало высоко патріотическія чувства, помогая войскамъ и поддерживая въ городѣ полный порядокъ. Чувства эти еще болѣе возросли по полученіи въ память свершившагося событія Высочайшей благодарственной грамоты городу Одессѣ.

Утромъ 14 числа соединенная эскадра ушла изъ-подъ Одессы на юго-востокъ, направивъ три поврежденные парохода на юго-западъ [2]). О впечатлѣніи, произведенномъ нападеніемъ на Одессу въ Европѣ, можно судить по слѣдующимъ словамъ донесенія нашего

---

[1]) Донесеніе г.-ад. Анненкова военному министру 2 іюля 1854 г., № 3373. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. № 6.

[2]) Донесеніе г.-ад. бар. Остенъ-Сакена и Анненкова. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. № 6.

Вып. изъ журн. в. д. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3586.

Вахт. журн. пар. Андія. Центр. Черн. Воен. Морск. Арх. гор. Николаева.

Донесеніе адм. Гамелэнъ маршалу С.-Арно 25 апрѣля 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин. Nolan: History of the war against Russia, корр. совр. газ. и пр.

посланника въ Нидерландахъ канцлеру графу Нессельроде: „Le bombardement d'Odessa a „été en général très mal vu par „le public éclairé de cette rési- „dence. Le commerce d'Amster- „dam en est indigné“ [1]).

Генералъ-адъютантъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

Радость Государя Николая Павловича по случаю удачнаго отбитія нападенія на Одессу выразилась не только въ милостивой грамотѣ, данной городу, но и въ многочисленныхъ наградахъ участникамъ дѣла. Особенно щедро былъ награжденъ герой дня прапорщикъ Щеголевъ, который былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и получилъ Георгіевскій крестъ при собственноручномъ рескриптѣ Наслѣдника Цесаревича. Кромѣ того, возстановленная батарея, которой онъ командовалъ, получила его имя.

Но неудачное въ общемъ поползновеніе союзнаго флота противъ Одессы навело Государя на мысль о возможности нашему Черноморскому флоту перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Мысль эта впервые проглядываетъ въ письмѣ Императора Николая къ князю Меншикову отъ 19 апрѣля [2]). „Думаю“, писалъ Государь, „что повторенная атака или атаки Одессы нѣсколько облупятъ „союзные флоты, которыхъ три парохода порядкомъ пострадали „уже при первой. Не настала ли пора выгадать минуту, гдѣ мы „съ пользой могли бы встрѣтить сей флотъ нашимъ? Мудрено „мнѣ сіе отсюда опредѣлить, но мысль сію тебѣ сообщаю, вполнѣ „полагаясь на тебя и нашихъ черноморскихъ героевъ, что минуты „не пропустите наказать варваровъ, Божьихъ отступниковъ“.

Князь Меншиковъ въ отвѣтъ на пожеланіе Государя увѣрялъ [3]), что ни одинъ случай не будетъ упущенъ для нападенія на

---

[1]) 27 апрѣля (9 мая) 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 42.

[3]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Меншикова отъ 4 мая 1854 г., № 322. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4252.

непріятельскія эскадры, но что пока такого случая не представлялось. Подъ Одессой пострадали 3-4 парохода, а остальныя суда остались невредимыми, и 3 мая на горизонтѣ Георгіевскаго монастыря крейсеровало 22 непріятельскихъ корабля, не считая пароходовъ. Князь Меншиковъ полагалъ, что при такомъ превосходствѣ силъ „никакое наступательное предпріятіе не возможно“ и оставалось лишь выжидать удобныхъ для этого обстоятельствъ.

Впослѣдствіи Государь неоднократно вновь обращался къ этому вопросу, который незадолго до высадки союзниковъ въ Крыму вылился даже въ форму опредѣленнаго приказанія.

Въ то время, когда соединенная эскадра стояла еще передъ Одессой, союзники произвели высадку незначительнаго десанта въ Кюстенджи, въ Бабадагской области, имѣя, по всей вѣроятности, цѣлью свозъ оставленнаго тамъ турками продовольствія [1]). Послѣ же ухода изъ-подъ Одессы вся англо-французская эскадра отправилась въ продолжительное крейсерованіе вдоль крымскихъ и кавказскихъ береговъ. Цѣлью этой экспедиціи было производство рекогносцировокъ и сношеніе съ Шамилемъ, для чего союзные адмиралы признавали между прочимъ желательнымъ занять и укрѣпить какой-либо опорный пунктъ на кавказскомъ берегу. Ими высказывалась также идея о послѣдовательной бомбардировкѣ, по примѣру Одессы, всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ нашего побережья, пока нами не предприняты мѣры для ихъ защиты. Позднее раскаяніе въ томъ, что союзный флотъ не успѣлъ перехватить гарнизоны спасенныхъ нами береговыхъ укрѣпленій, видимо, не давало покоя адмираламъ, и они хотѣли наверстать время, потерянное, благодаря „мартовской бурной погодѣ“. Однако, по всей вѣроятности, незначительный успѣхъ одесскаго бомбардированія заставилъ ихъ отказаться отъ нападенія на наши прибрежные пункты, и весеннее крейсерство союзныхъ эскадръ носило характеръ безкровный—суда ихъ избѣгали приближаться къ берегу на дальность орудійнаго выстрѣла [2]).

15 апрѣля два непріятельскіе парохода взошли на беззащитный Евпаторійскій рейдъ, захватили стоявшія на якорѣ наши каботажныя суда и ушли въ море [3]). Въ тотъ же день эскадра въ 22 вымпела появилась на виду Севастополя и крейсеровала здѣсь нѣсколько дней, производя отдѣльными судами рекогносцировку

---

[1]) Ген. Ушаковъ — ген. Коцебу 11 апрѣля 1854 г., № 377. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3341.

[2]) Эвельмансъ—маршалу С.-Арно 22 апрѣля (4 мая) 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[3]) Донесеніе там. стр. Арх. Морск. Мин. 1854 г. Канц. Мин., д. № 13271.

береговъ. Рекогносцировка эта указала на полную недоступность Севастополя съ моря, на усиленіе его сухопутныхъ укрѣпленій и увеличеніе вооруженныхъ силъ [1]). „Однако“, кончалъ свой докладъ французскій офицеръ, „я продолжаю настаивать на томъ, „что нападеніе на Севастополь съ суши возможно“.

26 апрѣля непріятельскія суда подходили къ Керченскому проливу и къ Ѳеодосіи, 28-го къ Анапѣ, но нигдѣ не приближались къ берегу на дальность орудійнаго выстрѣла. Въ промежуткѣ они подходили къ Балаклавской бухтѣ съ цѣлью ея рекогносцировки. Князь Меншиковъ на это не обратилъ должнаго вниманія, такъ какъ, по его словамъ, „съ успѣхомъ войти въ бухту и предпола-„гать нельзя, ибо по узкости ея большимъ судамъ въ ней пово-„ротиться невозможно, а при тѣснотѣ входа между неприступными „скалами, на которыхъ расположились балаклавскіе стрѣлки, они „дѣйствовали бы по непріятелю на самомъ близкомъ разстояніи и „могли бы нанести ему значительный вредъ, будучи сами на высотѣ „внѣ дѣйствія непріятельскихъ орудій“ [2]). А между тѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Балаклава стала базой англійскаго флота [3]).

30 апрѣля шедшій изъ Севастополя англійскій пароходо-фрегатъ „Тигръ“ при необыкновенно густомъ туманѣ сѣлъ на мель подъ крутымъ берегомъ дачи Кортаци, въ шести верстахъ на югъ отъ Одессы. Во̀-время подоспѣвшія два батарейныхъ орудія 16-й артиллерійской бригады заставили своимъ огнемъ фрегатъ спустить флагъ, а экипажъ, въ составѣ командира судна, которому оторвало ногу, 24 офицеровъ и 201 нижняго чина, изъ числа которыхъ 5 раненыхъ, сдаться въ плѣнъ. Подходъ на помощь пострадавшему „Тигру“ двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ не далъ намъ возможности снять призъ съ мели, почему онъ и былъ сожженъ огнемъ нашихъ батарей [4]).

Невольно напрашивается сравненіе во славу нашихъ черноморскихъ моряковъ поведенія экипажа англійскаго „Тигра“ съ русскимъ „Колхидою“, бывшею въ такомъ же положеніи 6 ноября 1853 года у кавказскихъ береговъ [5]).

---

[1]) Эвельмансъ — С.-Арно 22 апрѣля (4 мая) 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[2]) Всепод. дон. кн. Меншикова 27 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., д. № 10.

[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. №№ 10, 72, 48; Арх. Морск. Мин., оп. кн. Меншикова, № 324; Воен. Уч. Арх., отд. 2, д. №№ 4253, 4254, 4251; Центр. Черн. Воен. Морск. Арх. въ Николаевѣ и пр.

[4]) Бар. Остенъ-Сакенъ — кн. Варшавскому 30 апрѣля 1854 г., № 329. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 6.

[5]) См. главу V.

Въ концѣ апрѣля (4 мая н. ст.) въ Черное море вышелъ и турецкій флотъ, главнымъ назначеніемъ котораго были кавказскіе берега. Конвоировалъ его туда англійскій пароходъ „Terrible“ [1]). Союзная эскадра тѣмъ временемъ продолжала крейсеровать въ нашихъ водахъ. Чаще всего она появлялась близъ Одессы и между этимъ портомъ и Дунаемъ. Характеръ дѣятельности былъ все тотъ же. Непріятельскія суда подходили къ берегу подъ нейтральнымъ флагомъ, захватывали коммерческія суда, сжигали береговыя строенія, а иногда и высаживались на берегъ, съ цѣлью пограбить прибрежныхъ жителей [2]).

Съ 11 мая рѣшено было высылать въ крейсерство и наши парусныя суда. Вѣрнѣе, эту мѣру слѣдовало бы назвать практическимъ плаваніемъ, такъ какъ суда выходили съ рейда только въ томъ случаѣ, когда горизонтъ былъ чистъ отъ непріятельскихъ судовъ, когда погода благопріятствовала, и при томъ при своемъ выходѣ суда имѣли главною своей цѣлью обученіе командъ. Крейсерующимъ судамъ не разрѣшалось удаляться отъ створной линіи и приказано было находиться на виду сигналовъ изъ Севастополя, а къ вечеру возвращаться домой. Первоначально выходили въ море по два фрегата при одномъ пароходѣ [3]).

13 мая приказано было въ Севастополѣ разоружить всѣ мелкія суда, кромѣ корвета „Андромаха“ [4]).

Въ то же время лучшіе наши пароходы начали иногда отправляться и въ настоящее крейсерство по Черному морю. Такъ, 27 мая они доходили даже до Синопа и вернулись назадъ, не встрѣтивъ на пути ни одного военнаго судна [5]).

Князь Меншиковъ вообще въ это время былъ доволенъ состояніемъ Севастополя и флота. „Съ прибытіемъ одной бригады „17-й дивизіи и комплектованіемъ резервной бригады 13-й дивизіи“, сообщалъ онъ князю Варшавскому [6]), „Севастополь обезпеченъ „въ такой мѣрѣ, что, конечно, нуженъ весьма значительный десантъ, „чтобы отважиться сдѣлать рѣшительное нападеніе на этотъ портъ. „Предпріятіе тѣмъ менѣе сбыточное, что ваша свѣтлость въ обез„печеніе наше притягиваете на себя союзниковъ магометанства“.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 14.

[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. № 49.

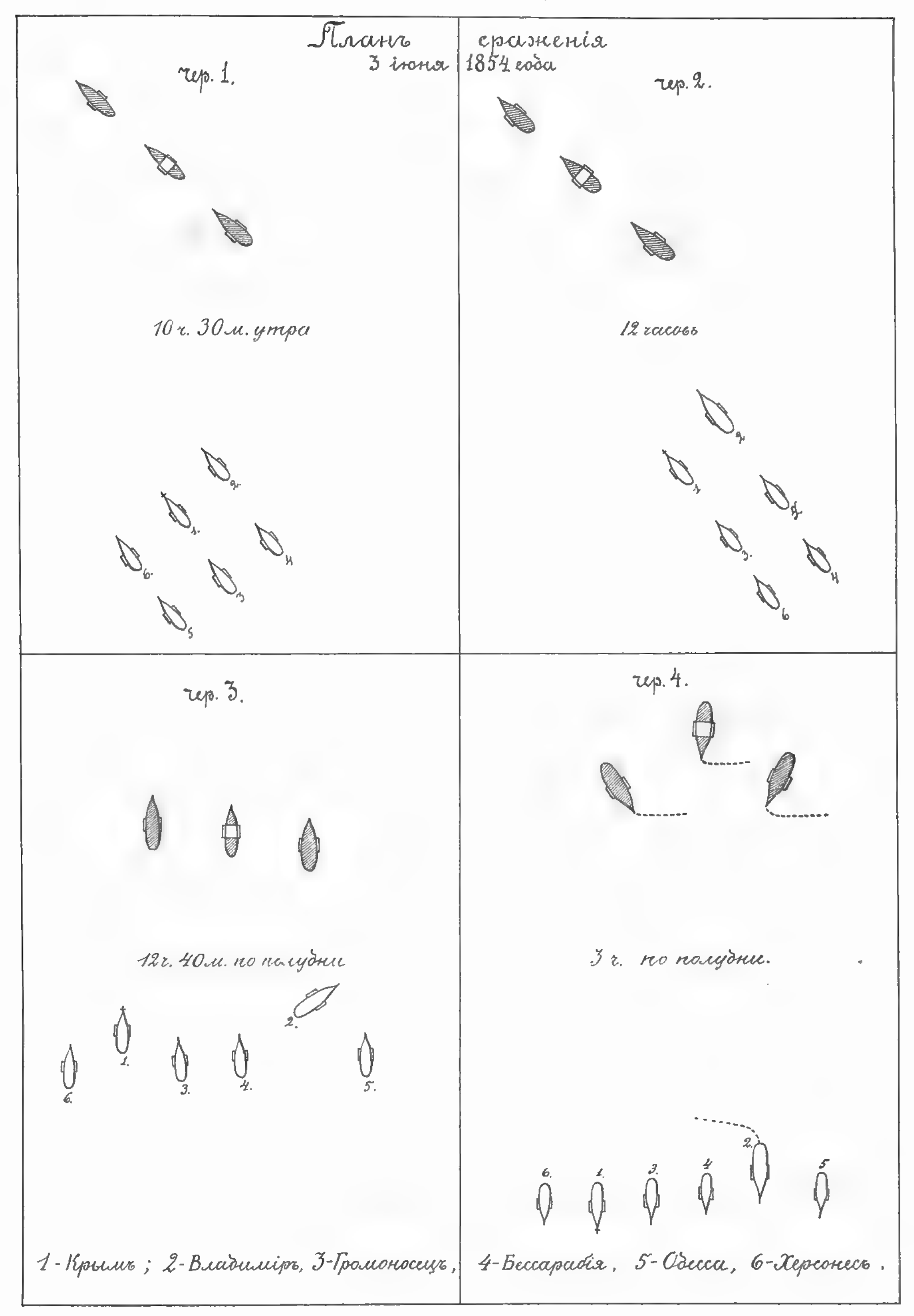
[3]) Програма крейсерства, утвержденная г.-ад. Корниловымъ. Черн. Центр. Воен. Мин. Арх. въ гор. Николаевѣ, кн. оп. 15, оп. 66, д. № 22.

[4]) Тамъ же.

[5]) Кн. Меншиковъ—кн. Горчакову 30 мая 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

[6]) Отъ 30 мая 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4311.

Схема № 43.



Планъ сраженія
3 іюня 1854 года
чер. 1.
чер. 2.
10 ч. 30 м. утра
12 часовъ
чер. 3.
чер. 4.
12 ч. 40 м. по полудни
3 ч. по полудни.
1 - Крымъ; 2 - Владиміръ, 3 - Громоносецъ, 4 - Бессарабія, 5 - Одесса, 6 - Херсонесъ.

Черноморскій флотъ князь Александръ Сергѣевичъ находилъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ былъ передъ открытіемъ войны. Мы имѣли на рейдѣ въ совершенной боевой готовности и съ полнымъ комплектомъ людей 14 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ четыре 120-ти пушечныхъ. „Сила, конечно, хорошая“, присовокуплялъ князь Меншиковъ, „но непріятель являлся къ намъ „до сего времени всегда въ столь превосходящемъ насъ числѣ „вымпеловъ, что съ нашей стороны было бы крайне опрометчиво „итти къ нему навстрѣчу и сразиться. Мы выжидаемъ случая „или какого-нибудь промаха со стороны непріятеля или раздѣ„ленія его силъ. Тогда предпримемъ ту операцію, которая наи„болѣе представитъ видовъ успѣха. А до тѣхъ поръ, по необхо„димости, будемъ въ выжидательномъ положеніи“.

Что касается до Керченскаго пролива и входа въ Азовское море, то, князь Меншиковъ, считая это послѣднее недоступнымъ по мелководію для большихъ пароходо-фрегатовъ, полагалъ ихъ обезпеченными въ достаточной мѣрѣ отъ попытокъ непріятеля постройкой батарей у Ѳеодосіи, Керчи, Еникале и затопленіемъ старыхъ судовъ въ Керченскомъ проливѣ, противъ Павловской батареи [1]). Кромѣ того, 4 іюля туда прибыла для защиты Азовскаго моря эскадра к.-ад. Вульфа, въ составѣ 4-хъ пароходовъ, 4-хъ транспортовъ, 1-й шхуны и 5-ти казачьихъ баркасовъ [2]). Упомянувъ въ концѣ своего письма о мрачныхъ грозовыхъ тучахъ, нависшихъ на политическомъ горизонтѣ Россіи, князь Александръ Сергѣевичъ кончалъ его слѣдующимъ знаменательнымъ обращеніемъ къ князю Варшавскому: „Вамъ, князь, вашей предусмотри„тельности, которой дѣйствія мы уже видимъ, и вашимъ воин„скимъ, столь давно извѣданнымъ, талантамъ предречена слава и „честь разогнать эти тучи, какъ бы грозны онѣ ни были! Въ этомъ „мы всѣ, знающіе васъ, не сомнѣваемся. Ждемъ и уповаемъ!“...

Эти строки писались въ то время, когда поступки князя Варшавскаго подъ Силистріей вызывали недоумѣніе у Государя, арміи и всей Россіи.

3 іюня на виду Севастополя произошло первое столкновеніе между нашими и англо-французскими пароходами. Въ этотъ день съ утра вышли въ море на обычное плаваніе корабли „Храбрый“ и „Святославъ“, фрегатъ „Кулевча“ и пароходъ „Одесса“. Около

---

[1]) Тамъ же и Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4279.
[2]) Арх. Морск. Мин., 1854 г. Инсп. Деп., 1 отд., 2 ст., № 354.

10 часовъ утра на сѣверо-востокѣ было обнаружено три непріятельскихъ пароходо-фрегата, и адмиралъ Корниловъ приказалъ немедленно выйти въ море отряду пароходовъ подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова. Въ этотъ отрядъ вошли пароходы „Крымъ", подъ флагомъ командовавшаго отрядомъ, „Владиміръ", „Громоносецъ", „Бессарабія", „Херсонесъ", а въ морѣ присоединился и раньше вышедшій „Одесса". На пароходахъ были посажены абордажныя команды.

Выйдя въ половинѣ одиннадцатаго за Константиновскую батарею, отрядъ построился въ три колонны и взялъ курсъ на перерѣзъ непріятельскимъ пароходамъ, которые продолжали уходить [1]. По сближеніи съ противникомъ контръ-адмиралъ Панфиловъ, имѣя цѣлью поставить каждый непріятельскій пароходъ въ два огня, перестроился въ двѣ колонны и взялъ курсъ прямо къ противнику, шедшему въ линіи баталіи и имѣвшему французскій пароходо-фрегатъ между двумя англійскими. Въ полдень Панфиловъ далъ сигналъ приготовиться къ бою, а въ половинѣ перваго непріятель открылъ огонь, но снаряды его не долетали.

Въ 12 ч. 40 м., сойдясь на дистанцію въ 1200 саженей, наши пароходы подняли на всѣхъ брамъ-стеньгахъ военные флаги и открыли огонь. Противникъ, поднявъ свои кормовые флаги, продолжалъ уходить, выстроивъ линію фронта и дѣйствуя изъ кормовыхъ орудій. Наши пароходы также выстроились въ линію фронта.

Въ 1 ч. 20 м. дня непріятельскіе пароходы, увидавъ слабые результаты стрѣльбы на столь большомъ разстояніи, подпустили выдвинувшагося впередъ „Владиміра" на 900 саженей и открыли противъ него сосредоточенный огонь, на который „Владиміръ" отвѣчалъ всѣмъ бортомъ. Когда прочіе наши пароходы выравнились съ „Владиміромъ", и перевѣсъ въ огнѣ перешелъ на нашу сторону, то противникъ вновь началъ отъ насъ уходить. Адмиралъ Панфиловъ, видя, что союзники не намѣрены допустить его отрядъ на дистанцію дѣйствительнаго огня, а также въ виду того, что непріятель могъ насъ поражать съ такого разстоянія, съ котораго мы могли дѣйствовать лишь однимъ носовымъ орудіемъ, рѣшилъ въ третьемъ часу дня повернуть назадъ, отойдя отъ Севастополя свыше 20 миль. Непріятельскіе пароходы нѣкоторое время преслѣдовали насъ, а потомъ отстали и пошли на юго-западъ.

Къ вечеру наши суда благополучно втянулись на рейдъ, потерявъ ранеными съ „Владиміра" мичмана Скарятина и двухъ

---

[1]) См. схему № 43, стр. 891.

унтеръ-офицеровъ и контуженными кап.-лейт. Лесли и четырехъ матросовъ. Самъ „Владимiръ", такъ же, какъ и непрiятельскiе пароходы, пострадалъ весьма незначительно [1]).

7 iюня союзные пароходы вновь показались на горизонтѣ Севастополя, но вновь дѣло до столкновенiя не дошло.

12 iюня весь нашъ флотъ былъ раздѣленъ на четыре эскадры, которыя поочередно выходили въ море для обычнаго крейсерованiя въ виду Севастополя [2]).

Несмотря на то, что союзные адмиралы оповѣстили весь свѣтъ о полной блокадѣ ими русскихъ портовъ на Черномъ морѣ и о безопасности плаванiя турецкихъ купеческихъ судовъ, такой блокады въ дѣйствительности не существовало, такъ какъ наши отдѣльные пароходо-фрегаты и въ особенности „Владимiръ" и „Эльборусъ" неоднократно выходили въ дальнее крейсерство, доходили до Анатолiйскаго берега и проливовъ, жгли купеческiя суда и возвращались обратно, избѣгая встрѣчи съ союзниками.

Одинъ изъ подобныхъ смѣлыхъ набѣговъ былъ сдѣланъ въ теченiе четырехъ дней съ 30 iюня по 4 iюля пароходомъ „Эльборусъ", который прошелъ вдоль Анатолiйскаго берега, подошелъ на 17 миль къ проливамъ, сжегъ три купеческихъ судна въ отплату за постоянное нападенiе союзниковъ на наши каботажныя суда и благополучно возвратился въ Севастополь [3]). Черезъ нѣсколько дней пароходъ этотъ вновь отправился въ дальнее крейсерство [4]).

Въ то же время „Владимiръ", во главѣ со своимъ лихимъ командиромъ капитаномъ Бутаковымъ, крейсеровалъ между Одессой и Дунаемъ, въ виду полученнаго извѣстiя о появленiи тамъ малыхъ непрiятельскихъ пароходовъ, но никого не нашелъ [5]). Послѣ этого „Владимiръ", направившись къ Ераклiи и сжегши тамъ три торговыхъ судна, благополучно вернулся въ Севастополь [6]). Этотъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесенiе кн. Меншикова 5 iюня 1854 г., № 367. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4251.

Рапортъ к.-адм. Панфилова 4 iюня 1854 г., № 75, и вахт. журн. участв. судовъ. Центр. Черн. Воен. Морск. Арх. гор. Николаева.

[2]) Приказъ командира Севастопольскаго порта 12 iюня 1854 г., № 726. Центр. Черн. Воен. Морск. Арх. гор. Николаева.

[3]) Описанiе участника А. Асланбекова. Рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны. Вахт. журн. пар. „Эльборусъ", Центр. Черн. Воен. Морск. Арх. гор. Николаева.

Всеподданнѣйшее донесенiе кн. Меньшикова 7 iюля 1854 г., № 390. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4251.

[4]) Кн. Меншиковъ — Вел. Кн. Константину Николаевичу 7 iюля 1854 г. Арх. Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 17.

[5]) Всеподданнѣйшее донесенiе кн. Меншикова 11 iюля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 42.

[6]) Le séraskier au maréchal de St-Arnaud le 24 (12) juillet 1854. Парижскiй архивъ.

Бомбардированіе Одессы.

набѣгъ нашего парохода произвелъ цѣлую бурю негодованія въ англійской и французской прессахъ на небрежность и бездѣятельность союзнаго флота [1]).

Неудовольствіе среди союзныхъ націй на своихъ моряковъ уже накапливалось давно. Въ Англіи и Франціи вполнѣ основательно ожидали, что ихъ флотъ, при своемъ большомъ превосходствѣ надъ нашей севастопольской эскадрой, могъ дѣйствовать въ Черномъ морѣ болѣе смѣло, между тѣмъ, какъ вся его дѣятельность заключалась въ безвредномъ обстрѣливаніи нашихъ береговъ, въ ловлѣ купеческихъ судовъ и въ безполезной прогулкѣ къ кавказскимъ берегамъ, съ цѣлью войти въ связь съ горцами. Нѣсколько болѣе энергіи союзные моряки проявили въ устьяхъ Дуная, сжегши тамъ наши кордоны и произведя также неудачную попытку ввести свои канонерки въ устье Сулинскаго рукава Дуная. Опубликованное оправданіе адмираловъ немного уменьшило возбужденное противъ нихъ неудовольствіе, но оно все-таки продолжало существовать въ англійскомъ и французскомъ обществахъ [2]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ вопросъ о высадкѣ союзниковъ въ Крыму былъ уже принципіально рѣшенъ, и 8 (20) іюля лучшая и большая часть соединеннаго флота, въ составѣ 14 вымпеловъ, отбыла къ крымскимъ берегамъ, имѣя на своемъ борту генерала Канробера и много англійскихъ и французскихъ офицеровъ для рекогносцировки окрестностей Севастополя [3]).

14 іюля союзная эскадра появилась у мыса Лукуллъ, а три парохода подошли къ Севастополю, но послѣ того, какъ „Furious", на которомъ находился Канроберъ со своимъ штабомъ, былъ временно выведенъ изъ строя удачнымъ снарядомъ съ Волоховой башни, они отошли къ остальной эскадрѣ [4]).

Такой характеръ дѣйствій на Черномъ морѣ продолжался вплоть до высадки союзниковъ въ Крыму.

---

[1]) Бар. Брунновъ — канцлеру 31 іюля (12 августа) 1854 г., № 118, изъ Дармштадта. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г., карт. Londres.

[2]) War with Russia; Letters from the engineer of the Terrible; Commander Powell's dispatch to the vice-admiral Dundas, и др.

[3]) По донесенію кн. Меншикова, былъ 21 вымпелъ, въ томъ числѣ 5 винтовыхъ кораблей.

[4]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова отъ 14 іюля 1854 г., № 401. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4251.

Вахт. журналы судовъ. Letter from an Srich officer an board the Furious, и др.

Глава XVII.

I.

Князь П. П. Гагаринъ, по случаю отъѣзда князя Варшавскаго изъ Петербурга на театръ войны, записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 11 марта: „Le maréchal est parti avant-hier. L'idée d'aller re„commencer une carrière nouvelle ne lui sourit plus. Il craint, dit-on, „de compromettre sa gloire, comme si le craindre n'était point un „signe de faiblesse"... [1]). П. К. Меньковъ, одинъ изъ близкихъ къ фельдмаршалу во время пребыванія его на Дунаѣ людей, посвятилъ прибытію князя Варшавскаго на театръ войны слѣдующія строки: „Старый фельдмаршалъ прибылъ съ новыми „идеями. Предательская, неопредѣленная и подлая политика Австріи „давала поводъ думать о близкомъ разрывѣ Россіи съ этой дер„жавою. Въ душѣ ненавидя австрійцевъ и, быть можетъ, желая „втайнѣ войны съ нѣмцами, фельдмаршалъ былъ убѣжденъ или, „лучше сказать, хотѣлъ убѣдить всѣхъ, что положеніе арміи „на Дунаѣ весьма опасно, что Австрія черезъ Молдавію и Ва„лахію можетъ дѣйствовать на флангъ и тылъ ея. Двусмыслен„ное поведеніе Австріи нѣсколько оправдывало предположенія „стараго фельдмаршала, который за этой ширмой искусно скры„валъ опасенія свои, чтобы давняя добытая имъ слава не свих„нулась при встрѣчѣ съ турками" [2]).

Таково было впечатлѣніе, которое произвелъ новый главнокомандующій и въ Петербургѣ и въ близкихъ къ нему кругахъ дѣйствующей арміи. Семидесятилѣтній возрастъ фельдмаршала,

---

[1]) Собственная Его Величества библіотека. Рукоп. отд.
[2]) П. К. Меньковъ: „Нѣмцы на Дунаѣ". Рукоп. отд. Музея Севастопольской обороны.

физическая дряхлость и упадокъ энергіи, совмѣстно съ понятнымъ желаніемъ остаться на высотѣ пріобрѣтенной удачными войнами боевой славы, не могли не вліять на образъ дѣйствій князя Варшавскаго во главѣ арміи, на отсутствіе смѣлаго размаха мысли, рѣшимости и отчасти даже риска и на преобладаніе чрезмѣрной осторожности, которая, подъ давленіемъ вполнѣ соотвѣтствовавшихъ обстановкѣ настойчивыхъ требованій Императора Николая, вылилась въ форму столь зловредныхъ на войнѣ полумѣръ.

Новый главнокомандующій, заѣхавъ по пути изъ Петербурга въ Варшаву, отправился оттуда на театръ военныхъ дѣйствій 27 марта вечеромъ, разсчитывая около 3 апрѣля прибыть въ Фокшаны, куда приглашалъ также пріѣхать и князя Горчакова [1]).

Тѣмъ временемъ и въ Петербургѣ и по пути слѣдованія князя Варшавскаго получались новыя донесенія съ Дуная, которыя подтверждали полный успѣхъ нашего перехода черезъ рѣку, отступленіе турокъ и возможность, по мнѣнію князя Горчакова, развить наши наступательныя операціи.

Государь вполнѣ сочувствовалъ взгляду князя Михаила Дмитріевича на дѣло и, не предвидя близкой опасности со стороны Австріи, желалъ, насколько возможно, воспользоваться благопріятной обстановкой и занять выгодное положеніе до подхода англо-французовъ. Онъ предполагалъ съ этой цѣлью приступить къ Силистріи, притянувъ туда одну дивизію изъ-подъ Бухареста, и прикрываться со стороны Малой Валахіи и Рущука остальными тремя дивизіями. Если бы въ это время турки вышли изъ Калафата и двинулись противъ генерала Липранди, то Государь нѣсколько измѣнялъ свой планъ въ томъ смыслѣ, чтобы дать непріятелю отойти на три или четыре перехода и потомъ первоначально рѣшительно обрушиться на турокъ всѣми войсками, собранными у Бухареста, т.-е. 4 пѣхотными и 2 кавалерійскими дивизіями, а послѣ этого уже приступить къ Силистріи. Въ случаѣ выхода Омера-паши съ главными силами изъ Шумлы и движенія противъ насъ, Государь также полагалъ атаковать его до подхода союзниковъ, которыхъ, по мнѣнію Императора Николая, нельзя было ожидать ранѣе второй половины апрѣля. „Прости, „любезный отецъ-командиръ“, такъ заканчивалъ Государь свои

---

[1]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 27 марта 1854 г. Русск. стар. 1876 г., февраль, стр. 401.

предположенія въ письмѣ къ Паскевичу, „что такъ смѣло выра-„жаю мои мысли и желанія. Ежели ты другого мнѣнія, уступаю, „но душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу „изъ столь неожиданнаго благополучнаго начала... Да благосло-„витъ Господь Богъ новый твой походъ и да дастъ тебѣ новый „вѣнецъ славы въ продолженіе персидскаго, турецкаго, поль-„скаго и венгерскаго походовъ“ [1]).

Черезъ нѣсколько дней [2]) Императоръ Николай вновь писалъ князю Варшавскому и повторялъ свою мысль скорѣе оса-

Генералъ-лейтенантъ Соймоновъ.

дить Силистрію. Онъ вновь успокаивалъ своего отца-командира на счетъ Австріи, въ которой не было существенныхъ приготовленій, угрожавшихъ нашему правому флангу и тылу; къ тому же Государь считалъ насъ достаточно сильными, чтобы остановить всякое покушеніе австрійцевъ съ этой стороны. Опасности со стороны устья Дуная, гдѣ мы стояли твердой ногой на обоихъ берегахъ, Николай Павловичъ также не ожидалъ, такъ какъ высадку союзниковъ предполагалъ у Варны, исходя изъ того заключенія, что оттуда они могли оказать помощь Силистріи и

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 26 марта 1854 г. Собственная Его Величества библіотека. Рукоп. отд., шк. 115.

[2]) Отъ 1 апрѣля. Тамъ же.

подкрѣпить Омера-пашу. Изъ 96 тысячъ, имѣвшихся въ рукахъ Паскевича, Государь считалъ возможнымъ оставить до 36 тысячъ противъ Малой Валахіи, а съ остальными 60 тысячами приступить къ Силистріи, разбить турокъ и союзниковъ, если бы они приблизились къ намъ, и потомъ уже осаждать крѣпость. „Вотъ „истинное изложеніе моего взгляда“, кончалъ Государь. „Можетъ „быть, и ошибаюсь; рѣшишь уже *ты* [1]) и, вѣрно, къ лучшему“.

Увы, Императоръ Николай предугадалъ обстановку совершенно правильно и его обоснованный и логически изложенный планъ ближайшихъ нашихъ операцій наиболѣе всего соотвѣтствовалъ сложившимся обстоятельствамъ, но, къ сожалѣнію, Государь въ очень деликатной формѣ передалъ этотъ планъ для исполненія въ руки лица, совершенно не сочувствовавшаго какимъ-либо нашимъ наступательнымъ порывамъ.

Неоднократныя и настойчивыя желанія Императора Николая не могли быть оставлены безъ вниманія даже княземъ Варшавскимъ. Онъ долженъ былъ съ ними считаться, имѣя въ то же время постоянно въ виду свою мысль объ отступленіи, и, благодаря этому, на берегахъ Дуная съ пріѣздомъ Паскевича еще больше начали процвѣтать нерѣшительность, двойственность въ операціяхъ и разладъ между видимыми дѣйствіями и истинной мыслью главнокомандующаго.

Въ своей перепискѣ съ Горчаковымъ Государь повторялъ тѣ же мысли о необходимости использовать выгодное положеніе и подступить къ Силистріи, разбивъ, если возможно, Омера-пашу до подхода французовъ. Императоръ Николай особенно старался успокоить Паскевича и Горчакова относительно опасенія высадки союзниковъ въ Бессарабіи, въ тылъ нашей Дунайской арміи. „Не „сомнѣваюсь“, писалъ онъ [2]), „что первый французскій десантъ „будетъ у Варны, ибо имъ не можетъ быть равнодушно, что мы „такъ близки къ Силистріи. Предупредить ихъ прибытіе было бы „неоцѣненно и разбить Омера-пашу до ихъ прихода. Одни что „же они сдѣлаютъ?“ Бессарабію и Одессу Государь считалъ обезпеченными войсками Ушакова, занимавшими низовья Дуная, Одесскимъ отрядомъ барона Остенъ-Сакена и находившимся въ тылу у него драгунскимъ корпусомъ генерала Шабельскаго.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 2 (14) апрѣля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

Тѣмъ временемъ князь Горчаковъ продолжалъ до прибытія новаго главнокомандующаго вести политику выжидательную. Не рискуя изъ боязни итти въ разрѣзъ намѣреніямъ князя Варшавскаго — предпринять рѣшительное наступленіе къ Силистріи, онъ производилъ рекогносцировки этого пункта и велъ оживленную переписку съ генераломъ Лидерсомъ, дабы узнать мнѣніе, какъ его, такъ и генерала Шильдера о возможности быстраго наступленія къ крѣпости.

Генералъ Шильдеръ полагалъ, что простое маневрированіе нашихъ войскъ на правомъ берегу Дуная совмѣстно съ канонадой съ лѣваго берега рѣки неминуемо повлекутъ за собою сдачу крѣпости, но генералъ Лидерсъ считалъ такое легкое овладѣніе Силистріей весьма загадочнымъ, такъ какъ Омеръ-паша не могъ не принять мѣръ къ удержанію этого пункта въ своихъ рукахъ, ожидая высадки союзныхъ войскъ у Варны [1]). Быстрое движеніе къ Силистріи командиръ 5 корпуса признавалъ при сложившихся обстоятельствахъ весьма полезнымъ, если только можно навѣрное надѣяться скоро овладѣть крѣпостью. Вообще же, по глубокому убѣжденію генерала Лидерса, всю операцію противъ Силистріи слѣдовало начинать лишь съ твердой цѣлью непремѣнно ею овладѣть, такъ какъ недоведеніе дѣла до конца должно было привести къ весьма невыгоднымъ для насъ послѣдствіямъ [2]). Во всякомъ случаѣ Лидерсъ считалъ возможнымъ для содѣйствія предположеніямъ генерала Шильдера двинуть свой отрядъ къ Черноводамъ, направивъ оттуда сильный авангардъ къ сторонѣ Силистріи. Въ этомъ смыслѣ онъ и испрашивалъ указаній князя Горчакова, но распоряженія послѣдовали уже отъ прибывшаго на театръ войны князя Варшавскаго [3]).

3 апрѣля фельдмаршалъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ Фокшаны, гдѣ былъ встрѣченъ княземъ Горчаковымъ. Какъ на бѣду, первымъ извѣстіемъ, которое онъ тамъ получилъ, было извѣстіе изъ Вѣны объ угрожающемъ положеніи, принимаемомъ этимъ государствомъ. Нашъ посолъ баронъ Мейендорфъ

---

[1]) Ген. Коцебу, который, по приказанію Паскевича, производилъ 9 апрѣля рекогносцировку Силистріи, тоже былъ пораженъ мнѣніемъ Шильдера о возможности взять крѣпость въ три дня. Онъ нашелъ ее столь хорошо укрѣпленной, что съ нашей стороны требовалась для овладѣнія крѣпостью долговременная осада (Рукоп. дневн. ген.-ад. Коцебу).

[2]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 27 марта 1854 г., № 788, изъ с. Гронъ-Чабанъ. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.

[3]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 26 марта 1854 г., № 897.

Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 31 марта 1854 г., № 824, и письмо отъ 2 апрѣля 1854 г.

рекомендовалъ не переходить Дуная у Видина, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не ручался, что Австрія не будетъ увлечена на путь враждебныхъ противъ насъ дѣйствій [1]). А между тѣмъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ генерала Липранди, турки оттягивали часть своихъ войскъ отъ Калафата на востокъ, и наши наступательныя въ этомъ направленіи операціи легко могли увѣнчаться успѣхомъ и во всякомъ случаѣ заставили бы Омера-пашу прекратить оттягиваніе войскъ отъ Видина къ Шумлѣ.

„Это дурно", отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ генералъ Коцебу по поводу депеши Мейендорфа [2]), „такъ какъ теперь наврядъ ли „фельдмаршалъ рѣшится предпринять что-либо активное". И, дѣйствительно, на воспаленное воображеніе Паскевича сообщеніе Мейендорфа произвело удручающее впечатлѣніе.

Онъ отозвалъ къ себѣ Фонтона [3]), который продолжалъ поддерживать сношенія съ сербами, и приказалъ генералу Липранди отойти къ Краіову, разсчитывая такими мѣрами успокоить Австрію [4]). Въ то же время фельдмаршалъ дѣлалъ видъ о намѣреніи энергично дѣйствовать подъ Силистріей, приказавъ пододвинуть туда осадную артиллерію и вызвавъ генерала Коцебу въ Каларашъ. Собственно этимъ и кончились всѣ приготовленія Паскевича къ активнымъ дѣйствіямъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Они были сдѣланы лишь для успокоенія Государя, котораго фельдмаршалъ одновременно съ этимъ подготовлялъ къ невозможности исполнить его волю. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 5 (17) апрѣля князь Иванъ Федоровичъ рисовалъ слѣдующую картину положенія на его лѣвомъ флангѣ [5]).

Оставивъ для защиты низовьевъ Дуная 7-ю дивизію, фельдмаршалъ считалъ возможнымъ двинуть къ Силистріи отрядъ генерала Лидерса, усиленный 8-й дивизіей. Войска эти вмѣстѣ съ осадной артиллеріей могли прибыть къ крѣпости 16 апрѣля, и къ этому же времени онъ ожидалъ высадку союзниковъ. „Планъ „ихъ", писалъ Паскевичъ, „по моему мнѣнію, можетъ быть тотъ,

---

[1]) Шифр. депеша бар. Мейендорфа кн. Горчакову изъ Вѣны 31 марта (12 апрѣля) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[2]) Рукоп. дн. ген.-ад. Коцебу за 2 апрѣля.

[3]) „Отзывъ Фонтона мнѣ кажется лишнимъ", начерталъ по этому поводу Императоръ Николай.

Надпись на запискѣ кн. Варшавскаго отъ 5 апрѣля 1854 г. изъ Фокшанъ. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[4]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго отъ 5 (17) апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[5]) Тамъ же.

„чтобы, высадивъ тысячъ тридцать [1]), соединиться съ турками, „бывшими въ Бабадагской области, и Омеромъ-пашей, всего „70 или 80 тысячъ, и атаковать наши переправы на Дунаѣ или „насъ, когда мы будемъ подъ Силистріей. Намъ придется или „отходить отъ Силистріи къ переправѣ или, оставивъ противъ „крѣпости одну дивизію, встрѣчать съ 35 баталіонами до ста „тысячъ соединенныхъ французовъ и турокъ. Имѣя все это въ „виду, мы, можетъ быть, не „успѣемъ до прихода европейцевъ „обложить Силистрію и разбить „Омера-пашу, который едва ли „выйдетъ навстрѣчу. Во всякомъ „случаѣ я думаю войска генерала Лидерса подвинуть впередъ „до Черноводъ и маневрировать". Эта заключительная фраза вызвала у Государя, судя по помѣткамъ, сдѣланнымъ имъ на письмѣ, большое недоумѣніе. Дѣйствительно, мысль рѣшительнаго наступленія къ Силистріи у Паскевича вылилась въ форму перехода къ Черноводамъ и маневрированія неизвѣстно противъ кого и съ какой цѣлью. Ясно было, что фельдмаршалъ употребитъ всю свою старческую настойчивость исполнить по-своему и отвести армію на лѣвый берегъ Дуная.

Генералъ-лейтенантъ Сельванъ.

И, дѣйствительно, осмотрѣвъ лично позиціи на нижнемъ Дунаѣ, князь Варшавскій 11 апрѣля писалъ Государю изъ Измаила [2]), что онъ убѣдился въ невозможности намъ держаться на Дунаѣ и въ Княжествахъ, въ случаѣ войны съ Австріей, и поэтому пріостановилъ всякое движеніе впередъ до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ этого государства. „Но, „можетъ быть", кончалъ фельдмаршалъ, „лучше бы избѣжать „принужденія оставить Княжества, добровольно ихъ очистивъ, „для того, чтобы быть сильнѣе въ нашихъ предѣлахъ, а вмѣстѣ „отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами".

[1]) „Гдѣ они?" помѣтилъ Императоръ Николай.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо отъ 11 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

Можно полагать, что до этого послѣдняго письма Императоръ Николай не разгадалъ истинныхъ намѣреній князя Варшавскаго и вѣрилъ, что фельдмаршалъ откладывалъ движеніе къ Силистріи лишь до личнаго ознакомленія съ обстановкой. Поэтому въ своихъ отвѣтахъ Государь спокойно, но опредѣленно развивалъ идею наступленія къ Силистріи и старался представить обстановку такой, какой она была въ дѣйствительности, а не рисовалась пристрастному воображенію Паскевича.

Государь считалъ своевременнымъ обратиться къ задунайскимъ христіанамъ съ прокламаціей и поднять болгаръ; что же касается до сербовъ, то онъ полагалъ, что если они возьмутся за оружіе *сами собой* [1]), то это не бѣда для насъ, такъ какъ отвлечетъ силы Австріи въ другую сторону [2]).

„Теперь дай Богъ, чтобы осада Силистріи пошла успѣшно“, кончалъ Государь. „Ежели Омеръ-паша придетъ выручать, то „тѣмъ лучше, ибо съ Божьей помощью ты можешь его разбить „до прибытія союзниковъ, которые только-что начинаютъ при„бывать въ Галлиполи“.

Въ своемъ отвѣтѣ на письмо Паскевича изъ Фокшанъ отъ 5 апрѣля, въ которомъ престарѣлый фельдмаршалъ выражалъ намѣреніе, вмѣсто энергичнаго движенія къ Силистріи, выдвинуться къ Черноводамъ и „оттуда маневрировать“, Государь, надо полагать, умышленно пропустилъ эту фразу и лишь хвалилъ Паскевича за рѣшеніе двинуться къ Силистріи. Съ замѣчательной деликатностью онъ успокаивалъ фельдмаршала на счетъ опасеній послѣдняго относительно быстрой высадки союзниковъ, опредѣляя вполнѣ правильно, что они не успѣютъ сосредоточиться раньше конца мая въ Константинополѣ и поэтому не могутъ поспѣть въ *силахъ* [3]) на соединеніе съ турками до обложенія Силистріи [4]).

Но послѣднее письмо фельдмаршала изъ Измаила, въ которомъ онъ предлагалъ заблаговременно очистить Княжества, заставило Императора Николая сдѣлать грозное внушеніе новому главнокомандующему. „Съ крайнимъ огорченіемъ“, писалъ Государь [5]), „и съ не меньшимъ удивленіемъ получилъ я сегодня

---

[1]) Курсивъ письма Императора Николая.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 7 (19) апрѣля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека. Рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

[3]) Курсивъ письма.

[4]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 13 (25) апрѣля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека. Рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

[5]) Отъ 17 (29) апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

„утромъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, писанное изъ „Измаила 11 (23) числа. Тѣмъ болѣе оно меня огорчило и „поразило, что совершенно противорѣчитъ тѣмъ справедливымъ „надеждамъ, которыя въ меня вселило послѣднее твое письмо, „столь согласное съ моими желаніями и съ моей непремѣнной „волей, тогда какъ изъ письма твоего же не вижу ни одной „уважительной причины все измѣнить, все бросить и отказаться „отъ всѣхъ положительныхъ, рѣшительныхъ выгодъ, нами не „даромъ пріобрѣтенныхъ. Неужели появленіе флотовъ у Одессы „и даже потеря ея, если она должна послѣдовать, были не пред-„видѣны? Неужели Сакенъ съ 30 тысячами отличнаго войска, „съ сильными артиллеріей и кавалеріей не можетъ и не долженъ „остановить всякіе успѣхи съ той стороны, даже ежели бы и „былъ на флотѣ хотя нѣсколько значительный десантъ? А сего „и быть не можетъ по всѣмъ свѣдѣніямъ, мнѣ доставленнымъ и „ежедневно подтверждающимся. Неужели появленіе какихъ-то „французскихъ партій съ артиллеріей у Кюстенджи, тогда какъ „ихъ туда просить надо, чтобы навѣрное уничтожить? Право, „стыдно и подумать. Итакъ, остается боязнь появленія австрій-„цевъ. Дѣйствительно, могло бы быть дурно мѣсяцъ тому, когда „мы были слабы, и войска, съ тѣмъ предвидѣніемъ приведенныя, „не были еще на мѣстахъ. Но они уже тамъ. Да и нѣтъ „никакихъ свѣдѣній, чтобъ подобное нападеніе готовилось теперь, „и развѣ когда бы мы двинулись къ Балканамъ, чего мы и не „затѣваемъ. Вчера же черезъ Берлинъ получены свѣдѣнія и еще „болѣе положительныя, что они только насъ стращать хотятъ, „чтобы задержать наши успѣхи, и что они насъ не атакуютъ и „въ Сербію не хотятъ войти, боясь у себя въ тылу возмущенія. „Словомъ, эта опасность дальняя и во многомъ измѣниться „можетъ по нашимъ успѣхамъ. Между тѣмъ время дорого; мы „положительно знаемъ, что ни французы, ни англичане въ силахъ „и устройствѣ не могутъ примкнуть къ Омеру-пашѣ, развѣ, какъ „въ іюнѣ. И при такихъ выгодныхъ данныхъ, мы все должны „бросить даромъ безъ причинъ и воротиться со стыдомъ!!! Мнѣ, „право, больно и писать подобное. — Изъ сего ты положительно „видишь, что я отнюдь не согласенъ съ твоими странными пред-„ложеніями, а, напротивъ, требую, чтобы ты самымъ дѣятель-„нымъ образомъ исполнилъ твой прежній прекрасный планъ, „не давая сбивать себя опасеніями, которыя ни на чемъ положи-„тельномъ не основаны. Здѣсь стыдъ и гибель, тамъ честь и

„слава! А буде бы австрійцы измѣннически напали, разбей ихъ „4-мъ корпусомъ и драгунами, — станетъ и этого для нихъ. „Ни слова больше;—ничего прибавить не могу“.

Упоминая въ концѣ письма о неудачѣ, постигшей союзниковъ подъ Одессой, Государь прибавилъ: „Чего не ожидать отъ „такихъ войскъ, когда рѣшимость ими водитъ! *Нѣтъ невозмож-„наго* [1]).—Ты такъ всегда велъ дѣла, меня такъ училъ, и я твоихъ „уроковъ не забылъ и не забуду. Теперь ожидаю отъ тебя, что „ты сіе вновь покажешь къ чести и пользѣ Россіи и къ новымъ „лаврамъ на твое чело. Аминь“.

Въ Петербургѣ уже давно не понимали образа мыслей фельдмаршала, и нельзя не признать своевременности такого грознаго и категорическаго повелѣнія, отправленнаго на берега Дуная. Остается только пожалѣть, что Императоръ Николай не довелъ дѣла до конца и не отозвалъ князя Варшавскаго съ Дуная, оставивъ въ его рукахъ производство операціи, которой тотъ не сочувствовалъ. Въ этомъ была главная причина неудачи силистрійскаго сидѣнія.

Для того, чтобы нѣсколько сгладить впечатлѣніе столь непривычнаго для Паскевича грознаго повелѣнія Государя и немного поднять его духъ, письмо было отправлено съ зятемъ фельдмаршала, флигель-адъютантомъ княземъ Лобановымъ.

О впечатлѣніи, которое производилъ въ Петербургѣ образъ дѣйствій Паскевича, можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма военнаго министра къ князю Меншикову [2]): „Un autre com-„mandement qui m'effraie, c'est celui du Danube. Le maréchal propose „des plans tellement bizarres pour la continuation de la guerre, qu'on „en est tout abasourdi. On vient de lui envoyer Lobanoff pour l'en-„doctriner, mais réussira-t-il, c'est une question. Notre malencontreuse „timidité est terrible, et elle arrive si mal à propos après le brillant „passage du Danube. Le prince Gortchakoff avait si bien compris sa „position en dernier lieu et il en avait, selon moi, tiré un si beau „profit. Si le résultat de ses succès est de nous retirer, parce que „le maréchal a la bonté de craindre une rupture avec l'Autriche— „nous serons gentils. Voyons ce qu'obtiendra son aimable gendre“.

Объѣхавъ низовья Дуная, князь Варшавскій прибылъ въ Бухарестъ, откуда 15 апрѣля отправилъ всеподданнѣйшую записку о

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Кн. Долгоруковъ — кн. Меншикову 20 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

положеніи дѣлъ на театрѣ войны [1]). Фельдмаршалъ считалъ нижній Дунай ключомъ нашей оборонительной позиціи, такъ какъ непріятель, ворвавшись въ гирла рѣки, могъ привести туда всю свою армію и дѣйствовать на Дунаѣ, имѣя сообщенія съ моремъ. Крѣпость Измаилъ онъ находилъ слабой для противодѣйствія серьезнымъ намѣреніямъ союзниковъ, а потому и низовья рѣки беззащитными. Считая, что французы высадятъ въ Кюстенджи или Балчикѣ 30-40 тысячъ своихъ войскъ, фельдмаршалъ полагалъ, что они легко могутъ соединиться съ 70-80 тысячами турокъ и, такимъ образомъ, имѣть въ кулакѣ до 100 тысячъ человѣкъ. Эти расчеты вызвали нѣсколько знаковъ вопроса со стороны Императора Николая.

Отступленіе изъ-подъ Силистріи (карикатура Beck).

Съ такой арміей союзники, по мнѣнію Паскевича, или могли форсировать у Гирсова небольшой сравнительно отрядъ Лидерса или же въ нѣсколько переходовъ быть въ Браиловѣ, гдѣ могли захватить милліонъ четвертей хлѣба. Если же одновременно съ этимъ австрійцы, объявивъ намъ войну, будутъ угрожать нашему правому флангу и тылу, то положеніе нашей арміи было бы такъ затруднительно, что мы принуждены были бы бѣжать изъ Княжествъ и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля. „Въ предупрежденіе столь тяжкаго „положенія“, писалъ фельдмаршалъ, „благоразуміе требовало бы „теперь же оставить Дунай и Княжества и стать въ другой позиціи, „гдѣ мы можемъ быть такъ же сильны, какъ теперь слабы на „Дунаѣ. Позиція сія должна быть за Серетомъ, даже за Прутомъ“.

Эти разсужденія Паскевича вызвали со стороны Императора Николая нѣсколько знаковъ восклицанія.

Но до полученія разрѣшенія исполнить свое желаніе отойти за Серетъ и даже за Прутъ фельдмаршалъ считалъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе по приведенію въ исполненіе воли Государя обозначеннымъ движеніемъ къ Силистріи.

---

[1]) См. Приложеніе № 168.

Съ этой цѣлью три баталіона [1]) изъ отряда генерала Ушакова были направлены въ отрядъ генерала Лидерса, который долженъ былъ оставить ихъ въ Гирсовскомъ предмостномъ укрѣпленіи, а съ остальными войсками двинуться правымъ берегомъ Дуная къ Черноводамъ. Между тѣмъ генералъ Шильдеръ долженъ былъ приготовить мостъ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Силистріи, по которому надлежало 8-й дивизіи присоединиться къ отряду Лидерса. („Слава Богу“, помѣтилъ Государь.)

Такимъ образомъ противъ Силистріи предполагалось собрать три пѣхотныя дивизіи [2]) и два кавалерійскіе полка, съ которыми Паскевичъ считалъ возможнымъ начать осаду крѣпости, если обстоятельства будутъ тому благопріятствовать. Однако, онъ полагалъ, что взятіе крѣпости будетъ сопряжено съ большими затрудненіями. Кромѣ сильныхъ укрѣпленій и гарнизона, причиной этому могли служить разливъ рѣки, а, главное, подходъ къ Силистріи Омера-паши и союзныхъ войскъ, что дѣлало для насъ невозможнымъ держаться на правомъ берегу рѣки и „въ такомъ случаѣ“, кончалъ Паскевичъ своимъ любимымъ припѣвомъ, „предупреждая „сіи затрудненія, мы должны будемъ отойти“.

Остальныя войска по Дунаю были расположены слѣдующимъ образомъ:

Противъ Рущука 8 батал., противъ Туртукая 4 батал., у Калараша, противъ Силистріи, 4 батал. и въ резервѣ впереди Бухареста 21 баталіонъ. Мало-Валахскій отрядъ, состоявшій изъ 12-й пѣхотной дивизіи и 3-хъ кавалерійскихъ полковъ, находился въ Краіовѣ, но предполагалось оттянуть его за Ольту и далѣе для сближенія съ Бухарестомъ, чтобы имѣть свободной еще одну дивизію. На низовьяхъ Дуная оставались, кромѣ 8-ми резервныхъ баталіоновъ, 7-я пѣхотная дивизія и 4 баталіона 14-й и два кавалерійскихъ полка.

Но одновременно съ отправленіемъ вышеприведенной всеподданнѣйшей записки князь Варшавскій продиктовалъ для исполненія свой планъ дѣйствій, который нѣсколько разнился отъ изложеннаго въ докладѣ Государю [3]). Онъ долженъ былъ держаться въ секретѣ и быть сообщеннымъ только князю Горчакову и генераламъ Коцебу и Бутурлину.

---

[1]) 2-й бригады 14-й пѣх. дивизіи.
[2]) 8-я, 9-я и 15-я дивизіи.
[3]) См. Приложеніе № 169.

Согласно этому плану, отрядъ генерала Лидерса, подойдя къ Силистріи, долженъ былъ обойти крѣпость внѣ выстрѣла и внѣ угрозы отъ вылазокъ и, ставши на большой дорогѣ, ведущей къ Шумлѣ, послать авангардъ искать непріятельскую армію, которой и дать сраженіе, что фельдмаршалъ полагалъ полезнѣе взятія самой Силистріи. Паскевичъ, отбросивъ турокъ, считалъ возможнымъ, въ зависимости отъ достигнутаго успѣха и свѣдѣній о десантахъ союзниковъ, или начать осаду крѣпости, но „съ большой осторожностью", или отойти къ Гирсову.

Черезъ нѣсколько дней, а именно 22 апрѣля, князь Варшавскій, подъ впечатлѣніемъ новыхъ свѣдѣній изъ Австріи, представилъ Государю еще одну записку „о настоящемъ положеніи „дѣлъ", цѣль которой состояла все въ томъ же—склонить Императора Николая къ добровольному очищенію Княжествъ и къ сосредоточенію 170 тысячной арміи за Прутомъ, на флангѣ Галиціи. Фельдмаршалъ, рисуя въ обширной запискѣ все ту же мрачную картину, считалъ наше положеніе худшимъ сравнительно съ 1812 годомъ и предсказывалъ, что намъ придется бѣжать изъ Княжествъ, пробиваться, потерявъ половину арміи и всѣ обозы. Но на этотъ разъ Паскевичъ, въ случаѣ принятія его плана, намѣчалъ и другую, болѣе привлекательную картину — нападенія осенью на Австрію, какъ на виновницу возможной коалиціи противъ насъ. Однако, онъ исходилъ изъ одного неправильнаго положенія, что осенью флоты союзниковъ не въ состояніи будутъ держаться въ морѣ, а ихъ десанты не посмѣютъ остаться на берегу, и мы, такимъ образомъ, будемъ свободны на южномъ фронтѣ. „Осмѣливаюсь просить", такъ кончалъ свое письмо престарѣлый фельдмаршалъ, „смѣю умолять Ваше Величество: „не ожидая вопросовъ Австріи, дать знать германскимъ державамъ, что мы оставляемъ Княжества, ибо, смѣю повторить, „что мы къ тому принуждены будемъ, если Австрія объявитъ „намъ войну" [1]).

Интересно прослѣдить состояніе духа Паскевича въ эти тревожные для него дни по записямъ въ дневникѣ генералъ-адъютанта Коцебу [2]).

„15 апрѣля. У фельдмаршала планъ- стать передъ Силистріей „и стараться вызвать непріятеля на генеральное сраженіе. Я думаю,

---

[1]) Всеподд. письмо и записка отъ 22 апрѣля 1854 г., см. въ Приложеніи № 170.
[2]) Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

„что это совершенно лишній маневръ и только удалитъ насъ отъ „цѣли занятія крѣпости.

„17 апрѣля. Поздно вечеромъ пришелъ ко мнѣ отъ фельд-„маршала Горчаковъ и предложилъ вопросъ — осаждать ли Сили-„стрію? Я совѣтовалъ приступить къ осадѣ, усиливъ себя тремя „полками съ нижняго Дуная, которые выдвинуть заслономъ къ „Карасу и, кромѣ того, притянуть 11-ю дивизію. Но фельдмар-„шалъ мало склоненъ къ этому плану; его предположеніе—очистить „Княжества и дѣйствовать наступательно противъ австрійцевъ, „если они объявятъ намъ войну.

„19 апрѣля. Наши дѣла обстоятъ печально. Фельдмар-„шалъ не желаетъ осадить Силистріи и выказываетъ нерѣши-„тельность, но при этомъ боится Государя, совѣтующаго взять „Силистрію.

„20 апрѣля. Въ Журжевѣ при осмотрѣ войскъ Паскевичъ „говорилъ объ отступленіи, что произвело непріятное впечатлѣніе.

„21 апрѣля. Всѣ здѣсь безпокойны и нерѣшительны.

„24 апрѣля. Фельдмаршалъ находится въ нерѣшительности. „Онъ внѣ себя, что мы заняли Гирсово, и сказалъ, что мы под-„готовили гибель Россіи. Онъ не хочетъ осаждать Силистріи, но „все же отдалъ приказъ Лидерсу выступить 29-го и въ этотъ же „день прибыть къ Силистріи.

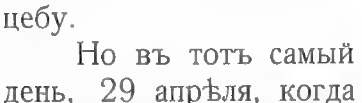
„25 апрѣля. Фельдмаршалъ сердито говорилъ съ Горчако-„вымъ о занятіи Гирсова и о предложеніи взять Силистрію. Онъ „самъ ни на что не рѣшается и сильно волнуется. При такомъ „настроеніи надо быть готовымъ даже на наихудшее. Такъ и было! „Около полуночи я получилъ приказаніе послать курьера къ Ли-„дерсу, чтобы онъ не двигался.

„26 апрѣля. Въ 2 часа ночи Фроловъ разбудилъ меня и „передалъ приказаніе, чтобы я не отправлялъ вчерашняго приказа „Лидерсу, но было уже поздно! Утромъ Фроловъ опять пришелъ „и вновь передалъ, чтобы послать приказъ въ отмѣну, но черезъ „часъ это распоряженіе опять было отмѣнено. Фельдмаршалъ рѣ-„шилъ очистить Валахію и отойти за Серетъ. Онъ собралъ насъ, „чтобы обсудить вопросъ, во сколько времени это можетъ быть „исполнено, и чрезвычайно спѣшитъ, указывая, что австрійцы мо-„гутъ намъ отрѣзать путь отступленія. Нашего мнѣнія фельд-„маршалъ не спрашивалъ. Ясно, что онъ рисуетъ себѣ опасности, „чтобы не вести войны и, отведя армію, уѣхать самому. Все ка-„жется потеряннымъ. Да сохранитъ насъ Господь!

„27 апрѣля. Le découragement saisit tout le monde. Je suis „tout triste; avec nos immenses et magnifiques moyens nous ne „songeons qu'à la retraite, et cela rien que pour l'égoïsme et la „pusillanimité d'un seul homme!“

Эта живая картина состоянія главнокомандующаго и его штаба служитъ лучшимъ объясненіемъ послѣдующихъ неудачъ подъ Силистріей.

Наконецъ, 29 апрѣля колебанія Паскевича временно прекратились, такъ какъ въ этотъ день изъ Петербурга прибылъ князь Лобановъ съ извѣстнымъ уже письмомъ Государя и съ еще болѣе энергичными устными приказаніями вести войну какъ можно активнѣе и Княжествъ не покидать. Лидерсу было послано послѣднее приказаніе спѣшить къ Силистріи [1]). „Всеобщая радость!“ записалъ Коцебу.



Отступленіе изъ-подъ Силистріи (карикатура Beck).

Но въ тотъ самый день, 29 апрѣля, когда фельдмаршалъ рѣшился не по своей волѣ приступить къ осадѣ Силистріи, Императоръ Николай писалъ ему знаменательное письмо, которое настолько характерно, что мы приведемъ его въ подлинникѣ [2]).

„Сегодня утромъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ-„командиръ, отъ 22 числа [3]). Со всей откровенностью долженъ „тебѣ сознаться, что твои мысли *вовсе* (это слово Государь подчеркнулъ три раза) „не сходны съ моими убѣжденіями, ни съ „моей *непремѣнной волей* [4]). Предложенія твои для меня *по-„стыдны,* и потому я ихъ *отнюдь не принимаю,* ибо ни я на „себя принять этого стыда не намѣренъ, да и считалъ бы себя

---

[1]) Дневникъ Коцебу.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 29 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[3]) Вышеприведенная записка „О настоящемъ положеніи дѣлъ“.

[4]) Курсивъ подлинника.

„преступнымъ предъ достоинствомъ Россіи, если бы я и согласился „на подобное.—Ты боленъ, какъ мнѣ пишешь, и, вѣроятно, въ па„роксизмѣ лихорадки мнѣ написалъ то, что твоя твердая душа и „зоркій умъ не повѣрятъ, когда ты здоровъ. Свѣдѣнія мои про „дѣла Австріи и Пруссіи всѣ тебѣ сообщилъ; другихъ не полу„чалъ, и они вовсе не согласны съ тѣми мечтами, которыя ты „извлекъ изъ письма Мейендорфа.—Вся тактика Австріи состоитъ „въ томъ, чтобы насъ держать въ недоумѣніи и тѣмъ стращать. „Къ несчастью кажется, что это имъ удалось. Очистка Малой „Валахіи была намъ нужна и полезна, но они это выставляютъ, „какъ плодъ ихъ устращиванія. Пора и намъ въ свою очередь „показать имъ, что мы угрозъ ихъ не боимся, а если бы и въ „тылъ осмѣлились итти на насъ, тогда ты *обязанъ* не бѣжать „отъ нихъ, какъ изъясняешься, а *ихъ разбить,* на что у тебя „силъ достаточно и притомъ русскихъ свѣжихъ силъ. Мнимое „тобой появленіе пруссаковъ въ Галиціи тоже *одна бредня.* Ты „теперь подъ Силистріей; удобнѣе осадить,—осаждай по всѣмъ „правиламъ и, собравъ, что можешь, т.-е. 4 дивизіи при 3-хъ „кавалерійскихъ, выжидай, высунется ли Омеръ-паша съ гостьми? „Да—разбей, нѣтъ—довершай осаду. Двухъ дивизій 4-го корпуса „съ двумя кавалеріи очень довольно для прикрытія Бухареста.— „Когда сладишь съ Силистріей, принимайся за Рущукъ.—Никакой „высадки въ Бессарабіи или на устьяхъ Дуная не опасайся; теперь „видимъ, съ какимъ трудомъ союзники перевозятъ свои войска „въ Галлиполи. Что же они сдѣлаютъ безъ кавалеріи, артиллеріи „и обозовъ, ежели бы и рѣшились на тѣ высадки? Да ихъ, „право, и пригласить бы надо было. Австрія насъ не атакуетъ, „доколѣ не пойдемъ *за Балканы,* куда мы и не думаемъ, и „потому эти опасенія неумѣстны и противны истинѣ.

„Надѣюсь, что этимъ *конецъ противорѣчіямъ.* Будущее въ „рукахъ Божьихъ, и я сему покоряюсь, но требую *отъ тебя,* „чтобы ты исполнилъ волю твоего *друга и Государя.* Ежели силы „твои нравственныя и тѣлесныя дѣлаютъ тебѣ обузу эту сверхъ „силъ, тогда скажи мнѣ откровенно. *Командуя всѣмъ,* твое мѣсто „быть можетъ тамъ, гдѣ за лучшее сочтешь. Ты не прикованъ „къ Дунаю, опасность вездѣ теперь, и присутствіе твое вездѣ „полезно. Аминь. Богъ съ тобой“.

При такихъ-то условіяхъ фельдмаршалъ 29 апрѣля рѣшилъ приступить къ осадѣ Силистріи. Ясно было, что онъ не былъ способенъ вложить всю душу въ это дѣло и, что, временно

подчинившись необходимости, онъ используетъ первый благопріятный случай направить ходъ военныхъ операцій въ любезное ему русло стягиванія за р. Прутъ.

II.

Какъ извѣстно, первымъ распоряженіемъ прибывшаго на Дунай князя Варшавскаго было приказаніе Мало-Валахскому отряду генерала Липранди отходить отъ Калафата первоначально къ Краіову, а потомъ и далѣе, за р. Ольту, для приближенія его къ Бухаресту.

Между тѣмъ оттягиваніе Омеромъ-пашею части войскъ отъ Видина къ Шумлѣ давало, наконецъ, возможность нашему сильному отряду у Калафата завладѣть этимъ пунктомъ и обезпечить правый флангъ нашего растянутаго расположенія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ генераломъ Липранди, изъ Калафата вышло 8 тысячъ турокъ, которые направились на Ломъ, Раховъ и далѣе, какъ надо полагать, къ Шумлѣ. Кромѣ того, изъ опасенія переправы нашихъ войскъ выше Видина турки вывели изъ крѣпости и Калафата до 3 тысячъ человѣкъ, которыхъ расположили между Видинымъ и р. Тимокъ. Всего въ Калафатѣ и Видинѣ съ окрестностями оставалось до 12 тысячъ турокъ и въ Ломъ-Паланкѣ, Раховѣ и Никополѣ около 2 тысячъ въ каждомъ.

5 апрѣля, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ численности турецкихъ войскъ, занимавшихъ Калафатъ, генералъ Липранди произвелъ своей кавалеріей рекогносцировку укрѣпленнаго турецкаго лагеря. Непріятель, занимавшій Чепурчени, былъ вытѣсненъ изъ селенія и въ безпорядкѣ отступилъ къ непроходимымъ болотамъ прибрежьевъ Дуная; высланныя на помощь изъ Калафата части пѣхоты и кавалеріи были опрокинуты съ потерей 2-хъ знаменъ и 260 человѣкъ убитыми, кромѣ раненыхъ и плѣнныхъ [1]).

Все говорило за то, что турки уменьшаютъ свои силы на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, и активныя здѣсь дѣйствія большого русскаго отряда давали, кромѣ обезпеченія нашего праваго фланга, а также нравственнаго ему удовлетворенія за Калафатъ, и болѣе практическіе результаты. Мы заставили бы Омера-пашу не оттягивать съ верховьевъ Дуная войска, чѣмъ уменьшили бы силу его арміи у Силистріи, гдѣ готовился главный ударъ, и, кромѣ того,

---

[1]) Ген. Липранди — кн. Горчакову 7 апрѣля 1854 г., № 330. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

удержали бы въ своихъ рукахъ богатый край, населенiе котораго не было къ тому же къ намъ расположено [1]).

Но 5 апрѣля генералъ Коцебу получилъ „весьма непрiятное“ приказанiе Паскевича отозвать Липранди къ Краiову и взять у него одну бригаду „pour des raisons très graves“, какъ писалъ Горчаковъ [2]). Мы уже знаемъ, въ чемъ заключались эти важныя причины, но въ предписанiи генералу Липранди онѣ опредѣлялись „наступательными съ нашей стороны дѣйствiями на лѣвомъ флангѣ „настоящаго театра войны“ [3]).

Отряду разрѣшено было двигаться обыкновенными переходами, съ вывозомъ всѣхъ больныхъ и запасовъ и съ остановками дня на два въ Быйлешти и въ Радованахъ, но съ непремѣннымъ условiемъ прибыть въ Краiово не позже 14 апрѣля [4]). Если бы турки во время движенiя Липранди рѣшили преслѣдовать его, угрожая нападенiемъ, то онъ долженъ былъ разбить и гнать ихъ кавалерiей хотя бы до самаго Калафата, послѣ чего вновь продолжать отступленiе. 1-ю бригаду 10-й пѣхотной дивизiи съ ея артиллерiей Липранди долженъ былъ отправить послѣ отступленiя отъ Быйлешти для усиленiя резерва Паскевича—Екатеринбургскiй полкъ въ Бухарестъ и Тобольскiй въ Турно. „Имѣя главнымъ „пунктомъ пребыванiя вашего въ окрестностяхъ Краiова, вы „должны по возможности дѣлать нападенiя на непрiятеля, если „онъ удалится отъ Дуная, и маневрировать такъ, чтобы онъ былъ „за то наказанъ“. Этими словами князь Горчаковъ заканчивалъ свою инструкцiю генералу Липранди.

Мало-Валахскiй отрядъ, отправивъ въ Краiово запасы, понтоны и госпиталь, началъ отходить отъ Калафата, подъ прикрытiемъ баталiона Тобольскаго полка, 16 эскадроновъ и нѣсколькихъ сотенъ. Отходъ былъ такъ искусно замаскированъ демонстрацiями арiергарда, что турки долгое время не замѣтили отступленiя и предполагали лишь попытки выманить ихъ изъ укрѣпленнаго лагеря [5]). Это дало возможность отряду спокойно сосредоточиться въ Краiово, гдѣ онъ получилъ приказанiе продолжать свое отступленiе за

---

[1]) Ген. Липранди — кн. Горчакову 12 мая 1854 г., № 464. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3415.

[2]) Дневникъ г.-ад. Коцебу отъ 5 апрѣля 1854 г.

[3]) Кн. Горчаковъ — ген. Липранди 4 апрѣля 1854 г., изъ Фокшанъ. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[4]) Кн. Горчаковъ — ген. Липранди 8 апрѣля 1854 г., № 471. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

[5]) Tyrrell: War with Russia, p. 167, 168.

р. Ольту, къ Слатино [1]). Такимъ образомъ, Малая Валахія перешла во власть турокъ, и тамъ воцарились полный безпорядокъ и анархія. „О, какъ мы вредимъ себѣ этимъ отступленіемъ!“ занесъ въ свой дневникъ генералъ Коцебу, упоминая о воцарившейся анархіи въ оставляемой нами провинціи [2]). Впрочемъ, по словамъ англійскихъ источниковъ, турки вскорѣ назначили для управленія Малой Валахіей особый комитетъ, которому было поручено собирать дань султану и исправлять другія функціи правительства, послѣ чего „провинція быстро успокоилась, и жители вновь свободно вздох- „нули послѣ русской неволи“ [3]).

Противникъ съ фронта преслѣдовалъ насъ очень слабо, боясь быть атакованнымъ въ открытомъ полѣ сильнымъ отрядомъ генерала Липранди; такимъ образомъ, онъ не давалъ случая исполнить то, чего въ теченіе всей кампаніи такъ сильно желалъ Императоръ Николай, а вслѣдъ за нимъ Горчаковъ и Паскевичъ, т.-е. выманить турокъ въ открытое поле, разбить ихъ и преслѣдовать нашей многочисленной кавалеріей. Непріятель попрежнему продолжалъ свои осторожныя дѣйствія, атакуя насъ на короткѣ тогда, когда могъ разсчитывать на призрачный успѣхъ, который давалъ ему возможность прославлять свою мнимую побѣду и пораженіе русскихъ. Нашъ врагъ, выигрывая время, возвышая духъ своихъ войскъ и свой престижъ за границей, тѣмъ самымъ парализовалъ сильную русскую армію и въ особенности ея руководителей, которые, по непонятной причинѣ, не могли сбросить съ себя этого гипноза, а, напротивъ, старались подчинить ему и могучую волю Императора Николая.

Турки, опасаясь энергично наступать противъ отходившаго отряда Липранди съ фронта, рѣшили произвести нападеніе отъ Никополя на Турно, чтобы, какъ можно предполагать, выяснить, не повлекло ли отступленіе Мало-Валахскаго отряда уменьшенія нашихъ войскъ и на всемъ протяженіи средняго Дуная.

15 апрѣля, утромъ, нами было замѣчено движеніе войскъ изъ Никополя къ пристани, послѣ чего на нашъ берегъ переправилось

---

[1]) Впрочемъ, отходъ къ Слатино былъ произведенъ не сразу. Въ промежутокъ этого времени ген. Липранди получилъ еще одно (секретное) предписаніе кн. Горчакова отъ 16 апрѣля, № 102, которымъ отрядъ его временно задерживался въ Краіовѣ. Такая задержка объяснялась желаніемъ фельдмаршала не очищать преждевременно Малой Валахіи. Но Липранди указывалось немедленно продолжать отступленіе въ случаѣ какой-либо опасности со стороны Калафата или Рахова. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. Шт., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Дневникъ за 14 апрѣля.

[3]) Tyrrel: War with Russia, p. 168.

на судахъ до 800 турокъ, которые залегли за валомъ старыхъ укрѣпленій. Встрѣченный огнемъ подскакавшаго на картечный выстрѣлъ дивизіона № 9 конной батареи, противникъ былъ атакованъ 1-мъ дивизіономъ уланскаго Герцога Нассаускаго полка и 3-ей сотней донского № 37-го полка, которые, несмотря на сильный огонь съ непріятельскаго берега, ворвались въ занятое турками укрѣпленіе и опрокинули ихъ съ большими потерями въ Дунай. Но вновь высадившіеся на берегъ 1000 человѣкъ непріятельской пѣхоты не дали возможности нашей конницѣ удержаться до смѣны ея пѣхотой въ старомъ укрѣпленіи. Тогда начальствовавшій на этомъ участкѣ генералъ Баумгартенъ прибылъ въ Турно съ Тобольскимъ полкомъ и ввелъ въ дѣло два баталіона этого полка.

Четыре орудія имъ были поставлены съ фронта на шоссе, четыре конныхъ орудія влѣво для дѣйствія не только по занятому непріятелемъ укрѣпленію, но и по Дунаю; 1-й баталіонъ тобольцевъ занялъ лѣсъ на правомъ флангѣ, имѣя за собой въ резервѣ 3-й баталіонъ. Для выбитія непріятеля были направлены только двѣ роты тобольцевъ (4-я гренадерская и 12-я мушкатерская), которыя и выполнили блестяще свою задачу подъ огнемъ 26 орудій съ противоположнаго берега Дуная. Во время этой атаки три большихъ судна спѣшили къ туркамъ съ подкрѣпленіями. Встрѣченныя мѣткимъ огнемъ конныхъ орудій, одно изъ нихъ повернуло назадъ, одно было потоплено и одно было взято въ плѣнъ рядовымъ 12 мушкатерской роты Тобольскаго полка Сидоромъ Ревлюкомъ.

Число убитыхъ и раненыхъ турокъ генераломъ Баумгартеномъ было опредѣлено въ 800 человѣкъ и плѣнныхъ 123 человѣка. Наши потери были: убитыхъ 18 нижн. чиновъ и раненыхъ 2 офицера и 58 нижн. чиновъ [1]).

Тѣмъ временемъ отрядъ генерала Липранди, остававшійся еще въ Краіовѣ, все постепенно уменьшался распоряженіями свыше. Кромѣ уже отобранной бригады 10-й пѣхотной дивизіи, ему было приказано направить 1-ю бригаду 12-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями въ Текучъ, бугскихъ уланъ въ с. Дорешти и оставаться въ Краіовѣ со 2-й бригадой 12-й пѣхотной дивизіи, 2-мя батареями, 2-й бригадой 5-й легкой кавалерійской дивизіи, конно-легкой батареей и 2-мя казачьими полками [2]).

---

[1]) Рапортъ ген. Баумгартена ген. Даненбергу 16 апрѣля 1854 г., № 22. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

19 апрѣля выдвинувшаяся впередъ къ Радовану регулярная кавалерія турокъ была успѣшно атакована и отброшена казаками генерала Липранди [1]), который на слѣдующій день выслалъ сильную развѣдку къ Калафату для сбора свѣдѣній о противникѣ. Оказалось, что главныя силы турокъ, въ числѣ около 15 тысячъ, вышли изъ укрѣпленнаго лагеря и расположились у с. Быйлешти, имѣя сильныя кавалерійскія части у Радованъ и Фонтынелиле.

Это извѣстіе вызвало со стороны главнокомандующаго новую группировку Мало-Валахскаго отряда. Генералу Липранди было предписано отойти на лѣвый берегъ Ольты съ такимъ расчетомъ, чтобы быть въ Слатинѣ 3 мая съ тремя полками 12-й пѣхотной дивизіи, гусарской бригадой 5-й легкой кавалерійской дивизіи и 10-ю сотнями казаковъ. Четвертый же полкъ 12-й дивизіи съ батареей и 2-мя сотнями казаковъ направить въ Русе-де-Веде для поддержки отряда, расположеннаго въ Турно, и для связи этого отряда съ отрядомъ генерала Липранди [2]).

Отступленіе русскихъ изъ Бухареста (карикатура Beck).

3 мая Мало-Валахскій отрядъ благополучно достигъ Слатина и занялъ наблюдательными казачьими постами все теченіе р. Ольты отъ Рымника до Турно, освѣщая впереди лежащую мѣстность высылаемыми къ сторонѣ турокъ разъѣздами. Особое вниманіе было обращено на верхнее теченіе Ольты, такъ какъ фельдмаршалъ опасался движенія турокъ у подножья горъ въ тылъ нашимъ войскамъ, сосредоточеннымъ у Бухареста. Съ этой цѣлью для наблюденія за путями, идущими отъ Тырго-Жіо на Рымникъ былъ отправленъ особый отрядъ, въ составѣ двухъ дивизіоновъ гусарскаго Принца Фридриха-Карла Прусскаго полка и сотни донского

---

[1]) Ген. Липранди — кн. Горчакову 22 апрѣля 1854 г., № 395, изъ Краіова. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Сравн. предп. кн. Горчакова ген. Липранди отъ 23 апрѣля 1854 г., № 1300. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

№ 38 полка, къ которому были приданы и всѣ дорабанцы, собранные въ Рымникѣ. Отряду этому было приказано особенно зорко слѣдить за даннымъ направленіемъ и, въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ противника, отступать по дорогѣ на Питешти, не теряя непріятеля изъ вида и стараясь вѣрнѣе опредѣлить его силы. Въ этотъ послѣдній пунктъ былъ отправленъ баталіонъ Валахской милиціи, которому было приказано содѣйствовать конному отряду.

По собраннымъ генераломъ Липранди свѣдѣніямъ, турецкія войска были сосредоточены противъ него слѣдующимъ образомъ: въ Радованѣ—3 тысячи кавалеріи при 6 конныхъ орудіяхъ съ передовымъ отрядомъ, выдвинутымъ къ с. Подати; въ Быйлешти—3 баталіона съ 6-ю орудіями, а главныя силы (около 10 тысячъ) вновь отошли въ Калафатъ [1]).

Казалось бы, что это могло служить достаточнымъ доказательствомъ, что турки не предполагали развить на нашемъ правомъ флангѣ рѣшительныхъ активныхъ дѣйствій; напротивъ, они боязливо занимали оставленную нами провинцію и лишь имѣли въ виду, согласно принятому ранѣе плану, использовать нашу нерѣшительность и безпокоить насъ мелкими нападеніями.

Это подтверждалось и полученными 10—12 мая свѣдѣніями объ уходѣ въ горы части турецкихъ гарнизоновъ изъ Рахова и въ особенности изъ Никополя [2]).

Фельдмаршалъ, рѣшившись, наконецъ, приступить къ осадѣ Силистріи, приказалъ, уѣзжая въ Каларашъ, объединить въ рукахъ генерала Даненберга командованіе всѣми войсками, расположенными въ княжествѣ Валахіи отъ озера Мостищи вверхъ по теченію Дуная [3]), и возложить на него охраненіе нашего праваго фланга и Бухареста.

Князь Горчаковъ для выполненія этой задачи преподалъ генералу Даненбергу обширную инструкцію привычнаго для князя Михаила Дмитріевича характера—все предвидѣть, все предрѣшить, отнять у исполнителя всякую самостоятельность и поставить въ результатѣ его, сбитаго съ толку, запутаннаго и запуганнаго, именно передъ тѣмъ случаемъ, который не былъ предвиденъ и предрѣшенъ.

---

[1]) Рапортъ ген. Липранди кн. Горчакову 7 мая 1854 г., № 444, г. Слатинъ. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

[3]) Начальникъ штаба—ген. Даненбергу 27 апрѣля 1854 г., № 1386. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3413.

Генералу Даненбергу рекомендовалось распоряжаться такъ, чтобы отряды, расположенные по Дунаю, отстаивали пункты переправы черезъ рѣку, но не подвергались ни пораженію, ни даже большому урону. Если непріятель утвердится на нашемъ берегу, гдѣ-либо между Ольтеницей и Турно, и двинется внутрь края, то дѣйствовать такъ, чтобы отряды, которые не могли оставаться на своихъ мѣстахъ, могли бы своевременно и безвредно исполнить свое отступленіе. На поддержку ихъ рекомендовалось высылать части изъ резерва или маневрировать всѣмъ резервомъ, стараясь навести непріятеля на выгодную для насъ позицію, или же атаковать противника. Въ случаѣ нашей удачи и отступленія турокъ къ Дунаю, въ сдѣланныя заранѣе укрѣпленія, не атаковать ихъ тамъ, а вновь занять центральную позицію, оставивъ лишь необходимое число войскъ для наблюденія за непріятелемъ. Въ случаѣ же нашей неудачи, отступать по направленію къ Бухаресту и отстаивать этотъ городъ, прикрываясь теченіемъ р. Аржиса.

Князь Горчаковъ считалъ наиболѣе вѣроятнымъ наступленіе турокъ со стороны Систова и въ особенности со стороны Турно, Рахова и Малой Валахіи, поэтому онъ входилъ въ подробности дѣйствій отрядовъ, наблюдающихъ эти пункты.

Въ случаѣ сильныхъ дѣйствій со стороны Систова или Рущука и необходимости отхода вслѣдствіе этого Журжинскаго отряда генерала Соймонова, рекомендовалось оттянуть также къ Аржису отряды Турнскій и Мало-Валахскій. Отряду же Ольтеницкому, если непріятель туда прорвется, слѣдовало отступать на общій резервъ или на Каларашъ.

При наступленіи турокъ со стороны Никополя не признавалось возможнымъ Мало-Валахскому и Турнскому отрядамъ оставаться на Ольтѣ, а имъ слѣдовало отходить къ Аржису. Ольтеницкому же и Журжинскому отрядамъ разрѣшалось въ такомъ случаѣ оставаться на мѣстахъ, но съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли присоединиться къ главнымъ силамъ „своевременно и „безвредно“.

Въ случаѣ наступленія со стороны Рахова и Малой Валахіи, отряды, на Ольтѣ расположенные, должны были по возможности держаться на этой рѣкѣ; при стараніи же противника обойти нашъ правый флангъ, отрядамъ этимъ отступать отъ Ольты [1]).

---

[1]) Начальникъ штаба — ген. Даненбергу 3 мая 1854 г., № 1434, изъ Калараша. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3413.

Вотъ въ общемъ инструкція, данная, по приказанію князя Варшавскаго, генералу Даненбергу для дѣйствія на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ.

Эта инструкція носила чисто оборонительный характеръ, а такъ какъ турки, какъ извѣстно, направили всѣ свои силы къ Силистріи и Шумлѣ и были далеки отъ мысли дѣйствовать наступательно на нашемъ правомъ флангѣ, то въ теченіе всей осады Силистріи здѣсь не произошло серьезныхъ дѣлъ.

Вскорѣ, въ виду начавшейся осады этой крѣпости, опасенія за лѣвый флангъ раіона генерала Даненберга совершенно прекратились и даже 13 мая намъ удалось занять Туртукай. Фельдмаршалъ, въ видахъ усиленія средствъ переправы у Силистріи, приказалъ спустить внизъ по Дунаю плоты для моста, приготовленные на р. Аржисѣ. При движеніи плотовъ вблизи Туртукая не было со стороны послѣдняго обнаружено никакихъ враждебныхъ дѣйствій, и передовые посты донесли, что часть турецкой пѣхоты и конницы вышла изъ крѣпости въ горы. Двумъ ротамъ Охотскаго полка было приказано занять островъ, лежащій передъ Туртукаемъ, что также было произведено безъ сопротивленія со стороны противника, послѣ чего былъ занятъ и покинутый турками городъ. Въ немъ былъ нами оставленъ батальонъ пѣхоты, который занялся срытіемъ турецкихъ укрѣпленій [1]).

Тѣмъ временемъ со стороны Малой Валахіи продолжалась полная бездѣятельность обѣихъ сторонъ. Краіово турки не заняли самостоятельнымъ отрядомъ, а лишь высылали туда разъѣзды, которые постоянно возвѣщали жителямъ скорое прибытіе въ этотъ пунктъ какого-то значительнаго отряда и требовали приготовить для него продовольствіе, между тѣмъ, какъ всѣ лазутчики единогласно показывали, что въ Калафатъ никакихъ подкрѣпленій не прибыло. Это дало мысль генералу Липранди произвести со своимъ отрядомъ нечаянное нападеніе на турокъ въ Краіовѣ въ томъ случаѣ, если бы они, дѣйствительно, двинулись туда изъ Калафата.

Непріятель не могъ двинуть въ Краіово болѣе 15 тысячъ, и такой отрядъ, переправившись черезъ р. Жіо по одному мосту, попадалъ въ очень невыгодное положеніе, если бы Мало-Валахскій отрядъ, внезапно появившись у Краіова, атаковалъ турецкія войска

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Le colonel Dieu au Maréchal de St-Arnaud, le 10 juin 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

въ то время, когда они только-что перешли черезъ Жіо и не успѣли еще укрѣпиться въ окрестностяхъ города.

Сообщая свои предположенія князю Горчакову, генералъ Липранди просилъ разрѣшенія двинуть свой отрядъ изъ Слатино черезъ Балашъ къ Краіову, какъ только онъ получитъ положительныя свѣдѣнія о переходѣ турокъ черезъ Жіо, и, пользуясь выгодной минутой, нанести имъ рѣшительный ударъ. Моральный эффектъ подобнаго набѣга Липранди считалъ несомнѣннымъ; за фланги же свои онъ не опасался, такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, непріятель ни въ какую сторону своихъ отрядовъ не отдѣлялъ.

Союзники въ Добруджѣ.

Но если, при извѣстной уже изъ опыта предшествовавшаго періода кампаніи осторожности турокъ, предположеніе о возможности внезапной атаки Краіова и являлось нѣсколько рискованнымъ, то остальныя мысли генерала Липранди, какъ лица, находившагося на мѣстѣ, заслуживали полнаго вниманія. Убѣдившись, что турки не стягиваютъ на верхнемъ и среднемъ Дунаѣ своихъ войскъ съ наступательными намѣреніями, что они очень медленно и боязливо занимаютъ тотъ край, который нами очищается, и, повидимому, будутъ ограничиваться лишь частными попытками къ переправѣ, онъ считалъ необходимымъ воспретить туркамъ своимъ наступленіемъ къ Краіово и за р. Жіо спокойное водвореніе въ Малой Валахіи, гдѣ они получаютъ всѣ продовольственныя средства и успѣшно пропагандируютъ жителей страны черезъ разныхъ выходцевъ, участвовавшихъ въ смутахъ 1848 года [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что у Государя въ Петергофѣ почти одновременно появилась такая же мысль, какъ у Липранди въ

[1]) Ген. Липранди — кн. Горчакову 12 мая 1854 г., № 463. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3416.

Слатино, и онъ писалъ Паскевичу, что „не хорошо ли бъ было „перейти въ Малой Валахіи внезапно въ короткое наступленіе и „разбить нà-голову, что туда сунулось“ [1]).

Но этотъ наступательный порывъ генерала Липранди былъ сдержанъ княземъ Варшавскимъ, который разрѣшилъ ему предпринять быстрое наступленіе лишь въ томъ случаѣ, когда турки приблизятся къ Слатину верстъ на пятнадцать. Одновременно съ этимъ, какъ бы изъ опасенія, чтобы Липранди не вырвался, Днѣпровскій полкъ его дивизіи былъ отведенъ отъ Ольты къ Бухаресту [2]).

Но Липранди еще до полученія этихъ распоряженій фельдмаршала рѣшилъ приступить отчасти къ исполненію своего плана. Въ виду появленія турецкой кавалеріи около г. Каракула и въ разныхъ мѣстахъ по р. Ольтецъ, онъ намѣревался для отраженія ихъ отправлять за р. Ольту сильныя кавалерійскія партіи.

16 мая съ этой цѣлью былъ высланъ отрядъ изъ 3-хъ дивизіоновъ гусарскаго князя Варшавскаго (Александрійскаго) полка, 4-хъ орудій конной № 10 батареи и сотни донского казачьяго № 38 полка, подъ начальствомъ полковника Карамзина и при офицерѣ генеральнаго штаба штабсъ-капитанѣ Черняевѣ.

Виновникомъ свершившагося въ этотъ день съ отрядомъ несчастья былъ его начальникъ, появившійся на театръ войны при нѣсколько необыденныхъ условіяхъ.

Вялость веденія кампаніи и нерѣшительность престарѣлаго фельдмаршала не только вызывали удивленіе во дворцѣ и въ высшихъ административныхъ сферахъ, но и цѣлое возмущеніе въ наиболѣе патріотично настроенныхъ гостиныхъ обѣихъ столицъ. Главный центръ этого кружка находился въ Петербургѣ, и одинъ изъ видныхъ членовъ его, отставной полковникъ Карамзинъ, рѣшилъ перейти отъ словъ къ дѣлу, ѣхать на войну свершить подвигъ и „donner un peu de vigueur au vieux maréchal“ [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что Карамзинъ, сынъ знаменитаго исторіографа, бросилъ строевую службу съ чина поручика гвардейской артиллеріи и, женившись на вдовѣ извѣстнаго богача Демидова, занималъ выдающееся положеніе въ обществѣ; его отъѣздъ на Дунай служилъ какъ бы демонстраціей наиболѣе патріотично настроен-

[1]) Императоръ Николай—кн. Варшавскому 23 мая 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Липранди 16 мая 1854 г., № 1582. Тамъ же.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ 1854 г.“—Русск. Стар., августъ 1875 г.

ныхъ круговъ столицы, недовольныхъ вялымъ веденіемъ кампаніи. Совершенно не знавшій службы, никогда не служившій въ полѣ, Карамзинъ пріѣхалъ въ Александрійскій полкъ полковникомъ и вступилъ, за болѣзнью командира, въ командованіе полкомъ.

Хотя генералъ Липранди и его начальникъ штаба князь Васильчиковъ сознавали всю неподготовленность Карамзина, но при описанныхъ выше условіяхъ имъ трудно было его обойти въ назначеніи начальникомъ отряда, и, такимъ образомъ, онъ сталъ во главѣ поиска 16 мая.

Александрійцы съ приданными къ нимъ частями должны были выступить безъ обоза въ шесть часовъ утра и слѣдовать черезъ с. Пятра къ с. Вадулени, пройдя которое, остановиться на ночлегъ близъ р. Ольтецъ. Отсюда, послѣ необходимаго лошадямъ отдыха, выслать сильный разъѣздъ въ г. Каракулъ, чтобы убѣдиться, не занятъ ли этотъ городъ небольшимъ отрядомъ, который можно было бы отхватить. Если бы непріятеля въ Каракулѣ не оказалось, то 17-го продолжать поискъ къ г. Балашъ и, при отсутствіи непріятеля и въ этомъ пунктѣ, 18-го вернуться въ Слатино. Начальнику отряда предоставлено было по обстоятельствамъ нѣсколько измѣнить направленіе движенія, но ни въ какомъ случаѣ не имѣть ночлега на правомъ берегу р. Ольтецъ [1]). Это требованіе служило какъ бы указаніемъ на возможность встрѣчи превосходныхъ силъ противника и должно было нѣсколько связывать чрезмѣрный пылъ неопытнаго Карамзина.

Карамзинъ, не соразмѣривъ предстоявшей работы конскаго состава, повелъ свой отрядъ на быстрыхъ аллюрахъ, дошелъ до с. Вадулени, пройдя которое, остановился на привалъ на лѣвомъ берегу р. Ольтецъ. Но, вмѣсто того, чтобы выслать для рекогносцировки Каракула сильный разъѣздъ, какъ это было ему указано, онъ повѣрилъ показаніямъ мѣстныхъ жителей, что въ этомъ пунктѣ находится 600 или 700 человѣкъ непріятельской кавалеріи, которую рѣшилъ разбить и послѣ этого вернуться на ночлегъ за р. Ольтецъ.

Послѣ четырехчасового привала Карамзинъ двинулъ свой отрядъ къ Каракулу, имѣя въ авангардѣ сотню казаковъ, въ верстѣ за которой главныя силы въ колоннѣ по шесть и артиллерію по-взводно между 3 и 4 дивизіонами. Головный отрядъ

---

[1]) Приказаніе по войскамъ Мало-Валахскаго отряда 15 мая 1854 г., № 15. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

казаковъ встрѣтилъ у с. Доброславени пикетъ изъ 10 иррегулярныхъ турецкихъ всадниковъ, которые дали сигнальный выстрѣлъ и ускакали къ городу. Штабсъ-капитанъ Черняевъ, произведя личную развѣдку, обнаружилъ на равнинѣ у выхода изъ Каракула около 800 человѣкъ регулярной турецкой конницы, построенной въ четыре колонны и готовой къ бою. Между турками и нашимъ отрядомъ протекалъ въ обрывистыхъ берегахъ болотистый ручей Тезлуй, проходимый лишь по одному узкому мосту. Переходить въ такихъ условіяхъ ручей и развертываться въ боевой порядокъ въ виду готоваго къ бою равносильнаго противника было весьма рисковано, почему Карамзину рекомендовали отвести обратно за ручей переведенный имъ уже на непріятельскую сторону отрядъ, построить боевой порядокъ и выждать, покуда не обнаружатся силы и намѣренія противника.

Но Карамзинъ не внялъ голосу разсудка и свой истомленный длиннымъ переходомъ и движеніемъ на быстрыхъ аллюрахъ отъ Вадулени отрядъ развернулъ въ боевой порядокъ тыломъ къ крутому берегу болотистаго ручья Тезлуй, предполагая сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и послѣ этого начать отступленіе.

Однако, первая очередь орудійныхъ выстрѣловъ была для турокъ сигналомъ броситься въ атаку на нашъ отрядъ. Центръ ихъ пока оставался на мѣстѣ, но изъ за фланговъ вынеслись длинныя цѣпи иррегулярной конницы, которыя охватили нашъ боевой порядокъ, особенно угрожая нашему лѣвому флангу. Лихія атаки александрійскихъ гусаръ по-эскадронно, безо всякаго общаго руководства, картечный огонь нашихъ орудій почти въ упоръ могли лишь временно задержать натискъ турецкой кавалеріи и дать намъ возможность начать отходъ по мосту, но атаки турокъ свѣжими силами превратили это отступленіе въ бойню. Мостъ былъ занятъ перемѣшанными частями нашими и турецкими; артиллерія съ перебитыми лошадьми не могла попасть на мостъ и осталась на непріятельскомъ берегу. Въ безумной рукопашной схваткѣ у моста, дѣлающей честь александрійскимъ гусарамъ и конной № 10 батареѣ, проявившимъ здѣсь цѣлую массу отдѣльныхъ подвиговъ мужества и самопожертвованія [1]), они пробива-

---

[1]) Частные подвиги чиновъ гус. г.-ф. кн. Варшавскаго полка. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3712.

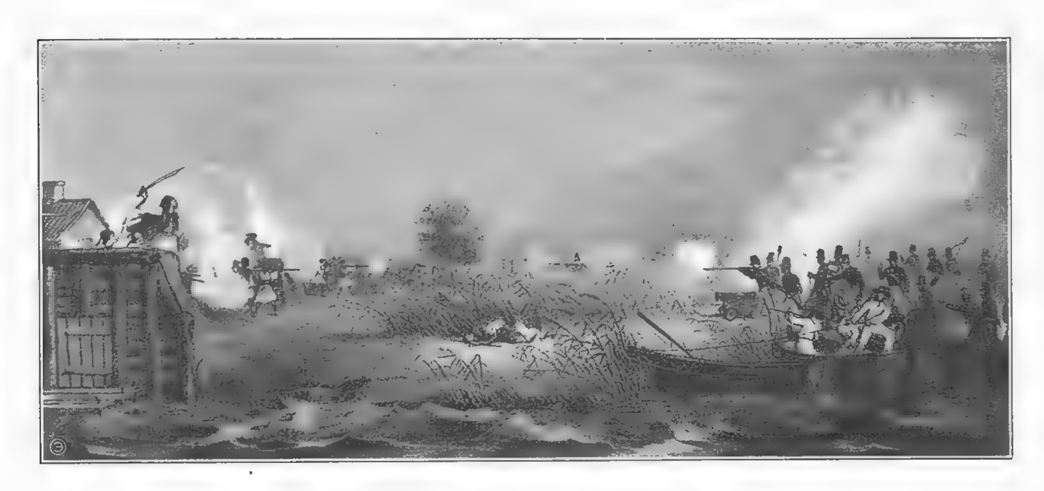
Донесеніе командира дивизіона конной № 10 батареи 19 мая 1854 г., № 77. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3417.

лись черезъ врага и, наконецъ, устроились на противоположномъ берегу р. Тезлуй, съ потерей 19 офицеровъ, 101 гусара, 30 артиллеристовъ и 4 орудій. Виновникъ несчастія, полковникъ Карамзинъ, также палъ геройской смертью, изрубленный турками.

По англійскимъ источникамъ потери непріятеля простирались до 250 человѣкъ [1]), а по нашимъ до 700 человѣкъ.

Отъ р. Тезлуй до р. Ольтенецъ турки безуспѣшно преслѣдовали приведенныхъ въ порядокъ гусаръ, послѣ чего преслѣдованіе прекратилось [2]).

Согласно донесенію Омера-паши маршалу С.-Арно [3]), Карамзинъ имѣлъ дѣло съ рекогносцировочнымъ отрядомъ генеральнаго



Стычка съ англичанами въ устьѣ Дуная.

штаба полковника Искендеръ-бея (графъ Ильинскій), одного изъ выдающихся офицеровъ оттоманской арміи, въ составъ котораго входилъ 2 румелійскій кавалерійскій полкъ, подъ командой полковника Хаджи-Мехметъ-бея. Хотя Омеръ-паша въ своемъ донесеніи говоритъ только объ одномъ шестиэскадронномъ полку, но, по свидѣтельству русскихъ и англійскихъ источниковъ, въ отрядъ входило и до 2 тысячъ иррегулярной конницы. Этому показанію слѣдуетъ придать вѣру, такъ какъ наврядъ ли для командованія

---

[1]) War with Russia.

[2]) Рапортъ ген. Липранди кн. Горчакову 17 мая 1854 г., № 479. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

Рапортъ Ген. шт. шт.-кап. Черняева ген. Салькову 21 мая 1854 г., № 27. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3417.

[3]) Omer-Pacha au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 1 juin 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

однимъ полкомъ съ турецкой стороны былъ бы назначенъ не только командиръ полка, но и особый начальникъ отряда [1]).

На другой день генералъ Липранди произвелъ личную развѣдку противника, но не нашелъ его ни въ Каракулѣ, ни въ Балашѣ. По собраннымъ же свѣдѣніямъ, турецкія войска расположились слѣдующимъ образомъ: въ Краіовѣ, на правомъ берегу р. Жіо, 4 тысячи кавалеріи при 6 конныхъ орудіяхъ, въ Быйлештѣ и Калафатѣ по 4 тысячи пѣхоты съ артиллеріей. Нѣсколько дней спустя, турецкая пѣхота начала оттягиваться къ Калафату, а конница отъ Краіова перешла къ Радовану.

Дѣло Карамзина должно было произвести на фельдмаршала удручающее впечатлѣніе, что и выразилось въ предписаніи, данномъ имъ генералу Липранди [2]). Паскевичъ признавалъ произведенный поискъ безцѣльнымъ, такъ какъ для собиранія свѣдѣній о противникѣ можно было выслать нѣсколько казачьихъ партій, поддержанныхъ 1-2 эскадронами; онъ признавалъ его неосторожнымъ, такъ какъ кавалерія выбрасывалась въ раіонъ, занятый противникомъ, чуть ли не за 40 верстъ, и ставилъ въ вину Липранди, какъ назначеніе Карамзина начальникомъ отряда, такъ и то, что послѣднему не было отдано приказанія не переходить за р. Ольтенецъ.

Если въ дѣлѣ Карамзина и можно отмѣтить безсмысленную неосторожность и полное неумѣніе вести войска въ бой, то ни коимъ образомъ нельзя согласиться и съ той ролью, которую князь Варшавскій указывалъ кавалеріи, не считая возможнымъ удалять ее отъ пѣхоты.

„Съ горестнымъ чувствомъ читалъ донесеніе о несчастномъ „дѣлѣ Александрійскаго полка“, писалъ Государь [3]). „Дай Богъ, „чтобы подобное не повторялось, ибо ничего для меня нѣтъ „прискорбнѣе, какъ подобная безплодная трата драгоцѣннаго „войска отъ глупости или неосторожности начальниковъ“.

Каракульскимъ дѣломъ было закончено безцвѣтное существованіе Мало-Валахскаго отряда, такъ какъ вскорѣ послѣ этого

---

[1]) Алабинъ въ своемъ трудѣ, „Восточная война“, ч. II, стр. 258—262, подробно описываетъ Карамзинское дѣло на основаніи тѣхъ слуховъ, которые ходили на театрѣ военныхъ дѣйствій. Бѣгство и паника доблестнаго полка чуть ли не на десятокъ верстъ, которыя онъ такъ краснорѣчиво описываетъ, не подтвердились ни однимъ изъ изслѣдованныхъ мною документовъ.

[2]) Отъ 21 мая 1854 г., № 1644. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. 82, ч. II.

[3]) Императоръ Николай—кн. Варшавскому 1 (13) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

онъ былъ отведенъ въ Плоешти, гдѣ составилъ заслонъ отъ ожидаемаго нападенія со стороны Австріи. Отрядъ этотъ по своему положенію и силѣ могъ сыграть видную роль въ истекшемъ періодѣ кампаніи, но, вмѣсто того, онъ влачилъ свое печальное существованіе и лишь въ дѣлахъ при Четати и Каракулѣ вплелъ безъ пользы для дѣла новые вѣнки доблести въ знамена Тобольскаго и Александрійскаго полковъ, доказавъ въ то же время всей своей дѣятельностью отсутствіе умѣлаго имъ руководства.

Въ концѣ мая турки также покинули Малую Валахію, срывъ Калафатскія укрѣпленія и сосредоточивъ войска, тамъ бывшія, къ Тырнову [1]).

Почти одновременно съ описаннымъ происшествіемъ у Каракула фельдмаршалъ приказалъ генералу Соймонову, начальствовавшему Журжинскимъ отрядомъ, организовать крейсерованіе флотиліи отъ Журжи до устья р. Аржиса, съ цѣлью убѣдиться въ слабости турецкихъ силъ на среднемъ Дунаѣ и съ цѣлью распространенія ложныхъ слуховъ о готовившейся здѣсь нашей переправѣ черезъ рѣку. Былъ сформированъ отрядъ, подъ начальствомъ полковника Бонтана, изъ 16 офицеровъ и 450 нижнихъ чиновъ, который вышелъ на 3-хъ канонерскихъ лодкахъ и 18 гребныхъ судахъ въ ночь на 16 мая отъ Журжи и, прибывъ 20 числа къ устью р. Аржиса, отправился обратно въ Журжу. Экипажъ по дорогѣ дѣлалъ небольшіе поиски на правый берегъ Дуная, но, кромѣ отступавшихъ кавалерійскихъ частей, никого не встрѣчалъ [2]).

Какъ бы въ отплату за этотъ поискъ турки на разсвѣтѣ 30 мая произвели изъ Рущука нападеніе на нашъ Журжинскій отрядъ. Шесть канонерскихъ лодокъ и значительное число судовъ съ регулярной пѣхотой направилось, подъ покровительствомъ огня, изъ Рущука и построенныхъ ниже его батарей къ острову Радоману, но, встрѣченные огнемъ нашего отряда и штыками 8-й роты Томскаго полка, отплыли назадъ [3]).

---

[1]) Colonel Dieu—au général Canrobert le 10 juin 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[2]) Рапортъ ген. Соймонова кн. Горчакову 28 мая 1854 г., № 403. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3587.

[3]) Рапортъ ген. Соймонова ген. Даненбергу 30 мая 1854 г., № 408. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3413.

На низовьяхъ Дуная передовыя части сосредоточеннаго у Гирсова отряда генерала Лидерса заняли 30 марта 3-мя сотнями Черноводы и 2-мя Карасу. Высланные на югъ разъѣзды обнаружили впереди присутствіе небольшихъ частей непріятельской кавалеріи, которыя, однако, при нашемъ появленіи отходили въ глубь страны. У Кюстенджи крейсеровали англо-французскія суда, но безъ десанта, и если экипажъ ихъ и выходилъ на берегъ, то только для сбора продовольствія и для развѣдокъ.

2 апрѣля турецкая кавалерія направилась въ значительныхъ силахъ къ Черноводамъ, поощренная къ этому пріостановкою нашего движенія на югъ. Подполковникъ Валуевъ, узнавъ объ этомъ, оставилъ для охраны моста въ Черноводахъ сотню, а съ остальными двумя вышелъ навстрѣчу туркамъ, направивъ одну сотню по дорогѣ, а другую стороною для дѣйствія во флангъ противнику. Пройдя 18 верстъ, казаки наткнулись на турокъ, которые, видя свое превосходство, атаковали сотню Валуева; но въ это время другая сотня быстро появилась на флангѣ непріятеля и послѣ залпа изъ ружей ударила въ пики. Турки были смяты, оставивъ на мѣстѣ 40 тѣлъ и 17 плѣнныхъ. Послѣ этого вся непріятельская кавалерія отошла къ Базарджику. Съ своей стороны генералъ Гротенгельмъ, начальникъ авангарда Лидерса, усилилъ передовые посты, расположивъ: въ Черноводахъ—4 сотни, въ Докузовѣ—3½ сотни, въ Карасу и Карамуратѣ—по ½ сотни. Для поддержанія казаковъ были расположены въ дд. Даникіой и Сейменѣ, подъ общимъ начальствомъ генерала Столпакова, по одному дивизіону уланъ и по взводу конной артиллеріи.

Между тѣмъ фельдмаршалъ рѣшилъ передвинуть отрядъ Лидерса къ Черноводамъ, куда онъ долженъ былъ прибыть 19 апрѣля, выдвинувъ авангардъ къ с. Россеватѣ и боковой отрядъ къ Карасу. Въ виду этого движенія выяснилась необходимость подчинить Галацъ, Браиловъ и Гирсово особому „опытному и распорядительному начальнику". Выборъ Паскевича остановился на генералѣ Бельгардѣ. Наибольшее значеніе придавалось Гирсову, у котораго былъ мостъ съ предмостнымъ укрѣпленіемъ, перволинейный складъ продовольствія, и здѣсь же должны были проходить подымаемые вверхъ по Дунаю запасы. Кромѣ того, Гирсово было опорнымъ пунктомъ войскъ Лидерса, въ случаѣ обратнаго ихъ движенія, и сюда же скорѣе, чѣмъ въ Браиловъ и Галацъ, могъ направиться противникъ отъ Варны, Бальчика и даже Кюстенджи.

Бельгарда подчинили непосредственно генералу Лидерсу, но о всѣхъ разрѣшеніяхъ, требующихъ особой поспѣшности, и о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ онъ долженъ былъ непосредственно доносить также князю Горчакову или главнокомандующему.

Опытный и распорядительный начальникъ, каковымъ былъ признанъ генералъ Бельгардъ, былъ снабженъ весьма подробной инструкціей, изложенной въ духѣ всѣхъ инструкцій князя Горчакова, желающихъ предвидѣть всѣ мелочи и отнимающихъ всякую возможность исполнить задачу, по собственному разумѣнію, въ зависимости отъ сложившихся на мѣстѣ обстоятельствъ. Такую же инструкцію Бельгардъ долженъ былъ получить и отъ генерала Лидерса.

Въ предписаніи князя Горчакова указывались мѣры поддержанія связи съ главнокомандующимъ, а также между войсками Лидерса и генерала Ушакова, который охранялъ съ 20 баталіонами и 8 эскадронами низовья Дуная, находясь съ главными силами у Исакчи и авангардомъ у Бабадага. Но наибольшее вниманіе инструкціи было обращено на оборону Гирсова, въ которомъ было приказано имѣть три баталіона, батарею, дивизіонъ уланъ и три сотни казаковъ, и отчасти Браилова, гдѣ находились 1 баталіонъ и 4 орудія [1]). Въ помощь Бельгарду для укрѣпленія Гирсова былъ командированъ инженеръ-подполковникъ Тотлебенъ.

19 апрѣля главныя силы [2]) генерала Лидерса расположились въ Черноводахъ съ авангардомъ [3]) въ Россеватѣ, отъ котораго къ с. Малчево былъ выставленъ наблюдательный постъ изъ 2½ сотенъ казаковъ. Кромѣ того, къ с. Девче (Девицкой) былъ высланъ боковой отрядъ, въ составѣ 4 батал., 12 ор., 4 эск. и 2½ сот., подъ начальствомъ генерала Энгельгарда, на который возлагалось наблюденіе за Кюстенджи и обезпеченіе тыла.

Хотя непріятельскія развѣдывательныя партіи вновь начали появляться въ сферѣ расположенія нашихъ передовыхъ частей и по свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ лазутчиковъ, генералъ Лидерсъ ожидалъ атаки со стороны турокъ, но въ дѣйствительности непріятель объ этомъ и не помышлялъ. Все ограничилось нѣсколькими незначительными столкновеніями передовыхъ кавалерійскихъ частей, послѣ чего турки прекратили свои поиски [4]).

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Бельгарду 17 апрѣля 1854 г., № 1196. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324 (А).

[2]) 13 батал., 2 эск., 1 с., 36 п. ор. и 4 р. волонт.

[3]) 11 батал., 2 р. стр., 2 р. сап., 8 эск., 5 сот., 34 пѣш. и 4 конн. ор.

[4]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

III.

Силистрія, древній Доростолъ, когда-то обороняемый русскимъ великимъ княземъ Святославомъ Игоревичемъ противъ грековъ, имѣла первенствующее значеніе для турокъ, такъ какъ служила опорнымъ пунктомъ нижняго Дуная и прикрывала кратчайшій путь отъ этой рѣки къ Константинополю. Оттоманское правительство, сознавая всю важность этого пункта, обратило особое вниманіе на его укрѣпленіе.

Силистрія [1]) лежитъ на низменномъ мысѣ праваго берега Дуная, откуда внизъ рѣка образуетъ рядъ мелкихъ болотистыхъ островов. Ядро крѣпости состояло изъ 10-ти небольшихъ бастіоновъ съ короткими фланками, соединенными куртинами отъ 150 до 200 саженей длиною, и рвами, шириною отъ 75 до 90 футовъ и глубиною въ 10-12 футовъ, которые имѣли фланговую оборону. Эскарпы и контръ-эскарпы были облицеваны камнемъ, внутренняя же крутость бастіоновъ была одѣта турами.

Такъ какъ къ югу и къ востоку отъ главной ограды мѣстность повышалась и въ разстояніи отъ нея въ $1\frac{1}{2}$-$2\frac{1}{2}$ версты образовала холмы, высотою 300—800 футовъ, то главная сила крѣпости заключалась въ фортахъ, вынесенныхъ на окружающія городъ высоты.

Старая крѣпость и существовавшіе раньше форты были тщательно исправлены, верки подняты и рвы углублены, но, кромѣ того, опытъ 1829 года указалъ туркамъ на необходимость построить новыя укрѣпленія на тѣхъ пунктахъ, важность которыхъ выяснилась для нихъ предшествующей нашей осадой. Четыре такихъ форта и были возведены прусскими инженерами, а одинъ турками, по указанію англичанъ.

Наиболѣе сильный былъ фортъ *Абдулъ-Меджидъ,* вновь возведенный къ юго-западу отъ города на Анбарской высотѣ, откуда были начаты нами осадныя работы противъ Силистріи въ 1829 году. Фортъ этотъ имѣлъ восьми-угольную форму съ открытой горжей, рвы были съ каменной одеждой и съ тремя блокгаузами для обороны ихъ, внутри имѣлся казематированный

---

[1]) См. схему № 46 (папка).

редюитъ. Построенный по чертежамъ прусскаго полковника Гуцковскаго Абдулъ-Меджидъ считался выдающейся работой. Къ западу отъ него, на сосѣдней высотѣ находился фортъ *Кучукъ-Мустафа,* къ сѣверо-востоку отъ котораго, на равнинѣ ближе къ Силистріи, былъ расположенъ фортъ *Кяхья-Табія* (Луговой), имѣя сѣвернѣе себя береговую батарею. На командующихъ высотахъ къ востоку отъ Абдулъ-Меджида и къ юго-востоку отъ Силистріи была сооружена группа изъ трехъ фортовъ. Далеко впередъ на юго-востокъ былъ выдвинутъ фортъ *Арабъ-Табія* (Арабскій), который занималъ командующую надъ крѣпостью высоту. Этотъ открытый съ горжи фортъ, сыгравшій столь видную

Стычка съ англичанами въ устьѣ Дуная.

роль при оборонѣ Силистріи, въ апрѣлѣ только строился и имѣлъ брустверъ не болѣе 3 футъ вышиною, но во время осады онъ имѣлъ уже валъ 12 футъ высоты и глубокій ровъ. Между Абдулъ-Меджиде и Арабъ-Табіе, уступомъ за послѣднимъ, находился фортъ *Урду-Табія* (Египетское или Лагерный редутъ), а къ сѣверу отъ Арабскаго форта укрѣпленія *Деирменъ-Табія* (Песчаное), *Еланли-Табія* (Змѣиное), и, наконецъ, съ этой стороны систему обороны кончало укрѣпленіе *Береговое,* расположенное на берегу Дуная.

Гарнизонъ крѣпости въ началѣ мая состоялъ изъ 16 тысячъ человѣкъ. Количество орудій, бывшихъ на вооруженіи, разными источниками показывается различно — отъ 50 (по англійскимъ источникамъ) до 120 (по русскимъ). Послѣднюю цифру слѣдуетъ

считать болѣе подходящей къ истинѣ. Продовольствіемъ крѣпость была обезпечена на годъ. Комендантомъ былъ энергичный Мусса-паша, реорганизаторъ турецкой артиллеріи [1]).

Еще до прибытія на театръ войны князя Варшавскаго Горчаковъ приказалъ на случай осады Силистріи начать рядъ работъ по укрѣпленію лѣваго берега Дуная, противъ крѣпости. Въ теченіе восьми дней, съ 24 марта по 1 апрѣля, распоряженіемъ генерала Хрулева были вырыты траншеи для прикрытія сообщеній между береговыми батареями, а также возведено 14 новыхъ батарей съ эполементами, съ цѣлью, какъ для дѣйствія противъ непріятельскихъ батарей на правомъ берегу Дуная и противъ Силистріи, такъ и для уничтоженія турецкой флотиліи, стоявшей за островомъ Гопа.

1 апрѣля нашими охотниками были заняты острова Гопа и Голый, на которыхъ были построены батареи, вооруженныя снятыми съ прибывшихъ канонерокъ осадными орудіями. 10 апрѣля изъ Рущука къ Силистріи прибыло 7 турецкихъ судовъ, изъ которыхъ три было потоплено огнемъ нашихъ батарей.

Послѣ пріѣзда фельдмаршала, въ періодъ его нерѣшительности, работы на лѣвомъ берегу и на островахъ, однако, продолжались. Число нашихъ батарей было увеличено, и между островами были устроены сообщенія посредствомъ мостовъ на козлахъ и понтонахъ [2]). По свидѣтельству англійскихъ офицеровъ, посѣтившихъ послѣ снятія осады наши батареи, постройки эти доказывали „большое искусство русскихъ инженеровъ" [3]). 29 апрѣля съ вновь устроенныхъ батарей и канонерскихъ лодокъ былъ открытъ по Силистріи огонь, на который отвѣчала крѣпость. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ турки бросили свой лагерь на покатости и отошли къ горамъ, а мы ночью заняли ближайшій къ непріятельскому берегу островъ, впереди острова Салани, и укрѣпили его. Эта бомбардировка произвела сильный переполохъ среди жителей крѣпости, которые попрятались въ подвалы. Комендантъ же,

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Кр. свод. свѣд. о тур. арм. и крѣп. къ 1 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 5741.

Рапортъ ген. Лидерса кн. Горчакову 11 апрѣля 1854 г., № 912. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

Корресп. Times изъ Силистріи 18 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 14.

Le maréchal de St-Arnaud à Omer-Pacha le 24 mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

Tyrrel's: War with Russia. Notes on the defence of Silistria by major Nasmyth.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

[3]) War with Russia, p. 169.

Мусса-паша, лично храбрый и честный воинъ, не выказалъ ни силы, ни умѣнія возстановить дисциплину въ войскахъ и привести верки въ надлежащее состояніе. Это обстоятельство вынудило оттоманское правительство послать въ помощь Мусса-пашѣ бывшаго прусскаго офицера полковника Граха, который также не принесъ пользы. Спасителями и „героями“ Силистріи, по словамъ англичанъ, сдѣлались англійскіе поручики Бутлеръ и Насмитъ, которые съ перваго дня стали душой обороны и спасли ее отъ неминуемой сдачи русскимъ [1]).

Съ 24 апрѣля для отряда генерала Лидерса начались томительные дни неизвѣстности, пойдетъ ли отрядъ къ Силистріи или нѣтъ. Этого числа ему было отправлено предписаніе двинуться 27 апрѣля правымъ берегомъ Дуная къ Силистріи съ отрядомъ, въ составѣ: 15-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей, 9-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями 9-й бригады и одной 14-й бригады [2]), 1-й бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи съ конно-легкою № 5 батареей, двухъ стрѣлковыхъ (3-мъ и 5-мъ) и трехъ ротъ 5-го сапернаго баталіоновъ и двухъ донскихъ казачьихъ (№№ 9 и 22) полковъ.

Считая движеніе Лидерса, отдѣленнаго отъ главныхъ силъ Дунаемъ, опаснымъ, фельдмаршалъ требовалъ совершить его возможно скорѣе и не болѣе, какъ въ пять дней. По прибытіи къ Силистріи, отрядъ долженъ былъ остановиться внѣ пушечныхъ выстрѣловъ отъ наружныхъ верковъ крѣпости и съ такимъ расчетомъ, чтобы прикрыть мѣсто, гдѣ будетъ наведенъ мостъ черезъ Дунай, по которому къ отряду Лидерса будутъ присоединены изъ Калараша 8-я пѣхотная дивизія, 14 эскадроновъ уланской бригады 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ конно-легкой № 7 батареей, донская № 9 и легкая № 3 батареи 11-й артиллерійской бригады.

Отрядъ долженъ былъ взять съ собой только тотъ обозъ, который находился при немъ въ Черноводахъ; провіантомъ же и фуражемъ быть обезпеченнымъ на 10-12 дней. Остальной же обозъ направить особымъ вагенбургомъ отъ Гирсова къ Каларашу лѣвымъ берегомъ Дуная, а 14 нагруженныхъ провіантомъ и фуражемъ кирлашей, которые находились въ распоряженіи Лидерса, направить вверхъ по Дунаю, чтобы во время пребыванія отряда

---

[1]) The post campaign by N. A. Woods.
[2]) Батарейная № 3 батарея.

подъ Силистріей быть обезпеченнымъ продовольствіемъ независимо отъ моста [1]).

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отправки этого предписанія фельдмаршалъ приказалъ его задержать; черезъ шесть часовъ послѣ этого онъ вновь приказалъ его послать и черезъ два часа вновь отмѣнилъ движеніе къ Силистріи впредь до новаго повелѣнія [2]). Наконецъ, 29 апрѣля, послѣ пріѣзда въ главную квартиру зятя Паскевича князя Лобанова съ извѣстнымъ уже письмомъ Императора Николая, фельдмаршалъ отправилъ Лидерсу окончательное приказаніе возможно скорѣе двигаться къ Силистріи [3]). Опасаясь за Гирсово, князь Варшавскій приказалъ усилить этотъ пунктъ Подольскимъ егерскимъ полкомъ и 4-мя эскадронами гусарскаго гр. Радецкаго полка, взятыми съ нижняго Дуная отъ Исакчи изъ отряда генерала Ушакова [4]), такъ что въ Гирсовѣ сосредоточивалось 7 бат., 24 ор., 6 эск. и 2 с.

Во всеподданнѣйшемъ письмѣ, отправленномъ въ тотъ же день [5]), князь Варшавскій старался оправдать свою медлительность исполненіемъ предначертаннаго въ Петербургѣ плана кампаніи, согласно которому позиціи нашихъ войскъ намѣчались у Бузео, Рымника и за Серетомъ въ томъ случаѣ, если бы Австрія была противъ насъ. Потерю времени, въ ожиданіи извѣстій изъ Австріи, фельдмаршалъ опредѣлялъ лишь въ 3-4 дня, что вызвало три знака вопроса со стороны Государя. Увѣдомляя далѣе о сдѣланныхъ распоряженіяхъ къ скорѣйшему началу осады Силистріи, которую предполагается вести противъ фронта, обращеннаго къ востоку и прилегающаго къ берегу Дуная [6]), князь Варшавскій присовокуплялъ, что, по мнѣнію генерала Шильдера, осада продолжится не менѣе двухъ недѣль, а, по мнѣнію князя Горчакова, три или четыре недѣли. Своего мнѣнія по этому поводу фельдмаршалъ, бывшій уже на мѣстѣ, т.-е. въ Каларашѣ *подъ*

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 24 апрѣля 1854 г., № 1311. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 25 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324.

[3]) „Dieu merci", писалъ по этому поводу военный министръ кн. Меншикову, „le maré-„chal s'est décidé à s'occuper de Silistrie tout de bon... Voyons ce qui adviendra de tout cela". Кн. Долгоруковъ — кн. Меншикову 8 (20) мая 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

[4]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 29 апрѣля 1854 г., № 126. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324.

[5]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго отъ 29 апрѣля 1854 г., изъ Калараша. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[6]) Кн. Варшавскій — военному министру 29 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

Силистріей [1]), какъ онъ помѣтилъ письмо Государю, не имѣлъ, или не хотѣлъ его сообщить.

Но, предпринимая противъ своей воли силистрійскую операцію, Паскевичъ для обезпеченія отъ австрійцевъ, которые, по его мнѣнію, могли насъ атаковать со стороны Буковины и Трансильваніи, сформировалъ въ Молдавіи, подъ начальствомъ командира драгунскаго корпуса генерала Шабельскаго, отрядъ изъ 6-й пѣхотной дивизіи, 8-ми резервныхъ баталіоновъ [2]), резервнаго кирасирскаго корпуса и 1-й драгунской дивизіи со штабомъ въ г. Яссахъ. „Можетъ быть, для „распоряженій по сему предмету“, такъ кончалъ свое письмо Государю фельдмаршалъ, „и мнѣ придется ѣхать „на мѣсто, а также, можетъ „быть, и къ генералъ-адъютанту Сакену, который ожи„даетъ новыхъ нападеній“. Лица, бывшія при Паскевичѣ на Дунаѣ, упрекали его въ своихъ запискахъ въ томъ, что фельдмаршалъ искалъ лишь предлога покинуть Дунайскую армію. Приведенная выше фраза, писанная въ день отдачи распоряженій объ осадѣ Силистріи, является въ этомъ отношеніи характерной, такъ какъ обстановка не требовала личнаго присутствія главнокомандующаго всѣми войсками ни въ Одессѣ, ни въ Яссахъ, а скорѣе всего въ Силистріи.

„Tien bon turc!“

Государь въ своемъ отвѣтѣ на письмо Паскевича [3]) выражалъ радость по случаю рѣшенія фельдмаршала приступить къ осадѣ Силистріи, сожалѣлъ о сосредоточеніи фельдмаршаломъ массы кавалеріи Шабельскаго въ Ушицахъ, гдѣ мѣстность мало способствовала дѣйствію этого рода оружія, и выражалъ твердую увѣренность, что австрійцы не отважатся атаковать Паскевича въ Валахіи, такъ какъ въ случаѣ неудачи они будутъ притиснуты къ горамъ лишь съ двумя удобопроходимыми дефиле. „Но и это

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Резервная бригада 11 пѣх. дивизіи.

[3]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 7 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

„все“, писалъ Государь, „раньше 6-ти недѣль или двухъ мѣсяцевъ „быть не можетъ. Покуда, авось, съ помощью Божьей, кончимъ „съ Силистріей, ежели не въ три, то въ четыре недѣли, и тогда „у насъ твердая нога на Дунаѣ“.

Императоръ Николай не отвѣтилъ прямо Паскевичу на его намекъ о возможной необходимости отъѣзда въ Яссы или въ Одессу, но косвенный отвѣтъ на это можно видѣть въ успокоеніи Государемъ фельдмаршала относительно австрійцевъ и относительно десантовъ на Черномъ морѣ. „Опасеніе десантовъ“, писалъ Государь, „въ нашихъ предѣлахъ на Черномъ морѣ дѣлается нынѣ „менѣе вѣроятнымъ, ибо извѣстно, съ какими неимовѣрными усиліями и трудами исполняется вся перевозка войскъ и то почти „безъ лошадей“. Малое знакомство съ силой парового флота и безпорядокъ, царившій у союзниковъ въ началѣ кампаніи, ввели въ заблужденіе Государя, и не далѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца, грандіозная по тому времени высадка союзниковъ въ Крымъ состоялась.

28 апрѣля князь Варшавскій прибылъ со своей главной квартирой въ Каларашъ. Къ 30 числу въ немъ сосредоточились: 8-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, Камчатскій егерскій полкъ съ легкими №№ 3 и 4 батареями 11-й артиллерійской бригады, три роты саперъ и три сотни донского казачьяго № 34 полка съ казачьей № 9 батареей, 4 и 5 понтонные парки, а также осадный артиллерійскій и инженерный парки [1]).

Въ этотъ же день генералъ Лидерсъ началъ свой опасный, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій противника, фланговый маршъ по правому берегу Дуная отъ Черноводъ къ Силистріи. Не даромъ фельдмаршалъ провелъ четыре томительныхъ дня, безпокоясь за участь корпуса Лидерса, но турки не использовали, да и не могли использовать благопріятнаго для нихъ случая атаковать Лидерса въ невыгодномъ для него положеніи.

Командиръ корпуса рѣшилъ произвести фланговый маршъ тремя дорогами: главныя силы и тяжелые обозы—черезъ д. Мырлянъ береговой дорогой между Дунаемъ и озерами Голтино и Гирлица; авангардъ—черезъ Узунаматъ, Полокчу, Кузгунъ и Козлуджи, и боковой отрядъ—черезъ Махмутъ-Койсу, Малчево и Полокчу, откуда онъ долженъ былъ слѣдовать по дорогѣ авангарда.

Отважиться на такое разобщенное движеніе генералъ Лидерсъ вынужденъ былъ извѣстіемъ о сосредоточеніи у Базарджика значи-

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

тельнаго непріятельскаго корпуса и возможностью движенія непріятельскихъ десантовъ береговой дорогой изъ Коварны и Мангаліи. Присутствіе въ Девче самостоятельнаго бокового отряда генерала Энгельгарда и направленіе его на Карасу и Махмутъ-Койсу прикрывало движеніе генерала Лидерса со стороны Базарджика и Коварны, а большое удаленіе колонны Энгельгарда отъ береговой дороги, по которой двигались главныя силы, вызывало необходимость для безопасности бокового отряда пустить часть войскъ по средней дорогѣ.

По Дунаю на высотѣ колонны главныхъ силъ долженъ былъ итти пароходъ „Ординарецъ" и двѣ канонерскихъ лодки, а за ними 10 кирлашей съ запасомъ ячменя и сухарей. При отрядѣ же продовольствія имѣлось на 11 дней и фуража на 8 дней.

30 апрѣля главныя силы Лидерса дошли до Кокерлени, боковой авангардъ до Узунамата и боковой отрядъ до Карасу; 1 мая—до Россевата, Полокчи и Малчева; 2 мая—до озера Голтино, д. Бейлыкъ и Кузгунъ; 3 числа главныя силы достигли д. Прыжой, выдвинувъ авангардъ къ рѣчкѣ, соединяющей озеро Гирлицы съ Дунаемъ, боковой авангардъ д. Канлый и боковой отрядъ д. Липницы, близъ Козлуджи.

При нашемъ движеніи непріятель быстро отступалъ къ Кучукъ-Кайнарджи, но, по мѣрѣ приближенія къ Силистріи, онъ неоднократно пытался задержать своей конницей наши передовыя части, производя это, очевидно, лишь съ цѣлью развѣдки. Наиболѣе сильное нападеніе было произведено 3 мая къ вечеру на авангардъ колонны главныхъ силъ, когда для отраженія турокъ пришлось выдвинуть на поддержку передовыхъ постовъ баталіонъ пѣхоты, эскадронъ уланъ и 4 орудія.

Тѣмъ временемъ было выбрано мѣсто для наводки моста черезъ Дунай на высотѣ с. Адакіой [1]), куда фельдмаршалъ приказалъ авангарду Лидерса прибыть къ полудни 4 числа и прикрыть наводку моста [2]). Съ этой цѣлью 4-го, къ семи часамъ утра, къ мѣсту ночевки авангарда главныхъ силъ у рѣчки, соединяющей озеро Гирлицы съ Дунаемъ, были сосредоточены главныя силы отряда и боковой авангардъ, всего 17 батал., 9 эск., 6 сот. и 52 орудія. Въ резервѣ за этими войсками сгруппировались остальныя части главныхъ силъ, въ составѣ 8½ баталіоновъ съ 24 орудіями,

---

1) По журн. воен. д. с. Островъ.
2) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 1 мая 1854 г., № 130.

при которыхъ находились и всѣ тяжелые обозы. Боковой отрядъ генерала Энгельгарда долженъ былъ, выступивъ съ ночлега въ половинѣ четвертаго утра, слѣдовать правѣе дд. Козлуджи и Канлыя къ мѣсту сбора главныхъ силъ, гдѣ составить аріергардъ всего корпуса.

Въ семь часовъ утра 4-го числа Лидерсъ началъ свое наступленіе, но на высотахъ, впереди рѣчки, соединяющей озеро Гирлицы съ Дунаемъ, появились партіи непріятельской кавалеріи. Противъ нихъ были высланы 5 сотенъ казаковъ, которые сначала потѣснили турокъ, но тѣ получили подкрѣпленіе изъ Адакіой и вновь выказали намѣреніе перейти въ наступленіе. Пришлось казаковъ подкрѣпить двумя эскадронами уланъ и двумя конными орудіями, выдвинутыми на дорогу въ д. Адакіой. Послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ непріятель отступилъ за лощину, идущую отъ Алмалуйскаго оврага къ Адакіой, и сосредоточилъ здѣсь значительную, до 1500 человѣкъ, массу конницы; другая же масса собралась противъ нашего лѣваго фланга. Для оттѣсненія ихъ было приказано 4-мъ эскадронамъ уланъ съ 2-мя конными орудіями двинуться къ устью Алмалуйскаго оврага, а остальнымъ 2-мъ эскадронамъ слѣдовать по дорогѣ на Алмалуй, обойти противника и атаковать его лѣвый флангъ. Пользуясь крутостью береговъ оврага, лежащаго передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, непріятель сосредоточилъ тамъ значительную часть своей кавалеріи, которая открыла по казакамъ ружейный огонь. Подоспѣвшія два конныхъ орудія разсѣяли эту толпу, а казаки и уланы перешли въ наступленіе, послѣ чего турки стали такъ быстро отступать, что эскадроны, посланные въ обходъ, не могли своевременно поспѣть.

Шагахъ въ тысячи за кавалеріей слѣдовала вся 15-я пѣхотная дивизія, которая послѣ перехода черезъ мостъ была построена въ первый боевой порядокъ, а Прагскій полкъ съ 4-мя орудіями былъ двинутъ по самому берегу Дуная на д. Адакіой и на лежащіе близъ этой деревни виноградники.

Дальнѣйшее отступленіе непріятеля продолжалось къ вершинѣ Алмалуйскаго оврага, при чемъ онъ все время старался задерживать насъ своей конницей [1]).

Въ 11 часовъ утра Лидерсъ прекратилъ наступленіе, такъ какъ непріятель отступилъ на значительное разстояніе, и нашъ

[1]) См. схему № 45, стр. 939.

Планъ
окрестностей
КРѢПОСТИ СИЛИСТРІИ
съ показаніемъ расположенія войскъ подъ
крѣпостію сею сосредоточенныхъ и начатыхъ
ими осадныхъ работъ
Масштабъ
Остр. Гольй
Рѣка Дунай
КР. СИЛИСТРІЯ

Схема № 45.

боевой порядокъ остановился на позиціи версты на полторы выше мѣста, назначеннаго для наводки моста. Часа черезъ два послѣ этого непріятель подвезъ отъ Силистріи 4 орудія и открылъ огонь противъ нашего праваго фланга, на который отвѣчала наша конная артиллерія, поддержанная 4-мя пѣшими орудіями. Послѣ незначительной перестрѣлки дѣйствія съ обѣихъ сторонъ прекратились [1]).

Одновременно съ подходомъ къ Силистріи генерала Лидерса съ нашихъ береговыхъ батарей былъ открытъ для облегченія его наступленія огонь, и было приступлено къ наводкѣ моста черезъ рукавъ Дуная, въ двухъ верстахъ выше с. Острова (д. Адакіой).

5-го числа непріятель вновь выдвинулъ до 2000 кавалеріи у вершины Алмалуйскаго оврага, поддержавъ ее шестью орудіями, вывезенными изъ внѣшнихъ укрѣпленій, которыя открыли огонь противъ нашего праваго фланга. Турки, встрѣченные огнемъ нашей артиллеріи и атакой уланъ и казаковъ, прекратили свое наступленіе и отошли къ вершинѣ оврага. Тогда Паскевичъ приказалъ начать наступленіе съ нашего лѣваго фланга отрядомъ въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, 6 орудій и 8 эскадроновъ. Огонь этого отряда заставилъ турокъ отойти назадъ и скрыться съ горизонта нашихъ войскъ. За оба эти дня отрядъ генерала Лидерса потерялъ убитыми и ранеными до 20 человѣкъ; потери турокъ считали значительно больше.

Въ то время, когда на правомъ берегу разыгрывались вышеописанныя дѣйствія, и все вниманіе фельдмаршала и турокъ было обращено на отрядъ Лидерса, генералъ Хрулевъ, забравъ лодки, приготовленныя для проводки плотовъ къ мосту, переправился съ егерями на правый берегъ Дуная, вышелъ впереди цѣпи 15-й дивизіи и собирался завладѣть ближайшими передовыми укрѣпленіями крѣпости, къ которымъ безнаказанно подходилъ. Къ сожалѣнію, Хрулева хватились и вернули, назвавъ его предпріятіе „нелѣпымъ“, но впослѣдствіи самъ Хрулевъ и его спутники говорили съ полнымъ убѣжденіемъ, что три передовыхъ укрѣпленія могли быть взяты безъ потерь, такъ какъ они не были вооружены артиллеріей и не были заняты пѣхотой [2]).

Князь Варшавскій весьма сильно тревожился за отрядъ Лидерса во время его движенія отъ Черноводъ къ Силистріи. „Фельдмаршалъ чрезвычайно безпокоится и тревожится изъ-за

---

[1]) Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 9 мая 1854 г., № 1051. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[2]) Записки П. К. Менькова.

„Лидерса“, записалъ генералъ Коцебу въ своемъ дневникѣ подъ 3 мая [1]). „Онъ находитъ наше положеніе весьма опаснымъ“. Какъ нарочно, въ этотъ же день Паскевичъ получилъ депешу изъ Вѣны о томъ, что австрійцы увеличиваютъ свои приготовленія въ Трансильваніи, и что они будутъ готовы къ войнѣ не ранѣе шести недѣль. Но въ то же время нашъ посолъ успокаивалъ, что Австрія не будетъ насъ атаковать до тѣхъ поръ, пока мы не перейдемъ Балканы.

Это извѣстіе произвело весьма успокаивающее впечатлѣніе на Императора Николая, который вообще не вѣрилъ въ намѣреніе Австріи насъ атаковать и вполнѣ правильно оцѣнилъ традиціонную двуличную политику этой державы, которая вооружалась не для того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои жизненные интересы, а для того, чтобы при ликвидаціи возгорѣвшагося спора между западомъ и востокомъ имѣть право на полученіе какихъ-либо выгодъ. Государь хорошо понималъ, что надо использовать шестинедѣльный срокъ, въ который Австрія еще не будетъ готова сказать свое рѣшительное слово даже въ томъ случаѣ, если бы она рискнула это сдѣлать. Къ сожалѣнію, на фельдмаршала извѣстія изъ Вѣны произвели совершенно обратное впечатлѣніе. Онъ полагалъ, что австрійцы, говоря о Балканахъ, какъ о допустимомъ предѣлѣ нашего наступленія, лишь старались выиграть время, вводя насъ въ заблужденіе для того, чтобы имѣть возможность собрать всѣ свои силы. „Несмотря на увеличивающіяся „такимъ образомъ затрудненія“, писалъ фельдмаршалъ Государю [2]), „которыхъ не могу скрыть передъ Вашимъ Величествомъ, я съ „прибытіемъ отряда Лидерса начну осаду Силистріи“. Но и это письмо не достигло желаемой Паскевичемъ цѣли. Въ отвѣтъ на него Государь выразилъ свою радость по поводу рѣшенія осаждать крѣпость и надежду на энергичныя противъ нея дѣйствія. Волей-неволей пришлось приступать къ осадѣ Силистріи, въ теченіе которой Паскевичъ наибольшее вниманіе обращалъ не на скорѣйшее взятіе крѣпости, а на обезпеченіе себя на случай всегда ожидаемой имъ атаки союзниковъ. „Прежде всего необ-„ходимо устроить укрѣпленный лагерь и тетъ-де-понъ“, писалъ онъ Государю [3]) и тратилъ время на эти работы, вмѣсто того,

---

[1]) Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

[2]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 3 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[3]) Тамъ же.

чтобы приступить къ осадѣ крѣпости, обложивъ ее со всѣхъ сторонъ. Интересно вспомнить, что въ это же самое время Омеръ-паша находился въ неменьшемъ безпокойствѣ, ожидая ежедневно извѣстія о паденіи Силистріи и опасаясь появленія русскихъ войскъ подъ Шумлой, избранной имъ, какъ убѣжище для своей арміи до подхода союзниковъ. На врядъ ли можно найти въ военной исторіи еще подобный примѣръ двухъ главнокомандующихъ, которые, опасаясь другъ друга жесточайшимъ образомъ, не двигались бы съ мѣста!

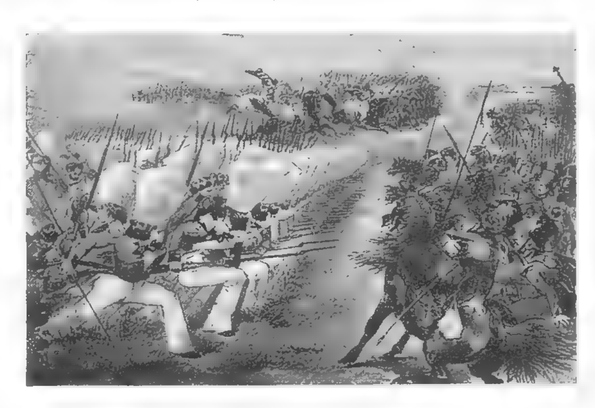
Такимъ образомъ, мы приступали къ осадѣ Силистріи при крайне оригинальной обстановкѣ, не предвѣщавшей ничего хорошаго. Роль главнаго руководителя этой операціи, Паскевича, уже достаточно выяснилась. Онъ считалъ взятіе нами крѣпости зломъ, котораго, во что бы то ни стало, надо избѣжать, и даже грозныя повелѣнія Государя, его вдохновленная вѣра въ успѣхъ и въ пользу задуманнаго предпріятія не могли поколебать упрямаго „отца командира“ и заставить его, отрекшись отъ своихъ личныхъ плановъ, исполнить волю Государя отъ всего сердца, вложить въ выполненіе предстоявшей задачи всю свою душу и умъ. Съ этой стороны можно было ожидать, какъ это въ дѣйствительности и случилось, лишь вредныхъ полумѣръ.

Не лучше дѣло обстояло и съ послѣдующими исполнителями воли Императора Николая. Вслѣдъ за Паскевичемъ главными дѣйствующими лицами и главными помощниками фельдмаршала являлись князь Горчаковъ и генералы Коцебу и Шильдеръ. Убѣжденные всѣ трое въ необходимости взятія Силистріи и въ полной возможности это сдѣлать безопасно отъ союзниковъ и отъ австрійцевъ, они, однако, не были солидарны въ способахъ веденія атаки.

Мира и согласія между Коцебу, имѣвшимъ, по своему служебному положенію начальника штаба, большое вліяніе и на Паскевича и на Горчакова, и фанатически настроеннымъ Шильдеромъ не было. Спокойный, методичный и отчасти мелочной характеръ перваго совершенно не соотвѣтствовалъ горячей и отчасти взбалмошной натурѣ послѣдняго. Коцебу не любилъ Шильдера, рѣдко соглашался съ его мнѣніями и неоднократно упрекалъ его въ своемъ дневникѣ въ путаницѣ и въ необоснованности его предположеній. Очевидно, что оба эти лица не могли одинаково смотрѣть на предстоявшій образъ дѣйствій подъ Силистріей, а это не могло не отразиться на успѣхѣ осады. „Утромъ

„рано я отправился въ лагерь передъ Силистріей“, занесъ въ свой дневникъ Коцебу [1]), „произвелъ развѣдку крѣпости и опять „убѣдился, что у стараго Шильдера вѣтеръ въ головѣ. Силистрія „такъ хорошо укрѣплена, что съ нашей стороны потребуется „долговременная осада, а не трехдневная, какъ увѣряетъ Шильдеръ“.

Вѣрнѣе всего, что, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, плана осады крѣпости до самаго конца составлено не было. „Его „Императорскому Величеству“, писалъ военный министръ князю Варшавскому уже 20 мая [2]), „было бы пріятно имѣть общее „предположеніе, по коему осада Силистріи производится“, но на это 27 мая послѣдовалъ отвѣтъ князя Горчакова, что „до взятія такъ называемаго Арабскаго передового укрѣпленія нельзя „сдѣлать общаго предположенія“.



Англійская карикатура.

Какъ было сказано выше, сама крѣпость Силистрія, безъ казематированныхъ построекъ, за исключеніемъ одной, въ которой жилъ комендантъ, не представляла изъ себя могущественнаго оплота, и сила ея заключалась въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, вынесенныхъ на командующія высоты, которыя окружали крѣпость съ юго-западной, южной и юго-восточной сторонъ. Наиболѣе сильнымъ фортомъ былъ „Абдулъ-Меджидъ“, прикрывавшій юго-западный фронтъ; юго-восточный же фронтъ прикрывался укрѣпленіемъ „Песчанымъ“, передъ которымъ на версту впередъ турки начали уже во время войны строить на командовавшей всей мѣстностью высотѣ передовое укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ Нагорнаго или Арабскаго („Арабъ-Табія“), которое, какъ стоявшее внѣ общей системы внѣшнихъ укрѣпленій, лишено было фланговой поддержки съ прочихъ фортовъ. Турки на нашихъ глазахъ принялись за насыпку этого укрѣпленія. Первоначально оно состояло изъ открытаго съ горжи

---

[1]) 9 апрѣля 1854 г. Рукопись.

[2]) Кн. Долгоруковъ — кн. Варшавскому 20 мая 1854 г., № 8098. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 74.

бруствера, вышиною не болѣе 3 футъ, но затѣмъ насыпь постепенно возвышалась и достигла до 12-ти футовой высоты. Въ лѣвомъ углу форта находился небольшой бастіонъ. Вооруженіе состояло первоначально изъ шести полевыхъ орудій и небольшой мортиры; гарнизонъ состоялъ изъ 3200 человѣкъ отборныхъ египетскихъ войскъ, которые, не покладая рукъ, работали надъ усовершенствованіемъ своего форта. Сообщеніе Арабъ-Табіи съ крѣпостью производилось при помощи траншеи, которая соединяла его съ Песчанымъ укрѣпленіемъ.

Князь Варшавскій, попрежнему опасаясь нападенія на нашу армію соединенныхъ силъ Омера-паши и англо-французовъ, рѣшилъ первоначально укрѣпиться на высотахъ къ востоку отъ Силистріи, противъ переправы, и начать осаду передового укрѣпленія Арабъ-Табія, совершенно отказавшись отъ полной блокады крѣпости. Генералъ Шильдеръ былъ другого мнѣнія. Считая, что атака нагорныхъ укрѣпленій займетъ много времени, онъ полагалъ возможнымъ ограничиться лишь оборонительными противъ нихъ работами, направивъ главный ударъ въ обходъ этихъ укрѣпленій на береговой восточный № 1 бастіонъ крѣпости. При такомъ направленіи атаки генералъ Шильдеръ предполагалъ использовать содѣйствіе нашей могущественной артиллеріи, расположенной на островахъ и на лѣвомъ берегу рѣки, и заставить турокъ безъ боя очистить нагорные форты. Но обязательнымъ условіемъ веденія осады онъ ставилъ полную блокаду крѣпости, считая это вполнѣ соотвѣтствующимъ силѣ нашей арміи, такъ какъ онъ вполнѣ основательно не вѣрилъ въ возможность появленія Омера-паши съ союзниками на выручку крѣпости. Однако, на это послѣднее условіе, какъ и слѣдовало ожидать, Паскевичъ ни за что не согласился. Это значило бы поставить главной цѣлью своихъ дѣйствій скорѣйшее взятіе Силистріи, что онъ считалъ зломъ, а фельдмаршалъ попрежнему хотѣлъ сохранить главныя свои силы въ кулакѣ въ наиболѣе безопасномъ для отступленія положеніи, такъ какъ ожидалъ неминуемой атаки со стороны союзниковъ. „При настоящей осадѣ Силистріи“, доносилъ князь Варшавскій Государю [1]), „представляется еще одно важное обстоятельство, а именно то, что мы не можемъ держать всю крѣпость въ обложеніи, ибо для сего нужно было бы раздробляться

[1]) Кн. Варшавскій — военному министру 11 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 74.

„на пространствѣ 15 верстъ, что опасно сдѣлать, имѣя сильную „непріятельскую армію, сосредоточенную между Базарджикомъ и „Шумлою".

Генералу Шильдеру пришлось подчиниться волѣ главнокомандующаго, и онъ поторопился приступить къ атакѣ Арабъ-Табіи и Песочнаго, чтобы только „вовлечь насъ въ осадныя работы" [1]), разсчитывая направить ихъ впослѣдствіи, согласно своему предположенію. „Будемъ закладывать траншеи", говорилъ онъ [2]), „но „далеко, далеко отъ крѣпости и не такъ, какъ я бы думалъ; „впрочемъ, сдѣлаю, что велятъ, и это будетъ работа не въ счетъ „абонемента".

Нарисованная картина невольно заставляетъ предчувствовать читателя, что осада Силистріи не могла пройти гладко, но дѣйствительность оказалась хуже того, что можно было ожидать. И нельзя не согласиться съ словами Н. К. Шильдера, что участь похода на Дунаѣ была рѣшена въ роковомъ смыслѣ для славы полководца. „Всѣ силы", пишетъ онъ [3]), „сосредоточенной на „Дунаѣ сто тысячной русской арміи были направлены къ правильной осадѣ двухъ полевыхъ укрѣпленій крѣпости Силистріи, которыя къ тому же главнокомандующій не имѣлъ намѣренія взять, „считая всякій одержанный на дунайскомъ театрѣ успѣхъ безполезнымъ".

---

[1]) Записка ген.-ад. Шильдера кн. Горчакову 1 іюня 1854 г.
[2]) Записки П. К. Менькова.
[3]) Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность".

Глава XVIII.

I.

Ко времени начала осады Силистріи князь Варшавскій имѣлъ сосредоточенными у этой крѣпости 56 батал., 30 эск., 15 сот., 192 полевыхъ и 52 осадныхъ орудій, 2 парохода, отрядъ канонерскихъ лодокъ, три артиллерійскихъ парка, осадный инженерный и понтонные парки, общей численностью до 65 тысячъ человѣкъ [1]), силы, какія еще никогда не были собраны въ предшествовавшія войны съ Портой ни противъ одной изъ турецкихъ крѣпостей. Впослѣдствіи сосредоточенныя противъ Силистріи войска послѣдовательно возросли даже до 77 батал., 68 эск., 27 сот. при 266 ор., общей численностью до 90 тысячъ человѣкъ.

Большая часть этихъ силъ, а именно пришедшій изъ Черноводъ отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса, была расположена на высотахъ, прикрывавшихъ голову моста черезъ Дунай, фронтомъ на югъ и юго-западъ и предназначалась для отраженія арміи Омера-паши, если бы таковая атаковала насъ со стороны Шумлы. Избранная позиція прикрывалась съ юга Алмалуйскимъ оврагомъ, а съ юго-запада нѣсколькими редутами. Вообще фельдмаршалъ, покорный преслѣдовавшей его идеѣ о необходимости отступать подъ натискомъ ожидаемой имъ атаки Омера-паши, особенно настойчиво старался укрѣпить позицію отряда Лидерса, на которой собственно и былъ раскинутъ его главный лагерь [2]). Войска въ

[1]) 8-я, 9-я и 15-я пѣх. див. съ артилл., Камч. ег. п. и №№ 3 и 4 легк. бат. 11-й арт. бриг., 3-й и 5-й стр. бат., 3-й и 5-й сап. бат., 1-я бриг. 3-й легк. кав. див. съ конной № 5 батар., 1-я бриг. 4-й легк. кав. див. съ конной № 7 батар., донскіе №№ 9 и 22 и три сотни № 34 п. и донск. № 9 батар.

[2]) „J'ai vu", писалъ по этому поводу одинъ французскій офицеръ маршалу С.-Арно послѣ снятія осады Силистріи, „les retranchements que les russes ont élevé pendant le siège „de Silistrie sur la rive droite du fleuve. Evidemment les russes s'attendaient à être attaqués „par une armée qui viendrait au secours de cette place forte, et c'est un véritable camp retranché „qu'ils ont fait, capable de contenir une armée de 50 à 60.000 hommes". Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Silistrie, le 28 juin 1854. Парижскій Архивъ.

лагерѣ были расположены въ боевомъ порядкѣ, фронтомъ на югъ и юго-западъ [1]), и смѣло можно сказать, что Паскевичъ интересовался этимъ отрядомъ, который въ его глазахъ служилъ якоремъ спасенія въ предстоявшей катастрофѣ, гораздо больше, чѣмъ осадой Силистріи. 8-я пѣхотная дивизія, предназначавшаяся собственно для дѣйствія противъ крѣпости, расположилась, перейдя на правый берегъ Дуная, фронтомъ къ Силистріи, между рѣкой и правымъ флангомъ отряда генерала Лидерса. Острова Салганъ и Гопа были заняты Камчатскимъ егерскимъ полкомъ, островъ Голый —Вознесенскимъ уланскимъ полкомъ, а Кременчугскій егерскій полкъ съ легкой батареей стоялъ у моста черезъ р. Борчъ, за которой были сосредоточены парки и госпитали.

Единственное сообщеніе праваго берега Дуная съ Каларашемъ производилось черезъ болотистый островъ Голый и р. Борчъ, при чемъ за мостами на Дунаѣ необходимо было слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ, въ виду наступавшаго времени періодическаго подъема воды въ рѣкѣ.

5 мая вечеромъ рѣшено было начать осадныя работы противъ фортовъ Арабскаго и Песчанаго. По черновой диспозиціи генерала Шильдера, составленной на эту ночь, предполагалось подойти къ Арабъ-Табіи на 300 саженей, заложить здѣсь первую параллель и построить три батареи, чтобы положить предѣлъ энергичнымъ работамъ турокъ по усиленію этого укрѣпленія [2]). Но, видимо, фельдмаршалъ не согласился на такое смѣлое выдвиженіе впередъ, и первую параллель рѣшено было заложить внѣ досягаемости непріятельскихъ выстрѣловъ, въ разстояніи 1000 саженей отъ Арабъ-Табіи, которое имѣло еще характеръ полевого укрѣпленія. Общее завѣдываніе работами было возложено на генерала Шильдера, разстройство нервовъ котораго къ этому времени достигло высшаго напряженія [3]).

Однако, и заложеніе этихъ, названныхъ впослѣдствіи по своей удаленности „безполезными“, траншей не обошлось благополучно. Въ Елецкомъ полку, бывшемъ въ прикрытіи рабочихъ, произошла ложная тревога, распространившаяся впослѣдствіи и на главный лагерь, и начальствовавшій здѣсь генералъ Веселитскій отвелъ войска назадъ къ лагерю, чѣмъ заставилъ прекратить

---

[1]) См. схему № 45, стр. 939.
[2]) Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность“.
[3]) Тамъ же, а также Дневникъ П. Е. Коцебу и Записки П. К. Менькова.

начатыя работы [1]). На слѣдующій день заложеніе параллели на томъ же мѣстѣ рѣшено было произвести подъ руководствомъ генерала Коцебу, и въ теченіе ночи были вырыты траншеи А В [2]) и начаты на лѣвомъ флангѣ редутъ С и батарея Д съ прилегающими къ нимъ окопами. Сверхъ того, обращены были въ траншеи прибрежные непріятельскіе ложементы Е и вооружена правая батарея В. Въ ночь на 8 мая начатыя траншеи были удлинены, а батареи вооружены 12-ю орудіями [3]).

Турки продолжали дѣятельно укрѣпляться и до такой степени усиливали свои передовыя укрѣпленія, соединяя ихъ между собой и крѣпостью цѣлымъ лабиринтомъ траншей, что для овладѣнія ими съ каждымъ днемъ правильная осада казалась все болѣе необходимой. Фельдмаршалъ же, жившій въ Каларашѣ, ежедневно пріѣзжалъ въ лагерь осаднаго корпуса, указывалъ мѣста для укрѣпленій въ лагерѣ и для обороны его системой редутовъ, но не рѣшался принять дѣйствительныхъ мѣръ противъ Силистріи отдѣленіемъ сильнаго отряда для обложенія крѣпости, для прекращенія сообщенія осажденнаго съ Шумлой и назначеніемъ для работъ свыше 1000-1500 человѣкъ въ день. Работы, благодаря этому, шли безпорядочно, вяло, хотя, въ виду пассивныхъ въ первые дни осады дѣйствій турокъ, и подвигались впередъ достаточно быстро.

8-го числа на островѣ Салганъ была построена батарея G, а въ ночь на 9-е выведена береговая траншея НН и заложена вторая параллель КК, въ разстояніи уже 300 саженей отъ Арабскаго укрѣпленія.

Съ 9 мая съ нашей стороны началось, кромѣ осадныхъ работъ, производство довольно безцвѣтныхъ рекогносцировокъ, цѣль которыхъ очень трудно опредѣлить. Обыкновенно значительныя части пѣхоты выдвигались изъ лагеря осаднаго корпуса и придвигались боевыми линіями къ турецкимъ укрѣпленіямъ. Подойдя подъ выстрѣлы съ передовыхъ фортовъ, рекогносцирующія части останавливались, смотрѣли на непріятеля, стрѣляли и, понеся, хотя незначительныя, но совершенно безполезныя по-

---

[1]) Начальникъ шт. 5 пѣх. корпуса — ген. Коцебу 5 мая 1854 г., № 1047. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407.

[2]) См. схему № 46 (папка).

[3]) Въ изложеніи хода осадныхъ работъ мы главнымъ образомъ руководствуемся „Журналомъ осадныхъ работъ подъ Силистріей, представляемымъ главнокомандующимъ Государю Императору“ (Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 74), „Гр. Э. И. Тотлебенъ“ Н. Шильдера, Дневн. П. Е. Коцебу и проч.

тери, возвращались въ лагерь [1]). Фельдмаршалъ объяснялъ эти періодическія выступленія желаніемъ отвлечь непріятеля отъ нашихъ осадныхъ работъ, ввести противника въ заблужденіе нашими энергичными дѣйствіями и, главное, пріучить войска маневрировать въ боевыхъ порядкахъ подъ огнемъ противника. Весьма возможно, что послѣдняя цѣль и достигалась, но первыя двѣ приводили къ совершенно обратнымъ результатамъ. Турки, не понимая подобныхъ подходовъ къ неатакуемому форту Абдулъ-Меджидъ на 1-2 часа безъ какихъ-либо противъ нихъ серьезныхъ дѣйствій, приписывали нашъ уходъ обратно нерѣшительности и отправляли побѣдныя извѣстія о томъ, какъ они успѣшно отбивали атаки русскихъ, войска которыхъ не имѣли храбрости довести дѣло до удара [2]).

Первая такая рекогносцировка была произведена 9 мая „для „отвлеченія вниманія непріятеля отъ нашихъ осадныхъ работъ и „для обзора турецкихъ укрѣпленій". Въ 10 часовъ утра отрядъ, въ составѣ 18 батал., 8 эск., 6 сот. и 56 ор., двинулся, подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова, изъ главнаго лагеря въ направленіи между с. Калапетри и фортомъ Абдулъ-Меджидъ [3]). Остановивъ общее наступленіе отряда, Горчаковъ подошелъ съ частью войскъ на пушечный выстрѣлъ къ укрѣпленію. Для прикрытія своего лѣваго фланга онъ выслалъ къ Калапетри три сотни казаковъ, поддержанныхъ дивизіономъ уланъ съ 2-мя конными орудіями. Турки, занимавшіе пространство между Калапетри и Абдулъ-Меджидомъ, выдвинулись сначала впередъ, но, попавши подъ нашъ огонь, отошли къ своимъ укрѣпленіямъ. Въ пять часовъ дня войска наши вернулись въ главный лагерь съ потерей двухъ казаковъ ранеными. „Можно ли", пишетъ по этому поводу Меньковъ [4]), „сравнить эти громадныя рекогносцировки съ по„сылками небольшихъ партій съ надежными офицерами Генераль„наго Штаба, которые могутъ подкрасться, все высмотрѣть и, въ „случаѣ бѣды, уйти безнаказанно".

О впечатлѣніи, которое произвело на непріятеля выступленіе князя Горчакова, можно судить изъ слѣдующихъ строкъ письма

---

[1]) Записки П. К. Менькова.
[2]) Донесенія Омеръ-паши маршалу С.-Арно 24, 25 и 28 мая 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.
War with Russia, p. 171.
[3]) См. схему № 46 (папка).
[4]) Записки П. К. Менькова.

маршала С.-Арно къ военному министру [1]): „8 (20) и „9 (21) мая русскіе произ„вели двѣ послѣдователь„ныя и рѣшительныя атаки „на Силистрію. Они были „отбиты и отступили съ боль„шими потерями. Турки „очень мало пострадали, и „ихъ мужество увеличи„вается. Если Силистрія про„держится до 3 (15) іюня, то „русскіе ее не возьмутъ" [2]). Омеръ-паша рисовалъ въ своемъ офиціальномъ донесеніи маршалу С.-Арно [3]) картину прогулки князя Горчакова еще въ болѣе мрачномъ для насъ свѣтѣ: „Въ „воскресенье 9 (21)", писалъ онъ, „непріятель сдѣлалъ три „приступа на укрѣпленіе Арабъ-Табія [4]). Въ первый разъ русскіе „подошли на дальность ружейнаго выстрѣла, но, встрѣченные кар„течью и сильнымъ огнемъ стрѣлковъ, они отступили съ боль„шими потерями; во второй разъ они уже не приближались такъ „близко, и достаточно было одной канонады, чтобы ихъ пріоста„новить; въ третій разъ они не подвинулись даже и на столько, „хотя за войсками и была поставлена кавалерія, которая должна „была ихъ подталкивать, но и это не удалось" [5]).

Архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ.

Мы нарочно приводимъ эти выдержки, чтобы подчеркнуть обратную сторону медали безцѣльнаго маневрированія большихъ массъ войскъ передъ фронтомъ непріятеля. Обманъ поражаетъ противника своей неожиданностью, энергіей, когда вслѣдъ за нимъ

---

[1]) Le maréchal St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 25 mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Omer-pacha—au maréchal St-Arnaud. Choumla, le 25 (13) mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[4]) Между прочимъ на это укрѣпленіе Горчаковъ и не наступалъ. Онъ подходилъ къ Абдулъ-Меджидъ.

[5]) Переводъ съ французскаго.

наносится главный ударъ. Повторное же нерѣшительное выказываніе большихъ силъ, которыя, ничего не сдѣлавъ, торопятся уйти назадъ, производитъ совершенно иное впечатлѣніе—деморализируетъ свои войска и вселяетъ увѣренность въ противника, какъ это и было въ данномъ случаѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, еще наканунѣ того дня, когда Омеръ-паша и С.-Арно дѣлились такими радостными для нихъ извѣстіями, французскій главнокомандующій отправилъ Омеру-пашѣ самое тревожное письмо объ ожидаемой судьбѣ Силистріи.

„Я боюсь", писалъ онъ [1]), „что крѣпость, рѣшительно ата„кованная противникомъ, не въ состояніи будетъ долго сопро„тивляться". Маршалъ, принимая во вниманіе положеніе союзниковъ, считалъ неосторожнымъ ввязываться въ генеральное сраженіе съ русскими войсками одной оттоманской арміи, хотя бы для сохраненія столь важнаго пункта, какъ Силистрія. Для нанесенія рѣшительнаго удара надо было ожидать сосредоточенія всѣхъ союзныхъ армій, а потому С.-Арно не думалъ уже болѣе о сохраненіи Силистріи, а лишь о спасеніи большей части ея гарнизона.

Съ этой цѣлью французскій главнокомандующій рекомендовалъ коменданту крѣпости взять, какъ только онъ убѣдится въ полной невозможности удержать Силистрію, лучшихъ 10 тысячъ войскъ изъ 16-ти тысячнаго гарнизона и прорваться съ ними въ Шумлу, подъ прикрытіемъ остальныхъ 6-ти тысячъ, которыя должны были въ то же время произвести демонстрацію атаки нашихъ осадныхъ работъ. Чтобы прикрыть отступленіе прорвавшихся частей, Омеръ-паша долженъ былъ въ условленный день выслать на дорогу къ Силистріи всю иррегулярную кавалерію, поддержавъ ее 2 тысячами регулярной конницы, а также направить отрядъ, отходившій отъ Калафата на Шумлу, лѣвѣе, по дорогѣ на Силистрію. Но С.-Арно вполнѣ естественно опасался, что Паскевичъ не захочетъ дать даромъ уйти гарнизону и постарается преградить ему путь своей многочисленной кавалеріей. Для противодѣйствія этому онъ рекомендовалъ турецкому генералиссимусу выйти изъ Шумлы съ отрядомъ въ 30 тысячъ при 100 орудіяхъ и принять на себя отходящій гарнизонъ на выбранной позиціи, въ двухъ переходахъ отъ Шумлы.

---

[1]) Le maréchal St-Arnaud—à Omer-pacha. Au quartier général à Jeni-Keni, le 24 (12) mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

Но Омеру-пашѣ совершенно не улыбалась перспектива выйти одному навстрѣчу войскамъ князя Варшавскаго, и потому онъ отказался отъ всякихъ сложныхъ комбинацій для оказанія помощи силистрійскому гарнизону и рѣшилъ содѣйствовать его отступленію лишь при помощи иррегулярной кавалеріи и конной артиллеріи, которыя держались на этотъ случай наготовѣ [1]).

Однако, съ 9 мая въ поведеніи турокъ замѣчается уже перемѣна, и они начали мѣшать нашимъ работамъ своими вылазками, съ каждымъ днемъ становясь все смѣлѣе. Такъ, въ этотъ день, на разсвѣтѣ они заняли траншеи КК, которыя намъ пришлось покинуть и вести съ ними сильную перестрѣлку. Коцебу приписалъ нашу неудачу отсутствію порядка у Шильдера, „которымъ „ничего не было предпринято такъ, какъ слѣдовало бы“. Въ ночь на 10-е также порядка въ работахъ не было, хотя намъ и удалось вновь занять траншеи КК, сдѣлать траншею L, построить и вооружить батарею M двумя орудіями для дѣйствія противъ Песчанаго форта. На лѣвомъ флангѣ въ этотъ день была построена батарея N въ 250 саженяхъ отъ Арабскаго укрѣпленія. Непріятель мѣшалъ нашимъ работамъ своимъ сильнымъ огнемъ и даже сдѣлалъ неудачную попытку атаковать ихъ.

Въ ночь на 11-е мы продолжали продвигаться траншеей по берегу Дуная и приспособили турецкую батарею O для дѣйствія противъ Песчанаго и Змѣинаго укрѣпленій, а на лѣвомъ флангѣ усилили батарею N и вывели траншеи по обѣ ея стороны.

Омеръ-паша говоритъ въ своемъ донесеніи о какой-то попыткѣ съ нашей стороны атаковать Песчаное укрѣпленіе открытой силой, для чего наши войска были выстроены въ пять линій, но, попавъ подъ сильный огонь турокъ, начали поспѣшно отступать, открывъ безпорядочную стрѣльбу [2]). Ничего подобнаго не было, и это донесеніе интересно лишь въ томъ отношеніи, что показываетъ, какими баснями руководствовались союзники въ сужденіи о дѣйствіяхъ на Дунаѣ, а впослѣдствіи и иностранные историки при описаніи русско-турецкой войны. Но, что правильно было въ донесеніи Омера-паши, такъ это свидѣтельство о крайне вяломъ веденіи нами осады.

12-го числа на правомъ флангѣ прибрежная траншея была продолжена на сто саженей, а на лѣвомъ была выстроена батарея P,

---

[1]) Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 28 (16) mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[2]) Донесеніе С.-Арно отъ 25 (13) мая. Тамъ же.

на которой установлено нѣсколько осадныхъ орудій для дѣйствія по болѣе удаленному Песчаному укрѣпленію. Въ ночь на 13 мая на правомъ флангѣ атаки были заложены батарея R, дѣйствовавшая почти въ тылъ Песчаному укрѣпленію, батарея S для связи праваго и лѣваго фланговъ атаки и приступлено было къ соединенію батарей P и R траншеями. На разсвѣтѣ непріятель открылъ противъ нашихъ работъ сильную канонаду, а 13-го около четырехъ часовъ дня сдѣлалъ вылазку и двинулся черезъ оврагъ въ трехъ колоннахъ противъ батарей N и P, но, встрѣченный ружейнымъ огнемъ штуцерныхъ и рабочихъ, а также двумя картечными выстрѣлами съ батареи P, обратился въ бѣгство. Вечеромъ турки вновь начали наступать и открыли огонь по нашимъ работамъ съ батарей и верковъ. Намъ пришлось выдвинуть изъ траншей резервъ и открыть огонь со всѣхъ нашихъ батарей, какъ береговыхъ, такъ и расположенныхъ въ траншеяхъ. Турки удара не приняли, и черезъ часъ стрѣльба прекратилась.

13-го и 14-го числа для развлеченія непріятеля были произведены прогулки въ направленіи къ форту Абдулъ-Меджидъ отрядомъ въ 4 батал., 2 эск. и 6 ор., подъ начальствомъ генерала Непокойчицкаго. Отрядъ этотъ къ ночи безобидно вернулся назадъ, остановившись на ночлегъ впереди лѣваго фланга лагеря осаднаго корпуса.

Ночью на 15 мая на лѣвомъ флангѣ были построены и вооружены двѣ батареи, T и I, съ цѣлью обстрѣливать впереди лежавшій оврагъ, и, кромѣ того, въ изгибахъ траншеи *e* были поставлены двѣ полупудовыя мортиры для дѣйствія противъ Арабъ-Табіи, находившейся отъ траншеи въ разстояніи 200 саженей. Кромѣ того, между батареями T и I, въ направленіи къ Арабъ-Табіи, была выведена новая траншея ff на разстояніи 115 саженей, на концѣ которой была заложена батарея Y, съ цѣлью дѣйствовать какъ по самому укрѣпленію, такъ и по сообщеніямъ его съ дальними фортами. Слѣдующую ночь отъ батареи Y была продолжена траншея ff и построена батарея W для дѣйствія по Арабъ-Табіи и для обстрѣливанія впереди лежащаго оврага; кромѣ того, на противоположномъ, ближайшемъ къ непріятелю скатѣ оврага была проложена траншея l, выведенная на гребень посредствомъ туровъ, наполненныхъ фашинами. Траншея эта была обращена совмѣстно съ траншеей ff въ ложементъ для продольнаго дѣйствія по оврагу. Въ центрѣ атаки работы состояли въ усиленіи существовавшихъ батарей, а на правомъ флангѣ были выведены

отъ батареи R три траншеи въ расходящемся направленіи, длиною каждая въ 50 саженей.

Всѣ эти работы, по словамъ генерала Коцебу [1]), велись вяло, плохо и безъ всякой системы, такъ что на скорое взятіе передовыхъ укрѣпленій у него было мало надежды. Князь Варшавскій, напротивъ, былъ доволенъ успѣшнымъ ходомъ работъ и разсчитывалъ, что осада, какъ онъ и раньше предполагалъ, окончится недѣли въ четыре [2]).

Съ своей стороны генералъ Шильдеръ, называвшій нашу атаку „практическими саперными работами противъ турецкаго „учебнаго полигона“, приходилъ въ отчаяніе отъ того направленія, которое придавалъ осадѣ князь Варшавскій. Фельдмаршалъ, рѣшивши, чтобы турки только „почитали бы себя въ осадномъ положеніи“, поддерживалъ въ непріятелѣ бодрость и смѣлость. Отъ блокады мы продолжали упорно отказываться; Силистрія сохраняла свободное сообщеніе съ Шумлою и другими пунктами; подкрѣпленія и обозы продолжали свободно входить въ крѣпость на глазахъ бездѣйствовавшей русской арміи.

Нерѣдко осада, по словамъ жизнеописателя графа Тотлебена [3]), походила на комедію, которая разыгрывалась, Богъ знаетъ, съ какою цѣлью. Фельдмаршалъ, находя иной разъ, что тотъ или другой флангъ атаки слишкомъ выдвинутъ впередъ, отдавалъ приказаніе прекращать мѣстами работу на болѣе или менѣе продолжительное время; по его же распоряженію осадныя орудія то ставились на батареяхъ атаки, то отвозились для вооруженія укрѣпленнаго лагеря, устраиваемаго въ ожиданіи предстоящаго появленія союзныхъ войскъ. Очевидно, что полевыя орудія, которыми замѣнялись осадныя, не могли упрочить за нами перевѣса въ артиллерійской борьбѣ [4]). Войска не могли объяснить себѣ причину ежедневныхъ послабленій, добровольно дѣлаемыхъ непріятелю, и подслушанный Тотлебеномъ разговоръ двухъ солдатъ вполнѣ правильно опредѣлилъ существовавшее положеніе дѣлъ:

---

[1]) Дневникъ.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго 11 (23) мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[3]) Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность“.

[4]) Фельдмаршалъ, въ своемъ постоянномъ ожиданіи, что его атакуютъ, особенно заботился о легкости отступленія арміи на лѣвый берегъ Дуная. Онъ лично обрекогносцировалъ мѣсто для наводки второго моста черезъ рѣку, каковое и выбралъ верстахъ въ семи ниже перваго, въ пунктѣ, прикрытомъ съ юга озеромъ Гирлицы, со стороны Силистріи крутыми скатами высотъ и съ востока рѣчкой, вытекающей изъ Гирлицы.

12 мая было приказано поднять къ этому пункту мостъ отъ Гирсова.

„За что мы здѣсь деремся?“ спросилъ одинъ другого. „Какой ты „дуракъ“, послѣдовалъ отвѣтъ, —„паша хочетъ сдать Силистрію, „а фельдмаршалъ не хочетъ ее взять!“

Между тѣмъ, положеніе силистрійскихъ турокъ было незавидное, несмотря на всю энергію ихъ обороны. Они день и ночь усиливали свои укрѣпленія, возводили новыя работы и, по преувеличенному понятію англичанъ, дали намъ маленькій урокъ въ томъ, какъ впослѣдствіи оборонять Севастополь.

Въ то время, какъ мы съ начала осады потеряли всего убитыми 22 нижнихъ чина и ранеными 11 офицеровъ и 192 нижнихъ чиновъ, потеря ихъ гарнизона за восемь первыхъ дней осады убитыми и ранеными доходила до 1000 человѣкъ. Песчаное укрѣпленіе очень сильно пострадало отъ нашихъ батарей, поставленныхъ на островѣ Салганѣ, и крѣпость просила подкрѣпленій, но, несмотря на это, энергичный комендантъ предполагалъ еще долго держаться, даже въ случаѣ паденія Арабъ-Табіи и Песчанаго. Омеръ-паша рѣшилъ помочь гарнизону, отвлекая вниманіе русскихъ на востокъ атаками иррегулярной конницы и усиливъ гарнизонъ 1200 иррегулярныхъ стрѣлковъ. Кромѣ того, онъ намѣревался произвести сильную демонстрацію къ сторонѣ Силистріи, не ввязываясь, однако, въ бой, чтобы выяснить, предполагаетъ ли Паскевичъ принять сраженіе или нѣтъ [1]).

16 (28) мая Омеръ-паша сообщалъ маршалу С.-Арно полученное имъ извѣстіе, которое его очень встревожило, о томъ, что Паскевичъ, по взятіи Силистріи, намѣренъ со всѣми войсками двинуться къ Шумлѣ. Это его заставило торопиться сосредоточеніемъ туда войскъ изъ Калафата, Софіи и другихъ пунктовъ [2]). Полученное турецкимъ генералиссимусомъ на слѣдующій день извѣстіе отъ коменданта крѣпости, что русскіе поторопятся уйти за Дунай, если часть турецкихъ силъ появилась бы у нихъ въ тылу, нѣсколько его успокоило. Омеръ-паша рѣшилъ двинуть къ Силистріи до 7000 иррегулярной конницы, подъ начальствомъ поляка Садыка-паши (Чайковскій), а по другой дорогѣ къ Силистріи выдвинуть верстъ на пятнадцать отъ Шумлы отрядъ, въ составѣ 28 батал., 10 батарей и 20 эскадроновъ [3]).

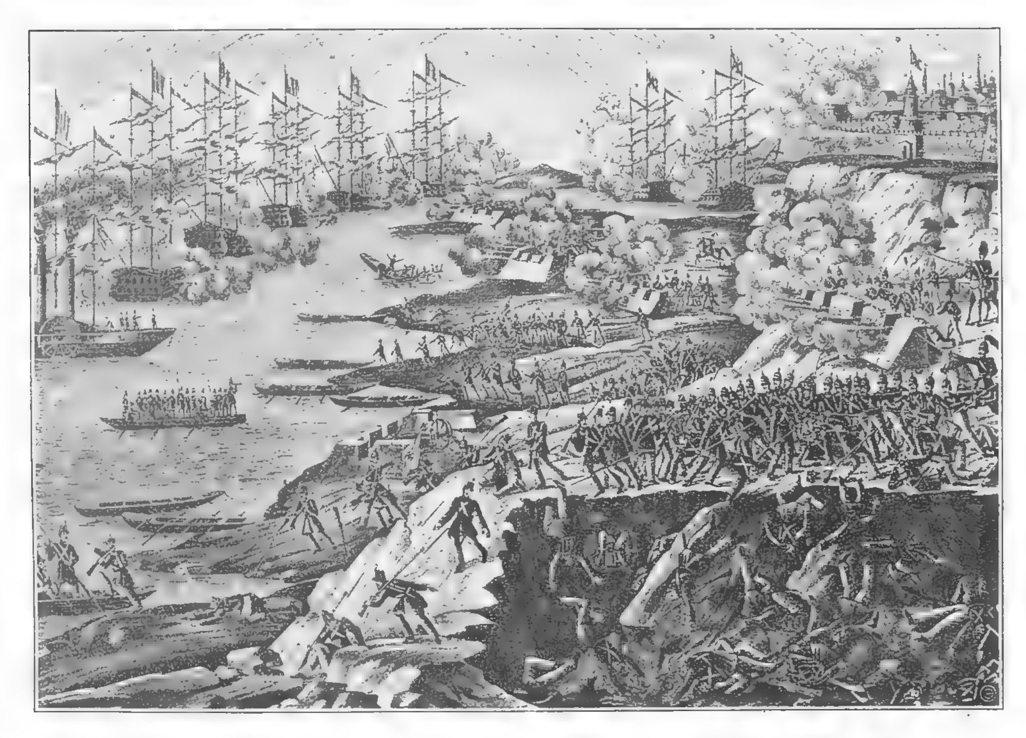
---

[1]) Omer-pacha—au maréchal St-Arnaud le 25 mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин. Cap. Seimour—au colonel Rosse. Shumla, le 25 mai 1854. Тамъ же.

[2]) Omer-Pacha au maréchal St-Arnaud le 28 mai 1854. Тамъ же.

[3]) Omer-Pacha au maréchal St-Arnaud le 29 mai 1854. Тамъ же.

Въ то время, какъ подъ Силистріей фельдмаршалъ губилъ участь всей кампаніи, въ Петербургѣ Императоръ Николай, еще не совершенно разочарованный въ своемъ „отцѣ-командирѣ“, жилъ жизнью Дунайской арміи. Положительно удивляешься работоспособности этого могучаго государя и человѣка, его выдающимся военнымъ дарованіямъ, умѣнію охватить и правильно оцѣнить обстановку, несмотря на то, что Паскевичъ, человѣкъ,



Нападеніе союзниковъ на Петропавловскъ (народная картина).

имѣвшій на Государя колоссальное вліяніе, дѣлалъ все возможное, чтобы его сбить съ правильнаго пути, на которомъ стоялъ Государь въ отношеніи плана и способовъ веденія кампаніи. Раза два въ недѣлю Императоръ писалъ обширныя письма князю Варшавскому, которыя могли бы служить чистымъ откровеніемъ для фельдмаршала, если бы они падали на болѣе благодарную почву. Казалось, могучая, богатырская фигура Императора Николая развернулась во всю свою ширь именно въ то время, когда грозныя тучи сплошнымъ кольцомъ окружили его страну. И чѣмъ болѣе падали духомъ его ближайшіе сотрудники, тѣмъ

величественнѣе становилась фигура Государя, который вѣрилъ въ Россію, вѣрилъ въ возможность повернуть успѣхъ кампаніи въ нашу сторону и, къ сожалѣнію, вѣрилъ въ людей, не замѣчая того, что большую часть всего выдающагося, что онъ этимъ людямъ приписывалъ, слѣдовало отнести на долю самого Государя.

Въ своихъ письмахъ къ фельдмаршалу Императоръ Николай давалъ сжатый очеркъ всей обстановки войны; онъ очень ясно сознавалъ положеніе нашихъ враговъ, правильно опредѣлялъ политику враждебной намъ, но трусливой Австріи и настаивалъ на усвоеніи фельдмаршаломъ того образа дѣйствій, который могъ повернуть колесо фортуны въ нашу сторону, который при удачѣ могъ много дать, а при неудачѣ не поставилъ бы насъ въ положеніе хуже того, въ которомъ мы оказались.

„Радуюсь очень", писалъ Государь фельдмаршалу 11 мая, „что ты велѣлъ приступить къ осадѣ Силистріи. Въ теперешнихъ „обстоятельствахъ продолжаю полагать, что лучшаго сдѣлать нельзя. „Пойдетъ ли осада спокойно—хорошо; выйдутъ ли турки съ „союзниками на выручку крѣпости—тѣмъ лучше, будетъ тогда „случай ихъ разбить... Ты мнѣ писалъ, что Шильдеръ обѣщаетъ „черезъ двѣ недѣли взять Силистрію; я доволенъ буду, ежели и „черезъ четыре недѣли—и то хорошо!" Въ слѣдующемъ письмѣ Государь предостерегалъ Паскевича о возможномъ увлеченіи Шильдера своимъ „воображеніемъ", что могло привести къ пренебреженію выработанными опытомъ правилами атаки, выражалъ надежду, что турки должны будутъ бросить укрѣпленія Арабское и Песчаное, но отсюда далеко еще до главной крѣпости, а потому Государь опасался, что въ обѣщанныя четыре недѣли дѣло не будетъ кончено. Императоръ Николай считалъ желательнымъ обложеніе Силистріи, чего легко было достигнуть, благодаря оставленію турками Туртукая, направленіемъ съ этой стороны къ крѣпости части нашихъ войскъ, сосредоточенныхъ на среднемъ Дунаѣ. Турки именно этого и боялись, но фельдмаршалъ остался нѣмъ къ такому выгодному для насъ событію. Государь вообще очень боялся, чтобы его мнѣніе не было односторонне, а поэтому онъ только въ исключительномъ случаѣ, одинъ лишь разъ, а именно относительно осады Силистріи, отдалъ Паскевичу свое повелѣніе въ категорической формѣ; всегда же свои предположенія высказывалъ лишь въ видѣ личныхъ мнѣній и пожеланій, принять или не принять которыя предоставлялъ фельдмаршалу, какъ человѣку, находившемуся на мѣстѣ, и военныя дарованія котораго онъ ставилъ очень высоко.

При рѣшеніи плана военныхъ операцій Государь пожелалъ также узнать мнѣніе выдающагося стратега первой половины девятнадцатаго вѣка генерала Жомини, доживавшаго свой вѣкъ на покоѣ въ Бельгіи. Мы уже знаемъ, что въ январѣ Жомини представилъ свой письменный докладъ касательно начинавшейся кампаніи, а въ маѣ онъ лично прибылъ въ Петергофъ и удостоился продолжительной бесѣды съ Императоромъ Николаемъ. „*Нашъ „взглядъ*" [1]), писалъ по этому поводу Государь Паскевичу, „на „положеніе дѣлъ *совершенно согласенъ*. Онъ (т.-е. Жомини) также „полагаетъ, что взятіе Силистріи, а потомъ и Рущука было бы „очень желательно".

Поведеніе Австріи Императоръ предугадывалъ совершенно правильно. Онъ сообщалъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, что сборы австрійцевъ на нашей границѣ, а также въ Вѣнѣ и въ Италіи дѣлаются, чтобы *en imposer à la France et à la bourse* [2]). „Дѣлай они дома, что хотятъ", добавлялъ Государь, „но не смѣй „насъ трогать, и не думаю, чтобы рѣшились".

Внутреннее положеніе самой Австріи было не таково, чтобы рискнуть на открытый разрывъ съ Россіей, и въ Петербургѣ ходили слухи объ усилившемся броженіи въ Галиціи, чѣмъ и была вызвана поспѣшность внезапнаго увеличенія тамъ войскъ. Съ другой стороны, сдерживающая въ тотъ періодъ кампаніи роль Пруссіи также не осталась безъ вліянія, и это вызвало со стороны Императора Франца-Іосифа приказаніе эрцъ-герцогу Альберту укротить его слишкомъ горячее желаніе разрыва съ нами. Во всемъ этомъ Государь видѣлъ большую выгоду для насъ въ смыслѣ выигрыша времени, которымъ мы могли бы воспользоваться для взятія Силистріи и дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій. „Не бойся австрій- „цевъ", кончалъ Николай Павловичъ свое письмо, „но съ по- „мощью Божьей и твоими героями *бей всѣхъ* [3]), кто ни явится".

Государь вѣрно предугадалъ планъ ближайшихъ дѣйствій противника, а именно, что турки пока не начнутъ никакихъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій, а будутъ сосредоточиваться въ Шумлѣ, чтобы выждать тамъ прибытія французовъ, и тогда только перейти, можетъ быть, въ общее наступленіе. О сосредоточеніи же союзниковъ Николай Павловичъ также имѣлъ вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія, что оно происходитъ очень медленно и

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Курсивъ подлинника.
[3]) Курсивъ подлинника.

скоро быть оконченнымъ не можетъ. Государь старался убѣдить Паскевича, что наша развернутая на театрѣ войны армія должна использовать неполную готовность противника, но фельдмаршалъ попрежнему оставался нѣмъ и видѣлъ спасеніе Россіи лишь въ отступленіи за Прутъ [1]).

II.

15 мая, наконецъ, было объединено начальствованіе войсками въ траншеяхъ въ лицѣ начальника 8-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Сельвана, въ помощь которому были назначены генералы Веселитскій, князь Урусовъ и полковникъ графъ Оппѳрманъ. Завѣдываніе осадными работами попрежнему оставалось въ рукахъ генерала Шильдера.

Опасеніе князя Варшавскаго относительно наступленія союзниковъ возрастало все болѣе и болѣе, поэтому 16-го числа онъ рѣшилъ выслать особый рекогносцировочный отрядъ на югъ для сбора свѣдѣній о противникѣ. Но и эта попытка была сдѣлана въ такой трусливой формѣ, что ее правильнѣе считать мѣрой для предупрежденія нечаяннаго нападенія на свою армію, чѣмъ производства развѣдки къ сторонѣ противника. Съ этой цѣлью былъ сформированъ отрядъ, силою въ 4 батал., 6 эск., 3 сот., съ одной пѣшей и одной донской батареями, подъ начальствомъ генерала князя Бебутова. Отрядъ этотъ долженъ былъ 17 мая выступить къ с. Афлоторъ, отстоящему отъ главнаго лагеря верстъ на шестнадцать, и выслать оттуда разъѣзды по Базарджикской, Шумлинской и Разградской дорогамъ для собиранія свѣдѣній о противникѣ. Кромѣ того, князь Бебутовъ долженъ былъ подъискать въ Афлоторѣ лазутчиковъ, которые сообщали бы намъ свѣдѣнія о непріятелѣ. 18 мая этотъ тяжелый отрядъ, задачу котораго съ не меньшимъ успѣхомъ могли исполнить нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, долженъ былъ вернуться обратно въ лагерь [2]). Князь Бебутовъ непріятеля не встрѣтилъ и о движеніи турокъ никакихъ извѣстій не получилъ.

Тѣмъ временемъ въ ночь на 17 мая подъ Силистріей случайно для насъ разыгрался высоко драматическій эпизодъ.

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 11, 18 и 23 мая 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Ген. Коцебу — кн. Бебутову 16 мая 1854 г., № 1584. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3430.

Съ наступленіемъ темноты съ нашей стороны начались по обыкновенію осадныя работы, при этомъ, въ виду неоднократныхъ вылазокъ турокъ, мы начали въ послѣдніе дни ставить за нашимъ лѣвымъ флангомъ особый дежурный резервъ, независимо отъ траншейнаго караула и его резервовъ. Въ описываемую ночь за лѣвымъ флангомъ былъ поставленъ отрядъ, въ составѣ 2-хъ батал., 6 пѣш. ор., 2 эск., 1 с. и 4 к. ор. [1]), подъ начальствомъ гвардейской конной артиллеріи полковника Костанда, состоявшаго безъ опредѣленнаго дѣла при главной квартирѣ. Изъ дежурившихъ по очереди въ траншеяхъ флигель-адъютантовъ и личныхъ адъютантовъ фельдмаршала тамъ находились флигель-адъютантъ графъ Орловъ и князь Щербатовъ. Кромѣ того, генералъ Сельванъ приказалъ командиру отдыхавшей въ лагерѣ 2-й бригады его дивизіи генералу Попову, если онъ услышитъ ночью сильную стрѣльбу въ траншеяхъ, выстроить свою бригаду и быть готовымъ къ немедленному движенію на помощь. Можно полагать, что это распоряженіе, которое впослѣдствіи хотѣли растолковать, какъ преднамѣренное рѣшеніе вырваться изъ рукъ фельдмаршала и самовольно атаковать Арабъ-Табію, было вызвано опасностью работъ, производимыхъ уже на близкомъ разстояніи отъ непріятельскаго укрѣпленія, а также проявленными уже турками энергіей и активностью въ оборонѣ крѣпости.

Около полуночи турки вышли изъ рытвины, находившейся на правомъ флангѣ Арабъ-Табіи, и, подъ покровительствомъ сильнаго огня съ форта, двинулись противъ нашихъ работъ лѣваго фланга. Генералъ Веселитскій легко отбилъ эту атаку двумя находившимися въ его рукахъ баталіонами. Казалось бы, можно было спокойно приступить къ прерваннымъ работамъ, но въ это время съ барабаннымъ боемъ двинулся впередъ отрядъ полковника Костанда. Къ траншеямъ онъ подошелъ уже тогда, когда турки были отбиты, а потому и былъ остановленъ генералами Сельваномъ и Веселитскимъ.

Только-что успокоилось на лѣвомъ флангѣ, какъ турки сдѣлали вылазку противъ нашихъ работъ праваго фланга, также удачно отбитую. „Арабъ-Табія“ въ это время замеръ и даже не открывалъ огня по хорошо освѣщенной и открыто стоявшей группѣ Сельвана, Веселитскаго, Костанды, графа Орлова и князя

---

[1]) 1-й и 2-й бат. Замосцскаго егерск. п., 6 ор. № 6 легк. батар. 15-й арт. бриг., 2 эск. Ольвіоп. уланск. п. и 4 ор. легк. № 7 конной батареи.

Щербатова. Сильная перестрѣлка на нашемъ правомъ флангѣ и мертвая тишина грознаго „Арабъ-Табіи“ дали мысль окружавшей генерала Сельвана молодежи, что турецкое укрѣпленіе оставлено противникомъ, который устремился на нашъ правый флангъ. Отсюда явилась другая мысль — овладѣть быстрымъ натискомъ столь надоѣвшимъ намъ Арабскимъ фортомъ.

Слабохарактерный генералъ Сельванъ попалъ какъ бы въ тиски: съ одной стороны на него насѣдала пылкая, вліятельная, но ни за что не отвѣтственная молодежь и возможность упрека въ трусости, изъ-за которой могла быть упущена минута рѣшительнаго успѣха, съ другой же стороны страхъ грознаго фельдмаршала въ случаѣ неудачи этого рискованнаго предпріятія. Сельванъ, однако, рѣшилъ испросить указаніе генерала Шильдера и отправился искать его въ траншеяхъ. Но Шильдера въ траншеяхъ найти не удалось и старый генералъ, подхваченный убѣжденіями окружавшей его молодежи, при уклончивомъ на его вопросъ — атаковать или нѣтъ? отвѣтѣ генерала Веселитскаго, единственнаго человѣка, мнѣніе котораго могло бы считаться компетентнымъ, рѣшилъ атаковать „Арабъ-Табію“.

Войска, назначенныя для штурма, выстроились въ одну линію, въ колоннахъ къ атакѣ, тыломъ къ нашимъ траншеямъ, отстоявшимъ отъ турецкаго форта шаговъ на триста. На правомъ флангѣ сталъ 3-й баталіонъ Алексопольскаго полка, въ центрѣ, на интервалѣ шаговъ въ сорокъ, — 3-й баталіонъ Полтавскаго полка и на лѣвомъ флангѣ 3-й баталіонъ Замосцскаго полка изъ отряда полковника Костанда. Баталіоны алексопольскій и полтавскій должны были наступать уступомъ справа, а замосцскій баталіонъ дѣйствовать по усмотрѣнію полковника Костанда. Генералу Попову съ резервомъ приказано было слѣдовать на помощь. Генералы и лица свиты стали передъ баталіонами.

Благодаря темнотѣ и порядку, въ которомъ строились войска, „Арабъ-Табія“ продолжалъ молчать. Но, какъ бы въ насмѣшку надъ этимъ, у насъ приказано было ударить бой къ атакѣ, и успокоившіеся послѣ своей неудачной вылазки турки встрепенулись и встрѣтили штурмующихъ картечными и ружейными выстрѣлами. Несмотря на убійственный огонь, наступленіе баталіоновъ продолжалось въ полномъ порядкѣ, и они скоро скрылись во рву турецкаго укрѣпленія. Ровъ былъ 12-ти футовой глубины при почти отвѣсномъ земляномъ контръ-эскарпѣ; насыпь форта состояла изъ глинистой земли и по весьма крутой наружной от-

логости, не имѣвшей бермы, послѣ дождей образовалась твердая кора глины, такъ что солдаты съ трудомъ выбивали штыками для ступеней куски земли. Ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни какихъ-либо другихъ приспособленій для облегченія эскаладированія укрѣпленія съ собой взято не было.

Независимо отъ этихъ препятствій, войска, воодушевленныя присутствіемъ старшихъ начальниковъ, лѣзли на валъ, и по прошествіи четверти часа всѣ амбразуры съ орудіями были въ нашихъ рукахъ, и внутри Арабскаго укрѣпленія завязалась та борьба на жизнь и смерть, которая считается минутами и которая приводитъ къ полной побѣдѣ или къ пораженію. Дрались банниками, прикладами, а то и просто, схватившись другъ съ другомъ, въ рукопашную, и не только нижніе чины, но и офицеры. На глазахъ адъютанта Муза-паши въ такой невѣроятной рукопашной схваткѣ боролись турецкій поручикъ съ русскимъ штабъ-офицеромъ [1]). И побѣда была безусловно въ нашихъ рукахъ.

Вооруженный финнъ.

Кромѣ свидѣтельства Омера-паши, что „атака русскихъ „дошла до такого „предѣла, когда „обыкновенно всякое сопротивленіе „со стороны гарнизона прекращается“ [2]), ручательствомъ за это могли служить и четыре баталіона резерва генерала Попова, которые торопились къ мѣсту схватки.

Но въ то время, когда успѣхъ столь рискованно задуманнаго предпріятія былъ за нами почти что обезпеченъ и густой мракъ ночи начиналъ уже разсѣиваться, вблизи раздался тоскливый звукъ отбоя. Прозвучалъ одинъ разъ и замеръ. Никто на него не обратилъ вниманія, кромѣ генерала Веселитскаго, который старался узнать, кто далъ отбой. Ничего не узнавши, не найдя старшаго начальника, генерала Сельвана, Веселитскій отдалъ приказъ трубить отбой, который раздался вскорѣ властнымъ звукомъ по всему фронту. Но войска не слушались отбоя и не хотѣли уступать

---

[1]) Вѣрнѣе всего, подполковникъ Гладышевъ Замосцскаго полка.

[2]) Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 30 mai 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

завоеваннаго. Пришлось прибѣгнуть къ настойчивымъ приказаніямъ, только послѣ которыхъ войска отошли, переправившись съ громадными трудностями черезъ ровъ и понеся при отступленіи большія потери. Генералъ Сельванъ погибъ во время штурма, Веселитскій, Костанда, князь Щербатовъ и графъ Орловъ были ранены, послѣдній особенно серьезно.

Но отступленіемъ въ траншею трехъ баталіоновъ, первоначально штурмовавшихъ Арабское укрѣпленіе, еще не окончилось кровавое дѣло этой ночи. Въ моментъ отступленія къ мѣсту свалки подходилъ резервъ генерала Попова. Не войдя въ связь съ бывшими впереди начальниками, не разузнавъ положенія дѣла и не получивъ никакихъ приказаній, Поповъ повелъ въ атаку свой резервъ, преимущественно направляя его въ охватъ Арабскаго форта. И лишь, понеся большія потери и убѣдившись, что войска Веселитскаго и Костанды отошли назадъ, четыре баталіона Попова также повернули обратно [1]).

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли убитыми и ранеными 2 генераловъ, 26 офицеровъ и 911 нижнихъ чиновъ. Турки опредѣляютъ свои потери въ 100 человѣкъ, хотя эта цифра, какъ и всѣ ихъ донесенія, подлежитъ большому сомнѣнію.

На разсвѣтѣ непріятель выдвинулъ изъ-за своего праваго фланга кавалерію, думая использовать неминуемый при отступленіи безпорядокъ, но, видя спокойно выстроенныя каре, отошелъ назадъ.

Такъ кончился этотъ „безсмысленный и безпорядочный“, по словамъ Коцебу, штурмъ, придавшій бодрости духа обороняющемуся и задержавшій ходъ работъ атакующаго. „Гнѣвъ фельдмаршала“, пишетъ Коцебу, „былъ направленъ на Шильдера тѣмъ „болѣе, что эта неудача помѣшала ему уѣхать, какъ онъ хотѣлъ, „когда будетъ взятъ фортъ. Шильдеръ, дѣйствительно, полусума-

---

[1]) Слѣдств. дѣло, произв. по случаю происш. 17 числа мая мѣс. 1854 г. въ транш. трев. и предпр. безъ приказ. ген.-фельдм. штурма перед. непр. укрѣпл. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

Рапортъ кн. Урусова кн. Горчакову 22 мая 1854 г., № 33. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3432.

Журн. воен. д. 8 пѣх. див. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3586.

Частн. подв. Кременч. ег. п. Тамъ же, д. № 3712.

Опис. прик. транш. раб. Замосцск. п. Тамъ же, д. № 3437.

Рап. полк. Тимашева ген. Лидерсу 18 мая 1854 г., № 1899. Тамъ же.

Частн. письмо кн. Горчакова военному министру 19 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г., секр. д. № 52.

Записки П. К. Менькова. Дневн. П. Е. Коцебу. Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность“.

„сшедшій, и дѣло остается не сдѣланнымъ. Я совѣтовалъ уда-
„лить его“ [1]).

Подъ Силистріей началось самое строгое разслѣдованіе самовольнаго штурма и отысканіе виновныхъ. Болѣе всего интересовались узнать, по чьему приказанію начался штурмъ, и кто первый далъ отбой. Слѣдствіе ничего не выяснило, такъ какъ всѣ спрошенные отзывались незнаніемъ, стараясь приписать иниціативу штурма убитому генералу Сельвану; ему же, но не такъ опредѣленно, хотѣли приписать и первый сигналъ отбоя, хотя въ душѣ никто этому не вѣрилъ. „Темно и вовсе неудовлетворительно“, написалъ на слѣдственномъ дѣлѣ Государь, „а вѣрить можно, что „бросились сгоряча за бѣгущими“. Записки современниковъ и сопоставленіе всѣхъ мелочей разобранныхъ документовъ даютъ намъ право думать, что нападеніе на Арабскій фортъ было произведено такъ, какъ оно изложено выше.

Безусловно, вина въ производствѣ штурма и въ неудовлетворительной его организаціи падаетъ на Сельвана, какъ на отвѣтственнаго начальника, но иниціатива всего предпріятія лежала не въ немъ, а въ окружавшей его молодежи. Не жажда подвиговъ и отличій, полагаемъ, руководила большинствомъ изъ нихъ, а то же чувство оскорбленнаго патріотизма безславнымъ и непривычнымъ для русской арміи трусливымъ сидѣніемъ на берегахъ Дуная, которое заставило петербургскій патріотическій кружокъ послать на войну пылкаго Карамзина, погибшаго у Каракула въ этотъ же самый день. Такъ и здѣсь вся неурядица осады, открыто сознаваемая въ арміи пагубная бездѣятельность фельдмаршала и счастливо подвернувшійся случай ударили въ голову кружку вліятельной молодежи, которая и увлекла за собой Сельвана. Наврядъ ли повернется у кого-нибудь перо упрекать стараго генерала въ предпринятомъ имъ геройскомъ самостоятельномъ рѣшеніи использовать удачную минуту и быстрымъ шагомъ пододвинуть взятіе крѣпости; свершившееся показало, что успѣхъ былъ возможенъ, и предпріятіе не такъ безразсудно. Но событія въ ночь на 17 мая еще разъ доказали, что такія предпріятія должны быть хорошо обдуманы и организованы, чего въ данномъ случаѣ не было. И въ этомъ Сельванъ безусловно виноватъ, такъ какъ

---

[1]) Въ видахъ исторической полноты, мы приводимъ эту рѣзкую характеристику Шильдера, чтобы показать, какія ненормальныя отношенія существовали между главными руководителями осады, но, думаемъ, что Шильдеру не дали подъ Силистріей самостоятельно развернуть своего таланта. Болѣе подробно см. Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ“.

онъ ничего не обдумалъ и не принялъ никакихъ мѣръ, долженствовавшихъ обезпечить нашъ успѣхъ. При такихъ условіяхъ является даже сомнительнымъ—могли ли бы мы, завладѣвъ Арабъ-Табіей, удержаться въ немъ, если бы на мѣсто боя не явился кто-либо болѣе опытный, который сумѣлъ бы взять въ свои руки эту случайную операцію?

Что касается до перваго сигнала отбоя, то мы полагаемъ, что надо откинуть всякую мысль о томъ, что онъ данъ генераломъ Сельваномъ. Этотъ опытный служака долженъ былъ хорошо понимать, что, идя на такое дѣйство, онъ, въ случаѣ неудачи, рисковалъ всей своей службой, такъ какъ Паскевичъ не простилъ бы ему самостоятельнаго рѣшенія даже и при завладѣніи Арабъ-Табіей. Для Сельвана возврата не было; онъ могъ воротиться только со щитомъ или на щитѣ. Въ минуту отбоя къ тому же побѣда склонялась на нашу сторону, а поэтому начальнику отряда не было никакого смысла отзывать свои войска назадъ. Да при томъ и трудно выяснить, прозвучалъ ли отбой за минуту до смертельной раны Сельвана или уже послѣ того, какъ онъ выбылъ изъ строя. Наконецъ, первый отбой на войска не произвелъ никакого впечатлѣнія; онъ воздѣйствовалъ лишь на генерала Веселитскаго, который началъ допытываться, кто подалъ сигналъ, и отыскивать генерала Сельвана. Не узнавъ перваго и не найдя второго, онъ уже отъ себя приказалъ нѣсколько разъ проиграть отбой и началъ дѣлать настойчивыя распоряженія объ отступленіи не желавшихъ отходить войскъ, принявъ на себя, такимъ образомъ, общее руководство боемъ. Вину въ отступленіи, слѣдовательно, законно возложить на генерала Веселитскаго. Является страннымъ, что этотъ отмѣченный боевымъ опытомъ генералъ, отбывшій Венгерскую кампанію въ должности начальника штаба 4-го корпуса, принялъ такое несообразное съ обстановкой рѣшеніе. Мы полагаемъ, что его скорѣе всего можно объяснить тѣмъ психологическимъ состояніемъ начальника, въ которое онъ попадаетъ, когда ставитъ себя въ положеніе рядового бойца въ рукопашной схваткѣ. Не имѣя возможности охватить въ цѣломъ все то, что дѣлается кругомъ, испытывая на себѣ всѣ особенности рукопашной схватки, когда, при полномъ напряженіи нервовъ, даже простая физическая боль, утомленіе или личная въ схваткѣ неудача могутъ произвести полную реакцію всей нервной системы, такому борцу легко можетъ представиться, что не онъ одинъ ослабѣлъ, а и всѣ кругомъ него.

Въ аналогичномъ положенiи находился и генералъ Веселитскiй. Ставши, какъ и остальные, во главѣ штурмовавшихъ баталiоновъ, онъ однимъ изъ первыхъ взошелъ на валъ, но былъ сбитъ банникомъ, потомъ по шеѣ ему попалъ снарядъ, брошенный рукой; онъ вновь оказался на валу и вновь получилъ ударъ и былъ сбитъ. При такихъ условiяхъ Веселитскiй услыхалъ звукъ отбоя. Не найдя генерала Сельвана, онъ наткнулся на раненаго полковника Костанду, который упрашивалъ его начать отступленiе [1]). Вотъ обстановка, при которой Веселитскiй приказалъ отступать. Невольно является вопросъ — поступилъ ли бы генералъ такъ, если бы онъ не находился въ рядахъ передовыхъ бойцовъ, а нѣсколько сзади, въ такомъ разстоянiи, чтобы имѣть возможность безпристрастнымъ взоромъ оцѣнить всю обстановку? Думаемъ, что нѣтъ. Нельзя здѣсь не повторить старой истины, что личный примѣръ старшаго начальника законенъ только тогда, когда у него не осталось уже другихъ способовъ вести бой, и онъ бросаетъ на чашу вѣсовъ побѣды или пораженiя себя, какъ послѣднiй резервъ [2]).

Тяжело было Императору Николаю узнать о новой неудачѣ, но рыцарское сердце Государя оцѣнило мотивы, руководившие инициаторами рискованнаго предпрiятiя, и ни одного слова упрека не было сказано по ихъ адресу. „Душевно скорблю“, писалъ Государь князю Варшавскому [3]), „о напрасной тратѣ драгоцѣн-„наго войска и потери столькихъ храбрыхъ, во главѣ которыхъ „ставлю почтеннаго Сельвана, дорого заплатившаго за свою „излишнюю отвагу; но миръ праху его, онъ умеръ геройской „смертью! Тѣмъ болѣе жалѣть должно столь тщетной траты людей, „что осада шла до того успѣшно и съ неимовѣрно малой потерей. „Но буди воля Божiя! Надѣюсь, что возьмешь свои мѣры, чтобы „впредь такой необдуманной отваги и безплодной траты людей „не было“. Графу Орлову, который, по донесенiю фельдмаршала, „необыкновенной храбростью обратилъ на себя всеобщее вни-„манiе“ [4]) и былъ во время штурма тяжело раненъ, Государь послалъ Георгiевскiй крестъ, какъ „лучшiй бальзамъ на раны“.

---

1) Показанiе ген. Веселитскаго.

2) Алабинъ въ своемъ трудѣ „Восточная война“, ч. II, стр. 245—249, приводитъ нѣсколько легендъ о Сельванскомъ штурмѣ, какъ отголосокъ разсказовъ, ходившихъ на театрѣ войны.

3) 26 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

4) Всеподд. донесенiе кн. Варшавскаго 19 мая 1854 г. Тамъ же.

Въ своихъ всеподданнѣйшихъ письмахъ князь Варшавскій часто жаловался на изнурявшія его лихорадки, о которыхъ, впрочемъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній въ запискахъ современниковъ и даже въ ежедневномъ дневникѣ генерала Коцебу, который видѣлся съ фельдмаршаломъ чуть ли не каждый день. Катастрофы съ дѣломъ Карамзина и штурмомъ Сельвана должны были ухудшить здоровье Паскевича, и онъ, дѣйствительно, свое донесеніе Государю о происшествіи въ ночь на 17 мая кончалъ жалобой на трехдневную лихорадку. „Ради Бога берегись", отвѣтилъ ему на это Государь. „Надѣюсь на милость Божію, что твое „здоровье поправится при первой хорошей удачѣ, и не унывай!"

Изъ приведенной фразы можно заключить, что, несмотря на частыя упоминанія фельдмаршала о разстроенномъ состояніи здоровья, въ которыхъ, по сопоставленіи ихъ съ записками современниковъ, нельзя не видѣть намековъ на желаніе Паскевича уѣхать изъ арміи, Государь не считалъ своевременнымъ понять эти намеки и облегчить фельдмаршалу столь желаемый имъ отъѣздъ. Онъ еще вѣрилъ въ своего „отца-командира" и старался очень нѣжной рукой корректировать ошибки, допущенныя имъ въ осадѣ Силистріи. „Повидимому, оба турецкіе форта", читаемъ мы въ томъ же письмѣ, „долго еще держаться не могутъ противъ весьма „искусно веденной атаки. Тогда предстоять будетъ еще осада са„мой крѣпости, на что я считаю не менѣе, какъ еще три не„дѣли! Большое удобство произошло бы для осады, ежели бы „ты нашелъ возможнымъ совершенно обложить крѣпость и тѣмъ „прекратить всякое сообщеніе ея съ Шумлой... На скорое при„бытіе союзныхъ войскъ, кажется, рѣшительно нѣтъ опасенія за „совершеннымъ у нихъ недостаткомъ лошадей и перевозочныхъ „способовъ. Развѣ перевезутъ отрядъ тысячъ въ десять въ Варну, „но и то безъ лошадей и сильной артиллеріи. По всему этому я „въ полной надеждѣ, что съ помощью Божіей овладѣніе Силистріей „не подлежитъ сомнѣнію. Покуда изъ Австріи ничего не полу„чалъ, и, кажется, ежели и будетъ что, то не такое предложеніе, „которое сейчасъ же повлекло бы за собой немедленный разрывъ".

Но увѣренности Императора Николая во взятіи Силистріи не суждено было осуществиться. Паскевичъ упорствовалъ въ предпринятомъ имъ рѣшеніи и довелъ дѣло до желаемаго имъ конца. Одновременно съ донесеніемъ Государю о Сельванскомъ штурмѣ фельдмаршалъ представилъ записку съ начертаніемъ плана кампаніи съ іюня въ предположеніи, что австрійцы объявятъ намъ войну.

Вся суть этой записки сводилась къ необходимости въ такомъ случаѣ снять осаду Силистріи и отойти за Дунай [1]). И Паскевичу удалось, наконецъ, сдѣлать первый шагъ къ примиренію Государя съ мыслью объ оставленіи Силистріи. „Ежели бы противъ чаянія“, отвѣчалъ Императоръ Николай [2]), „австрійцы насъ атаковали, въ „такомъ только случаѣ я разрѣшаю тебя на предполагаемый тобою „планъ дѣйствій... Увѣренъ, что тогда Богъ сподобитъ тебя „жестоко наказать австрійцевъ за вѣроломство и неблагодарность“.

Блокада Кронштадта.

Между тѣмъ положеніе турокъ вовсе не было такъ хорошо, какъ оно могло намъ казаться. Маршалъ С.-Арно предупреждалъ военнаго министра о томъ, что крѣпость не можетъ долго держаться, и что въ теченіе мѣсяца, т.-е. до времени готовности союзниковъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, она должна пасть [3]). Французскій главнокомандующій упрекалъ турокъ въ крайне неправдоподобныхъ и фальшивыхъ донесеніяхъ о положеніи дѣлъ въ Силистріи [4]) и видѣлъ въ этомъ желаніе увлечь его впередъ въ то время, когда чувство военной осторожности требовало, въ виду полной неготовности союзной арміи, отказаться отъ всякихъ выступленій. С.-Арно твердо рѣшилъ оказывать туркамъ пока лишь только нравственную поддержку.

Съ нашей стороны послѣ Сельванскаго штурма осадныя работы продолжались въ томъ же духѣ, обращая главное вниманіе на подходъ къ Арабъ-Табіи.

Въ ночь на 19 мая на лѣвомъ флангѣ траншея 1 была загнута и продолжена на 80 саженей параллельно лѣвому фасу Арабскаго

---

[1]) Всеподд. записка кн. Варшавскаго 19 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

См. Приложеніе № 171.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 26 мая 1854 г. Тамъ же.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Gallipoli, le 2 juin 1854. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

[4]) Турецкія донесенія объ ихъ побѣдахъ надъ русскими и о потеряхъ, понесенныхъ этими послѣдними, вызывали смѣхъ у французскихъ офицеровъ, бывшихъ при арміи Омера-паши.

форта, въ разстояніи отъ него около 70 саженей. Вылазка, произведенная турками, чтобы помѣшать нашимъ работамъ, была отбита [1]) и днемъ въ траншеѣ были поставлены 4 полупудовыя мортиры, а на слѣдующую ночь на оконечности ея построена батарея, вооруженная 4 орудіями для дѣйствія по лѣвому фасу турецкаго укрѣпленія. Дальнѣйшая работа состояла въ движеніи тихой сапой на поверхность высоты, занимаемой фортомъ, гдѣ была заложена батарея на 8 орудій въ видѣ редута. Цѣль этого редута заключалась въ усиленіи нашего лѣваго фланга и въ дѣйствіи противъ непріятельскаго укрѣпленія. Кромѣ того, тихой сапой была выведена траншея прямо по направленію на Арабъ-Табію, которая 21 мая подошла къ форту на 18 саженей. Для того, чтобы имѣть возможность вести дальше эту работу съ наименьшей потерей, въ этотъ день вечеромъ пространство земли между оконечностью траншеи и оврагомъ, проходившимъ подлѣ турецкаго укрѣпленія, было взорвано, и оконечность воронки взрыва коронована турами.

Непріятель открылъ огонь со всѣхъ своихъ батарей и произвелъ вылазку съ цѣлью разрушить наши работы, но былъ съ урономъ отбитъ.

Интересно прочитать, какъ изложенъ этотъ эпизодъ въ донесеніи Омера-паши маршалу С.-Арно [2]): „Въ пятницу, 2 іюня „(21 мая), русскіе взорвали мину, чтобы разрушить парапетъ вы„дающагося крыла флеши Арабъ-Табія. Къ счастью, сила взрыва „обратилась назадъ и засыпала непріятельскую колонну, которая „готовилась броситься на брешь. Это стоило непріятелю 400 че„ловѣкъ убитыми. Турецкія работы и гарнизонъ совершенно не „пострадали. Гарнизонъ, видя безпорядокъ и испугъ непріятеля, „сдѣлалъ вылазку на ближайшую батарею и уничтожилъ тамъ „огромное количество русскихъ, которые могли спасти свои ору„дія, лишь увезя ихъ назадъ“. Это одно изъ тѣхъ донесеній, о которыхъ состоявшій при Омерѣ-пашѣ полковникъ Діё [3]) писалъ генералу Канроберу, что на Дунаѣ такъ жонглируютъ съ убитыми и ранеными, что можно полагать, что въ русской арміи не осталось уже ни одного живого человѣка.

---

[1]) Турки эту свою вылазку представили въ видѣ нашей новой атаки на Арабъ-Табію, которая кончилась для насъ громадными потерями (Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 4 juin 1854. Парижскій Архивъ).

[2]) 23 мая (4 іюня) 1854 г., изъ Шумлы. Парижскій Архивъ.

[3]) Le colonel Dieu—au général Canrobert, le 15 juin 1854. Парижскій Архивъ.

Въ эти дни силистрійскій гарнизонъ понесъ большую утрату въ лицѣ энергичнаго коменданта Муза-паши, который былъ убитъ у себя на квартирѣ во время молитвы осколкомъ снаряда, пущеннаго съ нашихъ лѣвобережныхъ батарей. Замѣстителемъ его былъ назначенъ Гуссейнъ-паша, бывшій комендантомъ форта Арабъ-Табія; это также былъ одинъ изъ выдающихся офицеровъ оттоманской арміи. Но зато турки хорошо использовали дни упадка духа у насъ послѣ сельванскаго штурма, а также отсутствіе полной блокады крѣпости, подкрѣпили гарнизонъ запасами и 4 тысячами пѣхоты, составленными преимущественно изъ охотниковъ. Это движеніе было прикрыто полкомъ кавалеріи съ конной батареей, которые опирались на 10 тысячный отрядъ иррегулярной конницы, гнѣздившейся въ большомъ лѣсу Дэли-Урманъ, въ разстояніи четырехъ часовъ пути отъ Силистріи. Резервомъ всей высланной впередъ конницы служилъ Дамасскій кавалерійскій полкъ, выдвинутый къ Рахманъ-Ихиклеру [1]). Впрочемъ, иррегулярная конница, находившаяся подъ командой Садыка-паши (Чайковскій), представляла изъ себя, по словамъ полковника Діё [2]), такой сбродъ, что ее съ трудомъ можно было поставить на ряду съ баши-бузуками.

Тѣмъ временемъ съ нашей стороны осада шла, по выраженію князя Варшавскаго, „туго" [3]). Фельдмаршалъ приписывалъ это смѣлой защитѣ турокъ съ знаніемъ ими войны, чему способствовали ихъ руководители иностранные офицеры. Было бы справедливо значительную часть вины въ этомъ отнести и на нашу сторону.

„Ceci est étrange", писалъ о нашихъ неудачахъ подъ Силистріей генералъ Боске [4]), „et je répugne à me l'expliquer par l'im„puissance des russes. Il y a autre chose, comme une démoralisation, „une préoccupation, je ne sais quoi, qui paralyse cette armée".

Между тѣмъ нравственная атмосфера въ нашемъ лагерѣ подъ Силистріей была сгущенная и нездоровая. Чтобы окунуть читателя въ эту атмосферу, приведемъ выписки изъ дневника генерала Коцебу за эти дни.

„19 мая. Фельдмаршалъ пыталъ меня; у насъ царитъ упадокъ „духа. Вечеромъ меня послали въ траншеи, гдѣ я нашелъ полный

---

1) Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 4 juin 1854. Парижскій Архивъ.

2) Le colonel Dieu—au général Canrobert, le 15 juin 1854. Парижскій Архивъ.

3) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 25 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

4) Lettres du maréchal Bosquet, p. 323.

„безпорядокъ — доказательство лжи и обмана Шильдера. Фельд-„маршалъ требуетъ отъ меня письменнаго изложенія, какъ про-„должать осаду Силистріи.

„20 мая. Ночь была спокойна, только несносна изъ-за „фельдмаршала, который давитъ, какъ кошмаръ, и все парализуетъ.

„22 мая. Фельдмаршалъ произвелъ безтолковую развѣдку. „Его гнѣвъ. Шильдера фанфаронады продолжаются, но на пра-„вомъ флангѣ Бухмейеръ будетъ отдѣльно работать; эту ночь онъ „начнетъ. Фельдмаршалъ опять выказываетъ боязнь австрійцевъ „и все это лишь для того, чтобы самому уѣхать.

„23 мая. Фельдмаршалъ говоритъ, что онъ боленъ [1]). Ясно, „что онъ хочетъ уѣхать; пусть ѣдетъ.

„25 мая. Паскевичъ объѣзжалъ позицію, чтобы показать, „какъ слѣдуетъ занять ее въ случаѣ рѣшительнаго боя. Я сказалъ „Горчакову, что это обманъ вести осаду такъ, какъ теперь, и „что намъ нельзя достигнуть благопріятнаго результата, не окру-„живъ крѣпости"...

Съ своей стороны князь Горчаковъ въ письмѣ къ военному министру отъ 15 мая сознается, что онъ не имѣетъ еще яснаго понятія о нашихъ дѣлахъ подъ Силистріей и упрекаетъ всегда немного романизирующаго Шильдера [2]) въ томъ, что онъ по достоинству не оцѣнилъ непріятеля.

Однако, при осужденіи дѣятельности этого выдающагося, хотя и чрезмѣрно нервнаго инженера, надо помнить, что онъ ожидалъ успѣха отъ ускоренной атаки при условіи полнаго обложенія крѣпости и въ то время, когда Арабъ-Табія представлялъ изъ себя слабое полевое укрѣпленіе, а не временной фортъ, какимъ онъ сдѣлался въ половинѣ мая. О необходимости блокады крѣпости говорилъ, какъ мы видѣли выше, и генералъ Коцебу, объ этомъ писалъ фельдмаршалу и Государь, столь не любившій принимать на себя роль гофъ-кригсрата [3]) и потому столь осторожный въ своихъ указаніяхъ [4]). Но Паскевичъ казался непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Существенныхъ мѣръ къ ускоренію осады онъ не принималъ, а лишь искалъ виновника въ неудачѣ и таковаго нашелъ въ лицѣ Шильдера.

---

[1]) Это за все время первое указаніе въ дневникѣ о болѣзни Паскевича.

[2]) „Schilder qui est toujours un peu dans les romans".

[3]) „Я не гофъ-кригсратъ, пишу, что думаю, что желаю; рѣшай же ты съ полной „свободой и отвѣтственностью".

[4]) Въ письмахъ отъ 23 и 26 мая 1854 г.

19 мая князь Варшавскій, который такъ интересовался скорѣйшимъ уходомъ отъ Силистріи, а не взятіемъ ея, прибѣгъ къ мѣрѣ, никогда не приносившей положительныхъ результатовъ въ такомъ дѣлѣ. Онъ рѣшилъ, въ виду того, что „осадныя работы „идутъ весьма медленно и далеко не достигаютъ тѣхъ резуль- „татовъ, которые предполагалъ генералъ Шильдеръ", собрать письменныя мнѣнія генераловъ Лидерса, Коцебу, Бухмейера, Хрулева и другихъ съ цѣлью увидѣть „не придумаетъ ли кто-либо „изъ нихъ лучшаго способа къ продолженію работъ" [1]).

21-го числа по этому поводу даже былъ назначенъ военный совѣтъ, который, впрочемъ, не состоялся, такъ какъ фельдмаршалъ очень увлекся подробными распоряженіями о группировкѣ войскъ для встрѣчи австрійцевъ, на что ушелъ у него цѣлый день. Практическій результатъ всего поднятаго шума заключался лишь въ томъ, что на генерала Бухмейера возложили самостоятельное веденіе осадныхъ работъ на правомъ флангѣ, оставивъ за Шильдеромъ лишь руководство работами на лѣвомъ флангѣ, да, кромѣ того, подтянули къ Каларашу Днѣпровскій пѣхотный полкъ съ батареей и 2-ю драгунскую дивизію съ ея артиллеріей и уральскимъ № 2 казачьимъ полкомъ, а Селенгинскій пѣхотный полкъ съ 6-ю орудіями и донской казачій № 40 полкъ присоединили къ войскамъ осаднаго корпуса.

22 мая генералъ Шильдеръ вновь произвелъ, въ 5 часовъ пополудни, взрывъ мины въ головѣ нашихъ работъ противъ Арабъ-Табіи, чтобы облегчить этимъ доступъ къ непріятельскому укрѣпленію. Турки послѣ этого открыли сильный огонь изъ всѣхъ своихъ батарей, а въ семь часовъ вечера произвели значительную вылазку противъ редута на лѣвомъ флангѣ нашихъ траншей. Три непріятельскія колонны, преимущественно изъ волонтеровъ, кинулись на батарею съ фронта и съ лѣваго фланга, гдѣ предварительно скрытно собрались въ лощинѣ. Несмотря на сильный картечный и штуцерный огонь, какъ съ атакованнаго редута, такъ и съ сосѣдней правой батареи, турки бросились впередъ, достигли рва и черезъ амбразуры ворвались въ укрѣпленіе. Артиллерійская прислуга и слабое пѣхотное прикрытіе вступили въ рукопашный бой, а два баталіона Елецкаго полка, находившіеся въ резервѣ,

---

[1]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 19 мая 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358, и предписанія кн. Горчакова генераламъ Лидерсу, Коцебу, Бухмейеру, Хрулеву и Сержпутовскому отъ 19 мая 1854 г., №№ 1568—71 и 1613. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.

выбили врага штыками. Турки оставили на мѣстѣ близъ редута около 50 тѣлъ, но и наши потери доходили до 125 человѣкъ [1]).

Энергичная вылазка турокъ дала князю Варшавскому поводъ еще разъ написать Государю, что непріятель „осмѣлѣлъ“, и что трудно предвидѣть конецъ осады, такъ какъ турки безпрестанно подкрѣпляютъ гарнизонъ крѣпости [2]).

Омеръ-паша, выдвигая, какъ было сказано, свою кавалерію къ Силистріи, далъ ей инструкцію не только безпокоить непріятеля, но и отвлекать его вниманіе отъ того направленія, по которому слѣдовали въ крѣпость подкрѣпленія, и возможно болѣе вводить русскихъ въ заблужденіе, чаще передвигаясь для этого съ мѣста на мѣсто.

Результатомъ такого распоряженія турецкаго генералиссимуса были неоднократныя и безцѣльныя высылки Паскевичемъ летучихъ отрядовъ до одного перехода по Шумлинской дорогѣ при полученіи извѣстія о подходѣ къ Силистріи непріятельскихъ кавалерійскихъ частей. Двигаясь въ пункты, которые наканунѣ были заняты турецкой кавалеріей, мы, разумѣется, на другой день никого тамъ не заставали, а турки тѣмъ временемъ, отвлекши наше вниманіе въ сторону, спокойно успѣвали продвигать въ крѣпость запасы и подкрѣпленія [3]).

Но полученныя фельмаршаломъ свѣдѣнія о направленіи къ Силистріи значительныхъ подкрѣпленій и необходимость, наконецъ, хоть отчасти удовлетворить общему требованію о прекращеніи свободнаго сообщенія крѣпости съ Шумлою, заставили князя Варшавскаго принять болѣе рѣшительныя мѣры. Съ этой цѣлью 23 мая былъ сформированъ, подъ начальствомъ генерала Хрулева, особый авангардъ, въ составѣ бригады пѣхоты, кавалерійскаго полка, 4-хъ сотенъ казаковъ съ двумя пѣшими и одной конной батареями, который былъ выдвинутъ къ истоку рѣчки Алмалуй, по направленію дороги, ведущей черезъ с. Борчма въ Шумлу. Цѣль авангарда заключалась въ слѣдующемъ: 1) оберегать расположеніе осаднаго корпуса, 2) заманить нашей кавале-

---

[1]) Рапортъ полк. Бальца 2 ген. Лидерсу 11 іюня 1854 г., № 2410. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3437.
Свѣд. о подв. нижн. чин. 8 арт. бриг. Тамъ же, д. № 3712.
Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 9 juin 1854. Парижскій Архивъ.
Журн. в. д. 8 пѣх. див. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3586.
War with Russia, p. 172.

[2]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 25 мая 1854 г.

[3]) Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 9 juin 1854. Парижскій Архивъ.

ріей непріятеля, въ случаѣ его появленія, на нашу пѣхоту и 3) не позволять противнику гнѣздиться въ верхней части оврага, по направленію къ которому находилась лѣвая оконечность нашихъ работъ. Въ случаѣ же нападенія на эти работы, отрядъ долженъ былъ поддержать войска, ихъ защищавшія.

Въ инструкціи генералу Хрулеву было подробно сказано, гдѣ и какъ выбрать позицію, какъ выставить передовые посты, и въ заключеніе указывалось, что кавалерія отряда отнюдь не должна была увлекаться приманкой легкой удачи и отходить на такое разстояніе, на которомъ не могла бы быть во̀-время поддержана; ей ставилось, напротивъ, цѣлью завлекать непріятеля и наводить его на нашу пѣхоту [1]). Такимъ образомъ и здѣсь главная задача отряда Хрулева сводилась къ обезпеченію осаднаго корпуса отъ нападенія, а не блокада крѣпости и даже не желаніе затруднить сообщеніе Силистріи съ Шумлой, такъ какъ для этой цѣли отрядъ слѣдовало выкинуть болѣе къ западу, хотя бы къ Калапетри, на центральную позицію между осаднымъ корпусомъ и Дунаемъ.

Императоръ Николай смотритъ Балтійскій флотъ.

Съ назначеніемъ генерала Бухмейера самостоятельнымъ руководителемъ работъ на нашемъ правомъ флангѣ атака тамъ пошла нѣсколько живѣе, и въ ночь на 24 мая мы продвинулись здѣсь своими траншеями впередъ въ направленіи тыла Песчанаго укрѣпленія и заложили новыя батареи для дѣйствія противъ этого укрѣпленія. На лѣвомъ флангѣ атаки работы въ эту ночь состояли въ установкѣ двухъ мортиръ въ воронкѣ № 2 для дѣйствія по внутренности укрѣпленія, въ приближеніи сапой по капитали бастіона Арабъ-Табія на 8 саженей къ контръ-эскарпу и въ производствѣ и короновaніи третьей воронки. Въ слѣдующую ночь была образована новая воронка, и, несмотря на то, что непріятель старался помѣшать нашимъ работамъ, дѣйствуя по нимъ

[1]) Предписаніе кн. Горчакова ген. Хрулеву 23 мая 1854 г., № 1663. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3434.

артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ изъ-за заваловъ, а также тревожа въ продолженіе ночи рабочихъ и прикрытіе малыми вылазками, мы подошли двойной тихой сапой къ контръ-эскарпу Арабъ-Табіи на 4 сажени. Къ вечеру 27-го мы подошли уже къ контръ-эскарпу на полторы сажени и приступили къ дѣланію спуска въ ровъ и перехода черезъ него, который въ теченіе ночи былъ оконченъ.

Съ своей стороны Омеръ-паша принималъ все болѣе и болѣе энергичныя мѣры къ подкрѣпленію гарнизона крѣпости и къ гипнотизированію князя Варшавскаго. Такъ, 26 мая имъ направленъ былъ изъ лагеря при Казали-Девэ къ Силистріи отрядъ Бейрама-паши, въ составѣ 5 баталіоновъ, 700 башибузуковъ и 6 конныхъ орудій, который долженъ былъ занять лѣсъ Дели-Урманъ, прилегавшій къ лѣвому флангу нашего расположенія подъ крѣпостью, съ цѣлью безпокоить насъ съ этой стороны и покровительствовать сообщенію съ крѣпостью [1]).

Турки вполнѣ достигли этимъ своей цѣли. Фельдмаршалъ все болѣе и болѣе волновался, ожидая скораго появленія союзниковъ изъ Шумлы, что вмѣстѣ съ вызывающимъ поведеніемъ Австріи заставило его даже отдать 26-го числа распоряженіе приготовиться къ снятію осады, и только полученныя въ тотъ же день успокоительныя извѣстія изъ Вѣны временно задержали исполненіе этого приказанія [2]).

Вообще союзники, видимо, начинали прозрѣвать истинное положеніе дѣлъ подъ Силистріей, что можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ письма маршала С.-Арно, только-что посѣтившаго Варну, къ военному министру [3]): „Выходитъ, что Силистрія „продолжаетъ успѣшно сопротивляться русскимъ, которые, кажется, „не приняли до сихъ поръ никакихъ мѣръ къ правильной осадѣ. „Они ограничиваются атаками открытой силой или нечаянными „нападеніями противъ внѣшнихъ укрѣпленій, нападеніями, которыя „никогда не удавались и только влекли громадныя потери для „атакующаго. Недостатокъ ли матеріальныхъ средствъ или же „распространившаяся по странѣ вѣсть о нашемъ сосредоточеніи „и ожидаемомъ наступленіи нашихъ колоннъ заставили ихъ отка-„заться отъ прочнаго утвержденія передъ Силистріей, которую

---

[1]) Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 9 juin 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Дневникъ Коцебу за 26 мая.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre le 10 juin (29 mai) 1854. Парижскій Архивъ.

„они разсчитывали покорить однимъ ударомъ,— я этого не знаю. „Но дѣло въ томъ, что положеніе крѣпости, которая по перво-„начальнымъ предположеніямъ Омера-паши сегодня должна была „быть въ рукахъ непріятеля, до сихъ поръ не было существенно „поколеблено“ [1]). Французскій главнокомандующій выражалъ далѣе надежду, что крѣпость продержится еще долго, и что ему не представляется невозможнымъ, что движеніе впередъ союзныхъ армій, хорошо скомбинированное и направленное вò-время, не освободитъ крѣпости.

Такимъ образомъ, мысль о движеніи союзныхъ армій на помощь Силистріи впервые облеклась въ реальную форму въ головѣ союзнаго главнокомандующаго лишь 29 мая, т.-е. когда крѣпость при энергичномъ и умѣломъ веденіи дѣла давно должна была быть въ нашихъ рукахъ. Да и то эта мысль явилась у маршала С.-Арно, какъ слѣдствіе непонятнаго для него поведенія подъ Силистріей князя Варшавскаго.

28 мая фельдмаршалъ рѣшилъ лично произвести грандіозный маневръ подъ стѣнами Силистріи съ отрядомъ въ 31 батал., 32 эск., 8 сот., 9 пѣш. и 3 конн. батарей. Цѣль этого маневра заключалась отчасти въ обозрѣніи отдѣльныхъ непріятельскихъ укрѣпленій и расположенія турецкихъ войскъ, а также въ намѣреніи показать непріятелю значительность нашихъ силъ; основная же идея Паскевича состояла въ обученіи войскъ маневрировать и устраиваться въ виду непріятеля [2]).

Всѣ выведенныя изъ лагеря войска были подраздѣлены на отряды генерала Хрулева (8 батал., 8 эск., 4 сот. и 3 батар.), генерала Гротенгельма (13 батал., 22 эск., 4 сот. и 8 батар.) и Артамонова (10 батал., 2 эск. и 1 батар.). Кромѣ того, въ лагерѣ оставались въ полной готовности къ выступленію 15 батал., 4 эск. и 26 пѣш. ор., за исключеніемъ войскъ, находившихся въ траншеяхъ.

Фельдмаршалъ двинулся въ 10 часовъ утра во главѣ всего отряда въ одной походной колоннѣ по дорогѣ къ Калапетри, по подходѣ къ которому была открыта непріятельская кавалерія въ числѣ до 4 тысячъ коней. Тогда Паскевичъ приказалъ произвести слѣдующій маневръ.

Хрулеву съ его отрядомъ обойти с. Калапетри, подняться на высоты и, выстроившись на нихъ, дать знать объ этомъ тремя

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Журналъ осады Силистріи. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1854 г., секр. д. № 74.

выстрѣлами. Гротенгельму обогнуть оврагъ, идущій къ Абдулъ-Меджиду, и выстроиться въ первый боевой порядокъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ с. Калапетри; когда же генералъ Хрулевъ дастъ условленный сигналъ, то Гротенгельму начать наступленіе съ барабаннымъ боемъ, но куда?—неизвѣстно, вѣроятно, прямо передъ собой. Генералъ Артамоновъ долженъ былъ построиться въ резервный порядокъ за правымъ флангомъ генерала Гротенгельма.

Турки, узнавши о выходѣ изъ лагеря нашего внушительнаго отряда, никакъ не могли предположить, что цѣль этого выхода заключалась лишь въ обученіи подъ стѣнами Силистріи войскъ маневрированію, на подобіе Красносельскаго мирнаго лагеря, а потому начали искать какихъ-либо реальныхъ цѣлей, которыми могъ задаться русскій фельдмаршалъ. И, дѣйствительно, въ этотъ день долженъ былъ прибыть въ Силистрію изъ Шумлы транспортъ съ запасами и, кромѣ того, подойти отрядъ Бейрамъ-паши, о которомъ было сказано выше. Опасаясь, что мы имѣемъ намѣреніе помѣшать тому или другому, противникъ рѣшилъ отвлечь вниманіе русскихъ и дѣйствовать своей кавалеріей противъ отряда генерала Хрулева, наиболѣе для нихъ опаснаго, такъ какъ имъ сначала показалось, что онъ направляется по дорогѣ на Альфатаръ.

Два полка регулярной турецкой кавалеріи съ конной батареей и цѣлой массой иррегулярной конницы двинулись противъ Хрулева. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ рукопашныхъ схватокъ съ нашими казаками и вознесенскими уланами, которые были поддержаны Замосцскимъ и Люблинскимъ полками, турки отступили подъ прикрытіе своихъ фортовъ, а ихъ бивакъ былъ сожженъ.

Тѣмъ временемъ съ Абдулъ-Меджида былъ открытъ сильный огонь по колоннѣ генерала Гротенгельма, при которой находился и фельдмаршалъ. Одно ядро упало около лошади Паскевича, и онъ былъ контуженъ [1]). Оставшись при войскахъ до окончанія перестрѣлки, фельдмаршалъ послѣ этого пересѣлъ въ дрожки и поѣхалъ въ Калярашъ, а войска пошли домой. Во время пути состояніе здоровья Паскевича сильно ухудшилось, такъ что онъ

[1]) На Дунаѣ никто не вѣрилъ въ контузію Паскевича. Генералъ же Коцебу записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 28 мая: „Ядро упало вблизи фельдмаршала, но ни онъ, ни лошадь „его не ранены; онъ же показываетъ, какъ будто онъ контуженъ“.

принужденъ былъ лечь въ постель [1]). 30 мая фельдмаршалъ увѣдомилъ Государя о приключившемся съ нимъ несчастьи, которое не позволитъ ему недѣль 6-8 сѣсть на лошадь. Упоминая далѣе объ увеличившейся послѣ контузіи лихорадкѣ и о полномъ разстройствѣ нервовъ, князь Варшавскій всеподданнѣйше доносилъ о своемъ отправленіи въ Яссы, гдѣ онъ предполагалъ ожидать облегченія [2]). „Осада Силистріи", были заключительныя слова отъѣзжающаго главнокомандующаго, „идетъ упорно и неудовлетворительно, „такъ что мы и перваго форта не взяли" [3]). Въ командованіе арміей на прежнихъ основаніяхъ вступилъ князь Горчаковъ.

III.

1 іюня, въ день отъѣзда фельдмаршала изъ арміи, былъ смертельно раненъ въ траншеяхъ и генералъ-адъютантъ Шильдеръ, энергичный и доблестный руководитель осады. Эти два „знаменательныя", по словамъ Коцебу [4]), событія должны были оказать вліяніе на дальнѣйшій ходъ атаки крѣпости. Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе Паскевича при арміи вносило деморализующій элементъ въ веденіе нами силистрійской операціи.

Глубоко не желавшій, по соображеніямъ того или иного характера, взятія Силистріи, привыкшій въ теченіе десятковъ лѣтъ быть полновластнымъ совѣтникомъ Государя и, скажемъ болѣе, избалованный Императоромъ Николаемъ, фельдмаршалъ былъ въ вопросѣ объ осадѣ крѣпости поставленъ Государемъ на мѣсто и принужденъ былъ исполнять его неуклонную волю. Но Паскевичъ не имѣлъ достаточнаго гражданскаго мужества просить отозвать его при такихъ условіяхъ изъ арміи и не имѣлъ умѣнія или доброй воли, оставшись при арміи, исполнить повелѣніе своего Царя съ напряженіемъ всѣхъ своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ. Основная идея Паскевича была не взятіе Силистріи, а

---

[1]) Журн. воен. дѣйств. Арх. Канц. Воен. Мин.
Опис. рек. 28 мая. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3437.
Реляц. Возн. уланск. п. Тамъ же.
Le colonel Dieu—au général Canrobert, 11 juin 1854. Парижскій Архивъ.
Зап. П. К. Менькова. War with Russia, и др.

[2]) Вопросъ о контузіи фельдмаршала подробно разсмотрѣнъ въ статьѣ Н. К. Шильдера: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ 1854 г." Русская Старина, 1875 г., августъ, стр. 629.

[3]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 30 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[4]) Дневникъ.

выполненіе своего собственнаго плана, и эта двойственность въ характерѣ работы главнокомандующаго должна была проходить красной нитью черезъ всѣ органы управленія арміей и вносить деморализующее въ смыслѣ единства дѣйствій начало. Правъ или неправъ былъ Паскевичъ въ вопросѣ о планѣ кампаніи, но при данныхъ условіяхъ нахожденіе его при арміи было вредно, и отъѣздъ фельдмаршала являлся, дѣйствительно, знаменательнымъ фактомъ. Къ сожалѣнію, только злой геній Паскевича, какъ увидимъ ниже, и изъ Яссъ виталъ не безъ вреднаго вліянія надъ Силистріей.

Погибъ и Шильдеръ. Не могла остаться безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу осады Силистріи также и смерть этого генерала. Талантливый, обладавшій необходимымъ военнымъ чутьемъ, инженеръ Шильдеръ со своей энергіей и вѣрой въ успѣхъ дѣла былъ душой осады, но чрезмѣрная его нервность, а, можетъ быть, и нѣсколько рискованный, не чуждый увлеченіямъ планъ овладѣнія крѣпостью, сдѣлали ему враговъ среди ближайшихъ совѣтниковъ фельдмаршала. Мы нарочно привели выше выписки изъ дневника генерала Коцебу, чтобы поднять завѣсу на сферу тѣхъ не поддающихся иногда изслѣдованію историка отношеній, которыя вліяютъ на то или другое направленіе событій. Шильдеру не дали исполнить его планъ завладѣнія крѣпостью въ полномъ объемѣ, но всѣ неудачи свалили на его сѣдую голову. Такъ или иначе, но лишь онъ одинъ представилъ опредѣленный планъ атаки крѣпости, заключавшійся въ быстромъ приближеніи къ береговому бастіону, пользуясь тѣмъ, что грозной Арабъ-Табіи въ то время еще не существовало. Если принять во вниманіе силу нашей артиллеріи на лѣвомъ берегу Дуная, неготовность крѣпости, моральное вліяніе на непріятеля нашей удачной переправы и энергичной атаки, то весьма вѣроятно, что крѣпость пала бы въ срокъ, указанный Шильдеромъ, но при условіи полнаго обложенія Силистріи и веденія дѣла безъ перерыва и съ направленіемъ всей энергіи къ выполненію точно опредѣленной задачи. Однако, насколько все то, что дѣйствительно происходило подъ Силистріей, не соотвѣтствовало этимъ условіямъ.

Широкій полетъ мысли Шильдера былъ скованъ фельдмаршаломъ, Коцебу, а можетъ быть, и другими. Въ чемъ заключались въ полномъ объемѣ предположенія этихъ лицъ въ отношеніи атаки крѣпости, мы не знаемъ, такъ какъ этихъ предположеній, судя по сообщенію князя Горчакова военному министру,

и не было [1]); все сводилось къ желанію завладѣть Арабъ-Табіей, и впервые лишь 31 мая генералъ Коцебу сознался князю Горчакову, что такъ вести осаду грѣшно, и что ее слѣдовало бы вести съ полнымъ напряженіемъ силъ со стороны Абдулъ-Меджида или же совсѣмъ снять [2]). Такимъ образомъ, предложеніе Шильдера сводилось къ взятію крѣпости, предположеніе же фельдмаршала было направлено лишь къ узкой цѣли взятія Арабъ-Табіи, послѣ чего только должны были начать разсуждать о способѣ овладѣнія Силистріей.

Атака Бомарзунда.

Въ этомъ предпочтеніи, отданномъ Паскевичемъ Арабскому форту, можно видѣть выполненіе имъ все той же своей основной мысли—опасенія атаки нашего осаднаго корпуса союзниками, при которой нахожденіе на нашемъ правомъ флангѣ турецкаго форта являлось для насъ опаснымъ.

Генералу Шильдеру пришлось вести осаду, слѣдовательно, по плану, совершенно не сходному съ его предположеніями и, если онъ взялся за это дѣло, то только съ цѣлью вовлечь насъ въ осадныя работы, предполагая, что впослѣдствіи ему удастся направить ихъ соотвѣтственно его предположеніямъ. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Осадныя работы, веденныя безъ общаго

---

[1]) См. выше.
[2]) Дневникъ. Рукопись.

руководства, въ той борьбѣ вліяній и мнѣній, которыя существовали въ главной квартирѣ, не могли итти успѣшно, хотя, благодаря энергіи Шильдера, онѣ были ко времени отъѣзда Паскевича доведены до рва Арабъ-Табіи.

Послѣ отъѣзда фельдмаршала и при извѣстной мягкости характера князя Горчакова распри по поводу веденія осады должны были еще болѣе усилиться. И, дѣйствительно, 1 іюня генералъ Шильдеръ набросалъ черновую записку князю Горчакову, въ которой „почтительнѣйше“ объявлялъ ему свою „личную твердую „волю“, что онъ можетъ продолжать и довести до конца работы по взятію Силистріи, но при выполненіи со стороны главнокомандующаго опредѣленныхъ условій. Къ сожалѣнію, условія, которыя собирался ставить знаменитый инженеръ князю Горчакову, остались для исторіи неизвѣстны, такъ какъ онъ, не докончивъ записки, поѣхалъ въ траншеи, гдѣ и былъ смертельно раненъ [1]). Потерявъ талантливаго инженера, который, при всѣхъ своихъ странностяхъ, былъ отмѣченъ выдающимися дарованіями и силой характера, способной вырвать необходимое ему рѣшеніе, главная квартира лишилась и строптиваго представителя предположеній, не согласныхъ со взглядами ближайшихъ сотрудниковъ князя Горчакова.

Обратимся къ ходу осадныхъ работъ подъ Силистріей. 28 мая, во время производства княземъ Варшавскимъ рекогносцировки, противъ Арабъ-Табіи былъ законченъ переходъ черезъ ровъ, продолжалось коронованіе контръ-эскарпа и выведена минная галерея подъ флангъ бастіона непріятельскаго укрѣпленія.

Въ ночь на 29-е, около четырехъ часовъ утра были произведены послѣдовательно одинъ за другимъ два взрыва, обрушившіе бастіонъ непріятельскаго укрѣпленія. Наружный обвалъ воронки былъ занятъ 12-й ротой Прагскаго полка. Не замѣтивъ внутри укрѣпленія непріятельскихъ войскъ, саперы и рота Прагскаго полка, по собственному почину, двинулись въ укрѣпленіе, въ которомъ къ этому времени турками заканчивалась постройка редюита, о чемъ наши войска не были освѣдомлены. Тогда непріятель, выйдя въ трехъ колоннахъ изъ-за редюита, атаковалъ нашъ маленькій отрядъ, который отошелъ въ воронку, поддержанный остальными ротами 1-го баталіона Прагскаго полка. Къ сожалѣнію, передъ взрывомъ горна прочіе баталіоны этого полка были отведены въ

[1]) Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность“.

заднія траншеи и теперь, благодаря въ особенности глинистой почвѣ и сильному дождю, не успѣли своевременно поддержать своихъ передовыхъ частей. Прибывшій на мѣсто схватки генералъ Бельгардъ направилъ на поддержку прагцевъ баталіонъ Кременчугскаго полка, который находился въ лощинѣ на лѣвомъ флангѣ нашихъ траншей, и бой былъ возстановленъ; воронка осталась въ нашихъ рукахъ, а послѣдовавшая вслѣдъ за этимъ вылазка турокъ была отбита. Смѣлая попытка прагскаго баталіона, произведенная въ то время, когда ближайшія поддержки были отведены далеко назадъ, не принесла пользы дѣлу и стоила намъ 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Турки скрыли отъ своихъ союзниковъ понесенныя ими потери, а самое дѣло было ими представлено, какъ блестящее отбитіе атаки на Арабъ-Табію 16 баталіоновъ русскихъ, которые понесли при этомъ болѣе 2000 человѣкъ потери [1]).

Въ семь часовъ утра турки сдѣлали вылазку противъ праваго фланга нашихъ работъ, но были легко отбиты, и работы по всему фронту атаки продолжались весь день безпрепятственно.

Тѣмъ временемъ контуженный фельдмаршалъ не переставалъ заботиться объ осадѣ Силистріи. 29 мая онъ приказалъ снять съ батарей атаки осадныя орудія, за исключеніемъ 16-ти полупудовыхъ мортиръ, и замѣнить ихъ полевыми орудіями, а вслѣдъ за этимъ снабдилъ генерала Шильдера слѣдующимъ секретнымъ предписаніемъ:

„Есть извѣстіе, что непріятель усиливается подъ Силистріей, „и, можетъ быть, придется снять осаду, чтобы итти къ нему на„встрѣчу. Но, какъ теперь еще обстоятельства не тѣ, чтобы снять „осаду, и продолженіе работъ, собственно противъ нагорнаго „форта, доставитъ ту выгоду, что *непріятель будетъ почитать „себя въ осадномъ положеніи* [2]), то предписываю: 1) Вести дѣло „такъ, чтобы осада могла быть, въ случаѣ надобности, снята въ „самое короткое время, и для сего никакихъ работъ не произво„дить, кромѣ саперныхъ и минныхъ противъ нагорнаго форта. „2) Всѣ излишніе матеріалы и инженерныя принадлежности, кои „не суть необходимы для производства вышеозначенныхъ сапер„ныхъ и минныхъ работъ, въ первомъ пунктѣ поименованныхъ,

---

[1]) Журналы воен. дѣйств. частей, дневникъ ген. Коцебу, и пр.
Le colonel Dieu—au général Canrobert, le 11 juin 1854. Парижскій Архивъ.
War with Russia, p. 173.
Major Nasmyth's nottes.
[2]) Курсивъ подлинника.

„отнести къ осадному инженерному парку, дабы оттуда ихъ можно „было немедленно отвезти за Дунай“ [1]).

При наличіи такихъ приказаній странно звучитъ выраженное Паскевичемъ почти одновременно съ этимъ предписаніемъ въ письмѣ къ Государю удивленіе, что осада идетъ „туго“, и мы и одного форта не взяли! Генералу Шильдеру была предоставлена, такимъ образомъ, лишь свобода въ производствѣ минныхъ работъ, которыя и продолжались безостановочно.

30 мая мы старались препятствовать своимъ сильнымъ огнемъ работамъ турокъ по окончанію редюита, выдвинулись траншеей еще влѣво отъ крайняго редута на 20 саженей, заложили тамъ батарею на 8 орудій и повели изъ колодцевъ, вырытыхъ въ сапѣ, вѣнчавшей контръ-эскарпъ, шесть галлерей, чтобы заложить мины подъ брустверъ самаго укрѣпленія.

Между тѣмъ, видя нашу пассивность, турецкіе отряды, высланные Омеромъ-пашею изъ Шумлы, все болѣе и смѣлѣе приближались къ Силистріи. Такъ, отрядъ Гассана-паши, силою въ 23 баталіона, перешелъ къ Гизенли (Guizenli), будучи смѣненъ на своей первой позиціи Измаиломъ-пашею съ 6-ю баталіонами. Летучая бригада Бейрама-паши, англійскаго офицера на турецкой службѣ, вошла въ связь съ крѣпостью и усилила гарнизонъ ея двумя баталіонами. Всѣ эти передвиженія дѣлались не съ цѣлью заставить насъ снять осаду, что маршалъ С.-Арно считалъ предпріятіемъ, полнымъ случайностей и опасности, а лишь, чтобы отвлечь наше вниманіе и оказать гарнизону моральную и матеріальную поддержку [2]). Въ самой крѣпости, воспрявшей духомъ, работы шли полнымъ ходомъ. Турки для того, чтобы пріостановить нашу атаку противъ Песчанаго укрѣпленія, приступили къ цѣлому ряду контръ-апрошныхъ работъ, вліянію которыхъ они и приписали пріостановку нашей атаки противъ этого укрѣпленія, въ дѣйствительности вызванной вышеприведеннымъ предписаніемъ князя Варшавскаго. Редюитъ въ Арабъ-Табіи былъ совершенно законченъ, и турки начали устройство второго ретраншамента позади Арабскаго форта, такъ что даже послѣ взятія этого форта мы не могли бы, по словамъ полковника Діё, начать атаку главной ограды, а должны были бы атаковать этотъ новый ретраншаментъ [3]). Но гарнизонъ Силистріи

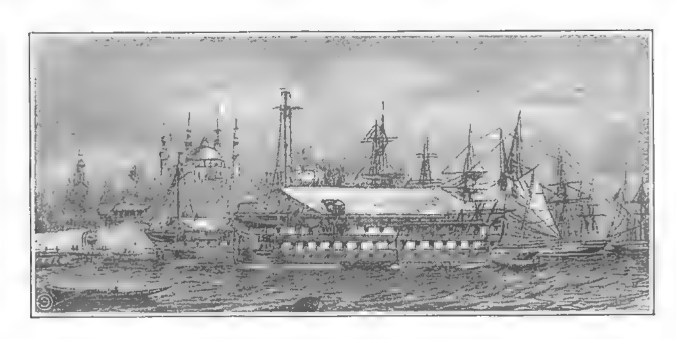
---

[1]) Н. Шильдеръ: „Гр. Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность“.
[2]) Le maréchal de St-Arnaud—au général Canrobert, le 18 juin 1854. Парижскій Архивъ.
[3]) Colonel Dieu—au général Canrobert, les 10 et 15 juin 1854. Парижскій Архивъ.

продолжалъ сильно страдать отъ огня нашихъ батарей съ лѣваго берега рѣки, которыя анфилировали всю восточную половину крѣпостной ограды и передовыхъ фортовъ [1]).

Турки, которые, по словамъ подполковника Тотлебена [2]), начали немного зазнаваться, съ 1 іюня ежедневно производили вылазки противъ той или другой части осадныхъ работъ, но всегда были съ успѣхомъ отбиваемы, и работы шли своимъ порядкомъ. На ночь большая часть непріятельскаго гарнизона выводилась изъ крѣпости и располагалась ближе къ передовымъ фортамъ въ ожиданіи нашей атаки.

4 іюня нами былъ за вѣнчаніемъ контръ-эскарпа Арабскаго форта устроенъ траншейный кавальеръ для дѣйствія по внутренности непріятельскаго укрѣпленія, а на слѣдующій день минныя галлереи были закончены, и кавальеръ доведенъ до должной высоты, такъ что открывалъ внутренность непріятельскаго укрѣпленія. Въ половинѣ шестого вечера 7 іюня нами были взорваны мины, заложенныя подъ брустверъ Арабъ-Табіи. Вслѣдъ за взрывомъ былъ открытъ огонь со всѣхъ нашихъ батарей, устроенныхъ въ траншеяхъ, на лѣвомъ берегу Дуная и на островахъ; огонь продолжался полтора часа и заставилъ замолчать непріятельскія батареи. Взрывомъ была обрушена значительная часть бруствера, доставившая возможность нашимъ батареямъ лѣваго фланга дѣйствовать по внутренности непріятельскаго укрѣпленія. На разсвѣтѣ этотъ обвалъ былъ занятъ нашими войсками и коронованъ турами.



Содержаніе на понтонахъ русскихъ плѣнныхъ.

---

[1]) Le général Canrobert — au maréchal de St-Arnaud, le 18 juin 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Послѣ раны Шильдера Тотлебенъ почти самостоятельно руководилъ работами на лѣвомъ флангѣ, хотя завѣдываніе всѣми инженерными работами было возложено на генерала Бухмейера.

У союзниковъ, несмотря на побѣдныя донесенія изъ Силистріи, положеніе этой крѣпости все-таки вызывало серьезныя опасенія. С.-Арно полагалъ, что она должна будетъ пасть въ самомъ скоромъ времени, если союзныя войска не будутъ въ состояніи своевременно двинуться впередъ. Омеръ-паша предполагалъ, съ цѣлью оттянуть паденіе Силистріи, начать наступленіе противъ русской арміи съ сильнымъ отрядомъ, но не для атаки насъ, что признавалось рискованнымъ, а лишь съ цѣлью демонстрировать и, отвлекая вниманіе князя Горчакова, облегчить положеніе крѣпости. Однако, турецкій генералиссимусъ опасался пододвинуться близко къ Силистріи только со своими войсками и просилъ даже при этомъ демонстративномъ движеніи поддержки у союзниковъ, которые должны были выдвинуть свой отрядъ къ Базарджику и этимъ обезпечить правый флангъ турокъ. Маршалу С.-Арно нельзя уже было болѣе утѣшать своего турецкаго товарища той „моральной" поддержкой, которая ему оказывалась до того времени сосредоточеніемъ союзныхъ авангардовъ въ Варнѣ, и онъ рѣшилъ выдвинуть къ Базарджику дивизію Канробера [1]). Но Омеръ-паша, получивъ свѣдѣніе, что русская армія подъ Силистріей достигаетъ 70 тысячъ, призналъ производство задуманной демонстраціи рискованнымъ, рѣшилъ ограничиться лишь дѣйствіемъ высланныхъ уже впередъ отрядовъ, и движеніе дивизіи Канробера къ Базарджику было отмѣнено [2]).

Высланные къ Силистріи изъ-подъ Шумлы непріятельскіе отряды искусно пользовались отсутствіемъ обложенія крѣпости и продолжали снабжать ее продовольствіемъ и подкрѣпленіями.

Турецкій генералиссимусъ уже послѣ снятія осады сообщалъ маршалу С.-Арно, что принятый имъ способъ безпокоить русскую армію подъ Силистріей высылкой летучихъ отрядовъ изъ 3-4 кавалерійскихъ полковъ съ артиллеріей и нѣсколькими баталіонами далъ отличные результаты и подкрѣпленія въ крѣпость проходили, не будучи ни разу атакованы русскими войсками [3]).

Необходимость полнаго обложенія сознавалась въ нашей главной квартирѣ все болѣе и болѣе, но къ этой необходимой мѣрѣ у насъ не рѣшались приступить и послѣ сдачи Паскевичемъ командованія арміей. Принимались лишь полумѣры, въ видѣ

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud—au général Canrobert, le 18 juin 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Le colonel Desaint—au général Canrobert. Choumla, le 22 juin 1854. Парижскій Архивъ.

[3]) Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 1 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

высылки на дорогу изъ Шумлы въ Силистрію особыхъ отрядовъ, которые, стѣсненные подробными инструкціями и связанные въ своихъ дѣйствіяхъ, не могли прекратить сообщенія крѣпости съ Шумлой.

Кромѣ отряда генерала Хрулева, выдвинутаго, какъ извѣстно, къ верховью Алмалуйскаго оврага, 1 іюня былъ сформированъ особый отрядъ генерала Павлова, силою въ 14 батал., 16 эск., 5 сот. и 38 орудій, которому было приказано расположиться у д. Калапетри, поддерживать связь съ отрядомъ генерала Хрулева, наблюдать всѣ пути отъ Шумлы и стараться отрѣзать транспорты, идущіе къ Силистріи. Но турки, выставивъ западнѣе отряда генерала Павлова заслоны, продолжали, подъ ихъ прикрытіемъ, свободно сообщаться съ крѣпостью.

Въ настоящее время является непонятнымъ и страннымъ, какимъ образомъ возможно было допустить, что 16 эскадроновъ и 5 сотенъ, опиравшіеся у Калапетри на 14 баталіоновъ и 38 орудій, могли дозволить свободное сообщеніе турокъ съ крѣпостью? Обстоятельство это можно объяснить отсутствіемъ широкаго размаха въ кавалерійской развѣдкѣ и въ направленіи ея на югъ, а не на западъ; любимымъ мѣстомъ высылки нашихъ разъѣздовъ было с. Афлоторъ, какъ будто бы къ югу, а въ особенности къ западу отъ него кончался весь міръ. Хотя обученіе нашей кавалеріи тѣхъ временъ и было болѣе направлено къ нанесенію ударовъ массой, а полевая служба была вообще въ упадкѣ, но трудно предположить, чтобы здравый смыслъ не указалъ необходимости расширить зону развѣдки и наблюденія. Полагаемъ, что причину такого явленія слѣдуетъ искать въ другомъ. Страхъ Паскевича передъ ожидаемымъ наступленіемъ всей союзной арміи изъ Шумлы былъ такъ великъ, такъ открыто высказывался и постоянно напоминался, что имъ были загипнотизированы чуть ли не всѣ начальники, которые обращали исключительное вниманіе на то, какъ бы не пропустить наступающихъ союзниковъ и не быть разбитыми отдѣльно, а до остального имъ было мало дѣла. Если прибавить къ этому страхъ, который всѣ начальники, не исключая и князя Горчакова, питали къ грозному фельдмаршалу, и строгая кара, грозившая съ его стороны за самостоятельное рѣшеніе, то картина будетъ ясна. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ слѣдующую выдержку изъ журнала военныхъ дѣйствій: „2 іюня, въ семь часовъ вечера противъ отряда генералъ-„лейтенанта Павлова показались двѣ кавалерійскія колонны. Отрядъ

„немедленно сталъ въ ружье; колонны отошли въ крѣпость“. И только! Отрядъ, силою почти въ дивизію пѣхоты и дивизію кавалеріи, высланный развѣдывать и отрѣзывать транспорты, при видѣ кавалерійскихъ колоннъ думаетъ лишь объ оборонѣ, а между тѣмъ подъ прикрытіемъ этихъ колоннъ турки провезли въ крѣпость запасы и подкрѣпленія. Конвоировало эти запасы всего три баталіона и два кавалерійскіе полка [1]).

3 іюня отрядъ генерала Павлова былъ возвращенъ въ главный лагерь, не принеся никакой пользы. Но такъ какъ въ главной квартирѣ были получены свѣдѣнія о передвиженіи войскъ между Силистріей и Рущукомъ, то въ этотъ же день былъ сформированъ новый отрядъ, подъ начальствомъ князя Бебутова, силою въ 10 батал., 16 эск., полка казаковъ и 32 орудій, который предназначался для прекращенія сообщеній между Силистріей, Рущукомъ и Шумлой. Князь Бебутовъ былъ снабженъ предписаніемъ князя Горчакова въ обычномъ духѣ, связывавшемъ осмысленное рѣшеніе задачи и на много умалявшемъ пользу предпринятой мѣры. Въ предписаніяхъ князя Горчакова не было, какъ уже неоднократно говорилось, краткаго изложенія обстановки и задачи, а было видно стараніе все предусмотрѣть и издали руководить отрядомъ во всѣхъ мелочахъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, князю Бебутову указывалось 4-го числа выступить на Калапетри, переночевать у Войдемира или гдѣ-либо поблизости и на слѣдующій день направиться черезъ Казымиръ къ Бобуку, впереди котораго оставаться до полученія приказанія. Отряду было предписано бдительно наблюдать за происходившимъ вокругъ крѣпости, развѣдывать и заблаговременно открывать слѣдованіе войскъ и транспортовъ со стороны Шумлы, при чемъ разрѣшалось атаковать незначительныя части противника и не вдаваться въ бой съ превосходными силами. Это послѣднее предостереженіе проходило красной нитью по всему предписанію и должно было связать руки исполнителю. Князь Горчаковъ рекомендовалъ даже избѣгать частныхъ схватокъ, въ особенности кавалерійскихъ, и держать этотъ родъ оружія за второй линіей пѣхоты [2]). Трудно было при такихъ условіяхъ раскрыть и помѣшать сообщенію Омера-паши съ крѣпостью, которое этотъ

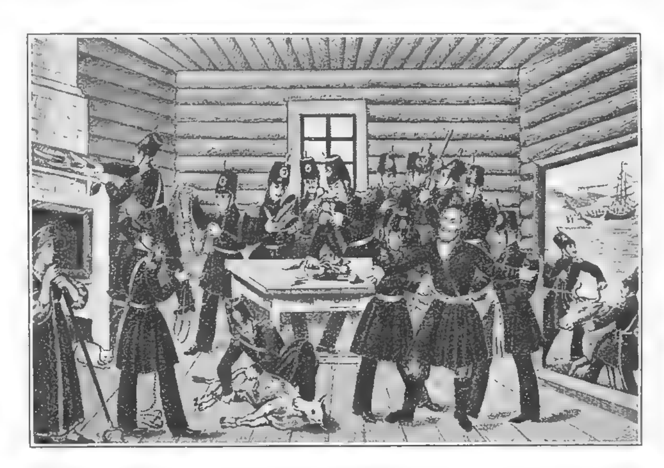
---

[1]) Le colonel Desaint—au général Canrobert, le 22 juin 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Кн. Горчаковъ—кн. Бебутову 3 іюня 1854 г., № 1798. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3430.

послѣдній организовалъ какъ будто нарочно способомъ, парализовавшимъ активныя дѣйствія князя Бебутова. Но Бебутовъ не побоялся атаковать встрѣченные у Бабу и Войдемира турецкіе отряды и этимъ временно прекратилъ сообщеніе крѣпости съ войсками Омера-паши.

Въ то время, какъ осадныя работы противъ Арабъ-Табіи приближались понемногу къ концу, главные руководители нашихъ операцій на Дунаѣ переживали смутное время нерѣшительности относительно того, какъ быть дальше съ Силистріей. Давно готовое въ головѣ фельдмаршала рѣшеніе снять осаду не могло быть легко приведено въ исполненіе, въ виду категорически высказанной воли Государя, и теперь къ выполненію этого рѣшенія приходилось подходить съ другой стороны. Начался періодъ совѣтовъ, высказыванія и собиранія мнѣній относительно дальнѣйшихъ дѣйствій подъ Силистріей, чтобы на нихъ уже основать новое представленіе Государю о необходимости отвести армію за Дунай. Въ теченіе мая мѣсяца случалось какъ-то такъ, что одновременно съ личнымъ письмомъ Паскевича Государю князь Горчаковъ писалъ по тому же предмету подробное письмо военному министру, вполнѣ солидарное со взглядами фельдмаршала, а этотъ послѣдній присовокуплялъ въ своемъ письмѣ Государю, что вполнѣ раздѣляетъ взгляды Горчакова. Такимъ образомъ давленіе на Государя шло уже съ двухъ сторонъ. Однако, и это не воздѣйствовало. Князь Варшавскій пожелалъ узнать мнѣніе, продолжать ли осаду Силистріи, и отъ генералъ-адъютанта Лидерса. Было ли это слѣдствіемъ растерянности стараго фельдмаршала, вызванной неуспѣшными дѣйствіями, или же Паскевичъ предполагалъ подтвердить свои доводы передъ Государемъ и мнѣніемъ такого авторитетнаго лица, какъ Лидерсъ,—сказать трудно. Генералъ Лидерсъ рѣшительно высказался противъ



Союзники на Балтійскомъ побережьѣ.

снятія осады, находя это во всѣхъ отношеніяхъ не выгоднымъ. „Употребивъ болѣе двадцати дней для осадныхъ работъ“, писалъ онъ, „и понеся уже довольно значительную потерю, прискорбно „было бы не извлечь изъ сего никакого результата“. Такъ какъ для завладѣнія Арабскимъ фортомъ оставалось сдѣлать немного усилій, то Лидерсъ полагалъ, что дальнѣйшая атака главной ограды не займетъ такъ много времени. Онъ считалъ достаточнымъ одной дивизіи для продолженія осады и полагалъ, что мы смѣло можемъ встрѣтить армію Омера-паши, или же своевременно, при надлежащемъ развѣдываніи, отступить, если бы противъ насъ наступали превосходныя силы всей коалиціи. „Въ настоящее же „время“, кончалъ генералъ Лидерсъ свою записку, „остальныя „наши силы настолько внушительны, что, пользуясь бездѣйствіемъ „непріятеля, можно принять самыя рѣшительныя мѣры къ ускоренію осады, имѣя тѣмъ болѣе въ виду усиливающуюся сложность политическихъ обстоятельствъ“ [1]).

Эта записка не произвела впечатлѣнія въ главной квартирѣ, и 30 мая Горчаковъ писалъ военному министру письмо, полное самыхъ мрачныхъ мыслей.

Авторъ письма находилъ, что дѣла подъ Силистріей идутъ плохо. Турки, окрыленные успѣхомъ, оспариваютъ шагъ за шагомъ нашу атаку на форты Арабскій и Песчаный. Кромѣ того, въ складкахъ мѣстности близъ этихъ фортовъ держатся всегда наготовѣ 7-8 тысячъ войскъ, которыхъ атаковать намъ нельзя даже въ случаѣ занятія Арабъ-Табіи, такъ какъ наши войска попадутъ подъ перекрестный огонь сосѣднихъ фортовъ и вновь устроенныхъ турками укрѣпленій второй линіи. Это, по словамъ Горчакова, заставляло насъ приближаться къ крѣпости весьма медленно (pour ainsi dire à pas de taupe). Но такой медленной атакѣ должно было помѣшать наступленіе 120 тысячъ союзниковъ, которое князь Горчаковъ ожидалъ не позднѣе какъ черезъ двѣ недѣли. Онъ полагалъ, что маршалъ С.-Арно будетъ наступать двумя массами: изъ Шумлы, для атаки нашей арміи, и черезъ Базарджикъ, чтобы отрѣзать насъ отъ мостовъ. Такое положеніе вещей, кончалъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, заставляетъ сильно призадуматься [2]).

---

[1]) Записка ген.-ад. Лидерса, представленная кн. Варшавскому 29 мая 1854 г.

[2]) Кн. Горчаковъ — кн. Долгорукову 30 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 52.

На слѣдующій день князь Горчаковъ занялся болѣе опредѣленнымъ изложеніемъ военному министру положенія вещей и своихъ мыслей о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. 1 Іюня фельдъегерь повезъ въ Петербургъ цѣлую серію внушительныхъ представленій. Здѣсь были всеподданнѣйшія письма Паскевича и Горчакова, записка этого послѣдняго и частное его письмо къ военному министру.

Повергая передъ Государемъ по случаю новаго своего вступленія въ командованіе войсками чувства самоотверженія арміи, съ которыми она ожидала предстоявшую ей борьбу, князь Горчаковъ присовокуплялъ, что обстоятельства этой борьбы въ высшей степени важны, и мысли свои, какъ поступить въ данныхъ обстоятельствахъ, онъ повергалъ черезъ военнаго министра на усмотрѣніе Государя [1]).

Въ своей запискѣ князь Михаилъ Дмитріевичъ исходилъ изъ того фальшиваго предположенія, что союзники предполагаютъ въ самомъ непродолжительномъ времени двинуться противъ насъ отъ Шумлы, въ числѣ 120-150 тысячъ человѣкъ, которымъ мы можемъ противопоставить лишь 70 баталіоновъ и 68 эскадроновъ. Указывая далѣе на незначительность выгодъ, которыя намъ предоставитъ взятіе крѣпости, а именно отвлеченіе этимъ союзниковъ отъ всякихъ предпріятій при помощи десантовъ, чему Государь, кстати, еще не вѣрилъ, и воздѣйствіе на христіанскія племена, что, какъ въ то время уже выяснилось, не могло заставить ихъ взяться за оружіе, авторъ переходилъ къ изложенію своего плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ сводился къ продолженію осады Силистріи до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено положительнаго свѣдѣнія о томъ, что очень большія непріятельскія силы идутъ на насъ; въ такомъ случаѣ онъ полагалъ снять осаду и приготовиться къ дѣйствію въ полѣ. Если непріятель пойдетъ на насъ вразбродъ, то бить его по частямъ и потомъ вновь осадить Силистрію; но если бы союзники „совокупно и благоразумно“ вознамѣривались насъ атаковать превосходными силами, то перейти на лѣвый берегъ рѣки и отражать всѣ попытки противника къ переправѣ. Когда же непріятель будетъ ослабленъ подобными дѣйствіями, то снова перейти въ наступленіе, взять Силистрію и Рущукъ и зимовать въ западной Болгаріи. Князь Горчаковъ полагалъ, что тогда нашъ успѣхъ надъ союзниками воздѣйствуетъ

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 1 (13) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г., секр. д. № 88.

на славянъ, и возстаніе ихъ разовьется съ большей силой, совершенно забывая, что нѣсколько строкъ выше онъ писалъ, что славянскія племена „вовсе не показываютъ готовности серьезно „взяться за оружіе“. Наконецъ, въ случаѣ войны и съ Австріей князь Михаилъ Дмитріевичъ полагалъ перейти на лѣвый берегъ Дуная и отбиваться во всѣ стороны двумя или тремя массами, а гдѣ невозможно будетъ одолѣть врага, тамъ съ честью умирать [1]).

Этотъ планъ, въ которомъ на снятіе осады Силистріи и на переходъ арміи на лѣвый берегъ рѣки указывалось, какъ на крайнее средство, когда обстановка сдѣлаетъ для насъ невозможнымъ дальнѣйшую атаку крѣпости, вполнѣ соотвѣтствовалъ, какъ мы знаемъ, и взглядамъ Государя; немудрено поэтому, что Императоръ Николай на немъ написалъ: „Я совершенно согласенъ „на этотъ планъ, близкій къ моему начертанію“. Но къ запискѣ было приложено частное письмо князя Горчакова къ военному министру, общій тонъ котораго нѣсколько расходился съ запиской, и въ немъ сильно проглядывало тяготѣніе автора на лѣвый берегъ Дуная [2]).

Одновременно съ княземъ Горчаковымъ писалъ въ Петербургъ и князь Варшавскій. „Совершенно раздѣляя мнѣніе“ князя Михаила Дмитріевича, Паскевичъ выражалъ Государю свое убѣжденіе, что при наступленіи непріятеля въ превосходныхъ и соединенныхъ силахъ было бы для насъ пагубно принять сраженіе на правомъ берегу рѣки. „А между тѣмъ“, присовокуплялъ Паскевичъ, „князь Горчаковъ не смѣетъ перейти рѣку даже, „когда это будетъ совершенно необходимо для спасенія арміи. „Можетъ быть, еще время будетъ дать ему сіе разрѣшеніе, если „то благоугодно Вашему Императорскому Величеству“ [3]).

Въ тотъ же самый день Государь писалъ князю Варшавскому. Императоръ Николай находился въ тревожномъ настроеніи. Только-что полученныя извѣстія о несчастномъ дѣлѣ Карамзина и Сельванскомъ штурмѣ, а также о сдѣланномъ Австріей предложеніи очистить Княжества посодѣйствовали фельдмаршалу получить, наконецъ, отъ Государя условное разрѣшеніе снять осаду Силистріи, о которомъ вслѣдъ за этимъ такъ сожалѣлъ Императоръ Николай и которымъ поспѣшилъ воспользоваться фельдмаршалъ, не безъ основанія боясь могущей быть отмѣны.

---

[1]) Приложеніе № 172.

[2]) Приложеніе № 173.

[3]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 1 (13) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

„Австрія принимаетъ рѣшительно враждебныя мѣры“, писалъ Государь [1]), „и доселѣ удерживается только еще отказомъ короля „Прусскаго на предложеніе намъ безусловныхъ уступокъ. Онъ „требуетъ, чтобы были взаимныя предложенія и противникамъ „нашимъ.

„Итакъ, настало время готовиться бороться уже не съ „турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія про-„тивъ вѣроломной Австріи и горько наказать за безстыдную „неблагодарность. Сейчасъ получилъ донесеніе, что австрійцы „будутъ готовы не раньше „1/13 іюля...

Сдача англійской барки у Гамбе-Карлебю.

„Ежели до полученія „сего письма Силистрія не „будетъ еще взята или со-„вершенно нельзя будетъ „опредѣлить, когда взята „будетъ, думаю, что осто-„рожность требуетъ снять „осаду“...

Государь предполагалъ въ такомъ случаѣ оставить противъ Силистріи, на лѣвомъ берегу рѣки, для охраненія нашего тыла и фланга генерала Лидерса съ полутора дивизіями пѣхоты и необходимой кавалеріей, а остальныя войска сосредоточить на лѣвомъ берегу рѣки, выше Силистріи, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ событій. „Ежели война съ австрійцами будетъ неизбѣжна“, писалъ Государь, „ты въ совокупности силъ своихъ найдешь возможность „и случай пріобрѣсть новую неувядаемую славу, горько наказавъ вѣроломныхъ и неблагодарныхъ подлецовъ“.

Свое письмо Государь кончалъ успокоеніемъ Паскевича на счетъ союзниковъ, положеніе которыхъ не позволяло имъ скоро появиться на берегахъ Дуная [2]).

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 1 (13) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г., секр. д. № 9.

[2]) Изъ дневника кн. П. П. Гагарина: „Le 19 juin 1854. On dit que l'ordre de lever „le siège de Silistrie a été expédié et que l'on regarde la campagne de cette année comme „perdue, en en reportant le tout sur le maréchal. Quel triste présage pour la conclusion de la paix! „Que de sacrifices il faudra faire pour l'obtenir! et quelle honte pour une puissance comme „la Russie de se voir dans l'impossibilité d'aboutir“. Собственная Его Величества библіотека. Рукоп. отд. Императора Александра II, № 90.

На условное согласіе Императора Николая снять осаду Силистріи воздѣйствовала, такимъ образомъ, исключительно рѣшительная угроза Австріи и желаніе обратить всю силу своего оружія противъ этого коварнаго, облагодѣтельствованнаго врага. И уже въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Государь поставилъ предѣлъ данному имъ условному согласію. „Снять осаду“, писалъ онъ, „будетъ нужно, думаю, ежели не будетъ уже никакой надежды „скоро овладѣть, а непріятель будетъ близокъ и въ силахъ“ [1]). Въ этомъ же письмѣ Государь настойчиво указывалъ Паскевичу уѣхать лѣчиться подальше отъ арміи, въ Кіевъ или Гомель, находя, что „нѣтъ удобства больнымъ оставаться среди военныхъ дѣй„ствій и озабоченнымъ всѣмъ, что происходитъ“ [2]).

Но участь Силистріи, какъ и слѣдовало ожидать, была рѣшена фельдмаршаломъ до полученія послѣдняго письма Императора Николая.

IV.

Наши осадныя работы противъ Арабъ-Табіи дошли послѣ взрыва минъ 7 числа до своего предѣла. Оставалось приступить къ финальному акту осады—занятію укрѣпленія открытой силой. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что турки почти что не держали войскъ въ самомъ форту, а сосредоточили большія массы резервовъ вблизи, за складками мѣстности. Атака открытой силой Арабъ-Табіи и Песчанаго въ принципѣ и была рѣшена, но, къ несчастью, 7-е число пришлось въ понедѣльникъ, и атаку рѣшили отложить на ночь съ 8 на 9 іюня [3]).

На этотъ разъ подготовленія къ штурму были сдѣланы во всѣхъ подробностяхъ, и успѣхъ дѣла былъ по мѣрѣ силъ обезпеченъ.

Песчаный фортъ долженъ былъ атаковать генералъ Заливкинъ съ Забалканскимъ полкомъ, имѣя въ частномъ резервѣ Брянскій егерскій полкъ; Арабъ-Табію, генералъ Веселитскій съ Замосцскимъ

---

[1]) Императоръ Николай—кн. Варшавскому 6 (18) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9. См. Приложеніе № 174.

[2]) Изъ дневника кн. П. П. Гагарина: „Le 18 juin 1854. On dit aussi qu'on a conseillé „au maréchal de soigner sa santé en se retirant à Varsovie, Pétersbourg ou Hommel. Est-ce vrai? „L'armée, dit-on, n'en pouvait plus. Les généraux les plus haut placés étaient exposés à de gros„sières injures. Quelle triste chose de se survivre“. Собственная Его Величества библіотека.

[3]) Дневникъ Коцебу.

полкомъ, имѣя въ частномъ резервѣ Люблинскій егерскій полкъ. Траншеи въ промежуткѣ между обоими фортами предназначался атаковать Камчатскій полкъ. Въ общій резервъ назначались Полтавскій, Прагскій и егерскій князя Варшавскаго полки. Общее начальство надъ всѣми войсками, предназначенными для атаки, ввѣрялось генералу Бельгарду.

Къ каждой атакующей колоннѣ присоединялись саперы и по взводу стрѣлковъ для приспособленія къ оборонѣ и занятія взятыхъ непріятельскихъ укрѣпленій, а также команды охотниковъ, вызванныхъ изъ полковъ, предназначенныхъ для атаки.

Войскамъ надлежало прибыть на сборные пункты къ часу пополуночи и начать атаку на разсвѣтѣ по сигналу, данному съ одной изъ батарей букетомъ ракетъ. По этому сигналу Забалканскій полкъ атакуетъ Песчаное укрѣпленіе съ фронта и тыла, Камчатскій— промежуточныя траншеи, послѣ чего, взойдя на гору, заходитъ правымъ плечомъ, чтобы взять въ тылъ Арабское укрѣпленіе, которое съ фронта атакуетъ Замосцскій полкъ. По овладѣніи этими укрѣпленіями, войска останавливаются и стараются въ нихъ укрѣпиться.

Полки, предназначенные для атаки, принимаютъ слѣдующее построеніе: впереди охотники съ лѣстницами, непосредственно за ними одинъ баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ, при чемъ двѣ роты идутъ впереди, а другія двѣ поддерживаютъ ихъ; за ними въ частномъ резервѣ—второй баталіонъ, за которымъ въ общемъ полковомъ резервѣ остальные два баталіона въ полувзводныхъ колоннахъ изъ середины.

Начальникамъ приказано было собрать офицеровъ и дать имъ подробныя словесныя указанія. Войскамъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ и отнюдь не стрѣлять; на „ура“ бросаться не далѣе, какъ съ 50-ти шаговъ. Слѣдовало избѣгать слишкомъ большого скопленія войскъ на атакованныхъ пунктахъ, поэтому частные резервы должны были слѣдовать въ разстояніи 200 шаговъ, а полки второй линіи вводить въ дѣло лишь въ крайности. Люди были предупреждены, что такъ какъ укрѣпленія рѣшено взять во что бы то ни стало, то сигнала „отбой“ не будетъ, и ему не вѣрить.

Для развлеченія вниманія непріятеля должны были одновременно съ атакою, т.-е. на разсвѣтѣ, начать демонстративное наступленіе также отряды генераловъ Хрулева и князя Бебутова, первый—по лощинѣ между Арабъ-Табіей и Абдулъ-Меджидомъ и

второй—противъ этого послѣдняго. Кромѣ того, генералъ Хрулевъ долженъ былъ ночью выстроить и вооружить на лѣвомъ флангѣ атаки батарею на 12 орудій для обстрѣливанія тыла ложементовъ и резервовъ, расположенныхъ въ оврагѣ за Арабъ-Табіей.

Въ теченіе 8 іюня атака должна была быть подготовленной дѣйствіями всѣхъ нашихъ батарей, для чего въ траншеи вновь было ввезено нѣсколько осадныхъ орудій [1]).

Однако, на этотъ разъ штурму не суждено было состояться. Генералъ-адъютантъ Коцебу описываетъ въ своемъ дневникѣ день, предшествовавшій штурму, слѣдующимъ образомъ [2]):

„8 іюня. У насъ много работы съ приготовленіями къ атакѣ. „Всѣ въ хорошемъ расположеніи духа и полны надеждъ. Диспо- „зиція хорошо составлена, и сомнѣваться въ удачѣ нельзя. Помо- „лившись, я въ девять часовъ поѣхалъ въ траншеи, чтобы тамъ „провести ночь. Горчаковъ былъ тамъ же; онъ былъ сильно оза- „боченъ и былъ единственный въ арміи, который сомнѣвался въ „успѣхѣ. Въ часъ войска должны были начать движеніе съ тѣмъ, „чтобы съ разсвѣтомъ начать атаку. Мы немного прилегли въ „палаткѣ Бельгарда, но заснуть не могли. Вдругъ слышенъ шумъ. „Прибылъ адъютантъ фельдмаршала съ бумагами—приказомъ снять „осаду крѣпости и отступить за Дунай! Значитъ, судьба поло- „жила иначе. Фельдмаршалъ убѣжденъ, что Австрія намъ объявитъ „войну и атакуетъ насъ съ тыла. Призракъ, который парализуетъ „наши дѣйствія“.

Войскамъ разосланы были приказанія вернуться въ лагерь. Надо было видѣть, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ [3]), и слышать въ ту минуту солдата. Явное негодованіе за обманутыя надежды громко высказывалось въ ихъ рядахъ.

Чѣмъ же было вызвано такое экстренное приказаніе о снятіи осады? 6 іюня фельдмаршалъ получилъ письмо Государя отъ 1 іюня съ условнымъ согласіемъ на снятіе осады и въ ту же минуту отправилъ со своимъ адъютантомъ, графомъ Протасовымъ, слѣдующее предписаніе князю Горчакову [4]):

---

[1]) Кн. Горчаковъ—кн. Варшавскому 9 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., д. № 38.

Диспозиція съ 8 на 9 іюня. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3430.

Кн. Горчаковъ—кн. Бебутову 8 іюня 1854 г., № 154. Тамъ же.

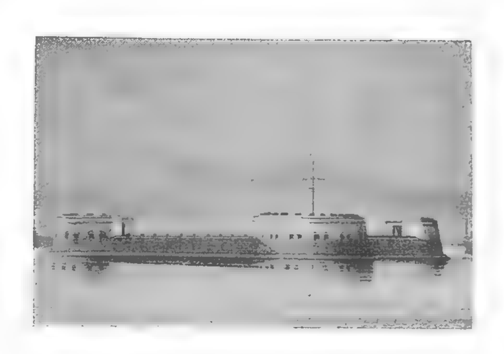
[2]) Рукопись.

[3]) Записки П. К. Менькова.

[4]) Кн. Варшавскій—кн. Горчакову 6 іюня 1854 г., № 548/77, г. Яссы. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

„Государь Императоръ въ собственноручномъ письмѣ отъ „1 (13) іюня, въ копіи при семъ для вашего собственнаго свѣ-„дѣнія прилагаемомъ, Высочайше разрѣшить соизволилъ снять „осаду Силистріи, ежели до полученія письма Силистрія *не бу-„детъ еще взята* [1]), или совершенно нельзя будетъ опредѣлить, „когда взята будетъ.

„А какъ по донесеніямъ вашимъ видно, что Силистрія еще „не взята, и времени, когда она взята будетъ, совершенно опре-„дѣлить невозможно; какъ при томъ, по свѣдѣніямъ на мѣстѣ „полученнымъ, можно съ достовѣрностью полагать, что австрійцы „будутъ готовы начать дѣйствія „между 1 и 4 іюля новаго стиля, „слѣдовательно, восемью днями „ранѣе; какъ, между тѣмъ, фран-„цузы и англичане, соединясь „съ турками, могутъ, по вашимъ „свѣдѣніямъ, въ числѣ 100 тысячъ „прійти на помощь Силистріи; „какъ при сихъ обстоятельствахъ „вы сами въ письмѣ къ воен-„ному министру признаете не-„обходимымъ снять осаду Сили-„стріи, то, по всѣмъ симъ соображеніямъ, я съ своей стороны „рѣшительно полагаю осаду Силистріи, не теряя времени, снять, „а войска наши перевести на лѣвый берегъ Дуная“.



Фортъ Петра I въ Кронштадтѣ.

Предписаніе знаменательное, которое показываетъ, что князь Варшавскій ясно понялъ, предпринимая столь важное рѣшеніе, что условное согласіе Государя надо надлежащимъ образомъ мотивировать, и большая часть этихъ мотивовъ легла на послушную голову князя Горчакова. Невольно вспоминаются при этомъ справедливыя, но, къ сожалѣнію, запоздавшія слова позднѣйшаго письма Государя, въ которомъ онъ рекомендовалъ фельдмаршалу уѣхать лѣчиться въ Кіевъ или Гомель, находя, что „нѣтъ удоб-„ства больнымъ оставаться среди военныхъ дѣйствій“.

Какъ самое предписаніе, такъ и обстановка, въ которой оно было получено, давали возможность начальнику рѣшительному, вѣрившему въ пользу того, что онъ предпринимаетъ, довести дѣло до конца. Но весь складъ характера князя Горчакова и

[1]) Курсивъ подлинника.

полное его подчиненіе волѣ Паскевича дѣлали такую рѣшительность невозможной, и фельдмаршалъ могъ быть увѣреннымъ въ неукоснительномъ исполненіи его предписанія. „Наши желанія „исполняются, любезный и почтенный князь Михайло Дмитріе-„вичъ“, писалъ фельдмаршалъ въ частной запискѣ князю Горчакову [1]). „Дай Богъ, чтобы въ это время васъ не застала атака „отъ турокъ, французовъ и прочихъ. Кажется, что дѣла попра-„вляются“. Князь Горчаковъ отмѣнилъ штурмъ, желая избѣжать напраснаго пролитія крови и не имѣя возможности точно опредѣлить время паденія крѣпости [2]).

Такъ сложились событія, которыя заставили отмѣнить начинавшійся уже штурмъ турецкихъ фортовъ. Случайное обстоятельство—понедѣльникъ, приходившійся на 7 іюня, далъ время прійти роковому предписанію фельдмаршала до утвержденія нашихъ знаменъ на Арабъ-Табіи. А кто знаетъ, можетъ быть, этотъ успѣхъ окрылилъ бы духомъ рѣшимости князя Горчакова, и онъ, можетъ быть, совершенно иначе взглянулъ бы на повелѣніе князя Варшавскаго. Обладаніе же Силистріей могло перевернуть весь ходъ кампаніи, отвлекши вниманіе союзниковъ отъ Крымскихъ береговъ на берега Дуная и заставивъ Австрію перенести центръ тяжести своихъ корыстныхъ вождѣленій отъ соглашенія съ западными державами на соглашеніе съ Россіей.

Вѣдь наступленіе стотысячной союзной арміи являлось только слѣдствіемъ болѣзненнаго воображенія фельдмаршала, а въ дѣйствительности, въ виду полной неготовности англо-французовъ, иниціатива и въ этотъ періодъ кампаніи попрежнему, какъ было и въ мартѣ мѣсяцѣ, оставалась въ нашихъ рукахъ. Вмѣсто ожидаемаго княземъ Горчаковымъ наступленія къ Силистріи 100 тысячъ союзниковъ, только одинъ Омеръ-паша предполагалъ двинуть туда 12 іюня $6^1/_2$ баталіоновъ, 4 кавалерійскихъ полка и 3 батареи [3]).

„Горько отступать передъ непріятелемъ“, всеподданнѣйше доносилъ князь Горчаковъ, начиная отходъ за Дунай [4]), „кото-„раго войска ваши съ толикою радостью встрѣтили бы въ полѣ. „Надѣюсь, что эта тяжкая операція исполнится благополучно.

---

[1]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 6 іюня 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

[2]) Кн. Горчаковъ — кн. Варшавскому 9 іюня 1854 г., № 156. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., д. № 38.

[3]) Le colonel Dieu—au général Canrobert le 24 (12) juin 1854. Парижскій Архивъ.

[4]) Всепод. письмо кн. Горчакова 9 (21) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 88.

„Европейцы наврядъ ли поспѣютъ, чтобы ей помѣшать, но опа-„саюсь, что Омеръ-паша придетъ—не прямо на меня, а къ Си-„листріи и выждетъ для атаки то время, когда у меня будетъ на „правомъ берегу Дуная одинъ аріергардъ. Уповаю на Бога; Онъ „будетъ намъ покровительствовать въ столь правомъ дѣлѣ вашемъ „и накажетъ неистовыхъ враговъ вашихъ, особенно Австрійскаго „Императора, о гнусной неблагодарности котораго не могу мыс-„лить, не чувствуя волненія въ крови".

Князь Варшавскій ограничился лишь сухимъ донесеніемъ объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія о снятіи осады, но въ своемъ письмѣ военному министру выражалъ искреннее удовольствіе, что повелѣніе объ отходѣ отъ Силистріи пришло до штурма, и этимъ было предупреждено безцѣльное пролитіе крови [1]).

На Государя описываемыя событія произвели тяжелое впечатлѣніе. „Нельзя не жалѣть о снятіи осады Силистріи, сколь „она не вынуждена была замыслами Австріи", писалъ Государь Паскевичу [2]). „Послѣдствія будутъ весьма непріятны, поднявъ „духъ турокъ, уронивъ духъ нашихъ, напрасно истратившихъ „столько храбрости и трудовъ. Да при томъ, и что главное, раз-„вязавъ руки союзникамъ опять обратиться къ исполненію своихъ „высадокъ, въ особенности въ Крыму, куда, вѣроятно, всѣ ихъ „усилія теперь обратятся". Государь, какъ бы предчувствовалъ главнаго виновника неудачной операціи противъ Силистріи и потому еще разъ настойчиво совѣтовалъ князю Варшавскому временно удалиться изъ арміи, съ цѣлью возстановленія своего здоровья. „Въ теперешнемъ твоемъ положеніи", писалъ Императоръ Николай, „ты самъ себѣ вредишь, а пользы для дѣлъ не вижу, „ибо на коня сѣсть не можешь, да при томъ и сдалъ команду „Горчакову. Надо ему дать полную свободу и отвѣтственность „всѣхъ распоряженій, иначе боюсь запутанности и недоразумѣній, „крайне опасныхъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ".

Въ письмѣ отъ 19 іюня Государь опять касается жгучаго вопроса о нашемъ отступленіи. „Итакъ, да будетъ воля Божія", писалъ онъ фельдмаршалу [3]). „Осада Силистріи снята. Крайне

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 7 (19) и военному министру отъ 20 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 14 (26) іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г., секр. д. № 9.

[3]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 17-19 іюня 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

„опасаюсь, чтобъ духъ въ войскахъ не упалъ, видя, что всѣ „усилія, труды и жертвы были тщетны, и что мы идемъ *назадъ* [1]), „а зачѣмъ?—и выговорить не смѣемъ. Надо, чтобы Горчаковъ и „всѣ начальники хорошо растолковали войскамъ, что мы только „временно отступаемъ, дабы обезопаситься отъ злыхъ умысловъ „нашихъ сосѣдей. Это слишкомъ важно".

Въ письмѣ къ князю Горчакову Государь категорически указывалъ на главнаго виновника свершившагося событія: „Сколько „мнѣ грустно и больно, любезный Горчаковъ", писалъ Государь [2]), „что мнѣ надо было согласиться на настоятельные доводы князя „Ивана Федоровича объ опасности, угрожающей арміи отъ вѣро„ломства спасенной нами Австріи, и, снявъ осаду Силистріи, воз„вратиться за Дунай, истоща тщетно столько трудовъ и потерявъ „безплодно столько храбрыхъ—все это мнѣ тебѣ описывать не „зачѣмъ; суди объ этомъ по себѣ!!!—Но, какъ мнѣ не согла„ситься съ княземъ Иванъ Федоровичемъ, когда стоитъ взглянуть „на карту, чтобы убѣдиться въ справедливости намъ угрожав„шаго.—Нынѣ эта опасность меньше, ибо ты расположенъ такъ, „что дерзость Австріи ты можешь жестоко наказать, гдѣ бы они ни „сунулись... Не этого опасаюсь; боюсь только, чтобъ это отсту„пленіе не уронило духа въ войскахъ... Скажи всѣмъ, что я ихъ „усердіемъ, храбростью и терпѣніемъ вполнѣ доволенъ, и что „увѣренъ, что строгимъ сохраненіемъ порядка будутъ опять готовы „на славу, когда время настанетъ".

Въ предвидѣніи войны съ Австріей, Государь рѣшилъ усилить войска, расположенныя въ Царствѣ Польскомъ, до такихъ размѣровъ, чтобы въ поле можно было выдвинуть 6 дивизій. Они должны были стать правымъ флангомъ къ Вислѣ и, прикрывъ фронтъ свой Замостьемъ, выжидать удобной минуты быстро броситься на Лембергъ, на коммуникаціонную линію войскъ, двинутыхъ на Волынь.

Кромѣ опасенія австрійцевъ, Государь высказывалъ свое опасеніе также за Крымъ и Анапу, видя въ этомъ одно изъ важныхъ послѣдствій нашего отхода за Дунай.

„Но чтобы былъ успѣхъ", кончалъ Императоръ Николай свое длинное письмо Горчакову, „нужно не дробиться черезчуръ и

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Отъ 19 іюня (1 іюля) 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

„нужно *единоначаліе*[1]).—Князь Иванъ Федоровичъ сдалъ тебѣ „команду и такъ, дѣйствуй *самъ, рѣшительно* и съ полной „развязкой и отвѣтственностью. Мое довѣріе къ тебѣ, какъ и „всегда было, *полное*. Тебѣ, можетъ быть, суждено провидѣніемъ „положить начало торжеству Россіи"...

27 іюня Россія читала о совершившемся событіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" слѣдующее объявленіе: „По общему ходу „обстоятельствъ генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, не при„знавая нужнымъ продолжать осаду Силистріи, предписалъ князю „Горчакову находящіяся подъ его начальствомъ войска сосредо„точить въ Придунайскихъ княжествахъ. Въ исполненіе сего „предписанія осада Силистріи снята 14 іюня, и осадный корпусъ

Фортъ князя Меншикова въ Кронштадтѣ.

„переправился на лѣвый берегъ Дуная въ совершенномъ порядкѣ, „не понеся ни малѣйшей потери. Турки не осмѣлились даже слѣ„дить за нашимъ аріергардомъ".

Извѣстіе это произвело ошеломляющее впечатлѣніе во всей Россіи, впечатлѣніе, которое еще болѣе увеличивалось неопредѣленностью самаго объявленія. Гордость народная была возмущена до глубины души, и главное тѣмъ, что наше отступленіе не вызывалось проиграннымъ сраженіемъ или вообще несчастнымъ ходомъ боевыхъ операцій, а лишь непонятными народу политическими соображеніями, въ которыхъ всѣ видѣли необъяснимую уступчивость Австріи. Общество, и въ особенности Москва, было до того взволновано, что, казалось, достаточно было одного мановенія Царя, чтобы повторился двѣнадцатый годъ, направленный всей мощью гнѣва великаго народа противъ коварнаго, неблагодарнаго и скрытаго врага.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

Кирѣевскій, приглашая своего друга Веневитинова пріѣхать въ Москву, писалъ ему: „Особенно теперь пора оставить Петер-„бургъ съ его холернымъ воздухомъ и не русскимъ духомъ, „дрожащимъ отъ австрійскаго кулака. Цыгарка испугала медвѣдя. „Здѣсь почти всѣ сословія доходятъ до отчаянія извѣстіями о „нашихъ уступкахъ, а у васъ, говорятъ, не скрываясь, боятся „войны и просятъ мира. Если правда, то можно ли оставаться „здоровымъ въ такомъ воздухѣ, который такъ здоровъ для „нѣмцевъ“ [1]).

Шевыревъ же, прочитавъ объявленіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, писалъ Погодину: „Признаюсь, прочитавъ извѣстіе ны-„нѣшнее, я такъ упалъ духомъ, что никуда не хочется ѣхать. „Что же? Крестъ Мачинскій будетъ сорванъ, и луна на его мѣсто. „Австрія намъ приказываетъ! Грустно! Лучше молиться Богу и „сидѣть дома! Въ день Полтавской побѣды Москва читала это „извѣстіе“ [2]).

М. П. Погодинъ въ это время, когда душа каждаго русскаго патріота была возмущена поведеніемъ облагодѣтельствованныхъ нами союзниковъ, хотѣлъ своимъ живымъ словомъ направить русскую политику на тотъ путь, который онъ считалъ наиболѣе правильнымъ. Нѣкоторыя изъ его политическихъ записокъ докладывались Государю, который внимательно ихъ прочитывалъ. Лѣтомъ 1854 года Государю были представлены двѣ записки [3]). „Мы „увидѣли“, писалъ Погодинъ въ первой изъ нихъ, „что нашъ „прежній образъ дѣйствій не принесъ намъ никакой пользы со „стороны правительствъ и только навлекъ одни подозрѣнія и „возбудилъ противъ насъ ненависть народовъ, такъ что мы по-„лучили въ чужомъ пиру похмелье. Мы объявимъ, что оставляемъ „Европу въ покоѣ и не хотимъ болѣе принимать никакого участія „въ ея дѣлахъ, въ дѣлахъ государствъ европейскихъ, близкихъ „и дальнихъ. Пусть они живутъ, какъ знаютъ, и поступаютъ, „какъ угодно“. („Такъ“, помѣтилъ Государь.) Такой мѣрой Погодинъ считалъ возможнымъ обратить общественное мнѣніе Европы на нашу сторону и примирить съ нами половину нашихъ „фрач-„ныхъ враговъ“. Далѣе авторъ указывалъ на нашихъ естественныхъ союзниковъ — славянъ, въ особенности болгаръ, видя въ

---

[1]) Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн. XIII, стр. 129.

[2]) Тамъ же.

[3]) Отъ 27 мая. Москва. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14, д. № 77.

нихъ уже *готоваго*[1]) союзника. Императоръ Николай, какъ извѣстно, въ то время не раздѣлялъ уже радужныхъ мечтаній горячаго сердца Погодина.

Въ заключеніе записки Погодинъ рисовалъ Государю тотъ подъемъ духа, который всколыхнулъ всю широкую Русь. „Мы „должны благодарить Бога“, писалъ онъ, „что тяжесть упала у насъ „на крѣпкія плечи! И есть кому ихъ поддерживать и помогать! „Смотрите по всему Царству какой несется духъ, отъ Петер- „бурга до Якутска и отъ Архангельска до Тифлиса. Какъ будто „чуетъ сердце у всякаго русскаго человѣка, что великое совер- „шается дѣло, что грозное наступаетъ время, что приходится „святой Руси сослужить великую службу. И чудныя совершаются „дѣла... Посмотрите -какъ слѣдуютъ солдаты по всѣмъ трактамъ! „какъ встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ вездѣ обыватели, въ горо- „дахъ и селахъ. Вѣдь это тріумфальное шествіе! Съ какою „быстротою производятся рекрутскіе наборы! Сколько вездѣ „является охотниковъ! Это, говорятъ, на дѣло! Демидовъ предо- „ставляетъ все свое имѣніе, 20 милліоновъ рублей, Яковлевъ „пять. Юсуповъ снаряжаетъ два баталіона. Карамзинъ становится „самъ въ ряды. Долгорукій спѣшитъ съ фельдшерскимъ ланцетомъ. „Свистуновъ изъ статскихъ генераловъ идетъ въ военные офицеры. „Блудовъ посылаетъ сына. Студенты во всѣхъ университетахъ „готовы хоть поголовно. Профессора разстаются съ дѣтьми. „Архіереи, священники—во всякомъ видишь, кажется, Пересвѣта „или Ослябю. Купцы жертвуютъ своими капиталами; бѣдняки „несутъ свои лепты. Уголовный преступникъ въ Сибири—и тотъ „готовъ переродиться и совершить подвигъ... О, русскій чело- „вѣкъ! Сладко чувствовать, сознавать себя русскимъ въ такія „минуты!“

Такова была записка, можетъ быть, нѣсколько увлекающагося Погодина, въ концѣ которой онъ свидѣтельствовалъ, что современное состояніе русскаго общества было „несравненно выше, чище, горячѣе и единодушнѣе“, чѣмъ въ 1812 году.

Въ Европѣ извѣстіе объ удаленіи нашихъ войскъ отъ Силистріи также произвело весьма сильное впечатлѣніе. Кромѣ бульварныхъ листковъ, никто, разумѣется, не приписалъ этого факта слабости нашей арміи, и всѣ видѣли въ немъ вынужденный политическій ходъ, который долженъ былъ повлечь за собой

---

[1]) Курсивъ подлинника.

великія событія. Многіе хотѣли видѣть въ этомъ признакъ наступающаго мира, такъ какъ заступничество западныхъ державъ за Турцію теряло всякій смыслъ; другіе же сознавали, что Англія и Франція не для того потратили столько средствъ для отправленія своихъ армій въ Варну, чтобы сейчасъ же увозить ихъ обратно, искали новаго объекта дѣйствій и указывали на Крымъ. Какъ на главную виновницу происшедшаго всѣ указывали на Австрію, которая уже заключила договоръ съ Турціей о занятіи Валахіи, и движеніе ея войскъ туда должно было повести къ вооруженному столкновенію нашихъ войскъ съ австрійцами. „Это событіе", писалъ Кинглаке [1]), „оставитъ свой слѣдъ въ исторіи, такъ какъ „неудача подъ Силистріей положила предѣлъ всѣмъ проектамъ „овладѣнія европейскими провинціями Турціи".

Императоръ Наполеонъ, котораго во всемъ восточномъ предпріятіи болѣе всего интересовала слава и блескъ его оружія, былъ недоволенъ маршаломъ С.-Арно, который упустилъ случай сбросить русскихъ въ Дунай; онъ считалъ необходимымъ сдѣлать со своей арміей что-нибудь, нанести до окончанія кампаніи какой-нибудь ударъ и указалъ на выборъ два объекта дѣйствій—Анапу и Крымъ [2]).

Что касается до главнокомандующаго союзной арміей маршала С.-Арно, то неожиданный нашъ шагъ вызвалъ въ немъ растерянность и недоумѣніе. Онъ отказывался допустить даже возможность, что причина снятія осады заключалась въ упорной оборонѣ доблестнаго гарнизона этой крѣпости, такъ какъ русская армія отступила, по его словамъ, почти наканунѣ паденія Силистріи, и Омеръ-паша въ минуту нашего отступленія сообщалъ генералу Канроберу, что, въ виду выдвинутаго для обложенія крѣпости отряда (князя Бебутова), онъ отказывается отъ наступательнаго къ ней движенія даже при поддержкѣ французской и англійской дивизій. „Неужели", сообщаетъ С.-Арно военному министру [3]), „прибытіе союзныхъ армій въ Варну и австрійскія демонстраціи „были достаточны для того, чтобы рѣшить отступленіе русскихъ? „Безъ сомнѣнія, это не осталось безъ вліянія, но вѣдь непріятель „день за днемъ слѣдилъ за нашимъ сосредоточеніемъ и долженъ „былъ знать, что Силистрія падетъ до нашего прибытія. Его

---

[1]) Kinglake: „L'invasion de la Crimée", t. II, p. 181.
[2]) C. Rousset: „Histoire de la guerre de Crimée", t. I, p. 112.
[3]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 29 juin 1854. Varna.

„отступленіе на лѣвый берегъ было обезпечено со стороны Си-„листріи береговыми батареями и, да позволено будетъ сказать, „не было никакой *существенной* [1]) военной необходимости, ко-„торая заставила бы непріятеля отступать такъ рано“ [2]).

Адмиралъ Непиръ.

Приходилось видѣть въ этомъ или причину политическую— желаніе отвлечь Австрію отъ соглашенія съ союзниками, или же намѣреніе русскихъ быстро сосредоточить свои войска и ударить превосходными силами противъ австрійцевъ [3]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Изъ дневника кн. П. П. Гагарина: „Le 7 juillet 1854. Les journaux sont de plus en „plus menaçants. Ils font de l'abandon de Silistrie une tache pour le drapeau, une faute consé-„quente pour le pays, car elle a donné le moyen aux forces ennemies de se porter sur la Crimée „et ils présentent la chute de Sébastopol comme inévitable. Dieu veuille, et espérons que ces „paroles ne seront qu'une de ces phrases dont ils ont été si prodigues depuis le printemps, mais „ces phrases il n'y a pas moyen de les lire à froid. Il est probable qu'à présent tout le poids de „la campagne va retomber sur ce même Menchikoff si indignement coupable envers son pays et „son Empereur. Quelle en sera la conséquence? La Providence lui donnera-t-elle un moyen de „réparer sa faute ou d'en combler la mesure?

„Le 8 juillet. On prétend en ville que le maréchal est atteint de folie, tous ceux qui le „connaissent le redoutent pour lui. Quelle position! Il aurait fallu pour lui mourir avant cette „campagne.

„Le 9 juillet. Hier m-me Kalergi me disait: „Le vainquer de Silistrie nous a un peu „„persécutées toutes les deux“. Qu'il est donc difficile à un homme de comprendre ce qu'il peut „et ne peut pas et ne doit pas oser entreprendre. Paix soit à sa cendre! Ce n'est plus vivre que „vivre après cette triste et honteuse campagne, même si le bruit de la folie n'était qu'un faux bruit“. Собственная Его Величества библіотека.

Получивъ предписаніе снять осаду Силистріи, князю Горчакову предстояла трудная операція перехода черезъ рѣку со всѣмъ осаднымъ корпусомъ вблизи освобожденной крѣпости и летучихъ отрядовъ, высланныхъ Омеромъ-пашею для сообщенія съ Силистріей.

9 Іюня прошло въ предварительныхъ распоряженіяхъ. Въ ночь на 10-ое для обмана противника изъ передовыхъ траншей были поведены двѣ двойныя сапы противъ непріятельской траншеи, соединявшей Арабское и Змѣиное укрѣпленія, и на оконечности одной изъ этихъ сапъ было выставлено нѣсколько рядовъ туровъ. Тѣмъ временемъ изъ траншей мы вывезли 14 осадныхъ и 14 полевыхъ орудій. Непріятель выставленные туры принялъ за вновь возведенную батарею и днемъ стрѣлялъ по нимъ нѣсколько часовъ сряду. Въ этотъ же день князь Бебутовъ произвелъ удачное нападеніе на отрядъ, прикрывавшій турецкій транспортъ, который направлялся береговой дорогой изъ Шумлы черезъ Туртукай въ Силистрію. Транспорту пройти не удалось, и онъ отступилъ на с. Даймушляръ, а отряду князя Бебутова было приказано ночью перейти съ позиціи у с. Калапетри въ лагерь главныхъ силъ.

Въ сумерки были сняты съ батарей, устроенныхъ въ траншеяхъ, остальныя 35 полевыхъ орудій и 15 полупудовыхъ мортиръ, а ночью сняты осадныя и морскія орудія, находившіяся на батареяхъ острова Малый Голый. Войска, построясь побаталіонно сзади передовыхъ траншей, отступили въ лагерь, для прикрытія котораго первая параллель была занята бригадой 15-й пѣхотной дивизіи при 16 орудіяхъ.

Турки, ничего не подозрѣвая, продолжали всю ночь стрѣльбу по нашимъ передовымъ сапамъ и только въ пять часовъ утра замѣтили, что тамъ никого нѣтъ [1]); тогда они нестройной толпой бросились въ траншеи, но послѣ выстрѣла изъ нашего лѣвофлангового редута отступили въ свои укрѣпленія.

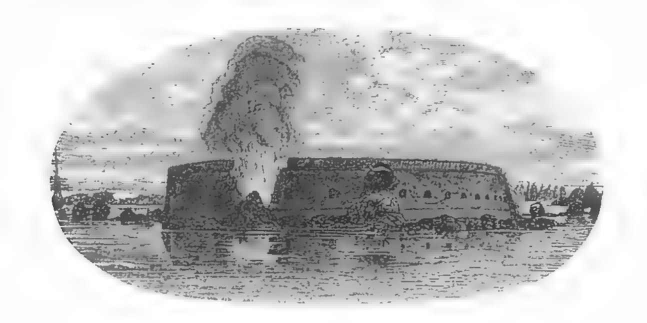
Днемъ 11-го числа началась переправа войскъ на правый берегъ рѣки, какъ по мостамъ у Силистріи, такъ и по тѣмъ, которые были наведены у Гирлицы. 12-го съ ранняго утра было приступлено къ разводкѣ ближайшихъ мостовъ, послѣ чего оставшіяся войска отошли на укрѣпленную позицію при озерѣ Гирлицы, подъ прикрытіемъ аріергарда генерала Хрулева, въ составѣ 15-й пѣхотной

---

[1]) Tanski—au maréchal de St-Arnaud. Silistrie, le 28 juin 1854. Парижскій Архивъ.

дивизіи, 1 бригады 4-й легкой кавалерійской дивизіи и казаковъ, съ соотвѣтствующей артиллеріей. Между тѣмъ, нѣсколько тысячъ болгарскихъ семей изъ сосѣднихъ деревень, узнавъ о нашемъ переходѣ черезъ Дунай, двинулись къ мостамъ со всѣмъ своимъ скарбомъ, прося разрѣшенія переправиться съ нашими войсками и тѣмъ избѣжать вѣрной гибели. Это задержало отходъ нашего аріергарда, который началъ переправу лишь къ вечеру 13-го числа, прикрываясь заблаговременно оставленнымъ въ тетъ-де-понѣ баталіономъ Замосцскаго полка и 4 орудіями 8-й легкой батареи 15-й артиллерійской бригады.

14-го числа утромъ, когда всѣ наши войска переправились, и большая половина моста была разведена, по нагорной дорогѣ



Взрывъ форта Роченсальмъ (англійская иллюстрація).

изъ Силистріи показалась масса турецкой кавалеріи, часть которой бросилась на предмостное укрѣпленіе, выставивъ предварительно на позиціи конную батарею. Но огонь нашей береговой батареи и канонерскихъ лодокъ заставилъ турокъ быстро отойти назадъ и стать внѣ выстрѣловъ.

Къ девяти часамъ утра 14 іюня послѣдній мостъ былъ окончательно разведенъ, а плоты и суда, на которыхъ были устроены мосты, начали спускать къ Измаилу, подъ конвоемъ трехъ баталіоновъ и подъ прикрытіемъ 2 пароходовъ и 11 канонерскихъ лодокъ.

Кончилась, такимъ образомъ, силистрійская эпопея, стоившая намъ 2.500 человѣкъ выбывшими изъ строя убитыми и ранеными [1]). Но неисчислимо большій вредъ она намъ нанесла тѣмъ

[1]) По донесенію Омера-паши потеря силистрійскаго гарнизона состояла изъ 1500 чел. убитыхъ и раненыхъ и 6 плѣнныхъ. Но этимъ цифрамъ, какъ уже сказано, нельзя придавать никакой вѣры. Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud, le 1 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

нравственнымъ гнетомъ, который произвела во всей Россіи и въ арміи бездѣйствіемъ въ теченіе лучшихъ трехъ мѣсяцевъ кампаніи, начиная съ 11 марта, когда мы до прихода и сосредоточенія союзниковъ были единственными хозяевами на театрѣ войны, и перенесеніемъ войны въ наши предѣлы съ необходимостью отказаться отъ всякихъ активныхъ выступленій. Печальный конецъ силистрійскаго сидѣнья не далъ возможности раскрыть карты нашему скрытому, а потому и наиболѣе опасному и коварному врагу — Австріи, которая, вмѣсто того, чтобы стать открыто на сторону Россіи или западныхъ державъ, продолжала искусно пользоваться нашимъ пагубнымъ намѣреніемъ сидѣть между двухъ стульевъ и въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ парализовала всю мощь Россіи въ борьбѣ съ ея открытыми и болѣе благородными врагами.

Свыше полустолѣтія отдѣляетъ насъ отъ описываемыхъ событій, но чувство горечи къ свершившемуся и теперь наполняетъ сердца при воспоминаніи о прошедшемъ. Невольно ищешь виновныхъ въ томъ, что произошло, и прежде всего съ чувствомъ особаго благоговѣнія останавливаешься на незабвенной памяти Императора Николая. Что долженъ былъ безвинно выстрадать этотъ Государь-рыцарь за себя, за Россію и за дорогую ему армію. Сознавая всей силой своего разума и военнаго дарованія необходимость энергичныхъ дѣйствій, онъ встрѣтилъ въ этомъ такое противодѣйствіе въ лицѣ своего военнаго учителя и друга, которое въ другую минуту, можетъ быть, и заставило бы Государя, какъ это неоднократно и бывало, подчинить свою волю мнѣнію человѣка, которому онъ вѣрилъ болѣе, чѣмъ самому себѣ. Но въ данномъ случаѣ мысли князя Варшавскаго были настолько противорѣчивы вполнѣ правильно оцѣненной Императоромъ Николаемъ политической и военной обстановкѣ, что онъ впервые послѣ 1828 года стѣснилъ волю главнокомандующаго и предписалъ Паскевичу выполненіе своей воли о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ въ такой формѣ, которая не допускала возраженія даже для привыкшаго къ самостоятельности сподвижника Государя, какимъ былъ фельдмаршалъ. Паскевичъ сдѣлалъ самое вредное, что можно было сдѣлать въ его положеніи. Подчинивъ лишь по виду, но не отъ всего сердца свою волю волѣ Государя, онъ не имѣлъ мужества снять съ себя выполненіе этой воли, а, оставшись во главѣ арміи, продолжалъ имѣть въ головѣ, какъ цѣль, выполненіе своего плана и на осаду Силистріи смо-

трѣлъ, какъ на досадную, но необходимую помѣху. Въ такомъ разлагающемъ поведеніи главнокомандующаго и слѣдуетъ искать главную причину нашего безрезультатнаго сидѣнія подъ турецкой крѣпостью свыше мѣсяца.

Главнокомандующій есть тотъ нервный узелъ, при здоровой работѣ котораго все дурное въ арміи атрофируется и все хорошее расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ, и наоборотъ. Въ самой основѣ исполненія силистрійской операціи была положена злая воля главнокомандующаго, и она сама собою породила отсутствіе опредѣленнаго плана, настойчивости, отсутствіе напряженія всѣхъ силъ къ достиженію главной цѣли, развитіе междоусобія и въ концѣ концовъ неосновательное снятіе осады Силистріи, когда дѣло приближалось уже къ благополучной развязкѣ.

Является, можетъ быть, непонятнымъ, какимъ образомъ Императоръ Николай съ своимъ выдающимся военнымъ дарованіемъ и инстинктомъ не отстранилъ князя Варшавскаго отъ выполненія задачи, которой тотъ такъ не сочувствовалъ. Но разногласіе во взглядахъ обнаружилось уже тогда, когда Паскевичъ былъ на Дунаѣ, а съ другой стороны, Государь въ правѣ былъ ожидать, что его „отецъ-командиръ“ и другъ исполнитъ его волю во всемъ блескѣ тѣхъ положительныхъ качествъ, которыми Императоръ Николай такъ богато одѣлялъ въ своихъ мысляхъ князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго... Трагическій конецъ жизни великаго Государя начинался. Вѣра въ крупнѣйшій устой его царствованія поколебалась.

Глава XIX.

I.

Принятое маршаломъ С.-Арно послѣ возвращенія изъ Варны въ половинѣ мая стараго стиля рѣшеніе пріостановить сосредоточеніе союзныхъ армій въ этомъ пунктѣ, въ виду полной неготовности ихъ къ серьезнымъ операціямъ [1]), должно было вызвать не только протестъ лорда Раглана и неудовольствіе Императора Наполеона, но и бурю негодованія общественнаго мнѣнія Парижа и въ особенности Лондона. Маршалъ хорошо это сознавалъ и потому въ обширной своей перепискѣ съ Парижемъ и съ англійскимъ главнокомандующимъ старался оправдать свое рѣшеніе. Преимущественно его безпокоила лондонская публика, которая принимала очень близко къ сердцу дѣла Востока, оказывала вліяніе на правительство, генераловъ и приводила въ смущеніе лорда Раглана, очень озабоченнаго тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должно произвести въ Лондонѣ измѣненіе первоначальнаго плана союзниковъ, въ особенности въ виду начатой нами осады Силистріи [2]).

18 (30) мая первая англійская дивизія, силою до 6 тысячъ человѣкъ, была посажена на суда въ Скутари и направилась въ Варну. На слѣдующій день за ней послѣдовала 1-я бригада французской дивизіи Канробера, такой же силы. Для перевозки одной бригады съ 500 лошадьми и 100 быками, потребовалось 8 паровыхъ фрегатовъ и одинъ корветъ, которые буксировали 40 купеческихъ судовъ. С.-Арно останавливалъ на этомъ вниманіе

---

[1]) См. главу XVI.

[2]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 30 mai 1854. Парижскій Архивъ.

военнаго министра, чтобы показать, какія усилія приходится употребить флоту для перевозки моремъ только одной бригады и при томъ въ хорошую погоду и на короткое разстояніе. Маршалъ приходилъ въ неописуемый ужасъ отъ тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжена перевозка моремъ цѣлой арміи съ необходимыми запасами и осаднымъ паркомъ. Для того, чтобы перекинуть въ Варну лишь 50 тысячъ человѣкъ, пришлось бы отряду судовъ вдвое большей численности, чѣмъ потребовалось таковыхъ для перевозки бригады Канробера, совершить отъ четырехъ до шести рейсовъ и употребить на это болѣе 6 недѣль времени. „Таковы, „маршалъ, данныя“, патетически восклицалъ С.-Арно [1]), „добытыя „нами изъ опыта относительно этого важнаго вопроса, который „вообще считаютъ пригоднымъ къ столь быстрому, какъ мечта, „разрѣшенію“.

Французскій главнокомандующій остановился, какъ извѣстно, на принятіи къ исполненію болѣе осторожнаго плана развертыванія арміи, чѣмъ тотъ, который былъ рѣшенъ на совѣщаніи въ Варнѣ въ половинѣ мая новаго стиля, когда союзники не знали еще о началѣ нашихъ осадныхъ работъ подъ Силистріей. С.-Арно, выдвинувъ для моральной поддержки турокъ къ Варнѣ въ видѣ авангарда бригаду Канробера и дивизію англичанъ, всего около 12 тысячъ человѣкъ, рѣшилъ свою армію развернуть по южную сторону Балканъ, на линіи Бургасъ, Айдосъ, Карнабадъ и Ямболи, имѣя всю кавалерію въ Адріанополѣ. Базу предполагалось устроить въ Бургасѣ, а главную квартиру или въ Бургасѣ или въ другомъ болѣе центральномъ пунктѣ.

Такое развертываніе своей арміи маршалъ С.-Арно считалъ единственно подходящимъ и наиболѣе удобнымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Французскій главнокомандующій, считая рискованнымъ, какъ въ виду ожидаемаго въ скоромъ времени паденія Силистріи, такъ и въ виду полной неготовности союзниковъ, развернуть всѣ силы по ту сторону Балканъ, полагалъ, что его армія, сосредоточенная на линіи Бургасъ — Ямболи, способна отбросить противника, если бы онъ рискнулъ двинуться черезъ горный хребетъ, и въ свою очередь способна перейти горы и впереди Шумлы дать Паскевичу сраженіе при очень выгодныхъ условіяхъ. Такое расположеніе давало ему также возможность сосредоточить свои

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 30 mai 1854. Парижскій Архивъ.

войска въ одинъ переходъ къ Варнѣ и Бургасу и оттуда перебросить ихъ моремъ въ пунктъ, который будетъ указанъ обстоятельствами. Для маршала С.-Арно оставался пока неразрѣшеннымъ лишь жгучій вопросъ, какъ отнесется къ его предположенію лордъ Регланъ [1]).

И этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ не въ пользу французскаго главнокомандующаго, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отправленное черезъ четыре дня его новое письмо военному министру, письмо весьма нервнаго содержанія [2]). Настоянія англійскаго посла въ Константинополѣ, общественное мнѣніе и общая мысль о томъ, что едва высадившіяся на турецкую территорію союзныя арміи должны немедленно итти на помощь Омеру-пашѣ, заставляли лорда Раглана стоять за первоначальное предположеніе немедленно перевезти весь наличный составъ войскъ въ Варну, развернуть ихъ между этой крѣпостью и Шумлой и помочь туркамъ въ освобожденіи Силистріи. Маршалъ С.-Арно весьма иронически относился къ этимъ настояніямъ тѣмъ болѣе, что англійская армія, численностью въ два раза менѣе французской, была хуже послѣдней всѣмъ снабжена. Первыя ея двѣ дивизіи имѣли лишь по 60 патроновъ на человѣка, и въ такихъ условіяхъ итти въ бой противъ сильнаго противника С.-Арно не считалъ возможнымъ.

Сраженіе при Журжѣ (французская литографія).

Однако, настойчивость англичанъ заставила французскаго главнокомандующаго не обострять вопроса о мѣстѣ развертыванія арміи. Онъ рѣшилъ еще разъ отправиться въ Варну и Бургасъ для рекогносцировокъ этихъ пунктовъ, какъ предполагаемой базы

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Gallipoli, le 30 (18) mai 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Jeni-Kenë, le 4 juin (23 mai) 1854. Тамъ же.

для дѣйствій на Балканскомъ театрѣ войны и на русскомъ побережьѣ Чернаго моря. Идея объ операціяхъ на нашемъ побережьѣ уже проскальзывала во второмъ письмѣ С.-Арно.

Маршалъ считалъ, что, при условіи подготовки Варны, Бургаса, Адріанополя и Галлиполи не только какъ операціонной базы, но и какъ опорныхъ пунктовъ, его армія, сосредоточенная по южную сторону Балканъ, будетъ находиться въ полной безопасности. Онъ не опасался за нее даже въ случаѣ пораженія или въ случаѣ возстанія мѣстныхъ жителей, которое полагалъ вполнѣ возможнымъ при слабости турецкаго правительства и при симпатіи православнаго населенія къ Россіи. „Можетъ быть“, кончалъ С.-Арно свое письмо, „я не удовлетворю надеждъ, которыя предъявляютъ моей „маленькой арміи жители Лондона и Парижа, но я поступаю на „основаніи правилъ войны, дѣйствуя съ 50.000 человѣками въ „разстояніи 600 миль отъ своей страны въ обстановкѣ, на„столько трудной, что о ней можно судить только на мѣстѣ и „при условіи, что пополненіе всѣмъ необходимымъ я не могу „легко получать“.

29 мая (10 іюня) маршалъ С.-Арно вернулся изъ своей поѣздки въ Варну и Бургасъ. Вялая осада Силистріи дала ему надежду, что этотъ пунктъ можетъ еще долго держаться, и что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что движеніе впередъ союзныхъ армій, если онѣ будутъ своевременно устроены и сосредоточены, можетъ окончательно освободить эту крѣпость. Съ другой стороны, выяснилась полная непригодность Бургаса, по свойствамъ и оборудованію этого порта, къ устройству тамъ базы, и для этой цѣли единственно могла служить Варна. Все это заставило С.-Арно отказаться отъ сосредоточенія своей арміи на линіи Бургаса и вновь склониться къ первоначальному рѣшенію выдвинуть ее на линію Варна-Шумла.

Въ исполненіе этого, вторая бригада дивизіи Канробера должна была немедленно сѣсть на суда и переправиться въ Варну, что предполагалось закончить около 9-10 іюня стараго стиля. Къ этому же времени туда должна была прибыть и вторая англійская дивизія. Во всѣхъ трехъ дивизіяхъ, по подсчету маршала С.-Арно, могло быть не болѣе 24 тысячъ штыковъ, совершенно неспособныхъ, въ виду полнаго отсутствія запасовъ и неустройства матеріальной части, къ продолжительному наступленію. Вотъ что могла представлять изъ себя въ дѣйствительности та грозная сила, которой такъ опасался князь Варшавскій, торопясь снять осаду Силистріи.

Дивизія Боске продолжала свое движеніе къ Адріанополю, откуда послѣ продолжительной остановки для работъ по укрѣпленію этого пункта должна была двинуться на линію Варны, куда ея прибытіе предполагалось—но, какъ увидимъ ниже, не состоялось—между 13 (25) и 15 (27) іюня. 3-я дивизія, принца Наполеона, была задержана на нѣсколько дней въ Константинополѣ, чтобы представиться на смотру султану, послѣ чего должна была отправиться въ Варну сухимъ путемъ или моремъ. 4-я дивизія, генерала Форэ, еще только сосредоточивалась въ Галлиполи, послѣ чего должна была слѣдовать за дивизіей Боске. Кавалеріи также было приказано, не останавливаясь въ Адріанополѣ, двигаться къ Варнѣ.

3-ю и 4-ю дивизіи англичанъ предполагалось перевезти моремъ, и онѣ прибывали въ Варну почти одновременно съ французскими дивизіями, шедшими сухимъ путемъ. Маршалъ С.-Арно разсчитывалъ, что вся союзная армія, надлежащимъ образомъ снабженная и способная сдѣлать нѣсколько переходовъ, сосредоточится на линіи Варны лишь въ первой половинѣ іюля новаго стиля [1]).

Почти въ тотъ же день, какъ французскій главнокомандующій дѣлился своими предположеніями съ военнымъ министромъ, этотъ послѣдній сообщалъ ему изъ Парижа свои мысли о способѣ развертыванія союзной арміи.

Маршалъ Вальянъ полагалъ, что развертываніе арміи на линіи Бургаса, какъ это хотѣлъ первоначально сдѣлать С.-Арно, не дастъ ему тѣхъ выгодъ, которыя предоставитъ Варна. Онъ лично предпочиталъ бы сгруппировать большую часть арміи у Варны, откинувъ лѣвый флангъ къ Праводамъ или еще дальше назадъ. На этой фланговой по отношенію наступленія русскихъ за Балканы черезъ Шумлу или Ямболи позиціи можно было спокойно выжидать событій, опираясь на сильный флотъ и имѣя въ своихъ рукахъ дорогу изъ Варны въ Бургасъ. Въ настоящее время, продолжалъ маршалъ Вальянъ, когда Франція съ громадными усиліями рѣшила довести свою армію на востокѣ до 60 тысячъ, а Англія до 25 тысячъ, нельзя ограничиться занятіемъ Галлиполи и прикрытіемъ Константинополя, а надо расширить сферу дѣятельности союзныхъ армій и перекинуть ихъ при помощи флота на ту сторону Балканъ.

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 10 juin (29 mai) 1854. Jeni-Kепё. Парижскій Архивъ.

Но, вмѣсто того, чтобы ожидать непріятеля съ фронта, слѣдовало бы угрожать ему съ фланга, что, по мнѣнію Вальяна, вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ военнымъ принципамъ [1]).

Тѣмъ временемъ до маршала С.-Арно дошли извѣстія отъ находившагося въ Силистріи капитана Симпсона объ укрѣпленномъ лагерѣ, сооруженномъ Паскевичемъ на правомъ берегу Дуная, въ обезпеченіе, какъ извѣстно, отступленія русской арміи отъ Силистріи, если бы состоялось ожидаемое фельдмаршаломъ наступленіе превосходныхъ силъ союзниковъ. Этотъ фактъ произвелъ на французскаго главнокомандующаго весьма сильное впечатлѣніе. Въ постройкѣ солиднаго укрѣпленнаго лагеря около Силистріи и въ укрѣпленіи Мачина, Гирсова и другихъ пунктовъ по нижнему Дунаю С.-Арно усматривалъ устройство длинной и хорошо подготовленной базы для дальнѣйшаго наступленія русскихъ на югъ и, кромѣ того, идеальную подготовку будущаго поля сраженія; между тѣмъ какъ союзныя арміи были принуждены всегда находиться въ связи со своимъ флотомъ и поэтому волей-неволей должны были дѣйствовать въ четырехугольникѣ, образуемомъ Варной, Шумлой, Силистріей и устьемъ Дуная.

Мысль Омера-паши произвести съ его арміей демонстрацію къ Силистріи С.-Арно вполнѣ одобрялъ, но движеніе впередъ со всѣми союзными войсками считалъ невозможнымъ не только въ виду недостатка перевозочныхъ средствъ и почти полнаго отсутствія по пути воды, но и благодаря той опасности, которую онъ предвидѣлъ въ случаѣ вполнѣ вѣроятнаго встрѣчнаго наступленія русской арміи.

Дѣйствительно, при совокупномъ наступленіи союзныхъ армій къ Силистріи—французской отъ Варны, англійской отъ Девно и турецкой отъ Шумлы, послѣднимъ двумъ почти на всемъ пути пришлось бы итти сплошнымъ лѣснымъ пространствомъ, и только по пути французской арміи мѣстность была бы болѣе открытой. Лишь только отъ Шумлы пролегала относительно хорошая большая дорога; отъ Девно же и Варны дороги представляли изъ себя ни что иное, какъ простыя тропинки. Поперечныхъ дорогъ, соединяющихъ пути наступленія трехъ армій, было очень мало, и, такимъ образомъ, связь между колоннами поддерживать было очень трудно. Маршалъ С.-Арно опасался при этомъ, что Па-

[1]) Le ministre de la guerre — au maréchal de St-Arnaud. Paris, le 9 juin (28 mai) 1854. Парижскій Архивъ.

скевичъ, узнавъ о наступленіи союзниковъ, оставитъ въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Силистріей тысячъ 10-15, что маршаломъ признавалось вполнѣ достаточнымъ для удержанія гарнизона Силистріи, а остальныя войска сосредоточитъ въ Добруджѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ французовъ, имѣлся уже нашъ 30 тысячный отрядъ. Отсюда Паскевичъ могъ двинуться въ обходъ праваго фланга французской арміи по большой дорогѣ, пролегавшей по открытой мѣстности, и черезъ Карасу и Базарджикъ зайти ей въ тылъ. Въ такомъ случаѣ, разсуждалъ С.-Арно, французамъ пришлось бы развернуться направо; англичане едва и съ трудомъ могли бы успѣть ихъ поддержать, а турки совершенно не могли бы прибыть на поле сраженія.

Походъ въ Добруджу (французская литографія).

С.-Арно признавалъ такое наступленіе князя Варшавскаго не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ, благодаря существованію укрѣпленнаго лагеря, который обезпечивалъ безопасность русской арміи. Онъ давалъ слѣдующую лестную для фельдмаршала оцѣнку: „C'est là ce que j'appelle préparer son champ de bataille“. Свое же положеніе съ этой стороны маршалъ признавалъ крайне рискованнымъ, такъ какъ долженъ былъ принять бой въ 120 верстахъ отъ мѣста высадки, не имѣя въ тылу ни одного солдата, кромѣ неподвижнаго по необходимости турецкаго гарнизона въ Варнѣ.

Чтобы выйти изъ такого тяжелаго положенія маршалъ С.-Арно предполагалъ предложить союзнымъ адмираламъ высадить нѣсколько тысячъ моряковъ въ Кюстенджи, укрѣпить этотъ пунктъ и, угрожая отсюда лѣвому флангу русской арміи въ Добруджѣ, оказать моральную поддержку наступательнымъ операціямъ союзниковъ, если бы они рѣшились ихъ предпринять [1]).

Вышеприведенное письмо маршала Вальяна положило предѣлъ колебаніямъ С.-Арно, и онъ окончательно остановился на

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Jeni-Kenë, le 19 (7) juin 1854. Парижскій Архивъ.

Варнѣ, какъ на единственной и вполнѣ подходящей базѣ для предстоящихъ операцій. „Съ большимъ нежеланіемъ", писалъ онъ [1]), „я одно время остановился на развертываніи арміи за „Балканами съ авангардомъ въ Варнѣ. Это плохой маневръ опе- „рировать съ 60 тысячами такъ, какъ оперируютъ съ 20 тыся- „чами. Наше настоящее мѣсто въ Варнѣ, откуда мы по своему „желанію можемъ двинуться и впередъ и назадъ" [2]). Такимъ образомъ, лишь 8 (20) іюня было окончательно рѣшено перекинуть всю союзную армію черезъ Балканы и сосредоточить ее около Варны. Но и въ это время маршалъ С.-Арно не признавалъ еще за союзной арміей, благодаря продолжавшейся осадѣ Силистріи, свободы дѣйствій и высказывалъ военному министру свое категорическое рѣшеніе никоимъ образомъ не удаляться отъ моря [3]).

Итакъ, 8 іюня, въ то время, когда снятіе осады Силистріи было нами окончательно рѣшено, русскій и союзные главнокомандующіе, арміи которыхъ были отдѣлены другъ отъ друга пространствомъ около 130 верстъ, одинаково боялись одинъ другого и обоюдно не предполагали наносить врагу рѣшительнаго удара. Но въ то время, какъ князь Варшавскій имѣлъ въ своихъ рукахъ многочисленную, вполнѣ сосредоточенную и всѣмъ обезпеченную армію, маршалъ С.-Арно висѣлъ еще въ Варнѣ на воздухѣ, имѣя тамъ лишь только часть силъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ и не могущихъ перейти къ серьезнымъ наступательнымъ операціямъ.

Рѣшеніе базироваться на Варну вновь выдвинуло жгучій для французовъ вопросъ о морскихъ перевозкахъ. С.-Арно съ грустью признавалъ, что у нихъ не хватаетъ и половины перевозочныхъ средствъ, необходимыхъ для восточной арміи. Англичане давили ихъ въ этомъ отношеніи своимъ преимуществомъ. Они для военныхъ цѣлей взяли только большія коммерческія суда, которыя сразу подымали до 300 лошадей, въ то время, какъ французскія „скорлупки", по выраженію С.-Арно, подымали отъ 18 до 20 лошадей и часто отказывались плавать. „А между тѣмъ", присовокуплялъ французскій главнокомандующій, „если сосредоточеніе „въ Варнѣ будетъ итти медленно, Силистрія падетъ, и участь

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Jeni-Kenë, le 20 (8) juin 1854. Тамъ же.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Тамъ же.

„кампаніи будетъ скомпрометирована“ [1]). Въ письмахъ С.-Арно сильно просвѣчиваетъ неудобство отдѣленія власти начальника морскихъ силъ отъ власти главнокомандующаго, что затрудняло полное и быстрое использованіе морскихъ средствъ для наиболѣе необходимыхъ въ данную минуту цѣлей войны.

Но въ это время подъ Силистріей свершилось событіе, вызвавшее одинаковое недоумѣніе, какъ на Босфорѣ, такъ и на берегахъ Сены. Въ Парижѣ, вмѣсто ожидаемаго со дня на день паденія крѣпости, было получено извѣстіе о томъ, что князь Варшавскій снялъ осаду Силистріи и отвелъ свою армію на лѣвый берегъ Дуная.

Это событіе не замедлило привести къ весьма пагубнымъ для насъ послѣдствіямъ. 1 іюля (19 іюня) военный министръ отправилъ, по повелѣнію Императора Наполеона III, слѣдующую телеграфическую депешу маршалу С.-Арно черезъ Бѣлградъ: „En admettant que „le siège de Silistrie soit levé, restez dans le voisinage de Varna et „ne descendez pas au Danube, on veut que l'armée soit toujours prête „à être emportée par la flotte“ [2]). Это было первое распоряженіе о переносѣ театра военныхъ дѣйствій на нашу территорію.

Тѣмъ временемъ къ 4 іюля (22 іюня) въ окрестностяхъ Варны сосредоточилась большая часть союзныхъ войскъ. Всего тамъ собралось до 50.000 французскихъ войскъ и до 20.000 англичанъ. По мѣрѣ подхода французовъ, англійскія войска переходили изъ Варны въ Девно и Аладинъ, очищая Варну для войскъ маршала С.-Арно [3]). По свидѣтельству англійскихъ источниковъ, войска страдали отъ недостатка всего необходимаго: пища была отвратительная, и армія не могла предпринять наступательнаго движенія, въ виду полнаго неустройства интендантской части и отсутствія перевозочныхъ средствъ [4]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Le ministre de la guerre—au maréchal de St-Arnaud. Paris, le 4 juillet (22 juin) 1854. Парижскій Архивъ.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud — à l'Empereur Napoléon III. Varna, le 9 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

War with Russia. The war, Lett. fr. the H. Q.: и др.

[4]) Ген. Боске въ своихъ письмахъ къ матери и товарищамъ неоднократно осуждалъ дѣятельность союзной арміи. Вмѣсто того, чтобы вслѣдъ за объявленіемъ войны быстро сосредоточить экспедиціонный корпусъ въ Варнѣ и нагрянуть на армію Паскевича во время осады ею Силистріи, союзныя войска лишь только организовались и собирались.

Боске сознавалъ, что послѣ снятія кн. Горчаковымъ осады Силистріи и начала очищенія Княжествъ союзникамъ нечего было больше дѣлать на этомъ театрѣ войны. Отсутствіе какой-либо организаціи для веденія наступательныхъ операцій вдали отъ моря не давали имъ даже возможности углубиться за нами въ глубь страны. Приходилось „сдѣлать что-нибудь“ для начала кампаніи, и это „что-нибудь“ обратилось въ выполненіе завѣтной цѣли англичанъ уничтожить русское могущество на Черномъ морѣ (Lettres du maréchal Bosquet).

Таково было положеніе союзниковъ ко времени снятія нами осады Силистріи. Постараемся сдѣлать краткій очеркъ состоянія вооруженныхъ силъ Австрійской Имперіи и мѣръ ея военныхъ приготовленій, которыя въ глазахъ князя Варшавскаго играли первенствующую роль при рѣшеніи вопроса, измѣнившаго весь ходъ кампаніи. Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ обширныя донесенія представителя Государя при Императорѣ Францѣ-Іосифѣ генерала графа Штакельберга.

Австрійская армія къ 1 января 1854 года, по штатамъ мирнаго времени, состояла изъ 309 баталіоновъ, 276 эскадроновъ при 737 запряженныхъ орудіяхъ, общей численностью около 260.000 человѣкъ при 44.000 лошадей. Если сюда прибавить запасныя части и войска вспомогательнаго назначенія, то общая численность арміи достигала 355 тысячъ людей и 59 тысячъ лошадей. Численность арміи по штатамъ военнаго времени доходила до 593 тысячъ людей и 68.200 лошадей.

Всѣ вооруженныя силы были сгруппированы въ 4 арміи, съ центрами въ Вѣнѣ, Веронѣ, Пестѣ и, армія наиболѣе слабаго состава (24 тысячи), въ Лембергѣ; кромѣ того, корпусъ пограничныхъ войскъ (около 41 тысячи человѣкъ) бана Елачича, съ главной квартирой въ Аграмѣ [1]). Наиболѣе сильная армія графа Радецкаго, въ 88 тысячъ, была сосредоточена противъ Италіи, съ главной квартирой въ Веронѣ. Такимъ образомъ, эта дислокація, относящаяся ко времени, когда еще не послѣдовало открытаго разрыва между Россіею и морскими державами, ничего угрожающаго относительно насъ не представляла. Но съ весны 1854 года Австрія начинаетъ постепенно ставить свою армію на военное положеніе и группировать ее вблизи нашихъ польскихъ границъ и въ особенности вблизи границъ съ Придунайскими княжествами.

Такъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, т.-е. въ то время, когда весною ожидалось начало съ нашей стороны активныхъ дѣйствій, правительство Франца-Іосифа приняло мѣры къ увеличенію войскъ, расположенныхъ въ Банатѣ и Трансильваніи, до 100 тысячъ, не увеличивая, однако, числа ихъ въ Галиціи [2]). Графъ Штакельбергъ [3])

---

[1]) Гр. Штакельбергъ — гр. Орлову 17 (29) января 1854 г., № 17. Госуд. Арх., XV разр., д. № 324, 1854 г.

[2]) „Это очень важно“, помѣтилъ Императоръ Николай на этомъ донесеніи. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 14.

[3]) Гр. Штакельбергъ — военному министру 28 марта (10 апрѣля) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

выражалъ убѣжденіе, что дѣлаемыя военныя приготовленія имѣютъ исключительной цѣлью занятіе Сербіи, и полагалъ, что отвлеченіе австрійскихъ войскъ въ этомъ направленіи было для насъ, при той надеждѣ, которую можно было имѣть на упорное сопротивленіе сербовъ, очень выгодно, хотя и дѣлало опаснымъ наше чрезмѣрное удаленіе отъ Дуная на югъ [1]).

Къ половинѣ апрѣля стараго стиля число мобилизованныхъ въ Банатѣ и Трансильваніи войскъ доходило до 88 тысячъ, и, кромѣ того, мобилизовался 10-й корпусъ (36 тысячъ), который могъ служить для нихъ резервомъ [2]). Графъ Штакельбергъ полагалъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ мобилизованная австрійская армія будетъ доходить до 400 тысячъ, изъ которыхъ 350 тысячъ дѣйствующихъ войскъ. Отдѣляя 100 тысячъ противъ Италіи, оставалось на случай столкновенія съ Россіей всего 250 тысячъ. Онъ считалъ, что въ апрѣлѣ и въ маѣ мобилизованныя войска могутъ имѣть только одно назначеніе — занять пограничныя турецкія области для обезпеченія спокойствія въ славянскихъ провинціяхъ, такъ какъ трудно разсчитывать на вооруженныя дѣйствія противъ Россіи до тѣхъ поръ, пока войска въ Галиціи не приведены на военное положеніе, и пока войска въ Трансильваніи не доведены до необходимой для этого численности.

Снятіе осады Силистріи (карикатура Beck).

Кромѣ того, открытому разрыву съ нами мѣшали ужасное состояніе финансовъ и мятежный духъ во многихъ итальянскихъ и венгерскихъ полкахъ. Графъ Штакельбергъ увѣрялъ, что мы не должны въ скоромъ будущемъ бояться нападенія Австріи,

---

[1]) „Я тоже думаю, что настало время сказать сербамъ: ну теперь съ Богомъ за дѣло", начерталъ Государь на донесеніи гр. Штакельберга.

[2]) Донесеніе гр. Штакельберга отъ 16 (28) апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

такъ какъ она къ этому не готова, на разрывъ не рѣшается, а хочетъ лишь выжидать, какой оборотъ приметъ война Россіи съ тройственнымъ союзомъ [1]).

Однако, съ начала мая мѣсяца, т.-е. одновременно съ открытіемъ осадныхъ работъ противъ Силистріи, наша сосѣдка начала увеличивать свои мѣры по вооруженію. Рескриптомъ отъ 3 (15) мая Императоръ Францъ-Іосифъ приказалъ мобилизовать корпуса, расположенные въ Галиціи, доведя численность войскъ въ этой провинціи до 75 тысячъ при 140 орудіяхъ, мобилизовать всѣ венгерскіе пѣхотные полки и призвать подъ знамена 95 тысячъ рекрутъ срока 1855 года. Графъ Штакельбергъ, имѣвшій большія связи въ вѣнскомъ обществѣ, смотрѣлъ на эту мѣру, какъ на желаніе понравиться Франціи, но не какъ на угрозу насъ атаковать. Хотя онъ и признавалъ, что положеніе, занятое австрійцами въ Галиціи и Трансильваніи, является угрозой нашей базѣ и дѣлаетъ безцѣльнымъ наши дальнѣйшіе успѣхи на Дунаѣ, такъ какъ мы, будучи даже побѣдителями, можемъ быть принуждены отойти на наши границы. „Австрія одна“, справедливо замѣчалъ Штакельбергъ [2]), „можетъ принести намъ болѣе вреда, чѣмъ „Англія, Франція и Турція, взятыя вмѣстѣ. Захочетъ ли она сдѣ„лать это безъ поддержки Пруссіи, которая болѣе къ намъ распо„ложена, вопросъ будущаго“.

Нашъ посолъ въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ, съ своей стороны полагалъ, что новыя вооруженія Австріи вызваны уклончивымъ отвѣтомъ петербургскаго кабинета на сдѣланныя черезъ Короля прусскаго предложенія объ очищеніи Княжествъ. Онъ на нихъ смотрѣлъ, какъ на демонстрацію, направленную одновременно и на то, чтобы заслужить довѣріе морскихъ державъ, и на то, чтобы угрожать нашимъ сообщеніямъ, если мы двинемся за Балканы. Во всякомъ случаѣ начала открытой борьбы съ Австріей до окончательнаго рѣшенія вопроса объ очищеніи Княжествъ ожидать нельзя. Баронъ Мейендорфъ полагалъ, что намъ придется сдѣлать эту уступку, чтобы сохранить благопріятное для насъ положеніе Пруссіи, если, разумѣется, союзники сдѣлаютъ равносильную уступку, и въ проведеніи въ жизнь такихъ своихъ мыслей онъ разсчитывалъ на поддержку князя Варшавскаго въ Петербургѣ. „Намъ надо приготавливаться къ очищенію Княжествъ“, кончалъ

---

[1]) Донесеніе гр. Штакельберга изъ Вѣны отъ 18 (30) Апрѣля 1854 г. Тамъ же.
[2]) Донесеніе гр. Штакельберга изъ Вѣны 6 (18) мая 1854 г. Тамъ же.

онъ свое длинное письмо къ фельдмаршалу [1]), „но не приводить „этого въ исполненіе, такъ какъ пребываніе въ Княжествахъ даетъ „намъ болѣе выгодное положеніе при переговорахъ, а очищеніе „ихъ нами въ будущемъ можетъ послужить къ отдѣленію Пруссіи „и Германіи отъ Австріи".

Но одновременно съ этимъ до Петербурга доходили вѣсти изъ Вѣны кружнымъ путемъ о тѣхъ усиліяхъ, которыя употреблялъ тамъ французскій представитель баронъ Буркеней, чтобы окончательно втянуть Австрію въ борьбу съ нами, при чемъ онъ увѣрялъ, что дѣло уже сдѣлано, и что военныя дѣйствія противъ насъ начнутся въ половинѣ іюля, когда австрійская армія закончитъ свою мобилизацію [2]). Французскій представитель вводилъ этими словами въ соблазнъ своего собесѣдника, такъ какъ правительство Франца-Іосифа играло съ союзниками въ такую же двойную игру, какъ и съ нами.

22 мая (4 іюня) графъ Штакельбергъ сообщалъ о количествѣ австрійскихъ войскъ, которыя могутъ быть сосредоточены противъ насъ къ концу іюня новаго стиля. По его расчетамъ въ Трансильваніи могло быть собрано 42 батал., 48½ эск. при 136 ор., общей численностью въ 67.000 человѣкъ и 12.444 лошади („т.-е. то же, что у насъ безъ кирасиръ", помѣтилъ Государь), и въ Галиціи—47½ батал., 88 эск. и 164 орудія, общей численностью въ 80.000 человѣкъ и 16.787 лошадей („а у насъ „въ Польшѣ 2-й корпусъ—33 бат. и съ саперами 34, гренадеръ „24 бат. и съ саперами 25, итого 59 бат., 64 эск., кромѣ казаковъ, „и 164 орудія", помѣтилъ Государь) [3]).

Кромѣ того, 10-й корпусъ, силою около 36.000 человѣкъ при 76 орудіяхъ, эшелонированный отъ Пешта до Кашау и Дуклы, могъ поддержать каждую изъ этихъ группъ или обѣ вмѣстѣ, а Банато—сербскій корпусъ содѣйствовать своей демонстраціей черезъ Орсово наступленію Трансильванской арміи на сѣверъ Валахіи.

Такое положеніе привело графа Штакельберга къ грустному выводу о необходимости отступленія за Прутъ, чтобы этимъ „заткнуть горло Германіи". Въ предлагаемомъ „стратегическомъ

---

[1]) Бар. Мейендорфъ — кн. Варшавскому изъ Вѣны 8 (20) мая 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г. Карт. Vienne.

[2]) Частное письмо Кудрявцева — канцлеру изъ Гамбурга 7 (19) мая 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Карт. Hambourg, 1854.

[3]) Донесеніе гр. Штакельберга изъ Вѣны 22 мая (3 іюня) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

маневрѣ“ онъ видѣлъ *„угрожающее удовлетвореніе“* [1]) (une menaçante satisfaction) нашимъ бывшимъ союзникамъ и возможность поставить англо-французовъ въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ единственно они оказались бы враждебными независимости Турціи.

16 (28) іюня нашъ военный представитель въ Вѣнѣ доносилъ, что къ 8 (20) іюля на русской границѣ будетъ сосредоточено уже болѣе 200 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ большая часть въ Буковинѣ и на югѣ Трансильваніи. Однако, онъ полагалъ, что австрійцы первоначально ограничатся лишь занятіемъ Княжествъ, стараясь предупредить тамъ турокъ, и не ожидалъ серьезныхъ противъ насъ операцій, чему мѣшаютъ нерѣшительность правительства и совершенное неимѣніе подкрѣпленій и резервовъ на случай неудачи [2]).

Въ началѣ іюля австрійскія вооруженныя силы должны были закончить свою мобилизацію, кромѣ 1-й арміи, численность которой доходила до 67 тысячъ при 168 орудіяхъ, и которая была сосредоточена въ окрестностяхъ Вѣны. Главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ баронъ Гессъ. 2-я армія, сосредоточенная на итальянской границѣ, считала въ своихъ рядахъ *117 тысячъ при 280 орудіяхъ*. 3-я армія, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Альберта, силою въ *116 тысячъ при 304 орудіяхъ* (въ томъ числѣ 93 эскадрона кавалеріи), была сосредоточена въ Трансильваніи, имѣя пѣхотные корпуса въ окрестностяхъ Кронштадта, Клаузенбурга, Марошъ-Вазаргели и Землина и кавалерійскій корпусъ въ Вардейнѣ и Клаузенбургѣ. 4-я армія, подъ начальствомъ генерала Шлыка, силою въ *100 тысячъ при 260 орудіяхъ* (въ томъ числѣ 128 эскадроновъ кавалеріи), занимала Галицію, имѣя одинъ корпусъ вокругъ Лемберга, два—въ Буковинѣ и кавалерійскій—около Кракова [3]). Это былъ предѣлъ вооруженныхъ силъ Австріи, далѣе котораго она могла итти незначительно, да и то съ большимъ трудомъ.

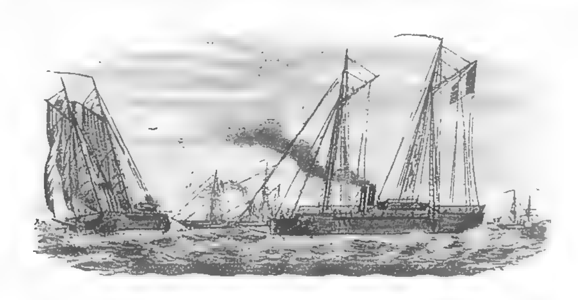
Во всѣхъ своихъ донесеніяхъ графъ Штакельбергъ отмѣчалъ очень пріязненное отношеніе австрійскихъ офицеровъ къ Россіи и нежеланіе воевать съ нами; они какъ бы конфузились того направленія, котораго держалось австрійское правительство

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Донесеніе гр. Штакельберга изъ Вѣны 16 (28) іюня 1854 г. Тамъ же.
[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

въ начавшейся борьбѣ нашей съ морскими державами, и старались выказать свое вниманіе русскому военному представителю. О русофильствѣ генераловъ и офицеровъ австрійской арміи, господствовавшемъ еще въ маѣ 1854 года, свидѣтельствуетъ и французскій представитель при вѣнскомъ дворѣ баронъ Буркеней, который, впрочемъ, отмѣчаетъ свою надежду на уничтоженіе этого непріятнаго для союзниковъ обстоятельства.

Чтобы дать возможность судить о степени опасности, которую представляла намъ мобилизованная австрійская армія, укажемъ здѣсь въ общихъ чертахъ на стратегическое развертываніе русскихъ вооруженныхъ силъ на западной и южной границахъ государства



Французская канонерка.

весною 1854 года. Если въ первую половину лѣта и производилась частичная перестановка войскъ, то она мало измѣняетъ общую картину.

На берегахъ *Балтійскаго моря* всего было сосредоточено *178¾ батал., 144½ эск. и сот. и 384 ор.,* изъ которыхъ въ Финляндіи, отъ Торнео до Выборга 24¼ батал., 12 эск. и сот. и 36 ор.; отъ Выборга до Нарвы и въ Кронштадтѣ 122¼ батал., 90½ эск. и 72 ор., и въ Прибалтійскомъ краѣ 32¼ батал., 42 эск. и сот. и 76 ор.

Въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, подъ начальствомъ графа Ридигера, *146 бат., 118 эск. и сот. и 308 ор.,* изъ которыхъ собственно въ Царствѣ Польскомъ 108 бат., 66 эск. и 256 ор. общей численностью въ 115.400 человѣкъ, не включая сюда казаковъ.

На Дунаѣ и по берегу Чернаго моря до устья Буга, подъ начальствомъ князя Горчакова, *182 бат., 267 эск. и сот. и 612 ор.*

На Крымскомъ полуостровѣ и по берегу Чернаго моря между устьемъ Буга и Перекопомъ, подъ начальствомъ князя Меншикова, *27 бат., 19 эск. и сот. и 48 ор.*

По берегу Азовскаго моря, Черноморіи и по обѣ стороны Керчь-Еникальскаго пролива, подъ начальствомъ генерала Хомутова, *31½ бат., 4 эск., 136 сот. и 54 ор.*

На Кавказѣ, подъ начальствомъ генерала Реада, въ дѣйствующихъ противъ турецкой границы отрядахъ *48½ бат., 20 эск., 46 сот. и 120 ор.,* кромѣ милиціи, и внутри края противъ непокорныхъ горцевъ *103½ бат., 4 эск., 205 сот. и 120 ор.* [1]).

Но этими силами далеко еще не исчерпывалась военная мощь Россіи. Внутри страны оставалась еще значительная часть резервныхъ войскъ, всѣ запасныя войска и все непризванное еще подъ знамена государственное ополченіе.

Командовавшій войсками въ Царствѣ Польскомъ генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ, въ ожиданіи разрыва съ Австріей, высказалъ военному министру свои мысли о нашемъ положеніи на западной границѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, мысли, которыя отчасти могутъ послужить характеристикой соотношенія силъ и положенія обоихъ возможныхъ враговъ [2]).

Графъ Ридигеръ въ своихъ предположеніяхъ бралъ наихудшія для насъ условія, т.-е., что противъ насъ будутъ наступать не только морскія державы вмѣстѣ съ Турціей, но также Австрія, Пруссія и Германскій союзъ.

Планъ коалиціи онъ себѣ рисовалъ такимъ образомъ, что союзники постараются оттянуть большую часть нашихъ силъ при содѣйствіи ихъ громаднаго флота къ побережьямъ Балтійскаго и Чернаго морей, послѣ чего направятъ главныя операціи въ центръ, т.-е. въ Царство Польское и литовскія губерніи. При этихъ условіяхъ противникъ могъ сосредоточить здѣсь 100 тысячъ при 170 орудіяхъ австрійцевъ и 120 тысячъ при 200 орудіяхъ пруссаковъ. Графъ Ридигеръ, по его подсчетамъ, могъ вывести въ поле въ началѣ іюня мѣсяца, за исключеніемъ многочисленныхъ гарнизоновъ нашихъ западныхъ крѣпостей, 75 тысячъ при 224 орудіяхъ.

Автору записки рисовалась слѣдующая картина возможныхъ противъ насъ дѣйствій. Прусская армія двинется на Гродно и Вильно, направивъ отъ Торна и Калиша особый корпусъ на лѣвый берегъ

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1854 г., секр. д. № 8.
То же, 1856 г., секр. д. № 71. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 43.
Всеподд. отч. военнаго министра за 1854 г., по части Ген. Штаба.

[2]) Гр. Ридигеръ—военному министру изъ Варшавы, 12 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 51.

Вислы. Австрійская же армія, выдѣливъ необходимое число войскъ для охраны Галиціи, съ остальными будетъ наступать къ Бресту и Замосцью. При такихъ условіяхъ графъ Ридигеръ предполагалъ, что ему придется предоставить крѣпости, снабдивъ ихъ сильными гарнизонами, самимъ себѣ и, отступая за Брестъ, защищать Бобруйское шоссе, стараясь отбросить австрійцевъ къ Пинскимъ болотамъ. Такую задачу онъ считалъ себѣ по силамъ, но онъ не могъ бы бороться съ пруссаками, если бы они двинулись черезъ Вильно и Динабургъ къ столицѣ. Для успѣшной борьбы съ германскими державами графъ Ридигеръ считалъ необходимымъ образованіе еще одной арміи или, по крайней мѣрѣ, сильнаго отдѣльнаго корпуса между Нѣманомъ и Двиною, который, прикрывая наши сообщенія со столицей, могъ бы дѣйствовать во флангъ и тылъ пруссакамъ, наступавшимъ въ Литву, и далъ бы возможность арміи Царства Польскаго нанести съ увѣренностью пораженіе австрійскимъ войскамъ.

Мы нарочно привели здѣсь мнѣніе лица, наиболѣе заинтересованнаго въ успѣшномъ дѣйствіи на западномъ фронтѣ, чтобы дать читателю возможность судить, дѣйствительно ли угроза Австріи намъ войной въ іюнѣ мѣсяцѣ могла быть тѣмъ кошмаромъ, который давилъ на душу князя Варшавскаго и связывалъ намъ крылья въ борьбѣ съ морскими державами.

Замѣтимъ только, что Австрія въ то время еще не кончила своего сосредоточенія, Пруссія и не думала приступать къ серьезной мобилизаціи, и самъ графъ Ридигеръ взялъ для себя минимальный расчетъ того числа войскъ, которое онъ могъ вывести въ поле. Прибавимъ къ тому же, что въ то время Россія еще не развернула всѣхъ своихъ вооруженныхъ силъ, и масса войскъ, сосредоточенныхъ на Балтійскомъ побережьѣ, давала возможность усилить, въ случаѣ надобности, войска нашей западной границы.

Относительно военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ безпокоился не только графъ Ридигеръ, но и князь Варшавскій, главному начальствованію котораго были, какъ извѣстно, съ марта мѣсяца подчинены всѣ войска, оборонявшія западную и южную границы до Чернаго моря. Распоряженія относительно дѣйствій противъ австрійцевъ и пруссаковъ въ западномъ краѣ дѣлались, такимъ образомъ, и въ Петербургѣ и на Дунаѣ фельдмаршаломъ и въ Варшавѣ самимъ графомъ Ридигеромъ.

19 мая князь Варшавскій представилъ особую всеподданнѣйшую записку съ планомъ кампаніи „съ іюня 1854 года“ [1]). Фельдмаршалъ въ своей запискѣ исходилъ изъ предположенія, что Пруссію можно будетъ удержать отъ враждебныхъ намъ дѣйствій. Силы Австріи, уже готовыя въ то время для наступленія противъ насъ, онъ полагалъ въ 200.000, изъ которыхъ 100.000 въ Галиціи. Въ основу своей записки князь Варшавскій положилъ все то же свое желаніе усилить войска, состоявшія подъ его непосредственнымъ начальствомъ, въ ущербъ тѣмъ возможнымъ театрамъ войны, которые находились въ вѣдѣніи другихъ генераловъ. Кромѣ того, въ то время, какъ графъ Ридигеръ въ своей запискѣ разбиралъ свой возможный образъ дѣйствій, основанный на исполненіи Высочайшаго предначертанія, прикрывать, въ случаѣ необходимости отступленія, Бобруйское шоссе, князь Варшавскій совершенно не заботился о необходимости для арміи Царства Польскаго не потерять связи со столицей и внутренними губерніями. Всѣ его мысли были направлены къ тому, чтобы быть очень сильнымъ на случай наступленія австрійцевъ изъ Трансильваніи и Буковины лично на него.

Въ зависимости отъ этого фельдмаршалъ рѣшилъ увеличить армію Царства Польскаго двумя дивизіями—1-й, которую перевести туда изъ сѣверной части Литвы, и 2-й изъ Риги; эту послѣднюю онъ предполагалъ замѣнить другими войсками, взятыми, по всей вѣроятности, изъ Петербургскаго раіона. Такая мѣра увеличивала силы графа Ридигера для дѣйствія въ полѣ до 7 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизій. Фельдмаршалъ предлагалъ оставить одну дивизію въ Варшавѣ для содержанія карауловъ, а остальные 88 баталіоновъ и 64 эскадрона расположить въ южной части Польши, противъ Лемберга (большую часть) и противъ Кракова (меньшую часть). Эта мѣра должна была удержать стотысячную армію австрійцевъ въ Галиціи; въ случаѣ же ихъ наступленія, графъ Ридигеръ имѣлъ достаточно войскъ, чтобы ихъ разбить.

Въ центрѣ, противъ Буковины, фельдмаршалъ сформировалъ отрядъ генерала Шабельскаго, силою въ 22 баталіона, 78 эскадроновъ и 3 казачьихъ полка. Этотъ отрядъ былъ расположенъ между Каменецъ-Подольскимъ и Фокшанами, имѣя двѣ кирасирскія дивизіи у Новой Ушицы, съ тѣмъ, чтобы дать имъ возмож-

[1]) См. Приложеніе № 171.

ность маневрировать по обоимъ берегамъ Днѣстра и двинуться противъ австрійцевъ въ Молдавію или къ Каменцу.

Адмиралъ Гамеленъ.

Сосредоточеніе здѣсь такой массы кавалеріи очень не понравилось Государю, вполнѣ основательно полагавшему, что 78 эскадронамъ тамъ дѣлать нечего, между тѣмъ какъ кавалерія была очень нужна графу Ридигеру, который имѣлъ только двѣ дивизіи [1]).

У Леова для подкрѣпленія отряда Шабельскаго были еще поставлены 8 баталіоновъ и 16 эскадроновъ; но князь Варшавскій все-таки полагалъ, что собранные, такимъ образомъ, противъ Буковины 30 батал. и 94 эск. могутъ лишь задержать австрійцевъ на время, а не остановить наступленія ихъ со всѣми войсками, сосредоточенными въ Трансильваніи.

Фельдмаршалъ предполагалъ, въ случаѣ движенія австрійцевъ въ Молдавію, снять осаду Силистріи, взять 4 пѣхотныхъ дивизіи съ кавалеріей и атаковать новаго врага, котораго надѣялся разбить до тѣхъ поръ, пока Дунай будетъ задерживать наступленіе турокъ и ихъ союзниковъ [2]).

Государь не одобрилъ предположенной Паскевичемъ группировки силъ. Онъ вновь указывалъ на ненужное сосредоточеніе такой массы кавалеріи въ корпусѣ Шабельскаго и „повторялъ свое предложеніе“ отправить двѣ дивизіи кирасиръ къ графу Ридигеру, гдѣ въ кавалеріи замѣчался недостатокъ. Не оправдывалъ Государь и сосредоточенія сильнаго отряда въ Леовѣ, куда Паскевичъ двинулъ резервную бригаду 11 дивизіи и этимъ „разстроилъ формированіе резервовъ“ [3]). Въ усиленіи войскъ Царства

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 11 (23) мая 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 16 (28) мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 69.

[3]) Ближайшіе сотрудники Императора Николая не хотѣли или не могли понять заботливости Государя о томъ, чтобы кадры резервныхъ частей не раздергивались преждевременно на пополненіе полевыхъ войскъ. „Vous savez à quel point on tient à ce que l'ordre des

Польскаго направленіемъ туда частей изъ Курляндіи и Самогитіи было *рѣшительно* [1]) отказано, въ виду ожидаемаго сильнаго десанта французовъ на Балтійскомъ побережьѣ. Что касается до способа дѣйствій графа Ридигера, въ случаѣ наступленія австрійцевъ, то Императоръ Николай на этотъ вопросъ посмотрѣлъ съ точки зрѣнія успѣха всей кампаніи, а не подъ узкимъ угломъ зрѣнія Паскевича собрать побольше войскъ тамъ, гдѣ командуетъ самъ фельдмаршалъ. Государь полагалъ всю армію графа Ридигера, т.-е. 5 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизіи, собрать на правомъ берегу Вислы, между Люблиномъ и Варшавой, а всю остальную Польшу на лѣвомъ берегу Вислы занимать только казаками. Наша армія, маневрируя за Вислой при содѣйствіи крѣпостей и предмостныхъ укрѣпленій, признавалась довольно сильной, „чтобы „наказать всякую дерзость австрійцевъ и угрожать ихъ лѣвому „флангу, если бы они отважились вторгнуться въ Волынь“. Императоръ Николай полагалъ это, впрочемъ, невѣроятнымъ.

Свое длинное письмо Государь заканчивалъ выраженіемъ радости успѣшнаго формированія резервовъ, которые дадутъ къ августу мѣсяцу лишнихъ 102 свободныхъ баталіона [2]).

Тѣ же мысли Государь болѣе подробно излагалъ въ письмѣ къ графу Ридигеру [3]), въ концѣ котораго Императоръ Николай, упоминая о возможности войны съ Пруссіей, написалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Вѣрить не могу, чтобы могло до того „дойти; но ежели бъ и было такъ, то приму волю Божію съ „покорностью, унывать не буду и, полагая всю надежду на Его „милосердіе, употреблю всѣ усилія на защиту отечества или сложу „голову вмѣстѣ съ вами, но не дамъ осрамить Россіи, и умремъ „съ честью“.

Князь Варшавскій не удовольствовался несогласіемъ Государя на предложенную имъ группировку войскъ и еще въ нѣсколькихъ письмахъ и къ Государю и къ военному министру настаивалъ на приведеніи въ исполненіе своихъ мыслей. Отвѣтомъ на это былъ рѣшительный отказъ. Особенно интересовало фельдмаршала

„numéros et de la formation soit conservé. Le maréchal seul parvient à y mettre de la poésie“. Такими словами объяснялъ военный министръ кн. Меншикову нежеланіе Государя дать особое назначеніе четыремъ орудіямъ резервной батареи до полнаго ея сформированія (Кн. Долгоруковъ—кн. Меншикову, 4 мая 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254).

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому, 23 мая 1854 г. Александрія. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[3]) Это письмо см. въ Приложеніи № 176.

получить разрѣшеніе очистить Княжества, и по этому поводу онъ обращался даже за содѣйствіемъ къ канцлеру, котораго соблазнялъ возможностью столкновенія въ Княжествахъ австрійцевъ съ французами и отсюда сближенія первыхъ съ нами. Это предположеніе вызвало слѣдующую помѣтку Императора Николая: „J'en „doute; en tout cas ce rapprochement ne sera jamais sincère“, при чемъ слово „jamais“ было подчеркнуто три раза [1]). По поводу желанія князя Варшавскаго, изложеннаго въ представленномъ имъ планѣ дѣйствій, снять осаду Силистріи и итти съ 4-мя дивизіями противъ австрійцевъ, Государь, высказавъ свои мысли о положеніи союзныхъ армій въ Варнѣ, мысли, вполнѣ соотвѣтствовавшія дѣйствительности, отказывался сомнѣваться въ возможности овладѣть Силистріей. Онъ считалъ также невѣроятнымъ атаку насъ австрійцами и готовъ былъ согласиться на планъ Паскевича только тогда, когда свершился бы этотъ невѣроятный случай. „Я увѣренъ“, кончалъ Государь, „что тогда Богъ сподобитъ тебя жестоко наказать австрійцевъ за вѣроломство и „неблагодарность“ [2]).

1 іюня князь Варшавскій преподалъ князю Горчакову указанія, какъ дѣйствовать въ томъ случаѣ, если Австрія объявитъ намъ войну. Указанія эти были болѣе рѣшительны, чѣмъ предположенія, изложенныя во всеподданнѣйшей запискѣ. Паскевичъ прямо приказывалъ уводить всю армію за Серетъ и, сосредоточивъ тамъ 100 бат., 150 эск. и 400 ор., дѣйствовать по обстоятельствамъ [3]).

Вопросъ о способѣ борьбы съ нашими западными сосѣдями былъ обстоятельно разобранъ въ двухъ представленныхъ Государю запискахъ и генералъ-адъютантомъ Жомини, мнѣніе котораго пожелалъ выслушать Императоръ Николай. Записки Жомини были посланы фельдмаршалу и графу Ридигеру. Князь Варшавскій не высказалъ о нихъ своего опредѣленнаго мнѣнія; генералъ же Ридигеръ присоединился въ большинствѣ къ взглядамъ стараго стратега. Эти интересные документы мы помѣщаемъ въ приложеніи [4]).

---

[1]) Кн. Варшавскій — канцлеру изъ Калараша 1 (13) іюня 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Карт. P, 1854 г.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 26 мая 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[3]) Инструкція кн. Варшавскаго 1 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г. секр. д. № 62.

[4]) Приложенія №№ 177, 178 и 179.

II.

Во время всѣхъ этихъ переговоровъ была рѣшена судьба Силистріи; наша армія получила приказаніе снять осаду крѣпости и спокойно перешла на лѣвый берегъ Дуная. Временно всѣ какъ бы позабыли о нашихъ открытыхъ врагахъ, и все вниманіе было обращено на сосредоточеніе Дунайской арміи въ предвидѣніи неизбѣжной войны съ Австріей.

Государь указывалъ князю Горчакову [1]) на необходимость дать арміи такое расположеніе, чтобы она была обезпечена съ фланга и съ тыла отъ австрійцевъ. Считая, что корпусъ Шабельскаго достаточенъ, чтобы задержать движеніе австрійцевъ въ Молдавію изъ Трансильваніи или Буковины, Государь выражалъ желаніе, чтобы князь Горчаковъ оставилъ Лидерса съ полутора дивизіями пѣхоты и двумя кавалерійскими для наблюденія нижняго Дуная, противъ Силистріи, а съ остальными пятью пѣхотными дивизіями и прочей кавалеріей сосредоточился бы примѣрно около Фокшанъ, чтобы угрожать лѣвому флангу австрійцевъ при наступленіи ихъ отъ Ротентурма или Кронштадта. Эта послѣдняя группа легко могла въ то же время поддержать Лидерса, если бы турки и ихъ союзники перешли Дунай.

Впрочемъ, Императоръ Николай не хотѣлъ стѣснять своего главнокомандующаго и такими короткими указаніями. „Я не гофкригсратъ“, заканчивалъ онъ свое письмо; „пишу, что думаю, чего „желаю; рѣшай же ты съ полной свободой и отвѣтственностью“. Много назойливѣе въ этомъ отношеніи былъ оставшійся временно не у дѣлъ князь Варшавскій. Первоначальное его предположеніе о группировкѣ войскъ въ Княжествахъ было сходно съ мыслями Государя. Онъ также предлагалъ [2]) оставить генерала Лидерса съ полутора дивизіями пѣхоты и необходимымъ числомъ кавалеріи у Калараша для наблюденія за нижнимъ Дунаемъ, поставить для поддержки Лидерса у Слободзеи тоже дивизію пѣхоты, отрядъ генерала Ушакова попрежнему держать въ Исакчѣ, 10-й дивизіей продолжать занимать Журжу, Ольтеницу и Бухарестъ, а всѣ остальныя войска сосредоточить въ Плоешти и Бузео. 4-й стрѣл-

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 7 (19) іюня 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Кн. Варшавскій — кн. Горчакову 6 іюня 1854 г., № 548. Яссы. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

ковый баталіонъ фельдмаршалъ спѣшно потребовалъ въ Фокшаны. Добившись снятія осады Силистріи и сосредоточенія арміи вблизи р. Серетъ, онъ приступалъ къ выполненію слѣдующаго этапа своихъ желаній—отхода за эту рѣку, и въ воображеніи Паскевича начала рисоваться опасность движенія австрійской арміи на Окна, въ тылъ отходившимъ отъ Дуная войскамъ Горчакова.

Генералъ-маіоръ Моллеръ.

8 іюня князь Варшавскій отправилъ своему замѣстителю на Дунаѣ длинное предписаніе [1]), въ которомъ подтверждалъ свое опасеніе возможности направленія австрійцевъ на Окна, основывая его на пригодности горныхъ проходовъ для колеснаго движенія и на соблазнительности австрійскому главнокомандующему двинуться въ разрѣзъ между арміей Горчакова и корпусомъ Шабельскаго. Къ тому же и разстояніе отъ Кронштадта до Фокшанъ черезъ Плоешти было вдвое болѣе, чѣмъ черезъ Окна. Поэтому фельдмаршалъ признавалъ своевременнымъ отходить всѣми силами за р. Серетъ и тамъ ожидать непріятеля. Онъ предполагалъ генерала Ушакова съ дивизіей пѣхоты оставить попрежнему у Исакчи, сохраняя мостъ на Дунаѣ; генерала Лидерса съ полутора дивизіями пѣхоты сосредоточить на низовьяхъ Серета и у Галаца, одну дивизію у Немаесы и 4 дивизіи у Текуча, сохраняя мосты на Серетѣ и имѣя сильный авангардъ у Фокшанъ. Въ такомъ положеніи фельдмаршалу желательно было видѣть нашу армію не позднѣе 1 іюля. Но этого мало. Страхъ князя Варшавскаго за возможность движенія австрійцевъ на Окна былъ такъ великъ, что онъ требовалъ присылки въ Фокшаны дивизіи пѣхоты и бригады кавалеріи уже къ 18 іюня, чтобы спѣшно усилить до бригады пѣхоты отрядъ, у Окна расположенный.

---

[1]) Кн. Варшавскій—кн. Горчакову 8 іюня 1854 г., № 576, изъ Яссъ. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

Однако, князь Горчаковъ не сочувствовалъ такому быстрому отступленію за Серетъ. Онъ считалъ возможнымъ прикрыть выходы изъ горъ, ведущіе въ тылъ Дунайской арміи, простымъ передвиженіемъ корпуса Шабельскаго изъ Яссъ въ Баксу, тѣмъ болѣе, что не вѣрилъ въ рискованное движеніе всей австрійской арміи въ мѣшокъ, образуемый корпусомъ Шабельскаго, всей арміей Горчакова и съ тыломъ, упиравшимся въ горныя дефиле. Новый главнокомандующій полагалъ, что главная масса австрійскихъ войскъ направится изъ Кронштадта на Плоешти и считалъ необходимымъ быть сильнымъ около этого пункта, гдѣ онъ разсчитывалъ съ успѣхомъ принять бой. Къ тому же быстрое отступленіе за Серетъ могло поставить въ рискованное положеніе прикрывавшіе Дунай отряды Лидерса и Даненберга [1]).

Черезъ два дня послѣ отправленія вышеприведеннаго предписанія князю Горчакову, фельдмаршалъ представилъ всеподданнѣйшую записку Государю по тому же вопросу о сосредоточеніи арміи за р. Серетъ [2]). Изъ этой записки видно, что князь Варшавскій для прикрытія прохода черезъ Окна притянулъ уже изъ Бендеръ одну пѣхотную и одну кавалерійскую дивизіи [3]), которыя расположились въ Окнахъ, Фокшанахъ, Бырлатѣ и далѣе къ Аджутъ-Ногу, но и этого считалъ недостаточнымъ. Фельдмаршалъ высчитывалъ, что противъ нашей арміи въ Княжествахъ могутъ одновременно дѣйствовать до 150 тысячъ австрійцевъ, 120 тысячъ турокъ и до 70 тысячъ французовъ и англичанъ („Откуда взялись?“ помѣтилъ Императоръ Николай). При такомъ соотношеніи силъ [4]) онъ полагалъ для насъ опаснымъ принимать сраженіе между Плоешти и Бузео. Наша армія имѣла бы въ тылу три рѣки, которыя могли задержать ея отступленіе, а австрійцы, выйдя черезъ Окна на Фокшаны или Бырлатъ, успѣли бы уничтожить наши запасы хлѣба и пороху, истребить мосты на Серетѣ и Прутѣ и отрѣзать нашей арміи возможность къ отступленію. Какъ противодѣйствіе этому, князь Варшавскій предлагалъ оставить въ Бузео и Плоешти сильные передовые отряды, а остальную армію расположить между Бузео и Рымникомъ, устроивъ 5 или

---

[1]) Кн. Горчаковъ — кн. Варшавскому 11 іюня 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3358.

[2]) Всепод. записка кн. Варшавскаго 10 (22) іюня 1854 г., изъ Яссъ. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 60.

[3]) 16-ю пѣхотную, бригаду 6-й легк. кав. и бригаду резервн. уланск. дивизій.

[4]) У насъ отъ Плоешти до Тарнополя, на протяженіи 700 верстъ, онъ считалъ 170.000 человѣкъ.

6 переправъ въ Фокшанахъ и на Серетѣ. Такое выжидательное положеніе онъ предполагалъ, впрочемъ, принять лишь въ томъ случаѣ, если австрійцы будутъ находиться „въ возможности „обойти насъ съ праваго фланга и выйти намъ въ тылъ".

Записка князя Варшавскаго удостоилась слѣдующей собственноручной помѣтки Императора Николая: „Планъ этотъ почти „согласенъ съ моими собственными мыслями" [1]).

Если внимательно сравнить всеподданнѣйшую записку фельдмаршала и его предписаніе князю Горчакову, то, почти не отличаясь другъ отъ друга по мотивамъ и желанію оттянуть армію за Серетъ, оба эти документа имѣли въ сущности по своему смыслу большое различіе. Въ то время, какъ въ запискѣ Государю отступленіе за Серетъ носило условный характеръ въ зависимости отъ возможности австрійцамъ фактически угрожать нашему тылу и флангу, въ предписаніи Горчакову это отступленіе пріобрѣтало форму вполнѣ опредѣленнаго желанія быстро отойти за Серетъ во что бы то ни стало. Въ этомъ различіи мы склонны видѣть причину согласія Императора Николая на планъ князя Варшавскаго. Впрочемъ, давая это согласіе, Государь въ своемъ письмѣ къ фельдмаршалу [2]) присовокуплялъ: „Положеніе наше „не легко, но изъ него выйти можно съ честью, когда рѣши„тельно дѣйствовать будемъ, не преувеличивая себѣ препятствія „къ успѣху" [3]).

Князь Горчаковъ послѣ снятія осады Силистріи приступилъ, какъ извѣстно, къ обратному переходу черезъ Дунай и къ расположенію тамъ своей арміи слѣдующимъ образомъ [4]):

2-я драгунская дивизія изъ Калараша была отправлена въ Урзичени, куда прибывала 16 іюня и, находясь въ трехъ небольшихъ переходахъ отъ Плоешти и Бузео, легко могла быть туда притянута. Генералъ Лидерсъ оставался въ Каларашѣ со 2-й бригадой 14-й, всей 15-й пѣхотными дивизіями и съ тремя полками кавалеріи. Самъ Горчаковъ съ 9-й и 11-й пѣхотными дивизіями и кавалерійской бригадой также направлялся въ Урзичени, куда

---

[1]) Записку кн. Варшавскаго и препроводительное письмо мы помѣщаемъ въ Приложеніяхъ №№ 180 и 181.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому, изъ Александріи, 17 (29) іюня 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[3]) Весьма интересно также въ этомъ отношеніи письмо Государя къ кн. Варшавскому отъ 9 (21) іюня 1854 г. См. Приложеніе № 175.

[4]) Кн. Горчаковъ — кн. Варшавскому 9 іюня 1854 г., № 156. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1854 г., д. № 38.

прибывалъ 19 іюня. Вверхъ отъ Калараша Дунай охранялся отрядомъ генерала Даненберга, который имѣлъ у Ольтеницы одинъ пѣхотный полкъ, у Журжи бригаду и одинъ полкъ кавалеріи и въ резервѣ около Бухареста бригаду пѣхоты и одинъ кавалерійскій полкъ. Одинъ кавалерійскій полкъ былъ направленъ сначала въ Талпу, а потомъ въ Гаешти для наблюденія дороги отъ Германштадта въ Бухарестъ. Генералу Ушакову было предписано стянуть 15 числа свой авангардъ къ Бабадагу и все приготовить къ поспѣшному очищенію Тульчинскихъ укрѣпленій, имѣя свои главныя силы около Исакчи.

При такомъ распредѣленіи своей арміи князь Горчаковъ считалъ возможнымъ встрѣтить австрійцевъ у Плоешти съ 44 баталіонами и 52 эскадронами.

Главнокомандующій на Дунаѣ высказывалъ въ письмѣ къ князю Меншикову слѣдующія предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ [1]). „Я располагаюсь въ четырехъ группахъ: Лидерсъ съ „24 баталіонами у Калараша, Даненбергъ съ 22 между Бухарестомъ, Журжево и Ольтеницей, Липранди съ 12 баталіонами „въ Плоешти и я съ главными силами у Урзичени. Если австрійцы „не объявятъ намъ войны, я буду оспаривать Валахію у союзни„ковъ; если же они ударятъ намъ въ тылъ, то фельдмаршалъ „задержитъ ихъ въ Молдавіи съ 30 тысячами, которыя онъ со„средоточилъ въ Яссахъ и Фокшанахъ, а я буду драться, ста„раясь отойти на Серетъ. Если мнѣ удастся достигнуть этой „рѣки безъ затрудненій, то наше положеніе можетъ быть сохра„нено; въ противномъ случаѣ, придется драться до послѣдняго, „отходя къ Серету, и одинъ Богъ знаетъ, что изъ всего этого „выйдетъ“ [2]).

17 іюня князь Михаилъ Дмитріевичъ представилъ фельдмаршалу [3]) тотъ окончательный планъ, котораго онъ рѣшилъ держаться послѣ перехода его арміи на лѣвый берегъ Дуная. До тѣхъ поръ, пока война съ Австріей не будетъ рѣшена, онъ полагалъ удерживать въ своихъ рукахъ Большую Валахію отъ Журжи до Галаца; преждевременно оставлять Дунай ниже Журжи онъ считалъ неудобнымъ, такъ какъ это давало бы союзникамъ возможность безнаказанно переправиться черезъ рѣку и утвердиться въ Кня-

---

[1]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову отъ 10 іюня 1854 г., изъ-подъ Силистріи.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Записка кн. Горчакова кн. Варшавскому 17 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г., секр. г. № 62.

жествахъ. Отрядъ Ушакова не долженъ былъ оставлять праваго берега Дуная, если не будетъ вынужденъ къ этому превосходными силами противника. Въ случаѣ форсированія турками Дуная въ какомъ-либо пунктѣ, оспаривать дальнѣйшее ихъ движеніе въ Валахію, пока это будетъ возможно, не подвергаясь быть отрѣзанными австрійцами.

Въ случаѣ же объявленія австрійцами войны Горчаковъ рѣшилъ постепенно очистить Журжу, Ольтеницу, Каларашъ и Гуро-Яломницу, отводя оттуда войска за рѣки Бузео и Калматуй. Для принятія же на себя отступающихъ частей выдвинуться съ главными силами изъ Урзичени и Плоешти.

Если бы вторженіе австрійцевъ послѣдовало одновременно съ наступленіемъ союзниковъ, то, оттѣснивъ австрійцевъ, вступившихъ въ Молдавію, оставаться на Серетѣ, имѣя въ виду отойти, въ случаѣ надобности, за Прутъ. „Перейдя „за эту рѣку“, кончалъ князь Горчаковъ, „мы будемъ „въ состояніи отбиваться противъ „всѣхъ нашихъ „враговъ, сколько „бы ихъ ни пришло“.

Отраженіе атаки на Густавеверкъ.

Императоръ Николай, получивъ свѣдѣнія о переходѣ нашей арміи обратно за Дунай, вполнѣ одобрилъ расположеніе князя Горчакова *на первый случай* [1]). Государь полагалъ, что австрійцы могутъ предпринять наступленіе изъ Кронштадта черезъ Темешъ на Плоешти, изъ Германштадта черезъ Ротентурмъ или вдоль Дуная и, наконецъ, въ тылъ князю Горчакову черезъ Окны или Черновицъ вдоль Серета. Въ первомъ случаѣ наша Дунайская армія находилась бы у нихъ на лѣвомъ флангѣ и, по мнѣнію Государя, легко могла бы разбить австрійцевъ, наступавшихъ на Плоешти, до соединенія ихъ съ правой колонной. Во второмъ случаѣ онъ полагалъ необходимымъ сначала разбить ближайшую непріятельскую колонну, а потомъ уже наступавшихъ черезъ Темешъ. Наконецъ, въ случаѣ движенія въ тылъ, Шабельскому надо было задерживать наступавшихъ отъ Черновицъ, а Горчакову, оставя сильный аріергардъ, кинуться на колонну, вышедшую изъ Окны, и, разбивъ ее, воротиться противъ вышедшей черезъ Темешъ.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

„Повидимому“, писалъ Государь [1]), „планъ австрійцевъ состоитъ „въ томъ, чтобы сначала занять Малую Валахію; ежели *они пред-„варятъ тебя* [2]), ты имъ отвѣчать будешь, *что ты имѣешь мое „разрѣшеніе впустить ихъ, но не далѣе Аржиса, но что вся-„кое движеніе далѣе или въ иномъ направленіи* повелѣно мной „тебѣ считать *за открытіе военныхъ дѣйствій противъ насъ, а „потому противиться ему силою оружія*“.

Если бы дошло до такой крайности, то Государь указывалъ Горчакову стараться всѣми силами обезпечить себѣ при первой же встрѣчѣ рѣшительный успѣхъ; но ежели бы Шабельскій не могъ удержать колонну, угрожавшую правому флангу Горчакова, и этому послѣднему пришлось бы отступать, то Государь считалъ излишнимъ останавливаться на Серетѣ, а прямо итти за Прутъ, откуда уже начать наступленіе противъ Австріи по всему фронту.

Для этой цѣли генералъ Лидерсъ долженъ былъ оставаться въ оборонительномъ положеніи въ Бессарабіи съ 1½ пѣхотными и 1 кавалерійской дивизіями, имѣя въ резервѣ драгунскій корпусъ; князь Горчаковъ съ семью пѣхотными и двумя кавалерійскими дивизіями, имѣя въ резервѣ 1 резервный кавалерійскій корпусъ, долженъ былъ рѣшительно наступать на Буковину, а графъ Ридигеръ дѣйствовать къ сторонѣ Лемберга.

Одновременно съ этимъ Государемъ было отдано распоряженіе, чтобы, въ случаѣ входа австрійцевъ въ наши предѣлы, гражданскія власти съ архивами и казначействами, а также дворяне отправлялись внутрь страны; мѣстные же и сельскіе магазины вывезти или уничтожить. Народу покидать свои жилища и по возможности увозить съ собой все лучшее имущество, при чемъ жителямъ русскихъ деревень, имѣвшимъ оружіе, разрѣшалось уходить въ лѣса и вести партизанскую войну [3]).

Вопросъ объ образѣ дѣйствій австрійцевъ сильно занималъ и союзныхъ главнокомандующихъ въ связи съ выработкою ими плановъ дальнѣйшихъ операцій. Онъ служилъ также предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между Парижемъ и Лондономъ.

Омеръ-паша, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о снятіи нами осады Силистріи, приказалъ всѣмъ войскамъ, находившимся передъ

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 23 іюня 1854 г., изъ Петергофа. Библіотека Его Величества, рук. отд., шк. 115, портф. 14.

[2]) Курсивы подлинника.

[3]) Собственноручная записка Императора Николая. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., секр. д. № 87.

Шумлой, придвинуться къ Дунаю и направилъ дивизію Гассанъ-паши, силою въ 16-18 тысячъ, къ Рущуку, имѣя цѣлью завладѣть Журжею. Этотъ пунктъ привлекалъ съ самого начала кампаніи особое вниманіе турецкаго генералиссимуса, и первоначально онъ предполагалъ даже устроить въ немъ, на лѣвомъ берегу Дуная, опорный пунктъ, который долженъ былъ сыграть такую же роль, какъ Калафатъ на лѣвомъ флангѣ турецкаго расположенія. Отличныя дѣйствія въ теченіе зимней кампаніи генерала Соймонова не дали осуществиться предположеніямъ Омера-паши, и теперь, при начавшемся отступленіи русской арміи, онъ вновь обратилъ свое вниманіе на Журжу. Усиленныя работы по постройкѣ тамъ нами новыхъ батарей не смутили турокъ, которые видѣли въ этомъ лишь демонстрацію для облегченія спокойнаго отхода главныхъ силъ князя Горчакова на Серетъ [1]).

Армія Омера-паши до выясненія обстановки сосредоточилась слѣдующимъ образомъ: одинъ корпусъ, силою въ 41 баталіонъ, 24 эскадрона и 60 орудій, подъ начальствомъ Измаила-паши, у Силистріи; второй корпусъ, силою въ 39 баталіоновъ, 12 эскадроновъ и 61 орудіе, подъ начальствомъ Гассана-паши, у Рущука; третій, силою въ 27 баталіоновъ, 24 эскадрона и 55 орудій, у Гургенли (Gurgenli), въ шестичасовомъ переходѣ отъ Шумлы, по дорогѣ на Силистрію, и, наконецъ, резервъ, силою въ 9 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 18 орудій, оставался въ Шумлѣ [2]). Въ такомъ положеніи, писалъ Омеръ-паша, турецкая армія можетъ въ самое короткое время собраться въ любомъ пунктѣ на Дунаѣ, предназначенномъ для развитія дальнѣйшихъ операцій.

Что касается до армій западныхъ державъ, то въ то время, когда князь Горчаковъ началъ отступательное движеніе къ Урзичени, они еще продолжали сосредоточеніе къ Варнѣ, разсчитывая довершить его къ 1 іюля нашего стиля. Къ этому времени маршалъ С.-Арно предполагалъ имѣть въ рукахъ до 70.000 человѣкъ [3]), съ которыми готовъ былъ итти туда, куда „укажетъ „ему обстановка или инструкціи, основанныя на политическихъ „соображеніяхъ, ему неизвѣстныхъ, но которыя онъ разсчитывалъ

---

[1]) Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 1 juillet (19 juin) 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 1 juillet (19 juin) 1854.

Le capitaine Simmons — à lord Raglan. Choumla, le 1 juillet (19 juin) 1854. Парижскій Архивъ.

[3]) Около 50 тысячъ французовъ (4 дивизіи) и около 20 тысячъ англичанъ.

„получить отъ своего правительства“ [1]). Впрочемъ, французскаго главнокомандующаго очень безпокоили въ этомъ его наступательномъ порывѣ недостатокъ продовольствія и полное отсутствіе перевозочныхъ средствъ. Французамъ удалось собрать въ окрестностяхъ Варны лишь 800 маленькихъ болгарскихъ повозокъ, за которыя они платили за каждую по три франка въ сутки наличными деньгами, но и изъ нихъ въ одну ночь дезертировало 150 хозяевъ со своими повозками; тѣ же, которымъ это не удавалось, сжигали ихъ на глазахъ французовъ. „C'est du fanatisme, activé par la „propagande russe“, писалъ по этому поводу маршалъ С.-Арно [2]). О враждебномъ къ союзникамъ турокъ отношеніи жителей съ удивленіемъ свидѣтельствовали также и французскіе офицеры въ своихъ письмахъ къ роднымъ. Они ожидали, что ихъ встрѣтятъ, какъ избавителей, а между тѣмъ жители разбѣгались, и союзныя войска даже за большія деньги ничего не могли у нихъ купить [3]). Приходилось очень сожалѣть объ отсутствіи малыхъ пароходовъ и легкихъ канонерскихъ лодокъ, которые, подходя къ берегу и входя въ устья Дуная, могли бы облегчить продовольствіе наступающей арміи; но ихъ не было, а необходимость удовлетворенія этого важнаго требованія продолжала, по словамъ маршала С.-Арно, неторопливо изслѣдоваться въ кабинетѣ морского министра въ Парижѣ [4]).

Такимъ образомъ, къ 1 іюля нашего стиля турецкая армія была уже сосредоточена въ полномъ составѣ на линіи Дуная, а армія западныхъ державъ довершала свою группировку у Варны. Союзникамъ необходимо было окончательно остановиться на дальнѣйшемъ планѣ операцій. До снятія осады Силистріи иниціатива дѣйствій принадлежала намъ, и союзные главнокомандующіе невольно должны были направлять всѣ свои усилія для задержанія наступательнаго движенія арміи князя Варшавскаго на Балканскомъ полуостровѣ, чтобы выполнить офиціальную цѣль своего вмѣшательства въ дѣла Востока—обезпечить Турцію отъ нашего порабощенія. Но отходъ русской арміи къ Серету передавалъ иниціативу въ руки нашихъ враговъ, которымъ предстояло поставить

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Varna, le 29 (17) juin 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Тамъ же.

[3]) Lettre de L. Pacra à ses parents. Varna, le 14 juillet 1854. Иностр. отд. Музея Севастопольской обороны.

[4]) Le vice-amiral Hamelin—au maréchal de St-Arnaud, le 25 (13) juin 1854. Парижскій Архивъ.

себѣ новую цѣль похода; вернуться назадъ, нашумѣвши на всю Европу, понеся большія затраты и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, нельзя было. Это чувствовалось всѣми, и наша уступчивость въ тотъ періодъ кампаніи не могла повлечь за собой заключенія мира.

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ отступленіи русскихъ войскъ за Дунай началась усиленная переписка между Парижемъ и Лондономъ, а также переписка обоихъ правительствъ съ ихъ главнокомандующими о томъ, что дѣлать дальше.

Первое распоряженіе было получено лордомъ Рагланомъ изъ Лондона отъ 29 (17) іюня, въ которомъ указывалось „se bien „garder d'entrer dans la Dobroudja et de poursuivre les russes „au delà du Danube". Это краткое телеграфическое сообщеніе разъяснялось болѣе подробными указаніями на необходимость сохранить всѣ силы и средства для попытки сдѣлать высадку въ Крыму и осадить Севастополь. Великобританское правительство считало возможнымъ отказаться отъ этой операціи лишь въ томъ случаѣ, если лорду Раглану удастся получить неопровержимое доказательство большой несоразмѣрности силъ обороняющагося съ атакующимъ; главнокомандующему ставилось на видъ при этомъ, что такая несоразмѣрность можетъ чрезмѣрно увеличиться, если экспедиція не будетъ произведена безотлагательно. Маршалъ Вальянъ, узнавъ объ этихъ инструкціяхъ, отправилъ, по повелѣнію Императора Наполеона, 1 іюля (19 іюня) маршалу С.-Арно, слѣдующую телеграмму: „Restez dans le voisinage „de Varna et ne descendez pas au Danube: on veut que l'armée soit „toujours prête à être emportée par la flotte".

Карикатура на Непира.

Однако, маршалъ Вальянъ не склоненъ былъ принять такое опредѣленное рѣшеніе о немедленной экспедиціи въ Крымъ, какъ это было сдѣлано по ту сторону канала. Онъ рѣшилъ до отправленія категорическихъ инструкцій маршалу С.-Арно выяснить, какъ далеко отступитъ наша армія, а также выждать, пока не опредѣлится окончательное отношеніе между Россіей и Австріей и возможность совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ съ этой послѣдней. Французскій военный министръ считалъ необходимымъ не допустить однихъ австрійцевъ дѣйствовать въ Княжествахъ,

а, какъ только будетъ получено извѣстіе о томъ, что они собираются переходить границу, быстро двинуться на Силистрію или Рущукъ, перейти тамъ Дунай и войти въ линію съ австрійцами, составивъ ихъ правый флангъ. Въ какихъ силахъ предпринять эту операцію, должно показать будущее, въ зависимости отъ численности австрійскихъ войскъ и той помощи, которую они могутъ потребовать, но во всякомъ случаѣ не слѣдовало посылать туда незначительныхъ частей и слѣдовало поставить себѣ конечною цѣлью откинуть русскихъ за Прутъ и вторгнуться въ Бессарабію. Маршалъ Вальянъ полагалъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, союзники заставятъ Россію безпокоиться за Крымъ, на который онъ всегда смотрѣлъ, какъ на цѣль экспедиціи, и на который въ концѣ концовъ должны были обратиться всѣ усилія союзниковъ. Вальянъ не отказывался при исполненіи изложеннаго плана отъ мысли направить Шамиля вдоль Чернаго моря, чтобы онъ угрожалъ Крыму съ востока. Союзный флотъ при такой комбинаціи долженъ былъ выполнять двоякую задачу: поддерживать движеніе Шамиля и снабжать черезъ устья Дуная необходимыми запасами французскую армію въ Молдавіи и Бессарабіи.

При обсужденіи общаго плана наступленія въ наши предѣлы англичане предполагали, кромѣ Крыма, направить ударъ на Тифлисъ, возложивъ его на турецкія войска при содѣйствіи союзныхъ отрядовъ, и на Перекопъ съ цѣлью отрѣзать Крымскій полуостровъ отъ остальной Имперіи; эту послѣднюю операцію хотѣли возложить исключительно на турецкій отрядъ. Французскій военный министръ сочувствовалъ движенію на Тифлисъ, но безъ помощи союзниковъ, такъ какъ это чрезмѣрно удаляло бы ихъ отъ австрійцевъ, и, наоборотъ, полагалъ рискованнымъ поручать операцію противъ Перекопа однимъ туркамъ, считая необходимымъ присутствіе тамъ союзныхъ отрядовъ, въ виду важнаго значенія этого пункта.

Вообще маршалъ Вальянъ свои предположенія строилъ на совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ австрійцами, считая неудобнымъ отсутствіе французскихъ знаменъ тамъ, гдѣ долженъ рѣшиться жребій войны между Австріей и Россіей; англійское же правительство, напротивъ, ставило себѣ задачи, исключительно направленныя на умаленіе нашего значенія на Черномъ морѣ и на Кавказѣ [1]).

---

[1]) Le ministre de la guerre — au ministre des affaires étrangères. Paris, 7 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

Поведеніе Австріи должно было рѣшить направленіе дальнѣйшаго хода операцій; но эта держава играла роль сфинкса не только для насъ, но и для западныхъ кабинетовъ. Въ концѣ іюня она окончательно рѣшила стать въ число нашихъ открытыхъ враговъ и вела переговоры въ Парижѣ [1]), а также на мѣстѣ, въ Варнѣ, съ союзными главнокомандующими [2]) о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ австрійскихъ войскъ съ морскими державами. Однако, въ послѣднюю минуту удовлетворившій Пруссію отвѣтъ русскаго правительства на іюньскую ноту заставилъ Австрію отложить разрывъ еще на два мѣсяца. За это время обстановка измѣнилась, союзники всѣ свои усилія направили на Крымъ и, такимъ образомъ, Австріи пришлось бы одной на нашемъ западномъ фронтѣ вести борьбу съ своей сосѣдкой, на что она такъ и не рѣшилась до Парижскаго мира.

Маршалу С.-Арно не особенно улыбалось движеніе за Дунай и преслѣдованіе русской арміи. Наступленіе къ Дунаю, писалъ онъ [3]), по мѣстности опустошенной, безъ перевозочныхъ средствъ и удаляясь отъ своего флота, можетъ быть предпринято лишь въ видахъ крайней политической или военной необходимости. Переходъ же черезъ Дунай и преслѣдованіе отходящей на свои резервы русской арміи неизвѣстно когда и чѣмъ могли окончиться. Поэтому союзныя арміи рѣшили до выясненія того положенія, которое приметъ Австрія, не начинать наступательнаго движенія, оставивъ турецкую армію сосредоточенной въ трехъ группахъ на Дунаѣ.

Но черезъ три дня послѣ приведеннаго рѣшенія союзныхъ главнокомандующихъ разыгралось, неожиданно для нихъ, у Журжи кровопролитное дѣло, возгорѣвшееся, благодаря личной инициативѣ командира корпуса Гассана-паши.

III.

Князь Горчаковъ уже съ первыхъ чиселъ іюня началъ, при существовавшемъ въ то время въ главной квартирѣ тяготѣніи къ отступленію на лѣвый берегъ Дуная, стѣснять активную дѣятельность генерала Ушакова, начальствовавшаго войсками на нижнемъ

---

[1]) Le ministre des affaires étrangères — à m-r le c-te Walevsky. Paris, le 6 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) „Note confidentielle à mm. les colonels de Kalik et de Lœwental“ à Varna. Парижскій Архивъ.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 4 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

Дунаѣ и занимавшаго Бабадагскую область. Удержаніе въ своихъ рукахъ устьевъ Дуная для насъ имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ этимъ мы препятствовали вторженію непріятельской флотиліи въ эту рѣку, да, кромѣ того, послѣ отступленія изъ-подъ Силистріи только отдѣлъ генерала Ушакова продолжалъ владѣть обоими берегами Дуная. Казалось бы, что эти соображенія должны были заставить насъ удерживаться до послѣдней крайности въ Бабадагской области, а крутой поворотъ Дуная на сѣверъ и обезпеченныя у генерала Ушакова переправы позволяли ему сдѣлать это безъ особаго риска.

Однако, неосновательный страхъ немедленнаго наступленія сильныхъ отрядовъ англо-французовъ въ направленіи на нижній Дунай производилъ, какъ мы видѣли уже, совершенно безпричинно какой-то магическій гнетъ на главную квартиру и заставлялъ ее думать только объ одномъ—уходить отъ призрака морскихъ державъ. Князь Горчаковъ еще 3 іюня рѣшилъ отказаться отъ праваго берега Дуная и предписалъ генералу Ушакову принять мѣры отстаивать только лѣвый берегъ этой рѣки, такъ какъ ежели непріятель двинется съ европейскими войсками въ Бабадагскую область, то сдѣлаетъ это съ такими силами, противъ которыхъ генералу Ушакову невозможно будетъ устоять [1]). Но этотъ послѣдній, хорошо знакомый съ положеніемъ своихъ войскъ и осмотрѣвшій всю Бабадагскую область, былъ иного мнѣнія и высказалъ князю Горчакову свое глубокое убѣжденіе, что онъ со своимъ отрядомъ можетъ оказать упорное сопротивленіе даже превосходнымъ силамъ противника и на правомъ берегу Дуная [2]). Дѣйствительно, генералъ Ушаковъ своими разъѣздами освѣщалъ мѣстность на 30 верстъ къ югу отъ Троянова вала, а бригада его кавалеріи была эшелонирована между Трояновымъ валомъ и городомъ Бабадагомъ, къ сѣверу отъ котораго находилось очень удобное для обороны дефиле, образуемое болотистой рѣчкой Лозова. За рѣчкой начиналось ровное и открытое плато, очень удобное для дѣйствія кавалеріи. Генералъ Ушаковъ считалъ возможнымъ здѣсь со своими четырьмя кавалерійскими полками, конной и ракетной батареями сильно замедлить наступленіе непріятеля на протяженіи 15 верстъ вплоть до опушки Исакчинскаго

---

[1]) Кн. Горчаковъ—ген. Ушакову 3 іюня 1854 г., № 1797. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1854 г., д. № 38.

[2]) Ген. Ушаковъ—кн. Горчакову 5 іюня 1854 г., № 589. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3341.

лѣса. Этотъ лѣсъ, приведенный въ оборонительное состоянiе, представлялъ изъ себя, по словамъ генерала Ушакова, такую сильную позицiю, что онъ ручался за успѣшное отраженiе съ имѣвшимися у него 12 баталiонами даже 20 тысячнаго отряда европейскихъ войскъ, поддержанныхъ иррегулярными турецкими полчищами.

Впрочемъ, это разногласiе во взглядахъ между трезво смотрѣвшимъ на дѣло и отвѣтственнымъ на своемъ участкѣ генераломъ Ушаковымъ и княземъ Горчаковымъ не имѣло существеннаго значенiя, такъ какъ союзники, какъ изложено выше, не могли и не предполагали двинуться въ большихъ силахъ противъ нашего отряда на нижнемъ Дунаѣ. Iюнь мѣсяцъ прошелъ лишь въ нѣсколькихъ ничтожныхъ демонстрацiяхъ противъ Кюстенджи и кордоновъ въ устьяхъ Дуная [1]).

Карикатура на Непира.

Въ то время, какъ князь Горчаковъ волновался за участь отряда генерала Ушакова, опасность грозила съ другой стороны, а именно со стороны Рущука. Противъ этого пункта, около Журжи былъ, какъ извѣстно, расположенъ отрядъ генерала Соймонова, состоявшiй изъ бригады его дивизiи и 8-ми эскадроновъ; въ ближайшемъ резервѣ, въ Бухарестѣ, находилась другая бригада его дивизiи. Главныя силы князя Горчакова оканчивали свое сосредоточенiе къ Урзичени.

Съ 10 iюня къ Рущуку начали сосредоточиваться войска корпуса Гассана-паши, и, по свѣдѣнiямъ, полученнымъ отъ болгаръ, къ 21 iюня тамъ собралось свыше 30 тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности турецкiй корпусъ имѣлъ 20 тысячъ пѣхоты, 4 кавалерiйскихъ полка, около 60 орудiй и нѣсколько сотенъ башибузуковъ [2]). Участившiйся огонь съ крѣпости, попытки турокъ противъ очищеннаго нами острова Макана и, наконецъ, свѣдѣнiя, получаемыя изъ Рущука черезъ перебѣжчиковъ, давали поводъ предполагать, что турки, дѣйствительно, рѣшили форсировать Дунай у Журжи.

---

[1]) Ген. Ушаковъ — кн. Горчакову 11 iюня 1854 г., № 602. Тамъ же.
[2]) Gradovitz—au maréchal de St-Arnaud. Rouchtzouk, le 8 juillet 1854. Парижскiй Архивъ.

Генералъ Даненбергъ, которому было поручено начальствованіе войсками, оборонявшими Дунай выше Туртукая, счелъ долгомъ запросить въ такихъ обстоятельствахъ князя Горчакова— слѣдуетъ ли генералу Соймонову по возможности держаться въ Журжѣ до прибытія къ нему подкрѣпленій, или же отступать передъ превосходными силами непріятеля. Главнокомандующимъ было указано стараться по возможности защищать переправу черезъ Дунай, но, если Соймоновъ сдѣлать это будетъ не въ силахъ, и турки утвердятся на лѣвомъ берегу, то не атаковать ихъ въ укрѣпленіяхъ, а, отойдя назадъ, занять наблюдательную позицію, „какъ нами было сдѣлано въ Ольтеницѣ“ [1]). Нельзя не отмѣтить въ этой послѣдней фразѣ нѣкоторой оригинальности. Общее направленіе Журжинской операціи находилось въ рукахъ того же генерала Даненберга, который руководилъ операціей Ольтеницкой, и ему указывался способъ дѣйствій, сходный съ этой печальной страницей его дѣятельности.

Слѣдствіемъ такого указанія было разрѣшеніе, данное генераломъ Даненбергомъ генералу Соймонову, оставить острова на Дунаѣ, лежащіе противъ Журжи, „если оборона ихъ должна при„нести невознаграждаемую занятіемъ ихъ потерю, а, впрочемъ, ста„раться удержать Журжу и по возможности препятствовать тур„камъ укрѣпиться на островахъ“ [2]). Это „впрочемъ“ является очень характернымъ, такъ какъ одного взгляда на карту достаточно, чтобы убѣдиться въ невозможности удержать Журжу противъ сильнаго противника, отдавъ въ его руки прилегающіе острова.

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ Даненбергъ направилъ на поддержку Соймонова изъ Бухареста Тобольскій пѣхотный полкъ съ батареей и бугскихъ уланъ, приказавъ въ томъ случаѣ, если Соймоновъ будетъ принужденъ уступить Журжу до подхода подкрѣпленій, отходить на Калагурени, а не на Гостинары.

Всѣ указанія, данныя для дѣйствія Соймоновскаго отряда, наврядъ ли соотвѣтствовали тому „убѣжденію“, которое вмѣстѣ съ этимъ генералъ Даненбергъ высказывалъ князю Горчакову о „необходимости удерживать въ настоящихъ обстоятельствахъ Журжу

---

[1]) Ген. Даненбергъ—кн. Горчакову 19 іюня 1854 г., № 944, и ген. Коцебу—ген. Даненбергу 21 іюня 1854 г., № 2063. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3413.

[2]) Начальникъ штаба 4 пѣх. корп.—ген. Соймонову 21 іюня 1854 г., № 985. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3413.

„до послѣдней крайности“ [1]). Впрочемъ, на дѣлѣ это убѣжденіе выразилось лишь въ томъ, что 23 числа Даненбергъ лично отправился въ отрядъ Соймонова. Съ своей стороны и главнокомандующій, получивъ въ Плоешти извѣстіе объ ожидаемой переправѣ турокъ, направилъ въ Бухарестъ изъ Урзичени 11-ю пѣхотную и бригаду 4-й легкой кавалерійской дивизіи, а также лично отправился туда. Подкрѣпленія прибыли къ Бухаресту лишь 25-го утромъ, сдѣлавъ форсированный маршъ въ 60 верстъ [2]).

Однако, пребываніе корпуснаго командира въ Журжѣ продолжалось недолго. Тамъ онъ нашелъ все въ томъ отличномъ порядкѣ, въ которомъ нельзя было сомнѣваться послѣ назначенія Соймонова [3]), и Даненбергъ, увѣренный, по его словамъ, въ блестящемъ отраженіи турокъ, которые, узнавъ о подходѣ подкрѣпленій, не рискнутъ даже атаковать насъ, 24-го числа вернулся обратно въ Бухарестъ [4]).

Тѣмъ временемъ генералъ Соймоновъ распредѣлилъ свой отрядъ слѣдующимъ образомъ [5]): Томскій егерскій полкъ занималъ Слободзею, Колыванскій Журжу, а прибывшій въ подкрѣпленіе Тобольскій полкъ съ батареей сталъ лагеремъ между этими двумя пунктами. Гусары Цесаревича расположились на лѣвомъ флангѣ всего расположенія, а бугскіе уланы на правомъ флангѣ. Артиллерія была расположена по разнымъ батареямъ, устроеннымъ по берегу Дуная. Правая половина острова Радоманъ была занята двумя ротами, всѣми штуцерными Томскаго егерскаго полка и четырьмя батарейными орудіями, поставленными на передовыхъ батареяхъ оконечности острова. На лѣвой половинѣ Радомана также находилось четыре батарейныхъ орудія, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, и 64 штуцерныхъ Колыванскаго егерскаго полка. Противъ пролива Вериги, отдѣляющаго Чарой отъ Радомана, было поставлено четыре орудія, которыя могли обстрѣливать, какъ проливъ Верига, такъ и островъ Чарой и лѣвую оконечность Радомана. Островъ Маканъ, въ виду ширины и быстроты рукава, отдѣляющаго его отъ лѣваго берега Дуная, и въ виду невозможности

---

1) Ген. Даненбергъ — кн. Горчакову 22 іюня 1854 г., № 992. Тамъ же.

2) Всеподд. письмо кн. Горчакова 27 іюня 1854 г., изъ Фратешти. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

3) „Quant à Soïmonoff“, писалъ кн. Горчаковъ военному министру еще 6 февраля 1854 г., „c'est celui de tous nos généraux qui s'est le mieux montré depuis l'ouverture des „hostilités, et j'en suis on ne peut plus content“ (Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1853 г., д. № 57).

4) Даненбергъ — кн. Горчакову 24 іюня 1854 г., № 1015. Тамъ же.

5) См. схему № 31, стр. 1049.

устроить здѣсь мостъ, не былъ занятъ нашими войсками въ цѣляхъ обороны; туда для наблюденія высылался лишь ежедневно до наступленія темноты унтеръ-офицерскій постъ изъ 14 рядовыхъ.

24-го числа въ Журжу прибылъ генералъ Хрулевъ, командированный Горчаковымъ для установки на берегу Дуная новыхъ батарей, но на слѣдующій день утромъ разыгрался бой, послѣдствіемъ котораго было очищеніе нами этого пункта и утвержденіе тамъ турокъ.

Иниціатива Журжинскаго дѣла принадлежала Гассану-пашѣ противъ желанія союзныхъ главнокомандующихъ, которые, какъ извѣстно, не хотѣли переходить Дуная до выясненія образа дѣйствій Австріи.

Энергичный паша, возбужденный неожиданнымъ успѣхомъ подъ Силистріей и сосредоточеніемъ у Рущука цѣлаго корпуса, началъ дѣлать попытки овладѣть островами, прилегающими къ Журжѣ. Особое вниманіе его первоначально привлекалъ островъ Маканъ, на которомъ не было нашей артиллеріи и не было замѣтно значительныхъ силъ пѣхоты.

23 числа утромъ, послѣ предварительной подготовки артиллерійскимъ огнемъ, двѣ турецкія роты переправились на островъ Маканъ и оттѣснили бывшій на немъ русскій постъ. Здѣсь было выяснено, что наши батареи не могутъ помѣшать высадкѣ на островъ, и Гассанъ-паша рѣшилъ перекинуть туда на судахъ три баталіона пѣхоты и 4 орудія, что и было исполнено къ полудню. На слѣдующій день турки получили фальшивыя свѣдѣнія о томъ, что русскія войска очистили Журжу и Слободзею, и что только нѣсколько сотъ штуцерныхъ съ двумя орудіями охраняютъ островъ Радоманъ. Это дало поводъ Гассану-пашѣ, вопреки мнѣнію остальныхъ начальниковъ, завладѣть островомъ Радоманъ. Въ теченіе цѣлаго дня 24-го числа турки изъ крѣпостныхъ орудій обстрѣливали нашъ берегъ, возводя въ то же время укрѣпленія на островѣ Маканѣ. Соймоновъ началъ опасаться переправы непріятеля съ этой стороны, а потому выдѣлилъ съ главной своей позиціи отрядъ генерала Баумгартена, силою въ 4 баталіона и 8 орудій при двухъ эскадронахъ, которому поручилъ оборону участка внизъ отъ острова Макана до устья р. Руптуры (кордонъ № 136).

25-го числа, послѣ сильной канонады, непріятель на судахъ, вышедшихъ изъ устья р. Лома, началъ, подъ начальствомъ англичанина Бейрама-паши и имѣя во главѣ трехъ англійскихъ офицеровъ, переправляться на середину острова Радоманъ, между кор-

донами №№ 129 и 130. Турки, встрѣченные ротами Томскаго полка и огнемъ артиллеріи, расположенной на островѣ, были быстро оттѣснены къ берегу, но вновь подходящія подкрѣпленія давали имъ временной перевѣсъ. Къ нашимъ передовымъ ротамъ подошли томскіе, а потомъ и тобольскій баталіоны изъ Слободзеи, имѣя во главѣ генерала Хрулева, и турки вновь были откинуты къ берегу. Тогда они начали высаживаться на нижней части острова, противъ Журжи, но здѣсь были встрѣчены колы-

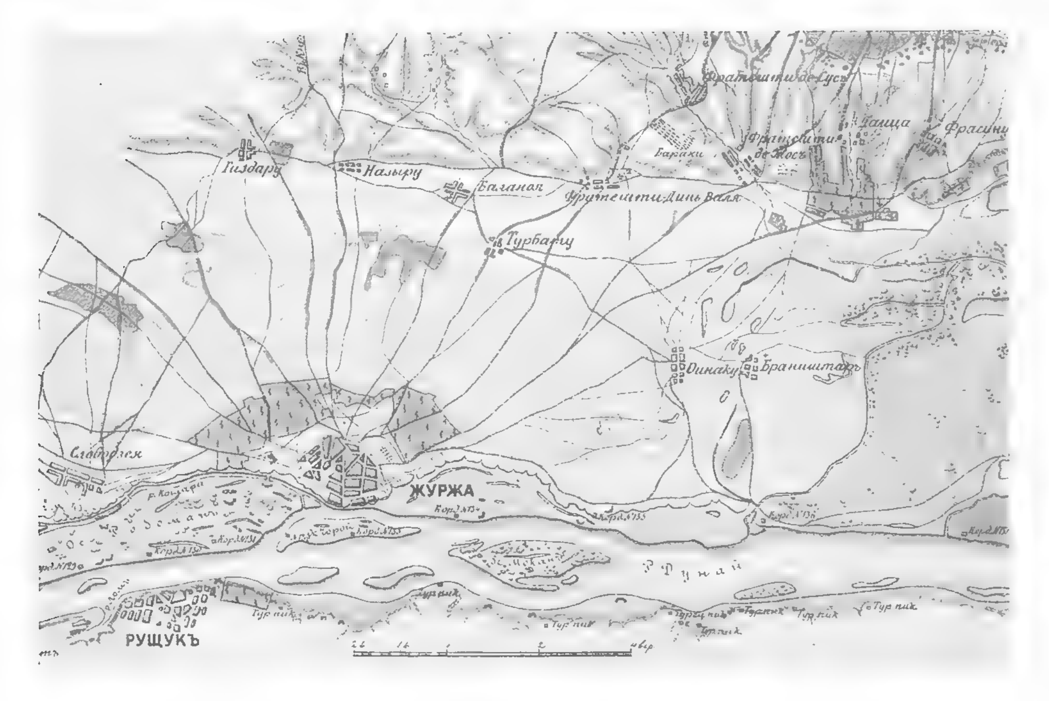


Схема № 31.

ванцами. Турки рѣшили попытать счастья со стороны острова Макана, но были скинуты въ Дунай отрядомъ генерала Баумгартена, при чемъ наши гусары лихо атаковали противника и изрубили почти цѣлый турецкій баталіонъ, захвативъ около ста человѣкъ плѣнныхъ [1]).

Турки вновь обратились противъ Радомана, введя здѣсь въ дѣло 10 баталіоновъ пѣхоты. Бой имѣлъ самый кровопролитный характеръ; баталіоны по нѣскольку разъ ходили въ штыки. Офицеры и нижніе чины дрались, даже по свидѣтельству иностранцевъ,

---

[1]) Tanski—au maréchal de St-Arnaud. Varna, le 25 (13) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

съ какимъ-то особымъ ожесточеніемъ, какъ бы стараясь залить непріятельскою кровью то чувство обиды за армію и за Россію, которое накопилось у каждаго, благодаря нерѣшительному, можно сказать, трусливому ходу всей кампаніи. Но они, бросаемые по частямъ безъ общаго руководства [1]), могли только грудью своей отстоять островъ, не имѣя силъ окончательно столкнуть врага въ Дунай.

Съ наступленіемъ темноты, когда бой затихъ, турки остались владѣть ближайшимъ къ Рущуку берегомъ Радомана. Объ ожесточеніи боя можно судить по донесенію Градовица маршалу С.-Арно, который также указываетъ на уничтоженіе чуть ли ни цѣлаго турецкаго баталіона въ нѣсколько минутъ и на рьяныя, неоднократныя атаки турокъ и русскихъ въ штыки, при чемъ ни тѣмъ ни другимъ не удалось остаться полными хозяевами острова.

Наши потери въ отрядѣ генерала Соймонова за этотъ день заключались въ 342 человѣкахъ убитыхъ и въ 22 офицерахъ и 653 нижнихъ чинахъ раненыхъ и контуженныхъ. Турки, даже по свидѣтельству ихъ самихъ, потеряли 500 человѣкъ убитыми и свыше 1000 человѣкъ ранеными, въ томъ числѣ были убиты всѣ англійскіе офицеры.

Генералъ Хрулевъ въ своемъ разговорѣ съ Меньковымъ [2]) упоминалъ объ отсутствіи какого-либо порядка на островѣ Радоманѣ, когда онъ прибылъ туда въ началѣ боя. Да и самый характеръ дѣйствій отряда генерала Соймонова въ теченіе всего дня показываетъ отсутствіе какого-либо руководства боемъ. Было желаніе задержать непріятеля на всѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ появлялся; ближайшія части съ безумной храбростью бросались на врага, но все это было дѣломъ рукъ ротныхъ и отчасти баталіонныхъ командировъ. Въ реляціи о Журжинскомъ дѣлѣ ни слова не упоминается о работѣ старшихъ начальниковъ, что еще болѣе подтверждаетъ полное отсутствіе такой работы. Мы не склонны бросать за это упрекъ генералу Соймонову—указанія, данныя ему, имѣли очень двойственный характеръ: драться, но не очень, защищать острова, но съ большой оглядкой назадъ. Созрѣвшая въ головѣ генерала Даненберга рѣшимость удержать Журжу во что бы то ни стало была сообщена имъ вверхъ, князю Горчакову, но не внизъ, генералу Соймонову. Надо по-

---

[1]) Ген. Хрулевъ въ началѣ боя былъ легко раненъ.
[2]) Записки П. К. Менькова.

лагать, что этотъ талантливый генералъ сумѣлъ бы, если бы онъ получилъ опредѣленныя указанія, достигнуть при борьбѣ съ равными силами турокъ болѣе рѣшительныхъ результатовъ, проявивъ въ бою свое личное руководство. Но такого руководства не было, и Журжинскій бой всей своей тяжестью легъ на доблесть младшихъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ, о чемъ особенно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многія страницы описанія ихъ подвиговъ, представленныя Государю Николаю Павловичу [1]).

Что касается до дѣйствія турокъ, то союзные главнокомандующіе остались очень недовольны проявленной Гассаномъ-пашой самостоятельностью, которая совершенно не соотвѣтствовала ихъ видамъ.

Веденіе собственно боя турецкимъ генераломъ также весьма критиковалось. Начавъ дѣло въ предположеніи, что острова заняты нами лишь незначительными силами, онъ, увидавъ серьезное сопротивленіе, не сумѣлъ взять боя въ свои руки, не ввелъ въ дѣло имѣвшихся у него наготовѣ большихъ силъ и далъ возможность слабому отряду Соймонова не только удержать въ своихъ рукахъ острова, но и нанести туркамъ существенныя потери. „Les dispositions pour attaquer les russes“, писалъ по этому поводу французскій свидѣтель боя [2]), „ont été si funestes, qu'on ne „doit attribuer l'honneur de la journée qu'à la bravoure des soldats „turcs“.

По свидѣтельству другого французскаго офицера [3]), на островѣ Радоманѣ оставались ко времени начала нашего отступленія лишь прижатыя къ Дунаю отдѣльныя группы турокъ въ 25-50 человѣкъ.

Тѣмъ временемъ на помощь генералу Соймонову изъ Бухареста спѣшилъ генералъ Даненбергъ съ Екатеринбургскимъ полкомъ, прибывшимъ къ Фратешти въ ночь на 26-ое число, а вслѣдъ за нимъ туда же были направлены три полка 11 пѣхотной дивизіи и бригада кавалеріи съ княземъ Горчаковымъ во главѣ. Одновременно съ этими мѣрами главнокомандующій послалъ новую и на этотъ разъ очень опредѣленную инструкцію генералу Соймонову. „Отступленіе вашихъ войскъ“, писалъ князь Михаилъ

---

1) Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3712.

2) Gradowitz—au maréchal de St-Arnaud. Rouchtzouk, le 8 juillet (26 juin) 1854. Парижскій Архивъ.

3) Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Varna, le 25 (13) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

Дмитріевичъ [1]), „предполагается только въ такомъ случаѣ, если бы „разрывъ съ Австріей потребовалъ сосредоточенія моихъ силъ, „но случай этотъ, можетъ быть, вовсе не представится или пред„ставится не скоро. Теперь вамъ надобно отстаивать переходъ „турокъ на лѣвый берегъ Дуная, на что вы имѣете достаточно „силъ". Но это опредѣленное указаніе дошло по назначенію слишкомъ поздно.

Соймоновъ ничего не зналъ ни о подходѣ къ Фратешти Екатеринбургскаго полка [2]), ни о направленіи туда же сильнаго отряда изъ Бухареста и потому, предполагая, что онъ предоставленъ собственнымъ силамъ [3]), не счелъ возможнымъ продолжать отстаивать островъ Радоманъ, какъ въ виду сильнаго утомленія войскъ, такъ и въ виду превосходства противника, который ночью продолжалъ перевозку на острова новыхъ частей.

Поэтому съ наступленіемъ темноты онъ очистилъ острова, а къ утру и Журжу, отведя свои войска на позицію къ Фратешти [4]).

Соймоновъ по выступленіи со своимъ отрядомъ изъ Журжи встрѣтился на разсвѣтѣ 26-го съ генераломъ Даненбергомъ, который спѣшилъ на мѣсто боя. Корпусный командиръ, выслушавъ докладъ о происшедшемъ дѣлѣ, нашелъ, что обстоятельства совершенно не благопріятствуютъ тому, чтобы отбирать у непріятеля Журжу обратно [5]). А между тѣмъ турки весьма опасливо заняли этотъ пунктъ только 27 іюня, при чемъ Омеръ-паша приказалъ не двигаться далѣе, а лишь образовать на лѣвомъ берегу опорный пунктъ, который обезпечивалъ бы переправу черезъ Дунай [6]).

Въ то время, когда турецкія войска робко входили въ Журжу, князь Горчаковъ вступилъ съ тремя пѣхотными и двумя кавалерійскими полками во Фратешти. „Одну минуту", всепод-

---

[1]) Кн. Горчаковъ — ген. Соймонову 25 іюня 1854 г., № 901. Бухарестъ. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.

[2]) Записки П. К. Менькова.

[3]) Соймоновъ ожидалъ прибытія Екатеринб. полка 26-го къ вечеру въ Журжу и считалъ, что для удержанія города это подкрѣпленіе недостаточно. Его рапортъ ген. Даненбергу 25 іюня 1854 г., № 489. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.

[4]) Описаніе дѣлъ, бывшихъ подъ Журжей 23 и 25 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 82 и рапортъ ген. Соймонова ген. Даненбергу 25 іюня 1854 г., № 473. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3426.

[5]) Ген. Даненбергъ — кн. Горчакову 26 іюня 1854 г., изъ Фратешти. Тамъ же.

[6]) Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 9 juillet (27 juin) 1854. Парижскій Архивъ.

даннѣйше доносилъ онъ Государю [1]), „я хотѣлъ было атако-„вать тамъ въ Журжѣ турокъ, но разсудилъ, что штурмо-„вать городъ, окруженный окопами и развалинами прежняго „вала, войсками, только-что сдѣлавшими 60 верстъ перехода, „невыгодно и опасно. Уронъ былъ бы великъ, и успѣхъ безъ „пользы, ибо, выбивъ турокъ, мы все-таки оставили бы Журжу „отъ огня Рущука и батарей, турками сдѣланными вчера на „Радоманѣ. Лучше выждать, чтобы „они вышли къ намъ у Фра-„тешти“.

Карикатура на Непира.

Однако, это ожиданіе должно было быть напраснымъ, такъ какъ турки и не предполагали продолжать своего наступленія. Князю Горчакову въ донесеніи Государю о Журжинскомъ дѣлѣ пришлось повторить фразу, которая сдѣлалась чуть ли не обыденнымъ припѣвомъ каждаго боевого столкновенія на Дунаѣ. „Войска ваши, всемилостивѣйшій „Государь“, писалъ Горчаковъ [2]), „дрались, дѣйствительно, съ „величайшимъ мужествомъ, но опять безъ пользы! Въ этомъ не „моя вина, а вѣроломство Австріи“.

Императоръ Николай на донесеніе князя Горчакова отвѣтилъ слѣдующими словами [3]): „Напрасную трату людей ненавижу. Что „наши героями дрались, это славно, но мнѣ не удивительно, и „грустно, что *даромъ было* [4]). Зачѣмъ было оставлять Соймонова „въ Журжѣ, когда предвидѣть должно было, что ему тамъ не „удержаться, и зачѣмъ не отступать къ Фратешти, выманивъ не-„пріятеля въ поле и идя навстрѣчу къ своимъ резервамъ. „Вотъ что невольно на мысль приходитъ. Быть можетъ, на „мѣстѣ судилъ бы я иначе. Поблагодари молодцовъ за славную „оборону, но, ради Бога, щади и береги ихъ для рѣшительныхъ „ударовъ“.

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 27 іюня 1854 г., изъ Фратешти. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

[2]) Тамъ же.

[3]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 6 (18) іюля 1854 г., изъ Петергофа. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14.

[4]) Курсивъ подлинника.

IV.

Генералъ Коцебу отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ [1]), что князь Горчаковъ очень волновался послѣ Журжинскаго боя и не зналъ, на что рѣшиться: отступать ли на Серетъ, ожидать ли турокъ на позиціи у Фратешти или же атаковать ихъ у Журжи и сбросить въ Дунай. Короче, князь Михаилъ Дмитріевичъ оказался совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ находился въ ноябрѣ—январѣ по отношенію къ Калафату.

Особое волненіе нашего главнокомандующаго обусловливалось, кромѣ свойствъ его характера, двумя обстоятельствами: слухами о задуманной союзниками экспедиціи противъ Крыма и поведеніемъ Австріи.

Еще до Журжинскаго дѣла князь Горчаковъ получилъ указаніе Государя на необходимость занять въ Княжествахъ такое положеніе, которое давало бы союзникамъ поводъ ожидать нашего перехода на Дунаѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и тѣмъ оттянуло бы ихъ силы на Балканскій полуостровъ и помѣшало бы задуманной экспедиціи въ Крымъ [2]). Военный министръ съ своей стороны указывалъ, что этой цѣли можно было бы достигнуть, занявъ въ Княжествахъ какую-либо центральную позицію съ обезпеченными переправами на Дунаѣ. Но результаты дѣла 25 іюня мало способствовали выполненію предложенной изъ Петербурга идеи.

Какъ будто бы нарочно, чтобы ухудшить моральное состояніе нашего главнокомандующаго, послѣ его нерѣшительнаго поведенія подъ Журжей, онъ 26 іюня, т.-е. на другой день послѣ оставленія нами этого города, получилъ изъ Вѣны отъ своего двоюроднаго брата, новаго русскаго посла при Австрійскомъ Императорѣ, князя А. М. Горчакова, успокоительныя относительно Австріи сообщенія. Императоръ Францъ-Іосифъ обѣщалъ не вводить своихъ войскъ въ Валахію, пока мы будемъ въ ней находиться, и нашъ посолъ стоялъ за то, чтобы большая часть Княжествъ была нами занята. Главнокомандующій успокоилъ

---

[1]) Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

[2]) Кн. Долгоруковъ—кн. Горчакову 14 іюня 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3333.

посла, что онъ находится передъ Журжей и не предполагаетъ совершать отступательнаго движенія [1]).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Государь не такъ радужно смотрѣлъ на обѣщанія Австрійскаго Императора. Въ обширной перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ онъ лишь выражалъ надежду, что австрійцы не рѣшатся насъ атаковать до полученія отвѣта на ихъ послѣднюю ноту, въ виду угрозы Пруссіи, что въ такомъ случаѣ она почтетъ свой трактатъ уничтоженнымъ [2]).

„Австрія", писалъ Государь, „сбросила всякую личину и „заключила союзъ съ Турціей для занятія Княжествъ; еще шагъ, „и война съ нами". Весь гнѣвъ Императора Николая обрушивался на Австрію, и онъ рѣшилъ, что, если обстоятельства заставятъ насъ перейти за Прутъ, то дѣйствія наши противъ австрійцевъ должны быть быстры и рѣшительны, „какъ гроза, какъ громовой „ударъ". Въ предвидѣніи этого, Государь старался усилить графа Ридигера частью расположеннаго въ Литвѣ 1-го корпуса и писалъ, что „Ридигеру предстоитъ блистательный случай дать рѣшительный „оборотъ войнѣ, въ особенности ежели Пруссія останется зри-„тельницею происходящаго" [3]). Одновременно съ этимъ Государь усиливалъ заботу о развертываніи резервныхъ частей, что давало возможность сосредоточить къ августу въ окрестностяхъ Кіева резервный корпусъ изъ 32 бат., 24 эск. при 48 пѣш. и 24 к. орудіяхъ. Кромѣ того, было приступлено къ формированію на лѣвомъ берегу Днѣпра запасныхъ дивизій 3, 4 и 5 корпусовъ, что къ декабрю давало еще новыхъ 72 баталіона.

Но у Императора Николая, сверхъ заботы объ австрійцахъ, явилась послѣ снятія осады Силистріи еще новая забота. „Теперь „въ ожиданіи, будетъ ли попытка на Крымъ", писалъ Государь. „У Меншикова всего 36 баталіоновъ, 48 пѣшихъ орудій, 16 эска-„дроновъ, 2 полка казаковъ и 16 конныхъ орудій. Кажется, сего „довольно, чтобы отбиться съ успѣхомъ, но спокоенъ буду, когда „гроза минуетъ".

Получивъ первое извѣстіе о Журжинскомъ боѣ, Государь, не ожидая подробнаго донесенія, набросалъ Горчакову свои мысли

---

[1]) Депеши князей Горчаковыхъ, посла и главнокомандующаго, 26 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 88.

[2]) Письма Государя къ кн. Варшавскому отъ 23 и 27 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[3]) „Вѣры къ нимъ (австрійцамъ) нынѣ никакой не имѣю", писалъ Государь кн. Варшавскому 3 іюля. „Меня всякій обмануть можетъ *разъ,* но зато послѣ обмана я уже никогда „не возвращаю утеряннаго довѣрія". Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14.

о дальнѣйшемъ направленіи операцій, желая знать, сойдутся ли его взгляды со взглядами командовавшаго войсками на Дунаѣ.

„Дерзкій переходъ турокъ въ наступленіе“, писалъ Государь [1]), „могъ быть основанъ на увѣренности, что *австрійцы* „*въ то же время начнутъ военныя противъ насъ дѣйствія* „*изъ Трансильваніи и Буковины* [2]). Въ этомъ отношеніи они „ошиблись; австрійцы не тронулись, и должно полагать, и не „тронутся ранѣе *трехъ* или *четырехъ недѣль*.

„Цѣль турокъ, быть можетъ, прежде только укрѣпиться въ „Журжѣ, какъ было укрѣпились въ Калафатѣ; это бъ было „всего умнѣе и *для насъ хуже*. Или турки затѣятъ атаковать, „перейдя и въ Ольтеницѣ, и, такимъ образомъ, стараясь угрожать „тебѣ съ лѣваго фланга, на Бухарестъ.

„Думаю, что ты хорошо сдѣлалъ, что не рѣшился атаковать „ихъ сейчасъ въ Журжѣ, ибо, взявъ ее и то съ большой „потерей, они бы только воротились за Дунай и *конецъ успѣхамъ*. „*Выманить же ихъ въ поле марша на два или на три* и „потомъ, собравши значительныя силы, дать бой, съ помощью „Божьей разбить и потомъ *преслѣдовать* (Государь три раза „подчеркнулъ это слово), вотъ что, кажется, прилично бъ было, „и что, я увѣренъ, ты сдѣлалъ уже, буде сей случай представился.

„Ежели же они пошли двумя колоннами, то ожидаю, что „*то же послѣдовало* прежде съ ближайшей частью, а потомъ съ „другой. Кажется, что расположеніе твое даетъ мнѣ право сего „ожидать.

„Положимъ, что то и другое сбылось; ты разбилъ турокъ „и прогналъ за Дунай. *Тутъ рождается вопросъ: что затѣмъ* „*дѣлать, тогда какъ мы въ австрійцахъ ничуть не увѣрены* „*вдаль?* Думаю за лучшее: *остаться при разъ принятомъ планѣ* „*дѣйствій,* наблюдать происходящее за Дунаемъ, войска стягивать „въ избранныя позиціи и ждать, *что тогда предпримутъ* „*австрійцы*. Имъ я не вѣрю нисколько, хотя есть тамъ личина, „какъ будто къ лучшему; но, повторяю, личина, которой отнюдь „не вѣрю. Но и личина эта намъ въ пользу, ибо дастъ *время*. „А ежели Богъ, въ Своемъ милосердіи, сподобитъ тебя разбить „турокъ, то и многое принять можетъ другой оборотъ.

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 6 іюля 1854 г., изъ Петергофа. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14.

[2]) Курсивъ подлинника.

„Вотъ тебѣ моя исповѣдь. Угадалъ ли, не знаю и спокойно, „съ полною покорностью волѣ Божіей, съ полной довѣренностью „къ тебѣ и къ храбрымъ войскамъ буду ожидать, что намъ „Всевышній промыслъ опредѣлитъ" [1]).

Тѣмъ временемъ наша главная квартира на Дунаѣ находилась въ большомъ раздумьѣ. „Думалъ, думалъ", всеподданнѣйше доносилъ князь Горчаковъ 29 іюня [2]), „и, наконецъ, убѣдился, „что оставлять далѣе ввѣренныя мнѣ войска въ двухъ отдѣлахъ, „столь отдаленныхъ одинъ отъ другого, какъ Бухарестъ и Романъ, „значило бы безъ пользы подвергнуть не только ихъ, но и самую „судьбу Государства крайне опаснымъ, а можетъ быть, и гибель„нымъ послѣдствіямъ". Поэтому князь Горчаковъ рѣшилъ начать

Сожженіе Котки (англійская иллюстрація).

немедленное отступленіе на Серетъ, тѣмъ болѣе, что извѣстія изъ Вѣны вновь приняли тревожный характеръ. Но вечеромъ въ тотъ же день имъ была получена телеграмма, что нашъ отвѣтъ на послѣднюю ноту почти удовлетворилъ австрійское правительство, что онъ послужитъ предметомъ переговоровъ съ Лондономъ и Парижемъ, а австрійскія войска не атакуютъ насъ и не войдутъ въ Княжества [3]). Князь Горчаковъ немедленно отмѣнилъ приказъ объ отступленіи и приступилъ къ соображеніямъ, „какъ лучше дѣйствовать противъ турокъ, стоявшихъ у „Журжи".

Нашъ военный агентъ при вѣнскомъ дворѣ объяснялъ столь неожиданное миролюбіе австрійскаго правительства неготовностью

[1]) „Повторяю тебѣ", писалъ Государь кн. Горчакову 7 іюля (тамъ же), „что, несмотря „ни на какія обнадеживанія изъ Вѣны, *конецъ моему довѣрію Австріи.* Гляжу на нихъ, какъ „*на заявленныхъ враговъ, выжидающихъ только удобнаго случая, предлога, чтобъ напасть „на насъ.* Поэтому первѣйшей *важности* и *необходимости не уклоняться* отъ принятаго „плана дѣйствій, въ виду *сей* и *главной* опасности. Не завлекаться минутными выгодами, „*чтобъ пренебречь главнымъ и постояннымъ, т.-е. опасностью отъ Австріи.* Теперь къ „этой опасности присоединилась другая—*вѣроятіе весьма скораго нападенія на Крымъ*".

[2]) Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г., секр. д. № 88.

[3]) Дневникъ П. Е. Коцебу за 29 іюня 1854 г. Рукопись.

арміи для рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ насъ. Имъ болѣе улыбалось занятіе Княжествъ безъ вооруженнаго столкновенія съ русской арміей, такъ какъ войска еще не докончили своего сосредоточенія, а матеріальная часть могла быть готова черезъ два мѣсяца. Видя, что съ нашей стороны принимаются рѣшительныя мѣры, чтобы дать австрійцамъ отпоръ, вѣнскій кабинетъ рѣшилъ выиграть необходимое время для довершенія своей мобилизаціи и временно принялъ миролюбивый тонъ. Сообщая объ этомъ, графъ Штакельбергъ, однако, настоятельно рекомендовалъ вывести наши войска изъ Княжествъ.

Эта мѣра, которая должна была показать, что мы далеки отъ мысли нарушать нѣмецкіе интересы на Дунаѣ, отняла бы у австрійскаго правительства въ борьбѣ съ нами поддержку общественнаго мнѣнія, а внутреннее состояніе страны и все еще существовавшая симпатія военныхъ слоевъ Вѣны къ русской арміи и ея Верховному вождю должны были подрѣзать крылья воинственнымъ совѣтникамъ Императора Франца-Іосифа [1]). Императоръ Николай вполнѣ согласился съ мыслями, высказанными графомъ Штакельбергомъ.

Успокоившись немного относительно австрійцевъ, князь Горчаковъ началъ усиленно волноваться, опасаясь наступленія на Бухарестъ союзниковъ. Онъ рѣшилъ, что эти послѣдніе, зная необходимость для насъ оттянуть часть силъ для заслона противъ Австріи, захотятъ воспользоваться раздѣленіемъ нашихъ войскъ и постараются разбить части, прикрывавшія Дунай. Главнаго удара князь Горчаковъ ожидалъ отъ Рущука на Бухарестъ, но опасался также второстепенной атаки отъ Туртукая на его путь отступленія къ Серету [2]). Поэтому главнокомандующій рѣшилъ сосредоточить всѣ свои силы, кромѣ частей, стоявшихъ противъ Австріи, въ Молдавіи и Плоешти, въ центральномъ положеніи у Фратешти, Желавы (впереди Бухареста) и у Обилешти, имѣя передовые отряды противъ Туртукая и Силистріи. Находясь въ такомъ положеніи, онъ считалъ возможнымъ встрѣтить союзниковъ съ достаточными силами, если бы они рѣшились вступить въ Валахію. Большая часть войскъ, 43 баталіона и 32 эскадрона, съ самимъ княземъ Горчаковымъ во главѣ, была расположена у Фратешти,

[1]) Гр. Штакельбергъ — военному министру 30 іюня (12 іюля) 1854 г., № 137. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.

[2]) Кн. Горчаковъ — ген. Лидерсу 1 іюля 1854 г., № 2185. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3411.

противъ Журжи, имѣя въ резервѣ у Желавы 16 баталіоновъ и 32 орудія. У Обилешти для прикрытія со стороны Силистріи и Туртукая былъ сосредоточенъ отрядъ генерала Лидерса, расположенный первоначально у Калараша [1]).

Тѣмъ временемъ турки, не занимая Журжи и Слободзеи, усиленно строили между этими пунктами предмостное укрѣпленіе, и когда, 4 іюля, князь Горчаковъ, въ своей постоянной нерѣшительности относительно того атаковать или не атаковать турокъ, произвелъ усиленную рекогносцировку ихъ расположенія, то непріятель такъ успѣлъ укрѣпиться на лѣвомъ берегу Дуная, что всякая мысль объ атакѣ была отброшена. Приходилось ожидать наступленія союзниковъ, но мы уже знаемъ, что это не входило въ ихъ предположенія, а потому, простоявъ на избранныхъ позиціяхъ до 14 іюля, мы начали свой окончательный отходъ за Серетъ и Прутъ.

Это рѣшеніе князя Горчакова вполнѣ соотвѣтствовало и взглядамъ Императора Николая. „Я *никакимъ* [2]) увѣреніямъ не „вѣрю“, писалъ Государь относительно Австріи [3]). „Вижу одно „коварство, желаніе выиграть время и сложить на другихъ какъ „бы отвѣтственность того, что замышляютъ противъ насъ и *отъ „того отнюдь не открываются, ожидая только поры и вре„мени удобнаго*. Притомъ наглость, ложь и все прикрыто ли„чиной необходимости, будто государственной. Ежели другіе и „хотятъ симъ довольствоваться и вдаться въ обманъ, то, по край„ней мѣрѣ, *ни сынъ, ни я,* мы отнюдь не намѣрены быть *въ „дуракахъ“*. Въ виду этого Государь рѣшилъ использовать остававшіяся до ожидаемаго разрыва съ Австріей четыре недѣли для сосредоточенія арміи на Прутѣ и Серетѣ, не оставляя наблюденія за Дунаемъ, и для обезпеченія своихъ войскъ всѣмъ необходимымъ къ предстоявшей продолжительной кампаніи.

А между тѣмъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе яснымъ, что военныя операціи примутъ совершенно другой, болѣе грозный для насъ, оборотъ. Высадка союзниковъ въ Крыму была у всѣхъ на умѣ. Князь Меншиковъ началъ сознавать свое тяжелое положеніе и началъ взывать о помощи и въ Петербургъ и

---

[1]) Журн. воен. дѣйств. и всеподд. письмо кн. Горчакова 5-6 іюля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин.; 1853 г., секр. д. № 88.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 3 (15) іюля 1854 г., изъ Петергофа. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14.

на берега Дуная. Въ виду появившихся въ газетахъ свѣдѣній о намѣреніи союзниковъ занять Перекопъ и отрѣзать, такимъ образомъ, сообщеніе Крымскаго полуострова съ Имперіей, онъ просилъ направить къ Перекопу особый отрядъ. Мысль о Крымѣ одинаково безпокоила и Государя и князя Горчакова. Равнодушнымъ къ ней оставался лишь отдыхавшій въ Гомелѣ князь Варшавскій, который попрежнему все свое вниманіе обращалъ на Австрію [1]).

Императоръ Николай вполнѣ раздѣлялъ убѣжденіе князя Меншикова о необходимости образовать особый отрядъ въ Перекопѣ, но „назначить мнѣ пѣхоту въ сей отрядъ", писалъ Государь [2]), „*не откуда, ибо уже ничѣмъ не располагаю* [3]) съ той поры, какъ „князь Иванъ Федоровичъ [4]) взялъ, меня не спрося, 16-ю дивизію „въ Молдавію". Поэтому Государь возлагалъ помощь князю Меншикову на Дунайскую армію и выражалъ увѣренность, что князь Горчаковъ также будетъ проникнутъ убѣжденіемъ въ необходимости этой помощи [5]).

Императоръ Николай не ошибся въ князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ. Онъ еще до полученія повелѣнія изъ Петербурга отправилъ на собственный рискъ въ Перекопъ 16-ю дивизію, ослабляя войска, дѣйствовавшія подъ его личнымъ начальствомъ [6]). Этимъ началась безкорыстная помощь князя Горчакова Крымской арміи всѣмъ, чѣмъ только можно было, во все время пребыванія во главѣ этой арміи князя Меншикова. Такая мѣра, влекущая за собой ослабленіе арміи на нашей западной границѣ, вызвала цѣлый протестъ князя Варшавскаго. Во всеподданнѣйшей запискѣ [7]) онъ высказывалъ мысль, что князю Меншикову нельзя, да и нѣтъ цѣли вести борьбу на всемъ Крымскомъ полуостровѣ; для этого 27 тысячъ регулярныхъ войскъ, бывшихъ у него, было мало противъ 60 тысячной арміи, которую тамъ могли выставить союзники. Совершенно инымъ представлялось Паскевичу положеніе

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 28 іюня 1854 г., изъ Гомеля. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

[2]) Императоръ Николай—кн. Горчакову 7 (19) іюля 1854 г., изъ Петергофа. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Паскевичъ.

[5]) Эти слова были подчеркнуты Государемъ два раза.

[6]) Кн. Горчаковъ — кн. Долгорукову 6 іюля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

[7]) „Мысли мои по прочтеніи записки кн. Меншикова", 17 (29) іюля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

князя Меншикова въ томъ случаѣ, если онъ всѣ свои силы употребитъ на защиту Севастополя. Имѣя тамъ 27 тысячъ регулярныхъ войскъ и 20 тысячъ матросовъ, легко можно было, по мнѣнію фельдмаршала, опираясь на укрѣпленный пунктъ, удерживать 70-80 тысячную союзную армію. Поэтому князь Варшавскій считалъ отправку 16 дивизіи въ Крымъ безцѣльной, въ особенности принимая во вниманіе наше опасное положеніе на западной границѣ.

Гельсингфорсъ.

Престарѣлый фельдмаршалъ просилъ разрѣшенія поѣхать изъ Гомеля въ Варшаву и вновь стать во главѣ дѣйствующихъ армій, но Государь отклонилъ это желаніе. Князь Варшавскій, нѣсколько удрученный такимъ отказомъ, жаловался, что изъ Гомеля онъ не смѣетъ давать ни предписаній, ни совѣтовъ и потому находится въ неопредѣленномъ положеніи. „Опытъ показалъ мнѣ", такъ заканчивалъ фельдмаршалъ свое всеподданнѣйшее письмо [1]), „что начальствованіе „надъ арміями можетъ принадлежать одному только Государю „Императору".

Тѣмъ временемъ 13 іюля князь Горчаковъ рѣшилъ начать отступленіе на Серетъ и очищеніе Княжествъ. Приступая къ этому важному шагу, онъ писалъ Государю [2]): „Я взялъ смѣлость изложить военному министру поводы необходимости согласиться „на очищеніе Придунайскихъ княжествъ. Можетъ быть, мнѣ менѣе, „чѣмъ кому-либо, слѣдовало бы касаться сего предмета. Но, всемилостивѣйшій Государь, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользахъ вашихъ „въ столь важныхъ обстоятельствахъ, истиннаго сына Россіи, „вѣрноподданнаго вашего, ничто не должно останавливать. Отвративъ добровольнымъ согласіемъ на очищеніе Княжествъ, къ которому иначе принуждены будемъ силой, ополченіе Германіи

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго 7 (19) іюля 1854 г., изъ Гомеля. Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г., секр. д. № 9.

[2]) Всеподд. письмо кн. Горчакова 13 іюля 1854 г., изъ Фратешти. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 88.

„противъ Россіи, намъ будетъ уже не трудно справиться съ тур-„ками и англо-французами, а, кончивъ дѣло съ ними, наказать „вѣроломство Австріи"....

Это письмо удостоилось слѣдующей помѣтки Государя: „Благородная душа и искренній другъ и вѣрный слуга; слава Богу, „что рѣшился отступить" [1]).

Генералъ Коцебу занесъ въ свой дневникъ 14 іюля [2]): „Завтра „назначено отступленіе. Грустный день; какъ тяжелый камень, „ложится онъ на грудь. Чрезвычайно важный шагъ наше отсту-„пленіе. О, Австрія! Она намъ безмѣрно повредила, не объявляя „намъ войны. Она и фельдмаршалъ, который слишкомъ за три „мѣсяца началъ съ того, что приходится дѣлать теперь".

Но до окончательнаго очищенія Княжествъ князю Горчакову пришлось еще пережить не мало безпокойствъ, вызванныхъ извѣстіемъ о наступленіи союзныхъ войскъ въ Бабадагскую область.

Къ 9 іюля войска генерала Ушакова были расположены слѣдующимъ образомъ: авангардъ, въ составѣ бригады кавалеріи съ конной батареей—въ г. Бабадагѣ, одинъ казачій полкъ—въ д. Сари-Юртъ и двѣ сотни—въ д. Доянахъ; главныя силы—бригада пѣхоты съ двумя батареями—въ Исакчѣ и одинъ полкъ съ батареей—въ Тульчѣ [3]). По имѣвшимся свѣдѣніямъ, непріятеля въ значительныхъ силахъ на Трояновомъ валу не было, и только въ Черноводахъ находилось около тысячи баши-бузуковъ.

Въ это время генералъ Ушаковъ получилъ приказаніе князя Горчакова произвести демонстрацію въ южномъ направленіи и распространять слухи о нашемъ намѣреніи наступать на югъ съ цѣлью осадить Варну. Такимъ образомъ предполагалось удержать союзниковъ на Балканскомъ полуостровѣ и оттянуть высадку ихъ въ Крыму.

Въ ночь съ 11 на 12 іюля подполковникъ князь Любомирскій произвелъ съ тремя сотнями казаковъ и дивизіономъ гусаръ поискъ на Черноводы. Онъ ворвался въ городъ, гдѣ на площади

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19 іюля Государь, сообщая Горчакову о необходимости немедленнаго очищенія Княжествъ, пишетъ между прочимъ объ Австріи: „Разрывъ съ Австріей, повторяю, „я считаю неминуемымъ, развѣ какимъ-либо чудомъ онъ не послѣдуетъ. Тамъ коварство и „ослѣпленіе не знаютъ мѣры. Здравый разсудокъ исчезъ въ равной степени со всѣми чувствами „чести и благородства. Злоба, зависть и ненависть къ намъ, одни оставшіяся чувства. Богъ „ихъ накажетъ рано или поздно. Но покуда будемъ осторожны". (Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14).

[2]) Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

[3]) Ген. Ушаковъ—ген. Лидерсу 9 іюля 1854 г., № 699. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324.

ночевало 800 баши-бузуковъ, изрубилъ 150 турокъ и, захвативъ 65 лошадей и 10 плѣнныхъ, утромъ отошелъ къ Гирсову. Съ нашей стороны былъ убитъ одинъ казакъ и два ранено [1]). Свѣдѣній о союзныхъ войскахъ при этомъ получено не было, но 16-го числа наши разъѣзды донесли о наступленіи пятитысячнаго отряда трехъ родовъ оружія между озерами Тамаулъ и Сюдъ-Гіолъ, который къ вечеру занялъ д. Карлыкъ съ авангардомъ въ д. Перекліи. На слѣдующій день непріятель продолжалъ свое наступленіе, занялъ д. Дивенджи и весь берегъ моря до большой дороги изъ Кюстенджи въ Бабадагъ. Послѣ схватокъ нашихъ казаковъ съ передовыми частями противника выяснилось, что у Кюстенджи производится высадка войскъ и разныхъ запасовъ, а жители сообщали, что союзныя войска начали свое наступленіе изъ Варны берегомъ моря къ Бабадагу. Дальнѣйшія свѣдѣнія указывали на увеличеніе англо-французскихъ войскъ въ Кюстенджи, подъ прикрытіемъ авангарда, расположеннаго за д. Палазы [2]).

25 іюля изъ авангарда генерала Ушакова была произведена къ сторонѣ Кюстенджи сильная рекогносцировка отрядомъ изъ 6 эск. и сот. и ракетной полубатареи, которая противника не встрѣтила и, къ своему удивленію, нашла самый городъ не занятымъ, хотя и носившимъ слѣды недавняго пребыванія значительнаго числа войскъ. Полное отсутствіе разбѣжавшихся жителей не дало даже возможности узнать, куда ушелъ непріятель [3]). Этотъ фактъ вызвалъ удивленіе Государя и данное имъ князю Горчакову указаніе о точномъ „соблюденіи установленныхъ правилъ „форпостной службы и исполненіи своихъ обязанностей съ надле„жащей бдительностью“ [4]). Впослѣдствіи выяснилось, что союзники отступили изъ Кюстенджи въ Мангалію. Извѣстіе о появленіи союзниковъ въ Кюстенджи и слухи о намѣреніи ихъ наступать на низовья Дуная совмѣстно съ переправою 2 тысячъ турокъ изъ Силистріи на лѣвый берегъ рѣки произвело удручающее впечатлѣніе на князя Горчакова. „Dans une dizaine de jours“, писалъ

---

[1]) Ген. Ушаковъ — кн. Горчакову 13 іюля 1854 г., № 712. Арх. Воен. Уч. Ком. отд. 2, д. № 3341.

[2]) Выписка изъ донесеній ген. Стоббе съ 16 по 25 іюля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3341. Журн. воен. дѣйствій.

[3]) Ген. Стоббе—ген. Ушакову 27 іюля 1854 г., № 1353. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3324.

[4]) Военный министръ — кн. Горчакову 6 августа 1854 г., № 524. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3341.

онъ своему другу князю Меншикову [1]), „j'aurai 100.000 autrichiens devant moi, 30 à 40.000 anglo-français sur ma droite et je ne sais combien de turcs sur mes derrières. Jamais général ne s'est trouvé dans une passe aussi détestable“. Но рыцарскій характеръ князя Михаила Дмитріевича не оставлялъ его и въ эти тяжелыя минуты. „Ce qui me fait plaisir néanmoins“, добавлялъ онъ, „c'est de voir qu'une partie de l'orage qui vous menaçait tourne contre moi“.

Слѣдствіемъ полученныхъ извѣстій было объединеніе начальствованія надъ нижнимъ Дунаемъ въ рукахъ генерала Лидерса, направленіе въ Браиловъ 2-й бригады 14-й и всей 15-й пѣхотной дивизіи [2]), приказаніе приготовить къ упорнѣйшей оборонѣ крѣпости Измаилъ и Килію и принятіе мѣръ къ тому, чтобы Исакчинскій мостъ никоимъ образомъ не попалъ въ руки непріятеля. Генералу Ушакову было приказано на правомъ берегу Дуная серьезнаго боя не предпринимать, ограничиваясь только наблюденіемъ, и отстаивать лѣвый берегъ отъ Браилова до устья. Самъ князь Горчаковъ рѣшилъ продолжать со всей арміей отходъ на Серетъ, чтобы быть готовымъ встрѣтить австрійцевъ или союзниковъ, противъ кого, „по обстоятельствамъ, будетъ выгоднѣе „обратиться“. Для наблюденія за турками оставался небольшой отрядъ въ Бузео [3]).

Между тѣмъ Императоръ Николай торопилъ отходъ арміи за Прутъ и 1 августа въ собственноручной запискѣ указалъ новое расположеніе Дунайской арміи.

Государь полагалъ, что съ возвращеніемъ арміи князя Горчакова за Прутъ опасность нашему тылу и правому флангу со стороны Австріи временно устранялась, и особое вниманіе слѣдовало обратить на лѣвый флангъ нашего расположенія, которому могли угрожать турки и ихъ союзники не только со стороны Княжествъ и низовьевъ Дуная, но также и высадками на берегахъ Чернаго моря. Поэтому войска, предназначенныя для обороны линіи Прута и Дуная, должны были составлять внушительную самостоятельную армію, силу которой Государь опредѣлялъ въ

---

[1]) Кн. Горчаковъ — кн. Меншикову 23 іюля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

[2]) Ген. Лидерсъ расположилъ: 15-ю див., 1 кав. п. съ батареей въ Браиловѣ, 1 кав. п. въ Водени и 2-ю бриг. 14 п. див. съ 5 стр. бат. въ Галацѣ, оставивъ отрядъ ген. Ушакова въ прежнемъ расположеніи (Ген. Лидерсъ — кн. Горчакову 28 іюля 1854 г., № 1394. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 3407).

[3]) Кн. Горчаковъ — военному министру 23 іюля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком.. отд. 2, д. № 4253.

58 батал. и 48 эск. съ драгунскимъ корпусомъ (60 эск.) въ резервѣ [1]). Остальныя войска, выходившія изъ Княжествъ, всего 82 батал., 62 эск. съ кирасирскимъ корпусомъ (48 эск.) въ резервѣ [2]), стянуть вправо и расположить въ Каменцѣ-Подольскомъ и Проскуровѣ. При такомъ расположеніи Государь считалъ нашъ лѣвый флангъ достаточно обезпеченнымъ, чтобы остановить покушеніе непріятеля на переправу черезъ Дунай ниже Мачина и наступленіе его лѣвымъ берегомъ Дуная въ Бессарабію между Прутомъ и Днѣстромъ, такъ какъ главныя силы, располагаясь у Каменца, въ состояніи будутъ выдѣлить не менѣе двухъ дивизій для дѣйствія наступающему противнику во флангъ.

Императоръ Николай полагалъ, что „Крымскій полуостровъ „съ прибытіемъ 16-й дивизіи къ Перекопу получитъ по всѣмъ

Галембо.

„вѣроятіямъ такую оборонительную силу, которая вполнѣ обез„печитъ сохраненіе этой важной во всѣхъ отношеніяхъ части Го„сударства". Что же касается до Царства Польскаго, то, обезпечивая этотъ край по лѣвый берегъ Вислы, мы занимали тамъ сильную позицію между крѣпостями, откуда угрожали лѣвому флангу австрійцевъ въ Галиціи, если бы они вторглись въ Подолію или Волынь. Впрочемъ, войска, здѣсь расположенныя, предполагалось еще усилить сближеніемъ части гвардіи и четвёртыхъ баталіоновъ гренадеръ, стоявшихъ въ Литвѣ. Наконецъ, подъ Кіевомъ формировался, какъ уже было сказано, резервный корпусъ [3]).

„Я ни въ грошъ не вѣрю Австріи", писалъ Государь князю Горчакову [4]). „Дѣло идетъ къ осени и нѣтъ вѣроятія, чтобы

---

[1]) 11, 12, 15 и бриг. 14 п. див., 5 легк. кав. и уланск. бриг. 6 легк. кав. див. и весь драгунскій корпусъ.

[2]) 6, 7, 8, 9 и 10 пѣх. див., 3 и 4 легк. кав. див. и весь кирасирскій корпусъ.

[3]) Собственноручная записка Императора Николая 1 (13) августа 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, п. 14.

[4]) Императоръ Николай — кн. Горчакову 28 іюля (9 августа) 1854 г., изъ Петергофа. Тамъ же.

„союзники могли еще, кромѣ атаки на Крымъ, рѣшиться вести „войну наступательную въ Княжествахъ, а турки еще менѣе. Въ „Крыму мы теперь будемъ сильны и съ помощью Божьей отобьемся. Что же имъ останется дѣлать? Между тѣмъ мы, по новымъ обстоятельствамъ, станемъ весьма выгодно и сильно и въ „свою очередь будемъ угрожать Австріи. Тогда потребуемъ у нея „отчета въ ея коварствѣ".

4 сентября послѣдній русскій аріергардъ перешелъ границу Имперіи, р. Прутъ, въ Скулянахъ. Придунайскія княжества были заняты первоначально турецкими, а потомъ австрійскими войсками для поддержанія въ нихъ порядка. Даже весьма пристрастно и несправедливо къ намъ относящіеся англійскіе источники свидѣтельствуютъ, что австрійская оккупація скоро стала ненавистна мѣстнымъ жителямъ, которые съ сожалѣніемъ вспоминали недавнее господство въ краѣ русскихъ. Турецкое правительство и войска также весьма недружелюбно относились къ своимъ непрошеннымъ помощникамъ.

Извѣстіе о нашемъ отходѣ изъ Княжествъ, объясняемое непонятными для широкихъ слоевъ общества „стратегическими соображеніями", произвело удручающее впечатлѣніе въ Россіи. Отсутствіе болѣе подробныхъ офиціальныхъ сообщеній, которое особенно развивало въ странѣ разные неопредѣленные слухи, еще болѣе усугубляло общій гнетъ. „Вы не повѣрите", писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ Погодину отъ 10 іюля 1854 года[1]), „какъ „невыносимо тяжело въ настоящую минуту жить въ глуши и не „знать, что дѣлается тамъ, въ той странѣ, куда обращены всѣ „наши желанія". Въ нашихъ военныхъ операціяхъ на Дунаѣ чувствовались какая-то фальшь и недосказанность.

Очищенію Княжествъ, связанному съ отказомъ отъ наступательной войны и отъ традиціонной политики на ближнемъ Востокѣ, не хотѣли вѣрить. Добровольное, до выполненія нашихъ требованій, оставленіе провинцій, занятыхъ нами въ видѣ гарантіи, оскорбляло чувство народной гордости. Русское общество догадывалось, кто являлся главнымъ виновникомъ создавшагося положенія, и война съ Австріей привѣтствовалась бы, какъ новый крестовый походъ. Недовольство нашей нерѣшительной, какъ казалось широкимъ кругамъ общества, политикой разливалось по Россіи широкой волной, и уступчивость нашего министерства иностранныхъ дѣлъ

---

[1]) Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", кн. XIII.

требованіямъ Австріи разжигала страсти. Нравственное страданіе за родину русскихъ людей выражалось въ патріотическихъ манифестаціяхъ, въ желаніи жертвовать своимъ достояніемъ, чтобы отстоять честь Россіи, и въ помощи пострадавшимъ жертвамъ войны. Государь и Россія были одинаково возмущены ролью неблагодарнаго союзника, который столько лѣтъ строилъ свое благосостояніе на ихъ доброжелательномъ содѣйствіи. Часъ возмездія наставалъ. Цвѣтъ русскаго воинства сосредоточился на западной границѣ. Оставалось ждать зимы, чтобы обезпечить отъ морскихъ поползновеній фланги нашей длинной оборонительной линіи и потребовать грознаго отчета въ поведеніи Австріи. Но этому не суждено было совершиться. Со 2 сентября все вниманіе Россіи было обращено на Крымскій полуостровъ, ставшій ключемъ борьбы Россіи съ западной Европой.

V.

Между тѣмъ опасенія князя Горчакова о наступленіи главныхъ силъ союзныхъ армій на Дунай оказались совершенно напрасными.

Наши нерѣшительныя дѣйствія подъ Силистріей совмѣстно съ угрожающимъ положеніемъ, занятымъ Австріей, дали поводъ англійской прессѣ еще до снятія осады крѣпости поднять вопросъ о необходимости перейти союзникамъ къ активнымъ дѣйствіямъ съ цѣлью нанесенія рѣшительнаго удара нашему могуществу на ближнемъ Востокѣ. Газета „Times“ [1]), выразительница общественнаго мнѣнія Лондона, поставила союзнымъ правительствамъ и ихъ главнокомандующимъ вопросъ о томъ, рѣшили ли они, какую — сухопутную или морскую — экспедицію, хорошо разсчитанную, нужно предпринять, чтобы довести войну до благополучнаго конца. Съ каждымъ днемъ становилось болѣе яснымъ, что война теряетъ со стороны Россіи характеръ наступательный и со стороны Турціи характеръ оборонительный. И если первоначально задача морскихъ державъ заключалась въ защитѣ Порты отъ нашествія на нее русскихъ войскъ, то теперь надо думать о томъ, чтобы обезпечить это государство въ будущемъ отъ подобныхъ попытокъ его сѣвернаго сосѣда. Кромѣ того, писалъ „Times“, двѣ великія западныя націи въ правѣ ожидать, чтобы результаты войны соотвѣтствовали

---

[1]) Отъ 15 (3) іюня 1854 г.

понесеннымъ ими громаднымъ жертвамъ. Далѣе указывалось, что ключъ могущества Россіи на югѣ это Крымъ, а потому для достойнаго довершенія начатой войны необходимо занять Крымъ и разрушить Севастополь.

Великобританское правительство окончательно стало на эту точку зрѣнія, какъ только получило извѣстіе о снятіи нами осады Силистріи; что же касается до Императора Наполеона и его главнокомандующаго, то, заинтересованные больше вопросами общей европейской политики, а не дѣлами ближняго Востока, они ставили выборъ дальнѣйшихъ операцій отъ поведенія австрійскаго кабинета, открытое присоединеніе котораго къ политикѣ западныхъ державъ и должно было дать извѣстное направленіе дальнѣйшему ходу операцій. Интересы французскаго императора заставляли его болѣе желать видѣть французскія знамена развивающимися вмѣстѣ съ австрійскими на западной границѣ Россіи, а не въ далекомъ Крыму, представлявшемъ особый интересъ лишь для Англіи. С.-Арно выжидалъ, какое рѣшеніе приметъ Австрія, и, считая нежелательнымъ итти на низовья Дуная, гдѣ его армія могла страдать отъ лихорадокъ, онъ ничего не имѣлъ противъ наступленія на Бухарестъ, въ окрестностяхъ котораго его армія могла лучше провести зиму, чѣмъ близъ Варны [1]).

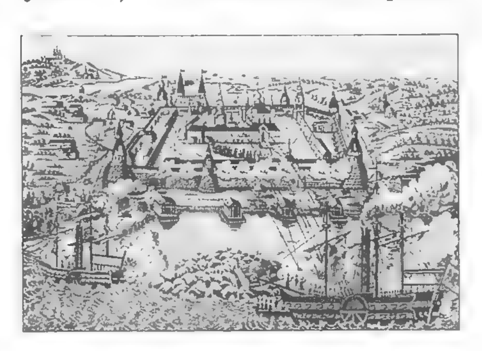
Но мы уже знаемъ, что вѣнскій кабинетъ отложилъ на два мѣсяца разрывъ съ Россіей, что дѣлало безцѣльнымъ для союзниковъ рискованное движеніе на сѣверъ, которое удаляло ихъ отъ флота и ставило въ весьма затруднительное положеніе при полной необезпеченности союзной арміи перевозочными средствами. Приходилось искать другого объекта дѣйствій, и онъ уже былъ намѣченъ общественнымъ мнѣніемъ Лондона и Парижа, а именно Севастополь. И, дѣйствительно, іюль и августъ въ союзной арміи прошли въ приготовленіяхъ къ Крымской экспедиціи, въ борьбѣ съ холерой и въ незначительныхъ демонстраціяхъ къ сторонѣ Дуная. Наступательнымъ порывомъ въ Княжества былъ одержимъ лишь Омеръ-паша.

Въ первыхъ числахъ іюля турецкая армія была сгруппирована въ трехъ массахъ: главная, подъ начальствомъ Омера-паши — у Рущука, корпусъ Измаила-паши — у Силистріи и корпусъ Гассана-паши — въ Разградѣ. Это расположеніе давало возможность

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud — à l'Empereur Napoléon III, le 9 juillet 1854. Парижскій Архивъ.

въ двое сутокъ сосредоточить къ Рущуку до 70.000 турецкихъ войскъ [1]). Оттоманская армія получила новую организацію, въ которой за основную единицу была взята бригада въ составѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ, 4-6 эскадроновъ и двухъ батарей. Омеръ-паша принялъ особыя мѣры, чтобы имѣть близъ Журжи обезпеченную переправу, поэтому позиція между этимъ пунктомъ и Слободзеей укрѣплялась съ лихорадочной поспѣшностью, а количество войскъ на лѣвомъ берегу увеличивалось. Въ то же время было приступлено къ наводкѣ, подъ прикрытіемъ этихъ укрѣпленій, моста черезъ Дунай [2]). Оттоманское правительство, увѣренное въ присоединеніи Австріи къ политикѣ союзниковъ, съ своей стороны признавало необходимымъ измѣнить прежній планъ кампаніи и считало желательнымъ немедленный обмѣнъ по этому поводу мнѣній между союзными главнокомандующими и Омеромъ-пашою, чтобы дѣйствовать безъ потери времени. Турки стояли за энергичное наступленіе со стороны Дуная [3]). По мѣрѣ увеличенія числа ихъ войскъ у Рущука и усиленія укрѣпленій лѣваго берега, желаніе Омера-паши наступать въ Княжества и даже помѣриться всѣми своими соединенными силами и подъ своимъ личнымъ начальствомъ съ аріергардомъ князя Горчакова росло съ каждымъ днемъ. Но колебаніе Австріи, извѣстіе о сосредоточеніи главныхъ силъ русской арміи на позиціи у Фратешти и, наконецъ, бездѣйствіе союзниковъ умаляли наступательный пылъ турецкаго главнокомандующаго. Омеръ-паша просилъ маршала С.-Арно поддержать его хотя бы наступленіемъ обѣщанной дивизіи въ Добруджу [4]).



Соловецкій монастырь (народная картина).

Желаніе турецкаго военно-начальника дошло до Варны въ то время, когда союзныя войска, сосредоточенныя въ окрестностяхъ

---

[1]) Tanski—au maréchal de St-Arnaud. Varna, le 25 (13) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Le lieut.-colonel Dieu—au maréchal de St-Arnaud, le 15 (3) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

[3]) Le séraskier—au maréchal de St-Arnaud. Constantinople, le 18 (6) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

[4]) Le lieut.-colonel Dieu—au maréchal de St-Arnaud. Roudschuk, le 23 (11) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

этого пункта, находились въ подавленномъ моральномъ состоянiи, какъ отъ бездѣйствiя, такъ и отъ страшнаго бича, постигшаго союзный лагерь, холеры.

Англiйскiя войска раньше французовъ окончили свое сосредоточенiе въ Варнѣ, и 18 (30) iюня легкая кавалерiя, подъ начальствомъ Кардигана была двинута къ Дунаю для производства рекогносцировки въ раiонѣ Девно—Карасу—Рассова—берегомъ Дуная до Силистрiи—Шумла—Ени-Базаръ—Праведи—Девно. Это предпрiятiе было очень неудачно для англичанъ [1]). Не встрѣчая нашихъ войскъ, страдая отъ жары и отсутствiя провiанта, такъ какъ жители, въ виду дурного съ ними обращенiя, боялись англичанъ не меньше турокъ, слѣдуя по пустынной мѣстности и не видя по нѣскольку дней ни одного жилища и ни одного человѣка, отрядъ Кардигана 30 iюня (12 iюля) вернулся въ Девно, совершенно измученнымъ и имѣя 90 лошадей съ сильно натертыми спинами [2]).

Тѣмъ временемъ къ союзной армiи подкрался страшный бичъ—холера. Она началась въ концѣ iюня въ Марселѣ, далѣе перешла въ Пирей, Галлиполи, Константинополь, Адрiанополь и съ особой силой разразилась въ iюлѣ въ Варнѣ. Тропическая жара, скученное расположенiе войскъ и недостатокъ въ снабженiи ихъ всѣмъ необходимымъ послужили къ развитiю эпидемiи въ особенности во французской армiи. Къ тому же вынужденное бездѣйствiе усугубляло удручающее состоянiе войскъ.

7 (19) iюля маршалъ С.-Арно рѣшилъ, не прекращая подготовки къ Крымской экспедицiи, произвести съ французскими войсками демонстративную военную прогулку къ границамъ Добруджи. Англичане категорически отказались участвовать въ этомъ походѣ. Рѣшенiе французскаго главнокомандующаго объяснялось желанiемъ хоть для вида выполнить данное Омеру-пашѣ обѣщанiе поддержать его наступленiемъ французской дивизiи къ Дунаю и надеждой, что эта демонстрацiя въ Добруджу отвлечетъ наше вниманiе отъ Крыма. Но, кромѣ того, маршалъ С.-Арно предпо-

---

[1]) W. ag R 202. W. w R. 245. L. fr. H-Q. 56. W. ag R 204. The war 115.

[2]) Характеристика безпомощности англiйской кавалерiи въ производствѣ этой развѣдки можетъ быть иллюстрирована слѣдующимъ извлеченiемъ изъ предписанiя, даннаго Измаиломъ-пашею Хану-мирзѣ-бею 23 iюня: „Нѣсколько эскадроновъ англiйской кавалерiи, отправленные „на рекогносцировку къ Карасу, по прибытiи ихъ сюда (въ Силистрiю), объявили, что ими на „дорогѣ утрачено три лошади. По сему поручаю вамъ отыскать сихъ лошадей, съ надежнымъ „человѣкомъ отправить на Дунай и отдать ихъ находящемуся тамъ старшему начальнику „англiйскихъ войскъ“. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1853 г., д. № 82.

лагалъ развлечь легкимъ походомъ войска, а перемѣной мѣста уменьшить развитіе эпидеміи.

Изъ всѣхъ поставленныхъ себѣ цѣлей французская прогулка достигла только одной, на которую меньше всего можно было разсчитывать. Она, какъ извѣстно, напугала князя Горчакова, заставила провести его нѣсколько тревожныхъ дней и усилить наши войска на низовьяхъ Дуная. Но зато она вызвала и слѣдующее язвительное и справедливое замѣчаніе князя Варшавскаго: „Кампанію англо-французовъ трудно себѣ объяснить. Кажется, „что союзники съ обыкновеннымъ французамъ легкомысліемъ „думали, что въ Турціи могутъ сдѣлать такую же кампанію, какъ „на Рейнѣ“ [1]).

7 (19) іюля маршалъ С.-Арно отдалъ приказъ о производствѣ рекогносцировки Добруджи отрядомъ легкой кавалеріи, носившей громкое названіе „спаговъ востока“. Это было ни что иное, какъ сбродъ баши-бузуковъ, которыхъ пытались организовать и дисциплинировать генералъ Юзуфъ и нѣсколько французскихъ офицеровъ. Для поддержки спаговъ между 9 (21) и 11 (23) іюля должны были выступить изъ своихъ лагерей три французскихъ пѣхотныхъ дивизіи. Три полка первой дивизіи направлялись походнымъ порядкомъ въ Мангалію, гдѣ временно останавливались, выславъ впередъ къ Кюстенджи три баталіона, которые должны были быть эшелонированы между этимъ пунктомъ и Мангаліей. Первый полкъ дивизіи, зуавы, прибывалъ въ Кюстенджи моремъ и въ случаѣ надобности могъ быть выдвинутъ на два перехода къ сѣверу, послѣ чего остальные полки дивизіи могли быть стянуты къ Кюстенджи. Вторая дивизія была направлена на Базарджикъ, откуда въ случаѣ надобности могла быть двинута на Мангалію; третья—на Козлуджу, освѣщая совмѣстно со второй дивизіей на одинъ переходъ пути на Силистрію, Рассово и Мангалію. Такимъ образомъ, фактически въ рекогносцировкѣ могли принять участіе лишь спаги генерала Юзуфа и первая дивизія генерала Канробера, которой временно командовалъ генералъ Эспинасъ. Вторая и третья дивизіи не отходили далеко отъ своихъ лагерей и не спускались въ Добруджу. Къ 24 іюля (5 августа) всѣ войска должны были вернуться на свои позиціи къ Варнѣ.

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Варшавскаго отъ 29 августа (10 сентября) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

9 (21) іюля первая дивизія, составлявшая, какъ извѣстно, цвѣтъ французской арміи, двинулась въ походъ, имѣя въ головѣ спаговъ и считая въ своихъ рядахъ 10½ тысячъ человѣкъ. 13 (25) числа она прибыла въ Мангалію, легко совершивъ этотъ переходъ по живописной мѣстности. Но здѣсь обстановка рѣзко измѣнилась, и дальнѣйшій походъ пришлось совершать при тропической жарѣ по мѣстности, совершенно открытой, и при отсутствіи хорошей воды. 16 (28) іюля истомленная дивизія, пройдя мимо Кюстенджи, остановилась на бивакъ у д. Полласъ. Въ дивизіи началась холера. Первый полкъ зуавовъ прибылъ въ Кюстенджи моремъ 13 (25) числа, не имѣя холерныхъ, но къ 16 (28) ихъ уже насчитывалось свыше пятидесяти. Въ этотъ день два баталіона зуавовъ получили приказаніе двинуться къ Каргалику, гдѣ спаги генерала Юзуфа столкнулись съ нашими передовыми постами. Зуавы, несмотря на форсированное движеніе, принять участіе въ дѣлѣ не могли, такъ какъ наши посты отходили, но спаги все-таки были пущены въ атаку на казаковъ и въ происшедшей схваткѣ отстали отъ своихъ офицеровъ, одинъ изъ которыхъ [1]) былъ сильно изрубленъ казаками. 17 (29) іюля генералъ Юзуфъ рѣшилъ продолжать движеніе къ д. Дукуиндже, прося пѣхоту его поддержать. На этотъ разъ въ происшедшей съ казаками стычкѣ спаги вели себя лучше, но наши передовые посты серьезнаго боя не предпринимали. Первая дивизія перешла для поддержки спаговъ къ Каргалику, куда прибылъ и генералъ Канроберъ, вернувшійся изъ морской рекогносцировки Крымскаго побережья.

Между тѣмъ холера въ войскахъ развивалась съ неимовѣрной быстротой, и генералъ Канроберъ прекратилъ дальнѣйшее наступленіе, приказавъ войскамъ отходить къ Варнѣ. Обратный переходъ первой дивизіи продолжался двадцать дней при сильномъ развитіи холеры и полномъ изнуреніи войскъ. Достаточно сказать, что за весь походъ эта дивизія потеряла умершими и заболѣвшими холерой до 4 съ половиной тысячъ человѣкъ. Отъ восточныхъ спаговъ осталось только 300 человѣкъ, такъ какъ остальные разбѣжались [2]). 2-я и 3-я дивизіи понесли несравненно меньшія

---

[1]) Капитанъ Прейль.

[2]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Varna, le 24 juillet 1854. St-Arnaud—au général Espinasse, le 23 juillet 1854. St-Arnaud—au général Bosquet, le 19 juillet. Tanski—au maréchal de St-Arnaud, le 26 juillet. Instruction pour le mouvement sur Custendjié. Le général Jusouf—au maréchal de St-Arnaud, le 28 et le 29 juillet. Les généraux Bosquet, Espinasse et

потери отъ холеры, такъ какъ походъ ими былъ совершенъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ [1]).

Неудачное наступленіе первой дивизіи приписывалось войсками желанію генерала Эспинаса приготовить какой-либо успѣхъ ко дню рожденія Императора Наполеона, празднуемому 15 августа новаго стиля. Безцѣльное, не вызываемое обстановкой, форсированное движеніе этой дивизіи на сѣверъ отъ Кюстенджи съ цѣлью принять участіе въ схваткѣ съ казаками вызвало чувство ненависти къ этому генералу со стороны его подчиненныхъ [2]).

Нападеніе на Соловецкій монастырь (народная картина).

Холера не пощадила и союзнаго флота, который для уменьшенія заразы ушелъ даже на нѣсколько дней въ море. Несмотря на это, на восьми французскихъ корабляхъ умерло 245 человѣкъ и было свезено на берегъ сильно больныхъ 320 человѣкъ. Для уничтоженія эпидеміи явилось даже предположеніе временно собрать весь флотъ въ Босфорѣ и, снявъ экипажи, продезинфицировать суда. Однако, къ этой мѣрѣ адмиралы не рѣшились прибѣгнуть, опасаясь, что русскій флотъ воспользуется для своихъ дѣйствій столь удачнымъ случаемъ [3]). Союзники, видимо, находились подъ впечатлѣніемъ только-что произведеннаго смѣлаго крейсерства

Jusouf—au maréchal de St-Arnaud, les 29 et 30 juillet. Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 29 juillet. Le général Bosquet—au prince Napoléon, le 30 juillet, и пр. Парижскій архивъ.

[1]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Varna, le 24 et le 29 juillet 1854. Le général Espinasse—au maréchal de St-Arnaud, le 31 juillet; le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 3 et le 9 août. Тамъ же.

[2]) Письмо франц. офиц. въ бельгійской газетѣ „Nation“ за 1854 г. Записки Севастопольца. Русск. Арх., 1867 г., стр. 1611.

[3]) Адм. Гамеленъ — морскому министру 13 (1) августа 1854 г. Парижскій Архивъ.

нашихъ пароходовъ „Владиміръ“ и „Эльборусъ“ къ Анатолійскимъ берегамъ [1]).

Вообще эпидемія холеры вывела во французской арміи изъ строя 12.500 человѣкъ [2]). У англичанъ эпидемія свирѣпствовала меньше, но все-таки потери отъ болѣзни также были очень велики. Точно опредѣлить ихъ не представляется возможнымъ, такъ какъ, по выраженію С.-Арно, англичане очень хорошо скрывали свои домашнія дѣла.

Едва начала уменьшаться холера, какъ французскую армію постигла новая стихійная неудача. 29 іюля (10 августа) въ Варнѣ начался пожаръ, который въ короткое время уничтожилъ значительную часть города и многочисленные запасы [3]). Пожаръ начался сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ и уничтожилъ большую часть города, въ которой были сосредоточены погибшіе въ огнѣ военные и продовольственные запасы союзной арміи. Съ большимъ трудомъ удалось отстоять пороховые погреба. Союзники не безъ основанія это бѣдствіе приписывали поджогу фанатизированныхъ грековъ [4]).

Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства не могли не отразиться на быстротѣ подготовки высадки въ Крыму, но работы въ этомъ направленіи велись безъ перерыва.

Тѣмъ временемъ желаніе Омера-паши перейти въ наступленіе и атаковать нашу армію въ Княжествахъ улеглось, какъ подъ впечатлѣніемъ временнаго миролюбія Австріи, такъ и въ виду нежеланія союзныхъ армій принять серьезное участіе въ походѣ за Дунай. Турецкая армія попрежнему занимала сильную позицію на лѣвомъ берегу Дуная противъ Рущука и предполагала во что бы то ни стало сохранить эту позицію и быть насторожѣ событій, которыя могутъ произойти въ Княжествахъ. Омеръ-паша подтверждалъ маршалу С.-Арно о своемъ намѣреніи избѣгать впредь всякихъ наступательныхъ попытокъ, если у него не будетъ самой положительной увѣренности въ успѣхѣ. „Это рѣшеніе“, писалъ Омеръ-паша [5]), „является также слѣдствіемъ сознанія

---

[1]) Le séraskier—au maréchal de St-Arnaud. Constantinople, le 24 (12) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre, le 19 (7) août 1854. Парижскій Архивъ.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Varna, le 14 (2) août 1854. Парижскій Архивъ.

[4]) Louis Pacra—à ses parents. Varna, le 27 août 1854. Иностранн. отдѣлъ Музея Севастопольской обороны.

[5]) Omer-pacha—au maréchal de St-Arnaud. Roustchouk, le 31 (19) juillet 1854. Парижскій Архивъ.

„дѣйствительнаго положенія моей родины и твердаго намѣренія „не вовлекать въ рискованныя предпріятія арміи, которая до на-„стоящаго времени такъ доблестно поддерживала права и досто-„инство моего монарха“.

Хотя экспедиція въ Крымъ была уже окончательно рѣшена, но маршалу С.-Арно все еще трудно было отказаться отъ его любимой мечты видѣть французскія знамена рядомъ съ австрійскими въ томъ случаѣ, если эта держава рѣшится на открытый съ нами разрывъ. Французскій главнокомандующій, утомленный неизвѣстностью дѣйствительныхъ намѣреній Австріи, отправился въ Константинополь, надѣясь тамъ узнать, наконецъ, что предполагаетъ далѣе дѣлать вѣнскій кабинетъ, и какую помощь онъ ожидаетъ отъ союзниковъ, если вообще ожидаетъ отъ нихъ чего-либо.

Но попытка эта не привела ни къ чему, такъ какъ въ Константинополѣ были также мало освѣдомлены о томъ, чего желаетъ австрійское правительство, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, а „мо-„жетъ быть, и въ самой Вѣнѣ“ [1]). Маршалъ С.-Арно, въ виду такого положенія дѣлъ, заявилъ австрійскому посланнику, что онъ начнетъ дѣйствовать самостоятельно, и вернулся въ Варну съ твердымъ намѣреніемъ нанести ударъ Севастополю, несмотря на позднее въ отношеніи свойствъ Чернаго моря время года.

Но, нѣсколько дней спустя, въ союзную главную квартиру прибыли два австрійскихъ офицера генеральнаго штаба [2]) для переговоровъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій австрійской и союзныхъ армій. Они заявили, что командующій III и IV арміями баронъ Гессъ ожидаетъ приказанія атаковать между 1 и 10 сентября новаго стиля правый флангъ русской арміи со стороны Буковины, если она къ этому времени не отойдетъ за Прутъ. Поэтому австрійскій генералъ просилъ сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, чтобы арміи французская, англійская и турецкая одновременно могли бы атаковать русскихъ съ лѣваго фланга, такъ какъ, по его мнѣнію, лишь одновременное дѣйствіе соединенныхъ армій съ обоихъ фланговъ можетъ обезпечить успѣхъ противъ русскихъ, которые болѣе сильны, чѣмъ каждая враждебная армія въ отдѣльности [3]). Союзные главнокомандующіе

---

[1]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Varna, le 4 août (23 juillet) 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Подполковники Каликъ и Лёвенталь.

[3]) См. Приложеніе № 182.

отвѣтили на это предложеніе сожалѣніемъ, что австрійцы отложили на два мѣсяца свое вступленіе въ Княжества въ то время, когда оно могло оказать существенную помощь союзникамъ, и когда они были готовы нанести ударъ русской арміи, снявшей осаду Силистріи и раздѣленной Дунаемъ на двѣ части. Но, въ виду упущеннаго случая и въ виду нерѣшительности Австріи, Францiя и Англiя должны были сами подумать о средствахъ нанести Россiи существенный ударъ, вслѣдствіе чего они и рѣшились на высадку въ Крыму, отмѣнить которую не представляется возможнымъ. Въ заключеніе лордъ Регланъ и маршалъ С.-Арно выражали увѣренность, что австрійцы и турки легко справятся съ русскими войсками, которымъ къ тому же грозитъ высадка 60-ти тысячной арміи въ Крыму [1]).

Французскій главнокомандующій въ обширномъ письмѣ къ военному министру объяснялъ причины, побудившія его отклонить предложеніе австрійскихъ уполномоченныхъ. Маршалъ, по его словамъ, всегда сознавалъ опасность движенія къ Дунаю арміи, не привыкшей къ мѣстному климату и не подготовленной къ веденію большой сухопутной войны; но, несмотря на это, и онъ, и лордъ Рагланъ были готовы въ іюнѣ и іюлѣ двинуться на поддержку Австріи, если бы она рѣшилась объявить Россіи войну. „Теперь же“, прибавлялъ С.-Арно, „если бы я даже и „хотѣлъ итти къ Дунаю, я не могу этого сдѣлать въ виду пла„чевнаго состоянія арміи“. Обезсиленная холерой не только физически, но и нравственно [2]), она не была способна къ какой-либо серьезной наступательной операціи на сухомъ пути, —она физически не могла дойти до Дуная. „Avec une armée ainsi refaite“, кончалъ свое грустное донесеніе маршалъ С.-Арно [3]), „on peut „tenter par voie de mer une entreprise hardie, mais on ne fait plus „de longues marches particulièrement vers le Danube“.

Такимъ образомъ, австрійцы были предоставлены исключительно собственнымъ силамъ, и они вновь обратились къ самому невыгодному для насъ образу дѣйствій—вооруженной угрозѣ.

Съ тѣхъ поръ на Дунаѣ все затихло, и вскорѣ выстрѣлы раздались на холмахъ Севастопольскихъ.

---

[1]) См. Приложеніе № 183.

[2]) „Une épidémie qui ne se contente pas de tuer, mais qui ruine les tempéraments faibles „et altère les tempéraments les plus robustes“. Изъ донесенія С.-Арно.

[3]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre. Varna, le 14 (2) août 1854. Парижскій Архивъ.

VI.

Довольствіе войскъ послѣ переправы черезъ Дунай и до оставленія Княжествъ.

Къ 11 марта 1854 года продовольственные припасы для Дунайской арміи были сложены и заготовлялись на трехъ базахъ и на коммуникаціонныхъ путяхъ въ Княжествахъ, а именно:

На коммуникаціонныхъ путяхъ, въ магазинахъ, въ Яссахъ, Бырлатѣ, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео, Слободзеѣ, Бухарестѣ и др.

На 1-й базѣ, въ Скулянахъ, Кишиневѣ и Леовѣ.

На Придунайской базѣ, въ Каменецъ-Подольскѣ, Проскуровѣ, Могилевѣ, Балтѣ, Жеребковѣ, Шараевѣ, Одессѣ и въ сельскихъ магазинахъ въ Бессарабіи.

Всего въ этихъ пунктахъ состояло налицо и было заказано провіанта для 150-ти тысячной арміи на время около $2^1/_2$ лѣтъ.

Послѣ переправы войскъ на правый берегъ Дуная и во время движенія ихъ къ Силистріи провіантъ, мясо, вино и фуражъ подвозились къ нимъ изъ магазиновъ въ Измаилѣ, Сатуновѣ, Галацѣ, Водени и Браиловѣ, которые были полны запасами, такъ что на походѣ войска не встрѣчали никакихъ затрудненій въ продовольствіи [1]).

Относительно отряда генерала Лидерса фельдмаршаломъ были отданы особыя распоряженія, заключавшіяся въ томъ, чтобы при выступленіи изъ-подъ Гирсова было взято съ собою провіанта на 10-12 дней.

Въ Черноводы же, ко времени прихода туда отряда, провіантъ долженъ былъ быть подвезенъ съ такимъ расчетомъ, чтобы отрядъ могъ пополнить свой запасъ.

Слѣдующимъ этапомъ для пополненія запасовъ служилъ Каларашъ [2]).

За отрядомъ генерала Лидерса, во время его движенія къ Черноводамъ, слѣдовалъ подвижной магазинъ съ сѣномъ и ячменемъ и отдѣльный транспортъ. На 14-ти кирлашахъ, по приказанію генерала Лидерса, везлись по Дунаю къ Черноводамъ сухари, спиртъ, перецъ, соль, уксусъ, въ пропорціи для отряда

---

[1]) Затлеръ, ч. I, стр. 210.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358.

на $9\frac{1}{2}$ дней. Этими первоначально захваченными припасами въ кирлашахъ, подвижномъ магазинѣ и транспортѣ войска Лидерса обезпечивались по 20 апрѣля. Первыя три недѣли послѣ переправы подвозъ припасовъ къ войскамъ, находившимся въ Добруджѣ, производился исключительно изъ тѣхъ же магазиновъ Придунайской базы и тѣми же перевозочными средствами [1]).

Кирлаши совершали рейсы между Черноводами, Гурой-Яломницей и Браиловымъ; для поднятія ихъ противъ теченія, по приказанію Паскевича, былъ назначенъ пароходъ Дунайской флотиліи [2]).

Лѣвая колонна сѣно и ячмень находила вездѣ въ достаточномъ количествѣ изъ мѣстныхъ средствъ, поэтому остатокъ продуктовъ подвижного магазина былъ сложенъ въ с. Дояны, гдѣ былъ образованъ временной магазинъ [3]).

Когда отрядъ генерала Лидерса подошелъ къ Гирсову, то въ с. Гура-Яломница былъ устроенъ провіантскій магазинъ, а ниже Гирсова наведенъ мостъ на плотахъ черезъ Дунай. Это значительно сократило разстояніе для доставки запасовъ изъ Гуры-Яломницы, которые до тѣхъ поръ доставлялись къ отряду на правый берегъ Дуная на паромахъ [4]).

Еще до прибытія войскъ къ Силистріи въ Каларашѣ былъ устроенъ продовольственный магазинъ, въ который запасы свозились изъ Бухареста и Слободзеи; оттуда же пригонялся и порціонный скотъ. Въ виду неимѣнія за Дунаемъ запасовъ сѣна, въ виду отсутствія подножнаго корма и неприбытія изъ Одессы вновь сформированныхъ 6 полубригадъ подвижного магазина, въ Каларашѣ было заготовлено 135 тысячъ, а въ Измаилѣ, Галацѣ и Браиловѣ до 900 тысячъ пудовъ сѣна, которое должно было подвозиться къ войскамъ на повозкахъ полкового обоза.

Все время стоянки нашихъ войскъ подъ Силистріей осадный корпусъ получалъ провіантъ, мясо, зерновой фуражъ и сѣно изъ Каларашскаго магазина, и, несмотря на то, что къ іюню подъ Силистріей было сосредоточено до ста тысячъ войскъ, они получали все требуемое безъ задержки.

Когда войска двигались къ Журжѣ и Майя-Катаржилуй, то продовольствіе подвозилось исключительно на подвижномъ мага-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407. Донесеніе Лидерса 25 марта 1854 г.
[2]) Поливановъ, стр. 119—120.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3352. Донесеніе Лидерса 19 марта 1854 г.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.

зинѣ. Въ это время начали прибывать изъ Одессы новыя полубригады подвижного магазина [1]).

Мало-Валахскій отрядъ довольствовался изъ магазиновъ въ Краіовѣ, Слатинѣ и Текучѣ; провіантскій же магазинъ, бывшій въ Каракулѣ, въ апрѣлѣ былъ переведенъ въ Руссо-де-Веде.

Подвозъ провіанта въ Каларашскій, Бухарестскій и прочіе магазины, ближайшіе къ войскамъ, все время производился изъ другихъ, болѣе отдаленныхъ, магазиновъ на коммуникаціонной линіи посредствомъ подвижныхъ магазиновъ, обывательскихъ подводъ и подрядчиками.

Внутренній видъ форта Бомарзундъ.

Изъ 40 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ и 50 тысячъ чтв. ячменя, которые было приказано (21 февраля 1854 г.) заготовить по реквизиціи въ Княжествахъ, къ началу мая было свезено въ Яссы, Бырлатъ, Текучъ, Фокшаны и Бузео около половины: 15.234 чтв. муки, 963 чтв. крупъ и 1670 чтв. ячменя. Дальнѣйшая поставка была отмѣнена [2]).

Для войскъ же, расположенныхъ въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ провіантскихъ складовъ, по приказанію фельдмаршала, было заготовлено въ іюнѣ въ Молдавіи 11.178 чтв. муки и 1178 чтв. крупъ [3]).

27 марта князь Варшавскій выѣхалъ изъ Варшавы на Дунай. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ распоряженіе о снабженіи крѣпостей. Къ этому времени въ Новогеоргіевскѣ, Варшавской цитадели, Замостьѣ и Ивангородѣ имѣлись по оборонительному положенію только провіантъ и соль на 6 мѣсяцевъ. Фельдмаршалъ приказалъ заготовить въ эти крѣпости, сверхъ имѣвшагося провіанта, и другіе продукты также на шесть мѣсяцевъ на полное число гарнизона по военному положенію. Кромѣ того, по его приказанію, войсками было заготовлено къ сентябрю въ Варшавѣ, Люблинѣ, Замостьѣ, Новогеоргіевскѣ и Брестѣ 14.250 чтв. сухарей.

По пути изъ Варшавы въ Бухарестъ князь Варшавскій заѣхалъ въ Измаилъ и, усмотрѣвъ, что эта крѣпость не снабжена

---

[1]) Затлеръ, ч. I, стр. 213 и 214.
[2]) Затлеръ, ч. I, стр. 214.
[3]) Аратовскій, стр. 375.

запасами на случай осады, приказалъ Затлеру немедленно закупить для нея 5 тысячъ чтв. муки [1]).

Вслѣдствіе усиленной закупки провіанта и фуража въ Царствѣ Польскомъ, тамъ сильно возвысились на нихъ цѣны, поэтому графъ Ридигеръ, 21 апрѣля, назначилъ поставку отъ земли Царства Польскаго 25 тысячъ чтв. овса, который и былъ доставленъ 15 іюня частью въ магазины, частью прямо въ войска [2]).

Князь Варшавскій, вслѣдствіе полученнаго донесенія отъ генералъ-губернатора юго-западныхъ губерній князя Васильчикова, что Австрія усиленно закупаетъ хлѣбъ въ нашихъ пограничныхъ уѣздахъ для сосредоточивающихся въ Галиціи войскъ, назначилъ, съ цѣлью затруднить Австріи эту закупку, поставку отъ земли Волынской губерніи 50 тысячъ чтв. муки, 5 тысячъ чтв. крупы и 25 тысячъ чтв. овса [3]). Все это количество предназначалось для пополненія запасовъ сельскихъ магазиновъ. Но, узнавъ, что въ сельскихъ магазинахъ Волынской губерніи имѣется 250 тысячъ чтв. хлѣба, и опасаясь, что непріятель, вступивъ въ Волынскую губернію, найдетъ тамъ большое количество готовыхъ запасовъ, фельдмаршалъ 15-го отмѣнилъ эту поставку. Но въ сельскіе магазины было уже сдано 9 тысячъ чтв. муки и 4 тысячи чтв. овса и находилось въ пути къ магазинамъ 18 тысячъ чтв. муки и 8 тысячъ чтв. овса. Эти послѣдніе собранные запасы (26 тысячъ чтв.) фельдмаршалъ приказалъ сдать въ крѣпость Замостье. Все поставленное отъ земли Волынской губерніи, 39 тысячъ чтв., было свезено къ концу августа въ магазины на подводахъ поставщиковъ [4]).

Между тѣмъ, пока фельдмаршалъ былъ на Дунаѣ, въ Россіи приводились въ исполненіе всѣ его распоряженія по заготовленію провіанта, сдѣланныя имъ въ февралѣ.

Назначенная поставка 150 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ и 100 тысячъ чтв. овса въ Каменецъ-Подольскъ, Могилевъ на Днѣстрѣ и въ Балту начата была въ половинѣ марта и окончена въ двадцатыхъ числахъ мая.

Изъ этого количества 5 тысячъ чтв. муки съ пропорціей крупъ, по приказанію князя Варшавскаго, были отправлены въ Хотинъ. Самое большое затрудненіе при этой поставкѣ встрѣти-

---

[1]) Аратовскій, стр. 358—360. Затлеръ, ч. I, стр. 215.
[2]) Аратовскій, 375.
[3]) Предписаніе кн. Васильчикову отъ 9 мая 1854 г., № 382.
[4]) Аратовскій, стр. 377—379.

лось въ устройствѣ помѣщеній для запасовъ. Въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и въ Балтѣ были построены огромные сараи [1]). Лѣсъ для нихъ пришлось покупать въ Галиціи, сплавлять по Бугу и затѣмъ везти на подводахъ [2]).

Къ началу марта въ Одессѣ находилось 611 тысячъ чтв. разнаго хлѣба частныхъ лицъ, и фельдмаршалъ, опасаясь захвата ихъ непріятелемъ, приказалъ въ началѣ же марта перевезти ихъ какъ можно скорѣе въ Бендеры.

Перевозку было поручено произвести командующему войсками въ Одессѣ барону Остенъ-Сакену и генералъ-губернатору Ѳедорову. Для перевозки были назначены 6 тысячъ подводъ формировавшагося подвижного магазина и вольнонаемныя подводы, которыхъ оказалось въ Одессѣ 1500.

Въ Бендерахъ имѣлось помѣщеній для 89 тысячъ четвертей. Но въ это время сильно разлился Днѣстръ, и переправа черезъ него у Бендерской крѣпости сдѣлалась невозможною. Поэтому было рѣшено свозить пока хлѣбъ въ упраздненную Тираспольскую крѣпость, внутри которой и въ сараяхъ около нея можно было сложить 355 тысячъ чтв. По возстановленіи сообщенія черезъ рѣку, имѣлось въ виду перевезти все это въ Бендеры.

Во второй половинѣ марта начатъ былъ вывозъ хлѣба изъ Одессы.

Для транспортированія его, по распоряженію генерала Сакена, между Одессой и Тирасполемъ была учреждена перевозка, названная *маятною*.

Маятная перевозка состояла въ томъ, что на небольшихъ разстояніяхъ были устроены этапы, на которыхъ были собраны въ соотвѣтствующемъ числѣ подводы. Каждый транспортъ доходилъ лишь до сосѣдняго этапа, гдѣ хлѣбъ перекладывался на заготовленныя тамъ подводы и немедленно перевозился на нихъ дальше, до слѣдующаго этапа.

Опорожненныя же повозки транспорта, накормивъ упряжный скотъ, возвращались обратно на свой этапъ.

Такимъ образомъ, перевозка ускорялась, такъ какъ не тратилось времени на простой для корма скота.

На этапахъ были разставлены обывательскія подводы, собранныя въ Одессѣ и ближайшихъ уѣздахъ, а также повозки трехъ

---

[1]) Затлеръ, ч. I, стр. 217.
[2]) Аратовскій, стр. 367.

полубриградъ подвижного магазина. (Всего было собрано въ Одессѣ и уѣздахъ 4455 подводъ) [1].

До 8 апрѣля (до прибытія полубригадъ) было перевезено въ Тирасполь 17.383 чтв. разнаго хлѣба. Какъ только полубригады прибыли на этапы, то было получено предписаніе фельдмаршала объ отправкѣ ихъ въ распоряженіе князя Горчакова, по просьбѣ послѣдняго. Онѣ были нагружены 13.090 чтв. хлѣба и немедленно отправлены въ Леово [2]).

Послѣ этого перевозка была прекращена по слѣдующимъ причинамъ:

1) полубригады подвижного магазина, по просьбѣ князя Горчакова, были отправлены къ нему на Дунай. Дальнѣйшая перевозка хлѣба изъ Одессы въ Княжества, по представленію генерала Затлера, была прекращена, такъ какъ хлѣбъ, который доставлялся бы такимъ способомъ въ Бухарестъ или въ Силистрію, обходился бы почти въ три раза дороже, чѣмъ заготовляемый въ Княжествахъ, и на перевозкѣ одесскаго хлѣба казна несла бы чистаго убытка, по вычисленію генерала Затлера, до 4-хъ милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ наша коммуникаціонная линія слишкомъ истощилась бы отъ движенія по ней громадныхъ транспортовъ [3]);

2) съ наступленіемъ весны увеличились затрудненія въ наймѣ подводъ, такъ какъ подводчиковъ пришлось отпустить по домамъ для полевыхъ работъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, на основаніи представленія генераловъ Сакена и Затлера, фельдмаршалъ приказалъ прекратить вывозъ хлѣба изъ Одессы, предоставивъ его въ распоряженіе владѣльцевъ его. При этомъ въ Одессѣ должно было остаться около 556 тысячъ чтв. невывезеннаго хлѣба [4]).

Перевозка въ Жеребково и Шараево была начата въ первыхъ числахъ апрѣля на двухъ полубригадахъ подвижного магазина. Но 8 апрѣля было получено предписаніе фельдмаршала отправить эти полубригады князю Горчакову. Онѣ были отправлены въ Леово съ 11.633 чтв. хлѣба, а перевозка въ Шараево и Жеребково была произведена на вольнонаемныхъ подводахъ. Къ 20 мая было свезено туда все назначенное количество запасовъ: 50 ты-

---

[1]) Аратовскій, 330—334.
[2]) Рапортъ ген. Сакена отъ 25 марта 1854 г.
[3]) Затлеръ, ч. I, 211; ч. II, 2, 53.
[4]) Аратовскій, 335.

сячъ чтв. муки и 50 тысячъ чтв. овса, за вычетомъ отправленныхъ въ Леово [1]).

Въ Шараевѣ и Жеребковѣ были выстроены огромныя зданія для магазиновъ [2]).

Ко времени снятія осады Силистріи, т.-е. къ 10 іюня 1854 года, состояніе запасовъ было слѣдующее:

войска, находившіяся въ Княжествахъ, были обезпечены продовольствіемъ, производившимся поставками, по *1 сентября 1854 года;*

эти запасы были сосредоточены въ магазинахъ на первой и второй базахъ и на коммуникаціонныхъ линіяхъ.

Кромѣ того:

а) *Въ Княжествахъ.*

Собрано по реквизиціи въ Княжествахъ (въ Яссы, Бырлатъ, Текучъ, Фокшаны и Бузео)	15.234	чтв. муки.
	963	„ крупъ.
	1.670	„ ячменя.
Въ Молдавіи собрано, по распоряженію фельдмаршала (въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ магазиновъ)	11.000	чтв. муки.
	11.000	„ крупъ.

На первой базѣ (Леово-Скуляны)	заготовлено раньше. .	50.000	чтв. сухарей.
		5.000	„ крупъ.
	въ Леово переведено изъ Одессы и Военн. поселеній	24.723	чтв. хлѣба.
На второй базѣ (Придунайской)	заготовлено раньше. .	50.000	чтв. сухарей.
		5.000	„ крупъ.
	въ Измаилѣ, по распоряженію Паскевича . .	5.000	чтв. муки.

Всего въ Княжествахъ и на обѣихъ базахъ, кромѣ запасовъ на текущее довольствіе (по 1 сентября 1854 года), — около 156.000 чтв. муки, сухарей и разнаго хлѣба, около 12.000 чтв. крупъ, 1.670 чтв. ячменя.

---

[1]) Аратовскій, 353.
[2]) Затлеръ, I, 217.

б) *На Приднѣстровской базѣ.*

Въ Одессѣ	556.000 чтв. разнаго хлѣба
Въ Тираснолѣ	17.383 „ „ „
Въ Шараевѣ и Жеребковѣ	38.677 чтв. муки 50.000 „ овса
Въ Замостьѣ	18.000 чтв. муки 8.000 „ овса
Въ Хотинѣ	5.000 чтв. муки 500 „ крупъ
Въ Каменецъ-Подольскѣ и Балтѣ .	156.000 чтв. муки 1.560 „ крупъ 100.000 „ овса

Всего 791.000 чтв. муки и разнаго хлѣба, 2.060 чтв. крупъ, 158.000 чтв. овса.

в) *Въ раіонѣ дѣйствующей арміи мирнаго времени.*

Войска были обезпечены текущимъ довольствіемъ по 1 октября 1854 года и кромѣ того:

Крѣпости были снабжены продовольствіемъ по оборонительному положенію на 6 мѣсяцевъ. Въ крѣпостяхъ былъ запасъ 14.250 чтв. сухарей. Въ магазинахъ въ Царствѣ Польскомъ— 25.000 чтв. овса. Въ сельскихъ магазинахъ въ Бессарабіи— 259.000 чтв. хлѣба и 4.000 чтв. овса.

Ко времени перехода черезъ Дунай расположеніе артиллерійскихъ запасовъ было слѣдующее:

Подвижные парки. № 10—въ с. Тарачени (между Ольтеницей и Силистріей); № 11—въ Галича-Маре; № 12 и № 14—въ Бухарестѣ; № 15—въ Браиловѣ. Изъ Брестъ-Литовска въ Кишеневъ шелъ № 7; въ Тираснолѣ находился № 13, и формировались № 18 и летучій № 9.

Подвижные парки, находившіеся въ Княжествахъ, пополняли свои запасы изъ промежуточныхъ складовъ, которые были въ Фокшанахъ (на 6 мѣстныхъ парковъ и артиллерійское депо), въ Браиловѣ (на два съ половиною подвижныхъ парка) и въ Плоешти (на 2 мѣстныхъ парка). Наибольшіе резервные склады находились

въ Краіовѣ (на ¾ подвижного парка) и въ Фратешти (близъ Журжи, который укомплектовывался до размѣра одного подвижного парка).

Подвижной арсеналъ № 3 и два отдѣленія (5-е и 6-е) осаднаго артиллерійскаго № 2 парка были въ Тираспол; половина лабораторной роты № 2—въ Бухарестѣ, другая половина—на пути въ Княжества изъ Риги. Складъ артиллерійскихъ припасовъ и принадлежностей былъ еще и въ Леовѣ.

Для Дунайской арміи перволинейными парками, комплектовавшими промежуточные, считались мѣстные парки Измаильскіе, Бендерскіе и Хотинскіе. Эти парки были, вслѣдствіе большихъ отправокъ своихъ запасовъ на Дунай, не въ комплектѣ, что составляло предметъ усиленныхъ заботъ князя Горчакова, просившаго объ ихъ пополненіи.

Второлинейными парками, для пополненія перволинейныхъ, служили Кіевскіе мѣстные парки, пополнявшіеся въ свою очередь изъ Калуги. Кіевскіе парки также были истощены, комплектовались изъ Калуги медленно, и потому было разрѣшено, въ добавокъ къ нимъ, комплектовать перволинейные парки изъ Брестъ-Литовска и Новогеоргіевска.

По соображеніямъ артиллерійскаго департамента, при войскахъ на Дунаѣ и въ комплектовавшихся ихъ паркахъ, подвижныхъ, промежуточныхъ и перволинейныхъ, въ мартѣ должно было состоять патроновъ около двухъ комплектовъ, полагавшихся въ Дунайскихъ войскахъ. Кромѣ того, изъ внутреннихъ складовъ въ Россіи везлись въ Измаилъ, Фокшаны и Бухарестъ оружіе и матеріальная артиллерійская часть.

Съ марта по іюнь промежуточные парки усиленно пополнялись запасами, подвозомъ изъ перволинейныхъ мѣстныхъ парковъ, по сношенію начальника артиллеріи арміи съ начальникомъ перволинейныхъ парковъ. Въ промежуточныхъ паркахъ образовался даже нѣкоторый излишекъ противъ штата того числа парковъ, которые положено было тамъ сосредоточить. Излишекъ этотъ, впрочемъ, образовался въ наименѣе важныхъ предметахъ, а именно: подковъ, гвоздей и разнаго рода штатныхъ инструментовъ. При первоначальномъ оборудованіи парковъ, они были снабжены этими предметами въ полномъ количествѣ по положенію; тѣ же запасы состояли и въ подвижныхъ паркахъ. При пополненіи же промежуточныхъ парковъ перволинейными, изъ послѣднихъ высылались части мѣстныхъ парковъ, на основаніи положенія 1848 года, т.-е. опять-таки съ этими вещами. Такимъ образомъ, склады

загромождались ненужными въ такомъ количествѣ вещами, а на перевозку тратились лишнія средства. Только въ концѣ апрѣля, по представленію генерала Сержпутовскаго, было приказано означать въ требованіяхъ перволинейнымъ паркамъ, что высылать нужно и чего не нужно.

Съ имуществомъ мѣстныхъ парковъ, перевозимымъ въ промежуточные парки, отправлялись конвойными нижніе чины отъ артиллерійскихъ гарнизоновъ Дунайскаго округа. По прибытіи ихъ на мѣсто назначенія, они частью оставлялись тамъ для храненія имущества. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ Дунайскаго округа обезпокоился такой мѣрой, и 1 мая была послана князю Горчакову отъ военнаго министра бумага, съ указаніемъ, что съ отправкою въ Княжества этихъ чиновъ „можетъ дойти „до того, что въ Дунайскомъ округѣ не будетъ хватать прислуги „при орудіяхъ“, и что, въ виду этого, Высочайше повелѣно, если возможно, вернуть артиллерійскихъ нижнихъ чиновъ, назначивъ, вмѣсто нихъ, солдатъ отъ пѣхоты. На самомъ дѣлѣ оказалось, что къ 10 іюня въ Княжествахъ было всего 58 человѣкъ отъ артиллерійскихъ гарнизоновъ Дунайскаго округа, большая часть которыхъ была уже предназначена къ обратной отправкѣ. Конвойныхъ рѣшено было назначать впредь отъ гарнизонныхъ баталіоновъ, а для присмотра за имуществомъ и для исполненія обязанностей цейхдинеровъ оставить небольшое число артиллеристовъ Дунайскаго округа, замѣнивъ отосланныхъ артиллеристовъ нижними чинами артиллерійскаго депо въ Фокшанахъ [1]).

Фокшанскій паркъ былъ самый большой. Черезъ него главнымъ образомъ шли припасы для прочихъ мѣстъ и парковъ [2]). Кромѣ того, при немъ было обширное артиллерійское депо. Тамъ находились для батарей на Дунаѣ орудія, лафеты, зарядные ящики, колеса, принадлежность и проч. Въ мартѣ было приказано ускорить доставку въ Фокшаны 46 орудій, 67 лафетовъ, 95 зарядныхъ ящиковъ и запасныя колеса, потребованныя княземъ Горчаковымъ [3]). Для пѣхоты и кавалеріи тамъ было въ іюнѣ сложено до 36.000 ружей [4]).

Плоештскій промежуточный паркъ, какъ находившійся нѣсколько въ сторонѣ отъ мѣстъ главнаго сосредоточенія войскъ,

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/22.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3315.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3337.

16 мая было приказано упразднить. Все имущество его было перевезено въ Бухарестъ, какъ въ пунктъ ближайшій и болѣе удобный для размѣщенія запасовъ.

Перевозка эта была совершена въ маѣ повозками подвижного № 10 парка въ нѣсколько рейсовъ [1]). Новые промежуточные склады были устроены въ Бырлатѣ и Каларашѣ.

Устройство Каларашскаго склада, предназначавшагося для снабженія осаднаго корпуса подъ Силистріей, началось съ самыхъ первыхъ чиселъ апрѣля. 6 апрѣля было приказано отправить немедленно изъ Фокшанскаго парка въ Слободзею 1200 пудовъ

Атака Бомарзунда.

пороха для осадныхъ инженерныхъ работъ. Но такъ какъ въ Слободзеѣ не нашлось необходимыхъ помѣщеній для склада этого пороха, то эта отправка была пріостановлена, а къ 18 апрѣля онъ былъ перевезенъ прямо въ Калараш [2]).

Затѣмъ парковые запасы доставлялись въ Калараш еще изъ Фокшанъ и штуцерные патроны изъ вновь учрежденнаго Бырлатскаго склада.

Часть этихъ запасовъ перевозилась средствами подвижныхъ парковъ № 7 и № 14 [3]), но, вслѣдствіе ихъ недостаточности, къ 4 іюня въ Слободзеѣ было собрано 118 наемныхъ подводъ для перевозокъ изъ Фокшанъ и Бырлата въ Калараш [4]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3608.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/22.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3624.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., 3614/29.

Изъ Дунайскаго округа были отправлены въ Каларашъ 5-е и 6-е отдѣленія осаднаго артиллерійскаго парка № 2. Три четверти имущества этихъ парковъ первоначально было отправлено изъ мѣста своего расположенія въ Тирасполѣ въ Измаилъ. Изъ Тирасполя они были перевезены въ Измаилъ на трехъ воловыхъ ротахъ провіантскаго подвижного магазина, за невозможностью нанять подводы. Они, выступивъ изъ Тирасполя 25, 26 и 27 марта (по дорогѣ на Токузы, Бріенъ и Ташъ-Бунаръ), стали прибывать въ Измаилъ, начиная съ 28 марта.

Вмѣстѣ съ отдѣленіями осаднаго парка былъ отправленъ изъ Тирасполя въ Браиловъ и подвижной арсеналъ № 3 (по дорогѣ Токузы, Лейпцигская, Тараклія, Болградъ-Рени) [1]). Дальнѣйшая перевозка была совершена водою. Дунайская флотилія могла дать для этой перевозки только два флашкоута, изъ которыхъ каждый могъ поднять до 20.000 пудовъ. Но, такъ какъ фарватеръ между Браиловымъ и Гирсовымъ былъ настолько мелокъ, что грузить можно было только до осадки въ водѣ $6^1/_2$ футъ, то ненагруженными остались 15.000 пудовъ. Для нихъ были наняты въ Измаилѣ три частныхъ кирлаша, на которыхъ была погружена только половина оставшагося. Для поднятія судовъ по теченію былъ данъ только одинъ пароходъ, который взялъ на буксиръ два судна, а прочія отправились на бечевѣ. Этотъ транспортъ выступилъ изъ Измаила 21 апрѣля и прибылъ въ Гирсово 25-го.

Для оставшихся 7500 пудовъ пришлось послать нанимать кирлаши въ Тульчу, за невозможностью достать ихъ въ Измаилѣ, и они были отправлены позже.

Нѣкоторое количество пороха для Каларашскаго склада доставлялось прямо изъ Дунайскаго округа водянымъ путемъ. Для этого впослѣдствіи нанимались въ Измаилѣ кирлаши. Перевозка эта шла медленно, такъ какъ при противномъ вѣтрѣ кирлаши останавливались, въ особенности выше Гуры-Яломницы, и тогда для поднятія ихъ вверхъ по теченію требовались пароходы. Такой подвозъ водою продолжался все время до 10 іюня [2]).

Такъ какъ въ окрестностяхъ Бырлата предполагалось расположить драгунскій корпусъ, то фельдмаршалъ приказалъ устроить въ Бырлатѣ промежуточный складъ, перевезя туда парковое имущество изъ Фокшанъ, въ которомъ оставилъ запасовъ только на

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605, 3614/29, 3614/4 и 3614/27.

3 мѣстныхъ парка. Въ Фокшанахъ въ это время было запасовъ на 6 парковъ или нѣсколько болѣе, такъ что въ Бырлатѣ долженъ былъ составиться запасъ въ размѣрѣ около трехъ мѣстныхъ парковъ. Эта перевозка была совершена подвижными парками №№ 7 и 12, которые съ конца апрѣля до 21 іюня дѣлали рейсы между Фокшанами и Бырлатомъ [1]).

Въ Леово понемногу образовался артиллерійскій складъ и депо значительныхъ размѣровъ, такъ какъ туда направлялись многіе запасы для промежуточныхъ парковъ. Такъ какъ Леово служило лишь передаточнымъ пунктомъ, то, въ какомъ количествѣ въ разное время тамъ имѣлось запасовъ, прослѣдить очень трудно.

Въ мѣстныхъ перволинейныхъ паркахъ послѣ отправленія запасовъ Дунайскаго округа въ промежуточные парки и за сдѣланнымъ распоряженіемъ о пополненіи этихъ запасовъ частью перевозкою изъ второлинейныхъ Кіевскихъ парковъ, а частью приготовленіемъ на мѣстѣ, къ концу апрѣля состояніе боевыхъ патроновъ ружейныхъ, штуцерныхъ и карабинныхъ было слѣдующее:

	Состояло налицо.	Не доставало противъ штата.
Въ Хотинѣ	1.505.075	97.075
„ Бендерахъ	792.305	809.845
„ Измаилѣ	2.024.690	1.400
Итого . . .	4.322.070	908.320

Изъ числа недостававшихъ патроновъ главная масса—809.845—приходилась на Бендерскіе парки, почему въ апрѣлѣ еще было приказано отправить изъ Москвы и Калуги въ Бендеры 1.175.055 разныхъ патроновъ для пополненія Бендерскихъ парковъ и на случай новыхъ требованій въ промежуточные.

Послѣ Высочайшаго разрѣшенія укомплектовать мѣстные парки Дунайскаго округа изъ Брестъ-Литовскихъ и Бобруйскихъ парковъ, въ концѣ апрѣля было приказано отправить:

изъ Бреста въ Измаилъ запасовъ на 3 мѣстныхъ парка и въ томъ числѣ. . . . . 1.602.150 патроновъ;
изъ Бобруйска въ Бендеры . . . . . 600.000 „
„ „ „ Хотинъ. . . . . . . 29.075 „

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3624.

Послѣ этого въ мѣстныхъ паркахъ Дунайскаго округа долженъ былъ образоваться запасъ патроновъ въ 7.728.350 штукъ [1]).

Въ Измаилѣ сосредоточивалась масса всякихъ другихъ артиллерійскихъ запасовъ, главнымъ образомъ для осады Силистріи, направлявшихся въ Княжества водою.

Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля были доставлены въ Измаилъ тѣ 3332 пуда пороху, которые князь Горчаковъ приказалъ перевезти изъ Бендеръ и Хотина для осадныхъ инженерныхъ работъ подъ Силистріей. Предписаніе князя Горчакова о пріостановкѣ этой перевозки, посланное имъ по полученіи о томъ Высочайшаго повелѣнія, было получено въ Бендерахъ и Хотинѣ въ то время, когда эти запасы были уже отправлены въ Измаилъ [2]).

Черезъ Измаилъ было доставлено изъ Петербурга въ апрѣлѣ и маѣ нѣсколько тысячъ конгревовыхъ ракетъ. Изъ нихъ часть отправлена водою къ Силистріи, а часть въ Тульчу, гдѣ въ это время формировались двѣ ракетныя батареи [3]).

Изъ Одессы отправлялись черезъ Измаилъ патроны ($^{2}/_{3}$ одесскаго запаса) и артиллерійскіе запасы на одну артиллерійскую бригаду.

Въ Бендеры доставлялся въ мартѣ и апрѣлѣ порохъ изъ Москвы, Бобруйска, Херсона и съ Шостенскаго завода ($4^{1}/_{2}$ тысячи пудовъ); въ Хотинъ — 3 тысячи пудовъ съ Казанскаго завода.

Князь Горчаковъ въ это время былъ сильно озабоченъ доставкою тѣхъ 6000 пудовъ пороха, которые онъ считалъ необходимымъ имѣть для инженерныхъ работъ при осадѣ Силистріи и Рущука. Нѣсколько разъ онъ запрашивалъ объ этомъ военное министерство и, наконецъ, получилъ разрѣшеніе взять нехватавшіе у него 2668 пудовъ (дополненіе до 6000 пудовъ къ полученнымъ 3222 пудамъ изъ Бендеръ и Хотина) изъ Бендеръ, когда туда придутъ ожидаемые запасы [4]).

Фельдмаршалъ, предполагая возможнымъ разрывъ съ Австріей, 22 апрѣля просилъ Высочайшаго разрѣшенія учредить промежуточный складъ въ Тульчинѣ. Онъ считалъ необходимымъ имѣть складъ артиллерійскихъ припасовъ въ тылу Каменецъ-Подольска, между перволинейнымъ и второлинейнымъ парками, такъ какъ

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/28. Отнош. артилл. деп. 24 апрѣля 1854 г., № 8767.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/27.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/1.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/27.

Кіевъ былъ далеко. Князь Варшавскій, подъ вліяніемъ опасеній Австріи и имѣя, очевидно, въ виду въ этомъ случаѣ оборонительный образъ дѣйствій, предназначалъ Тульчинскій складъ для войскъ, которыя будутъ оперировать на нашей южной границѣ, въ Бессарабіи и Молдавіи.

10 мая было объявлено повелѣніе Государя Императора немедленно образовать въ Тульчинѣ складъ припасовъ на 6 мѣстныхъ парковъ, перевезя для этого запасы на 3 мѣстныхъ парка изъ Брестъ-Литовска и на 3 изъ Кіева. Перевозка началась, при чемъ имѣлось въ виду закончить ее въ двадцатыхъ числахъ іюня [1]). Между тѣмъ въ теченіе апрѣля, мая и начала іюня изъ разныхъ пунктовъ Россіи слѣдовали транспорты съ артиллеріею, порохомъ и боевыми припасами въ перволинейные парки, Фокшаны и Каларашъ.

Военное министерство, считая, что перволинейные парки и Дунайская армія укомплектованы и снабжены полнымъ комплектомъ боевыхъ припасовъ, еще 8 іюня запросило князя Горчакова, не слѣдуетъ ли часть артиллеріи изъ Фокшанъ обратить въ другія мѣста, а нѣкоторые промежуточные парки въ Княжествахъ упразднить, перевезя оттуда припасы въ крѣпости Дунайскаго округа, а припасы, находившіеся на пути къ перволинейнымъ паркамъ, направить въ Тульчинъ и Кіевъ [2]).

За Дунай было приказано взять только тѣ подвижные парки, въ которыхъ имѣлись хорошія лошади [3]).

Въ добавокъ къ пяти подвижнымъ паркамъ, находившимся уже въ Княжествахъ, были назначены подвижные парки №№ 6, 7, 18 и летучій № 9.

Паркъ № 6 находился въ Брестъ-Литовскѣ и могъ быть снабженъ обозомъ только къ 1 іюля, почему 6-я дивизія слѣдовала на югъ безъ парка.

Паркъ № 7, какъ уже было сказано, во время перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, шелъ изъ Бреста въ Кишиневъ къ 3 корпусу. Въ движеніи его произошло замедленіе, потому что по случаю глубокихъ снѣговъ на Волынскомъ трактѣ пришлось поставить парковыя повозки на полозья, которые нужно было купить въ пути [4]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/23.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3315.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/23.

Онъ прибылъ прямо въ Каларашъ, гдѣ свалилъ свои запасы, а затѣмъ прошелъ въ Фокшаны и до 21 іюня, какъ мы видѣли, занимался перевозкой запасовъ изъ Фокшанъ въ Бырлатъ [1]).

Паркъ № 10 съ мая занимался перевозкою припасовъ изъ Плоешти въ Бухарестъ [2]).

Паркъ № 12 съ апрѣля по 21 іюня перевозилъ припасы изъ Фокшанъ въ Бырлатъ [3]).

Парки № 11 и № 15 находились въ Княжествахъ, но гдѣ именно, по имѣвшимся источникамъ, опредѣлить трудно. Паркъ № 18, формировавшійся въ Тираспольѣ, выступилъ оттуда въ Измаилъ только 11 апрѣля, такъ какъ до тѣхъ поръ не былъ готовъ изъ-за задержки въ доставкѣ конской амуниціи изъ Московскаго арсенала. 24 апрѣля онъ прибылъ въ Измаилъ и былъ назначенъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта Ушакова [4]).

Летучій № 9 паркъ не былъ готовъ до конца марта; по окончательномъ сформированіи, онъ выступилъ изъ Тирасполя въ Максимени-Валахскіе и въ концѣ іюня находился при отрядѣ генерала Соймонова [5]).

При войскахъ въ Молдавіи, гдѣ было къ серединѣ іюня $1^1/_2$ дивизіи пѣхоты, $1^1/_2$ дивизіи кавалеріи и 104 орудія, не было ни одного подвижного парка. Поэтому фельдмаршалъ 4 іюня писалъ Горчакову о необходимости немедленно двинуть одинъ изъ подвижныхъ парковъ въ Бырлатъ, нагрузивъ его въ Фокшанахъ [6]).

Для войскъ барона Остенъ-Сакена особыхъ запасовъ по прежнему учреждено не было. Для 16 пѣхотной дивизіи, расположенной около Одессы, были назначены Херсонскіе, Измаильскіе и Бендерскіе мѣстные парки; для 6 дивизіи, находившейся въ западной части Подольской губерніи—Хотинскіе мѣстные парки. Въ случаѣ передвиженія дивизіи къ центру Бессарабіи, для снабженія ея боевыми припасами имѣлись въ виду Бендерскіе парки; въ случаѣ движенія ея на Дунай—Измаильскіе; при движеніи въ Княжества—Фокшанскіе или вообще ближайшіе [7]).

Для войскъ князя Меншикова были назначены Севастопольскіе мѣстные парки и половина подвижного парка № 8, находив-

---

1) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3624.
2) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3608.
3) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3624.
4) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/22.
5) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.
6) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358.
7) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605. Предположеніе отъ 20 апрѣля.

шагося въ Бѣлгородѣ, и Херсонскій запасъ оружія, изъ котораго 20 марта было приказано переслать въ Севастополь 1000 кремневыхъ ружей для нестроевыхъ и рабочихъ и все требуемое количество ударныхъ ружей для резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи.

Запаса полевой артиллеріи попрежнему рѣшено было для Крыма не учреждать, а вмѣсто того приблизить къ Крыму резервныя и запасныя батареи 6 артиллерійской дивизіи, которыя 28 марта находились въ Екатеринославѣ и Кривомъ Рогѣ [1]).

Къ 10 іюня 1854 года общее расположеніе артиллерійскихъ запасовъ было слѣдующее:

Второлинейные парки—

въ Кіевѣ, Брестъ-Литовскѣ, Новогеоргіевскѣ и Бобруйскѣ.

Перволинейные парки—

въ Измаилѣ, Бендерахъ и Хотинѣ.

Промежуточные склады:

Тульчинъ—на 6 мѣстныхъ парковъ (свозилось).

Леово—складъ и депо.

Бырлатъ—болѣе чѣмъ на 3 мѣстныхъ парка (свозилось).

Браиловъ—около $2^1/_2$ парковъ.

Тульча—временный складъ для ракетныхъ батарей.

Фокшаны—на 3 мѣстныхъ парка и депо.

Урзичени—на 2 мѣстныхъ парка.

Бухарестъ—на 2 мѣстныхъ парка; складъ оружія; лабораторная рота № 2.

Каларашъ—складъ и 5-ое и 6-ое отдѣленія осаднаго № 2 парка.

Кромѣ того, въ Княжествахъ—подвижной арсеналъ № 3, подвижные парки №№ 7, 10, 11, 12, 14, 15 и 18 и летучій № 9 (въ Шербанешти). Изъ нихъ 3 подъ Силистріей.

Для Крымской арміи—мѣстные парки Севастопольскіе (3 м. п.) и Херсонскіе (3 м. п.); подвижной паркъ № 8 въ Бѣлгородѣ и *Херсонскій складъ оружія.*

Къ 11 марта 1854 года въ Княжествахъ было сосредоточено 35 госпитальныхъ кадровъ, изъ которыхъ были въ разныхъ пунктахъ открыты военно-временные госпитали №№ 1—21, одинъ—

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3315 и 3496.

въ Скулянахъ и одинъ—въ Леово. Кромѣ того, большое количество госпитальныхъ вещей было собрано въ Измаилѣ, Галацѣ и Браиловѣ.

Послѣ переправы черезъ Дунай больные отправлялись сначала въ Браиловъ, Измаилъ и Галацъ [1]).

Когда войска начали наступать къ Силистріи, то одновременно съ ними туда были направлены 4 подвижные госпиталя (одинъ, № 5, изъ Краіова и три, не открывавшіеся до тѣхъ поръ), и къ 1 іюня у Калараша сосредоточилось 4 военно-временныхъ открытыхъ госпиталя, каждый на 300 мѣстъ. Въ нихъ во время осады перебывало 2500 больныхъ и раненыхъ [2]).

Легко больныхъ было приказано лѣчить при войсковыхъ частяхъ, чтобы трудно больные въ госпиталяхъ были менѣе стѣснены.

Во время осады раненые послѣ перевязки отправлялись въ военно-временные госпитали [3]).

Военно-временные госпитали въ Краіовѣ были закрыты и переведены въ апрѣлѣ въ Бухарестъ, Каларашъ и Одобешти (близъ Фокшанъ).

Въ апрѣлѣ же были закрыты: госпиталь № 6 въ Слатинѣ, направленный въ Бухарестъ; № 8 въ Плоешти, отправленный въ Галацъ, и № 19 въ Баксу; № 7 былъ переведенъ изъ Тырговицы въ Чарой.

Остальные госпитали, которые были открыты къ 11 марта, оставались въ тѣхъ же пунктахъ.

Вновь было открыто въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ 9 военно-временныхъ госпиталей.

Всего къ 10 іюня для Дунайской арміи было открыто 24 военно-временныхъ госпиталя [4]).

Для осмотра госпиталей и повѣрки ихъ дѣятельности во время дѣйствій на Дунаѣ посылались генералы свиты, флигель-адъютанты и довѣренныя лица отъ главнокомандующаго.

Послѣ переправы черезъ Дунай коммуникаціонные пути къ 10 іюня оставались въ общемъ тѣ же самые, которые были и къ 11 марта.

Магазины и склады оставались, за исключеніемъ тѣхъ перемѣщеній складочныхъ пунктовъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, которые указаны выше, на тѣхъ же мѣстахъ. За не-

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.
[2]) Затлеръ: „О госпиталяхъ“, стр. 170.
[3]) Приказъ по 3, 4 и 5 корпусамъ, № 219.
[4]) См. Приложеніе № 184.

имѣніемъ помѣщеній достаточныхъ размѣровъ приходилось запасы муки, сухарей, крупы, спирта и проч. во многихъ мѣстахъ хранить частью на открытомъ воздухѣ.

Продукты эти отъ дождей и солнца сильно портились, строить же для нихъ крытыя помѣщенія не было возможности: во-первыхъ, на это нужно было много времени, даже для одного только подвоза матеріаловъ; во-вторыхъ, стоянки войскъ могли измѣниться; въ-третьихъ, самыя постройки обошлись бы дороже, чѣмъ испорченные продукты [1].

Первый выстрѣлъ по Бомарзунду.

Въ концѣ марта былъ наведенъ мостъ черезъ Дунай у Исакчи, который прикрывался турецкимъ укрѣпленіемъ, обращеннымъ въ тетъ-де-понъ.

Въ концѣ же марта закончили постройку моста на плотахъ ниже Гирсова для упрощенія доставки припасовъ на правый берегъ Дуная. Такъ какъ черезъ Гирсово проходилъ путь отступленія всего отряда генерала Лидерса, то находившееся въ этомъ мѣстѣ предмостное укрѣпленіе было рѣшено усилить 4 люнетами и батареею [2].

Въ Скулянахъ къ концу іюня былъ построенъ второй мостъ, и приняты мѣры для постройки моста у Фальчи [3].

Между Слободзеей и Каларашемъ оказалось мало воды, и на этомъ пути было выкопано болѣе 20 колодцевъ [4].

Между Тульчей, Гирсовымъ и Черноводами была учреждена летучая казачья почта. На каждомъ посту было поставлено по 1 уряднику и 10 казаковъ. Посты были въ слѣдующихъ пунктахъ: Тульча, Сомово, Исакча, Лункавица, Мачинъ, Туркай, Печеняга, Даяны, Гропа-Чабонъ, Гирсово, Пездирешти, Боащинъ и Черноводы [5].

---

[1]) Затлеръ, ч. I, стр. 192; ч. II, стр. 11.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358.

[3]) Арх Воен. Уч. Ком., д. 3358.

[4]) Затлеръ, ч. I, стр. 213.

[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3352, донесеніе Лидерса 19 марта и д. 3407, донесенія Лидерса 17 апрѣля.

По Дунаю, отъ Турно до Галаца, стояли кордоны въ Турно-Северинѣ, Калафатѣ, Бекетулѣ, Излизѣ, Турно, Журжѣ, Ольтеницѣ, Каларашѣ, Гура-Яломницѣ, Браиловѣ и Галацѣ [1]).

Маршруты для движенія транспортовъ отъ Бендеръ назначались по слѣдующимъ дорогамъ:

въ Измаилъ — Нов. Коушаны, Токузы, Клястицкая, Фриденталь, Бріенская, Ташлыкъ, Фонтына-Дзениларъ, Ташъ-Бунаръ;

въ Рени — Нов. Коушаны, Токузы, Лейпцигская, Тошай, Тараклія, Болградъ, Волконешти.

въ Леово — Кашкалія, Розены, Гура-Гальбина, Горацыка, Баштеламъ [2]).

Во время движенія отряда генерала Лидерса отъ Мачина къ Гирсову для обезпеченія коммуникаціонныхъ линій имъ были оставлены на ней нѣсколько отрядовъ:

въ Галацѣ — одинъ эскадронъ уланскаго Принца Альбрехта Прусскаго полка и два баталіона Прагскаго полка, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были заняты доставкою матеріаловъ для плотового моста въ Гирсово;

въ Браиловѣ — одинъ эскадронъ того же полка, баталіонъ Прагскаго полка съ 4 орудіями 6-й батареи и 2 орудія Валахской батареи;

въ Мачинѣ — 2 баталіона Модлинскаго полка, 8 орудій 15-й артиллерійской бригады и 1 сотня казачьяго № 9 полка;

въ Гура-Яломницѣ — 1 баталіонъ Прагскаго и 1 баталіонъ Модлинскаго полковъ;

въ Измаилѣ — гусарскій графа Радецкаго полкъ;

въ Тульчѣ — 1 баталіонъ пѣхоты и 1 сотня казаковъ;

между Тульчею и Бабадагомъ, на половинѣ разстоянія, стоялъ гусарскій Принца Фридриха Гессенъ-Кастельскаго полкъ;

въ Бабадагѣ — 2 сотни казаковъ (изъ отряда Ушакова, съ 15 марта) [3]).

Послѣ 22 марта весь Прагскій полкъ былъ сосредоточенъ къ отряду въ Гирсово, а въ Браиловъ поставленъ баталіонъ Житомірскаго полка и дивизіонъ 14-й артиллерійской бригады [4]).

Тотчасъ же вслѣдъ за снятіемъ осады Силистріи начался въ сущности и постепенный вывозъ запасовъ изъ Княжествъ.

---

1) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3738. Карта кордоновъ по Дунаю.
2) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3605 и 3614/22.
3) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3352.
4) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.

Ко дню снятія осады войска, находившіяся въ Княжествахъ, попрежнему были обезпечены всѣми видами провіанта въ избыткѣ.

Въ одномъ Каларашѣ въ это время было сложено до 100.000 чтв. продовольственныхъ припасовъ; въ Слободзеѣ имѣлось 30.000 чтв. сухарей; въ Бухарестѣ, Бузео и Фокшанахъ перепекалось въ сухари 150.000 чтв. муки. Мясо и фуражъ поставляли подрядчики въ полномъ нужномъ количествѣ.

Вмѣстѣ со снятіемъ осады было приказано вывезти немедленно Каларашскіе запасы провіанта въ Бузео.

Такъ какъ осада была снята внезапно и для вывоза назадъ такого количества груза не было принято никакихъ предварительныхъ мѣръ, то для приведенія этого въ исполненіе представились громадныя затрудненія. Тѣмъ не менѣе, почти весь этотъ запасъ былъ перевезенъ въ Бузео къ концу іюня [1]). Въ Каларашѣ было оставлено только 2792 чтв. муки и сухарей, 8628 чтв. ячменя и 233 бочки спирта для войскъ генерала Лидерса, оставшихся въ Каларашѣ и Обилешти [2]).

3 іюля, передъ переходомъ главныхъ силъ авангарда въ Обилешти-Ноу, этапъ изъ Калараша былъ переведенъ въ Обилешти, и между этимъ пунктомъ и Каларашемъ устроена казачья летучая почта [3]).

Затѣмъ, послѣ отступленія изъ-подъ Силистріи и до Высочайшаго приказа объ очищеніи Княжествъ (9 августа) дальнѣйшаго вывоза запасовъ не производилось, такъ какъ политическое положеніе было не выяснено, и было неизвѣстно, будутъ ли войска дѣйствовать на Дунаѣ или отступятъ въ Россію.

Но было рѣшено, на всякій случай, уменьшать запасы въ магазинахъ, расходуя ихъ на довольствіе войскъ. Въ виду этого войскамъ было приказано брать всѣ предметы довольствія изъ магазиновъ, не исключая и тѣхъ, которые до сихъ поръ покупались самими войсками. Припасы эти подвозились изъ магазиновъ къ войскамъ на 10-ти полубригадахъ подвижного магазина, находившихся уже въ Княжествахъ [4]).

Стягиваніе боевыхъ припасовъ къ сѣверу какъ въ самыхъ Княжествахъ, такъ и на югѣ Россіи производилось болѣе дѣятельно, чѣмъ провіанта. Нѣкоторые запасы изъ Калараша начали

---

[1]) Затлеръ, ч. I, стр. 207—214.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.
[4]) Приказъ по 3, 4 и 5 корпусамъ, 1854 г., № 211.

отвозить немедленно вслѣдъ за снятіемъ осады. 5-ое и 6-ое отдѣленія осаднаго парка № 2 выступили изъ-подъ Силистріи уже 13 іюня и прибыли въ Рени 28 іюня [1]).

Тѣмъ не менѣе въ іюнѣ дѣлались еще нѣкоторыя пополненія промежуточныхъ складовъ въ Княжествахъ.

Такъ, 27 іюня было приказано перевезти изъ Бырлатскаго склада обратно въ Урзичени артиллерійскихъ снарядовъ, пѣхотныхъ патроновъ и прочихъ матеріаловъ на 2 парка, а штуцерныхъ патроновъ на 4 парка. Перевозка началась 3-5 іюля на вольнонаемныхъ подводахъ и производилась еще въ августѣ. По прибытіи этихъ запасовъ въ Урзичени, они не сгружались съ повозокъ, а образовали подвижной запасъ [2]).

Фокшанскій складъ было приказано окончательно упразднить въ іюнѣ, и 29 іюня имущество этихъ парковъ усиленно свозилось въ Бырлатъ [3]).

Въ Леово изъ Хотинскихъ мѣстныхъ парковъ и другихъ внутреннихъ складовъ доставлялись снаряды и другіе боевые припасы, и за недостаткомъ мѣста очищались для складовъ зданія другихъ вѣдомствъ [4]).

Въ виду предполагаемаго расположенія арміи на р. Серетѣ было признано необходимымъ учредить въ Кишиневѣ промежуточный складъ, равный тремъ подвижнымъ паркамъ.

21 іюня для устройства этого склада и подысканія помѣщеній былъ командированъ въ Кишиневъ офицеръ.

Такъ какъ подходящихъ помѣщеній не нашлось ни въ самомъ городѣ, ни въ его окрестностяхъ, то было приступлено къ постройкѣ въ Кишиневѣ порохового погреба для запасовъ трехъ парковъ. До тѣхъ же поръ было рѣшено направлять порохъ въ Бендеры. Припасы въ Кишиневскій складъ было приказано перевезти изъ Леово и Бырлата, а бессарабскому гражданскому губернатору сообщено, что транспорты съ имуществомъ трехъ подвижныхъ парковъ начнутъ прибывать въ Кишиневъ между 12 и 20 августа [5]).

Пополненіе перволинейныхъ парковъ, ближайшихъ къ границѣ Княжествъ, было нѣсколько пріостановлено.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/31.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/32.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/33.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3614/14 и 3614/35.

Въ іюнѣ въ Измаильскихъ, Бендерскихъ и Хотинскихъ паркахъ не хватало нѣкотораго количества запасовъ противъ положенія, такъ какъ часть ихъ изъ Бендеръ и Хотина была отправлена въ Кишиневъ, взамѣнъ недостающаго количества въ Измаилѣ.

Затѣмъ Бендерскіе и Хотинскіе парки были въ іюнѣ частью пополнены, а порохъ, шедшій въ Измаилъ и Килію, князь Горчаковъ приказалъ даже остановить въ Тульчинѣ.

20 іюня князь Горчаковъ приказалъ паркамъ Дунайскаго округа не требовать недостающихъ припасовъ изъ Кіева и отложить назначенную уже отправку пороха изъ Кіева въ перволинейные парки [1]).

Къ тому же Кіевскіе парки не въ состояніи были пополнить всѣ перволинейные, такъ какъ кіевскіе запасы шли и на другія потребности [2]).

Недостающіе предметы въ перволинейныхъ паркахъ князь Горчаковъ имѣлъ въ виду пополнить запасами промежуточныхъ парковъ, когда они будутъ оттуда вывезены, а потому до конца іюля парки Дунайскаго округа такъ и оставались непополненными. Въ однихъ Измаильскихъ и Бендерскихъ паркахъ не хватало около 21.000 гранатъ и ядеръ и, кромѣ того, значительнаго количества картузовъ, гранатныхъ трубокъ, палительныхъ свѣчъ, фитиля, свинцовыхъ пуль и проч. [3]).

Вывозъ больныхъ изъ Княжествъ въ Россію начался во второй половинѣ апрѣля.

Изъ ближайшихъ къ арміи госпиталей больные перевозились въ болѣе удаленные, въ тылъ, а изъ послѣднихъ—въ Россію.

Послѣ снятія осады Силистріи больныхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ было 21.961.

Въ серединѣ іюля военно-временныхъ госпиталей, открытыхъ въ Княжествахъ, было 17, расположенныхъ: въ Бухарестѣ (№ 6), Плоешти (№ 29), Бузео (№ 28), Фокшанахъ (№ 10), Одобешти (№№ 12 и 27), Гурбанешти (№ 25), Бырлатѣ (№№ 11 и 26), Браиловѣ (№№ 9 и 13), Галацѣ (№№ 14, 18 и 48), Яссахъ (№№ 16 и 35).

По пути слѣдованія транспортовъ съ больными нѣсколько разъ въ различныхъ пунктахъ открывались и закрывались военно-временные госпитали, смотря по надобности (въ Урзичени и др.),

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3614/28 и 3614/34.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/22.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/28.

въ которыхъ больные оставались для отдыха. Къ началу августа въ Текучѣ было сосредоточено три госпитальныхъ кадра (№№ 3, 6 и 28), средствами которыхъ тамъ былъ устроенъ большой этапный госпиталь на 2000 человѣкъ, въ провіантскихъ сараяхъ, въ которыхъ были сдѣланы нары [1]). Къ серединѣ августа въ Княжествахъ оставались открытыми военно-временные госпитали только въ: Текучѣ (№№ 3, 6 и 28), Галацѣ (№№ 4, 8, 14 и 18), Бырлатѣ (№№ 11 и 26), Фокшанахъ (№ 10), Яссахъ (№№ 16 и 35). Послѣдніе военно-временные госпитали были закрыты въ Княжествахъ 22 августа.

Съ половины апрѣля до выступленія изъ Бухареста всѣхъ транспортовъ съ больными было въ движеніи 122; въ томъ числѣ сухопутныхъ—107, водою—15 [2]).

Когда было приказано вывести наши войска изъ Княжествъ, то тамъ оставалось болѣе 400.000 четвертей разнаго хлѣба, собраннаго въ магазинахъ, раскинутыхъ на пространствѣ 600 верстъ. Главнымъ пунктомъ своза было назначено мѣстечко на р. Прутѣ—Водолуй-Исакчи. Запасы со всѣхъ концовъ Княжествъ направлялись прежде всего на дорогу изъ Бузео въ Бырлатъ. Понятно, какія громадныя перевозочныя средства потребовались для вывоза всего заготовленнаго провіанта. Полагая по 4 четверти на подводу, всего нужно было имѣть 100.000 подводъ [3]).

Въ подвижномъ магазинѣ, состоявшемъ изъ 10.000 повозокъ, убыло, вслѣдствіе падежа скота, къ началу августа около 2200 головъ [4]). Всѣ перевозочныя средства, какія только можно было достать, были назначены для этой перевозки. Масса подводъ была взята по наряду отъ земли. Подвижные артиллерійскіе парки, которые шли порожнякомъ, или которые оказывалось возможнымъ временно опорожнить отъ боевыхъ припасовъ, также нагружались провіантомъ. Подвижнымъ артиллерійскимъ паркамъ №№ 11 и 14 было приказано сложить свое имущество въ Текучѣ, и со 2 августа они спеціально занимались перевозкою провіанта изъ Фокшанъ въ Текучъ [5]).

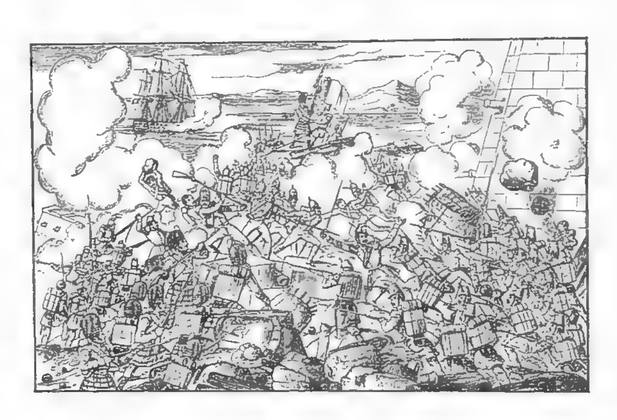
Въ концѣ іюля въ Браиловѣ было сосредоточено и зафрахтовано 60 кирлашей частныхъ лицъ.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. войскъ, 1854 г., № 107. Всеподд. зап. ген. Гечевича.
[2]) Затлеръ: „Госпитали“, стр. 173 и Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.
[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.
[4]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854 г., № 107. Всеподд. записка ген. Гечевича отъ 10 августа 1854 г.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3605.

На этихъ кирлашахъ вывозимые изъ Княжествъ продукты отправлялись въ Рени, откуда перевозились въ Водолуй-Исакчи уже сухимъ путемъ. Это было сдѣлано съ цѣлью избѣжать усиленнаго наряда подводъ въ Браиловскомъ и Галацкомъ уѣздахъ, которые были предоставлены для сбора подводъ подъ вывозъ больныхъ [1]).

Отъ Бухареста до Леово 313 верстъ; дорога здѣсь была грунтовая, въ плохомъ состояніи. Транспорты проходили этотъ путь въ одинъ конецъ въ 20 дней. Вывозъ длился болѣе мѣсяца. За это время изъ Бузео, Фокшанъ и Текуча ежедневно выступало до 1500 подводъ, которыя шли до слѣдующаго магазина, гдѣ перегружали свои запасы на другія подводы. Насколько возможно, припасы отпускались войскамъ. Скопленіе подводъ съ провіантомъ, боевыми припасами и больными было мѣстами такое, что повозки шли по 4 въ рядъ [2]).



Взятіе Бомарзунда (народная картина).

Главная масса запасовъ, несмотря на всѣ трудности, была перевезена въ Россію ко времени выхода изъ Княжествъ послѣднихъ частей войскъ [3]).

Въ Водолуй-Исакчи было свезено около 200.000 четвертей провіанта. 3 августа было приступлено къ постройкѣ въ Водолуй-Исакчи тетъ-де-пона для прикрытія склада. Работы производились ротою саперъ и баталіономъ Подольскаго полка, но 24 августа укрѣпленіе было срыто [4]).

Существеннѣйшія распоряженія для окончательнаго вывоза боевыхъ припасовъ изъ Княжествъ были сдѣланы княземъ Горчаковымъ въ концѣ іюля. По предположеніямъ, составленнымъ еще раньше и частью уже выполненнымъ въ іюлѣ, запасы промежуточныхъ заграничныхъ складовъ было назначено перевезти въ склады и парки Дунайскаго артиллерійскаго округа, Кишиневъ,

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407. Донесеніе Лидерса 28 іюля 1854 г.
[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.
[3]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854 г., № 107. Записка ген. Гечевича 10 августа 1854 г.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407.

Дубоссары, Тирасполь, Бендеры, Хотинъ, Забужье и Ольвіополь. Въ Дубоссарахъ было рѣшено устроить артиллерійское депо.

На мѣстности подъ названіемъ „Забужье“ (Винницкаго уѣзда), въ селѣ Уладовка (на сѣверо-западъ отъ г. Винницы), предполагалось учредить промежуточный складъ на 6 мѣстныхъ парковъ. Въ Дубоссары и Забужье были командированы офицеры, которые приступили къ приготовленію помѣщеній для складовъ [1]).

Въ это время уже существовали предположенія о возможности осады Бендеръ, а потому въ августѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе [2]) о перемѣщеніи Бендерскихъ мѣстныхъ парковъ въ Тирасполь. Поэтому 27 іюля князь Горчаковъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Вслѣдствіе „ненадежности одного изъ „пороховыхъ погребовъ въ Бендерахъ“, было приказано весь порохъ изъ этой крѣпости и отправленный туда, сверхъ необходимаго для ея обороны, помѣстить въ Тираснолѣ, куда перевезти изъ Бендеръ и мѣстные парки.

Въ это время въ Тульчинѣ былъ уже промежуточный складъ на 6 мѣстныхъ парковъ.

Въ виду все тѣхъ же опасеній Австріи, военный министръ запросилъ князя Горчакова, не признаетъ ли онъ нужнымъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ перевезти заблаговременно мѣстные парки изъ Хотина за Бугъ? На это князь Горчаковъ отвѣчалъ 28 іюля, что считаетъ нужнымъ перевезти мѣстные парки изъ Хотина, а также изъ Тульчина въ Винницу [3]).

Кромѣ того, 24 іюля главнокомандующій приказалъ перевезти Леовское артиллерійское депо въ Дубоссары [4]).

Поэтому Хотинскіе и Бендерскіе парки были предназначены для формированія Забужскаго промежуточнаго склада, и пунктами для своза заграничныхъ запасовъ окончательно были назначены Кишиневъ, Дубоссары, Тирасполь, Ольвіополь и только отчасти Хотинъ и Бендеры.

Въ Кишиневъ свозились запасы изъ всѣхъ заграничныхъ складовъ; въ Дубоссары—депо изъ Фокшанъ и Леово; часть имущества изъ Княжествъ—въ Забужье и Тирасполь, и затѣмъ все остальное имѣлось въ виду везти въ Ольвіополь [5]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3614/6 и 3614/14.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3614/28 и 3614/6.
[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/35.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6.

Перевозка въ общихъ чертахъ производилась по слѣдующимъ пунктамъ: изъ Урзичени— въ Браиловъ и Леово; изъ Бырлата—въ Леово, Кишиневъ и Дубоссары; изъ Фокшанъ—въ Кишиневъ; изъ Браилова—въ Тирасполь; изъ Леово—въ Кишиневъ, Дубоссары и Забужье.

Изъ Урзичени часть артиллерійскаго имущества, въ размѣрѣ одного подвижного парка, была отправлена 25 іюля на интендантскихъ подводахъ въ Браиловъ, гдѣ передана подвижному № 14 парку. Все остальное артиллерійское имущество изъ Урзичени было отправлено въ Леово также на подводахъ интендантства.

Изъ Бырлатскаго склада все имущество было вывезено въ Леово подвижными парками № 10 и № 12 и тѣми же интендантскими повозками, которыя вывозили артиллерійскій складъ изъ Урзичени.

И тѣ и другія сдѣлали это въ нѣсколько рейсовъ между Леово и Бырлатомъ [1]).

Такимъ же образомъ, средствами Дунайской арміи было вывезено и все остальное имущество изъ Княжествъ въ пограничные пункты. Но къ концу августа не всѣ запасы были вывезены изъ артиллерійскихъ складовъ. Дальнѣйшая перевозка въ склады и парки Дунайскаго округа будетъ описана ниже.

При выступленіи изъ Бухареста больныхъ, подлежавшихъ перевозкѣ оттуда, было 2200 человѣкъ. Всѣ они, за исключеніемъ 38-ми тяжело больныхъ, оставленныхъ въ городѣ, въ Филантропической больницѣ, были вывезены въ теченіе трехъ дней частью на обывательскихъ подводахъ, частью на повозкахъ подвижного провіантскаго магазина. По мѣрѣ движенія отъ Бухареста къ Бузео и Фокшанамъ число транспортовъ съ больными все увеличивалось. Въ Бузео сосредоточилось болѣе 1300 человѣкъ одновременно, а всего изъ Бузео въ Фокшаны было доставлено за короткій срокъ болѣе 1500 больныхъ. Въ Фокшанахъ и Одобешти (пригородъ Фокшанъ) было около трехъ тысячъ больныхъ, такъ что общее число больныхъ, которыхъ пришлось отправлять изъ Фокшанъ вмѣстѣ съ отступавшими войсками достигало 5000 человѣкъ.

Больные изъ Бухареста, Бузео, Фокшанъ и Одобешти въ началѣ августа были направлены черезъ Бырлатъ и Леово въ Кишиневъ, Бендеры и Тирасполь не въ особыхъ транспортахъ, а вмѣстѣ съ военно-временными госпиталями, въ которыхъ они

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/31.

пользовались. Часть больныхъ изъ Фокшанъ была отправлена между 1 и 16 августа въ Яссы; изъ Гурбанешти (военно-временный госпиталь № 25) отправлялись въ Браиловскіе госпитали.

Госпитали изъ Яссъ и Баксу были отправлены черезъ Скуляны въ Тульчинъ вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ около 1700 человѣкъ больными. Больные изъ Браиловскихъ и Галацкихъ госпиталей перевозились въ Болградъ и далѣе—въ госпитали Аккерманскій, Кишиневскій и Тульчинскій [1]).

Изъ Браилова было вывезено 2000 человѣкъ, изъ Галаца—1900 человѣкъ больныхъ. Большую часть больныхъ пришлось перевозить на обывательскихъ подводахъ, которыя взимались преимущественно въ Браиловскомъ и Галацкомъ уѣздахъ. Часть больныхъ перевозилась водою по Дунаю.

Для трудно больныхъ назначались особыя, воловыя, крытыя повозки, въ которыхъ перевозка производилась безъ смѣны подводъ для избѣжанія перекладыванія больныхъ. Транспорты съ больными шли впереди арміи [2]).

Общее число вывезенныхъ изъ Княжествъ больныхъ опредѣлить трудно, такъ какъ часто въ вѣдомостяхъ разныхъ госпиталей одновременно показывались одни и тѣ же больные, пребывавшіе въ нихъ послѣдовательно.

При обратномъ переходѣ черезъ Прутъ больныхъ въ Дунайской арміи было:

по вѣдомости къ 1 августа [3]), больныхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ показано 22581 человѣкъ; по строевымъ рапортамъ войскъ, къ тому же дню въ госпиталяхъ и лазаретахъ было 27018 человѣкъ [4]); во всеподданнѣйшей запискѣ генерала Гечевича отъ 10 августа, число больныхъ показано 15671, при чемъ онъ полагаетъ, что эта цифра представляетъ собою скорѣе свѣдѣніе о людяхъ, выбывшихъ изъ строя за весьма значительный промежутокъ времени, потому что имѣются данныя предполагать, что многіе изъ показанныхъ въ этой цифрѣ уже выздоровѣли, о чемъ свѣдѣнія еще не были доставлены [5]).

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. войскъ, д. 1854 г., № 107. Всеподд. записка ген. Гечевича.

[2]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854 г., № 107; Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407. Затлеръ: „Госпитали“, стр. 174.

[3]) Приложеніе къ приказу по войск. 1854 г., № 371.

[4]) Затлеръ: „Госпитали“, стр. 173 и 174.

[5]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1854 г., № 107; Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3407. Затлеръ: „Госпитали“, стр. 174.

Во всякомъ случаѣ число больныхъ, подлежавшихъ перевозкѣ, было велико. Перевозка производилась осенью, когда часто шли дожди и дули холодные вѣтры. Отъ этого болѣзни усиливались и осложнялись [1]).

Поэтому, при отступленіи изъ Княжествъ съ одной стороны, вслѣдствіе выхода изъ нездоровой мѣстности, санитарное состояніе войскъ постепенно улучшалось; съ другой — отношеніе смертныхъ случаевъ къ числу заболѣвшихъ увеличивалось.

Во время отступленія на сѣверъ эти отношенія были слѣдующія:

ВРЕМЯ.			Изъ наличнаго числа людей заболѣло.	Изъ числа больныхъ умерло.
Въ Іюлѣ	1854	г.	1 : 11	1 : 27
„ Августѣ	„	„	1 : 12	1 : 20
„ Сентябрѣ	„	„	1 : 21	1 : 12
„ Октябрѣ	„	„	1 : 34	1 : 10

Когда госпитали стали на мѣсто, то смертность опять стала уменьшаться [2]).

По вступленіи въ предѣлы Россіи, войскамъ было приказано получать провіантъ изъ казенныхъ мѣстныхъ или подвижныхъ провіантскихъ магазиновъ, а за неимѣніемъ тѣхъ и другихъ — изъ сельскихъ складовъ Бессарабской области и, наконецъ, покупками отъ жителей. Фуражъ предоставлено было войскамъ покупать самимъ, по утвержденнымъ цѣнамъ, а въ крайнихъ случахъ получать натурою изъ сельскихъ магазиновъ.

Въ сельскіе магазины разрѣшено было обращаться лишь въ крайнихъ случаяхъ, за отдаленностью казенныхъ складовъ провіанта, при чемъ непремѣнно выдавать за взятые продукты квитанціи. За неимѣніемъ же вблизи и сельскихъ складовъ, какъ послѣдняя мѣра, — получать припасы отъ жителей за плату.

Войскамъ былъ объявленъ списокъ сельскихъ магазиновъ области, съ означеніемъ въ немъ количества провіанта въ каждомъ изъ нихъ. Всего въ Бессарабіи (въ уѣздахъ: Аккерманскомъ, Бендерскомъ, Кагульскомъ, Хотинскомъ, Кишиневскомъ, Оргѣевскомъ, Ясскомъ, Сорокскомъ) было указано 107 сельскихъ магазиновъ. Во всѣхъ нихъ вмѣстѣ было четвертей: ржи — 154.434; пшеницы — 45.043; кукурузы — 130.604; ячменя — 21.726; гречихи — 7;

---

[1]) Затлеръ: „Госпитали", стр. 173 и 174.

[2]) Военно-Медицинскій журналъ, 1855 г., № 6.

проса — 375; овса — 24. Въ этомъ количествѣ перемолотой муки — 113.288, выдѣланныхъ крупъ—7.607.

Казеннаго сѣна, пожертвованнаго помѣщиками, собраннаго въ Бессарабіи на поляхъ (въ уѣздахъ Оргѣевскомъ, Кишиневскомъ, Хотинскомъ и Ясскомъ) было 110.178 пудовъ. Заготовленнаго у помѣщиковъ для себя 1.357.218 пудовъ. Въ Херсонской губерніи (въ уѣздахъ Одесскомъ, Тираспольскомъ, Ананьевскомъ, Херсонскомъ, Александрійскомъ и Бобринецкомъ) у помѣщиковъ было заготовлено 2.329.705 пудовъ сѣна.

Вмѣстѣ съ объявленіемъ войскамъ мѣстъ расположенія магазиновъ былъ установленъ и порядокъ пользованія ими, состоявшій въ томъ, что каждый полкъ и батарея должны были получать хлѣбъ изъ ближайшихъ магазиновъ того округа, гдѣ были расположены [1]).

Въ 1-мъ и 2-мъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусахъ для перемола зерна имѣлись ручные жернова, которые тамъ были заведены, по приказанію фельдмаршала, отданному еще въ апрѣлѣ, имѣя въ виду именно стоянку въ Бессарабіи и довольствіе изъ тамошнихъ сельскихъ магазиновъ [2]).

По возвращеніи въ Россію, войска во время стоянки въ Бессарабской и Подольской губерніяхъ довольствовались частью хлѣбомъ, свезеннымъ въ Водолуй-Исакчи, частью изъ сельскихъ складовъ Бессарабской области, частью изъ казенныхъ магазиновъ этихъ двухъ губерній, преимущественно находившихся за Днѣстромъ.

Во время движенія въ Крымъ войска довольствовались изъ попутныхъ провіантскихъ магазиновъ, главнымъ образомъ въ Кишиневѣ, Бендерахъ, Тирасполѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ, Каховкѣ и Перекопѣ.

Мясо, вино и фуражъ войска покупали сами, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгая къ сельскимъ складамъ.

Вмѣстѣ съ войсками двигались три полубригады (2 воловыя и 1 конная) подвижного магазина съ сухарями и крупой, взятыми изъ Водолуй-Исакчи [3]), гдѣ свезенный провіантъ былъ къ тому времени разсортированъ и, за исключеніемъ отданнаго на довольствіе 3, 4 и 5-го корпусовъ, назначенъ для перевозки въ Крымъ.

Для обезпеченія довольствія въ пути 12-й пѣхотной дивизіи и резервной уланской дивизіи, слѣдовавшихъ въ Крымъ фор-

---

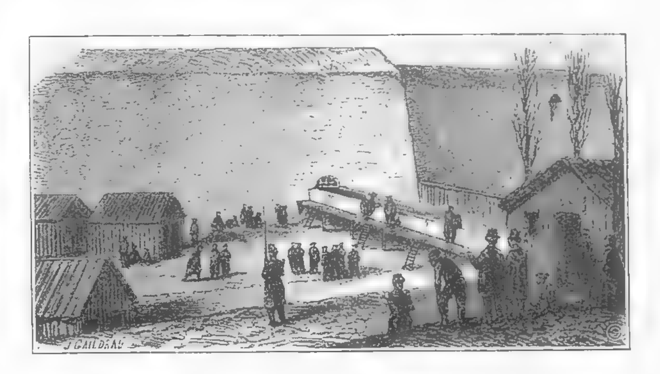
[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594. Приказъ 30 августа 1854 г., № 261 и 21 октября, № 334.
[2]) Аратовскій, стр. 383.
[3]) Затлеръ, ч. II, стр. 31.

сированнымъ маршемъ, дистанціонному смотрителю Херсонской губерніи было приказано заготовить мѣсячную пропорцію провіанта, чтобы войска ко времени прибытія въ Николаевъ не встрѣтили никакой задержки къ пополненію своихъ запасовъ [1]).

Расположеніе запасовъ къ началу сентября 1854 года.

На приднѣстровской базѣ и въ Одессѣ запасы разнаго хлѣба, муки, сухарей, крупы и овса были сложены въ Тирасполѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Балтѣ, Хотинѣ, Замостьѣ, Шараевѣ, Жеребковѣ и Одессѣ.

Въ Водолуй-Исакчи имѣлось еще нѣкоторое количество неизрасходованнаго и не вывезеннаго оттуда хлѣба.



Помѣщеніе русскихъ плѣнныхъ въ Тулонѣ (французская иллюстрація).

Въ Бессарабіи начали расходовать запасы (259.000 чтв. хлѣба и 4000 чтв. овса) сельскихъ магазиновъ.

Въ раіонѣ дѣйствующей арміи мирнаго времени войска (около 400 тысячъ) были обезпечены мѣстными запасами по 1 октября 1854 года. Въ магазинахъ Царства Польскаго было сложено 25 тысячъ чтв. овса. Всѣ крѣпости были снабжены продовольствіемъ по оборонительному положенію на 6 мѣсяцевъ; во всѣхъ крѣпостяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, имѣлся запасъ 14.250 чтв. сухарей [2]). Къ концу августа на приднѣпровской базѣ были произведены нѣкоторыя перемѣщенія запасовъ.

Фельдмаршалъ, боясь появленія въ тылу австрійцевъ и англо-французовъ, считалъ, что въ этомъ случаѣ крайній пунктъ приднѣстровской базы—Каменецъ-Подольскъ—слишкомъ выдвинутъ впередъ, и, предполагая даже, что военныя дѣйствія могутъ

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.

[2]) Въ раіонахъ Кременчугской провіантской комиссіи (губ. Херсонск., Полтавск. и Харьковск. и въ Бессарабск. обл.), Симферопольской провіантской комиссіи (губ. Таврич. и Екатериносл.), Кіевскаго провіантскаго комиссіонерства и въ Подольской губ. провіантскіе магазины находились въ пунктахъ, указанныхъ въ спискѣ ниже.

начаться черезъ 15 дней [1]), онъ еще 4 іюня предписалъ генералъ-губернатору юго-западныхъ губерній князю Васильчикову перевезти возможно скорѣе хлѣбъ изъ Каменецъ-Подольска въ Житомиръ, Хотинъ и другіе пункты по дорогѣ къ Житомиру.

Въ Каменецъ-Подольскѣ въ это время было запасного хлѣба около 33.000 чтв. Перевозка была начата немедленно, на обывательскихъ подводахъ, съ уплатою за нихъ контрамарками. Къ 15 іюня было перевезено въ Житоміръ и Бердичевъ 5100 чтв., въ Хотинъ 2200 чтв., и затѣмъ перевозка прекращена, такъ какъ Паскевичъ нашелъ, что эта перевозка въ Житоміръ и Бердичевъ обойдется слишкомъ дорого за дальностью разстоянія и массою требовавшихся для того подводъ, а въ Хотинъ — вслѣдствіе донесенія коменданта этой крѣпости о неимѣніи мѣста для большого количества запасовъ, и что провіантъ придется сложить за крѣпостною стѣною, гдѣ онъ будетъ портиться на открытомъ воздухѣ. 15 іюня князь Варшавскій распорядился остальные, не вывезенные изъ Каменецъ-Подольска, запасы оставить тамъ и сжечь въ случаѣ опасности захвата ихъ противникомъ [2]).

Передъ началомъ десанта непріятеля никто не предполагалъ, что война могла перенестись въ Крымъ и при томъ такъ быстро, а потому для продовольствованія большой арміи въ Крыму не было сдѣлано никакихъ предварительныхъ распоряженій. Всѣ экстренныя хозяйственныя заботы до сихъ поръ имѣли въ виду одну лишь южную армію [3]).

До назначенія князя Меншикова главнокомандующимъ, заготовленія для войскъ, расположенныхъ въ Крыму, по частямъ провіантской, комиссаріатской и госпитальной дѣлались соотвѣтствующими департаментами военнаго министерства.

До прибытія войскъ въ Крымъ изъ Княжествъ, всѣ заготовленія дѣлались только для войскъ, находившихся на полуостровѣ до войны, которыя были обезпечены провіантомъ по 1 іюля 1855 года, но сухарей не было вовсе [4]).

Эти запасы, заготовлявшіеся Симферопольскою провіантскою комиссіею, находились въ слѣдующихъ провіантскихъ магазинахъ, ей подвѣдомственныхъ, и состояніе ихъ было слѣдующее [5]):

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358. Предписаніе кн. Васильчикову отъ 4 іюня 1854 г.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3358. Аратовскій, стр. 380.
[3]) Затлеръ, ч. II, стр. 317. Затлеръ: „Госпитали“, стр. 217.
[4]) Затлеръ, ч. II, стр. 30. Затлеръ: „Госпитали“, стр. 208.
[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 4262.

МАГАЗИНЫ.	Состоянiе къ 1 февраля 1854 года.			
	Налицо къ 1 февраля 1854 г.		Ожидается изъ Ростова на довольствiе по 1 iюля 1855 г.	
Севастопольскiй	36.072	3.720	68.900	6.470
Балаклавскiй	1.296	126	1.310	120
Өеодосiйскiй	5.483	506	15.360	1.440
Евпаторiйскiй	1.416	139	2.870	263
Ялтинскiй	282	27	577	54
Бердянскiй	461	43	720	67
Керченскiй	18.670	1.842	39.176	3.638
Еникальскiй	593	48	870	82
	1 марта		заготовлено комиссiею	
Симферопольскiй	6.311	576	20.920	1.961
			заготовлено комиссiею	
Карасубазарскiй	2.602	263	578	522
			заготовлено комиссiею	
Перекопскiй	2.667	240	6.490	121
Алешкинскiй	6.740	632	—	—
Знаменскiй (с. Больш. Знаменка)	3.672	335	—	—
Мелитопольскiй	3.073	288	—	—
Кинбургскiй	1.377	130	—	—

Кромѣ того, въ Керченскомъ магазинѣ было 1 февраля 491 чтв. овса, а въ Севастопольскомъ — запасъ для десантнаго отряда: сухарей—4.428 чтв., соли—1.089 пуд., перцу—56 пуд., соленаго мяса—4.383, уксусу—5.344 вед., вина—3.911 ведеръ. Этотъ запасъ также расходовался на текущее довольствiе, и лишь приказано оставить 6 недѣльную пропорцiю для войскъ Одесскаго и Севастопольскаго десантныхъ отрядовъ [1]).

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 4262.

Въ Севастополѣ и Одессѣ эти запасы составляли мѣсячную пропорцію провіанта на 40.000 человѣкъ, морскую провизію на 6 недѣль для такого же количества войскъ и овесъ на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца для 622 лошадей. Но часть этой провизіи была передана 13-й пѣхотной дивизіи при перевозкѣ ея въ Сухумъ-Кале [1]).

Мясо поставлялось черезъ подрядчиковъ въ живомъ скотѣ [2]).

Запасовъ фуража въ магазинахъ Таврической губерніи не было также, такъ какъ войска обыкновенно въ мирное время покупали его сами. О неимѣніи его Симферопольская провіантская коммиссія доносила еще 23 декабря 1853 г. [3]).

Склады запасовъ были въ Симферополѣ, Севастополѣ, Перекопѣ и внѣ полуострова—въ Бериславѣ, Казацкомъ, Геническѣ и Мелитополѣ [4]).

Изъ этого видно, что предварительно не было сдѣлано запасовъ на случай сосредоточенія войскъ на полуостровѣ, имѣвшіеся же склады были разбросаны по всей Таврической губерніи, и нѣкоторые изъ нихъ весьма удалены отъ Севастополя.

Въ августѣ было приказано генералъ-адъютантамъ Безаку и Фельдману представить соображенія о томъ, гдѣ удобнѣе учредить мѣстные артиллерійскіе склады за арміею, дѣйствующею на юго-западной границѣ, съ тѣмъ, чтобы эти пункты можно было обнести полевыми укрѣпленіями для защиты складовъ отъ партизанскихъ отрядовъ, направленныхъ въ тылъ нашей арміи. По мнѣнію фельдмаршала, подходящими, между прочимъ, пунктами были Балта и Гродно. Балта потому, что находилась на пересѣченіи дорогъ, и тамъ были хорошія каменныя строенія комиссаріатской комиссіи; Гродно — по близости къ границѣ, хотя по обширности города его трудно было обнести полевыми укрѣпленіями [5]).

Для той же цѣли, по распоряженію артиллерійскаго департамента, были осмотрѣны артиллерійскими офицерами Луцкъ, гдѣ въ это время строились большія полевыя укрѣпленія, Острогъ, Полонное, Новгродъ-Волынскъ, Житоміръ и Несвижъ.

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. III. Богдановичъ: Историческій очеркъ, ч. II, стр. 96.

[2]) Затлеръ, ч. III, стр. 87.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 4262.

[4]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1856 г., № 71, ч. III.

[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6 (Письмо военнаго министра Горчакову отъ 7 сентября 1854 г.).

Въ этихъ пунктахъ предполагалось устроить промежуточные склады на случай перемѣщенія артиллерійскихъ запасовъ болѣе назадъ изъ складовъ Царства Польскаго и изъ Винницы и для подвоза туда запасовъ изъ внутренней Россіи. Удобныя строенія нашлись въ Луцкѣ, Острогѣ, Несвижѣ и Полонномъ.

Въ Луцкѣ укрѣпленія уже строились; у Острога нашлась хорошая позиція; въ Житомірѣ и Полонномъ мѣстность для постройки укрѣпленій оказалось неудобною.

По предварительнымъ соображеніямъ генерала Безака, Несвижъ оказывался удобнымъ складочнымъ пунктомъ въ случаѣ дѣйствій на сѣверо-западной границѣ; Полонное—для помѣщенія на зиму подвижныхъ парковъ, если не будутъ учреждены временные промежуточные склады.

Житоміръ и Полонное онъ считалъ слишкомъ удаленными отъ арміи для доставки запасовъ (въ оба конца около 300 верстъ); Луцкъ, Острогъ и Несвижъ полагалъ имѣть въ виду. Тѣмъ не менѣе генералъ Безакъ считалъ нужнымъ немедленно приступить къ исправленію зданій въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ для помѣщенія временныхъ складовъ въ каждомъ на 6 мѣстныхъ парковъ [1]).

Пока, по приказанію военнаго министра, составлялись всѣ вышеописанныя соображенія, князь Горчаковъ сдѣлалъ цѣлый рядъ распоряженій о перемѣщеніи нѣкоторыхъ складовъ на Днѣстрѣ и Бугѣ, и, по его представленію, послѣдовало приказаніе Государя Императора объ учрежденіи промежуточныхъ складовъ въ Кишиневѣ, Дубоссарахъ, Винницѣ и Тульчинѣ, о переводѣ Бендерскихъ парковъ въ Тирасполь, объ устройствѣ помѣщеній для складовъ въ Ольвіополѣ и Кременчугѣ, въ каждомъ на 6 мѣстныхъ парковъ, и объ усиленіи Кіевскихъ складовъ [2]).

Все это было приказано сдѣлать на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній и распоряженій князя Горчакова.

Съ переходомъ черезъ Прутъ въ предѣлы Имперіи князь Горчаковъ считалъ необходимымъ склады и парки удалить отъ границы и расположить ихъ частью по Днѣстру, частью еще далѣе, чтобы на границѣ оставалось только имущество крѣпостей, необходимое для ихъ обороны, исключая Измаила, въ которомъ, какъ пунктѣ, болѣе подверженномъ нападенію непріятеля,

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6. Записка Безака отъ 7 сентября 1854 г.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6. Отношеніе отъ 22 августа кн. Горчакову.

возможно оставить и мѣстные парки. Принявъ это за основаніе, князь Горчаковъ отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Въ Измаилѣ, Бендерахъ, Киліи и Хотинѣ оставить по 300 выстрѣловъ на каждое крѣпостное орудіе. Сверхъ того, оставить въ Измаилѣ по 700 выстрѣловъ на каждое осадное орудіе и находившіеся тамъ 3 мѣстныхъ парка, а въ Бендерахъ — матеріаловъ на одну четвертую часть всѣхъ орудій.

Всѣ затѣмъ излишки въ гарнизонахъ, противъ этого оставленнаго количества, вывезти въ Вознесенскъ и Кременчугъ, а излишки мѣстныхъ парковъ, кромѣ Измаильскихъ, — въ Тульчинъ.

2) Бендерскіе мѣстные парки перевезти въ Тирасполь, а Хотинскіе — въ Забужье.

Подвижные парки 30 сентября было приказано расположить въ Оргѣевѣ (№№ 7 и 10), въ Тирасполѣ (№ 9 летучій), въ Баденѣ (№ 11), въ Перекопѣ (№ 12), въ колоніи Бріенской (№ 14), въ Бериславѣ (№ 15), въ с. Ташлыкъ (№ 18).

Въ Ольвіополѣ и Кременчугѣ было приказано подыскать помѣщенія, чтобы въ случаѣ надобности отправить туда запасы изъ Тирасполя, который Государь Императоръ считалъ безопаснымъ только до тѣхъ поръ, пока не осаждены Бендеры [1]).

При такомъ расположеніи складовъ Южная армія могла получать артиллерійскіе припасы изъ Кишинева (куда свозились припасы изъ всѣхъ заграничныхъ парковъ), Измаила (болѣе 3 мѣстныхъ парковъ), Дубоссаръ (куда перевозилось артиллерійское депо изъ Фокшанъ), Тирасполя (3 мѣстные парка, перевозимые изъ Бендеръ), Тульчина (6 мѣстныхъ парковъ), Винницы (на 3 подвижныхъ парка) и Забужья (на 6 мѣстныхъ парковъ).

Помѣщенія въ Ольвіополѣ и Кременчугѣ могли быть готовы черезъ 2 мѣсяца.

Такимъ образомъ, по приведеніи въ исполненіе всѣхъ этихъ распоряженій:

1) войска, находившіяся на южной границѣ, между Тирасполемъ, Одессой и Николаевомъ, обезпечивались Тираспольскими мѣстными парками, подвижнымъ № 11 и летучимъ № 9;

2) войска, направленныя къ Перекопу, — подвижными парками № 12 и № 15, пополнявшимися изъ Херсонскихъ мѣстныхъ парковъ;

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6, отношеніе Горчакова отъ 29 сентября 1854 г. и Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/28.

3) войска, собранныя на Дунаѣ,—подвижными № 14 и № 18 и мѣстными Измаильскими парками;

4) войска, расположенныя у Кишинева и по Днѣстру,—подвижными парками № 7 и № 10, мѣстными Тираспольскими и Ольвіопольскими складами;

5) войска, ближайшія къ австрійской границѣ,—подвижными парками № 7 и № 10, тремя мѣстными и однимъ подвижнымъ въ Забужьѣ;

6) Ольвіопольскіе и Тираспольскіе склады предполагалось комплектовать изъ Тульчинскаго [1]). Войска, находившіяся въ Крыму, были обезпечены гораздо слабѣе.

Союзники подъ Кронштадтомъ
(англійская иллюстрація).

Къ началу военныхъ дѣйствій въ Крыму въ трехъ Севастопольскихъ мѣстныхъ паркахъ имѣлось всего 140.000 патроновъ къ пѣхотнымъ ударнымъ ружьямъ и 120.000 штуцерныхъ, да въ подвижномъ полупаркѣ (№ 8)—патроновъ пѣхотныхъ ударныхъ 165.000 и штуцерныхъ 10.000 [2]).

Кромѣ Севастопольскихъ запасовъ, на всемъ полуостровѣ были незначительные склады для текущей потребности въ Керчи, Ѳеодосіи, Арабатѣ и Перекопѣ.

Ближайшіе къ Крыму склады артиллерійскихъ припасовъ были въ Херсонѣ, гдѣ находилось 3 мѣстныхъ парка и гдѣ приготовлялись снаряды и патроны.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/6.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3494.

Всего въ Херсонѣ имѣлось пороху разнаго 4944 пуда, снарядовъ — 62.873 пуда и патроновъ всѣхъ сортовъ — 2.559.750.

На случай отправки войскъ въ Крымъ и въ виду незначительности Крымскихъ запасовъ, особенно для артиллеріи, военный министръ приказалъ отправить въ Херсонъ изъ Кіева запасы на 3 мѣстныхъ парка [1]). Князь Горчаковъ направилъ въ Перекопъ для Крымскихъ войскъ подвижные парки № 12 и № 15, которые, впрочемъ, могли прійти туда лишь въ октябрѣ [2]). Такимъ образомъ, на первое время войска князя Меншикова обезпечивались: мѣстными парками Севастопольскими, Херсонскими, однимъ подвижнымъ полупаркомъ и шедшими въ Крымъ 3 мѣстными парками изъ Кіева и 2 подвижными съ Дуная.

Сводя все сказанное, расположеніе артиллерійскихъ запасовъ въ началѣ сентября 1854 г. было слѣдующее:

второлинейными парками продолжали числиться Кіевскіе, Брестъ-Литовскіе, Новогеоргіевскіе и Бобруйскіе;

перволинейными:—Измаилъ (болѣе 3 мѣстныхъ парковъ). Въ мѣстныхъ паркахъ состояло 40.468 зарядовъ и пороха разнаго 1206 пудовъ. По числу 188 орудій слѣдовало имѣть 56.400 зарядовъ; было налицо 38.984 [3]);

Бендеры (3 мѣстныхъ парка). Въ мѣстныхъ паркахъ нѣкоторые предметы въ излишествѣ, но не хватало 2976 ядеръ, которые приказано пополнить изъ Кіева, по переводѣ парковъ въ Тирасполь. Въ Бендеры шли припасы изъ Бырлата и Леово [4]);

Хотинъ (3 мѣстныхъ парка). Назначены къ перевозкѣ въ Забужье;

Севастополь (3 мѣстныхъ парка и половина подвижного № 8);

Херсонъ (3 мѣстныхъ парка и складъ оружія);

промежуточные склады:—въ Тульчинѣ (на 6 мѣстныхъ парковъ);

въ Кишиневѣ (на 3 мѣстныхъ парка);

въ Дубоссары свозились депо изъ Фокшанъ и Леово;

въ Леово—артиллерійское депо, частью уже вывезенное въ Дубоссары. При депо формировался дивизіонъ конной батареи № 10 [5]).

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/7, отношеніе военнаго министра отъ 23 сентября 1854 г. и Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3494.

[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/7. Отношеніе кн. Горчакова отъ 29 сентября 1854 г.

[3]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3478.

[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3614/6 и 3614/28.

[5]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/35.

Изъ заграничныхъ промежуточныхъ складовъ въ Урзичени, Фокшанахъ, Бырлатѣ и Браиловѣ имущество парковъ еще не все было вывезено въ Россію.

5-ое и 6-ое отдѣленія осаднаго № 2 парка въ Измаилѣ;
7-ое и 8-ое „ „ „ „ „ Тирасполѣ[1]).

Подвижные парки №№ 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18 и летучій № 9 находились при Южной арміи и были заняты вывозомъ запасовъ изъ Княжествъ и перевозками въ раіонѣ мѣстныхъ и промежуточныхъ парковъ Дунайскаго округа. Въ Крыму находилась только половина подвижного парка № 8 въ Севастополѣ.

Послѣ выхода Южной арміи изъ Княжествъ въ ея распоряженіе были предоставлены всѣ военно-врачебныя заведенія, находившіяся въ раіонѣ ея расположенія.

Постоянные госпитали: Кишиневскій, Бендерскій, Кагульскій (полугоспиталь), Измаильскій, Килійскій, Хотинскій (полугоспиталь), Бѣльцскій, Каменецъ-Подольскій, Тульчинскій, Тираспольскій, Херсонскій, Николаевскій и Одесскій [2]).

Госпитали въ военныхъ поселеніяхъ: въ Меджибожьѣ, Умани, Ольшанкѣ, Вознесенскѣ, Новой Одессѣ, Ладыжинѣ, Новобугѣ, Мальковѣ и Ольвіополѣ [3]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вновь учреждены военно-временные госпитали, а нѣкоторые, постоянные, усилены. Для того и другого послужили частью вышедшіе изъ Княжествъ подвижные госпитали. Военно-временные помѣщались большею частью въ частныхъ домахъ по отводу. Военно-временные госпитали къ 27 сентября 1854 года были открыты въ Скулянахъ (полугоспиталь), Леово (полугоспиталь), Хотинѣ, Аккерманѣ, Немировѣ и Тульчинѣ [4]).

Подвижные госпитали къ концу августа всѣ уже вышли изъ Княжествъ, а ко 2 сентября были открыты въ Ямполѣ (№ 1), Балтѣ (№ 2), Одессѣ (№ 5), Тирасполѣ (№ 6), Измаилѣ (№ 13), Бомрадѣ (№ 23) и Дубоссарахъ (№ 28).

Изъ прочихъ подвижныхъ госпиталей нѣкоторые были закрыты надолго, другіе пошли на формированіе и усиленіе мѣстныхъ госпиталей, нѣкоторые были въ движеніи, нѣкоторые были разставлены по пути движенія войскъ изъ Княжествъ.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3614/7.
[2]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594.
[3]) Затлеръ: „Госпитали“, стр. 181.
[4]) Арх. Воен. Уч. Ком., дд. 3372 и 3594.

2 сентября находились въ пути къ тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ были потомъ открыты слѣдующіе подвижные госпитали: на пути изъ Галаца въ Одессу (№ 4), изъ Галаца въ Болградъ (№ 8), изъ Бырлата въ Николаевъ (№ 11), изъ Одобешти въ Одессу (№ 12), изъ Одобешти въ Павлоградъ (№ 27), изъ Яссъ въ Николаевъ (№ 35) [1]).

Въ Крыму ко времени появленія тамъ союзниковъ медицинская часть была на положеніи мирнаго времени, и госпитальныхъ средствъ на полуостровѣ едва хватало для наличнаго числа войскъ, находившихся тамъ постоянно въ мирное время.

Въ августѣ 1854 года въ Крыму было открыто всего 6 военныхъ госпиталей:

постоянный	въ	Севастополѣ,	на 310	мѣстъ
морской	„	„	„ 500	„
временный	„	Симферополѣ,	„ 310	„
„	„	Өеодосіи,	„ 310	„
„	„	Керчи,	„ 160	„
„	„	Перекопѣ,	„ 60	„.
			Всего на 1650	мѣстъ.

Кромѣ того, въ Севастополѣ находилось 3 неоткрытыхъ военно-временныхъ госпиталя: одинъ на 600 мѣстъ, два на 300 мѣстъ и Херсонскій кадръ (№ 29) на 300 мѣстъ, всего на 1200 больныхъ. Въ городской Симферопольской больницѣ можно было помѣстить до 100 человѣкъ больныхъ.

Всего, такимъ образомъ, въ Крыму было мѣстъ почти на 3000 человѣкъ, но на какое число больныхъ имѣлось въ этихъ госпиталяхъ медикаментовъ,—неизвѣстно [2]).

Въ сентябрѣ были усилены госпитали: Севастопольскій—до 1200 мѣстъ, Симферопольскій—до 900, Перекопскій—до 200, Өеодосійскій—до 400, и въ Одессѣ учрежденъ госпиталь на 600 мѣстъ [3]). Всего къ 2 сентября для Крымской арміи имѣлось 3960 мѣстъ. Насколько этихъ средствъ было недостаточно, можно судить по тому, что послѣ сраженія при Альмѣ въ Севастополь было доставлено болѣе 2000 раненыхъ.

---

[1]) Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3594. Затлеръ: „Госпитали“, Приложеніе 23.

[2]) Затлеръ: „Госпитали“, стр. 209. Гюбенетъ, стр. 2.

[3]) Затлеръ: „Госпитали“, стр. 181. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 3594, приказъ № 62; Арх. Воен. Уч. Ком., д. 3372.

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ Военнаго министерства, къ 1 сентября 1854 года числилось госпитальныхъ средствъ [1]):

	Офицерскихъ мѣстъ.	Мѣстъ для нижн. чиновъ.
для раіона Южной и Крымской армій на .	426	14.560
„ „ дѣйств. арміи мирнаго времени.	181	15.200

Общее расположеніе всѣхъ запасовъ ко 2 сентября 1854 года показано въ Приложеніи [2]).

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., д. 1853 г., № 71.
[2]) См. Приложеніе № 185.

Глава XX.

I.

Разногласіе между Петербургомъ и Тифлисомъ въ отношеніи операцій на азіатской границѣ началось еще задолго до открытія военныхъ дѣйствій и кончилось полной уступкой взглядамъ, существовавшимъ въ Тифлисѣ.

Большое количество войскъ, сосредоточенныхъ на Кавказѣ, независимость нашихъ операцій на этомъ театрѣ отъ тѣхъ политическихъ вліяній, съ которыми приходилось считаться на Дунаѣ, и, наконецъ, малое знакомство со всѣми условіями борьбы внутри края за обладаніе Кавказомъ внушали въ Петербургѣ увѣренность въ возможность быстрыхъ и широкихъ наступательныхъ операцій на нашей азіатской границѣ. Мы уже знаемъ, что князь Воронцовъ и его ближайшіе помощники на мѣстѣ были совершенно иного мнѣнія, считали количество сосредоточенныхъ на Кавказѣ войскъ не только недостаточнымъ, но признавали и самое положеніе этого края рискованнымъ до полученія солидныхъ подкрѣпленій изъ Россіи.

Первоначально, еще до открытія военныхъ дѣйствій, Императоръ Николай обратилъ свой взоръ на овладѣніе Батумомъ, этимъ „гнѣздомъ контрабандистовъ и лучшимъ портомъ на восточномъ берегу Чернаго моря“ [1]). Городъ этотъ въ то время былъ съ сухого пути укрѣпленъ только палисадомъ и рвомъ, на вооруженіи его находилось 28 орудій, регулярныхъ войскъ было до 4 тысячъ и, по первому требованію, должно было явиться

[1]) Военный министръ — кн. Воронцову 30 іюня 1853 г., № 893. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 59.

10 тысячъ милиціи. Взять Батумъ лучше всего было десантомъ съ моря съ одновременнымъ занятіемъ съ сухого пути особымъ отрядомъ м. Кобулеты, отстоящаго на 20 верстъ отъ Гурійской границы. Этимъ мы принудили бы турокъ къ сдачѣ весьма сильнаго по мѣстнымъ условіямъ укрѣпленія Цихидзири, которое лежало почти на половинѣ разстоянія между постомъ св. Николая и Батумомъ, и, такимъ образомъ, упрочились бы по берегу моря до Батума включительно.

Однако, князь Воронцовъ вообще высказывался противъ предложенной операціи, такъ какъ турецкая сухопутная граница была такъ растянута и неудобна, что обнаженіе одной части кордона могло имѣть, при отсутствіи лишнихъ войскъ, самыя пагубныя послѣдствія; удержать же Батумъ въ своихъ рукахъ, въ случаѣ войны съ морскими державами, возможно было только при условіи обезпеченія его всѣмъ нашимъ Черноморскимъ флотомъ [1]).

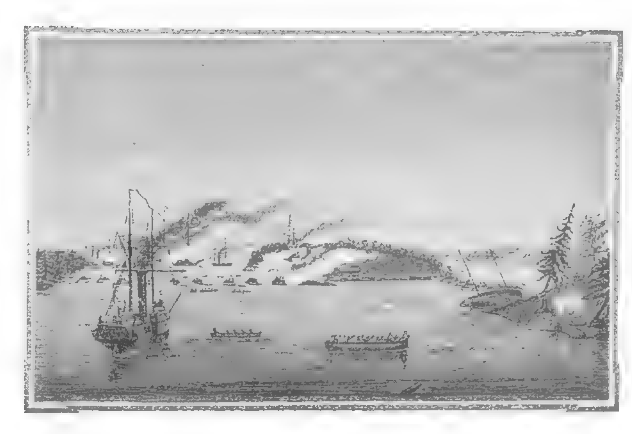
Позднѣе, когда война съ Турціей уже началась, Императоръ Николай въ своей, извѣстной намъ, запискѣ о планѣ кампаніи на 1854 годъ [2]) на азіатскомъ театрѣ предусматривалъ лишь наступательный образъ войны, при всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ борьбы съ одной Турціей или съ нею совмѣстно съ западными державами. „Желательно“, писалъ онъ, „чтобы Кавказскій корпусъ наступалъ и овладѣлъ Карсомъ, Баязетомъ и Ардаганомъ, „что исполниться должно въ теченіе зимы или ранней весны“. Государь послѣ приведеннаго выше мнѣнія князя Воронцова уже отказывался отъ овладѣнія въ этотъ періодъ кампаніи Батумомъ и указывалъ лишь на необходимость эскадрѣ у Абхазскихъ береговъ усугубить надзоръ за недопускомъ турецкихъ судовъ изъ Батума и Анатоліи, но въ кампанію 1854 и 1855 годовъ полагалъ необходимымъ завладѣть Кобулетомъ и Батумомъ, „не подаваясь далѣе „впередъ и предоставляя персіанамъ вести наступательную войну „для ихъ пользы“. Въ своей запискѣ Государь затрагивалъ также положеніе нашихъ укрѣпленій восточнаго берега Чернаго моря въ томъ случаѣ, если туда войдутъ флоты морскихъ державъ, и приходилъ къ заключенію, что тогда форты, какъ это ни не желательно, придется покинуть, за исключеніемъ, можетъ быть, Анапы, Новороссійска, Геленджика и Сухумъ-Кале.

---

[1]) Кн. Воронцовъ — военному министру 15 августа 1853 г., № 310. Тамъ же.

[2]) См. Приложеніе № 127, а также рапортъ военнаго министра кн. Воронцову 5 ноября 1853 г., № 674. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Не успѣлъ князь Воронцовъ получить приведенныя выше указанія Государя, какъ вслѣдъ за этимъ канцлеръ графъ Нессельроде ввелъ нѣкоторую поправку въ образъ дѣйствій на Кавказѣ въ зависимости отъ политическихъ соображеній. „Англія не хочетъ „объявлять намъ войны“, писалъ онъ намѣстнику 7 ноября [1]); „она въ настоящее время не предполагаетъ даже ввести свой „флотъ въ Черное море, но великобританскій министръ намъ „очень ясно объявилъ, что, если нашъ флотъ сдѣлаетъ какія-либо „враждебныя поползновенія противъ Батума, „Трапезунда или Варны, „то онъ встрѣтитъ флоты „англійскій и французскій, готовые защищать „эти пункты....



Городъ Або.

„Такимъ образомъ, „въ нашихъ будущихъ „стратегическихъ операціяхъ мы не должны „разсчитывать на помощь нашего флота, „но и Англія не имѣетъ „ни предлога, ни средствъ помѣшать намъ бить турокъ на сухомъ „пути, и въ настоящее время наши береговыя укрѣпленія безопасны „отъ бомбардировки союзниковъ Турціи“ [2])....

Слѣдовательно, задача князя Воронцова сводилась къ обезпеченію нашей границы съ Турціей, къ удержанію горцевъ, къ разрѣшенію вопроса о положеніи укрѣпленій на восточномъ берегу Чернаго моря и къ переходу въ наступленіе на Баязетъ, Карсъ, Ардаганъ и Батумъ. Удачныя дѣйствія подъ Ахалцыхомъ и Башъ-Кадыкларомъ въ ноябрѣ, усиленіе Гурійскаго отряда и разбитіе горцевъ на линіи въ декабрѣ временно обезпечили нашу турецкую границу и показали Шамилю, что война съ Турціей не ослабила нашихъ силъ для борьбы внутри Кавказа. Наиболѣе жгучими вопросами оставались положеніе нашей береговой линіи и будущія наступательныя операціи, которыя и послужили

---

[1]) Гр. Нессельроде — кн. Воронцову 7 ноября 1853 г., № 463. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1853 г., карт. С.

[2]) Переводъ съ французскаго.

предметомъ продолжительнаго обмѣна мнѣній между Петербургомъ, Тифлисомъ и отчасти Севастополемъ.

Маленькія укрѣпленія, а отчасти посты, разбросанные по восточному берегу Чернаго моря, имѣли исключительной цѣлью содѣйствовать покоренію Кавказа преграждeніемъ сношеній горцевъ съ турками морскимъ путемъ [1]). Большинство изъ нихъ, а именно укрѣпленія средней части или 2-го отдѣленія, не имѣло никакого сообщенія внутрь края сухимъ путемъ и могло базироваться только на море. По своей силѣ и величинѣ гарнизона укрѣпленія эти не могли противостоять нападенію даже относительно незначительныхъ силъ съ моря или съ сухого пути, чему яркимъ примѣромъ могъ служить захватъ турками поста св. Николая въ ночь на 16 октября. Укрѣпленія береговой линіи могли существовать только до тѣхъ поръ, пока мы владѣли Чернымъ моремъ; безъ этого условія они подвергались неминуемой гибели, не принеся намъ никакой пользы въ начинавшейся кампаніи.

Князь Меншиковъ, съ которымъ въ общемъ соглашался и князь Воронцовъ [2]), считалъ очень затруднительной морскую помощь береговымъ укрѣпленіямъ при атакѣ ихъ турками даже въ томъ случаѣ, если флоты западныхъ державъ будутъ отсутствовать въ Черномъ морѣ, и совершенно невозможной при ихъ присутствіи тамъ. Поэтому онъ полагалъ необходимымъ форты средняго участка, т.-е. 2-го отдѣленія, не имѣющіе сухопутнаго пути отступленія, уничтожить, приготовивъ для этого все зимою, а гарнизоны свезти на судахъ въ то время, когда будетъ опредѣленно извѣстно о входѣ въ Черное море флотовъ морскихъ державъ. Преждевременно приступать къ этой операціи признавалось невыгоднымъ, такъ какъ это могло произвести неблагопріятное для насъ моральное впечатлѣніе на горцевъ. Изъ укрѣпленій сѣвернаго участка Анапа считалась безопасной отъ нападенія, а Новороссійскъ и Геленджикъ слѣдовало, во что бы то ни стало, сохранить въ своихъ рукахъ, даже въ случаѣ серьезнаго нападенія противника, такъ какъ съ потерей этихъ пунктовъ прекращалось наше вліяніе на всю Кубанскую область. Оборона Абхазіи или южнаго участка фортовъ находилась въ тѣсной связи съ обороной Гуріи и могла быть выполнена лишь при существованіи тамъ

---

[1]) См. томъ I.

[2]) Кн. Воронцовъ — военному министру 20 ноября 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 6562.

сильнаго отряда, способнаго противостоять и туркамъ, сосредоточеннымъ у Батума, и горцамъ. Во всякомъ случаѣ на этомъ участкѣ князь Меншиковъ полагалъ необходимымъ имѣть центральный, сильно укрѣпленный, пунктъ, для котораго намѣчалъ Редутъ-Кале или Поти [1]).

Князь Воронцовъ не могъ „безъ ужаса“ подумать о необходимости снять укрѣпленія 2-го отдѣленія, такъ какъ эта мѣра должна была, по его словамъ, откинуть насъ въ отношеніи покоренія горцевъ на многіе десятки лѣтъ назадъ. Въ то же время намѣстникъ не считалъ даже возможнымъ спасти гарнизоны этихъ укрѣпленій снятіемъ ихъ нашими судами послѣ входа въ Черное море союзныхъ флотовъ и, желая для воздѣйствія на горцевъ сохранить ихъ возможно долгое время, онъ рекомендовалъ оставить укрѣпленія въ нашихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ атакованы англичанами, послѣ чего гарнизоны, во избѣжаніе звѣрскаго ихъ уничтоженія горцами, сдать въ плѣнъ союзникамъ [2]).

Синопская побѣда и успѣхи наши на азіатской границѣ облегчили положеніе прибрежныхъ фортовъ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ вопросъ объ очищеніи ихъ не подымался. Входъ же въ январѣ эскадръ западныхъ державъ въ Черное море вновь выдвинулъ критическое положеніе нашихъ береговыхъ укрѣпленій, и начальникъ обороны восточнаго берега вице-адмиралъ Серебряковъ доносилъ о необходимости снятія гарнизоновъ укрѣпленій второго отдѣленія и усиленія ими тѣхъ пунктовъ на побережьѣ, которые предполагалось еще возможнымъ сохранить въ нашихъ рукахъ [3]). При этомъ Серебряковъ докладывалъ о трудности исполненія такой операціи немногочисленными судами, находящимися въ его распоряженіи, и объ отказѣ князя Меншикова оказать помощь частью судовъ изъ Севастополя, въ виду риска подвергнуть ихъ отдѣльному пораженію союзными эскадрами. Больной, ослабѣвшій физически князь Воронцовъ представилъ докладъ Серебрякова Государю и, не высказывая со своей стороны никакихъ предположеній о спасеніи гарнизоновъ, ограничивался лишь просьбой

---

[1]) Кн. Меншиковъ — кн. Воронцову 8 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в. 1853 г., секр. д. № 72.

[2]) Всеподд. письмо кн. Воронцова 29 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

[3]) Серебряковъ — кн. Воронцову 9 января 1854 г., № 1. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

избѣжать открытаго разрыва съ западными державами и тѣмъ спасти наше рискованное положеніе на Кавказѣ [1]).

Участь береговыхъ укрѣпленій, казалось бы, рѣшалась слѣдующей помѣткой Императора Николая на донесеніи адмирала Серебрякова: „Эти несчастные гарнизоны, вѣроятно, приговорены „къ погибели; помочь имъ мы не въ силахъ". Но вскорѣ вслѣдъ за этимъ Государь приказалъ князю Меншикову войти въ сношеніе съ адмираломъ Серебряковымъ о томъ, какіе изъ фортовъ береговой линіи слѣдуетъ очистить, и какъ это исполнить. Государь полагалъ снять гарнизоны лишь судами, которыя находились въ распоряженіи Серебрякова, и въ помощь имъ нанять малыя каботажныя суда въ Керчи и въ Азовскомъ морѣ. Надо было постараться спасти только людей, которыхъ доставить въ Сухумъ или Новороссійскъ; матеріальную же часть, въ случаѣ невозможности ее увезти, надлежало уничтожить [2]).

Это Высочайшее повелѣніе положило конецъ разногласію мѣстныхъ властей, и князь Меншиковъ взялъ на себя инициативу очищенія тѣхъ фортовъ, которые не имѣли сухопутнаго пути отступленія. Вопреки своему первому рѣшенію, онъ отправилъ къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря три пароходо-фрегата, подъ флагомъ адмирала Панфилова, которые, совмѣстно съ двумя фрегатами, корветомъ и пароходами, находившимися въ распоряженіи адмирала Серебрякова, должны были снять гарнизоны всѣхъ фортовъ отъ Абхазіи до Геленджика и перевезти ихъ въ Новороссійскъ [3]). Гарнизонъ этого послѣдняго, столь важнаго для насъ, пункта увеличивался, такимъ образомъ, до 7-8 тысячъ человѣкъ [4]). Князь Меншиковъ былъ возмущенъ намѣреніемъ князя Воронцова сдать въ плѣнъ гарнизоны фортовъ и „той паникой, которую „внушали кавказскимъ властямъ батумскій паша и его отрядъ" [5]).

Благодаря дурной погодѣ, снятіе гарнизоновъ могло начаться только 3 марта. Въ этотъ день 7 пароходовъ, подъ флагомъ адмираловъ Серебрякова и Панфилова, имѣя на буксирѣ гребныя суда

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Воронцова 18 января 1854 г. Мы это интересное письмо, а также отвѣтъ Государя, помѣщаемъ въ Приложеніи № 185.

[2]) Императоръ Николай — кн. Меншикову 10 февраля 1854 г. Собственная Его Величества библіотека.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 24 февраля 1854 г., № 265; письмо кн. Долгорукову отъ того же числа. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. №№ 4254 и 4251.

[4]) „Славно", помѣтилъ на донесеніи Государь.

[5]) Кн. Меншиковъ — кн. Долгорукову 4 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

и транспорты, вышли изъ Геленджика и, подвигаясь вдоль Кавказскаго берега, снимали гарнизоны, которые первоначально доставлялись въ Геленджикъ, а больные—въ Ѳеодосію. Вся операція произошла совершенно спокойно отъ покушенія противника, и лишь у Навагинскаго укрѣпленія, на виду нашей эскадры, появились англійскій и французскій пароходы, которые, впрочемъ, поторопились скрыться. Въ виду бурнаго моря, не удалось лишь снять людей съ укрѣпленія Св. Духа, но въ ночь съ 9 на 10 марта и они были сняты особо высланнымъ для этой цѣли изъ Севастополя пароходомъ „Громоносецъ" [1]).

Такимъ образомъ, гарнизоны 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, въ количествѣ 6 тысячъ человѣкъ съ семьями, были нашимъ флотомъ спасены отъ вѣрной гибели или плѣна, къ которому ихъ приговорилъ князь Воронцовъ, и послужили для усиленія Геленджика и Новороссійска.

Одновременно съ этимъ князя Меншикова очень безпокоила участь гарнизона Гагры, который онъ не счелъ возможнымъ снять въ виду важнаго значенія этого пункта для обороны Абхазіи. Гагры представляли изъ себя единственный выходъ изъ дефиле, по которому можно было проникнуть въ Абхазію съ сѣвера, и его оставленіе могло повлечь за собой немедленное вторженіе въ эту область Магомета-Аминя. Во всякомъ случаѣ очищеніе Гагръ должно было быть произведено въ связи съ операціями войскъ, оборонявшихъ Мингрелію [2]), и рѣшеніе этого вопроса было передано генералу Реадъ, который въ то время замѣнилъ уже въ Тифлисѣ уѣхавшаго больного князя Воронцова.

Вслѣдъ за снятіемъ Черноморскимъ флотомъ гарнизоновъ укрѣпленій 2-го отдѣленія, что являлось существенной необходимостью, такъ какъ гарнизоны эти, предоставленные сами себѣ и не имѣя пути отступленія, должны были безполезно погибнуть, генералъ Реадъ рѣшилъ снять также гарнизоны въ Абхазіи и на сѣверномъ участкѣ береговой линіи.

Въ Абхазіи операція эта представлялась весьма трудной, такъ какъ единственнымъ путемъ отступленія гарнизоновъ черезъ Сухумъ была узкая прибрежная дорога съ переправами въ бродъ черезъ горныя рѣчки, которыя въ дождливое время мгновенно

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 13 марта 1854 г., № 280. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4251.

[2]) Кн. Меншиковъ — военному министру 13 марта 1854 г. Музей Севастопольской обороны.

превращались въ бѣшеные потоки, нерѣдко прерывающіе сообщеніе на цѣлыя недѣли. Къ тому же отступленіе неминуемо должно было сопровождаться настойчивымъ преслѣдованіемъ со стороны горцевъ, которое могло поставить въ критическое положеніе малочисленные гарнизоны, обремененные при своемъ отступленіи неизбѣжными лишними тяжестями, въ видѣ семействъ, больныхъ и пр. Въ Тифлисѣ для уменьшенія такой опасности сочли необходимымъ всю операцію ввѣрить абхазскому владѣтельному князю генералъ-адъютанту Шервашидзе, большія связи и вліяніе котораго на горцевъ западнаго Кавказа могли содѣйствовать успѣху, а укрѣпленіе Гагры, какъ закрывающее свободный доступъ горцамъ въ Абхазію, сохранить до окончательнаго очищенія всѣхъ остальныхъ укрѣпленій. Что касается до спасенія самаго гарнизона Гагры, который, по слабости верковъ и незначительности вооруженія, не могъ бы устоять при одновременной его атакѣ горцами и союзными эскадрами, то генераломъ Реадъ разрѣшено ему было въ такомъ случаѣ сдаться въ плѣнъ [1]). Это послѣднее, не бывалое въ лѣтописяхъ Россіи, распоряженіе о сдачѣ въ плѣнъ вызвало большое чувство неудовольствія у Государя, о чемъ и было сообщено генералу Реадъ, съ запрещеніемъ впредь прибѣгать къ такимъ мѣрамъ [2]). И нельзя не согласиться съ княземъ Меншиковымъ, что, имѣя между Сухумомъ и Пицундой около 4 тысячъ войскъ, гарнизону Гагры можно было дать возможность отступить, не оставляя его во власти врага [3]).

Впрочемъ, вся операція снятія гарнизоновъ въ Абхазіи была произведена совершенно спокойно. 22 марта были сняты гарнизоны Пицунды и Бомборы, которые отступили на Сухумъ-Кале и вмѣстѣ съ гарнизономъ этого послѣдняго отошли на присоединеніе къ Гурійскому отряду. Что же касается до гарнизона Гагры, то 23 апрѣля онъ былъ снятъ добровольцемъ греческимъ шкиперомъ Соррандо Фоти и доставленъ въ Керчь.

Еще раньше генералъ Реадъ приступилъ къ очищенію укрѣпленій сѣвернаго участка береговой линіи. 15 марта былъ очищенъ Геледжикъ, 30 марта Новороссійскъ, а въ началѣ апрѣля и Анапа.

---

[1]) Предписаніе ген. Реадъ коменданту Гагры кап. Быковскому 12 марта 1854 г., № 58. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[2]) Военный министръ — кн. Барятинскому 24 апрѣля и кн. Барятинскій — военному министру 13 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 6571.

[3]) Кн. Меншиковъ — кн. Горчакову 29 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4253.

Весь восточный берегъ Чернаго моря сдѣлался, такимъ образомъ, открытымъ для нападенія союзнаго флота, и сообщеніе нашихъ противниковъ съ горцами могло производиться совершенно свободно.

II.

29 ноября военный министръ сообщилъ князю Воронцову о рѣшеніи усилить Кавказскій корпусъ 18-й пѣхотной дивизіей съ ея артиллеріей, двумя драгунскими полками съ конной батареей и резервной кавказской дивизіей, что вмѣстѣ съ прибывшей уже на Кавказъ 13-й дивизіей и шестью казачьими полками составляло подкрѣпленіе въ размѣрѣ 35 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 36 сотенъ и 88 орудій. Въ то же время князь Долгоруковъ спрашивалъ намѣстника о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ предполагалъ принять, чтобы выйти изъ невыгоднаго оборонительнаго положенія, въ которомъ мы находились. Государь не видѣлъ иного къ этому средства, какъ переходъ въ наступленіе, въ особенности послѣ нашихъ побѣдъ подъ Ахалцыхомъ и у Башъ-Кадыклара [1]).

Городъ Гельсингфорсъ.

Но князь Воронцовъ такъ же, какъ и князь Бебутовъ, считалъ зимнюю операцію противъ Карса, Ардагана или Баязета невыполнимой. Турки, несмотря на рядъ понесенныхъ пораженій, все-таки имѣли еще большія средства для продолженія войны. Въ Карсъ прибылъ изъ Эрзерума, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у намѣстника, резервъ въ 18.000 пѣхоты и кавалеріи съ большимъ запасомъ огнестрѣльныхъ припасовъ; Ардаганъ и Баязетъ также были заняты значительными частями пѣхоты и кавалеріи. Наши же отряды въ сравненіи съ противникомъ были малочисленны, чтобы предпринять рѣшительное наступленіе; да къ тому же имъ необходимо было пополнить понесенныя ими весьма значительныя

---

[1]) Военный министръ — кн. Воронцову 29 ноября 1853 г., № 12527. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

потери, привести въ порядокъ разстроенную въ бывшихъ бояхъ матеріальную часть, усилить составъ отрядовъ и образовать резервъ дѣйствующаго корпуса. Все это дѣлало, по мнѣнію князя Воронцова, осаду Карса зимою невыполнимой.

Что касается до Ардагана и Баязета, то немедленное занятіе ихъ не приносило намъ, по мнѣнію князя Воронцова, существенной пользы. Занятіе этихъ пунктовъ сильными, самостоятельными и хорошо обезпеченными отрядами не представлялось возможнымъ по недостатку войскъ; малочисленные же гарнизоны не въ состояніи были бы удержать въ своихъ рукахъ эти крѣпости, въ случаѣ нападенія на нихъ превосходнаго противника. Отъ Карса, близъ котораго было расположено 30 тысячъ турецкихъ войскъ, до Ардагана было всего два перехода, т.-е. гораздо меньше, чѣмъ до этого пункта отъ Ахалцыха или Александрополя, которые къ тому же были отдѣлены отъ него почти непроходимыми въ зимнее время горами; такимъ образомъ, гарнизонъ въ Ардаганѣ не имѣлъ бы въ теченіе всей зимы никакого сообщенія съ тыломъ и могъ бы подвергнуться отдѣльному пораженію безъ всякой надежды на поддержку. Князь Воронцовъ полагалъ, что, занявъ весной Карсъ, мы тѣмъ самымъ облегчимъ и овладѣніе Ардаганомъ и Баязетомъ [1]). Въ частномъ письмѣ къ князю Долгорукову намѣстникъ особенно настаивалъ еще на томъ, чтобы отложить наступательныя дѣйствія до весны въ виду сильнаго утомленія войскъ и разстройства матеріальной части [2]).

Государь призналъ доводы князя Воронцова „справедливыми", и вопросъ о зимней кампаніи былъ оставленъ [3]).

Тѣмъ временемъ здоровье князя Воронцова до того ухудшилось, что онъ не признавалъ возможнымъ оставаться на занимаемомъ имъ отвѣтственномъ посту въ наступившее тяжелое время и просилъ Государя освободить его отъ дѣлъ. Императоръ Николай, съ трудомъ согласясь на удовлетвореніе просьбы намѣстника, пожелалъ, чтобы онъ до своего отъѣзда начерталъ планъ предстоящей кампаніи противъ турокъ въ Малой Азіи. При этомъ Государь указывалъ, что лишь самое рѣшительное, дѣятельное наступленіе обѣщаетъ намъ скорое достиженіе главной

---

[1]) Кн. Воронцовъ — военному министру 10 декабря 1853 г., № 592. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Кн. Воронцовъ — кн. Долгорукову 5 декабря 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., д. № 6562. Два письма кн. Бебутова кн. Воронцову 2 декабря 1853 г. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[2]) Кн. Воронцовъ — кн. Долгорукову 10 декабря 1853 г. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[3]) Рапортъ военнаго министра намѣстнику 23 декабря 1853 г., № 764. Тамъ же.

цѣли—убѣдить турокъ, что ихъ упорство ведетъ къ неминуемой гибели. Но прежде всего слѣдовало завладѣть Карсомъ, Баязетомъ и Ардаганомъ, такъ какъ безъ этихъ твердыхъ основъ наступленіе въ глубь страны было бы неосторожно. Дальнѣйшую операцію Государь предполагалъ направить на Эрзерумъ или западнѣе его, въ раіонъ, гдѣ населеніе состояло преимущественно изъ христіанъ; но при этомъ движеніи не слѣдовало пренебрегать нашимъ крайнимъ флангомъ, и поэтому Гурія должна была постоянно обезпечиваться значительнымъ отрядомъ. Высадки союзниковъ на восточномъ берегу Чернаго моря Государь въ то время еще не опасался, считая весьма затруднительнымъ снабженіе десанта артиллеріей и перевозочными средствами [1]).

Мыслями о планѣ кампаніи на Кавказѣ занялся и князь Варшавскій. Онъ былъ того же мнѣнія, что кампанія тамъ съ нашей стороны можетъ открыться не ранѣе весны, а до того времени турки, пользуясь Чернымъ моремъ, могутъ атаковать нашъ правый флангъ. Здѣсь они могли бы дѣйствовать двоякимъ образомъ—отъ Батума на Ахалцыхъ или же на наши приморскія провинціи. Въ зависимости отъ этого Паскевичъ полагалъ занять Ахалцыхъ отрядомъ въ 7-8 тысячъ при 24 орудіяхъ и съ другимъ отрядомъ, примѣрно, такой же силы, маневрировать въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Въ случаѣ десанта турокъ на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря они могли имѣть цѣлью дѣйствій лишь Черноморію и правый флангъ нашей Кавказской линіи, для обороны которой признавалось достаточнымъ имѣвшихся тамъ войскъ.

Указавъ мѣры для обезпеченія нашего праваго фланга, князь Варшавскій обратился къ наступательнымъ операціямъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, которыя могли открыться весною. Здѣсь онъ первыми объектами дѣйствій ставилъ Карсъ, Ардаганъ и Баязетъ. Паскевичъ исходилъ изъ убѣжденія въ отсутствіи необходимости держать войска внутри края, для удержанія котораго, по его мнѣнію, достаточно было занять лишь нѣсколько пунктовъ, отправивъ остальныя войска въ дѣйствующій корпусъ. Такая мѣра дала бы свободныхъ, по крайней мѣрѣ, до 20 баталіоновъ пѣхоты съ артиллеріей, не принимая даже въ расчетъ предназначенной для усиленія Кавказскаго корпуса 18-й пѣхотной дивизіи.

---

[1]) Императоръ Николай — кн. Воронцову 4 января 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Съ этими войсками предполагалось, отдѣливъ изъ нихъ до 3 тысячъ противъ Баязета, атаковать Карсъ, который долженъ быть взятъ правильной осадой въ 10-15 дней. Послѣ Карса надлежало взять Ардаганъ, и дѣйствующій корпусъ, оставивъ въ обѣихъ крѣпостяхъ гарнизоны, долженъ былъ направиться къ Баязету, чтобы совмѣстно съ отдѣленнымъ туда раньше отрядомъ взять и эту крѣпость. Осенью князь Варшавскій предполагалъ уже двинуться къ Эрзеруму, отдавая предпочтеніе направленію отъ Баязета, которое давало надежду взять турокъ въ тылъ, если бы они укрѣпились на трудно доступныхъ Саганлугскихъ высотахъ. Авторъ проекта рекомендовалъ не итти далѣе Эрзерума, пока не выяснится положеніе на нашемъ правомъ флангѣ; послѣ же этого, если время позволитъ, то продолжать наступленіе на Бейбуртъ. Дальнѣйшихъ дѣйствій Кавказскому корпусу князь Варшавскій не указывалъ, такъ какъ они должны были зависѣть отъ могущихъ свершиться событій [1]).

Впослѣдствіи, когда до Петербурга дошли слухи о намѣреніи морскихъ державъ произвести высадку 10-15 тысячъ человѣкъ на восточномъ берегу Чернаго моря, Паскевичъ нѣсколько измѣнилъ предложенный имъ планъ дѣйствій. Въ такомъ случаѣ нашъ правый флангъ пріобрѣталъ, по его мнѣнію, особенное значеніе; отрядъ въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи слѣдовало увеличить до 20 баталіоновъ, 20 эскадроновъ драгунъ, 10 сотенъ казаковъ, 20 сотенъ милиціи при 60 орудіяхъ и съ этими силами первоначально сбросить союзниковъ въ море, а потомъ уже перейти въ наступленіе въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ [2]).

Всѣ предположенія фельдмаршала были по обыкновенію богато иллюстрированы ссылками на то, какъ онъ дѣйствовалъ противъ турокъ въ 1828 году.

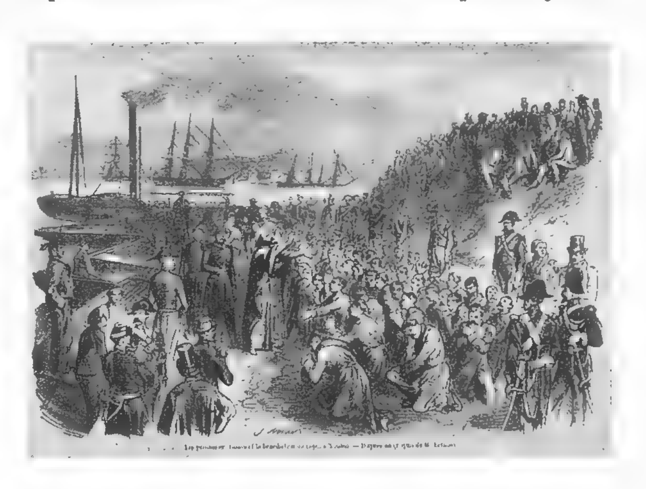
Князь Воронцовъ во многомъ не согласился съ запиской Паскевича, находя, что обстановка сильно измѣнилась сравнительно съ 1828 годомъ. Границы края въ то время были тѣснѣе и требовали меньше войскъ, да и самое очертаніе ихъ представляло болѣе удобствъ для обороны. Кавказскія народности были спокойнѣе, не были объединены и воодушевлены тѣмъ религіознымъ порывомъ, который чувствовался въ пятидесятыхъ

---

[1]) Записка кн. Варшавскаго отъ 16 (28) января 1854 г.; сообщеніе военнаго министра кн. Воронцову 24 января, № 54. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

[2]) Всеподд. записка кн. Варшавскаго въ февралѣ 1854 г., препровожденная кн. Воронцову 24 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

годахъ, и которымъ несомнѣнно должны были, по мнѣнію намѣстника, воспользоваться Шамиль и Магометъ-Аминь. Все это дѣлало необходимымъ держать значительную часть войскъ внутри края, чтобы противодѣйствовать объединеннымъ нападеніямъ горцевъ и союзниковъ. Турецкая армія за послѣднюю четверть вѣка также на много измѣнилась къ лучшему, и, наполненная европейскими офицерами, она не представляла уже такого легкаго матеріала для побѣды; Карсъ, который Паскевичъ предполагалъ взять въ 10-15 дней, также успѣли сильно укрѣпить, и работы по усиленію его все еще продолжались; наконецъ, Персія, униженная и ослабленная во время предыдущей войны нашей съ турками, теперь также представляла изъ себя нѣкоторую силу, а двойственная политика этой страны — и нѣкоторую для насъ опасность. Все это должно было внести значительную поправку въ широкій полетъ мысли фельдмаршала о наступательныхъ дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи. Не могъ согласиться князь Воронцовъ и съ той легкостью, съ какой князь Варшавскій рѣшалъ вопросъ объ обезпеченіи Гуріи, Имеретіи и Мингреліи однимъ подвижнымъ отрядомъ, который долженъ „маневрировать". Непроходимыя горы, раздѣлявшія эти три области, дѣлали такую задачу невыполнимой для одного отряда [1]).



Богослуженіе среди русскихъ плѣнныхъ въ Тулонѣ (французская иллюстрація).

9 февраля князь Воронцовъ представилъ, согласно волѣ Государя, свои предположенія о планѣ кампаніи на 1854 годъ.

Намѣстникъ сознавался, что въ истекшій осенній періодъ кампаніи у него не было общихъ предположеній о дѣйствіяхъ противъ турокъ, и цѣль его заключалась въ томъ, чтобы отбросить противника подальше отъ нашей границы, что и было съ

[1]) Возраженіе кн. Воронцова на записку кн. Варшавскаго, препровожденное военному министру 15 февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

успѣхомъ достигнуто случайно собранными отрядами. Такъ какъ турки послѣ этого сосредоточили значительныя свои силы противъ Гуріи, Ахалцыха, Ахалкалакъ, Александрополя и Эривани, то и намъ, волей-неволей, приходилось разбросать свои войска по всей растянутой на 700 верстъ пограничной полосѣ, группируя ихъ у поименованныхъ пунктовъ.

Князь Воронцовъ полагалъ, что отрядъ, расположенный въ Гуріи, долженъ былъ, по удаленію своему отъ командира корпуса, по затруднительности съ нимъ связи и по спеціальному своему назначенію, быть выдѣленнымъ въ самостоятельную часть. Остальнымъ же затѣмъ войскамъ дѣйствующаго корпуса первой задачей ставилось овладѣніе Карсомъ, Ардаганомъ и Баязетомъ.

Послѣ окончательнаго сосредоточенія всѣхъ предназначенныхъ для дѣйствія на азіатской границѣ войскъ и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ для предстоящихъ наступательныхъ операцій, главный нашъ отрядъ, расположенный у Александрополя, долженъ былъ наступать на Карсъ, разбить турецкую армію, если бы она вышла навстрѣчу, и приступить къ осадѣ крѣпости. Въ то же время отряды Эриванскій и Ахалцыхскій должны были своими демонстраціями содѣйствовать нашему успѣху подъ Карсомъ. Первый предназначался дѣйствовать съ этой цѣлью противъ Баязета и овладѣть этимъ городомъ, если обстоятельства будутъ благопріятствовать; второй же—медленно подвигаться къ Ардагану, не вдаваясь, однако, въ горы, переходъ черезъ которыя признавался до занятія нами Карса затруднительнымъ. Ахалкалакскій отрядъ вмѣстѣ съ особо назначенною частью Ахалцыхскаго предназначался для наблюденія и прикрытія путей на Тифлисъ.

Послѣ занятія Карса часть главныхъ силъ совмѣстно съ частью Ахалцыхскаго отряда должна была направиться для завладѣнія Ардаганомъ, который предполагалось занять достаточнымъ гарнизономъ, привести его въ надлежащее оборонительное положеніе и снабдить всѣми необходимыми запасами. Если къ этому времени Баязетъ еще не будетъ взятъ, то, усиливъ Эриванскій отрядъ частью войскъ изъ главнаго отряда, завладѣть и этимъ пунктомъ.

Князь Воронцовъ полагалъ, что въ кампанію 1854 года придется ограничиться занятіемъ Карса, Ардагана и Баязета, приведеніемъ ихъ въ оборонительное положеніе и снабженіемъ всѣмъ необходимымъ арміи, которая должна будетъ провести зиму на этой новой линіи.

Въ числѣ препятствій, способныхъ помѣшать исполненію предначертаннаго плана, намѣстникъ указывалъ на колеблющіяся отношенія къ намъ Персіи, на поведеніе Шамиля и на дѣйствія союзниковъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Кромѣ того, слѣдовало ожидать, что и турки, сдѣлавъ огромныя приготовленія на своей азіатской границѣ, пожелаютъ встрѣтить въ полѣ наши войска, прежде чѣмъ допустить ихъ до своихъ крѣпостей.

Если бы во время нашихъ операцій противъ Карса Персія стала бы во враждебное къ намъ положеніе, то Эриванскій отрядъ слѣдовало бы подкрѣпить резервомъ изъ Тифлиса, чтобы онъ могъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, удержать Эривань въ своихъ рукахъ до паденія Карса. Послѣ же этого не ограничиваться только взятіемъ Баязета, а вторгнуться въ предѣлы Персіи и занятіемъ Хоя, Урміи и Тавриза распространить страхъ на всю Персію.

Въ тотъ же день князь Воронцовъ отправилъ военному министру другую записку, въ которой предупреждалъ, что изложенный имъ планъ дѣйствій имѣлъ въ виду единоборство Россіи съ Турціей. Поэтому, если послѣдуетъ разрывъ съ западными державами, то принять столь неравную борьбу возможно только при нѣкоторыхъ первоначальныхъ пожертвованіяхъ. Благодаря этому, мы могли бы сосредоточить достаточное число войскъ, чтобы защитить наиболѣе важные пункты края, сообщенія съ Россіей, Тифлисъ и удержать въ повиновеніи мирныя племена Кавказа.

Въ этомъ отношеніи вниманіе намѣстника было обращено на очищеніе Черноморской береговой линіи и, въ зависимости отъ этой мѣры, на положеніе Гурійскаго отряда. Онъ могъ быть обойденъ по Супсѣ и отрѣзанъ отъ Кутаиса. Поэтому князь Воронцовъ предлагалъ немедленно укрѣпить устье Цхенисъ-Цхали, куда весь отрядъ и долженъ сосредоточиться при первомъ извѣстіи о разрывѣ съ западными державами.

Здѣсь онъ выжидалъ прибытія гарнизоновъ береговыхъ укрѣпленій и отступалъ къ Кутаису, а, можетъ быть, и далѣе, по пути къ Тифлису, до тѣхъ позицій, на которыхъ рѣшено будетъ дать окончательный бой.

Князь Воронцовъ приходилъ къ заключенію, что весною мы можемъ открыть наступательныя дѣйствія внутрь Малой Азіи лишь въ случаѣ мира съ западными державами, такъ какъ, не обезпечивъ себя предварительно на всемъ протяженіи праваго

фланга, мы не можемъ и думать о широкихъ наступательныхъ операціяхъ. Растянувши наши силы на южной границѣ, мы могли поставить себя въ крайне рискованное положеніе тѣмъ, что открывали непріятелю пути отъ моря въ землю Черноморскаго войска, въ Кабарду и на Тифлисъ.

Судя по массѣ помѣтокъ, которыми Государь испещрилъ обѣ записки князя Воронцова, можно сказать, что Императоръ Николай вполнѣ одобрилъ планъ намѣстника. Государь призналъ необходимымъ увеличить отрядъ, расположенный въ Гуріи, Мингреліи и Имететіи, до 20 баталіоновъ, подчинить его самостоятельному начальствованію князя Андронникова и немедленно сдѣлать всѣ подготовительныя распоряженія о порядкѣ сосредоточенія, въ случаѣ надобности, всѣхъ частей этого отряда на позицію Цхени-Цхали или къ Кутаису.

Что касается до операцій дѣйствующаго корпуса, то онъ долженъ былъ ограничиваться защитой границы до окончанія или выясненія намѣреній непріятеля на нашемъ правомъ флангѣ. Лишь только въ томъ случаѣ, если бы турки двинулись въ значительныхъ силахъ противъ насъ, ему слѣдовало итти навстрѣчу и разбить противника. Точно такъ же, если бы непріятель пошелъ отъ Ардагана на Ахалцыхъ въ обходъ правофланговаго отряда дѣйствующаго корпуса черезъ Боржомское ущелье, то отряду отъ Александрополя надлежало двинуться во флангъ непріятелю и, разбивъ его, вернуться обратно [1]).

Одновременно съ изложеніемъ предполагаемаго плана операцій противъ турокъ князь Воронцовъ представилъ и проектъ распредѣленія частей дѣйствующаго Кавказскаго корпуса по отрядамъ.

Какъ уже сказано, Государь въ ноябрѣ 1853 года рѣшилъ двинуть на Кавказъ 18-ю пѣхотную дивизію съ ея артиллеріей и драгунскую бригаду съ конной батареей. Вслѣдъ за этимъ въ Петербургѣ явилось предположеніе отправить на Кавказъ и 17 пѣхотную дивизію съ ея артиллеріей. Рѣшеніе это вызывалось желаніемъ усилить Лезгинскую линію и имѣть готовый резервъ для дѣйствія противъ Персіи, если бы она стала во враждебныя къ намъ отношенія [2]).

---

[1]) Двѣ записки кн. Воронцова военному министру отъ 9 февраля 1854 г., съ помѣтками на нихъ Императора Николая. Арх. Шт. Кавк. воен. окр. и ст. Зиссермана: „Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій". Русск. Арх., 1888 г., кн. 9.

[2]) Рапортъ военнаго министра кн. Воронцову 9 декабря 1853 г., № 9131. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Первоначально предполагалось 18-ю дивизію направить, подобно тому, какъ это въ августѣ мѣсяцѣ имѣлось въ виду и относительно 13-й дивизіи, на Кавказскую линію; 19-ю же дивизію, занимавшую эту линію, направить въ трехбаталіонномъ составѣ въ дѣйствующій корпусъ. Это предположеніе основывалось на желаніи имѣть для наступательныхъ операцій войска боевыя, знакомыя съ кавказской обстановкой и соотвѣтственно снаряженныя. Драгунская бригада должна была слѣдовать до Моздока и расположиться тамъ въ резервѣ [1]), а резервная дивизія Кавказскаго корпуса — въ Ставропольскомъ и Пятигорскомъ уѣздахъ, что давало возможность двинуть на границу квартировавшие въ Ставрополѣ, Георгіевскѣ и Кисловодскѣ линейные баталіоны.

Кронштадтъ.

Князь Воронцовъ, однако, находилъ много неудобствъ при выполненіи столь сложной комбинаціи, которая къ тому же была излишня, такъ какъ опытъ 13-й дивизіи показалъ, что и европейскія войска не отставали въ бояхъ отъ своихъ кавказскихъ товарищей. Поэтому онъ предлагалъ одну бригаду 18-й дивизіи включить въ составъ дѣйствующаго корпуса, а другую направить на усиленіе Лезгинской линіи, за которую слѣдовало съ наступленіемъ весны опасаться. Бригада эта, составляя резервъ войскъ, охранявшихъ Лезгинскую линію [2]), являлась бы и резервомъ дѣйствующаго корпуса, къ которому и могла бы быть направлена въ случаѣ спокойствія на линіи. Резервную дивизію князь Воронцовъ желалъ придвинуть весною къ Екатеринодару и Владикавказу съ тѣмъ, чтобы не смѣнять ею линейныхъ баталіоновъ, а считать ее резервомъ Кавказской линіи. Располагаясь такимъ образомъ, она обезпечивала бы военно-грузинскую дорогу и при надобности могла усилить правый и лѣвый флангъ линіи. Наконецъ, драгунскую бригаду намѣстникъ признавалъ необходимымъ придвинуть весною къ Александрополю, такъ какъ бѣдность дѣйствующаго корпуса кавалеріей чувствовалась во всѣхъ дѣлахъ съ турками [3]).

---

[1]) Дислок. сводн. драг. бриг. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[2]) 5 баталіоновъ 2-й бриг. 21 пѣх. див.

[3]) Всеподд. письмо кн. Воронцова 29 ноября 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Князь Воронцовъ предполагалъ, въ виду назначенія на Кавказъ двухъ новыхъ дивизій, войска дѣйствующаго корпуса распредѣлить на турецкой границѣ слѣдующимъ образомъ:

Гурійскій отрядъ — $10^1/_4$ баталіоновъ, 20 орудій, 5 сотенъ казаковъ, 18 конныхъ и 26 пѣшихъ сотенъ милиціи;

Ахалцыхскій отрядъ—4 баталіона, 10 орудій, 6 сотенъ казаковъ, 2 конныхъ и 8 пѣшихъ сотенъ милиціи;

Въ резервѣ обоихъ этихъ отрядовъ—4 баталіона и 8 орудій;

Ахалкалакскій отрядъ — 2 баталіона, 4 орудія, $2^1/_2$ сотни казаковъ и 5 сотенъ конной милиціи;

Эриванскій отрядъ—6 баталіоновъ, 16 орудій, 10 сотенъ казаковъ, 10 сотенъ милиціи и 8 ракетныхъ станковъ;

Александропольскій отрядъ — 26 баталіоновъ, 76 орудій, 30 эскадроновъ, 9 сотенъ казаковъ, 10 сотенъ милиціи и 8 ракетныхъ станковъ, и

Артиллерійскій резервъ—38 орудій.

Какъ предположеніе относительно предстоящаго плана кампаніи, такъ и составленное княземъ Воронцовымъ распредѣленіе войскъ по границѣ удостоились одобренія Государя, съ отмѣченными выше измѣненіями, и были возвращены въ Тифлисъ для руководства князю Воронцову и генералу Реаду, который долженъ былъ замѣстить отъѣзжавшаго по болѣзни намѣстника.

Князь Долгоруковъ, сообщая Высочайшую волю, остановился на разборѣ предстоявшихъ дѣйствій болѣе подробно [1]).

Операціи на Кавказѣ подраздѣлялись на двѣ эпохи: первую—оборонительную для отраженія непріятеля на нашемъ правомъ флангѣ и вторую—наступательную на Карсъ, Баязеть и Ардаганъ, которая должна была начаться послѣ того, какъ мы отобьемъ непріятеля на правомъ флангѣ.

Въ этомъ порядкѣ и обсуждался планъ предстоявшихъ дѣйствій.

Записка начиналась съ операцій на правомъ флангѣ.

Высадкой въ Геленджикѣ, Новороссійскѣ или Анапѣ непріятель могъ угрожать Черноморіи и Кабардѣ съ военно-грузинской дорогой; высадкой же въ Сухумѣ и Редутъ-Кале онъ, обходя Гурійскій отрядъ, угрожалъ Кутаису и даже Тифлису. Въ обоихъ случаяхъ сообщеніе съ базой нашихъ отрядовъ, сосредоточенныхъ на турецкой границѣ, подвергалось опасности.

---

[1]) Кн. Долгоруковъ—ген. Реаду 24 февраля 1854 г., № 2892, и кн. Воронцову того же числа, № 2865. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Въ виду возможности непріятельской высадки на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, Высочайше повелѣно было сформировать на Дону конный и артиллерійскій резервъ и подчинить наказному атаману войска Донского всѣ войска, расположенныя въ Геленджикѣ, въ 1-мъ отдѣленіи Черноморской береговой линіи, въ землѣ Черноморскаго казачьяго войска и на правомъ флангѣ Кавказской линіи. Въ распоряженіе генерала Хомутова, кромѣ того, былъ назначенъ особый резервъ въ составѣ 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, 2-я бригада которой, въ измѣненіе первоначальнаго предположенія, направлялась въ Крымъ, въ виду опаснаго положенія этого послѣдняго послѣ разрыва съ западными державами.

Полагалось, что этими мѣрами Черноморія и правый флангъ Кавказской линіи дѣлались въ достаточной мѣрѣ обезпеченными, такъ какъ тамъ легко можно было собрать 11 баталіоновъ и 4½ конныхъ батареи, кромѣ гарнизоновъ трехъ прибрежныхъ укрѣпленій и 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи.

Мѣстомъ сбора этого отряда Государь полагалъ назначить окрестности Варениковой пристани съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ высадки непріятеля у Геленджика или Новороссійска, слѣдовать навстрѣчу противнику и принять на себя гарнизоны этихъ пунктовъ, если они принуждены будутъ ихъ бросить. Если же высадка послѣдуетъ у Анапы, то отбросить непріятеля въ море и спасти Анапу.

При этомъ весьма вѣроятно, что союзники предварительно войдутъ въ сношеніе съ горцами, чтобы они отвлекли вниманіе и силы наши въ другую сторону, угрожая Лабинской и даже Кубанской линіямъ. Воспрепятствовать этому предполагалось сборомъ у Ольгинскаго тетъ-де-пона отряда не менѣе 6 баталіоновъ съ артиллеріей и 1-2 казачьихъ полковъ, чтобы отбить всякое на Кубанскую линію покушеніе, а на Лабинской линіи оставаться пока въ оборонительномъ положеніи.

Адмиралу Серебрякову указывалось обратить особое вниманіе на сохраненіе Анапы и Новороссійска. Если Геленджикъ и Кабардинскъ нельзя будетъ отстоять, то гарнизоны ихъ отводить къ Новороссійску, а если и этотъ пунктъ нельзя будетъ отстоять, то, уничтоживъ въ нихъ все, что можно, отходить къ Анапѣ, наводя непріятеля флангомъ на нашъ отрядъ, идущій отъ Варениковой [1]).

---

[1]) Мы уже знаемъ, что и Новороссійскъ и Анапа были преждевременно очищены.

Охраненіе военно-грузинской дороги отъ вторженій Шамиля, а также всего пространства между Кубанью, Ставрополемъ и Екатеринодаромъ отъ всякихъ покушеній со стороны Чернаго моря было возложено на генерала Козловскаго, командовавшаго войсками центра Кавказской линіи. Государь считалъ эту задачу для него вполнѣ выполнимой послѣ того, какъ войска, въ центрѣ расположенныя, были усилены резервной дивизіей Кавказскаго корпуса, т.-е. 14 баталіонами при двухъ батареяхъ.

Въ отношеніи дѣйствій на юго-восточномъ берегу Чернаго моря Государь полагалъ, что непріятель можетъ или сдѣлать высадку въ Сухумѣ или же движеніемъ изъ поста св. Николая по Сунжѣ обойти Гурійскій отрядъ и отрѣзать его отъ Кутаиса. Тотъ и другой случай дѣлали весьма основательнымъ предложеніе князя Воронцова выбрать сборный пунктъ у устья Цхени-Цхали для сосредоточенія Гурійскаго отряда и гарнизоновъ 3-го отдѣленія береговой линіи. Этотъ пунктъ, а также обѣ дороги отъ Кутаиса на Тифлисъ должны быть немедленно укрѣплены и Гурійскій отрядъ увеличенъ до 18, а, если возможно, то и до 20 баталіоновъ.

Въ отношеніи нашихъ наступательныхъ дѣйствій на Карсъ, Ардаганъ и Баязетъ Государь оставилъ безъ измѣненія предположенія князя Воронцова, повелѣвъ лишь приступить къ исполненію этого плана послѣ окончательнаго разрѣшенія дѣлъ на правомъ флангѣ и послѣ обезпеченія тыла.

Обращаясь къ намѣченному княземъ Воронцовымъ распредѣленію войскъ, записка военнаго министра касалась лишь необходимой замѣны, вызванной оставленіемъ одной бригады 17 дивизіи въ распоряженіи генерала Хомутова, и направленіемъ другой бригады, вмѣсто Кавказа, въ Крымъ. Предназначавшуюся въ составъ дѣйствовавшихъ на границѣ отрядовъ бригаду 17 пѣхотной дивизіи предполагалось замѣнить двумя баталіонами съ Лезгинской линіи и шестью баталіонами 19 дивизіи изъ центра.

Изложенная записка военнаго министра не застала уже князя Воронцова въ Тифлисѣ. Онъ навсегда покинулъ Кавказъ.

Волненія послѣдняго года окончательно подорвали здоровье намѣстника, и онъ вынужденъ былъ просить Государя освободить его отъ столь непосильнаго труда и уволить въ безсрочный отпускъ. Какъ ни трудно было замѣнить въ такое тревожное время князя Воронцова, но Государь долженъ былъ согласиться съ невозможностью требовать отъ него непосильной при болѣзненномъ состояніи работы, и 28 февраля князь Воронцовъ былъ

уволенъ въ шестимѣсячный отпускъ, а должность его временно была ввѣрена генералу Реаду. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ штаба при генералѣ Реадѣ былъ назначенъ князь Барятинскій.

3 марта князь Воронцовъ отбылъ изъ Тифлиса.

Чѣмъ выше служебное положеніе какого-либо дѣятеля, тѣмъ большей критики онъ подвергается. Не избѣжалъ такой критики и князь Воронцовъ. Въ отношеніи гражданскаго управленія его упрекали въ слишкомъ разсѣянной, полной удовольствій жизни, въ расточительности, въ излишнемъ довѣріи къ своимъ приближеннымъ, часто злоупотреблявшимъ этимъ довѣріемъ, во многихъ непрактичныхъ проектахъ, поглащавшихъ безъ пользы большія деньги, въ излишней щедрости и раздачѣ наградъ, особенно мѣстному грузинскому дворянству, и проч. Упреки эти едва ли основательны: князь Воронцовъ принялъ въ свое управленіе край непочатый, дикій; онъ стремился поднять его цивилизацію, поднять его экономическое благосостояніе развитіемъ разнаго рода промышленности. Цѣли своей онъ достигъ, хотя, можетъ быть, и со слишкомъ большой затратой средствъ.

Сраженіе на рѣкѣ Чолокъ 24 іюня 1854 года.

Упрекали бывшаго намѣстника въ очень большомъ расходѣ войскъ на линіяхъ, въ значительномъ развитіи при немъ полковыхъ штабовъ съ массой отвлеченныхъ отъ строя для хозяйственныхъ надобностей нижнихъ чиновъ; упрекали также въ излишней робости передъ непріятелемъ, что вызывало постоянныя жалобы на недостаточность силъ и просьбы о высылкѣ все новыхъ подкрѣпленій изъ Россіи.

Нельзя отказать въ справедливости этимъ замѣчаніямъ. Внутренней борьбой на Кавказѣ была поглощена значительная часть нашихъ вооруженныхъ силъ, и для борьбы съ турками таковыхъ почти не оказалось; можно соглашаться или не соглашаться со взглядомъ намѣстника на первенствующее значеніе въ начавшейся войнѣ удержанія въ своихъ рукахъ Кавказа, но нельзя не отдать

ему справедливости, что свою точку зрѣнія онъ провелъ въ жизнь вполнѣ основательно. Мы не можемъ судить, какъ вели бы себя предводители горцевъ во время восточнаго кризиса, если бы они не были сдерживаемы широко раскинутымъ Воронцовымъ желѣзнымъ кулакомъ. Характеръ дѣйствій князя Воронцова въ открывшейся кампаніи можно назвать осторожнымъ, но нельзя ему отказать въ обдуманности и планомѣрности.

Несомнѣнно, большой заслугой князя Воронцова была его распорядительность, совмѣстно съ осмысленной рѣшимостью, въ наиболѣе критическій для насъ осенній періодъ кампаніи. Доблесть нашихъ войскъ, ошибки турокъ, но и военныя дарованія намѣстника помогли намъ не только оберечь свои границы, но и нанести туркамъ два рѣшительныхъ пораженія.

Князь Воронцовъ при присущемъ ему благородствѣ и честности обладалъ тѣмъ гражданскимъ мужествомъ, которое его особо высоко ставило среди дѣятелей первой половины прошлаго столѣтія. Это былъ нелицемѣрный, вѣрный докладчикъ своему Царю, безъ боязни высказывавшій свое слово, даже идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Государя, если только онъ былъ убѣжденъ, что этого требуетъ польза порученнаго ему дѣла. Императоръ Николай высоко цѣнилъ такія качества своего намѣстника на Кавказѣ, нерѣдко соглашаясь съ его взглядами.

Князь Воронцовъ любилъ войска и близко къ нимъ стоялъ. Несмотря на тяжелый недугъ, онъ принималъ къ сердцу всѣ вопросы ихъ благосостоянія и лично въ этомъ отношеніи распоряжался. Войска цѣнили заботливость о нихъ князя Воронцова, и вѣсть объ его отъѣздѣ была встрѣчена въ Кавказской арміи съ грустью.

Высочайшія указанія относительно плана дѣйствій на Кавказѣ въ 1854 году были получены уже генераломъ Реадомъ. Трудно было предполагать, чтобы временной замѣститель князя Воронцова не придерживался въ предстоявшихъ дѣйствіяхъ взгляда своего предшественника. Этому не соотвѣтствовалъ ни характеръ генерала Реада, человѣка въ высшей степени исполнительнаго, но не одаренного духомъ самостоятельности, ни положеніе его, временного замѣстителя, связаннаго къ тому же инструкціей князя Воронцова. Поэтому можно было ожидать, что и въ пред-

стоящихъ дѣйствіяхъ борьба съ горцами и обезпеченіе Кавказа отъ ихъ нападеній попрежнему будутъ играть главную роль. Но генералъ Реадъ превзошелъ своей осторожностью и князя Воронцова.

Отказъ въ присылкѣ на Кавказъ 17-й дивизіи привелъ новаго главнокомандующаго въ смущеніе. Онъ [1]) не считалъ возможнымъ въ „тяжелую эпоху предположенныхъ оборонитель-„ныхъ дѣйствій нашихъ“ ослабить преграды, удерживающія напоръ враждующихъ племенъ Кавказа, такъ какъ былъ увѣренъ въ усиленныхъ дѣйствіяхъ Шамиля и Магомета-Аминя, къ которымъ должны примкнуть всѣ наши внутренніе враги и часть мирныхъ горцевъ. Отсутствіе 17-й дивизіи, доносилъ генералъ Реадъ военному министру, не только лишило здѣшній край всякой возможности къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но и очень затруднило внутреннюю и внѣшнюю оборону его. Важное значеніе военно-грузинской дороги и Лезгинской линіи дѣлало необходимымъ обезпечить обладаніе ими, что требовало не только занятія этихъ пунктовъ соотвѣтственными отрядами, но и существованія резервовъ, которыхъ, за неприходомъ 17-й дивизіи, образовать было не изъ чего. Генералъ Реадъ не видѣлъ другого выхода изъ этого положенія, какъ очистить нѣкоторые изъ занимаемыхъ нами пунктовъ и тѣмъ хоть немного сосредоточить силы разбросаннаго Кавказскаго корпуса. Выборъ главнокомандующаго остановился въ этомъ отношеніи на Дагестанѣ, очищеніе котораго онъ считалъ менѣе чувствительнымъ для нашего владычества въ краѣ, и просилъ ходатайства на положительное разрѣшеніе Государя очистить Дагестанъ, когда увидитъ къ тому неотложную необходимость.

Вмѣстѣ съ этимъ генералъ Реадъ представлялъ на утвержденіе распредѣленіе войскъ на Кавказѣ, измѣненное въ виду отмѣны прихода туда 17-й пѣхотной дивизіи. Оно сводилось къ слѣдующему:

центръ Кавказской линіи — 17 баталіоновъ, 16 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій и 12 сотенъ;

Владикавказскій округъ — 13½ баталіоновъ, 8 орудій и 6 сотенъ;

лѣвый флангъ линіи—14 баталіоновъ, 20 пѣшихъ и 10 конныхъ орудій и 32 сотни;

---

[1]) Ген. Реадъ — военному министру 17 марта 1854 г., № 64. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Прикаспійскій край—24 баталіона, 8 пѣшихъ, 20 горныхъ и 2 конныхъ орудія и 30 сотенъ;

Лезгинская линія—10 баталіоновъ, 2 пѣшихъ, 8 горныхъ и 4 конныхъ орудія, 5 пѣшихъ и 19 конныхъ сотенъ.

Итого для борьбы съ горцами предназначалось *78½ баталіоновъ, 104 сотни и 106 орудій,* кромѣ 11 баталіоновъ и 12 орудій, оставленныхъ для содержанія карауловъ въ Тифлисѣ, по городамъ и крѣпостямъ Грузинской линіи и для хозяйственныхъ работъ въ штабъ-квартирахъ [1]).

Въ дѣйствующія на турецкой границѣ войска входили:

самостоятельный отдѣлъ князя Андронникова изъ отрядовъ:

Гурійскаго—13½ баталіоновъ, 16 пѣшихъ и 8 горныхъ орудій, 9 сотенъ казаковъ, 26 пѣшихъ и 3 конныхъ сотни милиціи; изъ Абхазіи къ этому отряду должны были присоединиться еще 4½ баталіона, и

Ахалцыхскаго—7¾ баталіоновъ, 16 пѣшихъ и 4 горныхъ орудія и 6 сотенъ казаковъ.

Всего у князя Андронникова—25¾ баталіоновъ, 44 орудія, 15 сотенъ казаковъ и 29 сотенъ милиціи.

Дѣйствующій корпусъ князя Бебутова изъ отрядовъ:

Ахалкалакскаго—2¼ баталіона, 4 пѣшихъ орудія, 3 сотни казаковъ и 1 сотня милиціи;

Главнаго Александропольскаго—18½ баталіоновъ, 48 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій, 26 эскадроновъ и 21 сотня казаковъ, и

Эриванскаго—6½ баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 6 сотенъ казаковъ и 2 сотни милиціи.

Всего у князя Бебутова—27¼ баталіоновъ, 76 орудій, 26 эскадроновъ, 30 сотенъ казаковъ и 3 сотни милиціи.

Такимъ образомъ на турецкой границѣ всего предполагалось сосредоточить *53 баталіона, 120 орудій, 26 эскадроновъ, 45 сотенъ казаковъ и 32 сотни милиціи.*

Въ *общемъ резервѣ* оставалось 4 баталіона, 8 пѣшихъ и 4 конныхъ орудія [2]).

Кромѣ того, въ *Черноморіи,* подъ начальствомъ генерала Хомутова, находилось *25¼ баталіоновъ, 90½ сотенъ и 50 орудій,* распредѣленныхъ на два отряда—Таманскій и Закубанскій.

---

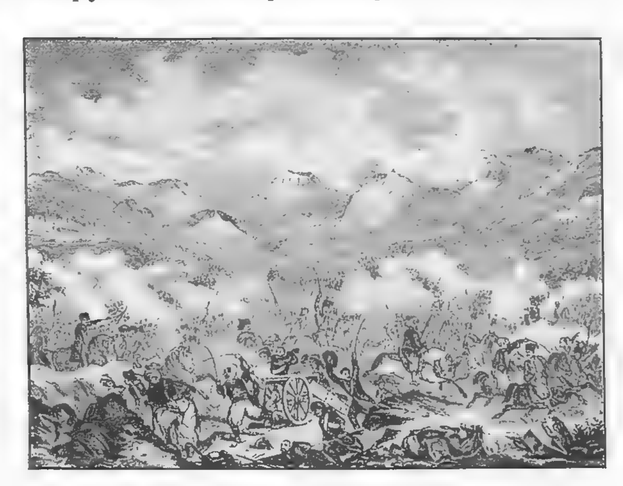
[1]) Для этихъ послѣднихъ назначались собранныя роты изъ женатыхъ нижнихъ чиновъ кавказскихъ полковъ.

[2]) Наименованіе частей, вошедшихъ въ отряды, смотрѣть въ Приложеніи № 186.

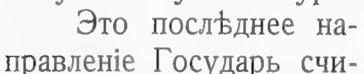
Предложеніе генерала Реада объ очищеніи Дагестана послужило предметомъ продолжительнаго обмѣна мнѣній.

Въ концѣ 1853 или въ самомъ началѣ 1854 года [1]) Императоръ Николай въ одной изъ своихъ собственноручныхъ записокъ коснулся нашего положенія за Кавказомъ [2]). Одно изъ самыхъ важныхъ въ этомъ отношеніи неудобствъ Государь видѣлъ въ необезпеченности и въ дурномъ качествѣ путей сообщенія, соединявшихъ этотъ край съ Россіей.

Такихъ путей было четыре: 1) Чернымъ моремъ въ Абхазію и Редутъ-Кале; 2) по военно-грузинской дорогѣ, путь кратчайшій, но не надежный, какъ по природнымъ условіямъ, такъ и въ виду близости враждебныхъ племенъ; 3) берегомъ Каспійскаго моря, путь удобный только для сообщенія съ восточной частью нашихъ владѣній, т.-е. съ Дагестаномъ, и, наконецъ, 4) Каспійскимъ моремъ въ Дербентъ, Баку и къ устью Куры.



Сраженіе на Чингильскихъ высотахъ.



Это послѣднее направленіе Государь считалъ имѣющимъ первостепенную важность, въ особенности въ виду начавшейся войны, когда путь черезъ Черное море временно пересталъ для насъ существовать. Дѣйствительно, Каспійскимъ моремъ черезъ Баку центръ Россіи соединялся непосредственно съ центромъ Закавказья; по удобству этого пути въ теченіе круглаго года и по безопасности его отъ нападеній горцевъ онъ являлся лучшимъ коммуникаціоннымъ путемъ Кавказской арміи. На это направленіе Государь и обратилъ свое особое вниманіе, высказавъ, что, ежели мы не желаемъ „даромъ бросить столькимъ трудомъ и кровью „дорогой купленное владычество наше за Кавказомъ“, то Дагестанъ и Баку, обезпечивающіе этотъ путь, должны оборонять

[1]) На документѣ число не проставлено.

[2]) Собственноручная записка Императора Николая безъ числа. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 105.

до послѣдней крайности. Государь полагалъ даже, что, въ случаѣ потери Тифлиса, намъ слѣдовало бы съ главными силами отойти не на военно-грузинскую дорогу, а на Дагестанъ и Баку.

Естественно, что мысль генерала Реада объ оставленіи Дагестана не была встрѣчена сочувственно, и его было приказано защищать, во что бы то ни стало [1]).

Съ удивленіемъ отнесся къ этой мысли и князь Воронцовъ [2]) и съ негодованіемъ командующій войсками въ Дагестанѣ князь Орбеліани. Упраздненіе Дагестана, писалъ послѣдній [3]), есть упраздненіе всего Закавказскаго края. Огромная часть этой области присоединится къ Шамилю, которому мы дадимъ, такимъ образомъ, возможность явиться противъ насъ съ громадной силой болѣе 80 тысячъ человѣкъ. Намъ придется одновременно вести войну и противъ громадныхъ силъ Шамиля, и противъ возставшихъ народовъ, и, наконецъ, противъ Персіи. Не шахъ персидскій страшенъ для насъ, но страшенъ будетъ Шамиль, если завладѣетъ всѣмъ Дагестаномъ.

Одновременно съ разработкой предположеній для дѣйствій противъ турокъ вновь возникалъ вопросъ о положеніи, которое займетъ Персія. Страна эта подпадала все сильнѣе и сильнѣе подъ вліяніе Англіи, и мы должны были опасаться открытаго разрыва съ ней, который потребовалъ бы отдѣленія нѣкотораго, хоть и незначительнаго, количества войскъ съ турецкой границы. Поэтому рѣшено было направить все стараніе къ тому, чтобы добиться отъ Персіи нейтралитета, что было особенно выгодно въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ обезпечивало насъ отъ возстанія пограничныхъ мусульманскихъ племенъ [4]).

Между тѣмъ дѣло приближалось къ веснѣ, и князь Горчаковъ порадовалъ Россію своей переправой черезъ Дунай. Государю, какъ извѣстно, желательно было воспользоваться этимъ нашимъ успѣхомъ и дать толчокъ наступательнымъ операціямъ на европейскомъ театрѣ войны, тѣмъ болѣе, что къ тому же времени выяснилась полная неготовность морскихъ державъ быстро поддержать турокъ. Этой неготовностью Государь хотѣлъ восполь-

---

[1]) Военный министръ — ген. Реаду 24 апрѣля 1854 г., № 6474 и кн. Барятинскому 24 апрѣля 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 6571.

[2]) Кн. Воронцовъ — кн. Долгорукову 10 мая 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 6566.

[3]) Кн. Триг. Орбеліани — кн. Барятинскому 27 апрѣля 1854 г. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[4]) Записка ген. Реада, приложенная ко всеподд. письму отъ 28 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

зоваться для перехода въ наступленіе и на Кавказѣ. „Кажется „мнѣ“, писалъ онъ генералу Реаду [1]), „что весьма полезно было бы „воспользоваться симъ драгоцѣннымъ временемъ, чтобы князю „Андронникову самому перейти въ наступательныя дѣйствія, чтобы „разбить турокъ до прибытія союзниковъ. Но гдѣ и какъ, не могу „опредѣлить, а предоставляю рѣшить вамъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, „которыя у васъ есть. Казалось бы, что изъ Гуріи можно было бы „наступать, чтобы отбросить на Батумъ. Быть можетъ, что и „Ардаганъ взять можно было бы отъ Ахалцыха, поддержавъ движеніями Бебутова“.

Мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ была не чужда и на Кавказѣ. По мнѣнію князя Бебутова, Александропольскій отрядъ не долженъ былъ оставаться въ чисто оборонительномъ положеніи, независимо отъ того, какой бы оборотъ военныя дѣйствія ни приняли на восточномъ берегу Чернаго моря. Въ противномъ случаѣ непріятель, имѣя множество иррегулярной кавалеріи, будетъ тревожить всю нашу пограничную полосу безъ возможности съ нашей стороны препятствовать ему на каждомъ пунктѣ. Князь Бебутовъ полагалъ необходимымъ при появленіи подножнаго корма перевести Александропольскій отрядъ за Арпачай, расположить его на удобной позиціи и грозить непріятелю дальнѣйшимъ наступленіемъ. Если бы турки вздумали встрѣтить нашъ отрядъ, то разбитіе ихъ было бы лучшимъ ручательствомъ въ сохраненіи спокойствія на нашей границѣ [2]). Такой способъ дѣйствій князь Бебутовъ считалъ наиболѣе выгоднымъ и въ отношеніи оказанія поддержки отрядамъ Ахалцыхскому, Ахалкалакскому и Эриванскому, которые будутъ обезпечены отъ опасности, если Александропольскому отряду удастся нанести туркамъ рѣшительное пораженіе [3]). Разрѣшеніе на выдвиженіе за Арпачай было дано, и князь Бебутовъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія подножнаго корма [4]).

Наступательныя намѣренія проявилъ и начальникъ Эриванскаго отряда генералъ баронъ Врангель. Онъ просилъ разрѣшенія его отряду дѣйствовать самостоятельно, внѣ зависимости отъ постояннаго охраненія слабой Эривани, подверженной всякимъ

---

[1]) Императоръ Николай — ген. Реаду 12 апрѣля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

[2]) Ген. Реадъ — военному министру 30 марта 1854 г. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[3]) Кн. Бебутовъ — ген. Реаду 27 апрѣля 1854 г., № 63. Тамъ же.

[4]) Ген. Реадъ — кн. Бебутову 29 апрѣля 1854 г. Тамъ же.

случайностямъ отъ внезапнаго вторженія противника или отъ вспышки въ народѣ, на вѣрность и постоянство котораго мы не должны полагаться [1]). Но княземъ Бебутовымъ первоначальная задача Эриванскому отряду была дана только наблюдательная, при чемъ онъ долженъ былъ имѣть въ виду лишь охраненіе края, ему ввѣреннаго, пока не послѣдуетъ приказанія перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Командиръ корпуса указывалъ, какъ на пунктъ, на которомъ было желательно сосредоточеніе отряда, на Сурмалинскій участокъ, по правую сторону Аракса, такъ какъ, наблюдая оттуда за непріятелемъ, расположеннымъ у Баязета, отрядъ былъ бы во всякое время въ полной готовности встрѣтить и отразить всякія покушенія и, если бы непріятель вторгнулся черезъ Арпачай въ Сардаръ-Абатскій участокъ, то всегда успѣлъ бы перейти на лѣвый берегъ Аракса, обезпечивая въ обоихъ случаяхъ Эривань и ея окрестности. Однако, наблюдательное положеніе отряда должно быть соединено съ полной его подвижностью, почему необходимо было обезпечить его перевозочными средствами, а гарнизонъ Эривани усилить, переведя туда Грузинскій линейный № 4 баталіонъ и 2 орудія [2]).

Слухи, распространившіеся о намѣреніи турокъ произвести одновременное наступательное движеніе на оба наши фланга, и извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Баязетскій пашалыкъ свѣжихъ силъ обезпокоили барона Врангеля, тѣмъ болѣе, что всякая неудача въ этомъ краѣ поставила бы насъ въ самое затруднительное положеніе, какъ передъ мусульманскимъ населеніемъ, всегда готовымъ присоединиться къ туркамъ, такъ и передъ христіанскимъ, которое легко увлекается страхомъ и безнадежностью. Лучшимъ выходомъ изъ своего тяжелаго положенія баронъ Врангель считалъ внезапное нападеніе на Баязетскій отрядъ, не ожидая, пока онъ усилится; разбивъ же и разсѣявъ этотъ отрядъ, возвратиться въ свои предѣлы [3]).

Князь Бебутовъ, хотя и одобрилъ мысль барона Врангеля, но полагалъ, что съ такими незначительными силами, какія были въ Эриванскомъ отрядѣ, можно было рѣшиться дѣйствовать наступательно только въ томъ случаѣ, когда непріятель двинется изъ Баязета и, перейдя горы, будетъ приближаться къ Орговскому карантину. До тѣхъ поръ вступать Эриванскому отряду въ бой

---

[1]) Бар. Врангель — кн. Бебутову 6 апрѣля 1854 г., № 9. Тамъ же.
[2]) Кн. Бебутовъ — бар. Врангелю 10 апрѣля 1854 г., № 44. Тамъ же.
[3]) Бар. Врангель — кн. Бебутову 2 мая 1854 г., № 15. Тамъ же.

онъ признавалъ неудобнымъ, такъ какъ, если нашъ отрядъ перейдетъ черезъ горы, то турки, по всей вѣроятности, не примутъ боя и отступять къ Баязету; брать же эту крѣпость слабыми силами было невозможно, а отступленіе отряда черезъ горы было рискованно при энергичномъ преслѣдованіи турокъ.

Поэтому князь Бебутовъ предписалъ барону Врангелю не предпринимать наступательнаго движенія на Баязетъ, а ожидать приближенія непріятеля къ Орговскому карантину, гдѣ и нанести ему пораженіе. Сверхъ того, онъ указывалъ, что дѣйствія Эриванскаго отряда должны быть въ связи съ дѣйствіями Александропольскаго и Ахалкалакскаго отрядовъ, чтобы наступленіе начать одновременно [1]).

Сраженіе у Кюрюкъ-Дара.

Турецкая Анатолійская армія послѣ осеннихъ пораженій находилась въ самомъ плачевномъ положеніи. Полное ея разстройство довершалось неустройствомъ административной части и страшной болѣзненностью.

Въ январѣ въ Карсѣ находилось только 18 тысячъ человѣкъ и остатки нѣсколькихъ баталіоновъ изъ Ардаганской арміи, разбитой подъ Ахалцыхомъ; въ Эрзерумѣ также было только 10 баталіоновъ этой разбитой арміи. Правда, турки принимали самыя рѣшительныя мѣры для усиленія своей арміи, но всѣ старанія ихъ уничтожались страшной болѣзненностью и побѣгами. Саксонскій подданный докторъ Хенчеръ, служившій въ Карскомъ гарнизонѣ, неоднократно писалъ въ Константинополь, что, если такъ будетъ продолжаться, то князю Бебутову не понадобится дѣйствовать противъ турокъ, такъ какъ армія ихъ уничтожится сама собой [2]). Какъ слѣдствіе такого положенія, было приказаніе отнюдь насъ не атаковать.

---

[1]) Кн. Бебутовъ — бар. Врангелю 6 мая 1854 г., № 67. Тамъ же.

[2]) Донесеніе ст. сов. Каныкова кн. Бебутову 22 іюня 1854 г., № 645. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Къ февралю мѣсяцу между Карсомъ, Ардаганомъ и Баязетомъ турецкихъ войскъ собралось 30-35 тысячъ человѣкъ, а въ началѣ лѣтней кампаніи мы считали подъ стѣнами Карса до 60 тысячъ, хорошо устроенныхъ и снабженныхъ.

Подсчетъ этотъ безусловно слѣдуетъ считать преувеличеннымъ, и о силахъ турокъ вѣрнѣе руководствоваться данными французскаго развѣдывательнаго бюро и донесеніями французскихъ агентовъ своему главнокомандующему [1]).

Союзъ съ морскими державами, очищеніе нами береговыхъ укрѣпленій, ожиданіе прибытія на Кавказъ англо-французскаго корпуса и, наконецъ, ложныя извѣстія объ успѣхахъ, одержанныхъ нашими врагами, дѣйствительно подняли духъ турецкой арміи, и она желала перейти въ наступленіе.

Распредѣлены турецкія силы были слѣдующимъ образомъ: 20.000 — въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Карса, 3.500 человѣкъ въ Ардаганѣ и 3.500 — въ Баязетѣ. Всѣ эти отряды находились подъ общимъ начальствомъ мушира Мустафы-Зафира-паши, человѣка достойнаго, но слабаго. Начальникомъ штаба при немъ былъ англичанинъ Гюйонъ, сварливый и мало свѣдущій въ военномъ дѣлѣ; муширъ его очень боялся, такъ какъ онъ пользовался особымъ покровительствомъ лорда Редклифа. Главная квартира Зафира-паши находилась въ Карсѣ. 12.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Селима-паши, составляло Батумскій отрядъ, который своими передовыми частями занималъ нѣкоторыя изъ покинутыхъ нами береговыхъ укрѣпленій на Абхазскомъ берегу, въ томъ числѣ и Редутъ-Кале, приведенный ими въ оборонительное состояніе.

Къ недостатку расположенія турецкихъ войскъ слѣдуетъ отнести растянутость ихъ на большомъ протяженіи границы, при чемъ сообщеніе между отдѣльными отрядами могло производиться лишь по тропинкамъ, проходимымъ только въ хорошее время года.

Относительно расположенія горцевъ у французовъ были свѣдѣнія, что Шамиль съ 25.000 и 8 полевыми орудіями намѣревается наступать на Тифлисъ, а Магометъ-Аминь съ 10-12 тысячами — дѣйствовать на сообщеніе нашихъ войскъ между Кутаисомъ и Гори. Сухумъ-Кале также былъ занятъ горцами, но между ними происходили такія несогласія, что французскій главнокомандующій настаивалъ на скорѣйшей отправкѣ туда сильнаго турецкаго

---

[1]) Парижъ. Арх. Воен. Мин.

гарнизона. Такая мѣра признавалась необходимой не только для того, чтобы обезпечить Сухумъ отъ захвата его русскими, но и для того, чтобы избѣжать тамъ междоусобной рѣзни.

16 мая по этому поводу состоялось совѣщаніе между союзными адмиралами, на которомъ было рѣшено немедленно потребовать въ Константинополѣ подкрѣпленій для Анатолійской арміи и послать приказъ муширу отправить войска въ Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале.

Въ то же время было рѣшено, что при предстоящемъ крейсерованіи англо-французской эскадры къ Севастополю турецкій флотъ, подъ прикрытіемъ союзнаго, долженъ будетъ направиться къ кавказкимъ берегамъ [1]).

III.

Ріонскій край, мѣсто дѣйствія Гурійскаго отряда, составляетъ бассейнъ Ріона на берегу Чернаго моря и занимаетъ все пространство нынѣшней Кутаисской губерніи. Страна эта, отдѣленная отъ Грузіи высокимъ и лѣсистымъ хребтомъ Месхійскихъ горъ, въ то время сообщалась съ Тифлисомъ по весьма дурной дорогѣ, пролегавшей черезъ Сурамъ.

Географическое положеніе ріонскаго раіона дѣлаетъ его совершенно отдѣльнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, а топографическія условія (сплошные лѣса, широкія и глубокія рѣки съ болотистыми берегами, недостатокъ путей) вмѣстѣ съ весьма дурнымъ климатомъ прибрежной зоны даютъ понятіе о характерѣ самой войны въ этомъ краѣ; тамъ нельзя было дѣйствовать массами, и оборона всегда имѣла перевѣсъ передъ атакой.

Незначительныя силы, находившіяся въ распоряженіи кутаисскаго военнаго губернатора князя Гагарина въ началѣ войны, не дали ему, какъ извѣстно, возможности въ осеннюю кампанію предпринять активныя дѣйствія. Въ наступающій же зимній періодъ становилось рискованнымъ и самое положеніе Гурійскаго отряда на рѣкѣ Чолокъ.

Хотя турки и не проявляли особой энергіи, но продолжали сосредоточивать свои войска передъ фронтомъ отряда князя Гагарина у Кобулетъ и усиливать на флангѣ взятый ими въ октябрѣ

---

[1]) L'amiral Hamelin—au maréchal de St-Arnaud. Парижскій Архивъ.

постъ св. Николая. При такихъ условіяхъ нашъ Гурійскій отрядъ, оставаясь на зиму на Чолокѣ и будучи совершенно изолированъ, вслѣдствіе распутицы и бездорожья отъ резервовъ, легко могъ подвергнуться отдѣльному пораженію. Поэтому князь Гагаринъ оставилъ берега Чолока съ городомъ Озургеты и отступилъ на Акетскія высоты съ цѣлью выждать дальнѣйшаго хода событій. Здѣсь войска князя Гагарина вошли въ общій составъ отряда князя Андронникова.

Къ маю мѣсяцу Гурійскій отрядъ расположился главными силами у селенія Марани (Орпири) съ авангардами у Чахатаура и на Акетскихъ горахъ. Турки занимали Редутъ-Кале, постъ св. Николая и всю Гурію къ югу отъ р. Супсъ съ нашимъ уѣзднымъ городомъ Озургеты.

Когда установилась весенняя погода и дороги стали просыхать, то турки начали наступательныя движенія.

Кобулетскій бекъ Гассанъ-паша-Тавдгеридзе сталъ во главѣ турецкаго авангарда, силою до 12 тысячъ при 4 орудіяхъ [1]), и 27 мая началъ наступать на сел. Нигоити въ обходъ акетской позиціи.

Съ нашей стороны въ Нигоити стоялъ авангардъ подполковника князя Эристова, силою въ $2^1/_2$ баталіона [2]), 4 орудія и 10 сотенъ гурійской милиціи.

Въ ночь съ 26 на 27 мая князь Эристовъ узналъ, что отрядъ Гассана-паши переправился черезъ Супсъ у Байлета и идетъ на Аскетъ. Въ 11 часовъ утра 27 мая, когда непріятель съ пѣснями и барабаннымъ боемъ сталъ развертывать свой фронтъ, то князь Эристовъ вышелъ ему навстрѣчу, оставивъ въ Нигоити обозъ, подъ прикрытіемъ артиллеріи и двухъ ротъ Бѣлостокскаго полка. Въ совершенной тишинѣ и въ полномъ порядкѣ войска подвигались по чрезвычайно пересѣченной мѣстности; лѣса и сады скрывали наше движеніе. У Ланчхута, верстахъ въ трехъ отъ Нигоитской позиціи, была небольшая поляна, прикрытая съ фронта лѣсомъ, а справа деревянными строеніями и каменными оградами садовъ. Здѣсь князь Эристовъ построилъ боевой порядокъ.

Турки заняли позицію, нѣсколько возвышенную, покрытую густымъ лѣсомъ; передъ ихъ фронтомъ была поляна. Въ центрѣ

---

[1]) Эту цифру мы считаемъ преувеличенной, но точно прослѣдить составъ отряда Гассана-паши намъ не удалось.

[2]) 1-й бат. Куринскаго, 4-й бат. Брестскаго и 2 роты Бѣлостокскаго полковъ.

позиціи стояли два орудія, которыя были прикрыты регулярной пѣхотой, а на флангахъ толпились массы баши-бузуковъ.

Какъ только отрядъ князя Эристова открылся непріятелю, то турки обдали насъ градомъ пуль и картечи. Въ атаку на батарею былъ брошенъ баталіонъ Куринскаго полка, который черезъ четверть часа прорвалъ уже центръ непріятельской позиціи, а рота капитана Вельяминова осѣдлала батарею; атака лѣваго непріятельскаго фланга, произведенная баталіономъ Брестскаго полка, довершила дѣло, и турки бѣжали.

Но князь Эристовъ не могъ преслѣдовать непріятеля; его заботила судьба двухъ ротъ, оставленныхъ для прикрытія обоза, такъ какъ Кобулетская милиція, несмотря на прорывъ центра турокъ, обходила оба фланга и грозила раздавить нашъ малочисленный резервъ. Это обстоятельство принудило повернуть назадъ баталіонъ куринцевъ и направить его на помощь резерву.

Дѣйствительно, положеніе бѣлостокскихъ ротъ было критическое. Они изнывали въ неравной борьбѣ, а орудія, потерявъ большую часть прислуги, геройски отбивали одну за другой шесть атакъ. Къ счастью, куринцы поспѣли во время, и турки бѣжали, преслѣдуемые нами до Супса.

Непріятель потерялъ два орудія съ зарядными ящиками, пять значковъ и массу оружія и амуниціи. На мѣстѣ осталось до 1000 тѣлъ и въ томъ числѣ тѣло самого Гассана-паши. Наши потери достигали до 460 человѣкъ, въ томъ числѣ 200 миліціонеровъ.

Императора Николая очень порадовалъ этотъ первый успѣхъ въ открывшейся лѣтней кампаніи. Князь Эристовъ, проявившій столько иниціативы, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

Послѣ дѣла у Нигоити турки отступили къ Озургетамъ. Туда же 29 мая, узнавъ объ одержанной княземъ Эристовымъ побѣдѣ, направился изъ Марани съ главными силами и князь Андронниковъ, имѣя въ строю: $11\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 18 орудій, 6 пѣшихъ дружинъ гурійской милиціи, 4 сотни казаковъ, 1 грузинскую и 5 имеретинскихъ конныхъ дружинъ, общей численностью до 10 тысячъ человѣкъ.

Гурійскія дружины, шедшія впереди, увѣдомили начальника отряда, что турки еще 2 іюня очистили Озургеты и перешли на лѣвый берегъ Чолока, гдѣ и расположились въ укрѣпленномъ

лагерѣ между сел. Какуты и горою Джихенджури. Милиція, преслѣдуя врага, догнала его аріергардъ и послѣ упорнаго боя на кинжалахъ отбила одно знамя.

3 іюня Гурійскій отрядъ занялъ Озургеты. По всему было видно, что турки очистили этотъ городъ поспѣшно, такъ какъ тамъ было ими оставлено много запасовъ, больныхъ и раненыхъ. Въ тотъ же день князь Андронниковъ произвелъ съ прилегающей къ городу горы Экадіи рекогносцировку и обнаружилъ непріятельскій отрядъ, размѣщенный, подъ личнымъ начальствомъ Селима-паши, на лѣвомъ берегу рѣки Чолока, въ трехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ.

Турки расположились фронтомъ къ рѣкѣ [1]). Правый флангъ, гдѣ стояла большая часть милиціи съ 2 орудіями, былъ почти неприступенъ, прикрытый съ фронта обрывистымъ берегомъ рѣки, а справа глубокимъ лѣсистымъ оврагомъ. Центръ позиціи былъ усиленъ на оконечностяхъ двумя земляными батареями и съ фронта прикрытъ брустверомъ со рвомъ. На лѣвомъ флангѣ находились высоты, которыя командовали всею мѣстностью, но почему-то не были заняты турками. Впереди же лагеря до самаго Чолока былъ довольно крутой спускъ, и рѣка въ этомъ мѣстѣ протекала въ невысокихъ, но обрывистыхъ берегахъ, затруднительныхъ для перехода войскъ.

Селимъ-паша, по свѣдѣніямъ князя Андронникова, имѣлъ на позиціи 20 баталіоновъ, 13 орудій, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и 14 тысячъ милиціи. По донесенію же французскаго агента въ Трапезундѣ маршалу С.-Арно, турецкій паша имѣлъ 5 баталіоновъ регулярныхъ войскъ, численностью до 5 тысячъ, и 4 тысячи баши-бузуковъ [2]). Будетъ болѣе безошибочно взять среднюю изъ этихъ цифръ, такъ какъ турки въ своихъ донесеніяхъ союзному главнокомандующему всегда старались представить дѣло въ болѣе розовомъ для нихъ свѣтѣ.

Князь Андронниковъ рѣшилъ атаковать турокъ на занимаемой ими позиціи и нанести главный ударъ на ихъ лѣвый флангъ, на командующую всей мѣстностью высоту и, такимъ образомъ, отбросить ихъ отъ пути на Легву и Кобулеты.

4 іюня съ разсвѣтомъ войска выступили изъ Озургетъ по единственной дорогѣ, ведущей изъ города къ границѣ. Вся

---

[1]) См. схему № 47 (папка).

[2]) M-r Poncharra—au maréchal de St-Arnaud, le 23 (11) juin 1854. Парижскій Архивъ.

гурійская и часть пѣшей имеретинской милиціи, долженствовавшія демонстрировать противъ праваго фланга турокъ, пошли влѣво лѣсомъ на Лихауры, а 6 сотенъ пѣшей имеретинской милиціи слѣдовали, также пробираясь лѣсами, правѣе колонны; кавалерія шла въ хвостѣ колонны. Милиція, пройдя развалины крѣпости, раздѣлилась на двѣ части. Одна, подъ начальствомъ поручика милиціи князя Тавдгеридзе, направилась черезъ Какуты, чтобы отрѣзать отступленіе непріятеля, а другая, подъ начальствомъ озургетскаго уѣзднаго начальника титулярнаго совѣтника Мачаваріани,—правѣе первой и въ лѣсу наткнулась на баши-бузуковъ. Послѣ получасовой жаркой перестрѣлки непріятель очистилъ опушку, и милиція гнала его до верхняго лагеря, откуда была встрѣчена огнемъ баталіона и картечью двухъ горныхъ орудій. Мачаваріани стремительно бросился въ шашки и кинжалы. Турецкая пѣхота не выдержала и бѣжала, оставивъ въ рукахъ побѣдителя орудіе, знамя и груду тѣлъ. Въ то же время и князь Тавдгеридзе, быстро наступая на правый флангъ турецкой позиціи, оттѣснилъ противника за оврагъ къ самому лагерю и, спустившись къ рѣкѣ Чолокъ, занялъ горную дорогу къ деревнѣ Нацхватели. Пѣхота, услышавъ перестрѣлку въ милиціи, ускорила, несмотря на узкую лѣсистую дорогу, шагъ, и въ началѣ восьмого часа утра голова колонны подошла къ рѣкѣ Чолокъ.

Дѣло въ Гурійскомъ отрядѣ 27 мая 1854 года.

Непріятель, ожидая нападенія, еще ночью вышелъ изъ лагеря и расположился впереди правымъ флангомъ къ рѣкѣ, а лѣвый примкнулъ къ лѣсистымъ покатостямъ горы Джихенджури. Какъ только наши войска начали выходить на поляну передъ Чолокомъ, то онъ открылъ по нимъ огонь изъ батарейныхъ орудій.

Князь Андронниковъ, во исполненіе своего плана произвести главный ударъ на лѣвый флангъ турокъ, развернулъ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

Правый боевой участокъ генерала Майделя — 4 баталіона [1]), 4 горныхъ орудія и рота саперъ,—разворачивался на правомъ берегу Чолока, правѣе дороги, и, перейдя рѣку въ бродъ, долженъ былъ атаковать лѣвый флангъ турецкой позиціи, т.-е. командующую высоту, которая ночью еще не была занята противникомъ.

Лѣвый участокъ генерала Бруннера—4 баталіона [2]), 4 горныхъ орудія и рота саперъ, разворачивался влѣво отъ дороги и, переправившись отчасти по мосту, отчасти въ бродъ черезъ рѣку, долженъ былъ наступать на ближайшее къ Чолоку турецкое укрѣпленіе.

Резервъ полковника Карганова—3 баталіона и 10 орудій [3])—располагался за серединой.

Кавалерія въ походной колоннѣ стояла у дороги за резервомъ.

Генералы Майдель и Бруннеръ перестроили свои отряды на правомъ берегу Чолока, подъ сильнымъ огнемъ, въ боевой порядокъ въ двѣ линіи баталіоновъ, имѣя артиллерію между баталіонами и саперъ сзади. Послѣ этого генералъ Майдель перешелъ въ бродъ рѣку и началъ принимать вправо, чтобы очистить мѣсто участку генерала Бруннера, когда онъ перейдетъ на лѣвый берегъ Чолока. Батарея изъ резерва на рысяхъ выѣхала въ центръ боевого расположенія и открыла огонь, къ которому присоединились и горныя орудія обоихъ участковъ.

Чтобы не подвергать войска продолжительному дѣйствію непріятельской артиллеріи, рѣшено было, какъ только боевой порядокъ развернется на лѣвомъ берегу Чолока, атаковать противника участкомъ генерала Майделя. Для усиленія его генералъ Бруннеръ съ баталіонами своей второй линіи долженъ былъ передвинуться съ лѣваго на правый флангъ и поддержать генерала Майделя.

Когда всѣ эти перестроенія закончились, то боевая линія двинулась впередъ, продолжая на походѣ принимать вправо. Движеніе это было совершено въ примѣрномъ порядкѣ, несмотря на убійственный огонь непріятельской артиллеріи. Наши батареи быстро выѣзжали впередъ на позицію, открывали мѣткій огонь и снова брали въ передки. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня генералъ Майдель атаковалъ лѣвый флангъ турокъ. Баталіоны Куринскаго полка, пробѣжавъ черезъ болото и кустарники, ударили

---

[1]) 1-й и 3-й Куринскаго, 1-й и 2-й Литовскаго полковъ.

[2]) 1-й и 4-й баталіоны Брестскаго, 3-й и 4-й баталіоны Литовскаго полковъ.

[3]) 2-й и 3-й Брестскаго и 4-й Бѣлостокскаго полковъ, легкая № 1 батарея 13-й артиллерійской бригады.

въ штыки и ворвались въ лагерь, а литовскіе баталіоны обошли флангъ противника и довершили пораженіе первой линіи турокъ.

Селимъ-паша выслалъ для поддержки лѣваго фланга весь свой резервъ и встрѣтилъ наступавшія колонны картечью и батальнымъ огнемъ пѣхоты. Куринцы, понеся огромныя потери, немного подались назадъ. Тогда князь Андронниковъ рѣшилъ произвести общее наступленіе. Батарея вынеслась впередъ и осыпала непріятеля картечью. Пять баталіоновъ кинулось вслѣдъ за куринцами въ штыки, казаки понеслись въ охватъ обоихъ фланговъ, а грузинская конная дружина обскакала турокъ съ тыла и изрубила непріятельскій баталіонъ. Турки упорно оборонялись въ своихъ завалахъ, но, выбитые оттуда штыками и шашками, обратились въ бѣгство.

Князь Андронниковъ, оставя на полѣ сраженія наиболѣе потерпѣвшія войска, отправилъ для преслѣдованія разбитаго непріятеля генерала Бруннера съ 4½ баталіонами и 4 горными орудіями, вслѣдъ за которымъ двинулся и полковникъ Каргановъ съ 2 баталіонами, 2 горными орудіями и грузинской милиціей. Турокъ гнали до селенія Легвы, пока они совершенно не разсѣялись; милиція же преслѣдовала еще верстъ на десять дальше.

Принявъ на себя въ Легвѣ возвращавшуюся кавалерію, генералъ Бруннеръ отошелъ на главныя силы, и весь отрядъ вернулся въ Озургеты, на прежнюю позицію, занявъ постами пѣшей милиціи линію Чолока и поставивъ кавалерію передъ Озургетами.

Трофеями этой славной побѣды были 13 орудій, множество знаменъ, три укрѣпленныхъ лагеря со всѣмъ имуществомъ турокъ и массы плѣнныхъ, которыхъ цѣлыми толпами приводили наши милиціонеры. Потери турокъ доходили до 5 тысячъ [1]), въ томъ числѣ были ранены Селимъ-паша и начальникъ баши-бузуковъ Ахметъ-паша; почти вся ихъ милиція разбѣжалась по домамъ. Наши потери были также велики и доходили до 1.500 человѣкъ, въ томъ числѣ былъ раненъ бывшій начальникъ Гурійскаго отряда князь Гагаринъ [2]).

Пораженіе Селима-паши произвело на турокъ и ихъ союзниковъ удручающее впечатлѣніе. Сераскиръ обвинялъ Селима-пашу, который, вопреки категорически даннаго ему приказанія обороняться,

---

[1]) По турецкимъ источникамъ.

[2]) Куринск. п. на Кавказѣ. Рукоп. Подвиги нижн. чин. Литовск. п. Рукоп. Донесеніе кн. Андронникова. Арх. Шт. в. Кавк. воен. окр. Донесеніе сераскира марш. С.-Арно и этого послѣдняго воен. мин. Парижскій Архивъ, и проч.

самовольно перешелъ изъ Озургетъ въ наступленіе [1]). По словамъ маршала С.-Арно, это былъ турецкій генералъ хорошаго закала и горячаго военнаго характера. Французскій главнокомандующій принужденъ былъ, чтобы прійти на помощь Батумской арміи, немедленно отправить къ Селиму-пашѣ находившіеся въ его распоряженіи полкъ турецкой пѣхоты и двѣ батареи. Нѣсколько турецкихъ фрегатовъ, подъ конвоемъ французскаго „Вобана“, повезли это подкрѣпленіе къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря [2]). Духъ Анатолійской арміи послѣ пораженія Селима-паши сильно упалъ. Надежда у всѣхъ была на Батумскій отрядъ, отъ котораго ожидали самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ, а, главное, на непремѣнное соединеніе съ Шамилемъ и совмѣстныя съ нимъ дѣйствія. Вѣсть о совершенномъ разбитіи Селима-паши принесла полное разочарованіе, и „самые рѣшительные недоброжелатели „Россіи не надѣялись болѣе на возможность наступательныхъ „операцій“ [3]). Объ ужасномъ положеніи Анатолійской арміи послѣ побѣды князя Андронникова свидѣтельствовали и союзники [4]). „Карсская армія“, доносилъ французскій консулъ въ Трапезундѣ маршалу С.-Арно [5]), „представляетъ очень печальную картину, и „можно быть увѣреннымъ, что, если къ ней не явится на по- „мощь корпусъ союзныхъ войскъ, то первое же столкновеніе ей „грозитъ полнымъ пораженіемъ“.

Къ сожалѣнію, наши власти на Кавказѣ смотрѣли нѣсколько иначе на положеніе турокъ, невзирая на весьма правдивыя донесенія русскихъ пограничныхъ консуловъ и агентовъ. „Князь „Андронниковъ боленъ“, писалъ генералъ Реадъ князю Бебутову [6]), „и переѣзжаетъ на пользованіе въ Боржомъ. Дѣла тамъ не въ „очень хорошемъ положеніи; люди чрезвычайно болѣютъ и въ „Кутаисѣ болѣе 3.300 человѣкъ въ госпиталѣ. Все вниманіе „тамъ обращено теперь на Абхазію, гдѣ Сефиръ-бей и Магометъ- „Аминь дѣйствуютъ заодно, чтобы двинуть туда сильную экс- „педицію горцевъ... Магометъ-Аминь пріѣзжалъ на англійскомъ „пароходѣ въ Сухумъ для совѣщаній. Турки укрѣпились и око-

---

[1]) Le séraskier—au maréchal de St-Arnaud le 29 (17) juin 1854. Парижскій Архивъ.

[2]) Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 9 juillet (27 juin) 1854. Парижскій Архивъ.

[3]) Изъ донесенія русскаго консула въ Тавризѣ кн. Бебутову 22 іюня 1854 г., № 645. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

[4]) Le maréchal de St-Arnaud—au ministre de la guerre le 7 juillet 1854. Парижск. Архивъ.

[5]) M-r Poncharra—au maréchal de St-Arnaud le 23 (11) juin 1854. Парижскій Архивъ.

[6]) Ген. Реадъ — кн. Бебутову 21 іюня 1854 г. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

„пались въ Редутъ-Кале, но оттуда до сихъ поръ ничего не пред-„принимали. Пароходы безпрестанно крейсеруютъ отъ Батума въ „Редутъ и Сухумъ-Кале, и это болѣе всего производитъ тревож-„ное положеніе въ этомъ краѣ".

Такое впечатлѣніе на Кавказѣ произвела посылка маршаломъ С.-Арно полка пѣхоты и двухъ батарей и несвязныя демонстраціи Магомета-Аминя. И, по обыкновенію, только Императоръ Николай попрежнему здраво смотрѣлъ на положеніе дѣлъ. „Sa „Majesté", писалъ князь Долгоруковъ генералу Реаду [1]), „attend „avec la plus vive impatience la nouvelle de l'ouverture des opé-„rations offensives du prince Beboutow. Tous les renseignements s'ac-„cordent à constater que le corps turc de Kars est très désorganisé. „Un coup de vigueur de ce côté est fort désirable".

Побѣдоносныя войска Гурійскаго отряда также находились подъ впечатлѣніемъ преувеличенныхъ слуховъ о подходѣ на восточный берегъ Чернаго моря сильныхъ подкрѣпленій со стороны морскихъ державъ и о готовности къ серьезнымъ операціямъ со стороны Магомета-Аминя. Поэтому тамъ рѣшено было обратиться исключительно къ оборонѣ Ріонскаго края.

Князь Багратіонъ-Мухранскій, замѣнившій раненаго въ сраженіи при Чолокѣ князя Гагарина и заболѣвшаго князя Андронникова, остановился на слѣдующемъ, утвержденномъ Государемъ, планѣ дѣйствій. Онъ исходилъ изъ заключенія, что при „подавляющемъ превосходствѣ силъ союзниковъ", при обладаніи ими моремъ, которое давало возможность непріятелю высадить въ каждомъ пунктѣ черноморскаго побережья превосходныя силы раньше, чѣмъ мы узнаемъ объ его намѣреніяхъ, мы не въ состояніи предупредить наступленія союзниковъ, которое можетъ быть одновременно или порознь со стороны Абхазіи, Редутъ-Кале и Кобулета. Поэтому намъ оставалось лишь занять такую стратегическую позицію, съ которой можно было бы парализовать наступленіе противника или, по крайней мѣрѣ, задержать его до подхода подкрѣпленій изъ Грузіи. Лучше всего этому условію удовлетворяла мѣстность на лѣвомъ берегу рѣки Цхени-Цхали около селенія Марани (Орпири). Но, стягивая сюда всѣ силы, мы отдавали находившіяся на флангахъ Гурію и Мингрелію безъ боя, чего также нельзя было сдѣлать безъ риска уронить престижъ Россіи въ единовѣрныхъ и преданныхъ правительству странахъ.

---

[1]) Кн. Долгоруковъ — ген. Реаду 11 іюня 1854 г. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.

Князь Багратіонъ рѣшилъ поэтому образовать два небольшихъ отряда—гурійскій и мингрельскій, а въ центрѣ между ними поставить общій резервъ, устроивъ между отдѣльными частями своего отряда хорошіе пути сообщенія. Мингрельскій отрядъ, силою въ $5^3/_4$ баталіона, расположился въ Зугдидахъ и Хетахъ; гурійскій, силою въ $4^3/_4$ баталіона,—на Акетскихъ высотахъ, и главныя силы, $6^1/_2$ баталіоновъ, были стянуты къ мѣстечку Сортіани, лежащему въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ отрядовъ. Въ концѣ іюля войска заняли новыя мѣста, и этимъ окончилась здѣсь кампанія 1854 года.

Не менѣе успѣшны были наши дѣйствія и на лѣвомъ флангѣ въ Эриванскомъ отрядѣ.

Какъ извѣстно, первоначально на этотъ отрядъ была возложена задача наблюдательная; онъ долженъ былъ охранять Эриванскую губернію отъ непріятельскихъ покушеній, включая сюда и Сурмалинскій участокъ, находившійся на правомъ берегу Аракса. Поэтому баронъ Врангель сосредоточилъ въ началѣ мая, какъ только переправа черезъ Араксъ послѣ весеннихъ разливовъ стала возможна, свой отрядъ на берегу этой рѣки, у селенія Амарата. Здѣсь въ теченіе долгой стоянки были приняты мѣры къ устройству отряда и къ обезпеченію его всѣмъ необходимымъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя, впрочемъ, не разрѣшено было начинать, пока ихъ не откроетъ Александропольскій отрядъ.

Наконецъ, 15 іюня было получено отъ князя Бебутова увѣдомленіе, что онъ со своимъ корпусомъ переходитъ Арпачай, почему и Эриванскому отряду предписывалось произвести наступленіе до селенія Игдыря, или даже до Орговскаго поста, и маневрировать на этомъ пространствѣ, показывая видъ, что мы хотимъ перейти турецкую границу, но на самомъ дѣлѣ ее не переходить.

18 іюня отрядъ, состоявшій изъ пяти неполныхъ баталіоновъ, 12 орудій, 9 сотенъ казаковъ и 9 сотенъ милиціи, перешелъ къ Игдырю, гдѣ и расположился лагеремъ, имѣя впереди кавалерію и за ней пѣхоту.

22 іюня баронъ Врангель рѣшилъ произвести частью силъ демонстрацію къ Орговскому посту, а, можетъ быть, и дальше, къ турецкой границѣ, чтобы внушить туркамъ болѣе сильное убѣжденіе въ намѣреніи нашемъ вторгнуться въ ихъ предѣлы. Вечеромъ 3 баталіона, 8 орудій и 10 сотенъ скрытно выступили изъ Игдыря по Орговской дорогѣ, переночевали на посту и

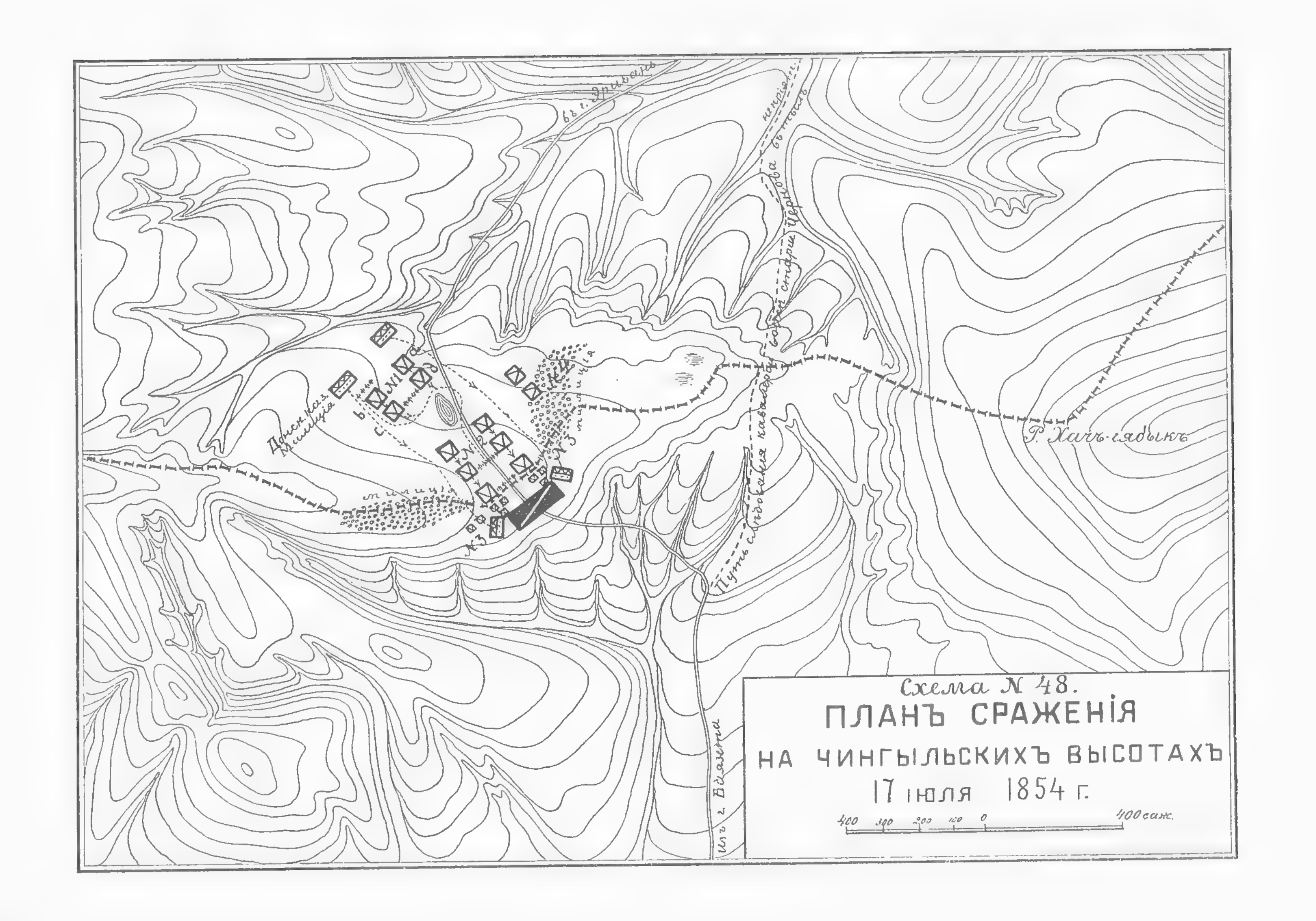


Схема № 48.
ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
НА ЧИНГЫЛЬСКИХЪ ВЫСОТАХЪ
17 іюля 1854 г.
400 300 200 100 0 400 саж.
Р. Хачъ-гядыкъ
Путь свободная кавалерія бояла старо Черкова въ тыль
непрія...
въ г. Эривань
Изъ г. Баязета
Донск. каз. милиція
№ 1
№ 2
№ 3
№ 3 милиція
милиція

утромъ хотѣли направиться далѣе къ турецкой границѣ, но на ней были обнаружены толпа баши-бузуковъ и непріятельскій баталіонъ. Баронъ Врангель остановился, чтобы выждать дѣйствія турокъ, но и тѣ оставались на границѣ, не имѣя, видимо, намѣренія насъ атаковать. Послѣ этого нашъ отрядъ, простоявши нѣсколько часовъ у Орговскаго поста, отошелъ къ Игдырю, преслѣдуемый баши-бузуками.

Демонстрація эта собственно достигла обратныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, на которые разсчитывалъ баронъ Врангель; она показала туркамъ ничтожество нашихъ силъ и отсутствіе желанія наступать и даже просто принять бой. Но въ то же время она прибавила нашему врагу самомнѣнія и въ будущемъ помогла намъ вовлечь турокъ въ желательный для насъ бой.

Послѣ этого дѣла отрядъ до половины іюля стоялъ у Игдыря въ бездѣйствіи.

Въ началѣ іюля баронъ Врангель получилъ отъ князя Бебутова отвѣтъ на свою просьбу разрѣшить ему перейти непріятельскую границу, при чемъ онъ свое желаніе мотивировалъ какъ тѣмъ, что разбитіемъ Баязетскаго корпуса онъ лучше всего обезпечитъ Эриванскую губернію отъ вражескихъ покушеній, такъ и тѣмъ, что для отряда надо было выискать на періодъ наступающаго жаркаго времени болѣе выгодную въ гигіеническомъ отношеніи стоянку. Князь Бебутовъ не воспрепятствовалъ барону Врангелю дѣйствовать наступательно, если онъ находилъ возможнымъ это сдѣлать со своимъ небольшимъ отрядомъ, но выражалъ надежду, что, благодаря этому, Эриванская губернія не останется безъ защиты.

Баронъ Врангель, надѣясь вызвать на бой турецкій корпусъ Селима-паши [1]), который, какъ было извѣстно, вышелъ изъ Баязета и расположилъ свои войска въ долинѣ, верстахъ въ шести отъ перевала черезъ пограничный хребетъ Агри-дагъ, рѣшилъ выступить съ отрядомъ изъ Игдыря вечеромъ 16 іюля, чтобы на разсвѣтѣ занять перевалъ и тѣмъ предупредить турокъ. Всѣ приготовленія дѣлались въ большой скрытности, а произведенная раньше рекогносцировка дороги до перевала обезпечивала успѣхъ ночного марша.

Выступленіе должно было начаться въ восемь часовъ вечера. Впереди колонны направлялась конница, 7 сотенъ казаковъ и

---

[1]) Одноименный съ начальникомъ Батумскаго отряда.

7 сотенъ милиціи; за ними въ двухъ верстахъ пѣхота, имѣя артиллерію между баталіонами, далѣе обозы и за ними въ прикрытіи сотня казаковъ и сотня армянъ. Орговскаго поста отрядъ долженъ былъ достигнуть еще въ темнотѣ, а съ разсвѣтомъ двинуться къ перевалу, до котораго оставалось 9 верстъ.

Отъ Орговскаго поста кавалерія должна была двинуться въ трехъ колоннахъ, имѣя правую на колесной дорогѣ, по которой слѣдовалъ отрядъ. Кавалерія должна была занять три вершины, которыя доминировали надъ переваломъ, и удерживать ихъ въ своихъ рукахъ до прохода пѣхоты, послѣ чего собраться за флангами этой послѣдней.

Войска были обезпечены продовольствіемъ на 4 дня, а прочіе обозы и парки были оставлены въ Игдырѣ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ.

Съ самаго начала движенія мелкія неудачи преслѣдовали отрядъ Врангеля. Пошелъ дождь, дороги попортились, и отрядъ могъ собраться у Орговскаго поста, когда уже разсвѣло, т.-е. скрытность сосредоточенія на половину была потеряна. Кавалеріи поэтому не удалось предупредить баши-бузуковъ въ занятіи двухъ правыхъ вершинъ, и только войсковому старшинѣ Чернову удалось разбить партію курдовъ и занять лѣвую, наименѣе важную для нашего отряда высоту. Но Черновъ увлекся преслѣдованіемъ отходившихъ курдовъ, наскочилъ въ долинѣ на слѣдующій ихъ, болѣе многочисленный, отрядъ и долженъ былъ отойти на высоту, потерявъ нѣсколько человѣкъ. Этотъ маленькій эпизодъ былъ роковымъ для Селима-паши. Получивъ отрубленныя головы нашихъ раненыхъ, онъ такъ воодушевился, что измѣнилъ прежнему своему рѣшенію не предпринимать боя и отдалъ приказаніе своему отряду итти навстрѣчу русскимъ. Такому рѣшенію содѣйствовали также показавшіяся турецкому пашѣ нерѣшительными наши дѣйствія при демонстраціи къ Орговскому посту 23 іюня.

Хотя турецкая кавалерія, а вслѣдъ за ней и иррегулярная пѣхота постепенно усиливались на высотахъ, но нашей конницѣ удалось, пробираясь подъ дальнимъ огнемъ турокъ, перевалить черезъ хребетъ и занять по ту его сторону небольшое озеро Джанъ-гёлъ или Чинъ-гинъ [1]); оно имѣло большое значеніе, какъ единственный въ окрестностяхъ поля сраженія источникъ воды при наступавшей тропической жарѣ.

---

[1]) См. схему № 48, стр. 1159.

Наша пѣхота, отдохнувши немного на Орговскомъ посту, выступила оттуда въ 8 часовъ утра. Хотя погода прояснилась, но размокшая дорога, крутые подъемы и наступившая жара сдѣлали этотъ девятиверстный переходъ крайне затруднительнымъ; люди, ослабѣвшіе отъ лихорадокъ, падали по дорогѣ, какъ мухи, и сильно утомленный и ослабленный отсталыми отрядъ прибылъ къ озеру лишь въ полдень.

Баронъ Врангель, видя чрезмѣрное утомленіе войскъ, рѣшилъ оставить на позиціи, не доходя двухъ верстъ до перевала, часть отряда, въ составѣ баталіона, четырехъ орудій и двухъ сотенъ, со всѣмъ обозомъ, чтобы опереться на него въ случаѣ необходимости отступленія. Такимъ образомъ, на перевалѣ собралось 4 слабыхъ баталіона пѣхоты, 8 орудій и 12 сотенъ кавалеріи, общей численностью до 3000 человѣкъ. Но намъ все-таки удалось предупредить турокъ, регулярная пѣхота которыхъ и артиллерія еще не подошли.

Начальникъ отряда рѣшилъ дать небольшой отдыхъ своимъ утомленнымъ войскамъ около озера Джанъ-гёлъ. Баталіоны построились въ двѣ линіи ближе къ отлогостямъ правыхъ высотъ, чтобы отклониться отъ огня баши-бузуковъ, занимавшихъ лѣвыя высоты, составили ружья и, утоливъ жажду и голодъ, заснули подъ прикрытіемъ цѣпи штуцерныхъ, высланныхъ влѣво противъ баши-бузуковъ. Это оригинальное, но въ данной обстановкѣ необходимое положеніе отряда на отдыхѣ подъ огнемъ противника, когда для нѣкоторыхъ сонъ отдохновенія переходилъ въ вѣчный сонъ, продолжалось до подхода главныхъ силъ Селима-паши.

Въ исходѣ перваго часа дня наши посты стали доносить о приближеніи турецкой пѣхоты и артиллеріи, и вскорѣ Селимъ-паша развернулъ свой боевой порядокъ по ту сторону озера, поперекъ дороги, въ разстояніи около тысячи шаговъ отъ насъ. Пѣхота стала въ двѣ линіи баталіоновъ, имѣя 4 орудія въ первой линіи, а баши-бузуки—на флангахъ, подъ прямымъ угломъ къ пѣхотѣ. Всего у Селима-паши было около 12 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 5 тысячъ регулярныхъ войскъ [1]).

Въ часъ дня началась артиллерійская перестрѣлка, при чемъ съ нашей стороны отвѣчало 4 орудія, выдвинутыя вправо отъ расположенія пѣхоты и прикрытыя казаками и болотомъ.

---

[1]) Французскій консулъ въ Трапезундѣ—послу въ Константинополь 12 августа (31 іюля) 1854 г. Парижскій Архивъ.

Тѣмъ временемъ отрядъ нашъ отдохнулъ, и къ нему успѣли подтянуться отставшіе на походѣ люди.

Баронъ Врангель рѣшилъ атаковать на много превосходнаго противника и приказалъ подтянуться оставленному въ тылу резерву. Но атака турокъ представляла въ данномъ случаѣ дѣло особенно тяжелое, въ виду принятаго ими расположенія. Двигаясь противъ центра, мы оставляли влѣво на трудно доступныхъ высотахъ массу баши-бузуковъ, которые изъ-за заваловъ могли поражать наши наступающія колонны своимъ огнемъ и отрѣзать намъ въ случаѣ неудачи путь отступленія. Атаковать же первоначально баши-бузуковъ было невозможно, такъ какъ на своей позиціи они были почти неприступны; приходилось потратить на это очень много времени, утомить войска и все время находиться подъ угрозой атаки центра непріятельскаго боевого порядка.

Поэтому баронъ Врангель рѣшилъ энергично атаковать центръ, пройдя мимо баши-бузуковъ и не обращая вниманія на ихъ огонь, который, благодаря дурнымъ ружьямъ, не могъ быть дѣйствительнымъ. Баталіоны по одному двинулись впередъ по лѣвому берегу озера, имѣя 4 орудія за головнымъ баталіономъ, и начали быстро наступать подъ прикрытіемъ огня оставшихся пока на прежней позиціи остальныхъ четырехъ орудій. Пройдя озеро, баталіоны и артиллерія разворачивались вправо, чтобы дать мѣсто сзади идущимъ частямъ, а также, чтобы уклониться отъ огня баши-бузуковъ. Когда на противоположномъ берегу озера боевой порядокъ вновь построился въ двѣ линіи, то войска быстро начали наступать на турецкую позицію, подъ прикрытіемъ переѣзжавшей по-эшелонно съ позиціи на позицію артиллеріи и огня штуцерныхъ.

Первоначально турки, когда мы начали становиться въ ружье, полагали, что, по примѣру 23 іюня, мы начнемъ отступать, а поэтому были совершенно ошеломлены, увидя наше энергичное наступленіе. Когда баталіоны первой линіи пошли уже въ штыки, то казаки вынеслись въ карьеръ изъ-за обоихъ фланговъ и ударили на турокъ вмѣстѣ съ первой линіей пѣхоты. Рукопашный бой продолжался лишь нѣсколько минутъ, такъ что вторая линія не успѣла даже принять въ немъ участія, и турки обратились въ полное бѣгство. Такимъ образомъ, центръ противника былъ прорванъ, а иррегулярныя войска, находившіяся на флангахъ, на высотахъ, совершенно отрѣзаны. Баронъ Врангель послалъ кавалерію преслѣдовать бѣгущій центръ, а баталіоны второй линіи

направилъ въ ротныхъ колоннахъ атаковать съ тыла и фланговъ баши-бузуковъ, отрѣзанныхъ на высотахъ. Здѣсь турки засѣли за камнями и по мѣрѣ наступленія нашихъ войскъ подымались все выше. Ротамъ съ громаднѣйшимъ трудомъ, пробивая себѣ часто дорогу штыкомъ и пулей, пришлось карабкаться до самой вершины, гдѣ они покончили съ противникомъ.

Результатомъ сраженія было полное пораженіе отряда Селима-паши; 4 орудія, 3 зарядныхъ ящика, нѣсколько знаменъ, масса боевыхъ и другихъ запасовъ, а также два турецкихъ лагеря достались въ руки побѣдителей.

Болѣе 2000 непріятельскихъ труповъ осталось на полѣ сраженія; вся же потеря ихъ превосходила 3000 человѣкъ. Наши потери достигали 400 человѣкъ, и въ томъ числѣ въ началѣ боя былъ раненъ и баронъ Врангель, который до окончанія сраженія не позволилъ сдѣлать себѣ даже перевязку. Впрочемъ, въ виду незначительной силы отряда, въ особенности по сравненію съ противникомъ, выносъ раненыхъ до окончанія боя вообще былъ воспрещенъ.

Кавалерія преслѣдовала непріятеля на протяженіи трехъ верстъ, послѣ чего была, въ виду чрезмѣрнаго утомленія коней, остановлена, и отрядъ расположился на ночлегъ бивакомъ на мѣстѣ турецкой позиціи, откуда была видна вся Баязетская долина.

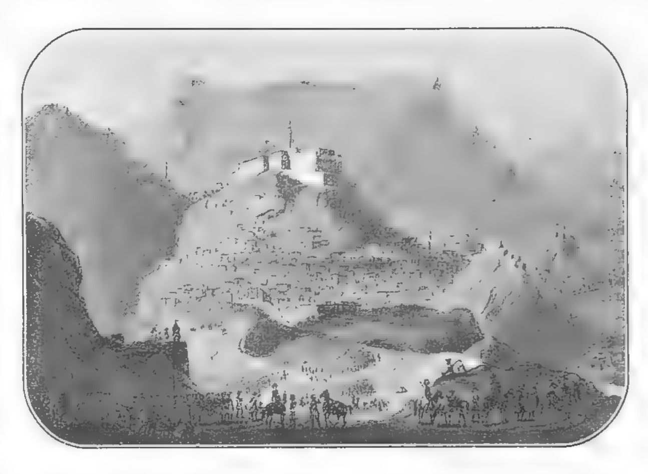
Турки очистили Баязетъ и продолжали свое безостановочное бѣгство къ Вану, комендантъ котораго отказался впустить ихъ въ городъ. Виновникомъ пораженія считали Селима-пашу, который первый обратился въ бѣгство съ поля сраженія.

На слѣдующій день отрядъ барона Врангеля двинулся къ Баязету, который былъ занятъ 19-го числа. Въ этомъ городѣ захвачены были громаднѣйшіе запасы пороху, снарядовъ и продовольствія, а также 3 орудія.

Однако, начальникъ отряда не счелъ возможнымъ при недостаткѣ имѣвшихся у него силъ, оставаться въ Баязетѣ и, уничтоживъ запасы, которыхъ онъ не могъ взять съ собой, 22 іюля выступилъ оттуда съ цѣлью расположиться ближе къ нашимъ предѣламъ и тѣмъ лучше обезпечить Эриванскую губернію. Онъ выбралъ мѣстомъ стоянки Абазъ-гёльскій перевалъ, имѣя между прочимъ цѣлью господствовать надъ главнымъ караваннымъ путемъ изъ Персіи и въ то же время своимъ движеніемъ по направленію къ Карсу оказать содѣйствіе Александропольскому отряду. У Абазъ-гёльскаго перевала баронъ Врангель простоялъ до сен-

тября мѣсяца, когда перешелъ къ Каравансарайскому перевалу, лучше прикрывавшему Эривань.

Союзникамъ занятіе нами Баязета было крайне непріятно, въ особенности потому, что оно дѣлало невозможной сухопутную торговлю Англіи съ Персіей и, по подсчету лорда Редклифа, должно было принести Англіи убытку только за одинъ годъ 60 милліоновъ рублей. Они успокоились только тогда, когда мы вновь вошли въ наши предѣлы.



Баязетъ.

Императоръ Николай встрѣтилъ съ радостью вѣсть о побѣдѣ подъ Баязетомъ, тѣмъ болѣе, что она должна была воздѣйствовать въ благопріятную для насъ сторону и на колеблющуюся Персію. Баронъ Врангель, которому всецѣло принадлежала честь побѣды, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени [1]).

IV.

15 іюня князь Бебутовъ началъ съ Александропольскимъ отрядомъ наступательное движеніе за Арпачай, съ цѣлью отойти впередъ на 2-3 перехода, войти въ предѣлы Турціи и занять выжидательное положеніе на выгодной позиціи. Такое расположеніе князь Бебутовъ считалъ наиболѣе выгоднымъ для обезпеченія нашихъ границъ и, не полагая пока, какъ извѣстно, возможнымъ наступать къ Карсу, онъ разсчитывалъ выдвиженіемъ въ турецкіе предѣлы заставить непріятеля атаковать его корпусъ, принять бой и разбить турокъ.

---

[1]) Рапорты бар. Врангеля кн. Бебутову отъ 18, 20 и 26 іюля 1854 г., №№ 1148, 1153 и 1171. Арх. шт. Кавк. воен. окр. Исторіи полковъ.

Литухинъ: Русскіе въ Азіатской Турціи.

Tanski—au maréchal de St-Arnaud, le 31 (19) août 1854. Консулъ въ Трапезундѣ — французскому послу въ Константинополѣ 12 августа (31 іюля) 1854 г. Парижскій Архивъ.

Одновременно съ этимъ князь Бебутовъ отдалъ уже извѣстное распоряженіе Эриванскому отряду барона Врангеля перейти къ Оргову или Игдырю, чтобы своими демонстраціями развлекать вниманіе непріятеля. Начальнику же Ахалкалакскаго отряда онъ предписалъ, въ случаѣ вторженія турокъ въ его участокъ въ значительныхъ силахъ, не вступать съ ними въ бой, а, усиливъ гарнизонъ Ахалкалакъ, отступать по направленію къ Цалкѣ и далѣе, до урочища Маглиса, удерживая непріятеля на всѣхъ удобныхъ для этого позиціяхъ.

Александропольскій отрядъ выступилъ, имѣя во главѣ князя Бебутова и вновь назначеннаго ему помощникомъ князя Барятинскаго, въ составѣ 17 баталіоновъ [1]), 26 эскадроновъ драгунъ, 72 орудій, 14 сотенъ казаковъ и 14 сотенъ вновь набранной весною милиціи [2]). Въ Александрополѣ же были, кромѣ линейнаго баталіона, оставлены еще $2\frac{1}{4}$ баталіона, 4 орудія и $1\frac{1}{2}$ сотни казаковъ [3]).

20 іюня корпусъ перешелъ черезъ Карсъ-чай и остановился на ночлегъ въ 10 верстахъ отъ этой рѣки, между селеніями Палдерваномъ и Кюрюкъ-Дара [4]), примыкая лѣвымъ флангомъ къ подошвѣ горы Кара-Ялъ. До турецкаго лагеря у селенія Хаджи-Вали оставалось около 15 верстъ.

Здѣсь Александропольскій отрядъ простоялъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ турецкой арміей свыше мѣсяца, не предпринимая ничего рѣшительнаго. Ни двѣ побѣды князя Андронникова въ Гуріи, ни оказавшіяся впослѣдствіи совершенно вѣрными свѣдѣнія, получаемыя изъ Петербурга и отъ нашихъ пограничныхъ консуловъ, о разстройствѣ Анатолійской арміи турокъ, ни, наконецъ, настоятельныя требованія Императора Николая не могли заставить князя Бебутова предпринять дальнѣйшее наступленіе. Ссылаясь на то, что собираемыя имъ свѣдѣнія о положеніи непріятельской арміи совершенно не соотвѣтствуютъ составленному въ Петербургѣ мнѣнію объ ея разстройствѣ, онъ упорно отказывался итти со своимъ уменьшеннымъ противъ первыхъ предположеній отрядомъ впередъ. Князь Бебутовъ боялся, а отчасти и предугадывалъ, что Зафиръ-паша не приметъ боя въ полѣ, отойдетъ къ Карсу или даже за него, и Александропольскому отряду при-

---

1) См. Приложеніе № 187.
2) Рапортъ кн. Бебутова ген. Реаду 13 іюня 1854 г., № 103. Арх. шт. Кавк. воен. окр.
3) Кн. Бебутовъ — ген. Шульцу 14 іюня 1854 г., № 104. Тамъ же.
4) См. схему № 49 (папка).

дется обложить эту крѣпость и быть, кромѣ того, готовымъ дать отпоръ турецкой арміи, если бы она двинулась на выручку крѣпости. Для такихъ дѣйствій командовавшій корпусомъ не признавалъ свой отрядъ достаточно сильнымъ. Вообще, читая всю переписку князя Бебутова, относящуюся къ тому времени, можно составить о немъ мнѣніе, какъ о генералѣ, не обладавшемъ необходимой рѣшимостью въ составленіи и исполненіи широкихъ стратегическихъ задачъ. Это былъ отличный генералъ поля сраженій, но не театра военныхъ дѣйствій. На полѣ битвы онъ обладалъ завидной рѣшимостью, энергіей и упрямствомъ, а также способностью быстро оріентироваться и намѣтить слабую точку противника, куда слѣдуетъ нанести ударъ. Стратегическія же операціи, очевидно, были князю Бебутову не по плечу; у него не было широкаго размаха мысли, строго и опредѣленно установившагося въ данной обстановкѣ взгляда и рѣшимости въ достиженіи главной, наиболѣе существенной цѣли, не отвлекаясь побочными и мелкими задачами. Стратегическія комбинаціи князя Бебутова отличались осторожностью и заключались въ желаніи заставить непріятеля дать бой въ выгодной для него, князя Бебутова, обстановкѣ, не заботясь о томъ, чтобы это дорогое на войнѣ средство произвело существенное вліяніе и на ходъ всей кампаніи. Не мудрено поэтому, что каждая побѣда Александропольскаго отряда не производила на англо-французовъ серьезнаго впечатлѣнія, такъ какъ эти побѣды оказывали весьма малое вліяніе на ходъ всей кампаніи. И нельзя не согласиться съ основательностью ироническаго замѣчанія графа Граббе, сдѣланнаго имъ послѣ полученія извѣстія о взятіи барономъ Врангелемъ Баязета. „Наконецъ-то“, занесъ онъ въ свою записную книжку, „успѣхъ съ послѣд-„ствіями, кромѣ трофеевъ“ [1]).

Во время продолжительной стоянки у Кюрюкъ-Дара князь Бебутовъ велъ оживленную переписку объ усиленіи войскъ, находившихся подъ его командой. Въ противорѣчіе съ раньше высказаннымъ мнѣніемъ, что Ардагана не стоитъ брать прежде Карса, такъ какъ паденіе этого послѣдняго повлечетъ за собой и паденіе перваго, князь Бебутовъ, находясь уже на позиціи у Кюрюкъ-Дара, поднялъ вопросъ о томъ, что его наступленію на Карсъ должно предшествовать занятіе Ардагана. Съ этой цѣлью онъ

---

[1]) Изъ зап. кн. гр. Граббе 5 августа 1854 г. Русск. Арх., 1889 г., т. II.

просилъ [1]) подчинить ему Ахалцыхскій отрядъ и усилить его 4 баталіонами изъ Гуріи. Тогда отрядъ этотъ могъ бы, оставивъ 5 баталіоновъ для прикрытія Ахалцыха, самостоятельно дѣйствовать съ остальными 7-ю баталіонами противъ Ардагана; князь же Бебутовъ съ своей стороны оказалъ бы ему поддержку. Послѣ же взятія Ардагана два баталіона предполагалось оставить въ немъ гарнизономъ, два отправить въ Ахалцыхъ для усиленія находившихся тамъ пяти баталіоновъ, а три присоединить къ Александропольскому отряду. Это усиленіе, съ прибытіемъ къ князю Бебутову еще Ряжскаго полка изъ Тифлиса и Александрополя, дало бы ему возможность „рѣшительно наступать и, если бы непріятель заперся „въ Карсѣ, не давъ прежде боя въ открытомъ полѣ, то присту„пить и къ правильной осадѣ этой крѣпости“. Черезъ нѣсколько дней, въ отвѣтъ на сообщенное генераломъ Реадомъ желаніе Государя о наступательныхъ дѣйствіяхъ Александропольскаго отряда, князь Бебутовъ вошелъ съ новымъ предложеніемъ уже совершенно оборонительнаго характера [2]).

Исходя изъ заключенія, что турецкій корпусъ, расположенный у Хаджи-Вали, началъ послѣ прихода нашего отряда въ Кюрюкъ-Дара уменьшаться въ своей численности и отходить подъ стѣны Карса, князь Бебутовъ пришелъ къ заключенію, что турки имѣли намѣреніе завлечь его къ Карсу, удаляя отъ праваго фланга, и дать бой въ невыгодной для насъ обстановкѣ. Не желая предоставить непріятелю подобной выгоды и не считая возможнымъ безъ просимыхъ подкрѣпленій предпринять осаду Карса, князь Бебутовъ попрежнему рѣшилъ оставаться на мѣстѣ, съ цѣлью выманить непріятеля въ открытое поле. Но одновременно съ этимъ онъ затрогивалъ другой вопросъ. До Кавказа уже дошли слухи, что наша Дунайская армія отходитъ на Серетъ. Въ такомъ случаѣ, писалъ князь Бебутовъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Франція и Англія предоставятъ защиту Турціи ея собственнымъ войскамъ, а свои десанты направятъ въ Азіатскую Турцію и, вѣрнѣе всего, въ Батумъ. Отсюда они могутъ дѣйствовать на Ахалцыхъ, Ахалкалаки или въ тылъ Александропольскому отряду. Такая, нарисованная княземъ Бебутовымъ въ одностороннемъ безусловно освѣщеніи, картина вызывала его на мысли не о наступленіи, а объ оборонѣ своихъ предѣловъ.

---

[1]) Кн. Бебутовъ — ген. Реаду 21 іюня 1854 г., № 107. Арх. Шт. Кавк. воен. окр.
[2]) Кн. Бебутовъ — ген. Реаду 28 іюня 1854 г., № 109. Тамъ же.

Интересно замѣтить, что въ то же самое время фактъ отхода нашей Дунайской арміи за Серетъ вызвалъ въ Петербургѣ совершенно противоположный взглядъ на предстоявшія дѣйствія на Кавказѣ. „Нужно, чтобы успѣхъ былъ вполнѣ достигнутъ вами", писалъ князь Долгоруковъ князю Барятинскому [1]), „такъ какъ ваши „удачи могутъ, кромѣ благотворныхъ откликовъ въ горахъ Кав-„каза, принести съ собой сильное отвлеченіе въ наступательныхъ „проектахъ союзниковъ на другихъ пунктахъ театра военныхъ „дѣйствій".

Генералъ Реадъ вполнѣ согласился съ доводами князя Бебутова о необходимости озаботиться объ огражденіи своихъ предѣловъ, а не о наступательныхъ операціяхъ, и испрашивалъ по этому поводу Высочайшихъ указаній [2]).

„Предположенія эти", отвѣчалъ князь Долгоруковъ генералу Реаду [3]), „тѣмъ болѣе удивили Государя Императора, что они „составлены послѣ двухъ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ „войсками Гурійскаго отряда, и, такимъ образомъ, вовсе не со-„отвѣтствуютъ мѣстному положенію дѣлъ на азіатскомъ театрѣ „войны. Событія же, совершавшіяся на Дунаѣ, отнюдь не могутъ „быть поводомъ къ перемѣнѣ нашего плана дѣйствій въ Азіи... „Внимательное обсужденіе общаго положенія дѣлъ, напротивъ „того, побуждаетъ Государя Императора подтвердить и нынѣ „Высочайшія указанія. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы мы открыли „рѣшительныя наступательныя дѣйствія немедленно послѣ перехода „черезъ Арпачай, то турки, захваченные врасплохъ, не успѣли бы „отправить своихъ тяжестей въ Карсъ и подверглись бы мате-„ріальнымъ потерямъ болѣе значительнымъ, нежели тѣ, которыя „мы могли бы теперь имъ нанести. Его Величество тѣмъ менѣе „можетъ себѣ объяснить бездѣйствіе князя Бебутова, что онъ „долженъ знать разстроенное состояніе турецкаго корпуса въ „Карсѣ и... въ такихъ обстоятельствахъ Государь Императоръ „считаетъ себя въ правѣ ожидать, что князь Бебутовъ не замедлитъ „направить ввѣренныя ему войска къ пораженію непріятеля".

Но прежде чѣмъ это предписаніе дошло до Кавказа, князь Бебутовъ нанесъ рѣшительное пораженіе Анатолійской арміи у Кюрюкъ-Дара при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

---

1) Отъ 30 іюня 1854 г. Русск. Арх., 1888 г., кн. 9.

2) Ген. Реадъ — кн. Бебутову 22 іюля 1854 г., № 313. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

3) Военный министръ — ген. Реаду 17 іюля 1854 г., № 493. Арх. Канц. Воен. Мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Муширъ Зафиръ-паша, любимый войсками, сдѣлалъ очень много для приведенія арміи въ порядокъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, но у него не хватало характера поддерживать дисциплину и мѣрами строгости искоренить въ арміи злоупотребленія. Эти недостатки мушира могли быть уменьшены дѣятельностью его начальника штаба Куршида-паши (генералъ Гюйонъ), въ общемъ мало свѣдущаго, но наиболѣе талантливаго изъ всѣхъ иностранныхъ офицеровъ, въ изобиліи наполнявшихъ Анатолійскую армію. Онъ былъ способенъ возстановить дисциплину и придать войскамъ хоть немного боевой обликъ. Въ этомъ встрѣчалась существенная необходимость, такъ какъ армія отличалась тѣмъ, что люди ничѣмъ не занимались и никогда не выходили изъ палатокъ не только для маневровъ, но и для парадовъ. Бездѣятельность выражалась между прочимъ и тѣмъ, что, обладая массой иррегулярной кавалеріи, турецкая армія не имѣла никакихъ свѣдѣній о нашихъ войскахъ; о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ и дѣйствіяхъ въ турецкой главной квартирѣ становилось извѣстно только послѣ того, когда они уже были совершены. Но генералу Гюйону не удалось принести пользы Анатолійской арміи. Среди массы иностранныхъ офицеровъ, вошедшихъ въ составъ этой арміи, царилъ культъ не военнаго искусства, а культъ интригъ, во главѣ котораго стояли польскіе и венгерскіе эмигранты и въ особенности Ареланъ-паша (графъ Быстроновскій). Полковникъ Мёфрей, представитель французскаго главнокомандующаго при муширѣ, предупреждалъ маршала С.-Арно, что при такомъ положеніи надо ждать въ арміи катастрофы, и требовалъ удаленія Арелана-паши [1]).

Въ половинѣ іюня Анатолійская армія была расположена подъ стѣнами Карса, имѣя свой авангардъ у Хаджи-Вали и аванпосты между Карсомъ и Арпачаемъ. Послѣ выдвиженія князя Бебутова къ Кюрюкъ-Дара, баши-бузуки, подъ начальствомъ Измаила-паши (англичанинъ Кмети), отошли къ Ингедери, и авангардъ былъ усиленъ до цѣлой дивизіи. Муширъ рѣшилъ отбросить князя Бебутова на ту сторону Карсъ-чая и потому приказалъ всей своей арміи сосредоточиться къ Хаджи-Вали. Но въ это время онъ получилъ изъ Константинополя повелѣніе оставаться въ оборонительномъ положеніи и, поэтому, несмотря на переходъ нашихъ

---

[1]) Le colonel de Meffrey—au maréchal de St-Arnaud. Kars, le 11 août (30 juillet) 1854. Парижскій Архивъ.

войскъ на турецкую территорію, рѣшилъ удерживаться у Хаджи-Вали, гдѣ и пробылъ до 24 іюля (5 августа).

22-го числа Зафиръ-паша получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о полномъ пораженіи Баязетскаго отряда и о намѣреніяхъ послѣ этого барона Врангеля и князя Бебутова соединиться вмѣстѣ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Анатолійской арміи, при чемъ баронъ Врангель долженъ былъ дѣйствовать во флангъ, по дорогѣ изъ Кагызмана. Въ такихъ обстоятельствахъ муширъ собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что дѣлать. На совѣтѣ было рѣшено, что турецкая армія не могла безъ большого риска оставаться долѣе у Хаджи-Вали и ожидать, пока оба непріятельскихъ корпуса не начнутъ совмѣстныхъ дѣйствій съ разныхъ сторонъ. Необходимо было разстроить планы русскихъ генераловъ, разбить или, по крайней мѣрѣ, поколебать непріятеля, пока возможно было имѣть дѣло съ однимъ изъ его отрядовъ. Муширу оставалось рѣшить только, отходить ли ему къ Карсу и оттуда выслать часть арміи къ Баязету для атаки барона Врангеля, или же атаковать со всей свѣжей арміей корпусъ Бебутова, передъ которымъ его войска такъ долго стояли. Но при выполненіи перваго предположенія часть турецкой арміи оставалась бы передъ Карсомъ лицомъ къ лицу съ болѣе многочисленнымъ противникомъ, и въ то же время противъ Баязета нельзя было бы выслать отряда настолько сильнаго, чтобы быть увѣреннымъ въ побѣдѣ. Поэтому остановились на второмъ предположеніи, и совѣтъ единогласно рѣшилъ всѣми силами атаковать корпусъ Бебутова, такъ какъ пораженіе этого корпуса или хотя бы ослабленіе его уже само собой уменьшало для турокъ опасность соединенія обоихъ русскихъ отрядовъ. Атака была рѣшена на утро 24 іюля (5 августа) [1]).

Полковникъ князь Эристовъ.

[1]) Въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ французскихъ офицеровъ день боя обозначенъ 7 августа н. ст., но они сами жалуются на легкость перепутать числа при дѣйствіи разнообразныхъ календарей.

Мѣстность, занятая нашими войсками, огибалась слѣва хребтомъ Кара-Ялъ, за которымъ находилось Башъ-Кадыкларское поле сраженія. На правомъ нашемъ флангѣ, въ разстояніи двухъ верстъ съ небольшимъ отъ Кара-Яла, находилось селеніе Кюрюкъ-Дара, а нѣсколько правѣе и впереди его довольно обширное болото. Отъ Кара-Яла до турецкаго лагеря у Хаджи-Вали простиралась луговая долина, окаймленная съ правой стороны крутыми берегами Маврякъ-чая, а съ лѣвой высотами хребтовъ Большого и Малаго Ягны. Между Большими Ягнами, на правомъ флангѣ турецкаго лагеря, и Маврякъ-чаемъ, на лѣвомъ флангѣ этого лагеря, мѣстность у селенія Хаджи-Вали образуетъ уступы, на которыхъ турки расположились въ нѣсколько линій, выдвинувъ впередъ всю свою полевую артиллерію.

Неудобства нашего первоначальнаго лагеря въ лощинѣ у Палдервана, гдѣ онъ затоплялся въ дождливую погоду водою, заставили князя Бебутова перевести войска на полторы версты впередъ. Въ первыхъ двухъ линіяхъ стала пѣхота, кромѣ одного полка, расположеннаго у подошвы Кара-Яла; въ 3-й линіи—кавалерія, казаки—на флангахъ, а вагенбургъ—на обрывистомъ холмѣ близъ селенія Палдервана, подъ прикрытіемъ сапернаго баталіона и 10 орудій.

15 іюля наши войска усилились двумя баталіонами Ряжскаго полка и 6-ю орудіями—все, чѣмъ генералъ Реадъ могъ отвѣтить на усиленныя просьбы князя Бебутова о подкрѣпленіи.

Луговая равнина между нами и турками почти посерединѣ была перерѣзана глубокимъ оврагомъ, въ который непріятель высылалъ для ближайшаго наблюденія за нами часть своей кавалеріи. Противъ ихъ передовой цѣпи стояли наши аванпосты, и отъ времени до времени турки производили рекогносцировки, по преимуществу къ выдающейся впередъ высотѣ Кара-Ялъ. 10 (22) іюля начальникъ штаба Зафира-паши генералъ Гюйонъ предпринялъ рекогносцировку прямо на Кара-Ялъ и встревожилъ нашъ лагерь.

На уступѣ этой горы былъ для противодѣйствія такимъ покушеніямъ выстроенъ редутъ на двѣ роты, который все время занимался пѣхотой, а днемъ у подошвы горы выставлялся также дивизіонъ драгунъ съ двумя легкими орудіями.

19 (31) іюля непріятель, ободренный нашимъ бездѣйствіемъ, еще разъ попытался потревожить русскій лагерь. Онъ выслалъ 3 тысячи баши-бузуковъ въ обходъ нашего лѣваго фланга на Суботань и Огухлы. Эта кавалерія, пройдя все Башъ-Кадыкларское

поле сраженія, завязала перестрѣлку съ милиціей и кинулась на нашъ лагерь, но была встрѣчена линейными казаками, которые атаковали ее въ шашки и преслѣдовали почти до самой турецкой позиціи.

23 іюля Зафиръ-паша рѣшилъ, какъ уже сказано, атаковать на другой день князя Бебутова, а этотъ послѣдній, узнавъ объ отправленіи турками своихъ обозовъ въ Карсъ и предполагая, что вслѣдъ за этимъ начнетъ отходить и вся армія, рѣшилъ преслѣдовать непріятеля и ударить во флангъ и въ тылъ отступающимъ турецкимъ колоннамъ. Отсюда на разсвѣтѣ 24 іюля должно было произойти сраженіе въ случайной для обѣихъ сторонъ обстановкѣ.

Планъ дѣйствій турецкой арміи состоялъ въ приближеніи къ нашей позиціи ночью и въ нечаянномъ нападеніи на нее на разсвѣтѣ.

Отрядъ Абдурахмана-паши, съ составѣ 5 баталіоновъ, горной батареи и 2 эскадроновъ, долженъ былъ выступить изъ лагеря первымъ около полуночи и составить крайній правый флангъ атаки; онъ направлялся на высоты Кара-Яла, занятыя лишь однимъ баталіономъ русскихъ [1]), и, овладѣвъ этимъ господствовавшимъ надъ всей позиціей князя Бебутова пунктомъ, долженъ былъ на немъ удерживаться.

Правая колонна, подъ начальствомъ Керима-паши, въ составѣ 1-й дивизіи, силою въ 19 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 30 орудій, должна была выступить тотчасъ же вслѣдъ за отрядомъ Абдурахмана-паши и направиться къ подошвѣ Кара-Яла, поддержать впереди идущія войска и, когда они завладѣютъ ближайшими отрогами горы, то развернуть боевой порядокъ влѣво отъ нихъ.

Лѣвая колонна, подъ командой генерала Кмети, въ составѣ 2-й дивизіи, силою въ 22 баталіона, 22 эскадрона и 48 орудій, выступивши вслѣдъ за правой, должна была взять направленіе отъ Хаджи-Вали на Ингедери, придерживаясь высотъ, и выстроить свой боевой порядокъ въ уступной формѣ справа, примыкая къ лѣвому флангу первой дивизіи. Артиллерія, массированная въ четыре большія батареи, должна была занять интервалъ между обѣими дивизіями, имѣя за собой общій резервъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ и 2 кавалерійскихъ полковъ; къ общему же резерву присоединялись и тѣ части первой дивизіи, которымъ не хватитъ мѣста при развертываніи боевой линіи.

---

[1]) Въ дѣйствительности—двѣ роты въ редутѣ.

Баши-бузуки около 8 тысячъ человѣкъ двигались на обоихъ флангахъ боевого порядка.

Такимъ образомъ, отрядъ князя Бебутова долженъ былъ быть атакованъ съ лѣваго фланга и съ центра, при одновременной угрозѣ значительныхъ массъ баши-бузуковъ съ праваго фланга и съ тыла.

Французскіе агенты указываютъ на очень слабый составъ турецкихъ баталіоновъ, по 400 человѣкъ въ каждомъ, и общую численность арміи Зафира-паши, принявшую участіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара, опредѣляютъ въ 26 тысячъ регулярныхъ войскъ и 8-10 тысячъ милиціи. По нашимъ донесеніямъ численность турецкой арміи доходила до 60 тысячъ человѣкъ, что слѣдуетъ признать преувеличеннымъ.

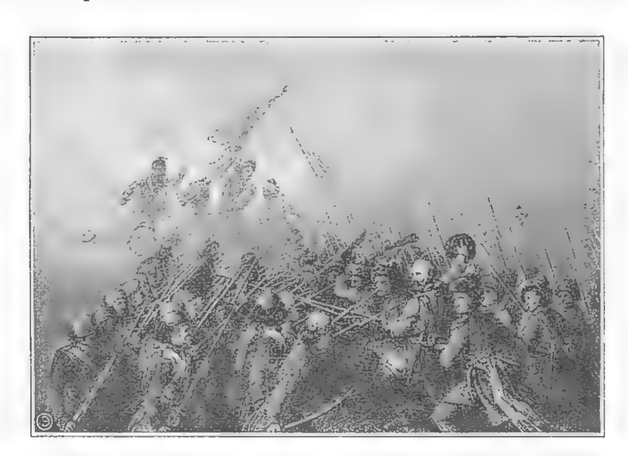
Разбирая этотъ составленный иностраннымъ штабомъ мушира Зафира-паши планъ для атаки отряда князя Бебутова, слѣдуетъ замѣтить, что идея его состояла въ демонстраціи противъ нашего лѣваго фланга, съ цѣлью захвата наиболѣе важнаго пункта позиціи склоновъ Кара-Яла, которые командовали надъ всѣмъ полемъ сраженія; далѣе, удерживая эту опорную точку въ своихъ рукахъ, турецкая армія должна была заходить около нея, какъ на оси; осаженный назадъ уступомъ лѣвый флангъ имѣлъ цѣлью бить во флангъ наши баталіоны, если бы они, какъ предполагали турки, пытались сбить ихъ съ Кара-Яла. Къ недостаткамъ этого плана надо отнести то, что онъ былъ сообразованъ только съ тѣмъ образомъ дѣйствій князя Бебутова, который отъ него ожидали турецкіе военноначальники, что онъ вообще былъ очень сложенъ и въ особенности сложенъ для нечаяннаго нападенія на разсвѣтѣ послѣ ночного марша; мѣсто развертыванія боевого порядка было выбрано очень близко отъ нашей позиціи, такъ что при нѣкоторой активности въ дѣйствіяхъ князя Бебутова турки не могли бы спокойно развернуться и должны были бы вступать въ бой по частямъ, что въ дѣйствительности и случилось, и, наконецъ, этотъ сложный планъ совершенно не соотвѣтствовалъ малой подготовкѣ турецкихъ войскъ къ маневреннымъ дѣйствіямъ.

Въ результатѣ вышло то, чего и слѣдовало ожидать. Части опаздывали съ выступленіемъ, отставали, сбивались съ дороги, были биты по частямъ, не выказали стойкости, и главная, болѣе сильная, лѣвая колонна вошла въ дѣло лишь тогда, когда правая колонна была разбита и бѣжала, имѣя во главѣ большинство своихъ начальниковъ; на долю лѣвой колонны досталось только

прикрытіе отступленія правой, что ею и было сдѣлано съ большимъ искусствомъ.

Князь Бебутовъ, узнавъ о приготовленіи турокъ къ выступленію, отдалъ 23 іюля вечеромъ приказаніе своему отряду готовиться къ движенію налегкѣ; палатки и обозы были отправлены въ вагенбургъ, для защиты котораго были оставлены саперный баталіонъ, 10 орудій и большое количество вооруженныхъ нестроевыхъ.

Такъ какъ начальнику отряда совершенно не была извѣстна цѣль движенія турокъ, т.-е. предполагали ли они атаковать насъ или отступать на Карсъ, то князь Бебутовъ рѣшилъ въ первомъ случаѣ предупредить противника въ полѣ, а во второмъ итти по прямой дорогѣ къ Карсу черезъ Мешко и ударить ему во флангъ.



Сраженіе при Кюрюкъ-Дара.

Передъ разсвѣтомъ 24 іюля отрядъ нашъ вытянулся на позиціи и приготовился къ движенію. Впереди сталъ авангардъ—стрѣлковый баталіонъ, 3 сотни казаковъ и 2 сотни охотниковъ милиціонеровъ. За нимъ пѣхота, подраздѣленная на два эшелона, и каждый эшелонъ, построенный въ двѣ колонны на интервалѣ въ 200 шаговъ. Въ первомъ эшелонѣ, которымъ начальствовалъ генералъ Кишинскій, слѣдовало $7\frac{1}{2}$ баталіоновъ и 24 пѣшихъ орудія [1]); за нимъ слѣдовали парки, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ, 4 орудій и сотни казаковъ [2]), и за парками—второй эшелонъ генерала Фетисова, въ составѣ $7\frac{1}{2}$ баталіоновъ и 16 орудій [3]). Конно-мусульманская бригада шла съ лѣвой, а сводно-линейный казачій полкъ съ правой стороны пѣхоты на высотѣ передовыхъ колоннъ. Регулярная кавалерія съ конной артиллеріей шли за пѣхотой.

---

[1]) Бѣлевскій егерск. и Эриванскій кар. полки, бат. № 4 и легк. № 7 батареи 18 арт. бриг. и бат. № 2 батарея Кавк. грен. бриг.

[2]) Ряжскій пѣх. п., 4 ор. 18-й арт. бриг. и донскаго каз. № 4 п.

[3]) Гренад. Тифл. и Тульск. егерск. полки, бат. № 1 и легк. № 1 батареи Кавк. грен. бриг.

Всего наши силы состояли изъ 18 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 44 пѣшихъ и 20 конныхъ орудій и 26 сотенъ иррегулярной кавалеріи, общей численностью около 18 тысячъ человѣкъ.

Передъ разсвѣтомъ отрядъ нашъ двинулся по направленію на Мешко, и наши передовыя цѣпи, пройдя версты три, замѣтили съ первымъ утреннимъ свѣтомъ на волнистой равнинѣ, отдѣлявшей насъ отъ турецкаго лагеря, движущіяся навстрѣчу намъ массы. Въ то же время на отрогахъ Кара-Яла, гдѣ былъ нашъ редутъ, не занятый нами по случаю перехода въ наступленіе, обрисовались кучами пѣшіе и конные люди. Въ первыя минуты можно было думать, что турки выслали впередъ баши-бузуковъ, чтобы прикрыть свое отступленіе, но, когда совершенно разсвѣло, можно было ясно разсмотрѣть длинныя колонны наступающихъ турокъ.

Князь Бебутовъ приказалъ линейнымъ казакамъ разсыпать цѣпь, кавалеріи выдвинуться впередъ, а пѣхотнымъ колоннамъ зайти правымъ плечомъ и стать на позицію. Мѣстность, на которой мы готовились принять сраженіе, была довольно ровная и совершенно голая, безъ какого-либо мѣстнаго предмета; не было даже ни одного жилья и ни одного куста. Единственнымъ опорнымъ пунктомъ была гора Кара-Ялъ, на которой, по крутости ея склоновъ, можно было стоять, но не маневрировать. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ столкнулись головы обѣихъ армій, отъ Кара-Яла отдѣляется широкая, но мелкая лощина, которая пересѣкаетъ поле сраженія дугою, выгнутою къ сторонѣ турокъ, и на нашемъ лѣвомъ флангѣ сливается съ низиной. Наша передовая кавалерія развернулась на ближайшемъ берегу лощины и этимъ обозначила фронтъ нашего будущаго боевого порядка протяженіемъ около трехъ верстъ. Князю Бебутову очень важно было удержать этотъ берегъ лощины за собой, и, чтобы непріятель не успѣлъ насъ предупредить, онъ приказалъ драгунамъ выдвинуться впередъ и удерживать турокъ. Въ свою очередь кавалерія противника заняла противоположный берегъ лощины, къ которому спѣшили его головныя пѣхотныя части. Такимъ образомъ, мы старались занять внутреннюю сторону лощины, что намъ давало преимущество сосредоточенія и легкость поддержки обоихъ фланговъ; турки же стремились занять внѣшнюю сторону лощины, что имъ давало положеніе охватывающее, позволяло обстрѣливать насъ перекрестнымъ огнемъ, но заставляло растянуться и затрудняло взаимную поддержку.

Князь Бебутовъ быстро оцѣнилъ обстановку и, видя растянутое положенie турецкой армiи по огромной дугѣ, которая, когда ихъ лѣвый флангъ вошелъ въ линiю, доходила до восьми верстъ, рѣшилъ прорвать центръ армiи Зафира-паши. Первоначально слѣдовало оттѣснить правый флангъ турокъ, который, опираясь на гору Кара-Ялъ, доминировалъ надъ нашей позицiей; обезпечивъ себя съ этой стороны, прорвать дружнымъ натискомъ центръ турокъ, уничтожить его, пользуясь медленностью движенiя лѣваго крыла противника, послѣ чего обрушиться на это послѣднее. Такъ рисовалъ въ своемъ донесенiи князь Бебутовъ составленный имъ планъ, и такъ въ дѣйствительности произошло сраженiе при Кюрюкъ-Дара. Но на самомъ дѣлѣ планъ этотъ не былъ, да и не могъ быть сообразованъ сразу, такъ какъ о движенiи запоздавшей лѣвой колонны турокъ въ началѣ боя намъ не было извѣстно. Онъ развился постепенно, и заслуга князя Бебутова заключается именно въ томъ, что онъ во всѣ перiоды этого случайнаго боя быстро орiентировался и выбиралъ вполнѣ соотвѣтствующую цѣль для нанесенiя удара, сосредоточивая туда и возможно большiя силы.

Наши пѣхотныя колонны, исполняя данное имъ указанiе, зашли правымъ плечомъ и стали на указанной позицiи, имѣя въ первой линiи Бѣлевскiй и Эриванскiй полки, а за ними, во второй линiи, въ резервныхъ порядкахъ Тифлисскiй гренадерскiй и Тульскiй. Батареи выѣхали въ интервалы первой линiи. Два баталiона Ряжскаго полка остались съ парками сзади. Шесть эскадроновъ новороссiйскихъ драгунъ и сводный линейный казачiй полкъ съ № 6 донской батареей стали на правомъ флангѣ, а остальная кавалерiя въ резервѣ.

Вслѣдъ за этимъ князь Бебутовъ образовалъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, отрядъ изъ 5 баталiоновъ и 8 орудiй [1]), съ приказанiемъ штурмовать Кара-Ялъ и выбить оттуда турокъ, а для прикрытiя этой атаки справа были выдвинуты впередъ 16 эскадроновъ и 6 сотенъ [2]). Черезъ нѣсколько минутъ на поддержку генерала Бѣлявскаго были двинуты два баталiона Тульскаго полка, а гренадерская бригада, назначенная для удара противъ непрiятельскаго центра, выдвинулась впередъ, на окраину лощины.

---

[1]) Бѣлевскiй полкъ и 7-я батарея 18 арт. бригады.
[2]) Тверской и Нижегородскiй драг. и № 20 донской каз. полки.

Артиллерія правофланговой турецкой дивизіи еще четверть шестого открыла огонь, который, по дальности разстоянія, не наносилъ намъ вреда; къ 6 часамъ утра, дивизія Керима-паши вошла въ линію, и его артиллерія подалась впередъ и стала наносить намъ существенныя потери. Тѣмъ временемъ отрядъ генерала Бѣлявскаго шелъ позади первой линіи для атаки Кара-Яла, обстрѣливаемый съ этой горы огнемъ штуцерныхъ и батареи, а также артиллеріей Керима-паши во флангъ и почти въ тылъ. Штурмовать гору при такихъ условіяхъ было крайне трудно, а потому князь Бебутовъ послалъ приказаніе гору не атаковать, такъ какъ турки, на ней расположенные, не могли намъ нанести большого вреда, а приказалъ отбить только непріятельскія войска, сосредоточенныя у подошвы горы. Поэтому генералъ Бѣлявскій зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ и занялъ позицію у подошвы горы, открывъ огонь батареей и штуцерными.

Какъ только пѣхота Бѣлявскаго дала нашей кавалеріи опорную точку, то начальствовавшій здѣсь кавалеріей генералъ Багговутъ приказалъ тверскимъ драгунамъ атаковать главную батарею праваго фланга турокъ, причинявшую намъ большія потери. Драгуны кинулись впередъ, молча, безъ „ура", равняясь, какъ на парадѣ, подъ картечью двухъ батарей, бившихъ съ фронта и съ фланга; только строй ихъ мѣдныхъ касокъ сверкалъ посреди пыли. Турки не выдержали этой безмолвной атаки. Баталіоны были отброшены, прислуга изрублена, и драгуны были на орудіяхъ. Но въ это время изъ резерва вылетѣла масса баши-бузуковъ, а за ними повернули обратно отброшенные баталіоны и бѣгомъ направились къ оставленнымъ орудіямъ. Драгуны дружнымъ натискомъ изрубили и этого новаго врага. Исполнивъ свою задачу, доблестный полкъ, находясь одинъ среди всей дивизіи Керима-паши, повернулъ назадъ и, проскакавъ съ четырьмя турецкими орудіями подъ огнемъ двухъ линій непріятельской пѣхоты, выстроился за нижегородскими драгунами.

Турки, видя стремительную атаку нашей кавалеріи, хотѣли отвлечь ее натискомъ съ своей стороны на сосѣднемъ пунктѣ. Они двинули на колонны Бѣлевскаго полка три штуцерныхъ баталіона съ артиллеріей, а правѣе, у подошвы горы—уланъ. Нашъ лѣвый флангъ долженъ былъ перейти къ оборонѣ, и чувствовалось, что ему можетъ не удаться устоять противъ стремительнаго натиска турокъ. Вблизи расположенные нижегородскіе драгуны, замѣтивъ это, кинулись на линію штуцерныхъ бата-

ліоновъ и осадили ихъ немного; переднія шеренги турокъ валились подъ ударами шашекъ одна за другой, но штуцерные баталіоны стояли, какъ львы. Смыкаясь на тѣлахъ товарищей, они бились штыками и отбивались отъ драгунъ. Тогда на помощь нижегородцамъ вынесся впередъ дивизіонъ 7-й донской батареи есаула Кульгачева. Промчавшись мимо драгунъ, онъ снялся передъ среднимъ турецкимъ баталіономъ и ударилъ картечью. Турки не колыхнулись, но ихъ батальный огонь перебилъ у Кульгачева почти всю прислугу и лошадей. Два крайнія орудія удалось вывезти, а на остальныя моментально насѣла непріятельская пѣхота. Съ этой минуты начинается единоборство нижегородскихъ драгунъ съ турецкими штуцерными баталіонами изъ-за орудій. Драгуны рубились почти на мѣстѣ подъ сыпавшимся на нихъ штуцернымъ огнемъ, не отходя для возобновленія атакъ далѣе 100 шаговъ. Командиръ полка князь Чавчавадзе, стоя впереди всѣхъ, указывалъ шашкой своимъ людямъ пункты, куда должно бросаться. По этому нѣмому призыву взводы въ 15 и 20 человѣкъ врѣзывались часто безъ офицеровъ въ непріятельскую пѣхоту и „умирали или оставались побѣдителями“. На помощь нижегородцамъ подоспѣли вернувшіеся послѣ своей атаки тверскіе драгуны, но штуцерные баталіоны не подались ни на шагъ и... всѣ легли на мѣстѣ. Дорого достался этотъ блестящій подвигъ и нижегородцамъ. Изъ 33 офицеровъ этого полка, бывшихъ въ строю, выбыло въ борьбѣ со штуцерными баталіонами 23. Тѣмъ временемъ генералъ Бѣлявскій справился съ уланскимъ полкомъ и пошелъ въ штыки на правый флангъ турецкой пѣхоты. Нижегородцы вновь понеслись въ атаку. Весь флангъ непріятеля послѣ этого далъ тылъ, и въ 8 часовъ утра дѣло здѣсь было окончено. Преслѣдовать дивизію Керима-паши не представлялось возможнымъ, такъ какъ въ это время входила уже въ линію лѣвая турецкая колонна генерала Кмети и угрожала нашему правому флангу; туда спѣшно былъ направленъ генералъ Багговутъ съ дивизіономъ Тверского полка и тремя сотнями казаковъ.

Въ то время, когда отрядъ генерала Бѣлявскаго отправился противъ Кара-Яла, гренадерская бригада расположилась въ боевомъ порядкѣ въ центрѣ. Въ первой линіи сталъ Эриванскій полкъ, имѣя три батареи въ интервалахъ между баталіонами; во второй линіи Тифлисскій полкъ, имѣя за лѣвымъ флангомъ въ резервѣ два баталіона Тульскаго полка и сзади съ парками два баталіона Ряжскаго полка.

Когда разгорѣлось дѣло у генерала Бѣлявскаго, то князь Бебутовъ двинулъ впередъ гренадерскую бригаду для прорыва самой сильной части боевого порядка турокъ—ихъ центра. Въ семь часовъ бригада и три батареи двинулись впередъ, подъ общимъ начальствомъ первоначально генерала Бриммера, а потомъ князя Барятинскаго, спустились въ лощину и заняли позицію въ 450 саженяхъ отъ противника. Турки обратили сюда огонь всего своего центра. Ихъ дугообразное расположеніе позволяло наши выдавшіяся части обстрѣливать ближнимъ перекрестнымъ огнемъ. Бригада медленно и стройно подвигалась впередъ подъ страшнымъ огнемъ турецкихъ батарей и штуцерныхъ, которые на нее обратили все свое вниманіе и выдвинули, кромѣ того, сюда свою кавалерію. Для обезпеченія отъ послѣдней пришлось вздвоить баталіоны праваго фланга первой линіи.

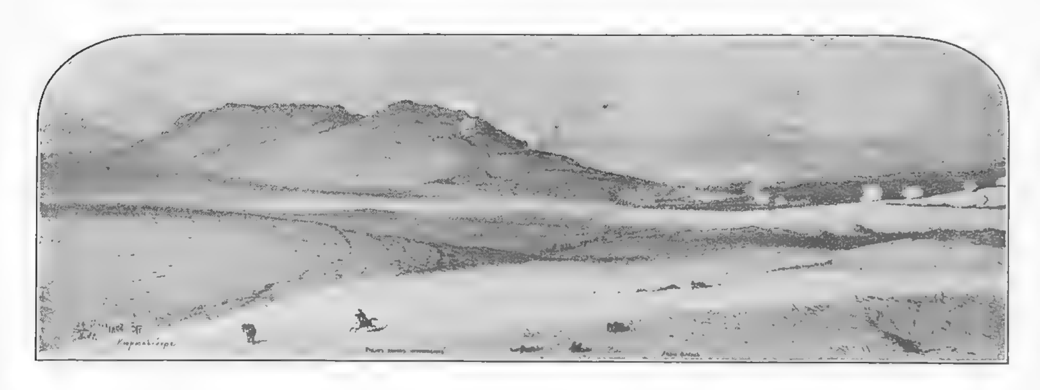
Трудное положеніе центра продолжалось до тѣхъ поръ, пока правый флангъ турокъ не далъ тыла. Тогда князь Барятинскій повелъ бригаду въ атаку на проломъ. Атакующая линія, стройно и не ускоряя движенія, подошла къ непріятелю на 60 саженей. Наши батареи мгновенно снялись съ передковъ и осыпали противника картечью, но онъ не дрогнулъ и въ двойныхъ противъ нашихъ гренадеръ силахъ съ гикомъ двинулся въ штыки. Здѣсь завязался бой на штыкахъ, и враги были до того стойки съ обѣихъ сторонъ, что этотъ штыковой бой продолжался противъ обыкновенія очень долго, и наши баталіоны съ трудомъ подвигались впередъ, пока имъ не удалось уничтожить лучшіе турецкіе баталіоны, бывшіе въ первой линіи; послѣ этого остальные баталіоны повернули и обратились въ безпорядочное отступленіе. Въ наиболѣе трудной обстановкѣ оказались наши правофланговые баталіоны, при которыхъ находился князь Барятинскій, и которымъ приходилось бороться не только съ пѣхотой, но и съ постоянно наскакивающей на нее кавалеріей.

Здѣсь князю Бебутову пришлось пустить для содѣйствія пѣхотѣ въ атаку свой личный конвой, который прогналъ уланъ и облегчилъ положеніе фланговыхъ баталіоновъ гренадеръ. Въ 9 часовъ утра центръ турокъ былъ прорванъ; преслѣдовать ихъ нельзя было за отсутствіемъ у насъ въ этомъ мѣстѣ кавалеріи и въ виду того, что лѣвое крыло турецкой арміи было еще въ полномъ порядкѣ.

Въ то время, когда правый флангъ турокъ бѣжалъ, а въ центрѣ дѣла приняли рѣшительный для турокъ оборотъ, къ полю

сраженія начала подходить лѣвая непріятельская колонна, которая сбилась съ указаннаго ей пути и, вмѣсто того, чтобы выйти противъ нашего центра и развернуться рядомъ съ правой колонной, взяла влѣво и грозила охватить нашъ флангъ. Этой колоннѣ предшествовали массы баши-бузуковъ, поддержанные регулярной кавалеріей и конной артиллеріей.

Съ самаго начала боя здѣсь у насъ находилось шесть эскадроновъ новороссійскихъ драгунъ съ донской № 6 батареей, а потомъ еще подошло 9 сотенъ линейныхъ казаковъ. На самой оконечности, на много правѣе казаковъ, стояло 10 сотенъ милиціи.



Сраженіе при Кюрюкъ-Дара.

Непріятельскіе баши-бузуки старались энергично тѣснить нашихъ милиціонеровъ и зайти въ тылъ боевому порядку князя Бебутова. Къ 8 часамъ утра турки отчасти выставили на своемъ лѣвомъ флангѣ, отчасти скрыли тамъ въ складкахъ мѣстности отъ 14 до 16 баталіоновъ, три батареи и нѣсколько уланскихъ полковъ. Тогда князь Бебутовъ двинулъ на свой правый флангъ шесть ротъ Ряжскаго полка и 4 орудія, прикрывавшихъ парки, и приказалъ прибывшему сюда генералу Багговуту съ дивизіономъ тверскихъ драгунъ, тремя сотнями казаковъ и ракетами принять начальство надъ правымъ флангомъ.

Въ это время дѣло здѣсь обстояло въ такомъ положеніи. Двѣ сильныя турецкія батареи громили перекрестнымъ огнемъ фронтъ нашей кавалеріи; ихъ пѣхота стояла въ нѣсколько линій на близкій пушечный выстрѣлъ; массы баши-бузуковъ, поддержанные регулярной кавалеріей, полкомъ пѣхоты и батареей, обходили и тѣснили оконечность нашего праваго фланга. Время дальше нельзя было терять, и генералъ Багговутъ перешелъ въ наступленіе.

Шесть ротъ Ряжскаго полка были поставлены въ двухъ мѣстахъ позади нашей иррегулярной конницы, какъ опорные пункты. Чтобы хоть немного осадить баши-бузуковъ, генералъ Багговутъ приказалъ бросать ракеты. Турки шарахнулись, а наша кавалерія пошла, не теряя минуты, въ атаку. Вся масса баши-бузуковъ была сразу сбита и бѣжала въ разсыпную; подошедшій на помощь уланскій полкъ былъ также смятъ, а въ конной батареѣ изрублена прислуга и захвачено три орудія. Но пѣхотный полкъ, поддерживавшій кавалерію, стоялъ крѣпко. На него пошли въ штыки нѣсколько ротъ Ряжскаго полка, но, встрѣченныя сильнымъ огнемъ, пріостановились. Тогда турецкіе баталіоны сами пошли на нихъ въ штыки.

Видя это, дивизіонъ тверскихъ драгунъ бросился въ шашки и заставилъ пѣхоту повернуть назадъ, а ряжскія роты вновь перешли въ наступленіе. По словамъ князя Бебутова, турецкій пѣхотный полкъ, медленно отступая, выказалъ такое сопротивленіе, какое могутъ оказать только люди храбрые. Онъ началъ бросать ружья лишь послѣ того, когда, взойдя на холмъ, увидалъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ князь Бебутовъ, видя, что центръ турокъ прорванъ, что князь Барятинскій съ отрядомъ генерала Бриммера зашелъ уже правымъ плечомъ впередъ и сталъ въ тылу запоздавшей отступленіемъ лѣвой колонны турокъ, рѣшилъ ввести въ дѣло послѣдній резервъ—два баталіона Тульскаго полка, 8 орудій и 4 эскадрона новороссійскихъ драгунъ. Ставъ во главѣ этого отряда, маститый воинъ, князь Бебутовъ, лично повелъ его противъ сопротивлявшагося еще противника и довершилъ полное пораженіе арміи мушира Зафира-паши.

Въ первомъ часу дня прекратилось преслѣдованіе, въ виду полнаго изнеможенія людей и лошадей. Войскамъ на всѣхъ пунктахъ былъ данъ привалъ. Нѣкоторыя части дрались не менѣе семи часовъ; изнуренные въ этомъ кровавомъ бою, люди должны были отдыхать на совершенно безводномъ полѣ.

До непріятельскаго лагеря оставалось еще не менѣе десяти верстъ, и князь Бебутовъ прекратилъ преслѣдованіе, занявшись приведеніемъ въ порядокъ матеріальной части.

Благодаря этому, остатки непріятельской арміи, несмотря на совершенное ея пораженіе, успѣли спастись, собрались къ Карсу и послужили основаніемъ для новыхъ формированій.

Трофеями побѣды были 15 орудій съ 16 зарядными ящиками, шесть знаменъ и штандартовъ, множество оружія и свыше

2000 плѣнныхъ. Общія же потери турокъ князь Бебутовъ опредѣлилъ, по донесеніямъ лазутчиковъ, около 10 тысячъ, не считая разбѣжавшихся баши-бузуковъ. Примѣрно, эта же цифра обозначена и въ донесеніи французскаго агента маршалу С.-Арно.

Побѣда при Кюрюкъ-Дара не могла и намъ дешево обойтись. Всего выбыло изъ строя 3054 человѣка, въ томъ числѣ 599 убитыми, 1972 ранеными и остальные контуженными.

Князь Бебутовъ въ награду за эту побѣду былъ награжденъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта орденомъ св. Андрея Первозваннаго[1]).

Кюрюкъ-Дара представляетъ изъ себя рѣдкій случай полнаго пораженія противника исключительно на полѣ сраженія безъ преслѣдованія. И это пораженіе, дѣйствительно, было полное, даже по свидѣтельству нашихъ враговъ. „Вчера", писалъ генералъ Кмети на другой день послѣ сраженія англійскому консулу въ Эрзерумѣ Брандту[2]), „мы потерпѣли страшное пораженіе отъ русскихъ; у „насъ до 3000 убитыхъ, 2000 взято въ плѣнъ, и мы бѣжали въ „большомъ безпорядкѣ въ Карсъ".

Французскій консулъ въ Эрзерумѣ, донося маршалу С.-Арно о прибытіи остатковъ Анатолійской арміи къ Карсу, выражалъ мысль, что эта армія можетъ впредь выступить изъ крѣпости для того только, чтобы отступить къ Эрзеруму. Онъ умолялъ французскаго главнокомандующаго о скорѣйшей присылкѣ въ Малую Азію французской дивизіи, для которой онъ считалъ болѣе выгоднымъ наступать черезъ Трапезундъ и Эрзерумъ, чѣмъ черезъ Батумъ, гдѣ она станетъ жертвой изнурительныхъ лихорадокъ[3]).

Между тѣмъ союзные главнокомандующіе и ихъ правительства были сильно озабочены судьбой Анатолійской арміи. Удачныя дѣйствія ея могли очень облегчить ихъ операціи на Дунаѣ и въ Крыму, а вмѣсто этого приходилось думать о томъ, чтобы спасать турецкую армію въ Азіи. Маршалъ С.-Арно, лордъ Рагланъ и представители западныхъ державъ въ Константинополѣ все зло видѣли въ интригахъ, которыми опутали Зафира-пашу

---

[1]) Донесенія кн. Бебутова отъ 25 іюля и 19 августа. Исторіи частей, участвовавшихъ въ бою.

Colonel de Meffrey—au maréchal de St-Arnaud, le 11 et le 12 août 1854; M-r de Challaye—au maréchal de St-Arnaud, le 9 et le 12 août 1854; Tanski — au maréchal de St-Arnaud, le 31 août 1854. Парижскій Архивъ.

Описаніе частн. подв.—Рапортъ ком. к-сомъ—военному министру 9 февраля 1855 г., № 139. Арх. шт. Кавк. воен. окр., и проч.

[2]) Арх. шт. Кавк. воен. окр.

[3]) M-r Challaye—au maréchal de St-Arnaud, le 9 août 1854. Парижскій Архивъ.

масса офицеровъ всѣхъ національностей, наполнившихъ главную квартиру мушира. Они предлагали турецкому правительству отозвать всѣхъ этихъ офицеровъ и вручить начальствованіе всѣми вооруженными силами въ Азіи одному лицу. Союзники указывали, какъ на желаемаго кандидата, на венгерскаго генерала Клапка. Но между турецкимъ военнымъ министромъ Риза-пашею и лордомъ Редклифомъ существовала такая непреодолимая ненависть, что Риза-паша въ пику англійскому послу на это предложеніе не согласился [1]). Онъ съ своей стороны рекомендовалъ поставить во главѣ Азіатской арміи двухъ лицъ—французскаго и англійскаго генераловъ. Такая двойственность въ командованіи арміей не могла быть принята союзными главнокомандующими, и вопросъ объ излѣченіи Анатолійской арміи былъ отложенъ [2]).

Подобное состояніе противника ускользнуло отъ вниманія князя Бебутова, и онъ продолжалъ настаивать на необходимости отойти намъ къ своимъ предѣламъ. Силы турокъ были имъ очень преувеличиваемы, такъ же, какъ преувеличивалась и возможность удара союзниковъ со стороны Батума, и князь Бебутовъ отказывался дѣйствовать наступательно противъ Карса [3]).

4 августа войска наши начали постепенно отходить къ своимъ границамъ и въ ноябрѣ расположились на зимнія квартиры у Александрополя.

Содѣйствіе туркамъ и ихъ союзникамъ со стороны горцевъ далеко не выразилось въ той степени, на которую они могли разсчитывать. Главной причиной такого разочарованія было полное незнакомство союзниковъ съ тѣмъ матеріаломъ, который представляли изъ себя наши враги на Кавказѣ. Даже широкое снабженіе горцевъ оружіемъ не принесло той пользы, которую ожидали отъ этого, такъ какъ усовершенствованныя французскія ружья были горцамъ не знакомы. Только лѣтомъ 1854 года начинается обоюдное знакомство союзниковъ и предводителей мятежныхъ племенъ Кавказа. Къ маршалу С.-Арно въ Варну прибыла на совѣщаніе цѣлая масса предводителей горцевъ, съ кото-

---

[1]) Что касается до ген. Клапки, то турецкое правительство ни за что не хотѣло допустить его стать во главѣ арміи.

[2]) Переписка между маршалами С.-Арно, Вальяномъ, посланникомъ Бенедети и Риза-пашей 9—13 августа н. ст. 1854 г. Парижскій Архивъ.

[3]) Кн. Бебутовъ — ген. Реаду 31 іюля 1854 г., № 137. Арх. шт. Кавк. воен. окр.

рыми онъ ничего не могъ подѣлать. Каждый изъ нихъ не думалъ объ общемъ дѣлѣ, а лишь старался использовать выгодный случай для своихъ личныхъ цѣлей. Турки посылкой на Кавказъ своихъ агентовъ, которые должны были работать въ пользу признанія горцами оттоманскаго владычества, еще болѣе увеличивали смуту и мѣстныя интриги. С.-Арно отказался отъ поддержки всѣхъ мелкихъ народностей Кавказа и высказалъ мысль о необходимости оказывать помощь лишь Шамилю, который только и могъ объединить борьбу на Кавказѣ въ своихъ рукахъ и представить грозную для насъ силу [1]). Но туркамъ не улыбалось такое усиленіе могу-

Сраженіе при Кюрюкъ-Дара.

щества Шамиля, и между оттоманскимъ правительствомъ и имамомъ происходили постоянныя недоразумѣнія, которыя много портили дѣло [2]).

Шамиль открылъ свои дѣйствія только въ іюлѣ нападеніемъ на лѣвый флангъ Лезгинской кордонной линіи. 2 іюля онъ перевалилъ черезъ снѣговой хребетъ въ Кахетію и, овладѣвъ двумя башнями, занятыми нашими горными караулами, направился по прямой дорогѣ къ Тифлису. Геройская защита селенія Шильдъ кахетинскою милиціей, подъ начальствомъ подполковника князя Чавчавадзе, остановила стремительное наступленіе Шамиля, а быстрое сосредоточеніе въ окрестностяхъ Шильдъ и Кварели отряда въ 6 баталіоновъ, 4 эскадрона и 2 сотни при 14 орудіяхъ заставило его отступить въ горы, ограничившись разореніемъ нѣсколькихъ селеній Телавскаго уѣзда.

---

[1]) С.-Арно — военному министру 4 августа (23 іюля) 1854 г. Парижскій Архивъ.
[2]) Зиссерманъ: Критическія замѣтки. Русск. Арх., 1885 г., кн. 8.

Это собственно было самое удачное изъ всѣхъ дѣлъ Шамиля въ 1854 году, какъ по тому впечатлѣнію, которое произвело на осторожныя кавказскія власти намѣреніе имама двинуться къ Тифлису, такъ и по небольшому, но надѣлавшему много шума эпизоду захвата въ плѣнъ въ Цинодалахъ семейства князя Чавчавадзе и княгини Орбеліани.

Какъ только обнаружилось намѣреніе Шамиля напасть на Лезгинскую линію, то начальники войскъ, расположенныхъ въ Чечнѣ, на Кумыкской площади и въ сѣверномъ Дагестанѣ, вторглись въ собственные предѣлы мятежниковъ. 29 іюня полковникъ баронъ Николаи произвелъ удачное движеніе вверхъ по рѣкѣ Ярыкъ-су, а нѣсколько дней спустя, 11 іюля — въ землю ауховцевъ. Генералъ-маіоръ баронъ Врангель истреблялъ съ 1 по 15 іюля хутора и запасы чеченцевъ, а генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани проникъ въ центръ салатаусцевъ и разорилъ многолюдное селеніе Буртунай. Этими наступательными дѣйствіями намъ удалось отвлечь изъ главнаго скопища Шамиля значительную часть горцевъ, поторопившихся на защиту своихъ жилищъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ генералъ баронъ Вревскій 2-й проникъ смѣлымъ и быстрымъ движеніемъ въ нѣдра горной страны Ако, взялъ штурмомъ укрѣпленный аулъ Ваучи и предалъ его совершенному истребленію вмѣстѣ съ сосѣдними селеніями. Движеніе это, угрожавшее мѣстопребыванію Шамиля — Веденю, отозвалось и на южной покатости горъ. Многія кахетинскія семейства воспользовались общей тревогою, чтобы безпрепятственно перейти къ намъ.

Шамиль, потерпѣвъ всюду неудачи, долженъ былъ до осени оставаться въ бездѣйствіи, между тѣмъ, какъ многія изъ подвластныхъ ему племенъ, лишенныя жилищъ и способовъ пропитанія, искали нашего покровительства. Тогда Шамиль рѣшился, въ надеждѣ поддержать свое колебавшееся вліяніе въ горахъ, напасть на аулъ Исти-су, находившійся у подошвы Качкальковскаго хребта и населенный выходцами съ горъ.

3 октября многочисленное скопище съ 8 орудіями атаковало, подъ предводительствомъ сына Шамиля, означенное селеніе. Но геройская защита редутовъ ротой егерскаго князя Чернышева полка дала возможность жителямъ удержаться въ селеніи до прибытія подкрѣпленій, а неожиданное появленіе на флангѣ противника барона Николаи съ отрядомъ въ $1^1/_2$ баталіона, 14 сотенъ и 5 орудій обратило горцевъ въ общее бѣгство.

Во Владикавказскомъ округѣ были также приняты при первомъ извѣстіи о сборѣ Шамилемъ отрядовъ необходимыя мѣры для обезпеченія военно-грузинской дороги. Произведенное горцами 6 октября стремительное нападаніе на редуты Нетхойскій и Ачхойскій было отражено съ полнымъ успѣхомъ, и непріятель при отступленіи понесъ рѣшительное пораженіе при переправѣ черезъ рѣку Гехи.

Послѣ этихъ неудачъ Шамиль до конца года ничего болѣе не предпринималъ.

Магометъ-Аминь обнаружилъ еще менѣе рѣшительности и только въ половинѣ ноября задумалъ броситься на Лабу. Но при первомъ извѣстіи о сборѣ горцевъ генералъ Евдокимовъ двинулся съ отрядомъ въ $4\frac{1}{2}$ баталіона и $18\frac{1}{2}$ сотенъ при 14 орудіяхъ вверхъ по рѣкѣ Бѣлой и овладѣлъ сильно укрѣпленнымъ ауломъ Джанъ-Клычева, гдѣ истребилъ заготовленные значительные запасы.

Въ половинѣ ноября командующій войсками на Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Козловскій снова вторгнулся съ 6 баталіонами и 18 сотнями при 18 орудіяхъ въ земли подвластнаго Магомету-Аминь населенія и истребилъ 17 ауловъ.

Въ Черноморіи въ продолженіе всего года не было никакихъ покушеній ни со стороны непокорнаго горскаго населенія, ни съ моря. Непріятельскіе крейсера ограничивались рекогносцировками передъ Новороссійскомъ и Анапою, а 30 октября обстрѣливали нашъ постъ на Джимитейской косѣ.

Такимъ образомъ, 1854 годъ, встрѣченный кавказскими властями съ такимъ страхомъ даже за сохраненіе нашихъ тамъ владѣній, благополучно миновалъ, но и не далъ тѣхъ результатовъ въ отношеніи общихъ итоговъ кампаніи, на какіе Императоръ Николай былъ въ правѣ разсчитывать, сосредоточивая на Кавказѣ значительную часть своихъ вооруженныхъ силъ.

Глава XXI.

I.

Осложненія съ морскими державами, вызванныя нашей распрей съ Турціей, заставили Императора Николая подумать объ оборонѣ тѣхъ частей государства, которыя могли подвергнуться нападенію морскихъ силъ нашихъ возможныхъ враговъ. Вѣковое преимущество Англіи и Франціи на морѣ заставляло предполагать, что эти державы, направивъ большую часть своихъ средствъ на главный театръ военныхъ дѣйствій, будутъ имѣть возможность отрядить внушительныя эскадры и на другіе пункты нашей морской границы. Наиболѣе для нихъ важнымъ въ этомъ отношеніи, а для насъ наиболѣе опаснымъ, являлось Балтійское море, въ которомъ была сосредоточена большая часть русскаго флота, русской торговли, и которое приводило непосредственно къ воротамъ столицы государства — Петербургу. Не только нанесеніе рѣшительнаго удара въ этомъ направленіи, но даже простая угроза со стороны Балтійскаго моря не могли остаться безслѣдными для Россіи и должны были отвлечь значительную долю ея вниманія и силъ отъ юга, противъ военнаго и политическаго могущества на которомъ готовились бороться съ нами открытой силой Англія и Франція.

Естественно поэтому, что одновременно съ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ, все болѣе и болѣе приближавшихъ насъ къ разрыву съ морскими державами, вставалъ во всей своей грозной силѣ и вопросъ объ оборонѣ Балтійскаго моря и подступовъ къ столицѣ.

Насколько намъ удалось прослѣдить, работа въ этомъ направленіи при подготовкѣ къ кампаніи 1854 года велась безъ

общаго руководства, отдѣльно по отношенію къ борьбѣ на морѣ и къ оборонѣ Балтійскаго побережья. Первое являлось исключительно сферой морского вѣдомства, которое исходило изъ заключенія, что все, касающееся береговъ, обдумано военно-сухопутнымъ вѣдомствомъ и принимало, какъ вводную данную, полную ихъ обезпеченность. Съ своей стороны военное министерство находилось подъ впечатлѣніемъ могущества нашего Балтійскаго флота, силы Кронштадта и признаваемой неспособности паруснаго флота къ производству быстрыхъ высадокъ значительныхъ армій. Такой взглядъ переносилъ центръ тяжести предстоявшей борьбы на флотъ, при условіи обезпеченія длинной береговой полосы Балтійскаго моря отъ поползновеній сравнительно незначительныхъ непріятельскихъ десантовъ и обезпеченія отъ покушеній съ моря нашихъ крѣпостей и другихъ важныхъ въ военномъ отношеніи пунктовъ.

Однако, дальнѣйшій ходъ событій заставилъ взглянуть на дѣло иначе. Обширныя морскія и сухопутныя средства, которыя западныя державы собирали для дѣйствія не только въ Черномъ, но и въ Балтійскомъ морѣ, приготовленіе этими державами сильныхъ десантовъ, а главное, все болѣе и болѣе выясняющееся значеніе винтовыхъ двигателей, которое умаляло активную силу нашего флота, заставляло опасаться возможности серьезныхъ поползновеній противъ нашихъ береговъ. Съ другой стороны практика выяснила необходимость тѣсной связи между подготовительной работой на морѣ и на сушѣ, къ чему послѣдовательно, путемъ опыта, мы и пришли по отношенію обороны Балтійскаго побережья.

Въ теченіе зимы 1853—54 годовъ жгучимъ вопросомъ былъ вопросъ о способѣ дѣйствій нашего Балтійскаго флота на случай разрыва съ западными державами.

Первымъ затронулъ этотъ вопросъ адъютантъ молодого генералъ-адмирала князь Голицынъ въ своей запискѣ, относящейся къ октябрю 1853 года [1]).

Авторъ записки сомнѣвался въ томъ, чтобы Балтійскій флотъ могъ вступить въ открытый бой съ англичанами, въ виду несовершенства нашихъ судовъ и неопытности офицеровъ и матросовъ, хотя и увѣрялъ, что „девять десятыхъ нашихъ моряковъ

---

[1]) Кн. Е. Голицынъ: „О возможномъ дѣйствіи нашего флота въ случаѣ разрыва съ Англіей и Франціей". Октябрь 1853 г. Арх. Морск. Мин., 1855 г. Канц. ген.-адм., д. № 3.

„своею смѣлостью и самодѣя-
„тельностью вознаградятъ матеріальные недостатки и если не „вполнѣ отразятъ покушеніе непріятеля, то, по крайней мѣрѣ, „не дешево отдадутся ему". При столкновеніи же въ Балтійскомъ морѣ или въ Финскомъ заливѣ нашъ флотъ, по словамъ князя Голицына, всегда будетъ имѣть перевѣсъ передъ англійскимъ, благодаря знанію мѣстности, господствующихъ теченій и вѣтровъ.

Адмиралъ Рикардъ.

Авторъ, задаваясь вопросомъ о томъ, чего намъ надо болѣе всего опасаться при вторженіи англійскаго флота въ Балтійское море, отстранялъ возможность разрушенія столицы, огражденной „неприступнымъ Кронштадтомъ, безчисленными мелями и громаднымъ гарнизономъ", а также высадки десанта на любой пунктъ балтійскаго берега, „такъ какъ десятки тысячъ войскъ во всякое время отразятъ или „вовсе уничтожатъ непріятеля". Онъ ставилъ конечную цѣль нашему флоту оградить балтійскую торговлю и для этого предлагалъ, не теряя времени, послать двѣ дивизіи кораблей, готовыя итти въ море, въ сопровожденіи всѣхъ пароходовъ, одну въ Зундъ, другую въ Большой Бельтъ. Укрѣпивъ, такимъ образомъ, оба пролива, выслать всѣ пароходы къ Готенбургу для развѣдки, чтобы, выяснивъ куда направится непріятельскій флотъ, перебуксировать свободные корабли къ тому проливу, которому онъ будетъ угрожать, и встрѣтить противника въ два огня.

Мы не остановились бы на изложеніи этой, весьма односторонней записки, если бы не имѣли доказательствъ, что она произвела извѣстное впечатлѣніе, такъ какъ была послана на заключеніе такимъ лицамъ, какъ генералъ-адъютантъ Литке и князь Меншиковъ. Литке, убѣжденный въ томъ, что англійскій флотъ будетъ преслѣдовать въ Балтійскомъ морѣ болѣе существенныя цѣли, чѣмъ уничтоженіе нашей торговли, доказывалъ генералъ-адмиралу фактическую невозможность заградить проливъ

Большой Бельтъ, имѣющій разстояніе между берегами до 6 италіанскихъ миль и ширину фарватера до 4 миль. Такая попытка должна повести къ прорыву загражденія и къ необходимости принятія для нашего флота открытаго боя въ самой невыгодной обстановкѣ. Князь Меншиковъ съ своей стороны полагалъ, что нашу оборону необходимо сосредоточить въ Финскомъ заливѣ, гдѣ флоту держаться соединенно, занявъ такую выжидательную позицію, какъ, напримѣръ, у Наргена, откуда можно было бы сняться разными путями и выйти на вѣтеръ непріятеля подъ береговымъ заслономъ [1]). При рѣшительномъ же превосходствѣ противника флоту полезнѣе закрыться шхерами, гдѣ выгоднѣе принять сраженіе на якорѣ.

29 декабря 1853 года Государь изложилъ въ собственноручной запискѣ на имя великаго князя Константина Николаевича слѣдующія свои мысли по поводу предстоявшихъ въ Балтійскомъ морѣ дѣйствій [2]):

„При могущемъ быть появленіи въ Балтикѣ соединенныхъ „флотовъ Англіи и Франціи предметъ ихъ можетъ быть:

„1) выманить нашъ флотъ въ море и уничтожить его;

„2) атаковать Ревель, Свеаборгъ и Кронштадтъ;

„3) сдѣлать высадку въ Финляндіи или Остзейскихъ губер-„ніяхъ.

„Обращаясь къ первому пункту, рождается вопросъ: должны ли „или можемъ ли встрѣтить флоты нашимъ и гдѣ, или не благо-„разумнѣе ли флотъ нашъ не высылать до того, покуда непрія-„тельскіе не потерпятъ отъ атакъ на наши порты, и въ такомъ „случаѣ гдѣ и какъ поставить наши дивизіи.

„Преимущество паровыхъ кораблей лишитъ насъ возможности „съ паруснымъ флотомъ надѣяться на выгодный бой, не говоря „уже о числительномъ превосходствѣ непріятельскихъ кораблей.

„Казалось бы, что должно предпочесть флотъ держать за „гаванями до удобной минуты. Но гдѣ? Въ Свеаборгѣ рейдъ не „доступенъ непріятельскимъ выстрѣламъ, и тамъ дивизія наша „удобно стать можетъ на рейдѣ, усиливая своей артиллеріей „огонь крѣпости и батарей противъ входовъ.

„Но въ Кронштадтѣ сего удобства нѣтъ, и двумъ дивизіямъ „стать трудно за военной гаванью, развѣ не въ полномъ воору-

---

[1]) См. схему № 53 (въ папкѣ).

[2]) Записка Вел. Кн. Константина Николаевича къ кн. Меншикову отъ 31 декабря 1853 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4259.

„женіи по мелководью. Стать же на большомъ рейдѣ было бы „невыгодно, препятствуя только свободному дѣйствію фортовъ „и батарей.

„Потому полагаю, что иного ничего не остается, какъ, при „извѣстности приближенія непріятеля, вывесть весь флотъ изъ „гаваней и поставить на сѣверной сторонѣ въ одну или двѣ линіи, „по направленію въ Лисину косу, оставивъ одни фрегаты на „маломъ рейдѣ.

„Канонерскія лодки вооружить и, снабдивъ экипажами съ „кораблей, поставить въ первой линіи передъ кораблями, вдоль „терасснаго запруженія.

„Когда же непріятельскіе флоты послѣ неудачной атаки на „Кронштадтъ отступятъ, тогда помощью пароходовъ сейчасъ вы„вести флотъ за рейдъ и преслѣдовать непріятеля по удобству".

Императоръ Николай повелѣлъ запросить по этому вопросу мнѣніе князя Меншикова.

Ближайшимъ послѣдствіемъ высказанныхъ Государемъ мыслей, а также записки князя Голицына и послѣдовавшаго обмѣна мнѣній было порученіе молодого генералъ-адмирала, данное наиболѣе выдающимся адмираламъ, высказать ихъ заключеніе по поводу предстоящаго дѣйствія Балтійскаго флота. Сводка этихъ мнѣній [1]), по самому существу своему, должна представлять особый интересъ, почему мы и остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Записка вице-адмирала Меликова, который съ 1832 года не соприкасался со строевой дѣятельностью нашихъ морскихъ силъ, является цѣлымъ обвинительнымъ актомъ администраціи Балтійскаго флота за истекшую четверть вѣка. Изложивъ всѣ тѣ огромныя реформы, которыя сдѣлалъ въ началѣ своего царствованія Императоръ Николай, пожелавшій, по словамъ французскаго адмирала Jurien de la Gravière, допустить роскошь имѣть въ мирное время вполнѣ готовый боевой флотъ [2]), Меликовъ переходитъ къ изложенію тѣхъ результатовъ, которые долженъ былъ дать Балтійскій флотъ, какъ слѣдствіе отеческихъ заботъ и щедротъ Государя. „Нынѣ", пишетъ Меликовъ, „протекло болѣе четверти столѣтія „съ того времени, какъ началось преобразованіе флота, и, слѣдова„тельно, можно ожидать, что теперь Россія имѣетъ флотъ боевой „въ полномъ смыслѣ слова, т.-е., что корабли наши построены

---

[1]) Арх. Морск. Мин., 1853 г. Канц. ген.-адм., д. № 24.
[2]) Эти реформы изложены въ I томѣ настоящаго труда.

„по образцамъ, признаннымъ наилучшими, и въ морскихъ каче-
„ствахъ и силѣ не уступаютъ иностраннымъ; что къ нашимъ „кораблямъ примѣнены всѣ усовершенствованія, какія только „могли изобрѣсти наука и опыты морскихъ державъ, что мы „знакомы со всѣми усовершенствованіями, до кораблестроенія, „кораблевожденія, пароходства и артиллеріи относящимися, и что „у насъ подвергнуто испытанію и принято всякое полезное по „симъ частямъ нововведеніе, такъ что мы ни въ чемъ не отстали „отъ другихъ флотовъ; что мы и безъ иностранцевъ въ состоя-
„ніи изготовлять паровыя машины и всѣ предметы для флота, и „что Ижорскій заводъ нашъ можетъ въ этомъ отношеніи сопер-
„ничать съ лучшими заведеніями подобнаго рода въ Европѣ; что „военные наши порты недоступны для непріятеля и снабжены въ „изобиліи запасами всякаго рода; что учебный комитетъ озабо-
„тился о распространеніи между нашими офицерами всѣхъ познаній „по части морской тактики и стратегіи, почерпая оныя изъ луч-
„шихъ сочиненій, и что, слѣдовательно, наши офицеры находятся „на той же степени образованія, какъ французы и ангичане. „Однимъ словомъ, что Россія силою и достоинствомъ своего „флота возведена въ полной мѣрѣ на степень первоклассной мор-
„ской державы, и въ сихъ видахъ она смѣло можетъ принять „вызовъ хотя бы всѣхъ морскихъ державъ, противъ нея соеди-
„нившихся, потому что 27 сильныхъ и надежныхъ линейныхъ „кораблей съ полнымъ комплектомъ экипажей, хорошо пріучен-
„ныхъ къ морскому дѣлу, въ кругу своихъ портовъ и близости „подкрѣпленій, составляютъ силу неодолимую“.

Мы уже знаемъ, что мечты вице-адмирала Меликова были далеки отъ дѣйствительности.

Исходя изъ заключенія, что флотъ нашъ находится въ такомъ блестящемъ состояніи, въ какомъ „въ правѣ ожидать Государь и „Отечество“, Меликовъ полагалъ, что лучше всего встрѣтить не-
пріятеля при входѣ въ Финскій заливъ и принять сраженіе, если только противникъ численно не очень будетъ насъ превосходить. Авторъ записки шелъ еще дальше и полагалъ, что „при томъ „совершенствѣ, въ какомъ долженствовалъ быть нашъ флотъ, мы „могли бы прямо итти на порты опаснѣйшаго врага и истребить „его силы прежде, чѣмъ онѣ будутъ соединены и готовы къ „дѣлу“. Но, если бы, писалъ дальше Меликовъ, флотъ нашъ ока-
зался не такимъ, какимъ ему надлежало бы быть, то слѣдовало бы отдѣлить совершенно исправныя суда, усилить ихъ бомбическими

пушками, „представляющими въ искусныхъ рукахъ самое надеж-„ное средство“, и изъ этой части судовъ образовать дѣйствующій флотъ, готовый вступить въ дѣло съ непріятелемъ, если его силы

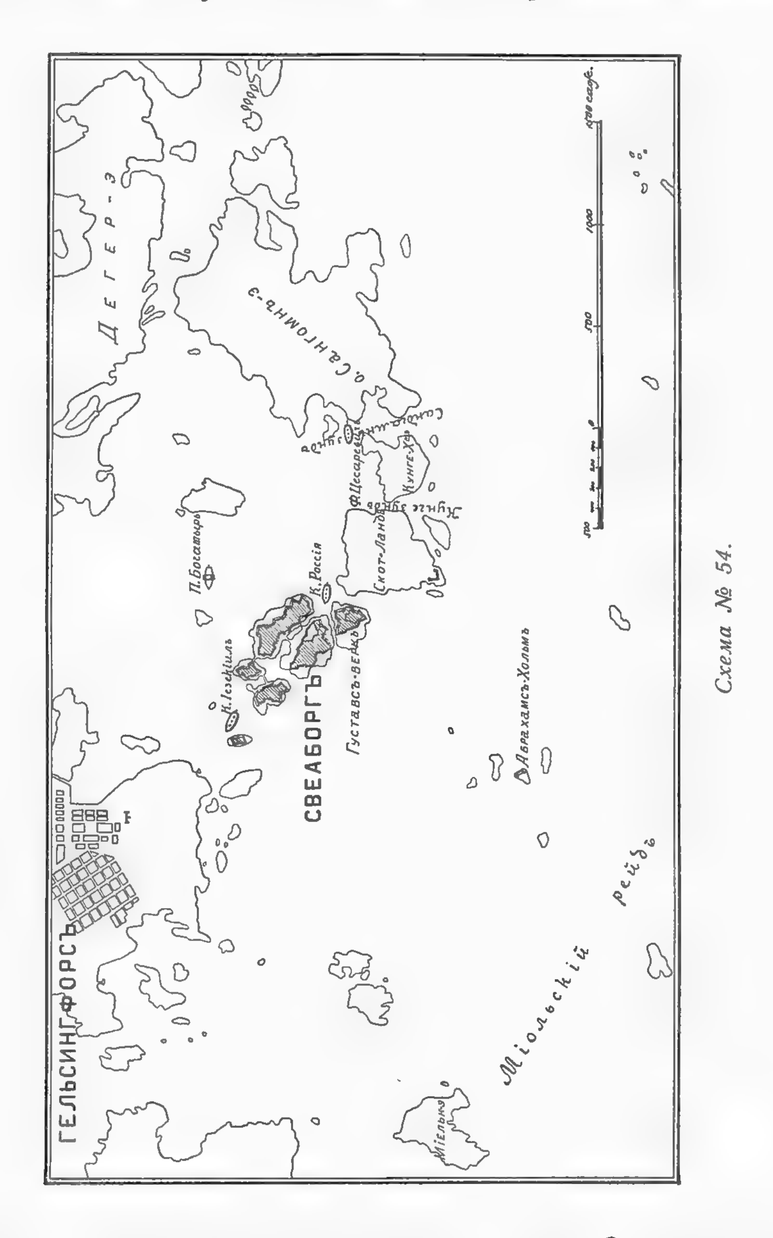


Схема № 54.

не будутъ значительно превосходить наши. Остальныя же суда будутъ составлять резервъ флота, который можетъ вступить въ дѣло тогда, когда непріятельскіе корабли потерпятъ поврежденіе и потеряютъ часть своей прежней силы.

Переходя далѣе къ тому случаю, когда численное превосходство непріятеля совершенно не позволитъ намъ надѣяться на успѣхъ, вице-адмиралъ Меликовъ полагалъ не подвергать флота безполезнымъ потерямъ неравнаго боя и не давать непріятелю легкаго торжества. Пока флотъ существуетъ, писалъ онъ, непріятель едва ли осмѣлится предпринять какія-либо рѣшительныя дѣйствія противъ нашихъ портовъ и береговъ. Оставалось рѣшить вопросъ, въ какомъ пунктѣ выгоднѣе въ такомъ случаѣ расположить наши морскія силы—въ Кронштадтѣ или въ Свеаборгѣ? Оставаться въ Кронштадтѣ значило передать весь заливъ на волю непріятеля и быть запертымъ въ тѣсной блокадѣ; въ Свеаборгѣ же флотъ нашъ могъ прикрыть всѣ берега залива и лучше защищать Кронштадтъ и столицу, чѣмъ если бы онъ былъ расположенъ на Кронштадтскомъ рейдѣ. Ревель, по своему положенію при входѣ въ Финскій заливъ, представлялъ бы для флота тѣ же удобства, какъ и Свеаборгъ, и, кромѣ того, выгоду болѣе расположеннаго къ Россіи народонаселенія; но онъ былъ недостаточно укрѣпленъ, и деревянный молъ его былъ подверженъ большой опасности отъ брандеровъ. Меликовъ рекомендовалъ совершенно отказаться отъ Ревеля и выражалъ сожалѣніе, что не приведена въ исполненіе мысль Петра Великаго, намѣтившаго постояннымъ мѣстопребываніемъ нашего флота Балтійскій портъ, который самой природой предназначенъ для этой цѣли. Авторъ считалъ излишнимъ говорить о Кронштадтѣ въ полной увѣренности, что „милліоны, пожертвованные на укрѣпленіе этого „оплота столицы, истрачены не напрасно“. Однако, предполагая, что непріятель для скорѣйшаго окончанія войны можетъ направить всѣ свои усилія противъ этого пункта, онъ рекомендовалъ теперь же осмотрѣть Кронштадтъ и по возможности исправить всѣ его недочеты.

Князь Меншиковъ видѣлъ цѣль Балтійскаго флота въ прикрытіи своихъ портовъ и въ пораженіи непріятеля, если бы онъ оказался слабѣе. Расположеніе на Кронштадтскомъ рейдѣ не удовлетворяло ни одной изъ этихъ задачъ, да, кромѣ того, и флотъ, на немъ сосредоточенный, не находился въ безопасномъ положеніи. На южномъ рейдѣ западная оконечность линіи флота могла быть уничтожена безъ возможности подкрѣпить ее другимъ флангомъ при благопріятствующемъ нападенію юго-западномъ вѣтрѣ. На сѣверномъ же рейдѣ флотъ не покровительствовался береговыми батареями, и сбитые корабли не имѣли возможности отступать.

Поэтому князь Меншиковъ полагалъ, что флотъ слѣдуетъ держать въ отдаленіи отъ Кронштадта. Если имѣлось въ виду принять флотомъ сраженіе, маневрируя въ открытомъ морѣ, то онъ указывалъ, какъ на пунктъ сосредоточенія флота, на островъ Наргенъ; въ случаѣ же принятія боя на якорѣ можно было расположиться передъ Свеаборгомъ на Міольскомъ рейдѣ [1]), у Парклауда на Баре-Зундскомъ плесѣ или восточнѣе Свеаборга за Седеръ-шхерами. Это расположеніе требовало обезпечить Свеаборгъ, какъ базу предстоявшихъ дѣйствій.

Генералъ-адъютантъ Корниловъ, исходя изъ заключенія, что союзники наврядъ ли могутъ имѣть въ Балтійскомъ морѣ свыше 20 кораблей, рекомендовалъ раздѣлить нашъ флотъ на двѣ части: дѣйствующую — изъ 20 кораблей и резервную — изъ 8. Первую держать на одномъ изъ внѣшнихъ рейдовъ Финскаго залива, наиболѣе недоступномъ для входа непріятеля и удобномъ для его укрѣпленія, какъ, напримѣръ, рейды на Баре-Зундскомъ плесѣ у Парклауда. Такое грозное, по мнѣнію Корнилова, положеніе флота насторожѣ всѣхъ нашихъ сѣверныхъ морскихъ заведеній должно вполнѣ оградить ихъ отъ серьезныхъ покушеній со стороны непріятеля и вынудить его къ блокадѣ въ бурномъ, незнакомомъ морѣ, усѣянномъ подводными камнями и мелями. Резервный отрядъ судовъ Корниловъ предназначалъ для содѣйствія оборонѣ Кронштадта и Свеаборга, а Ревельскій портъ рекомендовалъ предоставить собственнымъ средствамъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ ставилъ первою задачею нашему флоту соединеніе всѣхъ силъ возможно ближе къ выходу изъ залива и принятіе боя подъ парусами съ непріятелемъ, который будетъ въ равныхъ силахъ. Укрыться же на Свеаборгскомъ рейдѣ онъ полагалъ возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если непріятельскій флотъ будетъ въ весьма превосходныхъ противъ насъ силахъ. Графъ Гейденъ полагалъ, въ виду высказаннаго имъ мнѣнія, необходимымъ немедленно послѣ вскрытія залива отъ льда соединиться эскадрамъ, зимовавшимъ въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ, у острова Гогланда, и оттуда безотлагательно слѣдовать въ крейсерство между Оденсгольмомъ и Гангутомъ. Всѣ пароходо-фрегаты направить въ Гангутъ, гдѣ имъ быть въ полной готовности соединиться съ флотомъ. Гребную флотилію отправить изъ Петербурга въ Свеаборгъ и поставить ее по станціямъ

---

[1]) См. схему № 54, стр. 1195.

въ шхерахъ, отрядивъ часть въ Абогскія шхеры для наблюденія за Юнгферзундомъ и Гангутомъ. Для извѣщенія о приближеніи непріятеля устроить телеграфную линію между Оденсгольмомъ и Дагерортомъ. Крейсеруя, кончаетъ графъ Гейденъ, между Гангутомъ и Оденсгольмомъ, флотъ при помощи пароходовъ и телеграфа можетъ быть во всегдашней готовности или встрѣтить непріятеля въ порядкѣ или же заблаговременно уклониться отъ боя.

Генералъ-адъютантъ Литке полагалъ, что огромныя приготовленія западныхъ державъ имѣютъ въ виду нанесеніе намъ сильнѣйшаго удара истребленіемъ флота и уничтоженіемъ большихъ морскихъ заведеній.

Поэтому намъ предстоитъ роль исключительно оборонительная, для чего необходимо постараться сосредоточить весь флотъ вмѣстѣ, и, какъ на лучшій въ этомъ отношеніи пунктъ, онъ указывалъ на Свеаборгъ. Соединенные тамъ 23-25 линейныхъ кораблей и 8 пароходовъ должны быть во всегдашней готовности на вылазку и поискъ, на которые надо рѣшаться не иначе, какъ съ вѣрной надеждой на успѣхъ, и вступать въ дѣло съ непріятелемъ, лишь имѣя значительный перевѣсъ въ силахъ. При численномъ равенствѣ Литке признавалъ нашъ флотъ слабѣе англійскаго, какъ въ виду отсутствія винтовыхъ двигателей и недостатка бомбическихъ орудій съ усовершенствованными разрывными зарядами, такъ и, главное, въ виду неопытности капитановъ.

Литке полагалъ, что непріятель наврядъ ли рѣшится атаковать Кронштадтъ съ цѣлью разорить его укрѣпленія, если увидитъ, что нашего флота тамъ нѣтъ. Это предпріятіе было бы для него очень рискованнымъ при нахожденіи русскаго флота около Свеаборга въ полной готовности къ дѣйствію. Но для избѣжанія всякаго съ этой стороны риска намъ необходимо было обратить особое вниманіе на оборонительную силу Кронштадта, на усиленіе защиты малаго рейда блокшифами и оставшимися кораблями, а сѣвернаго фарватера фрегатами и другими мелкими судами. Авторъ записки не отрицалъ возможности покушенія на Кронштадтъ также непріятельскаго флота совмѣстно съ десантомъ, такъ какъ паровые двигатели даютъ „такіе способы перевозки и самой высадки „войскъ, о которыхъ въ прежнія войны и не помышляли“. Для отраженія такого десанта, приготовленіе котораго непріятелю наврядъ ли удалось бы скрыть отъ насъ, потребовалось бы по меньшей мѣрѣ отрядить дивизію пѣхоты при 24 батарейныхъ орудіяхъ.

Если бы союзныя эскадры появились въ Балтійскомъ морѣ такъ скоро послѣ открытія навигаціи, что не дали бы возможности соединиться нашимъ отрядамъ, зимовавшимъ въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ, то роль нашего флота по необходимости дѣлалась еще болѣе пассивною. Въ такомъ случаѣ адмиралъ Литке рекомендовалъ употребить часть судовъ на усиленіе обороны Кронштадтскаго рейда, а лучшіе 12 кораблей поставить въ три линіи

Схема № 55.

за военнымъ угломъ въ полной готовности воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ и съ помощью пароходовъ, поставленныхъ за ними, выйти изъ своего оборонительнаго положенія.

Контръ-адмиралъ Истоминъ считалъ, что главнымъ предметомъ дѣйствій союзниковъ станетъ Кронштадтъ, противъ котораго будетъ направленъ десантъ, и рекомендовалъ принять мѣры обороны противъ этого новаго сильнаго врага приморскихъ крѣпостей.

Контръ-адмиралъ Глазенапъ предлагалъ 20 кораблей соединить въ Свеаборгѣ, а остальные оставить въ Кронштадтѣ. Изъ первыхъ выбрать 10 лучшихъ 84- и 74-пушечныхъ кораблей, придать къ нимъ всѣ 10 пароходо-фрегатовъ и образовать летучую эскадру, которая должна быть ежеминутно готова выйти въ море, чтобы атаковать непріятельскія эскадры меньшей силы, не удаляясь, однако, далеко отъ Свеаборга. Гребной флотъ раздѣлить на двѣ части—восточный отрядъ съ главными силами около Роченсальма (Котка) и западный у Гангута. Оба отряда должны были охранять входы съ моря, противодѣйствовать попыткамъ непріятеля укрѣпиться въ шхерахъ и охранять сообщеніе между Выборгомъ, Свеаборгомъ, Або и Аландскими шхерами.

Контръ-адмиралъ Мофетъ, отмѣтивъ, что нашъ флотъ уступаетъ союзному въ опытности и подготовкѣ капитановъ, въ составѣ артиллеріи, въ отсутствіи винтовыхъ двигателей и въ количествѣ пароходовъ, признавалъ, что мы можемъ принять бой подъ парусами при численномъ превосходствѣ нашихъ кораблей надъ непріятельскими [1]), а на якорѣ и съ флотомъ одинаковой численности. Исходя изъ заключенія, что союзники будутъ имѣть въ Балтійскомъ морѣ превосходныя силы, Мофетъ также признавалъ, что дѣйствія нашего флота должны носить оборонительный характеръ. Для этого его слѣдовало раздѣлить на двѣ части—дѣйствующую, изъ 20 лучшихъ кораблей, которую сосредоточить въ Свеаборгѣ, и резервную, которую употребить на усиленіе Кронштадтскихъ и Свеаборгскихъ морскихъ укрѣпленій. Гребную же флотилію размѣстить отрядами, при одномъ пароходѣ въ каждомъ, въ Аспо, Парклаудѣ, Гангутѣ, Уте и въ Аландскихъ шхерахъ, между Дегербо и Редшфеномъ.

Всѣ эти мнѣнія были заслушаны въ мартѣ 1854 года особымъ совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича [2]), который пришелъ къ слѣдующему заключенію о возможныхъ дѣйствіяхъ Балтійскаго флота въ 1854 году.

Ожидаемое превосходство въ силахъ противника не позволяетъ намъ вступить съ нимъ въ открытый бой съ какою-либо надеждой на успѣхъ. Поэтому мы по необходимости должны оставаться въ оборонительномъ положеніи подъ защитою нашихъ крѣ-

---

[1]) Онъ признавалъ необходимость отношенія 4:3 между численностью нашего и непріятельскаго флотовъ.

[2]) Членами особаго совѣта были: адмиралъ Рикордъ, ген.-адъют. Литке, вице-адмиралы Балкъ и Замыцкій.

постей, будучи въ совершенной готовности пользоваться каждой благопріятной минутой для перехода въ наступленіе. Главною нашей заботой должно быть соединеніе всѣхъ трехъ дивизій въ Свеаборгѣ, но, если это не удастся, то находившіяся въ Кронштадтѣ двѣ дивизіи должны быть такъ расположены, чтобы, усиливая оборону крѣпости, онѣ обезпечивали и собственную безопасность. Если бы, вслѣдствіе отбитаго нападенія на Кронштадтъ или отъ другихъ причинъ, непріятельскій флотъ оказался значительно ослабленнымъ, и перевѣсъ силъ рѣшительно перешелъ бы на нашу сторону, то нашъ флотъ долженъ перейти въ наступленіе, но отнюдь не вдаваясь въ рискъ. Совѣщаніе, какъ бы въ оправданіе поставленныхъ флоту пассивныхъ задачъ, указывало въ своемъ заключеніи, что, если непріятель долженъ будетъ оставить наши воды, не успѣвъ нанести пораженія русскому флоту, то эта неудача будетъ для него чувствительнѣе потеряннаго сраженія [1]).

Въ такія скромныя рамки была заблаговременно поставлена роль могущественнаго, какъ имѣлъ право предполагать Императоръ Николай, Балтійскаго флота, и такое отрицательнаго рода утѣшеніе ему пришлось выслушать отъ совѣщанія старшихъ адмираловъ!

Адмиралъ Стеценко, одинъ изъ выдающихся моряковъ второй половины прошлаго столѣтія, разбирая вопросъ объ осужденіи Балтійскаго флота на бездѣйствіе, считаетъ, что по количеству и качеству своей артиллеріи, по годности кораблей и по подготовкѣ экипажа онъ могъ бы сразиться съ союзнымъ флотомъ. Обаяніе винтовыхъ кораблей и прежней славы англійскаго флота, а, главное, большая нравственная отвѣтственность въ случаѣ пораженія могли, по его мнѣнію, удержать выходъ нашего флота. „Могъ ли“, пишетъ Стеценко [2]), „Государь взять на себя ту же нравственную „отвѣтственность при сомнѣніи въ успѣхѣ со стороны главныхъ „силъ флота?“

Что касается до сухопутной обороны Балтійскаго побережья, то въ основу ея на 1854 годъ легло желаніе оградить по возможности всѣ наиболѣе населенные пункты побережья отъ того въ общемъ, какъ предполагалось, незначительнаго десанта, которымъ

---

[1]) Это постановленіе совѣта почти слово въ слово состоитъ изъ изложеннаго въ запискѣ адмирала Литке вел. кн. Константину Николаевичу, представленной при письмѣ отъ 5 марта 1854 г. Арх. Морск. Мин., 1853 г. Канц. ген.-адм., д. № 24.

[2]) В. Стеценко: „Старое и Новое“. Морск. Сборн. 1896 г., кн. 3.

союзники могли имъ угрожать. Незнакомство съ силой парового флота, который предоставлялъ полную возможность выкинуть на берегъ значительный десантъ, а также существованіе въ Балтійскомъ морѣ нашего могущественнаго флота въ 27 линейныхъ кораблей и большой гребной флотиліи позволяли полагать, что такая цѣль можетъ быть достигнута. Мы ставили себѣ весьма неблагодарную задачу прикрыть береговую линію около 2600 верстъ протяженія, не считая острововъ. Къ тому же большая половина этой линіи составляла берега Финляндіи, лучше извѣстные, благодаря нелегальному поведенію финскихъ лоцмановъ [1]), нашимъ врагамъ, чѣмъ намъ. Да и самое свойство финскихъ береговъ, столь богатыхъ шхерами, представляло большое преимущество для союзнаго парового флота по сравненію съ нашимъ парусным: многіе изъ проходовъ были недоступны парусным судамъ и легко прорѣзывались легкими паровыми судами.

Наибольшее вниманіе на всей длинной береговой линіи было обращено на пункты, имѣющіе важное значеніе военное и государственное, и въ этомъ отношеніи центромъ тяжести обороны Балтійскаго побережья являлась столица съ ея окрестностями. Здѣсь, въ раіонѣ отъ Выборга до Нарвы, включая сюда и Кронштадтъ, было сосредоточено 122¼ бат., 90½ эск. и 272 ор., подъ личнымъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича [2]). Эта масса войскъ служила въ то же время и общимъ резервомъ всего Балтійскаго побережья.

Для обороны всей Финляндіи отъ Торнео до Выборга было разбросано всего 24¼ бат., 12 эск. и сот. и 36 ор., подъ начальствомъ генерала Рокасовскаго. Значительная часть этихъ силъ группировалась около наиболѣе важнаго пункта края — Гельсингфорса и отчасти около Або. Аландскіе острова съ Бомарзундскими укрѣпленіями, на сохраненіе которыхъ у насъ не было надежды съ самаго начала кампаніи, были предоставлены своему собственному незначительному (около 2000 человѣкъ) гарнизону.

Въ Эстляндіи было сосредоточено, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Берга, 18¼ бат., 20 эск. и сот. и 32 ор., большая часть которыхъ группировалась около Ревеля.

---

[1]) М. Бородкинъ: „Война 1854—1855 года на Финскомъ побережьѣ“, стр. 84.
[2]) Кронштадтъ былъ выдѣленъ подъ начальство инженеръ-генерала Дена.

И, наконецъ, въ Лифляндіи и Курляндіи, уступное положеніе которыхъ заставляло менѣе за нихъ опасаться, находилось 14 бат., 22 эск. и с. и 44 орудія [1]).

Одновременно было обращено вниманіе на приведеніе въ надлежащій видъ приморскихъ крѣпостей, при чемъ на ряду съ главными опорными пунктами, какъ-то Кронштадтъ, Ревель, Свеаборгъ, Выборгъ, отчасти Бомарзундъ и Гангутъ, было обращено вниманіе и на мелкія укрѣпленія старинной постройки, въ изобиліи разбросанныя по Финскому побережью. Цѣль подобной заботливости, надо полагать, заключалась все въ томъ же желаніи обезпечить прибрежныхъ жителей отъ мелкихъ нападеній непріятельскихъ десантовъ. Сами по себѣ эти старинныя крѣпостцы не представляли никакой силы; привести же ихъ въ видъ, годный для обороны, мы не имѣли ни времени, ни соотвѣтствующей артиллеріи, ни гарнизона въ достаточномъ количествѣ. При малѣйшемъ серьезномъ покушеніи со стороны непріятеля онѣ должны были пасть безъ всякой пользы для насъ и къ вящшей славѣ противника. Для примѣра укажемъ хотя бы на укрѣпленія Роченсальма (форта Славы) и Свартгольма.

Роченсальмъ или Котка [2]), у устьевъ Кюмени, былъ уже упраздненной крѣпостью. Онъ имѣлъ 19 отдѣльныхъ укрѣпленій, изъ которыхъ фортъ Слава, лежавшій въ 4 верстахъ отъ Котки на утесѣ Финскаго залива, являлся какъ бы особой крѣпостью. Оборону Роченсальма рѣшили ограничить лишь обороной этого форта, на вооруженіи котораго состояло 42 старыхъ разнаго калибра орудія при 250 человѣкахъ гарнизона. Укрѣпленія этого пункта были настолько слабы, что осенью 1854 года ихъ рѣшили разоружить, чтобы не давать союзникамъ безцѣльныхъ трофеевъ. Свартгольмская крѣпость (въ 10 верстахъ отъ г. Ловизы) состояла изъ одной оборонительной казармы, гдѣ могло помѣститься до 120 человѣкъ гарнизона. Ее вооружили двѣнадцатью 18-ти фунтовыми пушками, такъ какъ, занятая непріятелемъ, она могла вредить шхерному судоходству. Эти орудія, разбросанныя по всѣмъ бастіонамъ безъ взаимной обороны и лишенныя общаго сосредоточеннаго дѣйствія, не представляли изъ себя сколько-нибудь внушительной силы противъ серьезнаго покушенія противника [3]).

---

[1]) Всеподд. отчеты военнаго министра за 1854 г. Часть генер. штаба. Арх. Канц. Воен. Мин.

[2]) См. схему № 55, стр. 1205.

[3]) Арх. Морск. Мин., по обор. бер., 1853 г., секр. д. № 4.

Послѣдовавшій разрывъ съ западными державами вызвалъ лихорадочную дѣятельность по приготовленію къ встрѣчѣ непріятеля въ Балтійскомъ морѣ и къ вооруженію судовъ нашего флота. Главная цѣль, поставленная себѣ морскимъ вѣдомствомъ, заключалась въ защитѣ нашихъ портовъ и шхеръ отъ нападенія англо-французскаго флота.

Для предстоявшей кампаніи было вооружено 26 линейныхъ кораблей, 10 пароходо-фрегатовъ, 18 мелкихъ пароходовъ, 5 фрегатовъ, 1 корветъ и 16 мелкихъ судовъ; кромѣ этого, для цѣлей обороны были приспособлены 3 старыхъ корабля и привлечены на службу 17 вольныхъ пароходовъ. Для пополненія экипажей были собраны безсрочно-отпускные нижніе чины, въ количествѣ 2347 человѣкъ, изъ которыхъ сформированы 26 запасныхъ ротъ.

Особое вниманіе морскимъ вѣдомствомъ было обращено на увеличеніе гребной флотиліи, предназначаемой для обороны Кронштадта и финляндскихъ шхеръ. Къ сожалѣнію, флотилія эта не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ, въ виду полной непригодности ея для дѣйствія въ морѣ даже въ защищенныхъ островами проходахъ.

Для защиты Кронштадта и шхеръ отъ Біоркэ-Зунда до Гельсингфорса приступили къ постройкѣ 74 лодокъ [1]) на вольной верфи въ Петербургѣ и для защиты шхеръ отъ Гельсингфорса до Або 40 лодокъ въ Або, Бьернсборгѣ [2]) и Гельсингфорсѣ. Кромѣ того, для обороны Риги въ ней строилось 16 лодокъ [3]).

Для пополненія экипажа флотиліи было объявлено 2 апрѣля положеніе о морскомъ ополченіи, согласно которому вызывались на службу охотники изъ лицъ всѣхъ сословій Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Тверской губерній. Для лодокъ, охранявшихъ западный участокъ шхеръ, набирались охотники и изъ финляндскихъ уроженцевъ. Поступившіе волонтерами должны были служить до 1 ноября, получая 8 руб. сер. жалованья въ мѣсяцъ, продовольствіе и одежду крестьянскаго покроя, съ крестомъ на шапкѣ [4]).

Всего такихъ охотниковъ поступило болѣе 9 тысячъ человѣкъ [5]), при чемъ „служба, поведеніе и успѣхъ занятій ополчанъ

---

[1]) Изъ нихъ 10 на личныя средства Громова.
[2]) См. схему № 56, стр. 1205.
[3]) Всеподд. отчетъ генералъ-адмирала за 1854 г. Арх. Морск. Мин. Инсп. деп., д. № 127.
[4]) Арх. Морск. Мин. Инсп. деп., 1854 г., д. № 143.
[5]) Арх. Морск. Мин., Канц. ген.-адм., 1855 г., секр. д. № 20.

„были весьма удовлетворительны“ [1]), и самымъ суровымъ наказаніемъ среди нихъ было увольненіе со службы до окончанія срока.

Для своевременнаго извѣщенія о приближеніи непріятеля были по всему пространству сѣвернаго и южнаго береговъ Финскаго залива поставлены временные телеграфы, а для затрудненія плаванія всѣ маяки были погашены, вѣхи на банкахъ не ставились,

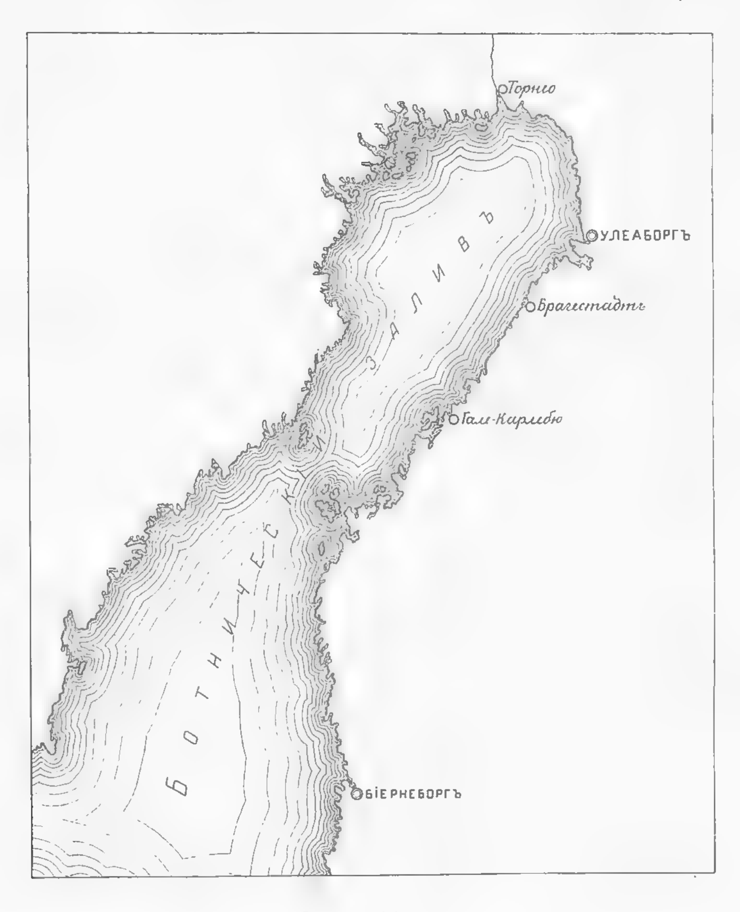


Схема № 56.

и лоцмана съ открытыхъ станцій были сняты. Въ шхерахъ, кромѣ того, были разобраны нѣкоторыя маячныя башни и заграждены два боковые прохода къ Выборгу, а третій—Транзундскій предполагали сдѣлать непроходимымъ, когда обстоятельства того потребуютъ.

Несмотря на высказанную особымъ совѣщаніемъ мысль сосредоточить весь Балтійскій флотъ по открытіи навигаціи въ

[1]) Арх. Морск. Мин. Инсп. деп., 1854 г., секр. д. № 558.

Свеаборгѣ, въ концѣ концовъ рѣшено было оставить его въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онъ зимовалъ. По всей вѣроятности, это было вызвано опасеніемъ не успѣть совершить переходъ туда изъ Кронштадта до появленія въ Балтійскомъ морѣ союзнаго флота.

Въ составъ первой дивизіи входило 9 кораблей (одинъ — 110 пушечный, два — 84 пуш. и остальные — 74 пуш.) и 3 фрегата; въ составъ второй дивизіи — 8 кораблей (одинъ — 110 пуш., два — 84 пуш. и остальные — 74 пуш.) и 2 фрегата, и третья дивизія состояла изъ 8 кораблей (одинъ — 120 пуш., четыре — 84 пуш. и остальные — 74 пуш.); 10 пароходо-фрегатовъ и мелкія суда были распредѣлены по дивизіямъ, 12 пароходовъ были предназначены для обороны шхеръ, а прочіе для мѣстной службы и посылокъ [1]). Остальные корабли послужили для усиленія обороны Кронштадта въ видѣ блокшифовъ.

Гребная флотилія въ Кронштадтѣ состояла изъ бомбардирскаго судна, 9-ти трехпушечныхъ лодокъ, 88-ми двухпушечныхъ и 8 однопушечныхъ іолъ при двухъ пароходахъ. Финляндскую шхерную флотилію составляли 72 лодки и 20 пароходовъ.

Начальство надъ флотомъ, сосредоточенномъ въ Кронштадтѣ, было возложено на адмирала Рикорда, поднявшаго свой флагъ на кораблѣ „Императоръ Петръ I“.

Одновременно съ подготовкой флота къ встрѣчѣ противника мы начали подготовляться и къ оборонѣ береговъ.

Работы по усиленію Кронштадта производились непрерывно, при чемъ въ оборонѣ этой крѣпости дѣятельное участіе долженъ былъ принять и флотъ. Съ этой цѣлью стопушечные корабли „Петръ I“ и „Георгій Побѣдоносецъ“ стали поперекъ малаго рейда, между фортами князь Меншиковъ и Кроншлотъ. Уступомъ за ними для обстрѣливанія промежутковъ стали во второй линіи три корабля. Одинъ корабль былъ поставленъ въ купеческой гавани для фланговой обороны стопушечныхъ кораблей, другой обстрѣливалъ съ фланга все пространство между кораблями первой и второй линій. Прочіе корабли, стоявшіе сзади, должны были дѣйствовать по особымъ на каждый случай инструкціямъ.

Пароходы были расположены позади кораблей въ линію отъ военнаго угла до Ораніенбаумской пристани. Кромѣ того, въ первыхъ числахъ августа были устроены изъ купленныхъ ботовъ три четырехпушечныя батареи, которыя были поставлены на сторону

---

[1]) Арх. Морск. Мин., Канц. ген.-адм., 1853 г., секр. д. № 24.

Оранiембаумской отмели для защиты пространства между Кронштадтомъ и Оранiенбаумомъ [1]). Для прегражденія сѣвернаго рейда была образована ряжевая преграда по направленію отъ сѣверо-восточной отмели Кронштадта до Лисьяго Носа. Для защиты этой преграды былъ построенъ рядъ батарей на косѣ и образованъ блокшифный отрядъ изъ 3 кораблей, 3 фрегатовъ и 1 корвета, къ которымъ впослѣдствіи были присоединены 74 двухпушечныя канонерскія лодки. Линія блокшифовъ тянулась за ряжевой преградой, имѣя корабли ближе къ Кронштадту для усиленія береговой обороны его сѣверо-восточнаго угла, фрегаты расположенными вдоль линіи загражденія, а канонерскія лодки на правомъ флангѣ у Лисьяго Носа [2]). Кромѣ того, для защиты сѣвернаго фарватера были поставлены мины, проектированныя ученымъ комитетомъ, но заряды въ нихъ были положены, вмѣсто предполагавшихся 10-20 фунтовъ пороху, по 5-10 фунтовъ [3]).

Полевыхъ войскъ въ Кронштадтѣ въ мартѣ мѣсяцѣ находилось 21¼ баталіоновъ, ½ эскадрона и 16 орудій [4]). Рядомъ инструкцій былъ указанъ способъ дѣйствія этихъ войскъ въ случаѣ высадки непріятельскаго десанта на Кронштадтской косѣ, а также и та помощь, которую должна оказать войскамъ гребная флотилія [5]).

Въ кампанію 1854 года къ оборонѣ Петербурга готовились только съ морской стороны, для чего начали строить цѣлую сѣть батарей, предназначенныхъ обстрѣливать устье Невы. Государь лично намѣчалъ мѣсто каждой батареи и часто навѣщалъ работы.

Главное устье Большой Невы [6]) защищали 7 батарей, вооруженныхъ 94 орудіями и расположенныхъ на Гутуевскомъ, Галерномъ и Васильевскомъ островахъ. Устье Малой Невы защищали 2 батареи на 18 орудій, расположенныя на Петровскомъ островѣ. Малую, Среднюю и Большую Невки обороняли батареи отчасти Петровскаго острова и, кромѣ того, построенныя на Крестовскомъ и Елагиномъ островахъ, а также редутъ Алгамбра, при Старой

---

[1]) Всеподд. отчетъ генералъ-адмирала за 1854 г.

[2]) Обзоръ занятій блокшиф. отряда канон. лодокъ Кронштадтской гребной флотиліи въ 1854 г. Арх. Морск. Мин., Инсп. Деп., 1855 г., д. № 558.

[3]) Записки Аркаса. Рукопись.

[4]) Расп. войскъ въ окр. Петербурга 15 марта 1854 г., № 913. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1852 г., д. № 22.

[5]) Рапортъ Кронштадтск. воен. губернатора вел. кн. Константину Николаевичу 11 апрѣля 1854 г., № 254. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4272.

[6]) См. схему № 57, стр. 1209.

деревнѣ, обстрѣливавшій въ то же время Сестрорѣцкую дорогу. Всего здѣсь дѣйствовало 44 орудія.

Въ то время самыми лучшими и дальнобойными орудіями у насъ считались длинныя, чугунныя, 30-ти фунтовыя и тяжелыя, пудовыя, бомбическія пушки, дальность выстрѣловъ которыхъ достигала 3-хъ верстъ. Этими-то орудіями и предполагали преимущественно вооружить Невскія батареи, но въ нихъ ощущался большой недостатокъ. Поэтому часть ихъ была замѣнена 24-хъ фунтовыми пушками и полупудовыми единорогами, съ дальностью стрѣльбы на 1-1¼ версты. Изъ 156 орудій, которыми были вооружены Невскія батареи, было 104 пушки и 52 единорога или бомбическія пушки. По мѣрѣ усиленія обороны Кронштадта батареи эти начали терять свое значеніе, и вооруженіе ихъ не усиливалось [1]).

Петербургъ, несмотря на забитую въ немъ боевую тревогу, не терялъ, повидимому, своего спокойнаго облика—такова была сила вѣры въ нашъ флотъ и въ неприступныя твердыни Кронштадта. То же веселье царило въ городѣ, тѣ же вечернія поѣздки на Елагинскій „Pointe", интересъ къ которому, впрочемъ, увеличивался еще сооружаемой тамъ батареей. Но, по словамъ современника, это спокойствіе было напускное. Назойливая мысль объ опасности, грозившей отечеству, проникала, какъ визгъ желѣза, рѣжущаго камень, въ самыхъ беззаботныхъ людей. Какое-то тяжелое чувство щемило душу и давило ее, какъ удушливый воздухъ, сгустившійся передъ страшной бурей [2]).

Все побережье отъ Петербурга на сѣверъ до Сестрорѣцка и далѣе до Біоркэ-зунда, а на югъ до Бронной горы и далѣе до Красной горки охранялось кавалерійскимъ кордономъ, подкрѣпленнымъ пѣхотными резервами съ полевой артиллеріей. На болѣе важныхъ пунктахъ были устроены на сѣверѣ, у Лисьяго носа, редутъ, а на югѣ, близъ Ораніенбаума, Ключенская батарея, вооруженные на первое время полевыми орудіями. Особое вниманіе обратила на себя оборона Сестрорѣцкаго завода. Комиссія, обслѣдовавшая этотъ вопросъ на мѣстѣ, пришла къ заключенію, что Сестрорѣцкъ не можетъ быть бомбардируемъ съ моря по мелководью даже съ канонерскихъ лодокъ; для воспрепятствованія же непріятельской высадкѣ достаточно имѣть на заводѣ два баталіона

---

[1]) Кренке: „Оборона Балтійскаго побережья въ 1854—56 годахъ".
[2]) Изъ записокъ стараго преображенца кн. Имеретинскаго. Русск. Арх., 1884 г., кн. 6.

пѣхоты, сотню казаковъ и одну полевую батарею, которые, благодаря удобной для обороны мѣстности, въ состояніи будутъ удержать превосходнаго противника до подхода подкрѣпленій изъ Петербурга [1]).

Что касается до фланговыхъ пунктовъ прибрежной полосы окрестностей столицы—Выборга на сѣверѣ и Нарвы на югѣ, то, хотя тамъ и принимались мѣры къ оборонѣ, но въ дѣйствительности ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ противостоять какому-либо серьезному нападенію непріятеля. Генералъ-адъютантъ Огаревъ въ концѣ 1854 года доносилъ Императору Николаю, что Выборгъ до того готовъ къ оборонѣ, что остается только желать, чтобы непріятель дерзнулъ напасть на него. А между тѣмъ очевидецъ, осматривавшій крѣпость весною 1855 года, нашелъ ее въ самомъ ужасномъ состояніи, при чемъ оборонительныя работы 1854 года были направлены не къ тому, чтобы улучшить крѣпость, а лишь чтобы замаскировать всѣ ея недочеты. Достаточно замѣтить, что собственно въ Выборгѣ не было ни одного заряда, такъ какъ на ихъ приготовленіе былъ употребленъ негодный порохъ старинной финляндской заготовки, оставшійся отъ войны 1809 года [2]). Что же касается до Біоркэ-зунда, то въ теченіе всей кампаніи онъ служилъ мѣстомъ самаго спокойнаго стоянія союзнаго флота.

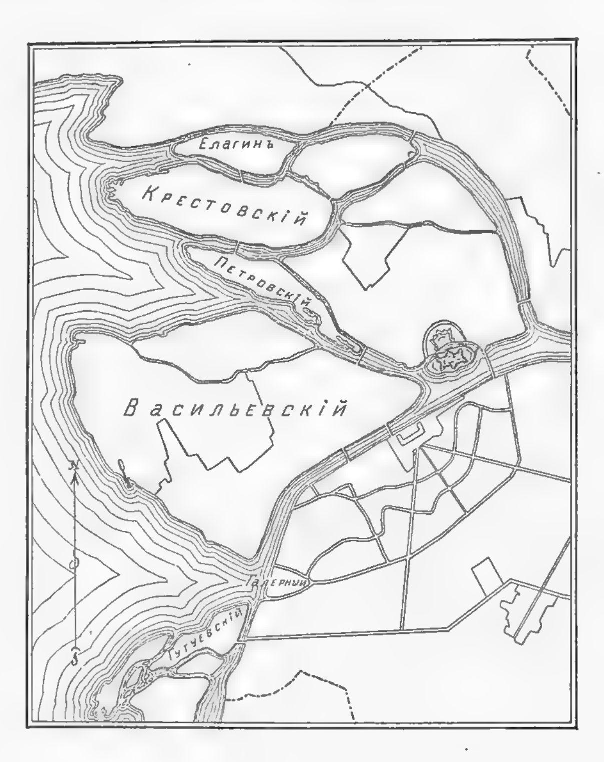


Схема № 57.

Къ веснѣ 1854 года войска, предназначенныя для обороны ближайшихъ окрестностей Петербурга, за исключеніемъ Кронштадта, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Кренке: „Оборона побережья".
[2]) Тамъ же.

Гарнизонъ въ Выборгѣ—4 батал., промежуточный отрядъ у Кюрхмеля (Краснаго Села)—4 батал. и 8 орудій, на Сестрорѣцкомъ заводѣ—столько же и на содержаніе постовъ отъ Біоркэзунда до Петербурга—4 эск.

Гарнизонъ въ столицѣ—23 бат., 9 эск. и 92 ор. и тамъ же главный резервъ—34 бат., 12 эск. и 104 ор.; въ Ораніенбаумѣ—$2^1/_4$ бат., 4 эск. и 16 ор., въ Петергофѣ—3 бат., 14 эск. и 8 ор., въ Стрѣльнѣ—12 эск. и 8 ор., въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ—$14^1/_4$ бат., $22^1/_2$ эск. и 16 ор., въ Красномъ Селѣ и Гатчинѣ—32 бат. и 6 эск., въ Ямбургѣ и Нарвѣ—16 баталіоновъ [1]).

Что касается до остальныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ побережья, то состояніе ихъ находилось не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ состояніе Выборга. На оборону Свеаборга Государь долженъ былъ обратить особое вниманіе, благодаря анонимному письму, полученному великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что, если непріятель пожелаетъ занять Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, то можетъ сдѣлать это въ 24 часа. Большіе острова Сандгамнъ-Э и Кунге-Хольмъ [2]), ограждающіе юго-восточную и восточную стороны рейда, были нами не заняты. Непріятель, безъ труда завладѣвъ ими, могъ поражать стоявшій на рейдѣ нашъ флотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открывалъ своимъ малымъ судамъ свободный входъ на рейдъ черезъ проливы Кунге-Зундъ, Сандгамнъ-Зундъ и Эстнесъ-Зундъ. Государь отправилъ въ Гельсингфорсъ съ чрезвычайными полномочіями флигель-адъютантовъ Герценштвейга и Аркаса. Эти лица поразились неготовностью и дурнымъ состояніемъ обороны Свеаборга. Нѣкоторыя вновь построенныя батареи были такъ неправильно поставлены, что надо было удивляться, зачѣмъ на нихъ тратились громадныя суммы; тамъ же, гдѣ батареи, дѣйствительно, нужны были, онѣ отсутствовали. Наиболѣе сильныя Густавсверкскія укрѣпленія были до того ненадежны, что съ нихъ опасались даже производить стрѣльбу. Острова, указанные въ письмѣ, оказались, дѣйствительно, незанятыми и необитаемыми, но очень удобными для занятія ихъ и для дѣйствія оттуда по рейду, городу и по всѣмъ укрѣпленіямъ [3]). На собранномъ послѣ осмотра Герценштвейгомъ и Аркасомъ Свеаборгскихъ укрѣпленій у командовавшаго войсками генерала Рока-

---

[1]) Расписаніе отъ 15 марта 1854 г., № 913. Арх. Канц. Воен. Мин., по снар. в., 1852 г., секр. д. № 22.

[2]) См. схему № 54, стр. 1195.

[3]) Записки Аркаса. Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

совскаго совѣтѣ рѣшено было постройкой новыхъ батарей и занятіемъ опасныхъ острововъ, а также болѣе удачнымъ расположеніемъ флота, обезпечить по возможности крѣпость отъ угрожавшей ей опасности [1]). Вскорѣ послѣ этого генералъ Рокасовскій былъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ Бергомъ.

Для защиты финляндскихъ шхеръ было, какъ сказано выше, сформировано двѣ бригады гребной флотиліи—одна для обороны участка къ востоку отъ Гельсингфорса и другая къ западу.

Центральнымъ пунктомъ для расположенія восточной бригады былъ избранъ Роченсальмскій рейдъ, прикрывавшійся единственнымъ, ничтожнымъ по существу, укрѣпленіемъ, фортомъ Славою [2]), о которомъ было упомянуто выше. Для обезпеченія расположенія здѣсь флотиліи и заготовленныхъ для нея запасовъ пришлось мѣстными средствами соорудить нѣсколько слабыхъ батарей. Полубаталіонъ гребной флотиліи изъ Роченсальма былъ направленъ къ Гельсингфорсу для усиленія обороны этого послѣдняго съ западной стороны.

Что касается до западнаго отряда флотиліи, то онъ формировался въ двухъ пунктахъ, въ Або и Біернборгѣ. Въ концѣ мая, когда Ботническій заливъ былъ уже занятъ непріятельскими крейсерами, Біернборгскій отрядъ, совершивъ рядъ рискованныхъ переходовъ, прибылъ къ Або, гдѣ вся бригада и расположилась. Отсюда гребная флотилія начала крейсерованіе по Абовскимъ шхерамъ, выдѣливъ восемь лодокъ для защиты самаго города [3]). Приписанные къ западному отряду флотиліи пароходы до 17 іюля оставались въ Гельсингфорсѣ, такъ какъ до этого времени имъ не удалось проскользнуть къ мѣсту своего назначенія по заливу, занятому непріятельскимъ флотомъ.

На южномъ берегу Финскаго залива оборона Нарвы, Ревеля и Риги была предоставлена береговымъ батареямъ, и только въ Ригѣ за батареями, защищавшими входъ въ Двину, находилось 16 канонерскихъ лодокъ.

---

[1]) Журн. воен. сов., назн. по Выс. пов. для принятія необходимыхъ мѣръ къ оборонѣ Свеаб. рейда, 16 іюня 1854 г. Арх. Морск. Мин. Инсп. Деп., 1854 г., д. № 167.

[2]) См. схему № 55, стр. 1199.

[3]) К.-адм. Глазенапъ — вел. кн. Константину Николаевичу 31 мая 1854 г., № 33. Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 259. Кн. Долгоруковъ — вел. кн. Константину Николаевичу 31 мая 1854 г. Арх. Морск. Мин., Инсп. Деп., 1854 г., д. № 259. Всеподд. отчетъ ген.-адм. за 1854 г. Тамъ же, д. № 127. Истор. обз. дѣйств. шхерн. гребн. флот. въ 1854 г. Тамъ же, д. № 558. Рапортъ кн. Е. Голицына генералъ-адмиралу 11 мая 1854 г. Арх. Морск. Мин., Канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 17.

„Здѣсь у насъ все наготовѣ“, писалъ Государь князю Меншикову 19 апрѣля [1]). „Море сегодня очищается. Изъ Ревеля „и Свеаборга ничего, и тамъ все готово“. Съ другой стороны военный министръ дѣлился съ княземъ Меншиковымъ слѣдующими строками: „Kronstadt et Svéaborg sont dans un état suffi„samment bon pour recevoir sir C. Napier. Quant aux autres ports „et fortifications du littoral de la Baltique, il me semble, entre nous, „qu'ils se trouvent un peu dans le genre chinoix.—Que voulez-vous? „En temps de paix nous nous occupons trop de ce qui n'est guère „utile pour la guerre, et une fois la guerre arrivée nous sommes „surpris de ne pas y être préparés dignement. En tout cas, je compte „sur l'énergie et la bravoure de nos frères d'armes et du peuple „en général“ [2]). Князь Долгоруковъ представилъ этими словами одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ сознанія собственной вины передъ Царемъ и родиной.

II.

Если у Императора французовъ въ вопросѣ о Балтійской экспедиціи первоначально и существовали какія-нибудь мечты о содѣйствіи ея возбужденію общаго пожара на нашей западной и сѣверо-западныхъ границахъ, то въ Лондонѣ съ самаго начала на эту экспедицію смотрѣли, лишь какъ на средство уничтожить наше могущество на Балтійскомъ морѣ и подорвать тамъ русскую торговлю.

Еще въ іюлѣ 1853 года адмиралъ Непиръ обращалъ вниманіе великобританскаго правительства на угрожающее положеніе Россіи на Балтійскомъ морѣ, гдѣ она имѣла всегда готовый къ дѣйствію флотъ въ 27 линейныхъ кораблей, а въ Петербургѣ сильную армію, „которая, въ случаѣ войны, можетъ угрожать „берегамъ Англіи въ минуту, когда у Англіи не найдется силъ „для отраженія удара“ [3]). Первоначально это заявленіе не произвело сильнаго впечатлѣнія, но по мѣрѣ того, какъ политическій горизонтъ омрачался, а англійскіе агенты сообщали со всѣхъ сторонъ своему правительству преувеличенныя свѣдѣнія о под-

---

[1]) Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 42.

[2]) Кн. Долгоруковъ — кн. Меншикову 31 марта 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

[3]) War with Russia, 135 and 136.

готовкѣ нашего флота къ активнымъ дѣйствіямъ, лондонское адмиралтейство приняло самыя рѣшительныя мѣры къ полной мобилизаціи своихъ морскихъ силъ [1]). Къ началу марта 1854 года на Спидхэдскомъ рейдѣ уже была сосредоточена для отправки въ Балтійскія воды могущественная эскадра изъ 10 винтовыхъ кораблей, 15 винтовыхъ фрегатовъ и корветовъ, 7 парусныхъ кораблей и 17 пароходо-фрегатовъ и пароходовъ, вооруженныхъ 2344 орудіями [2]). Но эта эскадра была собрана наспѣхъ, очень плохо снаряжена и, главное, имѣла недостаточный, собранный большею частью изъ подонковъ лондонскихъ жителей экипажъ [3]).

Общій видъ Бомарзунда (парижскій военный архивъ).

Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ вице-адмиралъ Непиръ, имѣвшій въ обществѣ репутацію отважнаго энергичнаго моряка, но находившійся въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ съ морскимъ министерствомъ. Непиръ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, и Балтійская экспедиція вызвала впослѣдствіи на адмирала сильныя нападки англійскаго общества. Вся эскадра была подраздѣлена на три дивизіи, которыми командовали контръ-адмиралы Шадъ (Chads), Корри (Corry) и Плумриджъ (Plumridge).

Большая и лучшая часть французскаго флота была отправлена въ Черное море, но Императоръ Наполеонъ не хотѣлъ отставать отъ своихъ союзниковъ и въ Балтійскомъ морѣ,

---

[1]) History of the Baltic Campaign from Documents pir. sh. by sir C. Napier. G. B. Earp. L. Guérin, t. I, p. 165.

[2]) Въ виду разногласія между источниками англійскими, французскими, а также матеріалами нашихъ архивовъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и морского, цифру судовъ опредѣлить въ точности не удалось. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что различіе въ показаніи числа судовъ весьма незначительно.

[3]) Письмо адм. Непира къ издателю „Times“ въ декабрѣ 1855 г., и проч.

а потому въ теченіе зимы были приложены неимовѣрныя усилія для сформированія третьей, Балтійской эскадры. Въ нее вошелъ только одинъ винтовой сто пушечный корабль „Аустерлицъ“ и 7 мелкихъ паровыхъ судовъ; кромѣ того, было парусныхъ 8 кораблей и 7 фрегатовъ [1]). Эскадра эта была вооружена 1249 орудіями, и на ней находилось около 4 тысячъ морской пѣхоты. Командовалъ эскадрой вице-адмиралъ Парсеваль-Дешенъ. Первоначально французское правительство предполагало отправить въ Балтійское море особый десантный корпусъ еще весной, но отложило эту мысль въ виду того, что Англія желала отправленія этого корпуса послѣ первыхъ успѣховъ флота [2]). Вѣрнѣе, надо полагать, что причина задержки въ отправленіи десантнаго корпуса заключалась въ той неготовности Франціи къ большой войнѣ, о которой уже говорилось выше.

Англійское общество требовало скорѣйшаго отправленія эскадры, которая и отплыла въ Балтійскія воды 27 февраля (11 марта) до полученія окончательнаго извѣстія о разрывѣ съ Россіей. „Я увѣренъ, что все кончится удачной войной“, говорилъ адмиралъ Непиръ на торжественномъ банкетѣ по случаю его отплытія [3]). „Можно съ увѣренностью сказать, что наша страна „никогда не выставляла такого блестящаго флота, какъ тотъ, „который на дняхъ выступаетъ въ Балтійское море“. Но застольныя рѣчи не соотвѣтствовали истинному настроенію адмирала, который хорошо видѣлъ многочисленные недостатки своего флота, наскоро собраннаго, мало опытнаго, бѣдно снабженнаго и имѣвшаго мало средствъ для дѣйствій противъ береговыхъ укрѣпленій [4]). Сила Балтійской эскадры состояла въ обиліи винтовыхъ судовъ, что давало ей большое преимущество передъ нашимъ флотомъ въ открытомъ бою, на что, видимо, и разсчитывалъ англійскій адмиралъ. По плану дѣйствій, принятому нами, ему это не могло удаться, и поэтому предполагавшаяся блестящая Балтійская экспедиція союзникамъ ничего не дала, что и было справедливо оцѣнено англійскимъ обществомъ.

7 марта въ Вингоскомъ проливѣ (около Готенбурга) Непиръ распечаталъ данныя ему инструкціи, въ которыхъ ему указы-

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г. Карт. Copenh.
Англ. источн. показ. то же число судовъ, Guérin—нѣсколько болѣе.
[2]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1854 г. Карт. Paris.
[3]) War against Russia, pp. 101 and 102. War with Russia, pp. 139 and 140.
[4]) Письмо адм. Непира къ издателю „Times“. Декабрь 1855 г.

валось занять у входа въ Балтійское море такую позицію, которая позволяла бы „безъ всякаго замедленія исполнять дальнѣйшія предписанія ея величества“. Адмиралу вмѣнялось, въ виду неполученія отвѣта Россіи на ультиматумъ союзниковъ, избѣгать всякихъ непріязненныхъ дѣйствій по отношенію къ русскому флоту, но ни подъ какимъ видомъ не пропускать въ Нѣмецкое море ни одного русскаго корабля. Непиръ рѣшилъ выполнить инструкціи, занявъ со своимъ флотомъ позицію у входа въ Балтійское море; самостоятельнымъ оставленіемъ Вингоскаго пролива онъ заслужилъ выговоръ лондонскаго адмиралтейства.

Англійскій адмиралъ рѣшилъ, пользуясь пребываніемъ въ сосѣдствѣ Копенгагена, нанести визитъ датскому королю, но въ первый свой пріѣздъ королемъ не былъ принятъ, подъ предлогомъ болѣзни. Вообще неоднократныя попытки союзныхъ адмираловъ привлечь на свою сторону правителей Даніи и Швеціи въ 1854 году не достигли положительныхъ результатовъ [1]).

12 марта англійская эскадра прибыла въ Киль, а 20-го — въ Кіоге-бей на восточномъ берегу острова Зеланда, гдѣ было получено извѣстіе объ объявленіи войны. 23 марта адмиралъ Плумриджъ былъ высланъ съ отрядомъ изъ четырехъ винтовыхъ судовъ на рекогносцировку окрестностей Гангутскаго мыса и небольшого Дротнингбергскаго поста. 25-го къ эскадрѣ Непира присоединился и единственный пока представитель французскаго флота винтовой корабль „Аустерлицъ“.

31 марта, получивъ донесеніе отъ развѣдывательнаго отряда, что Финскій заливъ свободенъ отъ льда до Гельсингфорса, и что русскихъ судовъ въ Балтійскомъ портѣ, въ Ревелѣ и въ морѣ не обнаружено, Непиръ направился къ востоку. 2 апрѣля адмиралъ Корри съ его дивизіей (9 судовъ) былъ оставленъ между Дагеръ-Ортомъ и Гувудскеръ, чтобы задерживать на этой линіи всѣ суда; остальная же эскадра держала направленіе къ Финскому заливу. Погода не благопріятствовала плаванію новой армады, и „у береговъ непріятеля неопытность флота стала очевидной“ [2]). Часть эскадры, подъ личнымъ начальствомъ Непира, дошла до устья Финскаго залива, но оставаться тамъ въ дурную погоду было сочтено опаснымъ, почему она пошла назадъ и 9 апрѣля

---

[1]) History of the war against Russia, pp. 306 a. 307. War with Russia, p. 197. The Baltic Campaign и проч.

[2]) Baltic Campaign.

бросила якорь въ шведской гавани Эльфенабенъ, близъ Стокгольма.

Всѣ донесенія Непира съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Англію, были полны жалобъ на его тяжелое положеніе, на состояніе экипажа, на недостатокъ въ лоцманахъ и въ хорошихъ офицерахъ. Онъ жаловался, что не имѣлъ возможности познакомиться съ Аландскими островами и не могъ уговорить ни одного датскаго, шведскаго и норвежскаго офицера поступить къ нему на службу.

Въ свою очередь первый лордъ адмиралтейства писалъ Непиру не заботиться пока о Бомарзундѣ, если онъ не вполнѣ увѣренъ въ безопасности нападенія на Аландскіе острова подъ прикрытіемъ блокадной эскадры. Бомарзундъ не уйдетъ изъ рукъ союзниковъ и всегда доступенъ для атаки, лишь бы было прервано сообщеніе между нимъ и Або. Англійскому адмиралу первымъ долгомъ рекомендовалось упрочить свое положеніе въ Финскомъ заливѣ, но Непиръ не долженъ былъ видѣть въ этомъ совѣтѣ намека на атаку Свеаборга или Кронштадта. Напротивъ, ему рекомендовалось, въ виду отсутствія десантныхъ войскъ, дважды подумать раньше, чѣмъ атаковать эти крѣпости и находившуюся въ нихъ эскадру, которая врядъ ли сдѣлаетъ глупость выйти раньше, чѣмъ Непиръ не понесетъ большихъ потерь въ напрасныхъ дѣйствіяхъ противъ гранитныхъ верковъ. Въ заключеніе адмиралу указывалось избрать такую позицію, съ которой онъ могъ бы наблюдать за гаванями обоихъ береговъ, но не углубляться во внутрь залива ранѣе, чѣмъ погода будетъ вполнѣ благопріятна для такого маневра [1]).

Съ 23 апрѣля и до середины мая эскадра крейсеровала между Ганге и Готландомъ, не рѣшаясь предпринять что-либо серьезное противъ нашихъ береговъ, такъ какъ, кромѣ уже отмѣченныхъ на ней недочетовъ, она страдала отъ недостатка канонерскихъ лодокъ, малыхъ судовъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Эти послѣдніе приказано было беречь, чтобы „избѣжать „упрековъ артиллерійскому управленію за то, что оно до такой „степени сократило запасы“. Англійскимъ морякамъ приходилось успокаивать общественное мнѣніе страны, ожидавшей отъ своихъ моряковъ великихъ подвиговъ, грабежемъ беззащитныхъ коммерческихъ судовъ и прибрежныхъ селеній [2]). И въ этомъ отно-

---

[1]) War with Russia, p. 198.

[2]) Изъ донесеній пограничной стражи. Арх. Морск. Мин., 1854 г. Канц. Мин.

шеніи недостатка въ трофеяхъ, въ особенности въ началѣ кампаніи, не было [1]).

Эскадра попрежнему оставалась раздѣленной на три части, изъ которыхъ дивизія Корри оставалась въ Готскомъ проливѣ, дивизія Плумриджа крейсеровала въ Ботническомъ заливѣ, нѣсколько судовъ было отправлено на развѣдку Курляндскаго берега, а Непиръ, оставивъ при себѣ 6 линейныхъ кораблей, 2 блокъ-корабля, 2 фрегата и 2 колесныхъ парохода, держался въ западной части Финскаго залива. Смыслъ такого сокращенія послѣдней части эскадры надо искать въ увѣренности англійскаго адмирала, что слабость его силъ сравнительно съ русскимъ флотомъ поможетъ выманить послѣднихъ въ открытое море, въ которомъ Непиръ, несмотря на всѣ недостатки своего флота, разсчитывалъ рѣшительно разбить своего врага [2]). Русскіе, по словамъ англичанъ, не попались на эту удочку и предоставили Непиру крейсеровать безъ дѣла.

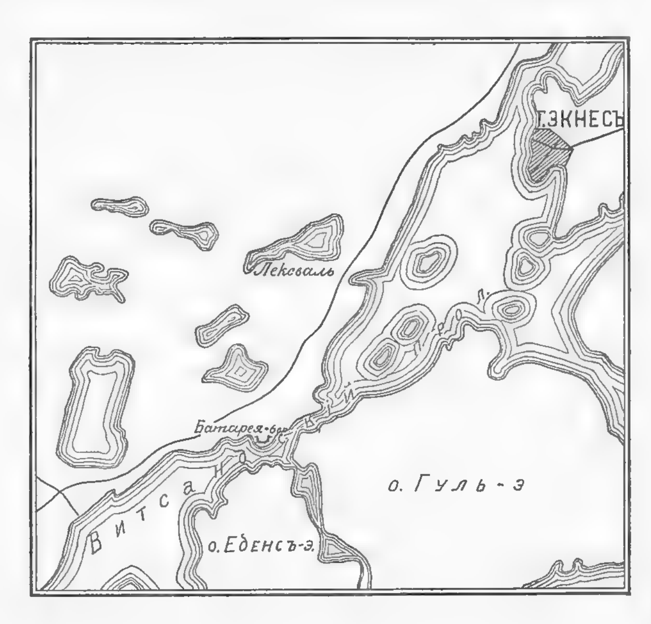


Схема № 58.

Но если большими кораблями, число которыхъ къ этому времени увеличилось еще кораблемъ „Majestic“ [3]), ничего не было предпринято, то малыя суда не бездѣйствовали.

Небольшіе отряды изъ паровыхъ фрегатовъ и другихъ мелкаго ранга судовъ, отдѣленные отъ флота, разсѣялись вдоль всего восточнаго берега Балтійскаго моря и по Финскому заливу, до Ревеля.

---

[1]) „Jusqu'à présent ces coquins d'anglo-français ne font que happer nos vaisseaux marchands et à notre grande honte nous ne pouvons rien leur faire sur mer“, писалъ кн. Долгоруковъ кн. Меншикову 11 апрѣля 1854 г. (Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254).

[2]) Шифр. депеша Унгернъ-Штернберга 27 марта 1854 г., № 78, изъ Копенгагена. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Copenhag. 1854.

[3]) На „Majestic“ было между прочимъ два орудія новаго устройства, стрѣлявшія снарядомъ вѣсомъ въ 74 ф., съ разрывнымъ зарядомъ въ 12 ф. и при дальности въ 4½ версты.

Первые изъ отправленныхъ Непиромъ крейсеровъ назначались къ Либавѣ и Рижскому порту, но они ни разу не подходили подъ огонь нашихъ береговыхъ батарей и ограничивались лишь захватомъ небольшихъ купеческихъ судовъ и грабежемъ скота у прибрежныхъ жителей. Крейсерство около Эстляндскихъ и Лифляндскихъ береговъ носило тотъ же характеръ и имѣло тѣ же результаты.

Тѣмъ временемъ эскадра адмирала Плумриджа въ Ботническомъ заливѣ „совершала дѣла, причинявшія русскимъ значи-„тельные убытки, но приносившія англичанамъ мало славы и „чести" [1]). Напавъ на беззащитные города Улеаборгъ и Брагестадтъ и безнаказанно ихъ опустошивъ, Плумриджъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части. Съ одной онъ лично отправился для поисковъ къ сѣверу, другая же, состоявшая изъ двухъ пароходовъ, подъ начальствомъ капитана Гласса, направилась на югъ и 26 мая подошла къ городку Гале-Карлебю. Первоначально англичане выслали переговорную шлюпку, съ требованіемъ выдачи и истребленія находившихся въ городѣ судовъ. Получивъ отказъ, капитанъ Глассъ направилъ къ Гале-Карлебю 9 баркасовъ, вооруженныхъ каждый однимъ орудіемъ, предполагая, что защитниковъ въ городѣ съ 1700 жителями не много. Тамъ, дѣйствительно, было лишь двѣ роты финляндскаго № 12 линейнаго баталіона, два полевыхъ орудія Выборгской крѣпостной артиллеріи и до ста человѣкъ вооруженныхъ горожанъ. Незначительный отрядъ этотъ, прикрытый мѣстностью и загородными постройками, встрѣтилъ подходившаго непріятеля огнемъ, на который онъ въ свою очередь отвѣчалъ. Часъ спустя, англичане отступили въ полномъ безпорядкѣ, потерявъ барказъ, флагъ, орудіе и 54 человѣка убитыми, 28 плѣнными и 21 ранеными [2]). Послѣ этого Плумриджъ покинулъ Ботническій заливъ, истребивъ, согласно донесенію Непира, 46 судовъ и на 4 милліона рублей запасовъ: дегтя, смолы, дерева и корабельныхъ принадлежностей.

Одновременно съ дѣйствіями въ Ботническомъ заливѣ англійскій флотъ проникъ въ наши Аландскія и Финляндскія шхеры. Отдѣленный Непиромъ отрядъ изъ винтовыхъ фрегата и парохода 7 мая появился на внѣшнемъ Гангутскомъ рейдѣ и, дѣлая

---

[1]) War with Russia, p. 201.
[2]) Рапортъ лейт. Визе.
Донесеніе ген. Рокасовскаго 29 мая 1854 г., № 465. Арх. Морск. Мин. 1854 г., Канц. ген.-адм., д. № 42.

промѣры шедшимъ впереди барказомъ, сталъ медленно подвигаться къ Витсандскому проливу, который велъ къ г. Экенесу [1]). Генералъ Рамзай, завѣдывавшій обороной этой части финскаго побережья, могъ сосредоточить для защиты подступовъ къ городу только роту финскихъ стрѣлковъ, двѣ роты гренадеръ и дивизіонъ батарейной батареи. 50 гренадеръ, подъ командой подпоручика Гюллинга, укрылись на лѣсистомъ берегу у станціи Лапвигъ, гдѣ заливъ наиболѣе суживается, а остальныя части растянулись до станціи Трольбёзе. Въ 4 часа дня, когда непріятель приблизился на 300 шаговъ, Гюллингъ открылъ сильный огонь и, поранивъ большую часть людей на барказѣ, принудилъ его отойти. Но паровыя суда продолжали движеніе впередъ, открывъ огонь гранатами и картечью. Подойдя къ самому узкому мѣсту пролива у острова Гулль-э, непріятель остановился на ночлегъ на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла отъ нашей береговой батареи. Батарея эта была вооружена четырьмя 12-ти фунтовыми пушками, спѣшно направленными туда въ концѣ апрѣля комендантомъ Гангута; за нѣсколько часовъ до боя ихъ усилилъ еще дивизіонъ батарейной батареи. 8-го числа, въ пять часовъ утра непріятель продолжалъ наступленіе. Первоначально береговая батарея дѣйствовала удачно и нанесла противнику вредъ, такъ какъ онъ на цѣлый часъ пріостановилъ свое наступленіе. Но затѣмъ непріятель открылъ сильный огонь изъ всѣхъ орудій лѣваго борта обоихъ судовъ и заставилъ нашу батарею замолчать, а полевыя орудія переѣхать на позицію къ д. Лексваль. Стрѣлки же остались на своихъ мѣстахъ. Англійскій пароходъ началъ продвигаться къ городу, но слѣдовавшій сзади фрегатъ приткнулся къ мели, и пароходъ вернулся къ нему на помощь, прикрываясь отъ огня нашихъ орудій у д. Лексваль корпусомъ захваченнаго имъ судна съ солью. Этимъ собственно и окончилась попытка противъ Экенеса, стоившая намъ убитыми маіора Дергачева и 3 нижнихъ чина и ранеными 6 человѣкъ. Англичане опредѣляютъ свои потери въ 11 человѣкъ [2]).

Все это маленькое дѣло выросло на столбцахъ европейской печати въ блестящій подвигъ англичанъ, разбившихъ и разогнавшихъ цѣлые полки русскихъ войскъ и взявшихъ съ сильной

---

[1]) См. схему № 58, стр. 1217.

[2]) Всеподд. отчетъ ген.-адм. за 1854 г. М. Бородкинъ: „Война на Финскомъ побережьѣ въ 1854—1855 гг.“ The Baltic Campaign. War with Russia, и друг.

батареи у Витсанда три орудія. Въ дѣйствительности же былъ захваченъ съ купеческаго судна одинъ фальконетъ, служившій тамъ для салютаціонной стрѣльбы.

Эскадра адмирала Шарръ, при которой находился и Непиръ, 8 мая подошла къ Гангутскому полуострову и бросила якорь внѣ сферы огня нашихъ передовыхъ укрѣпленій. Непиръ доносилъ, что на берегу, кромѣ фортовъ, нами было возведено множество прекрасно маскированныхъ батарей [1]). Онъ полагалъ, что разрушить эти форты и завладѣть батареями было не трудно, но, въ виду невозможности удержать ихъ, рекомендовалъ отказаться отъ такого предпріятія. Изъ Лондона адмиралу телеграфировали, что правительство присоединяется къ мнѣнію Непира, но общественное мнѣніе страны не понимаетъ выгоды сохраненія въ цѣлости русскихъ укрѣпленій и считаетъ это болѣе славнымъ дѣломъ, чѣмъ всю экспедицію адмирала Плумриджа противъ жалкихъ рыбаковъ и невооруженныхъ городовъ. Вслѣдствіе ли этой переписки или же, какъ доносилъ Непиръ, вслѣдствіе рѣшенія исполнить желаніе молодыхъ офицеровъ пострѣлять противъ Гангутскихъ фортовъ, но 10 мая англійскія суда произвели на нихъ нападеніе.

А между тѣмъ укрѣпленія Гангута въ дѣйствительности представляли изъ себя нѣсколько устарѣлыхъ гранитныхъ верковъ шведскихъ временъ, расположенныхъ на материкѣ и на островахъ. Назначенный туда въ апрѣлѣ комендантомъ подполковникъ Моллеръ донесъ, что онъ нашелъ „инженерныя работы въ самомъ „жалкомъ состояніи“, а гарнизонъ былъ силою въ 25 офицеровъ и 1187 строевыхъ нижнихъ чиновъ. Императоръ Николай также считалъ Гангутъ очень слабо укрѣпленнымъ и не предполагалъ, чтобы онъ могъ долго противостоять непріятелю, а потерю его считалъ не важной [2]). Англичане атаковали передовые форты Густавсъ-вернъ и Густавсъ-Адольфъ [3]), каждый двумя пароходо-фрегатами. Мы на ихъ огонь могли отвѣчать съ перваго только огнемъ двухъ орудій и со второго огнемъ одного орудія. Непріятельскія суда подошли очень близко къ обоимъ фортамъ, но не могли, несмотря на сильный огонь, заставить форты замолчать. Послѣ пятичасовой стрѣльбы два парохода, получивъ поврежденія, должны были уйти, а пароходо-фрегатъ сѣлъ на ка-

---

[1]) The Baltic Campaign. War with Russia, p. 204.

[2]) Императоръ Николай — кн. Варшавскому 11 мая 1854 г. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[3]) См. схему № 59, стр. 1221.

мень и могъ сняться только на другой день утромъ. Попытка англичанъ высадиться на одномъ изъ маленькихъ острововъ и приступить къ постройкѣ на немъ батареи также не увѣнчалась успѣхомъ; работы были срыты, и англичане прогнаны. Такъ кончилась для насъ съ потерею 9 нижнихъ чиновъ ранеными атака Гангута, на которую, по словамъ Непира, англійскіе офицеры рвались съ неимовѣрной отвагой.

Честь состязанія трехъ устарѣлыхъ крѣпостныхъ орудій съ четырьмя пароходо-фрегатами въ присутствіи сильной эскадры принадлежитъ престарѣлому коменданту Гангута, подполковнику Моллеръ, раненому еще въ Бородинскомъ сраженіи, и 70-ти лѣтнему артиллерійскому капитану Семенову. Первый сумѣлъ влить геройство въ душу маленькаго гарнизона, а второй, будучи комендантомъ острова Густавсъ-верна, отвергъ предложеніе находившихся въ составѣ нашихъ войскъ финскихъ офицеровъ выкинуть бѣлый флагъ и заставилъ отступить непріятельскія суда. Государь щедро наградилъ обоихъ. Подполковникъ Моллеръ былъ сразу произведенъ въ генералъ-маіоры.

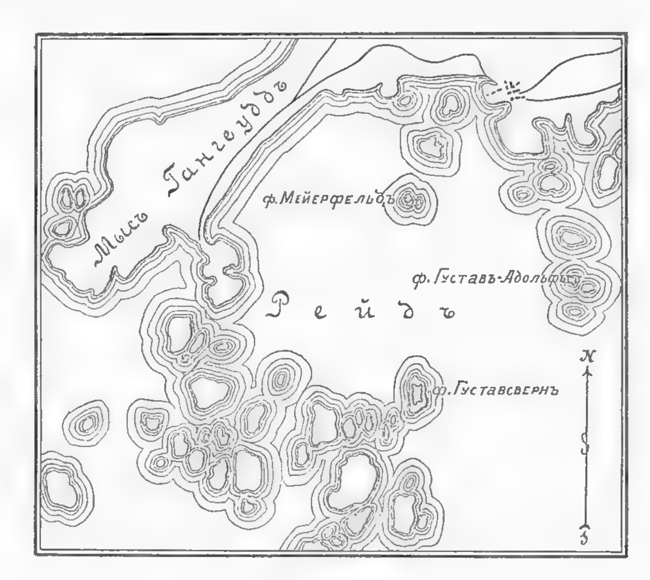


Схема № 59.

Послѣ неудачи у Гангута англійскій флотъ направился къ Свеаборгу [1]).

Между тѣмъ французская эскадра адмирала Парсеваль-Дешенъ съ трудомъ изготовлялась въ Брестѣ къ плаванію. Такъ какъ Императоръ Наполеонъ настаивалъ на скорѣйшемъ выходѣ въ море, то 8 (20) апрѣля эскадра покинула Брестъ, будучи въ

---

[1]) Всеподд. отчетъ ген.-адм. за 1854 г. Рапортъ к.-адм. Глазенапа ген.-адм. отъ 15 мая 1854 г. Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 259. Письмо офицера съ „St-Jean d'Arc". The Baltic Campaign, и друг.

полномъ некомплектѣ. Только на трехъ корабляхъ было полное число экипажа, на остальныхъ же не хватало ни людей, ни продовольствія, ни одежды, и эскадрѣ пришлось остановиться въ портѣ Deal, чтобы хоть нѣсколько привести себя въ порядокъ [1]). 9 (21) мая адмиралъ Парсеваль прибылъ въ Киль, гдѣ французскія суда видѣлъ нашъ консулъ Кудрявцевъ и свидѣтельствовалъ объ очень плохомъ ихъ состояніи [2]). 30 мая (11 іюня) французская эскадра вошла въ Финскій заливъ, а 1 (13) іюня соединилась съ адмираломъ Непиромъ въ проливѣ Боре-зундъ, въ 30 верстахъ юго-западнѣе Гельсингфорса [3]). Туда же въ началѣ іюня прибыла и эскадра Плумриджа, оставивъ для наблюденія за Ботническимъ заливомъ 4 парохода. Всего въ Боре-зундскомъ проливѣ собралось союзнаго флота, по русскимъ источникамъ, 65 судовъ, преимущественно большого ранга, по англійскимъ—47 и по французскимъ—80 судовъ, имѣвшихъ 3652 орудія [4]). Но фактически этотъ большой флотъ не представлялъ изъ себя одного цѣлаго, такъ какъ начальствованіе надъ нимъ не было объединено въ рукахъ одного лица.

Дѣятельность союзныхъ эскадръ послѣ соединенія ихъ въ Боре-зундѣ закипѣла. Винтовые фрегаты и пароходы разсѣялись, одни по Парклаудскимъ шхерамъ для изслѣдованія мѣстности и для поисковъ за лоцманами, другіе на пространствѣ между Парклаудомъ, Наргеномъ, Вульфомъ и входомъ въ Свеаборгъ. Они занимались промѣрами, постановкой вѣхъ, которыя очень часто снимались прибрежными жителями, и описаніемъ береговъ. Болѣе серьезнымъ занятіемъ флота было артиллерійское ученіе и по временамъ крейсерство значительныхъ отрядовъ передъ входомъ въ Свеаборгъ и къ юго-западу отъ острова Наргенъ. Сдѣлавъ Парклаудъ главнымъ операціоннымъ пунктомъ своего флота, непріятель не обнаруживалъ никакого намѣренія къ нападенію на Ревель и тѣмъ болѣе на Свеаборгъ.

Нашъ флотъ оставался въ полномъ недоумѣніи относительно того плана, которымъ союзники задались въ своей Балтійской

---

[1]) Киселевъ—канцлеру 9 (21) мая 1854 г., № 42, изъ Брюсселя. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Paris, 1854.

[2]) Рапортъ Кудрявцева канцлеру 16 (28) мая 1854 г., № 56, изъ Гамбурга. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 14.

[3]) L. Guérin, p. 173. War with Russia, p. 203.

[4]) Особаго разногласія въ этихъ цифрахъ нѣтъ: такъ, французы считаютъ всю силу союзнаго флота, а англичане не принимаютъ въ расчетъ присоединившуюся эскадру Плумриджа и вообще стараются уменьшить силу своего флота.

экспедиціи [1]). Да и не мудрено, такъ какъ опредѣленнаго плана у нихъ еще не составилось.

8 іюня Непиръ послалъ въ Лондонъ длинный рапортъ о томъ, что было сдѣлано флотомъ, и докладывалъ о возможности сосредоточить всю эскадру вблизи Свеаборга, но что касается до входа туда, то, по его словамъ, это было немыслимо, такъ какъ крѣпость могла быть взята лишь сильнымъ отрядомъ, занявшимъ острова своей могущественной артиллеріей. Адмиралъ видѣлъ три способа дѣйствій для своего флота: 1) оставаться все лѣто въ Боре-зундѣ и ограничиться блокадой Финскаго залива, что, конечно, не понравилось бы англійскому народу; 2) итти въ Кронштадтъ, предложить русскимъ бой, котораго, разумѣется, они не примутъ, и въ такомъ случаѣ атаковать эту крѣпость, что Непиръ считалъ немыслимымъ, и 3) захватить Аландскіе острова. Это послѣднее было болѣе всего по душѣ англійскому адмиралу, но адмиралъ Парсеваль считалъ занятіе Аландскихъ острововъ не цѣлесообразнымъ, атаку же Бомарзунда безъ достаточнаго числа войскъ просто дѣломъ невозможнымъ. Ему болѣе всего хотѣлось появиться передъ Кронштадтомъ и этимъ нашумѣть на всю Европу. Непиръ присоединился къ своему товарищу, и прогулка къ Красной Горкѣ была рѣшена. Въ отвѣтъ на отправленный въ Лондонъ рапортъ Непиръ получилъ неопредѣленное увѣдомленіе, что если онъ рѣшитъ воздержаться отъ какого-либо рискованнаго предпріятія, то, по возвращеніи въ Боре-зундъ, онъ получитъ инструкціи объ атакѣ Аландскихъ острововъ [2]).

Неопредѣленныя и отчасти даже трусливыя дѣйствія союзниковъ, лѣниво крейсеровавшихъ и подходившихъ къ берегамъ лишь на короткое время и въ незначительныхъ силахъ, дали возможность нашей гребной флотиліи и въ особенности состоявшимъ при ней пароходамъ переходить съ мѣста на мѣсто черезъ открытые плесы для лучшаго ихъ распредѣленія по оборонѣ шхеръ. Въ худшемъ положеніи находилась бригада гребной флотиліи, сосредоточенная у Або, такъ какъ пароходы, къ ней приписанные, при открытіи навигаціи не успѣли прибыть въ Або, въ виду ранняго входа въ Финскій заливъ непріятельскаго флота. Однако, попривыкнувъ немного къ дѣйствію союзниковъ, отрядъ этихъ пароходовъ успѣлъ совершить смѣлый переходъ изъ Свеаборга

---

[1]) Всеподд. отч. ген.-адм. за 1854 г.
[2]) The Baltic Campaign.

въ Або на виду непріятельскихъ крейсеровъ и усилить оборону этого пункта и прилегающихъ шхеръ [1]).

12 іюня большая часть непріятельскаго флота, подъ личнымъ начальствомъ Непира, въ составѣ 15 винтовыхъ и 4 парусныхъ кораблей, 14 винтовыхъ фрегатовъ и пароходовъ и любительской яхты подошли къ острову Сескаръ [2]). Въ Кронштадтѣ приготовились къ отраженію атаки. Другая значительная часть судовъ союзнаго флота, преимущественно парусныхъ, осталась на якорѣ у Парклауда, а прочіе крейсеровали у входа въ Ревель, Свеаборгъ и поддерживали сообщеніе между отдѣльными эскадрами. 14 іюня эскадра Непира подошла къ Красной Горкѣ и продержалась здѣсь до 23 числа, разыскивая мины, которыя будто бы были разбросаны передъ Кронштадтомъ, и дѣлая промѣры. Однако, ни одно судно не подходило къ нашимъ батареямъ ближе 6-7 верстъ. 23-го Непиръ ушелъ отъ Сескара обратно къ Парклауду, донеся своему правительству о невозможности атаковать Кронштадтъ безъ поддержки сухопутной арміи. Сигналъ къ отплытію привелъ, по словамъ англійскихъ историковъ, въ ярость союзный экипажъ [3]).

Этой прогулкой собственно и окончились всѣ угрозы непріятельскаго флота Кронштадту, Свеаборгу и Ревелю въ 1854 году. Позднѣе появлялись передъ ними лишь отдѣльные крейсера, которые, впрочемъ, не мѣшали даже нашему парусному флоту въ свою очередь выходить на крейсерство до Красной Горки и острова Сескара, что имѣло мѣсто 10 іюля, 4 и 21 августа [4]). Впрочемъ даже и такое пассивное пребываніе англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ принесло намъ очень много вреда. Въ ожиданіи прихода десантныхъ войскъ мы боялись уменьшить число войскъ на Балтійскомъ побережьѣ и этимъ увеличить наши силы на западной и южной границахъ. „Здѣсь флоты отошли за „Свеаборгъ и покуда ничего не предпринимали“, писалъ Государь князю Варшавскому [5]). „Выжидаютъ ли они десантныхъ войскъ, „намъ положительно неизвѣстно, и по этой неизвѣстности не смѣю „оголять Курляндіи“.

Союзники же, не рѣшаясь предпринять на Балтійскомъ морѣ что-либо серьезное, сознавали въ то же время необходимость

---

[1]) Арх. Морск. Мин. за 1854 г. Канц. ген.-адм. и всеподд. отчетъ за 1854 г.

[2]) Донесеніе зав. тел. съ Сойкиной горы 13 іюня, № 95. Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 130.

[3]) The Baltic Campaign. War against Russia pp. 326 a. 327.

[4]) Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 209.

[5]) Отъ 27 іюня 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 9.

ознаменовать чѣмъ-нибудь кампанію 1854 года на этомъ театрѣ войны. Выборъ ихъ, какъ это уже было видно изъ приведенныхъ выше переговоровъ, долженъ былъ остановиться на занятіи Аландскихъ острововъ и взятіи Бомарзунда—единственная цѣль, которую они считали соотвѣтствовавшею своимъ силамъ.

Мы уже говорили о томъ, что представляли изъ себя укрѣпленія Аландскихъ острововъ [1]). Широко задуманныя въ двадцатыхъ

Схема № 52.

годахъ прошлаго столѣтія, они къ началу кампаніи представляли изъ себя лишь пятую часть проектированнаго и не имѣли никакой возможности противостоять правильной осадѣ. На главномъ островѣ Аландскаго архипелага былъ построенъ береговой фортъ, обезпечивавшій Бомарзундскій проливъ и прикрывавшій съ сѣверной стороны образуемый здѣсь рейдъ [2]). Фортъ этотъ состоялъ изъ

---

[1]) См. томъ I.
[2]) См. схему № 52, стр. 1225.

каменной двухъэтажной сводчатой оборонительной казармы на $2\frac{1}{2}$ тысячи человѣкъ, имѣвшей 115 амбразуръ. Кромѣ того, были построены три башни. Двѣ изъ нихъ на томъ же островѣ для обстрѣливанія подхода къ Бомарзундскому проливу съ сѣвера и подступовъ къ форту съ запада на случай произведенной непріятелемъ высадки. Третья башня находилась на островѣ Престъ-э и вмѣстѣ съ главнымъ фортомъ предназначалась для обстрѣливанія Бомарзундскаго пролива. Построенные форты не имѣли взаимной обороны, а мѣстность вблизи нихъ образовала массу мертвыхъ пространствъ, способствовавшихъ безнаказанному приближенію къ нимъ атакующаго.

Уже во время самой кампаніи для усиленія обороны была возведена южнѣе главнаго форта еще одна береговая батарея, вооруженная четырьмя полевыми орудіями.

Въ предвидѣніи войны съ союзниками въ Бомарзундъ было доставлено 139 орудій, изъ которыхъ на вооруженіе форта пошло 66 орудій и на вооруженіе трехъ башенъ 46 орудій, а остальныя остались, за отсутствіемъ лафетовъ, лежать на дворѣ крѣпости. Гарнизонъ состоялъ изъ 42 офицеровъ и 1942 нижнихъ чиновъ, въ числѣ которыхъ было много ссыльныхъ, штрафованныхъ и евреевъ. Комендантомъ крѣпости былъ 60-ти лѣтній полковникъ Бодиско, не обладавшій ни широкой боевой подготовкой, ни особой энергіей, ни особыми умственными способностями, но всегда отличавшійся усердіемъ по службѣ и благородствомъ чувствъ [1]).

Бодиско, такъ же какъ и коменданты остальныхъ крѣпостей, получилъ для руководства въ своихъ дѣйствіяхъ особую инструкцію, составленную комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича. Въ основу этой инструкціи легло предположеніе, что Бомарзундъ можетъ подвергнуться лишь нападенію непріятельскаго флота, безъ высадки войскъ, а потому коменданту было предложено ограничиться исключительно обороной укрѣпленій.

Исходя изъ этихъ предположеній, гарнизонъ Бомарзунда не былъ своевременно увеличенъ, а позднѣе, когда стало извѣстнымъ направленіе союзниками въ Балтійское море сильнаго отряда десантныхъ войскъ, то увеличить его не представлялось возможнымъ, такъ какъ море находилось въ рукахъ непріятеля. Впрочемъ,

---

[1]) М. Бородкинъ: „Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережьѣ".

въ іюлѣ мѣсяцѣ Императоръ Николай сдѣлалъ попытку направить на усиленіе Аландскихъ острововъ сорокъ канонерскихъ лодокъ и нѣсколько пароходовъ, но они подошли къ Або въ то время, когда сообщеніе съ островами было окончательно прервано непріятельскимъ флотомъ, и участія въ борьбѣ принять не могли [1]).

Первыя дѣйствія противъ Аланда относятся къ 9 іюня, когда командиръ англійскаго пароходо-фрегата „Гекла", капитанъ Халль, имѣя подъ своей командой еще два винтовыхъ 48 орудійныхъ фрегата, рѣшилъ произвести, по собственной инициативѣ, рекогносцировку Бомарзунда. Раздобывъ финляндскаго лоцмана, капитанъ Халль въ пять часовъ вечера подошелъ къ крѣпости съ южной стороны и началъ атаку, обративъ весь огонь на временную 4-хъ орудійную батарею, которую къ восьми часамъ вечера ему удалось сбить. Послѣ этого суда начали подвигаться далѣе на сѣверъ, къ главному форту, на который обратили огонь своихъ дальнобойныхъ орудій. Фортъ безмолвствовалъ, пока суда не подошли на близкую дистанцію; тогда гарнизонъ открылъ огонь калеными ядрами. Пожаръ на одномъ изъ фрегатовъ, подбитая корма другого судна и раздробленное колесо парохода заставили непріятеля удалиться, не сдѣлавъ форту никакого существеннаго поврежденія.

Донося о своемъ подвигѣ, капитанъ Халль увѣрялъ, что если немедленно воспользоваться достигнутымъ успѣхомъ, то Аландскими островами можно завладѣть почти безъ потерь [2]). Непиръ же, донося объ этомъ дѣлѣ въ Лондонъ, называлъ поступокъ Халля сумасшедшей выходкой и присовокуплялъ, что наши форты далеко не пострадали такъ сильно, какъ объ этомъ доносилъ храбрый капитанъ. Въ Лондонѣ преждевременное нападеніе на Бомарзундъ также было встрѣчено несочувственно; тамъ боялись, чтобы оно не послужило для насъ толчкомъ для усиленія гарнизона Аландскихъ острововъ [3]).

Между тѣмъ донесенія Непира о невозможности для союзнаго флота предпринять что-либо противъ Свеаборга и Кронштадта заставили правительства западныхъ державъ остановиться на овладѣніи Бомарзундомъ, такъ какъ „пребываніе союзныхъ

---

[1]) Истор. обзоръ дѣйств. шхерной флот. въ 1854 г. Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 558.

[2]) Рапортъ кап. Халль. War with Russia, pp. 204, 205.

[3]) Mr Earp. The Baltic Campaign.

„флотовъ въ Балтійскомъ морѣ должно быть ознаменовано какимъ-„нибудь результатомъ“.

Мнѣніе Непира, что завладѣть Аландскими островами возможно лишь при содѣйствіи 10-ти тысячнаго десанта, заставило Императора Наполеона отправить въ Балтійское море, въ дополненіе къ имѣвшейся на судахъ морской пѣхотѣ, еще особый отрядъ въ 6 тысячъ человѣкъ [1]). Во главѣ этихъ десантныхъ войскъ былъ поставленъ генералъ Барагэ-д'Илье, бывшій до того времени посломъ въ Константинополѣ. Несогласіе тамъ съ лордомъ Редклифомъ, а также желаніе вознаградить стараго генерала за его несбывшееся ожиданіе стать во главѣ восточной арміи, остановило на немъ выборъ Наполеона. Начальникомъ инженеровъ былъ назначенъ генералъ Ніель.

Между тѣмъ Балтійская эскадра союзниковъ, въ составѣ 42 кораблей, отплыла 6 іюля изъ Борезунда къ Аланду и 9 іюля прибыла къ Ледзунду, очень удобному рейду между островомъ Лемландомъ (Аландской группы) и множествомъ мелкихъ островковъ къ югу и къ западу отъ перваго. Сюда же прибыли эскадры Корри [2]) и Плумриджа. 10-го суда Корри получили назначеніе наблюдать за русскимъ флотомъ въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, эскадра Плумриджа отрѣзать Аландскіе острова отъ Або, а адмиралъ Шадъ со своими судами долженъ былъ ихъ блокировать. Съ этой минуты сообщеніе съ Бомарзундомъ было прервано, и до его паденія мы не имѣли оттуда никакихъ свѣдѣній.

Послѣдній, кто далъ вѣсть объ осажденномъ гарнизонѣ, былъ адъютантъ военнаго министра ротмистръ Шеншинъ, отправленный туда Государемъ для раздачи наградъ за бомбардированіе 9 іюня и для врученія коменданту послѣднихъ инструкцій. Въ нихъ указывалось, въ случаѣ невозможности удержать фортъ, вывести гарнизонъ, взорвать укрѣпленія, истребить запасы и повредить орудія. Для отступленія дѣлалось три предположенія: или перейти въ башни, или уйти внутрь острова и начать партизанскую войну, или, наконецъ, скрытно переправиться въ Або, если успѣютъ подойти канонерскія лодки и пароходы. Всѣ эти предположенія исходили, какъ видно, изъ увѣренности, что непріятель нападетъ на Бомарзундъ съ моря, а съ суши станетъ дѣйствовать лишь небольшая часть вооруженныхъ матросовъ.

---

[1]) L. Guérin считаетъ 10 тысячъ.

[2]) Адм. Корри отсюда отбылъ по болѣзни въ Англію и его эскадра была передана Мартини.

Шеншинъ, исполнивъ свое порученіе, покинулъ Аландъ, переодѣтый рыбакомъ, и черезъ Швецію вернулся въ Петербургъ. „Бѣдный гарнизонъ Аланда", писалъ онъ графу Орлову по возвращеніи въ Петербургъ [1]), „выдерживаетъ, можетъ быть, „послѣдній натискъ. Погибнетъ онъ съ честью, но погибнетъ; и то, что для него были батареи, тѣмъ ему суждено „быть для Россіи — сначала полезная, хотя и временная защита, а потомъ неизбѣжная жертва. При всей слабости недоконченныхъ Аландскихъ укрѣпленій, внутреннія кирпичныя „стѣны которыхъ подвержены выстрѣламъ съ моря, они въ „продолженіе мѣсяца сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе двухъ „соединенныхъ флотовъ и тѣмъ, можетъ быть, приносятъ относительную пользу".

18 іюля въ Балтійское море прибылъ отрядъ генерала Барагэ-д'Илье, и союзники сосредоточили противъ Бомарзунда до 13 тысячъ десантнаго войска. Послѣ рекогносцировки нашихъ укрѣпленій былъ собранъ военный совѣтъ для окончательнаго опредѣленія плана предстоявшихъ дѣйствій.

Та часть Аланда, на которой были построены наши укрѣпленія, граничилась на западѣ рядомъ озеръ, отдѣлявшимъ остальную, большую часть острова. Барагэ-д'Илье поставилъ себѣ первоначальной цѣлью отрѣзать наши сообщенія съ островомъ, для чего надо было занять существующія черезъ озера переправы у деревень Кастельхольма и Зунда, а также деревню Сиби, прикрывавшую короткій перешеекъ между озерами и моремъ. Во исполненіе этого плана были намѣчены для высадки два пункта: на сѣверѣ, у д. Хальта должны были высадиться 900 англичанъ и 2 тысячи французской морской пѣхоты, послѣ чего они начинали наступленіе къ Бомарзунду, съ цѣлью занять перешеекъ между д. Сиби и моремъ, далѣе продвинуться къ озеру Перносъ, около деревни того же наименованія, и отсюда войти въ связь съ французами, которые должны были наступать съ юга отъ Танвика. Второй пунктъ для высадки былъ намѣченъ на югѣ отъ Бомарзунда, около полуострова Танвикъ, на который французскія войска высаживались одновременно съ восточной, южной и юго-западной сторонъ. Отсюда они направлялись на Нона-Финби и Содра-Финби, гдѣ входили въ связь съ отрядомъ, высадившимся

---

[1]) Н. В. Шеншинъ — гр. Н. А. Орлову. С.-Петербургъ, 8 августа 1854 г. Русск. Арх., 1863 г.

у Хальта, и высылали авангарды къ Кастельгомской и Зундской переправамъ.

26 іюля (7 августа) эта диспозиція была утверждена, и союзники начали свою безпрепятственную высадку, а 27-го десантныя войска перешли къ деревнямъ Финби, въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, и этимъ завершили полное ея обложеніе. Генералъ Бодиско [1]) совершенно не препятствовалъ такому движенію, очиствивъ заблаговременно береговую батарею на 4 орудія, вновь возстановленную послѣ бомбардировки 9 іюня, и двѣ батареи, поставленныя на дорогѣ у д. Финби.

Видя, что гарнизонъ заперся въ укрѣпленіяхъ, союзники рѣшили овладѣть ими, начиная съ башни С [2]), расположенной на командующихъ высотахъ, по дорогѣ отъ главнаго форта на д. Финби. Эта казематированная двухъярусная башня стояла совершенно одиноко, при чемъ мѣстность благопріятствовала скрытнымъ подступамъ атакующаго. Она была вооружена лишь 10 орудіями и имѣла гарнизонъ въ 140 человѣкъ.

Еще 27 іюля французы пытались взять башню, но атака ихъ была отбита. Тогда они начали строить батареи и обстрѣливать башню, при чемъ для гарнизона былъ особенно пагубнымъ навѣсный огонь. Наша артиллерія первоначально успѣшно боролась съ непріятелемъ и днемъ разрушала фортификаціонныя работы, сдѣланныя французами за ночь. Тѣмъ не менѣе къ 1 августа союзникамъ удалось получить перевѣсъ въ артиллерійскомъ огнѣ, и башня была такъ повреждена, что ежеминутно можно было ожидать взрыва порохового погреба. Комендантъ башни просилъ помощи у генерала Бодиско, но, не получивъ ея, разрѣшилъ въ ночь на 2 августа гарнизону уходить въ главный фортъ, а самъ съ 30-ю нижними чинами остался приготовить все къ взрыву башни. Не успѣвъ въ этой работѣ, онъ 2 августа былъ захваченъ въ плѣнъ. Впрочемъ, 3 августа башня была разрушена нашими снарядами съ главнаго форта.

Паденіе башни С явилось для союзниковъ большимъ шагомъ впередъ при осадѣ Бомарзундскихъ укрѣпленій. Они вслѣдъ за этимъ обратили свои дѣйствія противъ сѣверной башни у Нотвика. Она была вооружена 18 орудіями и имѣла гарнизонъ изъ 3 офицеровъ и 181 нижняго чина. Большее число орудій дѣйствовало

---

[1]) Онъ былъ произведенъ въ генералы за бомбардировку 9 іюня.
[2]) См. схему № 52а, стр. 1231.

къ сторонѣ моря, а союзники повели атаку со стороны высотъ, противъ которыхъ башня могла стрѣлять только изъ нѣсколькихъ орудій. Союзники дѣйствовали съ разстоянія въ 900 шаговъ изъ двухъ англійскихъ батарей — открытой пушечной, вооруженной шестью 32 фунтовыми орудіями, и маскированной мортирной. Обстрѣливали башню и корабли, но огонь ихъ не приносилъ никакого вреда. Нашъ огонь, по свидѣтельству англичанъ, наносилъ имъ весьма существенныя потери, но къ вечеру 3 августа въ башнѣ была пробита такая брешь, что она грозила развалиться и придавить защитниковъ. Дальнѣйшее сопротивленіе было безполезно, отступленіе было невозможно, такъ какъ французы отрѣзали башню отъ главнаго форта, и вечеромъ защитниками былъ выкинутъ бѣлый флагъ.

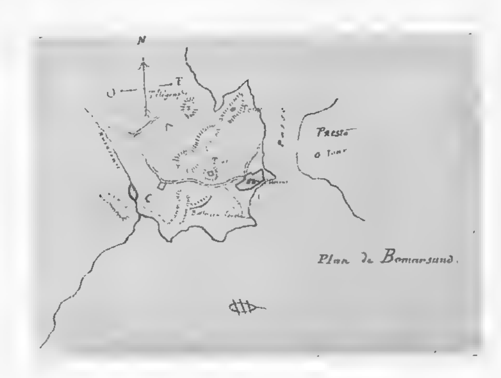


Схема № 52а.

Въ то время, какъ десантныя войска дѣйствовали противъ башенъ С и Нотвикской, флотъ громилъ главный Бомарзундскій фортъ первоначально огнемъ 8 судовъ, а послѣ взрыва башни С перекрестнымъ огнемъ съ 16 судовъ съ южнаго и сѣвернаго плесовъ. Со стороны моря фортъ представлялъ наибольшую силу и до 3 (15) августа успѣшно боролся съ непріятелемъ, повредивъ нѣсколько его судовъ и понеся самъ относительно незначительныя поврежденія. Но послѣ паденія обѣихъ башенъ, союзники окружили своими батареями фортъ со стороны суши, откуда онъ представлялъ меньшую силу и по своей постройкѣ не могъ противостоять огню тяжелыхъ мортиръ. 3 (15) августа, въ день тезоименитства Наполеона, всѣ суда флота и сухопутныя батареи съ утра открыли непрерывный огонь по Бомарзунду и поддерживали его цѣлый день. Впрочемъ, этотъ восьмичасовой огонь около 800 орудій не причинилъ существеннаго поврежденія форту. Тогда въ теченіе ночи французы возвели въ 500 шагахъ отъ капонира новую батарею въ шесть орудій со спеціальной цѣлью пробить брешь. Фортъ напрягалъ послѣднія усилія въ борьбѣ, но сосредоточенный огонь съ моря и съ суши и въ особенности дѣйствія мортиръ дѣлали дальнѣйшее пребываніе въ немъ защитниковъ невозможнымъ и дальнѣйшее сопротивленіе

безполезнымъ. 4 августа, въ часъ дня, генералъ Бодиско поднялъ, по рѣшенію собраннаго имъ военнаго совѣта, бѣлый флагъ, и фортъ сдался со всѣмъ гарнизономъ. Генералъ Барагэ-д'Илье оставилъ, въ воздаяніе оказаннаго защитниками мужества, коменданту и офицерамъ ихъ шпаги.

Въ нашихъ рукахъ оставалась еще башня, на островѣ Престъ-э, вооруженная 21 орудіемъ и имѣвшая 141 человѣка гарнизона. Она сначала помогала башнѣ Нотвикъ, но вскорѣ огонь непріятельскихъ кораблей заставилъ ее обратить вниманіе на собственную оборону. Съ 9 часовъ утра 4 (16) августа три англійскихъ судна спеціально принялись за разрушеніе башни Престъ-э, а трехтысячный десантъ высаживался на островѣ. Черезъ два часа пострадавшія суда отступили, нанеся башнѣ самыя незначительныя поврежденія. Тѣмъ временемъ на главномъ фортѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ. Гарнизонъ башни все-таки рѣшилъ не сдаваться. Но, получивъ приказаніе коменданта о сдачѣ и видя приближеніе къ башнѣ значительнаго числа непріятельскихъ судовъ и десанта, комендантъ Престъ-э сдался, поставивъ побѣдителямъ свои условія, которыя и были приняты.

Вся наша потеря за время осады состояла изъ 53 убитыхъ и 36 тяжело раненыхъ. Союзники, по ихъ свѣдѣніямъ, потеряли 120 человѣкъ. Подпоручикъ Гаделли, посланный на Аландъ послѣ оставленія его англо-французами для собиранія свѣдѣній о паденіи Бомарзунда, опредѣляетъ наши потери въ 150 человѣкъ, а потери союзниковъ отъ 300 до 400 человѣкъ [1]). Кромѣ того, союзники понесли большія потери отъ холеры. Къ концу августа они лишились отъ этой болѣзни до 1300 человѣкъ [2]).

Англичане предложили Швеціи вступить во владѣніе Аландскими островами, но, получивъ отказъ, взорвали 20 августа башни Нотвика и Престъ-э, а 22-го числа и главный фортъ. 2 сентября послѣдній непріятельскій отрядъ покинулъ островъ Аландъ, и тамъ вновь водворилась русская власть. Плѣнный гарнизонъ былъ отправленъ въ Англію и Францію. Послѣ заключенія мира комендантъ и офицеры были преданы суду за сдачу крѣпости. Судъ призналъ, что бѣлый флагъ былъ выкинутъ только въ виду безполезности дальнѣйшаго сопротивленія и вслѣдствіе крайней

---

1) Арх. Морск. Мин. 1854 г., Инсп. Деп., д. № 130.
2) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Copenh., 1854.

необходимости, и что гарнизонъ исполнялъ свои обязанности по долгу чести и присяги [1]).

Взятіе Бомарзунда было единственнымъ реальнымъ успѣхомъ союзниковъ на Балтійскомъ морѣ, и потому они постарались придать своему успѣху видъ занятія чуть ли не первоклассной русской крѣпости. Это было единственное средство оправдать въ глазахъ общественнаго мнѣнія, какъ безрезультатное плаваніе въ теченіе цѣлаго лѣта большого союзнаго флота въ Балтійскомъ морѣ, такъ и безцѣльное отправленіе туда 12-ти тысячнаго французскаго десанта.

Хотя генералъ Барагэ-д'Илье и получилъ за Бомарзундскую экспедицію маршальскій жезлъ, но это не помогло, и вскорѣ вся Балтійская экспедиція представилась въ Англіи и Франціи во всей своей ничтожной дѣйствительности [2]).

Что касается до Петербурга, то паденіе Аландскихъ укрѣпленій не произвело въ немъ сильнаго впечатлѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно о прибытии въ Балтійское море десантныхъ войскъ, участь этихъ укрѣпленій была рѣшена. Они могли противостоять, и то съ трудомъ, атакѣ съ моря, но не съ суши. Единственную попытку, которую предполагали сдѣлать для усиленія обороны Аландскихъ укрѣпленій, это намѣреніе отправить туда отрядъ канонерскихъ лодокъ. Но и это намѣреніе, какъ извѣстно, не было приведено въ исполненіе, такъ какъ къ тому времени, когда предназначенныя для этой цѣли лодки сосредоточивались къ Або, путь къ Аланду былъ уже отрѣзанъ непріятельскимъ флотомъ. „Союзный десантъ уже подошелъ къ Аланду", писалъ Государь князю Меншикову [3]). „Гарнизонъ въ добромъ духѣ и, „я надѣюсь, продержится дней десять; потомъ, что Богъ опре„дѣлитъ. Говорятъ, что намѣреніе, овладѣвъ Аландомъ, атаковать „насъ въ Свеаборгѣ и здѣсь. Увидимъ и на милосердіе Божіе

---

[1]) Всепод. отчеты военнаго и морского министерствъ за 1854 г.

Донесеніе подпор. Гаделли. Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 130.

Депеша Дашкова изъ Стокгольма 12 (24) августа 1854 г., № 92 и Кудрявцева изъ Гамбурга отъ 10 (22) августа 1854 г., № 103. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Stokholm и Hambourg, 1854 г.—М. Бородкинъ: „Война 1854—1855 г., на Балтійскомъ побережьѣ". L. Guérin: Histoire de la dernière guerre de la Russie.—War with Russia,—The Balt. Camp.,—War ag. Russia и друг.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и генералъ-адъютантъ Короля прусскаго Ведель, бывшій въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ съ миссіей отъ Короля. (Донесеніе гр. Бенкендорфа военному министру 27 сентября (9 октября) 1854 г., № 153, изъ Берлина. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 3).

[3]) Отъ 20 іюля (1 августа) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 42.

„надѣемся спокойно“. Послѣ паденія Бомарзунда Государь увѣдомлялъ Меншикова, что „Аландъ палъ съ честью“ [1]); военный же министръ присовокуплялъ, что, по его мнѣнію, онъ могъ держаться дольше и принести больше вреда непріятелю [2]).

Подвигами у Аландскихъ острововъ собственно закончилась активная дѣятельность непріятельскаго флота на Балтійскомъ морѣ. 10 августа часть эскадры подходила къ Або, но, встрѣченная огнемъ батареи острова Рунсала и канонерскихъ лодокъ [3]), ушла въ море [4]). Послѣ этого англійскій флотъ долго стоялъ передъ Ревелемъ, но также не предпринялъ ничего серьезнаго. Французская эскадра вскорѣ послѣ взятія Бомарзунда покинула Балтійское море, а Непиръ, несмотря на приказаніе изъ Лондона атаковать Свеаборгъ съ моря, не рѣшился этого сдѣлать. Что касается до Ревеля, то Непиръ находилъ его настолько сильно занятымъ, что „атаковать его со стороны моря было дѣломъ опаснымъ“ [5]). Съ 16 сентября непріятельскій флотъ началъ частями оставлять Финскій заливъ [6]), посылая все-таки крейсера на востокъ до острова Гогланда. Въ концѣ ноября изъ Балтійскаго моря ушли послѣднія непріятельскія суда. Непиръ вернулся въ Лондонъ, гдѣ былъ принятъ весьма холодно, и получилъ предписаніе спустить свой флагъ. Балтійская кампанія вызвала сильное негодованіе общественнаго мнѣнія, которое укоряло стараго адмирала въ бездѣйствіи, а этотъ послѣдній въ свою очередь укорялъ лондонское адмиралтейство въ отсутствіи какой-либо подготовки операціи [7]).

Петербургъ не волновался отъ присутствія вблизи столицы многочисленнаго союзнаго флота. Жизнь шла все тѣмъ же обыденнымъ темпомъ, а Петергофъ и Ораніенбаумъ были наполнены дачниками, какъ и въ обыденное мирное время. Присутствіе въ Петергофѣ Государя и вѣра въ Кронштадтъ сдѣлали свое дѣло. Для дачнаго общества явилось, впрочемъ, новое развлеченіе—ѣздить на пароходахъ въ Кронштадтъ, производить съ патріотическими манифестаціями объѣздъ нашихъ судовъ или же совершать пикники на Красную Горку, откуда былъ виденъ непріятельскій флотъ.

---

[1]) Отъ 16 (28) августа 1854 г. Тамъ же.

[2]) Кн. Долгоруковъ—кн. Меншикову 28 августа 1854 г. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 4254.

[3]) Военный министръ — кн. Варшавскому 13 августа 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин., 1854 г., секр. д. № 88.

[4]) См. схему № 60, стр. 1235.

[5]) The Baltic Campaign.

[6]) Арх. Морск. Мин., 1854 г., Инсп. Деп., д. № 130.

[7]) Кудрявцевъ—канцлеру 25 октября 1854 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, карт. Hambourg. 1854.

Онъ сначала внушалъ посѣтителямъ чувство любопытства съ примѣсью нѣкотораго страха, позднѣе только одно любопытство, а потомъ и совсѣмъ пересталъ интересовать кого-либо.

Но на ряду съ этимъ спокойнымъ состоянiемъ части нашего общества русскiй народъ очень близко принималъ къ сердцу свершавшiяся событiя. Говоръ въ Москвѣ неумолкаемо требовалъ драться, итти напроломъ; на большихъ дорогахъ ямщики читали газеты, въ деревняхъ лакеи интересовались новостями. Общество встрепенулось, и его интересъ къ политической жизни началъ проявляться въ многочисленныхъ запискахъ, стихахъ, письмахъ

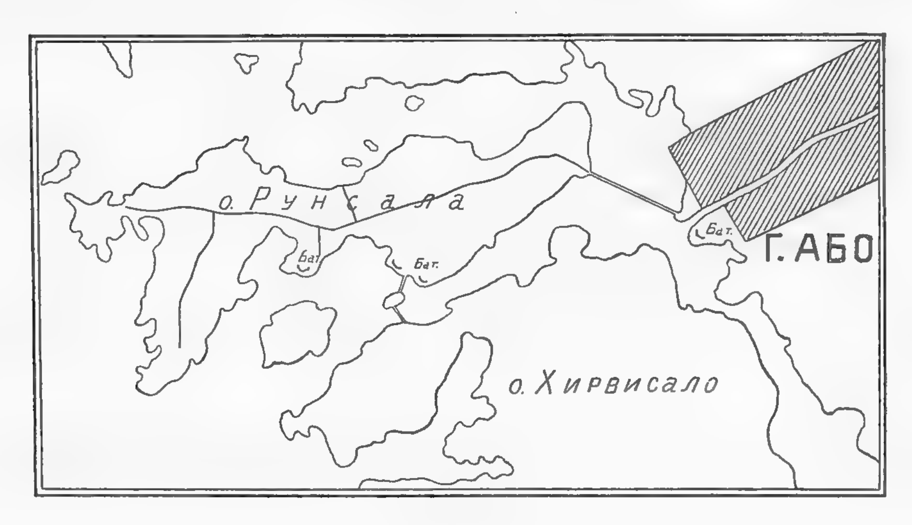


Схема № 60.

профессоровъ, унтеръ-офицеровъ, крестьянъ. Чувствовалось, что возбужденiе охватило всѣ уголки Россiи и потребуетъ какого-либо выхода. Народъ былъ до того наэлектризованъ, что готовъ былъ пожертвовать всѣмъ своимъ достоянiемъ по первому требованiю Царя... И многiе удивлялись уступчивости Государя... Между нимъ и Россiей стояла стѣна ближайшихъ его сотрудниковъ, въ которыхъ онъ уже переставалъ вѣрить, но которые все-таки не дали возможности Государю почувствовать настоящее бiенiе пульса его народа, столь схожаго съ мыслями и волей самого Царя.

Въ то же время часть русскаго общества, тяготившаяся направленiемъ внутренней политики Императора Николая, высказывала мнѣнiе, что съ нагрянувшими бѣдами слѣдуетъ бороться привлеченiемъ къ дѣятельности общественныхъ силъ, которыя

выдвинутъ вверхъ лучшихъ дѣятелей съ благородными стремленіями. „Мы утратили“, писалось въ ихъ лагерѣ, „довѣріе къ „нашей непобѣдимости, къ обилію нашихъ средствъ и къ самой „твердости характера нашего Государя... Но во всякомъ случаѣ „мы дешево не уступимъ, и чѣмъ сильнѣе пораженіе, тѣмъ глубже „восчувствуемъ его и тѣмъ сильнѣе воспрянемъ“. Въ тяжелыхъ внѣшнихъ испытаніяхъ видѣли залогъ будущихъ либеральныхъ преобразованій. „Временные успѣхи запада“, говорили они, „не останутся для насъ безъ пользы: они укажутъ намъ ошибки наши въ „прошедшемъ и лучшіе пути въ будущемъ, внеся въ народъ новыя „понятія, новыя требованія и сознаніе своей самостоятельности“.

Внутреннее состояніе Государя за это время читателю видно изъ тѣхъ многочисленныхъ писемъ Императора Николая, которыя приводятся въ настоящемъ трудѣ.

По внѣшности же онъ попрежнему казался спокойнымъ. Все такъ же прямо и величественно держался онъ при публикѣ, голова его попрежнему плавно и привѣтливо склонялась въ отвѣтъ на нижайшіе поклоны толпы, и на выходахъ онъ такъ же спокойно и громко разговаривалъ о малозначущихъ предметахъ и шутилъ. Но желтое, исхудалое лицо Государя обличало, по свидѣтельству очевидцевъ, кипѣвшія въ душѣ его скорбь и раздраженіе [1]). „Угрожаютъ намъ все десантами, то на Аландъ, то на „Гельсингфорсъ, то сюда“, писалъ Императоръ Николай князю Меншикову [2]). „Мы, по возможности, вездѣ готовы; это тре„вожное состояніе довольно хлопотно и тяжело... Канальство „австрійцевъ продолжается и ставитъ насъ въ самое затрудни„тельное положеніе... Но здѣсь никто не унываетъ; одному мнѣ „и распорядителямъ тяжело“.

III.

Осенью 1853 года, еще до разрыва съ западными державами, въ воды дальняго Востока были посланы нами фрегаты „Аврора“, „Діана“ и „Паллада“, корветъ „Оливуца“, шхуна „Востокъ“ и транспорты „Кн. Меншиковъ“ и „Двина“. Они предназначались для защиты устья Амура и береговъ Камчатки и

---

[1]) Изъ записокъ стараго преображенца кн. Имеретинскаго. Русск. Арх., 1884 г. Изъ записокъ К. Н. Лебедева. Русск. Арх., 1888 г. Воспоминанія кн. Эмилія Витгенштейна. Русск. Стар., 1900 г. Воспоминанія ген.-адъют. Аркаса. (Рукопись) и проч.

[2]) Отъ 10 (22) іюля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г., секр. д. № 42.

везли туда боевые припасы. Эти небольшія, разбросанныя въ разныхъ пунктахъ Тихаго и Индійскаго океановъ, суда внушили Англіи опасеніе за ея торговлю и сообщенія съ Индіей, Китаемъ и Австраліей, почему была сформирована эскадра контръ-адмирала Прейсъ, которой было поручено слѣдить за русскими судами.

Тяжелое положеніе нашихъ моряковъ въ водахъ дальняго Востока началось еще до окончательнаго разрыва между Россіей и западными державами.

Адмиралъ Прейсъ при встрѣчѣ съ нашими судами въ портахъ прибѣгалъ къ обычнымъ у англичанъ мѣрамъ обезвреживанія непріятнаго ему сосѣда. Чувствуя, что война возгорится, онъ не считалъ необходимымъ считаться съ Россіей и потому прибѣгалъ къ попыткамъ обезоружить наши суда, не выпускать ихъ изъ портовъ и проч. Такое поведеніе англичанъ заставило нашихъ моряковъ быть осторожными, избѣгать съ ними встрѣчи, и этимъ собственно суда наши спаслись отъ вѣрной гибели, такъ какъ извѣстіе о войнѣ было получено эскадрой адмирала Прейса на три мѣсяца раньше, чѣмъ узнали объ этомъ наши моряки.

Вспыхнувшая война обуяла страхомъ англійскія колоніи и въ особенности Индію. Наши разбросанныя малосильныя суда представлялись имъ грозной эскадрой, и пресса преклонялась „передъ „могуществомъ и энергіей Россіи, которая могла такъ далеко отправить свои военные корабли и вызвать тревогу въ двухъ величайшихъ морскихъ державахъ міра“ [1]). Отъ адмирала Прейса общественное мнѣніе требовало уничтожить русскія суда и успокоить колоніи. Его эскадра была усилена еще французскимъ отрядомъ адмирала де-Пуанта, такъ что она представляла силу въ 8 судовъ, вооруженныхъ 258 орудіями.

Контръ-адмиралу Прейсъ не по силамъ было справиться съ возложенной на него задачей. Это былъ человѣкъ, участвовавшій въ молодости своей въ морскихъ бояхъ, но съ тѣхъ поръ не занимавшій чуть ли не сорокъ лѣтъ самостоятельнаго поста. Слабохарактерный, безвольный, онъ находился подъ гнетомъ отвѣтственности за свою эскадру, медлилъ и упустилъ всѣ наши суда.

Въ началѣ іюля „Аврора“ и „Двина“ благополучно достигли Петропавловска, а остальныя присоединились къ отряду адмирала Путятина, охранявшему устья Амура. Обстановка для союзниковъ измѣнилась, имъ приходилось уже атаковать наши суда подъ

---

[1]) War against Russia, p. 351.

прикрытіемъ береговъ, и это такъ подѣйствовало на слабохарактернаго Прейса, что, при подходѣ его эскадры къ Петропавловску, онъ лишилъ себя жизни. Союзники, несмотря на это, рѣшили атаковать Петропавловскъ.

Этотъ незначительный городокъ былъ расположенъ на берегу Авачинской губы, на высотахъ, окруженныхъ съ сѣвера большимъ озеромъ, а съ юга Петропавловской губой. Губернаторъ города генералъ-маіоръ Завойко съ весны началъ принимать мѣры къ оборонѣ порта постройкой батарей и вооруженіемъ ихъ орудіями, привезенными транспортомъ „Двина". 14 іюля было получено извѣстіе о разрывѣ съ западными державами, и тогда Завойко рѣшилъ усилить оборону порта фрегатомъ „Аврора", употребивъ орудія одного борта этого фрегата на вооруженіе батарей [1]).

Ко дню подхода союзной эскадры были вооружены: батарея № 1 на Сигнальной горѣ пятью орудіями — три 36-ти фунтовыхъ и два бомбическихъ 2-хъ пудовыхъ (гарнизонъ 1 оф. и 63 н. ч.); батарея № 2 на Кошкѣ одиннадцатью орудіями — десять 36-ти фунтовыхъ и одно 24-хъ фунтовое (гарнизонъ 1 оф. и 128 н. ч.); батарея № 3 на перешейкѣ въ пять орудій 24-хъ фунтовыхъ (гарнизонъ 1 оф. и 51 н. ч.); батарея № 4 къ югу отъ Петропавловска, у Краснаго Яра на три 24-хъ фунтовыхъ орудія (гарнизонъ 1 оф. и 29 н. ч.); батарея № 5 на лѣвомъ берегу малой губы, противъ перешейка, имѣвшая пять старыхъ мѣдныхъ орудій (на этой батареѣ совершенно не было прислуги, и она оставалась въ бездѣйствіи); батарея № 6 на озерѣ изъ четырехъ 18-ти фунтовыхъ и шести 6-ти фунтовыхъ орудій (гарнизонъ 1 оф. и 31 н. ч.), и, наконецъ, батарея № 7 у рыбнаго сарая изъ пяти орудій 24-хъ фунт. кал. съ гарнизономъ въ 49 чел. при 1 офицерѣ. Для отраженія десанта имѣлось еще одно полевое орудіе. На батареяхъ находилось по 37 снарядовъ на орудіе. Кромѣ того, фрегатъ „Аврора" и транспортъ „Двина" были поставлены въ Петропавловской губѣ, за отмелью, своими вооруженными лѣвыми бортами къ морю.

Такимъ образомъ, наиболѣе сильно былъ защищенъ входъ въ Петропавловскую губу, который обстрѣливался батареями №№ 1, 2 и 4, „Авророй" и „Двиной".

Большой недостатокъ ощущался въ гарнизонѣ. Приходилось свезти на берегъ часть судовыхъ командъ, вооружить писарей,

---

[1]) См. схему № 50, стр. 1239.

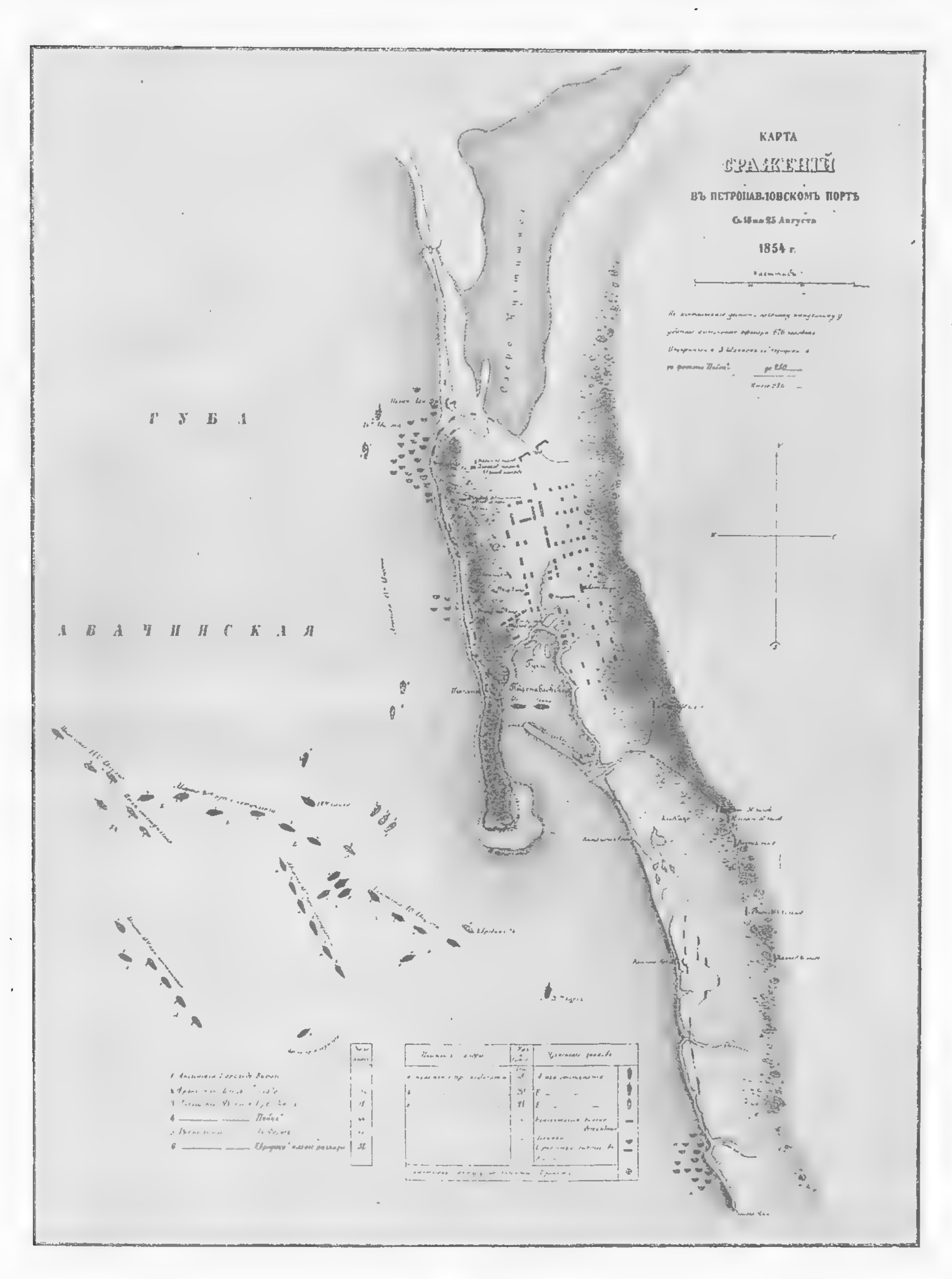

КАРТА
СРАЖЕНІЙ
ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОМЪ ПОРТѢ
Съ 18 по 25 Августа
1854 г.
ГУБА
АВАЧИНСКАЯ
Озеро Култушное

Схема № 50.

чиновниковъ, горожанъ, жителей, и при этомъ условіи набралось всего защитниковъ Петропавловска, включая сюда и экипажи судовъ, 42 офицера и 879 нижнихъ чиновъ и волонтеровъ.

Для отраженія десанта было образовано нѣсколько стрѣлковыхъ и волонтерныхъ отрядовъ, которые генералъ Завойко рѣшилъ держать сосредоточенно въ центрѣ, чтобы имѣть возможность бросить въ томъ направленіи, гдѣ появится десантъ. На батареяхъ было оставлено лишь необходимое количество прислуги. Но этотъ малочисленный гарнизонъ былъ бодръ духомъ и рѣшилъ дорого продать свою жизнь.

17 августа непріятельскій пароходъ подошелъ къ Петропавловску подъ американскимъ флагомъ для производства рекогносцировки, а 18-го эскадра изъ шести судовъ [1]) адмираловъ Прейса и де-Пуанта, вооруженная 204 орудіями, вошла въ Авачинскую губу.

Какъ только она поравнялась съ Сигнальной горой, то была встрѣчена огнемъ батарей №№ 1, 2 и 4, при чемъ до непріятельскихъ судовъ долетали лишь снаряды съ батареи № 1. Отвѣтивъ нѣсколькими безрезультатными выстрѣлами, союзная эскадра отошла изъ-подъ огня береговыхъ батарей и стала на якорь. На слѣдующій день непріятель бездѣйствовалъ, и была лишь незначительная перестрѣлка между англійскимъ пароходомъ и фрегатомъ „Аврора". 20 августа, съ утра было замѣтно у непріятеля приготовленіе къ производству десанта. Генералъ Завойко очень опасался за батарею № 4, которая была удалена отъ остальныхъ укрѣпленій, и на которую за недостаткомъ гарнизона нельзя было отрядить прикрытія.

Однако, 20-го утромъ, ожидая нападенія именно на эту батарею, Завойко расположилъ въ кустахъ между нею и батареей № 2 стрѣлковый отрядъ въ 49 человѣкъ и 18 волонтеровъ. Отрядамъ было приказано не тратить времени на стрѣльбу, а прогонять непріятеля штыками и драться до послѣдней капли крови. „Аврорѣ" и „Двинѣ" также было указано защищаться до послѣдней крайности, а потомъ зажечь суда.

На разсвѣтѣ 20 августа союзный десантъ началъ садиться на суда, и общее движеніе на непріятельской эскадрѣ давало право намъ предполагать, что союзники намѣрены предпринять рѣшительное нападеніе.

---

[1]) Два судна были отдѣлены для охраненія плаванія торговыхъ судовъ.

Въ половинѣ восьмого утра, въ то время, когда на батареѣ № 1 служилось молебствіе, непріятель открылъ по ней сильный огонь, и пароходъ, взявъ на буксиръ фрегаты „Президентъ“, „Фортъ“ и „Пикъ“, началъ приближаться къ Сигнальному мысу. Гарнизонъ, стоявшій на батареяхъ, встрѣтилъ приближеніе противника громовыми криками „ура“. Къ 9-ти часамъ утра непріятельскія суда расположились противъ Сигнальной горы такимъ образомъ, что могли обстрѣливать фронтальнымъ и продольнымъ огнемъ наиболѣе опасную для нихъ вооруженную бомбическими орудіями батарею № 1, не подвергаясь сами огню со стороны остальныхъ нашихъ батарей и судовъ. Батарея наша сильно страдала отъ сосредоточеннаго огня трехъ фрегатовъ и около 11 часовъ утра была нами временно очищена, а команда, занимавшая ее, направлена къ батареѣ № 4.

Въ это время 15 гребныхъ судовъ съ непріятельскимъ десантомъ, численностью около 600 человѣкъ, направились къ мысу, что южнѣе батареи № 4. Генералъ Завойко, видя неминуемую опасность для этой батареи, приказалъ гарнизонъ неатакованныхъ частей уменьшить до послѣдней крайности и все остальное сосредоточить у батареи № 2, чтобы защищать съ этой стороны городъ, въ случаѣ паденія батареи № 4 и наступленія оттуда непріятеля.

Мичманъ Поповъ, командовавшій этой послѣдней батареей, очень удачно дѣйствовалъ по приближавшимся судамъ, но помѣшать высадкѣ не могъ, такъ какъ мѣсто ея было прикрыто отъ его выстрѣловъ. По счастливой случайности самъ Поповъ отъ сильнаго непріятельскаго огня не потерялъ ни одного человѣка. Когда союзники, высадившись, начали съ юга наступать на батарею, то Поповъ, спрятавъ въ заранѣе приготовленное мѣсто оставшійся порохъ, сдѣлалъ еще по одному выстрѣлу изъ каждаго орудія и, заклепавъ ихъ, началъ отступать на сѣверъ въ кусты къ находившимся тамъ стрѣлкамъ. Союзники завладѣли батареей и подняли на ней французскій флагъ, но были быстро прогнаны огнемъ „Авроры“ и „Двины“, послѣ чего покинули берегъ.

Тѣмъ временемъ непріятельскіе фрегаты сосредоточили весь свой огонь на батареѣ № 2, которая мѣшала имъ атаковать наши суда. Князь Максутовъ, командовавшій батареей, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ руководилъ огнемъ, и въ 6 часовъ вечера фрегаты отошли, не имѣя возможности заставить замолчать батарею.

Въ продолженіе этого боя непріятель дѣлалъ нѣсколько попытокъ приблизиться къ батареѣ № 3 и даже высадить вблизи нея десантъ, но всегда былъ удачно отбиваемъ нашимъ огнемъ.

Въ половинѣ восьмого вечера союзники прекратили всѣ свои попытки противъ Петропавловска и стали на якорь внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей. Въ бою 20 августа мы потеряли убитыми 6 нижнихъ чиновъ и ранеными 1 офицера и 12 нижнихъ чиновъ. О потеряхъ союзниковъ иностранные источники умалчиваютъ; по донесенію же генерала Завойко, онѣ превосходили наши, а поврежденія въ ихъ судахъ были „не маловажныя“.

Послѣ этого непріятельская эскадра три дня бездѣйствовала по непонятнымъ причинамъ. Нѣкоторые источники объясняютъ это тяжелымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на экипажъ самоубійствомъ адмирала Прейса, другіе—нерѣшительностью французовъ, третьи—нерѣшительностью англичанъ. Вѣрнѣе же всего бездѣйствіе союзниковъ можно объяснить неожиданнымъ сопротивленіемъ, оказаннымъ гарнизономъ Петропавловска 20-го числа, и предположеніемъ о большей его силѣ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Но 23 августа изъ Петропавловска бѣжало на союзную эскадру нѣсколько американцевъ, которые открыли ничтожную силу нашего гарнизона и батарей, и союзники назначили на 24-е рѣшительную атаку порта. На этотъ разъ они намѣревались попытать счастье съ другой, сѣверной стороны Петропавловска. Гарнизонъ съ своей стороны приготовился къ упорной оборонѣ.

Въ половинѣ шестого утра пароходъ „Вираго“ взялъ на буксиръ оба флагманскіе корабля, „Президентъ“ и „Фортъ“, и поставилъ первый изъ нихъ противъ батареи № 3, а второй противъ батареи № 6. Такимъ образомъ, на сторонѣ непріятеля были большія преимущества. 30 орудій „Президента“ громили 5 орудій совершенно открытой батареи № 3, а 26 орудій „Форта“, совмѣстно съ бомбическими орудіями „Вираго“, дѣйствовали противъ батареи № 6, которая могла отвѣчать только тремя орудіями малаго калибра. Несмотря на такое неравенство силъ, непріятелю дорогой цѣной удалось достигнуть перевѣса въ артиллерійскомъ огнѣ. Въ особенности хорошо дѣйствовала батарея № 3, благодаря геройскому поведенію ея командира лейтенанта князя Александра Максутова. Когда, наконецъ, онъ, сраженный ядромъ, упалъ съ оторванной рукой, то англійскіе матросы привѣтствовали гибель этого героя криками „ура“—такъ много вреда нанесла имъ его батарея.

Послѣ смертельной раны князя Максутова обѣ наши батареи скоро замолчали, и союзники могли безпрепятственно начать высадку десанта, скрытаго до того времени за наружнымъ бортомъ „Вираго“. Десантъ, состоявшій изъ 700 человѣкъ французовъ и англичанъ, въ числѣ которыхъ было 176 человѣкъ избранныхъ карабинеровъ, направился къ двумъ пунктамъ: Никольской горѣ, составлявшей сѣверный оплотъ Петропавловска, и влѣво отъ нея, для обхода этой горы со стороны озера, по тропинкѣ, указанной американскими моряками.

Генералъ Завойко особенно боялся наступленія союзниковъ по тропинкѣ со стороны озера, хотя она и прикрывалась слабой батареей № 5, прислугу которой составляли писаря и прочіе нестроевые. Поэтому всѣ наличныя силы гарнизона онъ рѣшилъ держать вблизи этой батареи и порохового погреба, отрядивъ на Никольскую гору, съ которой можно было отлично дѣйствовать ружейнымъ огнемъ по десанту, лишь 25 лучшихъ стрѣлковъ.

Между тѣмъ наступленіе союзниковъ со стороны озера было остановлено картечнымъ огнемъ батареи № 6, но Никольскую гору имъ удалось занять и, распространившись по хребту, они начали спускаться внизъ къ небольшой кучкѣ резерва, стоявшаго съ генераломъ Завойко у порохового погреба. Казалось, что для Петропавловска пробилъ послѣдній часъ. Но въ это время три наши стрѣлковыя партіи карабкались уже съ разныхъ сторонъ на Никольскую гору и, пользуясь мелкимъ кустарникомъ, скрытно приближались къ зарвавшемуся противнику. Они бросились въ штыки, и непріятель, потерявъ своихъ начальниковъ, обратился въ бѣгство къ своимъ судамъ. Это отступленіе непріятеля было для него ужасно. Преслѣдуемые близкимъ огнемъ, союзники бросались со скалы, чтобы скорѣе достигнуть берега. Особенно досталось имъ отъ 16 камчадаловъ, которые, привыкнувъ бить бобра въ голову, безъ промаха поражали бѣжавшаго врага. „Вираго“ взялъ на буксиръ гребныя суда съ десантомъ и подъ прикрытіемъ огня съ „Президента“ и „Форта“ вышелъ изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ. Около полудня дѣло было покончено съ полной неудачей для союзниковъ.

Наши потери въ этотъ день состояли изъ 31 убитаго нижняго чина и раненыхъ 2 офицеровъ и 63 нижнихъ чиновъ. Англичане считаютъ потери союзниковъ въ 209 человѣкъ. Кромѣ того, намъ достался англійскій флагъ, 7 офицерскихъ сабель и 56 ружей.

Къ 26 августа союзная эскадра была приведена въ порядокъ и покинула мѣсто своей неудачи: англичане направились къ острову Ванкуненъ, а французы отплыли въ С.-Франциско.

Геройское сопротивленіе Петропавловска, подтверждающее старую военную истину, что бодрость духа и желаніе вырвать во что бы то ни стало побѣду изъ рукъ врага всегда берутъ перевѣсъ надъ матеріальной силой, произвело такое впечатлѣніе на союзниковъ, что они въ своихъ донесеніяхъ сравнили Петропавловскъ по силѣ съ Севастополемъ. Николаевская гора представлялась имъ усѣянной батареями, а подступы къ ней фланкированными блокгаузами, которые были вооружены тяжелой артиллеріей. Англичане всю вину свалили на американскихъ матросовъ, давшихъ имъ неправильныя свѣдѣнія о силѣ нашего гарнизона и укрѣпленій. „Будь извѣстны трудность подступовъ и сила „гарнизона", пишетъ одинъ изъ участниковъ [1]), „ни одинъ изъ „офицеровъ не рисковалъ бы своими людьми въ атакѣ, не „имѣвшей ни малѣйшаго шанса на успѣхъ".

Въ Парижѣ и въ особенности въ Лондонѣ Петропавловская экспедиція произвела тяжелое впечатлѣніе, и дѣйствія адмираловъ подверглись жестокой критикѣ. Потерявъ, въ самомъ дѣлѣ, массу времени въ открытомъ морѣ, гдѣ они могли при смѣломъ нападеніи разсчитывать на вѣрный и сравнительно легкій успѣхъ, они проявили нѣкотораго рода энергію при нападеніи на русскій портъ. Но и здѣсь дѣйствія ихъ отличались разрозненностью, нападенія производились съ промежутками въ нѣсколько дней и безъ твердой рѣшимости довести дѣло до конца [2]).

Не обошлось безъ нападенія союзниковъ и на нашу сѣверную границу—прибрежье Бѣлаго моря. Здѣсь единственнымъ пунктомъ,

[1]) War with Russia, p. 106.

[2]) Донесеніе командира фр. „Аврора" ген. Муравьеву 4 сентября 1854 г., № 999, съ приложеніемъ донесеній начальниковъ абордажныхъ командъ. Арх. Морск. Мин., 1854 г. Инсп. Деп., д. № 726.

Донесенія ген. Завойко ген. Муравьеву 5 и 6 сентября 1854 г., №№ 2436 и 2443. Тамъ же, д. № 432.

Рапортъ ген. Завойко генералъ-адмиралу 18 іюля 1854 г., № 2020, и отъ 7 сентября 1854 г., № 2453. Арх. Морск. Мин., 1854 г. Канц. ген.-адм., д. № 14837.

Изъ воспоминаній стараго моряка. Русск. Арх. 1892 г., кн. 2.

Письмо Е. С. Завойко 4 сентября 1854 г. Русск. Арх. 1898 г., кн. 2.

Оборона Петропавловска, контр.-адм. Арбузова.

War with Russia. War against Russia: L. Guérin и др.

Л. Вейнбергъ. Къ исторіи военныхъ событій на дальнемъ востокѣ. Морск. Сборн. за 1898 и 1899 гг.

способнымъ хоть къ какому-либо сопротивленію, былъ Архангельскъ, котораго средства обороны находились въ весьма жалкомъ состояніи. Сухопутный и морской гарнизонъ этого пункта состоялъ всего изъ 93 офицеровъ и около 3800 нижнихъ чиновъ, а вооруженіе изъ 53 орудій старой конструкціи и калибра, не превосходившаго 24-хъ фунтовыхъ пушекъ, пудовыхъ единороговъ и 5-ти пудовыхъ мортиръ.

Въ предвидѣніи войны главный командиръ Архангельскаго порта просилъ о вооруженіи Новодвинской крѣпости, въ которой не было ни лафетовъ, ни станковъ, а также о постройкѣ канонерскихъ лодокъ и о возобновленіи по фарватеру береговыхъ батарей и телеграфовъ. Просилъ онъ и объ увеличеніи гарнизона, но въ этомъ было рѣшительно отказано [1]).

Вслѣдъ за полученіемъ повелѣнія объ усиленіи обороны подступовъ къ Архангельску работы тамъ начались съ неослабной энергіей, подъ руководствомъ главнаго командира Архангельскаго порта контръ-адмирала Бойля.

Новодвинская крѣпость была приведена въ оборонительное положеніе и вооружена 38 орудіями; для обороны же проливовъ и рѣки было устроено 11 береговыхъ батарей, вооруженныхъ 52 орудіями и снабженныхъ всѣми артиллерійскими принадлежностями [2]). Кромѣ того, были построены 20 канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ каждая двумя орудіями [3]). Лодки эти, сосредоточенныя въ наиболѣе важныхъ пунктахъ, служили подкрѣпленіемъ береговымъ батареямъ. Для отраженія вылазокъ была сформирована полевая батарея въ шесть орудій, а для обезпеченія Соловецкой обители отъ разбойничьихъ нападеній туда было отправлено 8 орудій шестифунтоваго калибра, и драгоцѣнности монастыря были вывезены внутрь губерніи. Поморамъ и прибрежнымъ жителямъ было роздано 3000 казенныхъ ружей съ необходимымъ количествомъ патроновъ, и для нихъ были назначены на случай непріятельскаго нападенія сборные пункты. Всѣ остальные прибрежные города были лишены всякихъ средствъ борьбы съ противникомъ [4]).

---

[1]) Главный командиръ Арх. п.—управляющему морскимъ министерствомъ 17 января 1854 г., № 43. Арх. Морск. Мин., 1853 г. Ком. обор. бер., секр. д. № 4.

[2]) 12 орудій — 36-ти фунтоваго калибра, 20 — 18-ти фунтоваго и 10—12-ти фунтоваго.

[3]) 16 орудій — 24-хъ фунтоваго калибра и 24 — 16-ти фунтоваго.

[4]) Арх. военный губернаторъ — военному министру 2 іюня 1854 г., № 1619. Арх. Воен. Уч. Ком., отд. 2, д. № 5519.

Оборона Архангельска. Арх. Морск. Мин., 1853 г. Канц. обор. бер., секр. д. № 4. Тамъ же. Инсп. Деп., 1854 г., д. № 155.

Истор. Арх. порта. Огородниковъ. Морск. Сборн. 1875 г., кн. 12.

Дѣйствительно, съ открытіемъ навигаціи англичане не замедлили отправить къ нашимъ сѣвернымъ берегамъ нѣсколько своихъ судовъ, чтобы и тамъ „напоминать Россіи о могуществѣ Англіи“ [1]). Въ іюнѣ въ Бѣлое море вошли три англійскихъ паровыхъ судна, имѣвшихъ въ общей сложности 57 орудій и 560 человѣкъ экипажа.

Дѣятельность этихъ судовъ состояла въ производствѣ промѣровъ около устья Двины, въ грабежѣ встрѣчаемыхъ купеческихъ судовъ и барокъ, въ незначительныхъ высадкахъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ не было нашихъ войскъ, и въ производимыхъ тамъ пожарахъ и сборѣ продовольственныхъ припасовъ. Противъ Архангельска и Новодвинска англичане рѣшили ничего не предпринимать, находя первый недоступнымъ для ихъ судовъ, а второй сильно укрѣпленнымъ. Дѣйствительной блокады нашихъ береговъ они также до прихода французскихъ судовъ произвести не могли, почему рѣшили попытать счастье противъ беззащитнаго, но наиболѣе лакомаго пункта побережья — Соловецкаго монастыря съ его предполагаемыми богатствами.

6 (18) іюля два англійскихъ винтовыхъ корвета появились на виду монастыря. Архимандритъ Александръ, сдѣлавъ съ чудотворными иконами крестный ходъ по стѣнѣ вокругъ обители и произнеся увѣщаніе всѣмъ живущимъ въ монастырѣ, „предался въ волю Божію“.

Послѣ этого онъ взялъ два 3-хъ фунтовыхъ орудія и съ нѣсколькими охотниками изъ нижнихъ чиновъ, богомольцами и послушниками отправился верхомъ по острову слѣдить за непріятелемъ. Англичане въ этой оригинальной рекогносцировкѣ увидали „множество войскъ и нѣсколько пушекъ, прятавшихся въ „лѣсу“ и, желая заставить развернуться эти внушительныя силы, открыли по нимъ артиллерійскій огонь. Архимандритъ Александръ также сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ своихъ трехфунтовыхъ пушекъ, послѣ чего огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился, такъ какъ, по словамъ англичанъ, они перебили всѣхъ русскихъ артиллеристовъ, и наши „войска“ ушли въ глубину лѣса.

Послѣ этого „главнокомандующій эскадрою ея великобританскаго величества на Бѣломъ морѣ“ капитанъ Омманей прислалъ въ обитель парламентера съ требованіемъ безусловной сдачи въ плѣнъ всего гарнизона съ орудіями и коменданта, такъ какъ съ монастыря стрѣляли по англійскимъ кораблямъ. Настоятель отвѣ-

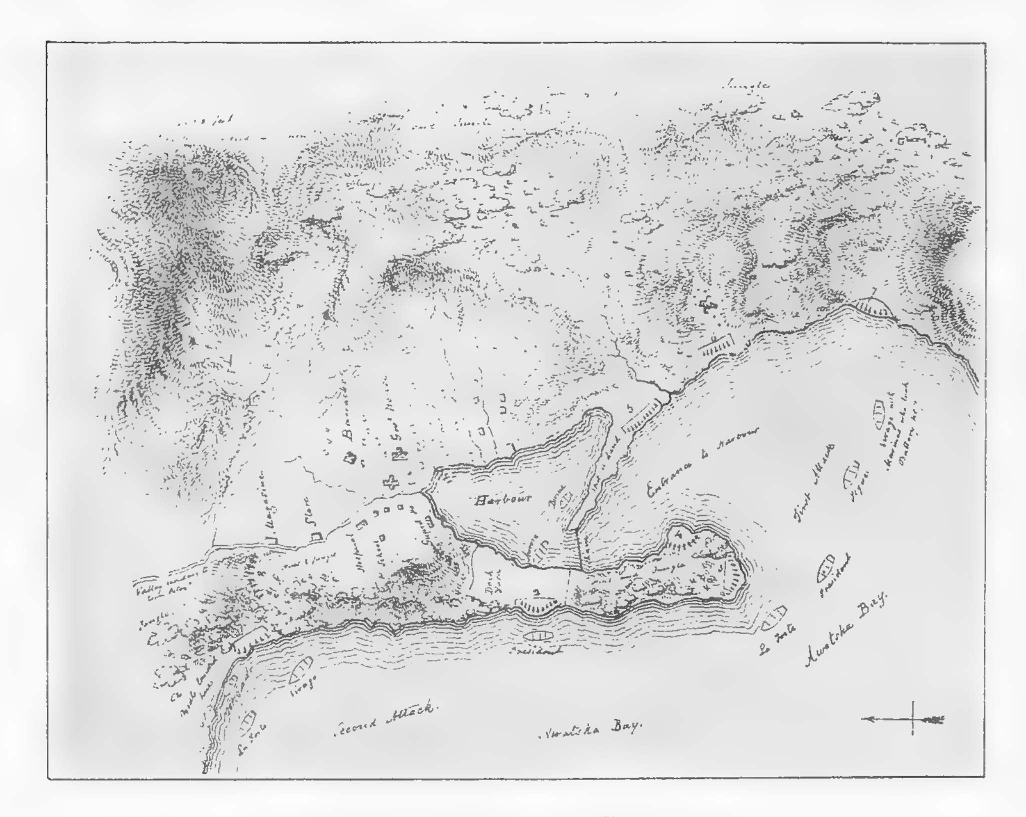
---

[1]) War against Russia. War with Russia.

тилъ, что гарнизона и коменданта въ обители нѣтъ, а есть только инвалидная команда для собственной охраны, поэтому некому и сдаваться въ плѣнъ.

Между тѣмъ въ теченіе ночи фейерверкеръ Другильскій успѣлъ устроить на берегу острова, внѣ монастырскихъ стѣнъ, на пунктѣ, ближайшемъ къ непріятельскимъ фрегатамъ, батарею на три 3-хъ фунтовыхъ орудія.

7 (19) числа англичане начали бомбардировать монастырь и продолжали безпрерывно до пяти часовъ дня. Съ монастырскихъ



Англійскій планъ сраженія у Петропавловска.

стѣнъ отвѣчали восемь 6-ти фунтовыхъ орудій, а братія совершала крестные ходы и непрерывныя богослуженія во всѣхъ церквахъ. Особенныя непріятности, по словамъ англичанъ, имъ доставляла батарея Другильскаго, которая своими мѣткими выстрѣлами заставила фрегатъ отойти дальше отъ берега и тѣмъ уменьшила дѣйствительность его огня противъ монастырскихъ стѣнъ.

Убитыхъ и раненыхъ въ обители не было; изъ построекъ сильно пострадала лишь гостиница, находившаяся внѣ монастыря [1]).

Отъ Соловца англичане отправились въ Онежскій заливъ, гдѣ ограбили островъ Кій и сожгли большое селеніе Пушлахты и часть города Кола, при чемъ нѣсколько десятковъ вооруженныхъ крестьянъ оказывали имъ возможное сопротивленіе, мужество котораго и причиняемыя англичанамъ потери свидѣтельствуются ихъ источниками.

31 іюля въ Бѣлое море прибыли два французскихъ корабля, что дало возможность установить союзникамъ хоть позднюю, но фактическую блокаду нашихъ береговъ. Побывавъ во всѣхъ закоулкахъ Бѣлаго моря, союзники въ концѣ сентября удалились отъ русскихъ береговъ, вызвавъ, на подобіе своихъ товарищей, плававшихъ въ Балтійскомъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ, неудовольствіе согражданъ на безрезультатность экспедиціи. „Но въ „Великобританіи“, говоритъ англійскій историкъ, „господствовали „полумѣры, и въ этомъ заключалось несчастіе нашихъ бравыхъ „моряковъ. Не ихъ вина, что они не справдали всѣхъ надеждъ „своихъ соотечественниковъ. Подъ руководствомъ патріотическаго, „разумнаго и энергичнаго адмиралтейства они сдѣлали бы все „возможное для добраго имени нашей чести и храбрости [2])“.

---

[1]) Арх. Морск. Мин. 1854 г., Инсп. Деп., д. № 329. War against Russia, War with Russia и др.

[2]) War with Russia, p. 249.